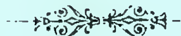
ЛЕКЦІИ и ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПО

ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ
дополнено и поправлено

В. Сергѣевича



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28
1910

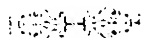
ЛЕКЦІИ и ИЗСЛѢДОВАНІЯ

по

ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ
дополнено и исправлено

В. Сергѣевича



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин.
1910

4090

Изъ предисловія къ третьему изданію

Въ 1883 году были въ первый разъ изданы мною лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Это изданіе обнимало весь курсъ исторіи русскаго права, какой тогда я читалъ студентамъ И. СПБ. Университета, а читалъ я тогда и древнюю и новую исторію права; это продолжалось до начала 90-хъ годовъ, когда профессоръ Латкинъ занялъ освободившуюся, за выслугою мною 30-лѣтняго срока, каѳедру исторіи права. По состоявшемуся тогда между нами соглашенію, В. Н. Латкинъ взялъ на себя чтеніе новой исторіи, а за мной осталась древняя. Въ 90-хъ же годахъ я приступилъ къ изданію древностей, въ которыя вошли многіе вопросы, заключавшіеся въ лекціяхъ и изслѣдованіяхъ, но въ болѣе подробной обработкѣ. Благодаря этому, новое изданіе Лекцій и изслѣдованій должно было получить иной видъ: какъ новая исторія, такъ почти и всѣ вопросы, обработанные въ древностяхъ, въ него не вошли: въ этомъ новомъ видѣ оно и появилось въ свѣтъ въ 1894 году подъ названіемъ лекцій и изслѣдованій по древней

исторіи права. Выпуская нынѣ 3-е изданіе этихъ лекцій и изслѣдованій, я сдѣлалъ въ немъ новыя перемѣны: я выпустилъ отдѣлъ о прямыхъ налогахъ, обработанный въ III т. древностей, пополнилъ нѣкоторые другіе отдѣлы и въ приложеніи напечаталъ статью о договорахъ съ греками X вѣка.

Кромѣ единственнаго моего изданія лекцій и изслѣдованій по исторіи русскаго права, напечатаннаго въ 1883 году, въ 1888 и 1890-мъ появились новыя изданія этого труда подъ моимъ именемъ, но съ большими отступленіями отъ моего. Въ нихъ есть выпуски, сокращенія, большія перестановки и даже прибавки, взятыя изъ моихъ же статей, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ. Я не знаю, кто это сдѣлалъ.

С.-Петербургъ
27 апрѣля 1903 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОЧНИКИ ПРАВА

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

Устройство

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

ГЛАВА ПЯТАЯ
СУДОПРОИЗВОДСТВО

ПРИЛОЖЕНІЕ

ИСТОЧНИКИ ПРАВА

Литература

Эверсъ, Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen, 1814.

Успенскій, Разсужденіе о древности и достоинствѣ законовъ россійскихъ до изданія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Соборнаго Уложенія и сходствѣ сего послѣдняго съ нѣкоторыми прежде бывшими у насъ узаконеніями, 1814.

Митрополитъ Евгеній, Описаніе кіево-софійскаго собора, 1825.

Эверсъ, Das älteste Recht der Russen, 1826.

Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ, 1833.

Строевъ, Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, 1833.

Вингеберъ, Взглядъ на сочиненіе г. Строева объ уложеніи царя Алексѣя Михайловича, 1834.

Морошкинъ, Объ уложеніи и послѣдующемъ его развитіи, 1839.

Рейцъ, Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, 1836.

Баронъ Розенкампфъ, Обозрѣніе Кормчей, 1839.

Неволинъ, Внѣшняя исторія законодательства въ Россіи, 1840 г. (Энциклоп. II-й т.); О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра В., 1847; О собраніяхъ и ученомъ обработываніи церковныхъ законовъ въ Греціи и Россіи, 1859 (Пол. соб. соч. Т. 6).

Григорьевъ, О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами золотой Орды русскому духовенству, 1842.

Рождественскій, Разсужденіе о вліяніи греко-римскаго права на россійскіе гражданскіе законы, 1843.

Тобинъ, Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Geschichte des russischen Rechtes, 1844.

Калачовъ, Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, 1846.

Погодинъ, О договорахъ русскихъ князей съ Греками (Изслѣдованія), 1846.

Рождественскій, Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго законодательства.

Ерлыковъ, Сличенный текстъ губныхъ грамотъ XVI—XVII в. Чтенія II, 1846—47.

Федотовъ-Чеховскій, Рѣчь о формѣ и содержаніи правыхъ грамотъ. 1849. Акты граждан. расправы древн. Россіи. Два тома.

Калачовъ. О значеніи Кормчей, 1850.

Срезневскій, Рядная запись съ печатью XIII в. 1851.

Неизвѣстнаго автора. О первоначальномъ составѣ славянской Кормчей книги. Христ. чтеніе за 1851 г., т. I.

Лавровскій, О византійскомъ элементѣ въ договорахъ Русскихъ съ Греками, 1853.

Срезневскій, О договорахъ кн. Олега съ греками, Изв. Им. Ак. Наукъ по отд. рус. яз. и слов., т. I, стр. 309 и сл., 1852, т. III, стр. 257 и сл., 1854.

Андреевскій, О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами 1270 г., 1855.

Энгельманъ, Гражданскіе законы Псковской судной грамоты, 1855.

Устряловъ, Изслѣдованіе Псковской судной грамоты, 1855.

Пановъ, Изслѣдованіе о Новгородской судной грамотѣ, 1856. (Сборн. студент. Спб. универ.).

Срезневскій, Древнѣйшія договорныя грамоты Новгорода съ нѣмцами 1199 и 1263 г., Изв. Имп. Ак. Н. по отд. рус. яз. и слов., т. VI, стр. 153, 1857.

Чичеринъ, О княжескихъ духовныхъ и докончательныхъ грамотахъ, 1858 (Опыты).

Энгельманъ, Хронологическія изслѣдованія въ области русской и ливонской исторіи въ XIII и XIV стол., 1858.

Киндяковъ, Опытъ ученой обработки купчихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ актахъ юридическихъ, 1855.

Есиповичъ, Литературная обработка и общая характеристика Уложенія 1649 г. Ж. М. Юст. № 1, 1859.

Забѣлинъ, Источники Уложенія. Арх. истор.-юр. свѣд. I, 1859.

Качаловъ, Матеріалы для своднаго Уложенія 1701 г. Арх. ист. и практ. св. кн. V, 1860.

Высоцкій, Уставныя, судныя и губныя грамоты, 1860.

Горбуновъ, Льготныя грамоты, жалованныя монастырямъ, и церквамъ въ XIII, XIV и XV в. Арх. ист. и практ. св. кн. I и V, 1860—61.

Срезневскій, Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, 1862.

Леонтовичъ, Русск. Правда и Литовскій статутъ. Кіев. универ. извѣст. 1855. Прилож. ко II т. Зап. Имп. Ак. Н., № 4.

Зернинъ, А. В. Судьба мѣстничества преимущественно при первыхъ двухъ государяхъ династіи Романовыхъ. Арх. истор.-юрид. свѣд. III, 1861.

Ундольскій, Описаніе рукописей Москов. Синод. библіотеки, Чтен. въ общ. ист. и др. Росс., 1867, кн. 2, и Правосл. Собесѣд. 1860, ч. II, ст. 206—18, 306—38.

Ак. Куникъ, Русско-Ливонскіе акты, 1668.

Дювернуа, Источники права и судъ въ древней Россіи, 1869.

Павловъ, Первоначальный славяно-русскій Номоканомъ, 1869.

Леонтовичъ, Исторія русскаго права, В. I, 1869.

Сокольскій, О договорахъ Олега съ Греками, 1870 (Кіев. унив. изв.).

Владимірскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права, 1872—6.

Самоквасовъ, Истор. русск. права. Вып. I. Литература. Источники. Методъ ученой разработки источниковъ, 1878.

Василевскій, Законодательство иконоборцевъ. Ж. М. Н. Пр., 1878, 10 и сл.

Бережковъ, О торговлѣ Руси съ Ганзой, 1879.

Бѣляевъ, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 1879.

Голубинскій, Исторія русской церкви, т. I, 1880.

Сергѣевичъ, Опыты изслѣдованія обычнаго права, 1882 г. (Наблюдатель, кн. 1 и 2); Греческое и Русское право въ договорахъ съ Греками, 1882 (Ж. М. Н. Пр., кн. 1).

Бѣляевъ, Наказные списки Соборнаго Уложенія 1551 г. или Стоглава, 1863.

Загоскинъ, Уставныя грамоты XIV—XVI в. Вып. 1-й, 1875, 2-й, 1876. Уложеніе ц. и в. к. Алексѣя Михайловича и Земскій соборъ 1648—49, 1879.

Ждановъ, Матеріалы для исторіи Стоглава, Ж. М. Н. П., ч. 186, Отд. II. 1875.

Мейчикъ, Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія 1549 г. Сборн. Археол. инст., кн. III, 1880.

Павловъ, А. «Книги законныя», содержащія въ себѣ, въ древнерусскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные. Спб. 1885.

Ясинскій, М. Н. Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства. Кіевъ. 1889.

Шумаковъ, С. Губныя и земскія грамоты Московскаго государства, Москва. 1895.

Василевскій, В. Критика на «Книги законныя» — въ Журналѣ Мин. Нар. Просв., часть CCXLIII, отд. 2.

Тиктинъ, Н. Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1648 г. и новоуказанныхъ статей. 1898,

Ясинскій, М. Н. Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права. Кіевъ. Вып. первый. 1898.

Владимірскій-Будановъ, Судебникъ 1589 г. Его значеніе и источники. Кіевъ. 1902.

Сергѣевичъ, Русская Правда. 1904.

Внѣшнею исторіею права называется исторія источниковъ.

Подъ источниками права можно разумѣть тѣ силы, которыя производятъ право. Съ этой точки зрѣнія источникомъ права будетъ, напримѣръ, законодательство, какъ сила, создающая законъ. Но подъ источникомъ права можно разумѣть и продуктъ этой силы, въ данномъ случаѣ самый законъ; это на томъ основаніи, что судья беретъ норму для рѣшенія извѣстнаго случая прямо изъ закона, который является для него источникомъ права отдѣльныхъ лицъ.

Эти двѣ точки зрѣнія не исключаютъ, а взаимно пополняютъ одна другую. Второе воззрѣніе имѣетъ дѣло съ готовыми уже нормами, на основаніи которыхъ разрѣшаются сталкивающіяся притязанія сторонъ. Первое идетъ глубже, къ самому источнику этихъ нормъ, и имѣетъ цѣлью показать, какъ возникли эти нормы.

Для историка обѣ точки зрѣнія одинаково обязательны. Онъ не можетъ ограничиться однимъ только собираніемъ нормъ обычнаго или законодательнаго права, онъ долженъ остановиться и на самомъ порядкѣ ихъ возникновенія.

Для исторіи нашего древнѣйшаго, а можетъ быть и всякаго древнѣйшаго права, выясненіе этого порядка имѣетъ особенное значеніе. Продуктовъ дѣятельности созидающихъ право силъ отъ этого времени сохранилось очень немного. Право, дѣйствовавшее въ глубокой древности, вовсе не можетъ быть возстановлено во всей его полнотѣ. Мы можемъ составить себѣ опредѣленное понятіе только о нѣкоторыхъ

сторонахъ древняго юридическаго быта. Этотъ недостатокъ свѣдѣній по древнему праву можетъ быть нѣсколько восполненъ общей характеристикой творческихъ силъ, его созидавшихъ. Очерки самаго права, конечно, не сдѣлаются отъ этого полнѣе; но общее состояніе юридическаго быта значительно выяснится.

Уяснивъ вопросъ, какія въ данное время существуютъ силы, созидающія право, мы этимъ самымъ облегчаемъ себѣ разъясненіе самаго права. Эти силы, созидающія право, въ разное время различны и стоятъ въ связи со всѣмъ бытомъ общества.

Отъ источниковъ права надо различать источники исторіи права. Подъ этимъ послѣднимъ названіемъ разумѣютъ всѣ письменные памятники, въ которыхъ можно найти указаніе на дѣйствовавшее въ извѣстное время право. Сюда относятся, напримѣръ, лѣтописи, разные сборники юридическаго матеріала, разные юридическіе документы, какъ, напримѣръ: судные списки, духовныя завѣщанія, разныя грамоты и пр.

I. Обычай

Самымъ первымъ и самымъ главнымъ въ древности источникомъ права является обычай, какъ творческая сила, и обычное право, какъ продуктъ этой силы.

Подъ обычаемъ во второмъ смыслѣ разумѣютъ такое право, нормы котораго примѣняются къ отдѣльнымъ случаямъ въ силу согласнаго убѣжденія дѣйствующихъ лицъ въ необходимости подчиняться имъ. Имѣя источникомъ согласное убѣжденіе отдѣльныхъ лицъ, обычай не имѣетъ личнаго происхожденія, онъ безличенъ, въ противоположность закону, который всегда издается опредѣленнымъ законодателемъ; обычай выходитъ изъ народа, какъ безличной массы, всѣ такъ думаютъ и всѣ такъ поступаютъ. Будучи безличнымъ, обычай не имѣетъ опредѣленнаго видимаго

начала; мы можемъ замѣтить его существованіе только тогда, когда онъ уже сложился, когда люди уже дѣйствуютъ сообразно съ нимъ. Начичность обычая проявлятся въ томъ, что извѣстныя юридическія дѣйствія совершаются постоянно по единообразной нормѣ. Напримѣръ: вступленіе въ бракъ въ извѣстной мѣстности совершается при соблюденіи извѣстныхъ, постоянно повторяющихся условій и формъ, слѣд., этимъ актомъ управляютъ однѣ и тѣ же нормы. Отъ единообразныхъ дѣйствій, постоянно повторяемыхъ въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ, мы приходимъ къ убѣжденію о существованіи единообразныхъ нормъ, которыя осуществляются въ этихъ дѣйствіяхъ. Чтобы доказать, что въ данное время дѣйствуетъ извѣстный обычай, нужно привести рядъ единообразныхъ дѣйствій, опредѣляемыхъ однимъ какимъ-либо юридическимъ началомъ. Это одинъ способъ. Но если нельзя собрать такого ряда, въ такомъ случаѣ его можетъ замѣнить свидѣтельство достовѣрныхъ людей о дѣйствующихъ въ ихъ время нормахъ права. Если нѣтъ повода думать, что свидѣтельствующее лицо говоритъ ложно, то его показаніе можетъ имѣть совершенно такое же значеніе, какъ и рядъ единообразныхъ дѣйствій.

Теперь займемся другимъ вопросомъ, какъ возникаетъ обычное право? Старая школа говоритъ, что оно возникаетъ изъ привычки поступать извѣстнымъ образомъ. Новая— допускаетъ, что отдѣльный человѣкъ, часто поступая извѣстнымъ образомъ, можетъ, наконецъ, получить привычку дѣйствовать именно такъ, а не иначе, но находитъ совершенно немыслимымъ, чтобы изъ повторенія отдѣльныхъ дѣйствій, въ основѣ которыхъ нѣтъ ничего общаго, могло возникнуть общее народное убѣжденіе о правѣ, а потому считаетъ необходимымъ принять, что въ основѣ согласныхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ лежитъ не только ихъ личное (безсознательное) убѣжденіе, но и общенародное (Пухта). Привычка, съ этой точки зрѣнія, предполагаетъ уже существованіе нѣкоторой общей юридической нормы, лежащей въ сознаніи народа. Эта норма, опредѣляя характеръ дѣй-

ствій отдѣльныхъ лицъ, и созидаетъ обычное право. Сила, производящая обычай, есть, слѣдовательно, народное сознаніе, которому, естественно, соотвѣтствуетъ народное (національное) право.

Такой взглядъ на обычное право сдѣлался достояніемъ нѣмецкой науки, затѣмъ онъ перешелъ и въ нашу литературу.

Рядомъ съ обычаемъ Пухта ставитъ еще два источника права: законодательную дѣятельность и дѣятельность юристовъ. Они, по его мнѣнію, имѣютъ одинъ корень съ обычаемъ. Государственная власть есть только внѣшній органъ для выраженія общей воли народа. Она должна распознать эту общую волю и выразить. Она дѣлаетъ это путемъ законодательства, которое опредѣляетъ въ чемъ состоитъ народное убѣжденіе о правѣ; это опредѣленіе и есть законъ. Дѣятельность законодателя носитъ, сравнительно съ обычаемъ, болѣе формальный характеръ: законодатель не можетъ имѣть своего особаго правового сознанія, онъ беретъ его изъ народнаго духа.

Третій источникъ, ученая дѣятельность юристовъ, представляется на первый взглядъ не народнымъ. Научное убѣжденіе человѣкъ имѣетъ не какъ членъ народа, но какъ особь; такимъ образомъ, народный духъ не является здѣсь творческой силой. Но, говоритъ Пухта, наука права имѣетъ дѣло съ національнымъ предметомъ, поэтому она станетъ только тогда дѣйствительно наукой, когда будетъ разсматривать свой предметъ, какъ народный; это и значитъ разсматривать его «въ его истинѣ».

Только въ этомъ случаѣ наука будетъ имѣть производительную силу. Юристы, если хотятъ имѣть вліяніе на образованіе права, должны дѣйствовать, какъ представители народа.

Такимъ образомъ, всякое право національно, и настоящій его источникъ одинъ—народное убѣжденіе.

Въ послѣднее время является сомнѣніе въ вѣрности такого взгляда на происхожденіе обычнаго права. Онъ предполагаетъ существованіе единаго обычнаго права у

каждаго народа. Въ дѣйствительности же историческіе памятники древнѣйшаго времени не знаютъ обычаевъ, которые были бы дѣйствующимъ правомъ цѣлаго народа; они имѣютъ дѣло съ дробными обычаями отдѣльныхъ мѣстностей, которые являются объединенными въ предѣлахъ одного или нѣсколькихъ племенъ, а никакъ не цѣлаго народа. Нашъ начальный лѣтописецъ различаетъ, напримѣръ, обычаи полянъ отъ обычаевъ древлянъ; у радимичей, вятичей и сѣверянъ онъ находитъ одинъ обычай, но этотъ обычай не во всемъ совпадаетъ съ обычаями двухъ прежде названныхъ племенъ. То же явленіе представляетъ въ древности и Германія. Каждое отдѣльное германское племя живетъ и судится на основаніи своего племенного права. Древніе источники не знаютъ обще-германскаго права, имъ извѣстно только право отдѣльныхъ племенъ: франковъ салическихъ, рипуарскихъ и т. д. Между обычными правами отдѣльныхъ племенъ встрѣчаются нѣкоторыя сходства въ частностяхъ. Но такія отдѣльныя сходства, можно найти и между правами совершенно различныхъ народовъ. Эти сходства, слѣдовательно, нѣтъ надобности выводить изъ единства народнаго духа. Съ дальнѣйшимъ движеніемъ исторіи право отдѣльныхъ германскихъ племенъ объединяется; но это объединеніе вовсе не есть результатъ возникновенія самостоятельнаго обще-германскаго права, которое явилось бы выразителемъ общенароднаго убѣжденія германцевъ; объединеніе достигнуто путемъ побѣды племенного права салическихъ франковъ надъ правами другихъ германскихъ племенъ (Rudolph Sohm, Fränkisches Recht und Römisches Recht, 1880 г.).

Это несоотвѣтствіе съ историческими фактами давно было замѣчено нѣмецкими учеными и вызвало нѣкоторыя поправки къ господствующему ученію. Такъ, напримѣръ, Кирульфъ согласенъ, что въ основаніи обычая лежитъ «общее мнѣніе», но не цѣлаго народа, говоритъ онъ, а «опредѣленнаго круга людей» (Theorie des gemeinen Civilrechts, 1839, стр. 9 и сл.). Эта поправка подрываетъ всю теорію. «Опредѣленный кругъ людей» вѣдь есть нѣчто со-

вершенно неопредѣленное; у этого-то неопредѣленнаго субъекта мы должны предполагать свое общее мнѣніе о правѣ. Откуда же оно? Почему одинъ кругъ людей проникнутъ однимъ общимъ убѣжденіемъ, а другой—другимъ? Сторонники общенароднаго убѣжденія, въ доказательство своей мысли, обращаются къ сравненію: общее убѣжденіе о правѣ, говорятъ они, также точно присуще народу, какъ и народная рѣчь. Въ пользу общаго мнѣнія о правѣ у «опредѣленнаго круга лицъ» нельзя привести даже этого, въ сущности ничего не доказывающаго сравненія.

Древніе памятники, какъ мы видѣли, говорятъ о племенныхъ обычаяхъ. Не слѣдуетъ ли понятіе племени поставить вмѣсто понятія народа (націи) и выводить обычай изъ общеплеменнаго убѣжденія о правѣ? Тоже нѣтъ. Какое-либо убѣжденіе и, слѣдовательно, убѣжденіе о правѣ можетъ имѣть только отдѣльный человѣкъ. Объ убѣжденіи народа или племени можно говорить только, какъ о суммѣ убѣжденій отдѣльныхъ лицъ.

Изъ индивидуальнаго убѣжденія, проявляющагося въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ, и надо выводить обычное право, а слѣдовательно, и первое право, возникшее въ исторіи.

Но обычное право есть нѣкоторая совокупность общихъ нормъ, исполненіе которыхъ считается обязательнымъ; бытіе этихъ нормъ проявляется въ рядѣ единообразныхъ дѣйствій, Какъ же могли возникнуть такія общія нормы изъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, выражающихъ только ихъ индивидуальное убѣжденіе и, можетъ быть, вовсе между собой несогласныхъ?

Общія нормы возникаютъ изъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ не всегда и не непремѣнно, а только при наличности нѣкоторыхъ благопріятныхъ для того условій. Разные люди, при единствѣ интересовъ и сходствѣ условій жизни, могутъ въ одинакихъ случаяхъ поступать одинаково. Одинакіе поступки являются вслѣдствіе сходства характеровъ, потребностей и всей обстановки жизни. Если условія дѣятельности этихъ людей, въ теченіе болѣе или

менѣе продолжительнаго времени, остаются тѣ же, является послѣдовательный рядъ одинакихъ дѣйствій въ одинакихъ случаяхъ. Первоначально эти согласныя дѣйствія совершенно совпадаютъ съ волею дѣйствующихъ лицъ и прямо ею условливаются. Но по мѣрѣ ихъ накопленія, они сами начинаютъ оказывать давленіе на волю и опредѣдять ея направленіе. Этому способствуетъ, съ одной стороны, желаніе оставаться вѣрнымъ самому себѣ (разъ принятому способу дѣйствія), съ другой—примѣръ другихъ людей. Возростающія поколѣнія, прежде чѣмъ начнутъ дѣйствовать самостоятельно, наблюдаютъ дѣйствія старшихъ; ихъ личная воля слагается подъ вліяніемъ установившихся уже способовъ дѣйствія взрослыхъ людей. «Такъ поступали отцы, такъ поступаемъ и мы»,—это общечеловѣческая черта. Нежеланіе выдѣляться своими дѣйствіями изъ среды другихъ людей—имѣетъ весьма важное вліяніе на поступки человѣка. Русская пословица недаромъ говоритъ: впередъ людей не забѣгай, а отъ людей не отставай! или: какъ люди, такъ и мы! Не нами уставилось, не нами и переставится. Обязательность обычая возникаетъ, слѣдовательно, въ силу присущаго человѣку свойства слѣдовать разъ намѣченному пути. Тутъ есть что-то общее съ свойствомъ физическихъ тѣлъ, извѣстныхъ подъ именемъ инерціи.

Итакъ, обычное право возникаетъ благодаря дѣйствію двухъ силъ. Во-первыхъ, индивидуальнаго сознанія насущныхъ интересовъ человѣка, подъ вліяніемъ котораго опредѣляется тотъ или другой способъ его дѣйствій. Это начало самоопредѣленія (автономіи). Въ его основѣ—личный интересъ, личное усмотрѣніе о томъ, что должно быть при данныхъ условіяхъ, а не отвлеченная идея правды или справедливости. Но самоопредѣленіе само по себѣ не творитъ еще обычнаго права. Изъ него возникаютъ только отдѣльныя дѣйствія, извѣстная практика. Если дѣйствія личной воли разныхъ лицъ будутъ одинаковы въ одинаковыхъ случаяхъ и ихъ накопится значительная масса, возникаетъ вторая

сила, побуждающая всѣхъ знающихъ о существованіи извѣстнаго образа дѣйствія, извѣстной практики — дѣйствовать также (Adickes 52, 90). Это инертная сила обыкновенія. Образъ дѣйствія, избранный нѣкоторыми, всегда болѣе энергичными людьми, становится общею нормою, обычаемъ, благодаря тому, что другіе привыкаютъ, болѣе или менѣе пассивно, дѣйствовать также. Нѣкоторая практика переходитъ въ повальный обычай потому, что путемъ пассивнаго подражанія дѣйствіямъ передовыхъ людей слагается убѣжденіе о необходимости всѣмъ дѣйствовать именно такъ, а не иначе.

Обычай идетъ не отъ общаго, а отъ индивидуальнаго убѣжденія, но становится болѣе или менѣе общимъ. Говоримъ «болѣе или менѣе» потому, что убѣжденіе каждаго, исполняющаго обычай, въ истинности, справедливости и разумности его основаній вовсе не нужно для дѣйствія обычая. Нужно только общее убѣжденіе въ необходимости дѣйствовать согласно съ господствующей практикой. При этомъ условіи люди будутъ подчиняться обычаю, хотя лично тотъ или другой изъ нихъ можетъ и не имѣть соотвѣтсвующаго убѣжденія. «Повальный обычай, что царскій указъ», говоритъ русская пословица, т.-е. обычай также обязателенъ, также связываетъ волю, какъ и указъ. Но исполненіе указа не стоитъ въ зависимости отъ личныхъ убѣжденій исполняющаго о правѣ и справедливости. Точно также и исполненіе обычая — обязательно, независимо отъ того, убѣжденъ ли исполняющій въ его пригодности или нѣтъ. «Противъ обычая не спорь!» говоритъ другая пословица, т.-е. исполняй обычай, хотя бы онъ казался и неумѣстнымъ.

Наличность соотвѣтствующаго убѣжденія всѣхъ и каждаго не есть необходимое условіе дѣйствія обычая. Но отсутствіе такого убѣжденія есть зерно разрушенія сложившагося обычая. Люди слабые будутъ дѣйствовать по обычаю, хотя и не убѣждены въ его цѣлесообразности; наоборотъ, люди энергическіе могутъ

возстать противъ пассивнаго подчиненія обычаю, не соотвѣтствующему ихъ воззрѣніямъ. Дѣйствуя по-своему, изо дня въ день нарушая обычай, они могутъ положить начало образованію новаго обычая, который съ теченіемъ времени и при наличности благопріятныхъ условій, можетъ вытѣснить старый. «На обыкъ есть перевыкъ», говоритъ русскій народъ; или «быкъ, да и тотъ отвыкъ!»

Возникновеніемъ обычнаго права изъ индивидуальнаго усмотрѣнія, путемъ навыка, объясняются и многія особенности этого права. Обычное право возникаетъ не въ народѣ (нація) и даже не въ племени, а въ каждой группѣ людей, ведущихъ совмѣстную жизнь и имѣющихъ возможность влять другъ на друга своими дѣйствіями. «Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай», говоритъ русская пословица, или еще рѣзче: «у Сидора обычай, а у Карпа—свой». Эти пословицы выражаютъ всемірный фактъ. Ограничимся еще только однимъ примѣромъ. Во Фландріи, говоритъ Варнкönигъ (385), до самаго присоединенія ея къ Французской республикѣ не было общихъ обычаевъ; эта страна знала только мѣстныя права. Такъ называемое jus commune Flandriae, до введенія римскаго права, состояло изъ нѣкоторыхъ общихъ основныхъ началъ, которыя совершенно также встрѣчаются и во всѣхъ другихъ странахъ».

Эти явленія, необъяснимыя съ точки зрѣнія общенароднаго убѣжденія, совершенно понятны съ нашей. Если условія жизни не одинаковы, то въ предѣлахъ одного и того же народа и даже племени могутъ возникнуть разные обычаи. Объединеніе ихъ возможно только послѣ долгой совмѣстной исторической жизни и при наличности особенно благопріятныхъ для того условій. Если такихъ условій не будетъ, исторія одного и того же народа и даже болѣе мелкихъ, племенныхъ и мѣстныхъ его подраздѣленій должна будетъ имѣть дѣло съ совершенно разными началами права. Наоборотъ, при сходствѣ условій жизни, сходные обычаи могутъ возникнуть у народовъ вовсе не родственныхъ и не

имѣвшихъ случая оказывать какое либо вліяніе другъ на друга.

Если обычай идетъ отъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, то, понятно, что первыми дѣятелями обычнаго права были люди энергическіе и сильные, а первоначальное обычное право—правомъ сильнаго. При отсутствіи общественныхъ учрежденій, которыя опредѣляли бы права частныхъ лицъ и охраняли ихъ, опредѣленіе и охраненіе правъ въ началѣ исторіи было дѣломъ частнаго усмотрѣнія. Въ то время, какъ слабый человѣкъ поневолѣ долженъ былъ уступать сильному, сильный мстилъ за нанесенную ему обиду и обращалъ слабаго врага въ рабство. Это институты древнѣйшаго права, но это право есть право сильнаго и безправіе слабаго. Кто отъ природы былъ поставленъ въ наименѣе благопріятныя условія, чтобы отстаивать свою личность, тотъ имѣлъ право лишь на столько, на сколько это нравилось сильному. Въ связи съ этимъ, во всѣхъ первоначальныхъ обществахъ, стоитъ зависимое положеніе женщинъ и почти безправое положеніе малолѣтнихъ дѣтей. Отъ воли отца зависѣло признать за новорожденнымъ право на существованіе или нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ оставить его на произволъ судьбы и даже убить. Почему? Такъ ему нравилось при данныхъ условіяхъ, и это было его право.

Отдѣльныя дѣйствія предшествуютъ образованію нормъ обычнаго права. Для того, чтобы образовался обычай, связывающій частную волю, въ памяти людей долженъ уже накопиться на столько значительный матеріалъ сходныхъ прецедентовъ, чтобы воля была подавлена этимъ матеріаломъ. Только при этомъ условіи возникаетъ «повальный обычай», обязательный, по русской пословицѣ, какъ царскій указъ. Обычай, слѣдовательно, при всей его древности, не есть первоначальная норма, которою управляются дѣйствія людей. Что же было до обычая? Автономныя дѣйствія, самоопредѣленіе въ формѣ самоуправства. Отсюда, въ начальной исторіи права каждаго общества, надо предполагать великую безурядицу. Ясные слѣды этого первоначаль-

наго порядка вещей можно наблюдать и въ историческія времена и притомъ весьма уже позднія.

И царскій указъ не всегда строго исполняется. На практикѣ всегда можно встрѣтить частныя отступленія отъ него, вызываемыя, между прочимъ, домогательствомъ заинтересованныхъ лицъ. Такія отступленія составляютъ нарушеніе указа; въ нихъ проявляется, однако, торжество частной воли, стремящейся къ самоопредѣленію. Если указъ обходится, тѣмъ легче встрѣтить случаи обхода обычая, который вовсе не формулированъ и держится единственно соблюденіемъ. Отсюда, хотя обычай доказывается фактами его примѣненія въ случаяхъ дѣйствительной жизни, но наличность дѣйствій, несогласныхъ съ обычаемъ, еще не можетъ быть приводима, какъ доказательство несуществованія самого обычая. «Можетъ быть господствующій обычай (повальный) и при наличности частныхъ перерывовъ и противорѣчій» (Kierullf, 11).

Мы коснулись здѣсь самой слабой стороны всякаго обычнаго права. Если обычай, не всѣми и не всегра соблюдаемый, есть тоже обычай, — гдѣ же граница между обычаемъ сложившимся и отдѣльными автономными дѣйствіями, которыя могутъ перейти въ обычай, но еше не перешли? Твердой границы дѣйствительно нѣтъ. Въ періодъ господства обычнаго права, право установившееся и только возникающее, право дѣйствующее и вымирающее стоятъ всегда рядомъ. Особенность этого періода состоитъ въ томъ, что тогда дѣйствуетъ не только право, которое мы называемъ положительнымъ (positives Recht), но и нѣжные побѣги еще только возникающаго права, еще нуждающагося въ общемъ признаніи, до котораго оно можетъ и не дорости. Въ древности не всякое дѣйствующее право есть положительное (Adickes, 30). Эта особенность отразилась и на порядкѣ древняго суда. Старые судьи не только примѣняли уже сложившееся и общепризнанное право, но иногда и сами отыскивали его вновь. Нѣмецкіе шеффены въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ обычай умалчиваетъ, должны были судить со-

гласно тому, что имъ казалось наиболѣе справедливымъ и лучшимъ. Нѣтъ надобности думать, что шеффены въ этихъ случаяхъ всегда сочиняли право совершенно вновь; они могли и, конечно, дѣйствительно пользовались извѣстною имъ практикою, которая еще не успѣла перейти въ непререкаемый обычай. Ихъ личное участіе, въ большинствѣ случаевъ, состояло только въ выборѣ того именно способа дѣйствій изъ многихъ практиковавшихся, который наиболѣе совпадалъ съ ихъ личными воззрѣніями.

Вопросъ о свойствахъ обычая далеко не праздный. То или другое пониманіе ихъ всегда опредѣляетъ и отношеніе изслѣдователя къ историческому матеріалу. Если онъ будетъ отправляться отъ народнаго убѣжденія, которое по необходимости мыслится, какъ единое, или отъ природы вещи, которая представляется философскому уму также единой, онъ будетъ искать общихъ обычаевъ и не будетъ въ состояніи оріентироваться въ томъ разнообразіи началъ обычнаго права, какое всегда представляетъ дѣйствительность; онъ будетъ доискиваться строгой опредѣленности единыхъ нормъ въ періоды, когда въ полномъ ходу индивидуальное самоопредѣленіе, еще не успѣвшее выработать обычая. Наше право весьма долгое время и уже на глазахъ исторіи оставалось въ этомъ состояніи недостаточной опредѣленности, выражавшемся въ единовременномъ дѣйствіи разнообразныхъ началъ обычнаго права и въ разгулѣ индивидуальнаго самоопредѣленія. Даже въ Московскомъ государствѣ мы встрѣчаемся съ проявленіями частной автономіи, и правительство Московскаго государства нерѣдко признавало эти проявленія и въ своихъ указаніяхъ санкціонировало ихъ.

Образованіе права въ каждую историческую эпоху имѣетъ свои характерныя особенности, отражающія духъ эпохи и ея воззрѣнія на право. Смотря на прошлое глазами нашего времени, мы не всегда отдаемъ должное этимъ особенностямъ; наоборотъ, мы бываемъ весьма склонны видѣть въ прошломъ тѣ же явленія, къ которымъ привыкли и въ окру-

жающей насъ дѣйствительности. Такой невольный переносъ настоящаго въ давно прошедшее замѣчается у тѣхъ изслѣдователей, которые извѣстныя намъ въ современномъ юридическомъ быту понятія «закона» и «законодательства» примѣняютъ къ объясненію явленій въ области образованія права XIV, XIII и еще болѣе отдаленныхъ вѣковъ.

Такъ Мацѣевскій, въ своей исторіи славянскихъ законодательствъ, высказалъ мысль, что въ словахъ начальной лѣтописи о бытѣ славянскихъ племенъ, поселившихся въ предѣлахъ современной Россіи: «имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ, и преданья» надо видѣть указаніе на дѣленіе права по различію его источниковъ, т.-е. что лѣтописецъ противополагаетъ здѣсь законъ обычаю, и что славянскія племена еще при первомъ вступленіи ихъ въ исторію знали не только обычаи, но и законы. Несмотря на то, что Снегиревъ еще въ 1842 году замѣтилъ, что «Несторъ Печерскій давніе обычаи и преданія именуетъ законами отецъ», взглядъ Мацѣевскаго продолжаетъ держаться въ нашей ученой литературѣ. И. И. Срезневскій примѣнилъ его къ объясненію выраженія Олегова договора съ греками 911 года о клятвѣ Русскихъ: «мы же кляхомся... по закону и по покону языка нашего». По закону и по покону онъ предлагаетъ переводить римскими понятіями: lege et consuetudine. Такимъ образомъ, наши предки съ X уже вѣка употребляютъ слово законъ въ смыслѣ продукта законодательной дѣятельности; они отличаютъ его отъ обычая совершенно такъ, какъ мы дѣлаемъ это теперь.

Очень трудно думать, чтобы такъ было въ дѣйствительности, чтобы съ X уже вѣка у насъ существовала опредѣленная законодательная власть, которая творила право по своему усмотрѣнію. Но слово «законъ» дѣйствительно употребляется въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности рядомъ съ обычаемъ. Что же оно означаетъ.

Оно означаетъ тѣ же обычаи. Нашъ начальный лѣтописецъ упоминаетъ не одни тольыо «законы отцовъ», но и «обычаи отцевъ». Слова: законы и обычаи замѣняютъ у него

одно другое. Преданія, идущія отъ отцевъ, онъ безъ различія называетъ то обычаями, то законами. Эти законы и обычаи имѣютъ у него одинъ и тотъ же источникъ: дѣятельность отцовъ.

«Имяху бо обычаи свои, говоритъ лѣтописецъ, и законъ отецъ своихъ, и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обычай имутъ кротокъ и тихъ, и стыденье къ снохамъ своимъ, и къ сестрамъ, къ матерямъ, и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверямъ велико стыденье имѣху. Брачный обычай имяху... А древляне живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотьски, убиваху другъ друга, ядяху все нечисто... И родимичи, и вятичи и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, яко же всякій звѣрь ядуще все не чисто, срамословіе предъ отьци и предъ снохами, — браци не бываху въ нихъ, но игрища межи селъ, схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовскія игрища. А кто умряше, творяху тризну надъ нимъ... се же творяху обычая кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами себѣ законъ».

Все мѣсто лѣтописи представляетъ образчикъ столь свойственнаго древнему языку многословія. Лѣтописецъ не ограничивается выраженіемъ: «древляне живяху звѣринскимъ образомъ», но добавляетъ: «живуще скотски»; или далѣе, сказавъ, что у радимичей и другихъ племенъ были игрища между селъ, онъ спѣшитъ прибавить: «схожахуся на игрища, на плясанье», и затѣмъ еще разъ повторяетъ: «и на вся бѣсовскія игрища». Подобно этому, и выше онъ не находитъ достаточнымъ сказать, что у каждаго славянскаго племени были свои обычаи, но прибавляетъ: «и законы отецъ своихъ, и преданья, кождо свой нравъ»; а далѣе: «поляне бо своихъ отецъ обычай имутъ». Совокупность этихъ словъ служитъ ему введеніемъ къ дальнѣйшему описанію внутренняго быта славянскихъ племенъ. Въ этомъ описаніи онъ подъ рядъ, безъ всякаго различія, говоритъ о нравахъ славянъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, объ образѣ ихъ жизни, о пищѣ, о юридическихъ обычаяхъ

(порядокъ брака) и, наконецъ, о религіозныхъ обрядахъ. Онъ передаетъ все, что извѣстно о бытѣ славянъ, но безъ всякаго обособленія внѣшней обстановки жизни отъ нравовъ и юридическихъ обычаевъ, а этихъ послѣднихъ отъ религіозныхъ обрядовъ. Всѣ собранныя имъ черты суть для него одинаково обычаи, законы отцовъ и преданья. Можно ли, при такомъ смѣшеніи нравовъ, права и религіи, думать, что въ области права онъ различаетъ уже обычай отъ закона и въ томъ именно смыслѣ, какъ можемъ различать ихъ мы?

Слово законъ, какъ и слово поконъ, означая одинаково обычай, происходятъ отъ слова «конъ», которое значитъ начало, а вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлъ, границу и нѣкоторое опредѣленное мѣсто, въ извѣстныхъ границахъ, напр.: поставить бабки или деньги на конъ, взять карту съ кону. Предлогъ «за» съ винительнымъ падежомъ выражаетъ предѣлъ движенія, напр.: солнце скрылось за тучу; употребляемый слитно онъ придаетъ слову значеніе границы, предѣла: заборъ, запруда и проч. Предлогъ «по» имѣетъ то же значеніе: по гробъ буду помнить; простонародное выраженіе—потуда.—Отсюда, въ словахъ законъ или поконъ полагается граница человѣческой дѣятельности или свободы; законъ и поконъ есть тотъ порядокъ, которому человѣкъ долженъ подчиняться въ своихъ дѣйствіяхъ. Но и обычай есть то же порядокъ, подчиненіе которому обязательно; а потому обычное право представлялось со всѣми признаками закона т.-е. границы, и можетъ быть названо закономъ. Какъ законъ=покону, такъ закосъ=покосу.

Въ древнее время были въ употребленіи ссылки и на неписаное право, на живой, всѣмъ извѣстный обычай. Съ такими ссылками встрѣчаемся въ исторіи франкскаго права. Нѣкоторыя редакціи салическаго закона и другіе документы того же времени дѣлаютъ ссылки на lex salica, а между тѣмъ ни въ одной редакціи этого закона нѣтъ постановленіи, соотвѣтствующихъ ссылкамъ. Ясно, что въ существующія редакціи салическаго закона этотъ законъ не перешелъ весь безъ остатка, и что ссылки на lex salica имѣютъ

въ виду не писаное право, а живые народные обычаи, которые послужили матеріаломъ для издателей салическаго закона, но не исчерпаны ими вполнѣ. Въ связи съ этимъ стоитъ тотъ важный для насъ фактъ, что слово lex въ средневѣковыхъ германскихъ памятникахъ употребляется далеко не въ томъ тѣсномъ смыслѣ, какой оно имѣло въ Римѣ. Въ средневѣковой латыни оно обозначаетъ не только законъ, но и обычай. Lex salica, поэтому, не есть непремѣнно законъ или писаное право, это живой народный обычай, нигдѣ не записанный (Pardessus и Zoepfl). То же могло быть и у насъ. Это предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, такъ какъ и у насъ слово законъ такъ же означаетъ обычай, какъ у германцевъ латинское слово—lex. На эти живые, всѣмъ извѣстные обычаи—договоры съ греками и ссылаются.

Противоположное мнѣніе основывается, главнымъ образомъ, на сходствѣ статьи договоровъ о штрафѣ за ударъ мечемъ или какимъ-либо орудіемъ, съ соотвѣтствующими постановленіями Русской Правды. Но это сходство, если сравнивать статьи Русской Правды въ цѣломъ ихъ составѣ со статьями договоровъ, далеко не такъ близко, чтобы можно было видѣть въ Русской Правдѣ источникъ постановленій договоровъ. По Русской Правдѣ, денежный штрафъ за ударъ мечемъ назначается въ томъ случаѣ, если обиженный не отомститъ за нанесенное ему оскорбленіе. По Русской Правдѣ, значитъ, обиженный могъ мстить; въ соотвѣтствующей же статьѣ договоровъ о мести вовсе не упоминается. Далѣе, въ договорахъ есть и такія ссылки на «русскій законъ», которыя вовсе не оправдываются извѣстными намъ редакціями Русской Правды. Такова, напримѣръ, статья договора 945 года, по которой русскій человѣкъ, поработившій грека съ корабля, выброшеннаго на мель, подлежитъ отвѣтственности по «закону русскому» и греческому. Русская Правда ничего не знаетъ о такомъ случаѣ. Ссылки договоровъ на «русскій законъ» и у насъ шире извѣстныхъ редакцій Русской Правды,—явленіе совершенно аналогичное

съ тѣмъ, которое представляютъ ссылки памятниковъ древнаго франкскаго права на салическій законъ. «Русскій законъ» договоровъ съ греками и начальной лѣтописи—это русскій обычай, изъ котораго только очень немногое вошло въ договоры и писанную Русскую Правду.

Когда же и какъ слово законъ разошлось въ смыслѣ со словомъ обычай?

Это случилось, когда на Руси начало распространяться византійское право. Переводчики греческихъ книгъ встрѣчали слово «nomos» въ смыслѣ императорскихъ постановленій. Передать это слово на русскій языкъ «обычаемъ» было неудобно, такъ какъ греческое право вноситъ новыя начала, къ которымъ у насъ не было привычки; слово законъ этого неудобства не представляло, имъ и стали переводить «nomos». Извлеченіе изъ постановленій императора Юстиніана носитъ въ кормчихъ книгахъ наименованіе: «Юстиніана царя законъ». Судебникъ царя Константина названъ «судебникомъ греческаго закона». Откровенному ученію присвояется названіе «закона Божія», закона христіанскаго; и въ наше время народъ говоритъ: принять законъ, жить въ законѣ т.-е. вступить въ бракъ, состоять въ бракѣ. Слово же поконъ до сихъ поръ народъ нашъ употребляетъ въ смыслѣ обычая. Но, выражая границу дѣятельности, оно можетъ употребляться и для обозначенія княжескихъ распоряженій. Въ этомъ смыслѣ встрѣчаемъ его въ Русской Правдѣ. Въ 7 ст. Троицкаго списка говорится, что при Ярославѣ были такіе-то «поконы вирные». Въ спискѣ Академическомъ въ ст. 42 въ этомъ же мѣстѣ написано «поклонъ» вмѣсто «поконъ». Это простая описка. Въ концѣ же статьи читаемъ: «то ти урокъ Ярославль», т.-е., вышеприведенные поконы вирные установлены Ярославомъ.

Для обозначенія древняго права, кромѣ словъ «законъ и поконъ», у насъ были употребительны еще выраженія: пошлина и старина.

«Пошлиной» называется все то, что пошло издавна,

изъ старины: «а дворяномъ твоимъ, княже, ходити по пошлинѣ, како пошло исперва»; а «отъ Смоленска чистый путь до Риги, а не надобѣ имъ ни вощецъ, ни мыто, а на Волоцѣ, како то есть пошло». Это пошлина имѣетъ, конечно, свое начало. Всякій порядокъ пошелъ отъ отдѣльнаго случая; моментомъ, опредѣлившимъ тотъ или другой способъ дѣйствія въ извѣстномъ случаѣ, была чья-либо личная воля, можетъ быть даже воля князя; но этотъ порядокъ становится правомъ не потому, что такъ хотѣло извѣстное лицо, а потому, что онъ соблюдался цѣлымъ рядомъ лицъ. Только въ силу соблюденія дѣлается онъ обязательнымъ. Ссылаются не на лицо, которое такъ поступило, а на соблюденіе изъ старины. Всякая пошлина. есть старина.

Весь порядокъ княженія въ Новгородѣ представлялся людямъ того времени пошлиной и стариной. Князья обязываются держать Новгородъ въ старинѣ, по пошлинѣ. Всякое отступленіе отъ старины, хотя бы оно произошло и по волѣ князя, новгородцы разсматриваютъ, какъ нѣчто противозаконное, какъ насиліе, и домогаются возвращенія къ установившимся обычаямъ. Въ ихъ договорной грамотѣ съ Ярославомъ Ярославичемъ Тверскимъ читаемъ: «А пожне (сѣнокосы), княже, что пошло тебѣ и твоимъ мужемъ, то твое; а что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожне, а то ти, княже, не надобѣ». И затѣмъ прибавляютъ: «А что, княже, братъ твой Александръ дѣлалъ насиліе въ Новѣгородѣ, а того ся, княже, отступи».

Конечно, это старина перемѣнчивая, какъ и всякое право. Языческіе обычаи брака, о которыхъ говоритъ начальный лѣтописецъ, измѣнились подъ вліяніемъ христіанства. Новгородская старина также должна была измѣниться, какъ скоро нашелся рядъ князей, послѣдовательно дѣйствовавшихъ насиліемъ въ духѣ князя Александра, на котораго жалуются новгородцы.

Въ Псковѣ была также своя старина. Князь-намѣстникъ, садясь на княженіе, цѣловалъ ко Пскову крестъ на

вѣчѣ на пошлинныхъ грамотахъ и на всѣхъ старинахъ псковскихъ.

Но это пошлое, старинное право, не есть особенность одного Новгорода или Пскова. Оно было извѣстно и всей Русской землѣ. «Новгородцы бо изначала, говоритъ лѣтописецъ, и смоляне, и кыяне, и полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся». То, что было изначала во всѣхъ волостяхъ, есть, конечно, ихъ старина, пошлина, обычай. Такая старина была во всѣхъ волостяхъ.

Вся жизнь древнихъ княженій опредѣлялась обычаемъ. Частныя и государственныя права подчинялись его дѣйствію: права князей и народа, право наслѣдованія, мести, выкупа, право собственности и т. д.—все было основано на обычаѣ.

И въ Москвѣ обычай продолжаетъ дѣйствовать, не только сохраняя то, что прежде сложилось, но и являясь творческою силою, которая созидаетъ вновь нормы права.

Московскіе государи не обходятся безъ старины. Великій князь московскій Иванъ Васильевичъ, 4 февраля 1498 года, при торжественномъ назначеніи преемникомъ своимъ внука Дмитрія, обратился въ Успенскомъ соборѣ къ митрополиту Симону съ слѣдующею рѣчью: «Отче митрополитъ! Божіимъ изволеніемъ, отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша оттолѣ и до сихъ мѣстъ: отцы наши великіе князья сыновьямъ своимъ первымъ давали великое княженіе: и я было своего сына перваго, Ивана, при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ; и Божія воля сталась, сына моего Ивана въ животѣ не стало, у него остался сынъ первый Дмитрій, и я его нынѣ благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ, и ты бы его, отче, на великое княженіе благословилъ».

Почему князь, столь могущественный, какъ Иванъ Васильевичъ, не довольствуется простымъ заявленіемъ воли своей о порядкѣ престолонаслѣдія, а находитъ нужнымъ оправдывать ее ссылкой на старину? Иванъ Васильевичъ, конечно, могъ назначить своимъ преемникомъ внука и не

ссылаясь на старину. Но такое назначеніе было бы только выраженіемъ его личной воли. Князь хотѣлъ утвердить свое распоряженіе на основаніи болѣе прочномъ и стойкомъ; такимъ основаніемъ представлялась ему одна старина, о которой онъ и возвѣстилъ торжественно въ присутствіи духовенства и всенароднаго множества. Старина, слѣдовательно, и въ Москвѣ была надежнѣе личной воли князя.

Иванъ Васильевичъ не единственный примѣръ. Сынъ его, великій князь Василій, находясь при смерти, сказалъ женѣ своей: «Благословилъ я сына своего Ивана государствомъ и великимъ княженіемъ, а тебѣ написалъ въ духовной грамотѣ, какъ писалось въ прежнихъ грамотахъ отцовъ нашихъ и прародителей, какъ слѣдуетъ, какъ прежнимъ великимъ княгинямъ шло». Намъ все равно, дѣйствительно сказалъ эти слова великій князь или лѣтописецъ заставилъ его такъ сказать. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ выводъ одинъ: люди XVI в. признаютъ долженствующимъ быть то, что дѣлалось до нихъ; какъ писали прародители, такъ и имъ писать слѣдуетъ.

Иванъ Грозный, возъимѣвъ намѣреніе вѣнчаться на царство, такъ объявилъ объ этомъ митрополиту и боярамъ: «По твоему, отца своего митрополита, благословенію, и съ вашего боярскаго совѣта, хочу прежде своей женитьбы поискать прародительскихъ чиновъ какъ наши прародители, цари и великіе князья, и сродникъ нашъ великій князь Владиміръ Всеволодичь Мономахъ на царство, на великое княженіе садились; и я также этотъ чинъ хочу исполнить и на великое княженіе сѣсть». Чтобы вступить на царство, Грозному понадобились прецеденты и изъ самой почтенной древности, съ Владиміра Мономаха. Когда царь говорилъ эти слова, ему было всего 16 лѣтъ; можно думать, что они были ему внушены. Это ничего не измѣняетъ въ существѣ дѣла. Если царь говорилъ подъ чьимъ-либо вліяніемъ, это служитъ все же указаніемъ, что въ представленіи людей Московскаго государства понятіе о долженствующемъ быть соединялось со стариной. Приступая къ составленію

новаго Судебника, царь благословился у митрополита и всего освященнаго собора «судебникъ исправити по старинѣ». Все содержаніе Судебника представляется Ивану Грозному стародавнимъ обычаемъ, а вовсе не актомъ его личнаго усмотрѣнія. Такимъ же стародавнимъ обычаемъ представляется ему и вся его политическая дѣятельность. Въ перепискѣ съ Курбскимъ онъ даетъ такое объясненіе своимъ самовластнымъ дѣйствіямъ: «Самодержавства нашего починъ отъ великаго князя Владиміра», мы родились на царствѣ, а не чужое похитили». Россійскіе самодержавцы изначала сами владѣютъ всѣмъ царствомъ, а не бояре и вельможи. Доселѣ русскіе владѣтели не давали отчета никому, но повольны были подвластныхъ своихъ жаловать и казнить, а не судились съ ними ни передъ кѣмъ». Такимъ образомъ и Иванъ Грозный не создалъ въ Москвѣ самодержавія: если онъ царствовалъ самовластно, казнилъ по усмотрѣнію, то только потому, что такъ было изстари, такъ пошло отъ Владиміра Святого.

Указывая на такое значеніе обычая, мы вовсе не утверждаемъ, что въ Московскомъ государствѣ дѣйствуютъ одни старые обычаи. Изъ сказаннаго слѣдуетъ только, что значеніе права, въ смыслѣ обязательной общей нормы, признается прежде всего за обычаемъ: правомъ считается то, что освящено соблюденіемъ. Это—первоначальное воззрѣніе; но оно живо еще и въ XVI в. Признаніе за волей государя способности творить право—явленіе вторичное, оно возникаетъ на глазахъ исторіи и развивается весьма медленно. Еще въ XVI в. великіе князья московскіе находятъ нужнымъ оправдывать свои распоряженія ссылкою на старину. Ясно, что еще нѣтъ сознанія о томъ, что воля ихъ, какъ субъекта верховной власти, творитъ право. Въ Московскомъ государствѣ самые важнѣйшие вопросы государственнаго быта не были опредѣлены уставами. Московскіе великіе князья, когда зашла рѣчь о престолонаслѣдіи, о правахъ князя, ссылаются на старину, а не на уставъ. То же надо сказать и о порядкѣ государственнаго управленія. Не только княжеская

дума, но даже и царская не имѣютъ устава. Если князья не спѣшатъ съ своими опредѣленіями по вопросамъ, такъ близко ихъ касающимся, то что же сказать о гражданскомъ и уголовномъ правѣ? Понятіе собственности, способовъ ея пріобрѣтенія и утраты, наслѣдства, всѣ семейныя отношенія понятіе о возникновеніи обязательствъ изъ договоровъ и правонарушеній, понятіе о томъ, что убійство и татьба суть преступленія и подлежатъ наказанію,—все это такія понятія, которыя возникли изъ обычаевъ и существовали гораздо ранѣе, чѣмъ появились князья Рюриковичи.

II. Уставная дѣятельность князей

Второй источникъ права составляютъ княжескіе уставы. Однимъ изъ главныхъ предметовъ дѣятельности князей былъ судъ. По общему правилу судъ вѣдалъ самъ князь, но не будучи въ состояніи вездѣ судить самъ, онъ посылалъ своихъ мужей для производства суда, а самъ опредѣлялъ, какимъ образомъ имъ судить, какія дѣлать взысканія и проч. Въ видѣ исключенія князья жаловали различныя привилегіи отдѣльнымъ лицамъ, напр., освобождали ихъ отъ суда своихъ мужей и отъ даней. На эти привилегіи выдавались грамоты. Къ числу постановленій князей относятся, далѣе, ихъ духовныя завѣщанія, въ которыхъ они распоряжались своимъ имуществомъ и опредѣляли порядокъ преемства престола. Наконецъ, князь, какъ представитель силы, завоевываетъ волости и, какъ побѣдитель, налагаетъ на побѣжденныхъ условія подчиненія, облагаетъ ихъ повинностями. Таковы предметы, которыхъ касается древнѣйшая княжеская уставная дѣятельность. Распоряженія князей и царей не носятъ еще наименованія закона, для нихъ существуютъ другія названія: уставъ, урокъ, позднѣе—указъ, уложеніе.

Уставъ—древнѣйшее слово. По лѣтописи уже Ольга, идя къ Новгороду, «уставила по Мстѣ погосты и дани». Она же, покоривъ древлянъ, поѣхала по древлянской землѣ,

«уставляюще уставы и уроки». По смерти Ярослава сыновья его собрались и «уставили» судить на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ судилъ и отецъ ихъ.

Слово урокъ встрѣчается въ Русской Правдѣ въ смыслѣ установленія. Въ Академическомъ спискѣ сказано, что платежъ вирнику есть «урокъ Ярославль». Въ договорной грамотѣ великаго князя рязанскаго съ братомъ читаемъ: «А мнѣ, великому князю, въ душегубствѣ и въ разбоѣ... твоихъ людей судити и казнити воля во всемъ. А на комъ урку что язъ, великій князь, продажи своему намѣстнику, и въ томъ уроцѣ твоему третчину треть». Уркать — урекать = назначать.

Указъ—есть приказъ князя, уложеніе—его установленіе. Первоначально уставы были словесныя распоряженія князей. Съ распространеніемъ грамотности ихъ стали записывать, но для памяти, а не потому, что письменная форма была необходима. Отъ письменной формы распоряженіямъ князей стало усвояться наименованіе грамотъ. Отсюда—уставныя грамоты, жалованныя грамоты, память и проч.

Но эти древнѣйшіе продукты княжеской уставной дѣятельности не обладали вполнѣ признаками современнаго закона. Законъ дѣйствуетъ до его оффиціальной отмѣны, княжескія же грамоты, уставныя и жалованныя, нуждаются въ послѣдовательныхъ подтвержденіяхъ преемниковъ того князя, которымъ они даны. Законъ въ наше время публикуется во всеобщее свѣдѣніе; княжескіе же уставы доводились до свѣдѣнія только тѣхъ лицъ, которыхъ они непосредственно касались. Древнѣйшія указанія на публикацію едва ли древнѣе XVI в.; но и въ это время объявленіе указовъ народу не составляло общаго правила, а примѣнялось только къ нѣкоторымъ изъ указовъ. По содержанію большинство дошедшихъ до насъ отъ древнѣйшаго времени княжескихъ грамотъ представляютъ не общія нормы права, имѣющія дѣйствовать на пространствѣ всего княженія, а частныя распоряженія, опредѣляющія права и льготы отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныхъ общинъ. Только съ конца XV в. замѣчается объединяющее направленіе законодательства.

Прежде всего оно выразилось въ судныхъ грамотахъ вольныхъ городовъ Пскова и Новгорода, затѣмъ уже и въ московскихъ судебникахъ 1497 и 1550 годовъ. Но и судебники не уничтожаютъ прежде данныхъ уставныхъ грамотъ, а допускаютъ ихъ существованіе на ряду съ собой. Судебникъ дѣйствуетъ только тамъ, гдѣ нѣтъ уставныхъ грамотъ, и по вопросамъ, не разрѣшеннымъ грамотами.

Но судебники и грамоты далеко не содержатъ всего права, дѣйствовавшаго въ ихъ время.

Московское государство управлялось не законами, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а усмотрѣніемъ; не уставы и уложенія государей предшествуютъ практикѣ, а практика уставамъ. Въ уложенія и судебники заносится то, что уже выработалось практикой. Это и разумѣлъ Иванъ Грозный, когда бралъ благословеніе у митрополита и всего освященнаго собора «исправить судебникъ по старинѣ».

Ни одно уложеніе не передаетъ всего дѣйствовавшаго въ старое время права. Да мы и думать не можемъ, чтобы московское правительство могло даже желать точно опредѣлить въ какомъ-либо уставѣ начала своей дѣятельности. Это стѣснило бы его усмотрѣніе, да и самая задача эта совсѣмъ не была въ духѣ времени. Читая древнія уложенія, надо всегда помнить, что остается еще нѣкоторый плюсъ, дѣйствовавшій на практикѣ и существенно пополнявшій эти уложенія, но намъ неизвѣстный. Первый Судебникъ, напримѣръ, запрещаетъ посулы, но не опредѣляетъ никакого за нихъ наказанія. Значитъ ли это, что взяточничество не наказывалось въ XV вѣкѣ? Едва ли. Невозможно допустить, чтобы такой государь, какъ Иванъ Васильевичъ, или сынъ его Василій, не опалялся, когда узнавалъ о нарушеніи воспреценія брать посулы, и не наказывалъ ослушниковъ. Второй Судебникъ опредѣляетъ уже и наказанія за принятіе посуловъ. Мы думаемъ, что эти наказанія не вновь установлены вторымъ Судебникомъ, а практиковались и ранѣе перваго судебника, но не были въ него записаны.

Но разъ Судебникъ опредѣлилъ наказанія, значитъ ли это, что не налагалось другихъ наказаній, помимо перечисленныхъ въ Судебникѣ? Опять — едва-ли. Судебникъ опредѣляетъ за взятіе посуловъ, между прочимъ, и торговую казнь, но для низшихъ чиновъ судебнаго вѣдомства, начиная съ подьячаго; дьяки же, бояре и окольничіе торговой казни не подлежали. А иностранцы разсказываютъ, что при царѣ Борисѣ и дьяковъ, не пользовавшихся особеннымъ расположеніемъ власти, возили по городу и сѣкли, привѣсивъ имъ на шею мѣшокъ со взяткою (Соловьевъ, VIII, 61). Такъ называли не всѣхъ дьяковъ, а только тѣхъ, которые не пользовались расположеніемъ власти. Отсюда должно заключить, что такъ дѣйствовали не на основаніи какого-либо неизвѣстнаго намъ уложенія, отмѣнившаго постановленія Судебника, а на основаніи усмотрѣнія.

Приведемъ еще примѣръ. Нашъ первый юридическій сборникъ, Русская Правда, почти совсѣмъ не знаетъ государственныхъ преступленій. Древнѣйшему времени извѣстны, главнымъ образомъ, преступленія, направленныя противъ правъ частныхъ лицъ. Это совершенно понятно и объясняется тѣмъ, что слабое при своемъ возникновеніи государство не успѣло еще прійти къ сознанію своихъ спеціальныхъ интересовъ и подумать объ установленіи особыхъ мѣръ для ихъ охраненія. Съ теченіемъ времени, однако, и именно по мѣрѣ того, какъ развивалась идея государственности, такая особая охрана возникла. Спрашивается, какъ же появились виды государственныхъ преступленій и опредѣлилась мѣра ихъ наказуемости? Начали ли князья съ установленія состава этихъ преступленій и опредѣленія наказаній за разные ихъ виды? Нисколько. Князья наказываютъ преступниковъ этого рода по усмотрѣнію, ничего не опредѣляя законодательнымъ путемъ. Здѣсь господствуетъ такой же произволъ, какъ въ былыя времена въ частной мести. Для примѣра остановимся на государственныхъ преступленіяхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. По этимъ преступле-

ніямъ и судъ-то не всегда имѣлъ мѣсто. Дѣло нерѣдко рѣшалось безъ всякихъ формъ суда: князь «опалялся» и назначалъ по своему усмотрѣнію наказаніе.

Первое общее указаніе на преступленія этого рода можно видѣть только въ Судебникахъ. Но относящееся сюда опредѣленіе Судебниковъ сдѣлано какъ бы мимоходомъ; оно такъ кратко, что не даетъ никакого понятія о дѣйствительномъ положеніи дѣла. О государственныхъ преступленіяхъ Судебники говорятъ, перечисляя преступленія противъ частныхъ лицъ и церкви. «А государскому убойцѣ и коромольнику, церковному татю, и головному, и подметчику, и зажигальнику, вѣдомому лихому человѣку, живота не дати, казнити его смертною казнію», говоритъ первый Судебникъ. «Государскій убойца» не есть убійца князя, это убійца своего господина, такъ какъ государь, на языкѣ того времени, означаетъ вообще господина. Къ государственнымъ преступленіямъ можно относить только одно выраженіе «коромольникъ». Но и это выраженіе не имѣетъ точно опредѣленнаго и спеціальнаго значенія какого-либо вида государственныхъ преступленій. Переводчикъ Градскихъ законовъ воспользовался этимъ словомъ для передачи слова turba, которое онъ перевелъ такъ: крамольницы или мятежъ творящіе. Но въ XVI, а, можетъ быть, и въ XV вѣкѣ и даже ранѣе, это слово стало употребляться не въ одномъ только смыслѣ мятежа. Въ указѣ 1582 г. крамола употребляется въ смыслѣ ябеды. Крамольникъ тотъ, кто лжетъ на судѣ, говоритъ не по дѣлу, продаетъ своего довѣрителя, возбуждаетъ дѣла, уже рѣшенныя, и пр. Если это будетъ лихой человѣкъ, если онъ продастъ своего довѣрителя и такъ будетъ вести дѣло, что его обвинятъ, въ такомъ случаѣ онъ подлежитъ смертной казни. Слово крамола не имѣетъ, слѣдовательно, спеціальнаго значенія мятежа или измѣны, въ смыслѣ государственнаго преступленія; оно обозначаетъ и проступокъ частнаго повѣреннаго, нарушившаго данную ему довѣренность. Статью Судебниковъ можно понимать и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, вовсе

не относя ее къ преступленіямъ государственнымъ. Но въ указѣ 1582 года есть и такое выраженіе: «а назоветъ (ябедникъ, крамольникъ или составщикъ) кого воромъ, а убивства или кромолы и рокоша на Царя Государя не доведетъ, и того самого казнити смертію». Здѣсь крамола поставлена рядомъ съ рокошемъ, то-есть, съ возстаніемъ. Въ виду любви стараго языка къ повтореніямъ, можно думать, что крамола употреблена здѣсь въ смыслѣ мятежа, а слово рокошъ служитъ только для усиленія этого понятія. Такимъ образомъ, указъ 1582 года одинаково употребляетъ слово крамола для обозначенія какъ преступленій противъ частныхъ лицъ, такъ и преступленій противъ государства. Если мы, въ виду этого, допустимъ, что и Судебники разумѣютъ подъ крамолой не только преступленіе противъ частныхъ лицъ, но и государственное, именно измѣну и возстаніе противъ царской власти, то все-таки понятіе этого государственнаго преступленія является не обособленнымъ отъ измѣны частному довѣрителю и карается нисколько не строже. Второй Судебникъ къ «коромольнику» прибавляетъ еще «градскаго сдавца», т.-е. военачальника, сдавшаго городъ прежде истощенія всѣхъ средствъ защиты. Вотъ и все. Преступленія противъ жизни главы государства, его здоровья, личной неприкосновенности, оскорбленіе его словомъ и т. д. — вовсе въ Судебникахъ не упоминаются. Въ XV и даже XVI вѣкѣ государственныя преступленія, судя по Судебникамъ, отличаются чрезвычайно слабымъ развитіемъ. Тѣ, о которыхъ упоминаютъ Судебники, наказываются не строже, чѣмъ такія же дѣйствія, совершаемыя противъ частныхъ лицъ.

Такъ ли было въ дѣйствительности? Совершенно наоборотъ. Дѣйствительность представляетъ государственныя преступленія въ значительномъ развитіи, но не на основаніи уставовъ, а путемъ практики. И до, и послѣ Судебниковъ, московскіе князья караютъ такія дѣйствія, которыя нельзя подвести не только подъ Судебники, но даже и подъ Уложеніе 1649 года, сдѣлавшее въ этомъ отношеніи боль-

шіе успѣхи, и караютъ такими казнями, которыхъ нѣтъ ни въ какомъ уставѣ. Наши лѣтописи полны указаніями на эту практическую дѣятельность московскихъ государей, благодаря которой сложилось чрезвычайно широкое понятіе о государственныхъ преступленіяхъ, господствовавшее въ XV и послѣдующихъ вѣкахъ. Мы не будемъ приводить практики изъ второй половины царствованія Ивана Грознаго; произвольность ея достаточно извѣстна. Ограничимся нѣсколькими примѣрами изъ царствованія государей, дѣятельность которыхъ не доходила до такого необузданнаго самоуправства.

Въ 1471 году великій князь Иванъ Васильевичъ опалился на Борецкаго и еще трехъ новгородцевъ и велѣлъ казнить ихъ смертію за то, что они за короля задаваться хотѣли. На какомъ это основаніи? Новгородцы были въ договорныхъ отношеніяхъ со своими князьями. На основаніи договоровъ, у нихъ княжили то тверскіе, то московскіе князья; могли княжить и литовскіе, такъ какъ въ выборѣ князя они были вольны и обязательства — постоянно признавать своими князьями князей тверскаго или московскаго дома—на себя не принимали. Впервые такое обязательство встрѣчаемъ въ договорѣ съ Иваномъ Васильевичемъ, заключенномъ въ 1471 году, уже послѣ того, какъ было обнаружено намѣреніе Борецкихъ задаться за короля. Но и въ этомъ договорѣ смертной казни за намѣреніе отступить отъ московскихъ государей не положено. Почему же наказаны были четыре новгородца за намѣреніе задаться за короля, и именно смертною казнью? Такъ нравилось великому князю, это дѣло его усмотрѣнія.

Въ 1499 году великій князь Иванъ Васильевичъ заключилъ въ тюрьму двухъ псковскихъ посадниковъ, бывшихъ въ числѣ пословъ отъ Пскова, по поводу назначенія великимъ княземъ особаго князя Новгороду и Пскову въ лицѣ сына его Василія.

Послы просили не назначать Пскову особаго отъ Москвы князя. Въ чемъ тутъ московскій государь усмотрѣлъ преступленіе? Единственно въ смѣлости говорить противъ его

распоряженія. Было ли какимъ-либо уставомъ запрещено возражать князю? Никакимъ. Наоборотъ, мы знаемъ, что тотъ же Иванъ Васильевичъ даже любилъ «встѣчу» [1].. А здѣсь возраженіе псковичей не понравилось ему, и онъ опалился. Это опять дѣло его усмотрѣнія.

Въ 1497 году великій князь казнитъ мучительными казнями, о которыхъ не знаетъ изданный имъ Судебникъ, сторонниковъ сына своего Василія и противниковъ внука Дмитрія, а въ 1499 г., наоборотъ, сторонники Дмитрія приговариваются къ смертной казни; года два спустя, и самъ Дмитрій' вѣнчанный наслѣдникъ престола, заключается въ тюрьму, гдѣ и умираетъ. Въ чемъ могла состоять его вина и какой судъ осудилъ его? Все рѣшено усмотрѣніемъ великаго князя [2]).

Такъ же произвольно ссылаютъ, заключаютъ въ тюрьмы, казнятъ торговою казнью и лишаютъ жизни правительница

[1]) Встрѣча—возраженіе. Такъ назывались и тѣ возраженія, которыя дѣлали совѣтники князя на его мнѣнія.

[2]) Вотъ какъ описываетъ лѣтописецъ поводы казни сторонниковъ князя Василія: «По дьявольскому навожденію и лихихъ людей совѣту въсполѣся князь великій Иванъ Васильевичъ на сына своего князя Василія, да и на жену свою на великую княгиню Софью, да въ той вспалкѣ велѣлъ казнити дѣтей боярскихъ: Володиміра Елизарьева, сына Гусева, да князя Ивана Палецкаго Хруля, да Поярка, Рунова брата, да Щавія Скрябина, сына Травина, да Өедора Стромилева, дьяка введеннаго, да Аөанасія Яропкина, казниша ихъ на леду, головы имъ ссѣкоша, декабря 27-го». Воскр., стр. 234. Иначе передаетъ это событіе приводимый Карамзинымъ ростов. лѣт.: «Онъ (Василій) свѣдалъ отъ діака, отъ Ө. Стромилова, то, что отецъ его хощетъ жаловати великимъ княженіемъ внука своего, и нача думати князю Василію второй сатанинъ предотеча Аөанасій Ропченокъ. Бысть въ думѣ той и дьякъ Ө. Стромиловъ и Пoярокъ, Руновъ братъ, и иныя дѣти боярскія, а иныхъ тайно приводили къ цѣлованію на томъ, что князю Василію отъ отца своего отъѣхали, великаго князя казну пограбити на Вологдѣ и на Бѣлѣозерѣ, и надъ княземъ Димитріемъ, надъ внукомъ, израда учинити. И свѣдавъ то и обыскавъ князь великій злую ихъ мысль; и велѣлъ измѣнниковъ казнити. Казниша ихъ на Москвѣ рѣкѣ, пониже мосту, шестерыхъ: Аөанасію Ропченку руки да ноги и голову, а Поярку руки и голову... (остальнымъ головы отсѣкли). И въ то время опалу

Елена и бояре въ малолѣтство Ивана Грознаго. Иванъ Грозный выросъ въ этой практикѣ. Произволъ въ наказаніи государственныхъ преступниковъ онъ долженъ былъ разсматривать, какъ дѣло самое обыкновенное. Еще 13-ти лѣтъ онъ приказываетъ псарямъ своимъ схватить неугоднаго ему первосовѣтника царскаго, князя Андрея Шуйскаго. Псари убили Шуйскаго. Года два спустя, Аѳанасію Бутурлину рѣжутъ языкъ за невѣжливыя слова. Преступленія невѣжливымъ словомъ не знаетъ даже Уложеніе. При царѣ Ѳеодорѣ вдовствующая царица Марья была лишена свободы, пострижена въ монахини и заключена въ Выксинскую пустынь за недостаточный надзоръ за сыномъ своимъ, царевичемъ Дмитріемъ, который, играя ножемъ, въ припадкѣ падучей болѣзни, самъ закололся. Опять преступленіе неизвѣстное ни одному уложенію. Царь Борисъ опалился на Богдана Бѣльскаго и велѣлъ своему врачу вырвать его длинную и густую бороду. За что? историки не знаютъ (Соловьевъ, VIII, 64). Но въ чемъ бы ни провинился Бѣльскій, наказаніе, которому онъ подвергся, не установлено ни однимъ уложеніемъ. Это московская практика. Въ 1547 году, въ Петровъ постъ псковичи послали къ Ивану Грозному, тогда еще 17-ти лѣтнему юношѣ, 70 человѣкъ пословъ съ жалобой на Турунтая, намѣстника псковскаго. Жалобщики били челомъ государю на сельцѣ, на Островкѣ. «И государь опалился на псковичъ сихъ, разсказываетъ лѣтописецъ, безчествовалъ, обливаючи виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы, да свѣчи зажигалъ, повелѣлъ ихъ покласти нагихъ по земли».

Судебники и Уложеніе 1649 года вычисляютъ множество случаевъ употребленія пытки, но нигдѣ не говорятъ о примѣненіи ея къ разслѣдованію политическихъ преступленій;

положилъ на жену свою, на Софью, о томъ, что къ ней приходиша бабы съ зельемъ, и обыскавъ тѣхъ бабъ лихихъ, князь великій велѣлъ ихъ казнити» (ихъ утопили въ Москвѣ-рѣкѣ ночью). Дума, злая мысль противъ великаго князя, наказывается смертною казнью гораздо прежде, чѣмъ это вошло въ уставы.

В. СЕРГѢЕВИЧЪ.

а между тѣмъ она постоянно примѣняется къ дѣламъ этого рода и въ такихъ формахъ, какія только приходили въ голову человѣческой изобрѣтательности.

Внѣшній видъ уставовъ. Въ древнѣйшее время письменная форма устава не была необходима. Довольно было словеснаго приказа. Съ теченіемъ времени ихъ стали записывать для памяти, и назывались они «памятями» или «грамотами». Подписи князя не требовалось. Обыкновенно подписывался дьякъ писавшій грамоту. Въ важныхъ случаяхъ прикладывали печать. На договорахъ князей между собой иногда подписывался митрополитъ [1]).

III. Договоры

Третій также очень обильный источникъ возникновенія права въ древнее время составляетъ соглашеніе договаривающихся сторонъ касательно началъ, имѣющихъ опредѣлять ихъ взаимныя отношенія. Договоръ въ этомъ смыслѣ выходитъ за предѣлы извѣстныхъ намъ въ современномъ гражданскомъ быту договоровъ. Эти послѣдніе опредѣляютъ отношенія сторонъ на основаніи существующаго уже права. Новаго права они не созидаютъ, а только примѣняютъ дѣйствующее къ извѣстнымъ лицамъ и отношеніямъ. Въ древнее время роль договоровъ была гораздо шире, они не примѣняли только извѣстное уже право, а установляли его вновь.

Это особенная роль договоровъ въ древнее время стоитъ въ тѣсной связи въ отсутствіемъ законодательной власти, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и съ преобладающимъ образованіемъ права путемъ обычая. Обычай, какъ мы видѣли, идетъ отъ дѣйствій автономной воли частнаго человѣка. Та же автономная воля во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, ко-

[1]) Проф. Загоскинъ, на стр. 82 своего сочиненія объ уставныхъ грамотахъ, говоритъ, что князья и цари подписывались на уставныхъ грамотахъ. Дѣйствительно, на оборотѣ грамотъ или въ концѣ ихъ иногда написано «князь...» такой-то. Но это, по всей вѣроятности, не

торые не опредѣлены еще обычаемъ или относительно которыхъ онъ не ясенъ или споренъ или, наконецъ, когда онъ ей не нравится, и она желаетъ отступить онъ него,— опредѣляетъ свои отношенія соглашеніемъ и этимъ путемъ творитъ новое право. Это древнее свое значеніе договоры сохранили и въ настоящее время, но только въ международныхъ отношеніяхъ. Здѣсь они по прежнему творятъ новое право. И причина, вызывающая это, прежняя: отсутствіе законодательной власти. Область дѣйствія договоровъ, какъ источниковъ права, въ древнее время была гораздо шире. Они встрѣчаются съ этимъ творческимъ значеніемъ не только въ международныхъ сношеніяхъ, но и внутри государства: разные составные его элементы опредѣляютъ свои отношенія путемъ договоровъ. Въ Германіи, напримѣръ, такіе договоры заключаются между сословіями (Landstände) и государями (Landesherren), въ Англіи между королями и рыцарствомъ, у насъ между городами и князьями. Но и это еще не все. Даже отдѣльныя лица, опредѣляя свои частныя отношенія путемъ договоровъ, творили для себя новое право, не извѣстное обычаямъ и уставамъ.

Но договоры имѣютъ для насъ и другое значеніе. Иногда они опредѣляютъ отношенія сторонъ на основаніи существующаго уже обычнаго права. Въ этомъ случаѣ нѣтъ творчества новаго права; договоры только формулируютъ и скрѣпляютъ соглашеніемъ уже существующее. Но зачѣмъ же нужно скрѣплять существующее право? Необходимость такого формулированія и скрѣпленія обусловливается нѣкоторой свойственной всякому обычному праву неопредѣленностью. Обычное право познается изъ отдѣльныхъ дѣйствій, изъ соблюденія, но оно не формулировано въ точныя положенія. При этомъ условіи, естественно, пониманіе началъ

подпись князя, а помѣтка имени князя, давшаго грамоту, сдѣланная писцомъ, а можетъ быть и тѣмъ лицомъ, кому дана грамота. Къ сожалѣнію, издатели грамотъ, въ которыхъ встрѣчаются такія помѣты, не говорятъ, какой рукой онѣ сдѣланы, той же, какой писана вся грамота, или иной.

обычнаго права можетъ быть спорно. Чтобы поставить его внѣ споровъ и сомнѣній, оно формулируется договорами и скрѣпляется обоюднымъ соглашеніемъ сторонъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ конкурренціей двухъ источниковъ: обычая и соглашенія.

Наконецъ, договоры содержатъ въ себѣ иногда и просто указанія на существующіе порядки, ничего относительно ихъ не установляя.

Въ нащихъ древнихъ памятникахъ договоры называются: миромъ, рядомъ, докончаніемъ, цѣлованіемъ. Олегъ посылаетъ мужей своихъ «построити мира и положити рядъ межю русью и грекы».

Мы имѣемъ нѣсколько видовъ договоровъ: 1) договоры русскихъ князей, какъ представителей русской земли, съ иностранными государствами; такіе договоры называются международными; 2) договоры между князьями различныхъ русскихъ областей, договоры междукняжескіе; 3) договоры между составными элементами одной и той же волости, между народомъ и княземъ.

IV. Вѣчевыя постановленія

Четвертый источникъ права составляютъ постановленія вѣча. Древнѣйшія изъ нихъ до насъ не дошли; только въ лѣтописяхъ находимъ краткія указанія на вѣчевыя постановленія относительно условій призванія князей, заключенія мирныхъ договоровъ и проч. Дошли до насъ только вѣчевыя грамоты Пскова и Новгорода.

Точное опредѣленіе времени составленія псковской судной грамоты представляетъ большія затрудненія. Въ началѣ грамоты сказано: «Ся грамота выписана изъ вел. кн. Александровы грамоты, и изъ князь Констянтиновы грамоты, и изъ всѣхъ приписковъ псковкихъ пошлинъ по благословенію отецъ своихъ, поповъ всѣхъ 5 съборовъ и священноиноковъ, і діяконовъ, і священниковъ, и всего божія священства, всѣмъ Псковомъ на вѣчи, въ лѣто 6905».

6905 годъ есть 1397. Но пятый соборъ въ Псковѣ былъ учрежденъ только въ 1462 г. Это противорѣчіе можно примирить двумя предположеніями. Во-1-хъ, тѣмъ, что переписчикъ XV-го вѣка, снимавшій копію съ грамоты послѣ 1462 года, когда въ Псковѣ было уже 5 соборовъ, счелъ ошибкой то, что въ грамотѣ говорится о меньшемъ числѣ ихъ, и написалъ «5 съборовъ». Во-2-хъ, тѣмъ, что грамота могла быть составлена дѣйствительно послѣ учрежденія 5-го собора и въ годъ написанія грамоты вкралась ошибка отъ небрежности переписчика. Онъ написалъ ҂ѕцє вмѣсто того, чтобы написать ҂ѕцоє. Въ первомъ случаѣ годъ составленія грамоты будетъ 1397, во второмъ—1467.

Затѣмъ возникаетъ вопросъ, кто были эти князья, Александръ и Константинъ, грамоты которыхъ вошли въ составъ псковской? Въ Псковѣ встрѣчаются два князя Александра: Александръ Невскій † 1263 и Александръ Михайловичъ Тверской † 1399. Болѣе вѣроятія приписать грамоту первому. Митрополитъ Кипріанъ, жившій въ XIV вѣкѣ, въ посланіи своемъ къ новогородцамъ, называетъ Александра, упомянутаго въ псковской грамотѣ, великимъ княземъ. Это и служитъ основаніемъ для заключенія, что Александръ грамоты есть Александръ Невскій. Мит. Кипріанъ не почтилъ бы Александра тверского именемъ великаго князя, такъ какъ онъ находился во враждебныхъ отношеніяхъ съ московскими князьями и былъ ими гонимъ и преслѣдуемъ. Древнѣйшія основы псковской грамоты восходятъ, такимъ образомъ, къ памятнику первой половины XIII вѣка.

Относительно князя Константина мы имѣемъ еще болѣе смутныя свѣдѣнія. Этотъ можетъ быть Константинъ Дмитріевичъ † 1433, братъ вел. кн. московскаго Василія Дмитріевича.

Текстъ псков. суд. грамоты дошелъ до насъ въ одномъ только спискѣ. Онъ изданъ Мурзакевичемъ съ facsimile, перепечатанъ съ примѣчаніями въ хрестоматіи Буданова. Въ Акт. Экспед. напечатана небольшая часть грамоты, извлеченная изъ лѣтописи, хранящейся въ московской сино-

дальной библіотекѣ. По недосмотру она названа новогородской записью о церковномъ судѣ (т. I, № 103).

Псковская грамота содержитъ богатый матеріалъ для изученія гражданскаго права, уголовнаго и судопроизводства. Прекрасное изслѣдованіе о гражданскихъ законахъ псковской судной грамоты написано проф. Энгельманомъ.

Относительно возможныхъ въ будущемъ измѣненій въ грамотѣ установленъ такой порядокъ: «А которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложити города Пскова на вѣчѣ, да тая строка написать. А которая строка въ сей грамотѣ не люба будетъ господину Пскову, ино та строка вольно будетъ выписать вонъ изъ грамоты» Ст. 108.

Новгородская судная грамота была составлена тоже на вѣчѣ. Объ этомъ говорится въ самомъ ея началѣ: «Доложа господы великихъ князей, великаго князя Ивана Васильевича всея Руси и сына его, великаго князя Ивана Ивановича всея Руси, и по благословенію нареченнаго на архіепископство великаго Новагорода и Пскова священно-инока Өеофила, и покончаша посадники ноугородскіе, и тысяцкіе ноугородскіе, и бояря, и житьи люди, купци, и черные люди, вся пять концовъ, весь государь великій Новгородъ на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ». Первая строка приведенной надписи не принадлежитъ къ первоначальному составу грамоты. Эта надпись была сдѣлана послѣ 1471 года. Въ 1471 году въ Новгородѣ возникла мысль отложиться отъ вел. кн. московскаго и задаться за вел. кн. Литовскаго. Начатая по этому поводу война съ Новгородомъ кончилась въ пользу вел. кн. Ивана Васильевича. Въ заключенномъ послѣ этой войны мирѣ находимъ такое условіе: «А что грамота докончальная въ Новгородѣ промежъ себя о судѣ, ино у той грамоты быти имени и печати великихъ князей». Въ первоначальной редакціи новогородской судной грамоты, слѣдовательно, имени великихъ князей не было. Она была составлена новогородцами только «промежъ себя» безъ утвержденія великихъ государей. Переписка грамоты на

имя великихъ князей совершилась въ 1471 году или въ слѣдующемъ. Но когда была составлена грамота на вѣчѣ, этого мы не знаемъ. Можно думать, что это произошло около половины XV вѣка. Еслибы грамота была очень старая, московскій князь едва-ли бы обратилъ на нее вниманіе и сталъ требовать переписки ея на свое имя.

Новгородская грамота дошла до насъ тоже въ одномъ только спискѣ и, къ сожалѣнію, неполномъ. Она не имѣетъ конца. Дошедшая до насъ часть содержитъ постановленія объ организаціи и порядкѣ суда. Списокъ, напечатанный Карамзинымъ, т. V. пр. 404, и въ Акт. Арх. Эксп., т. I, № 92, имѣетъ въ своемъ основаніи одинъ и тотъ же оригиналъ.

V. Византійское право

Принятіе христіанства имѣло своимъ необходимымъ слѣдствіемъ переносъ въ Россію памятниковъ византійскаго церковнаго права. Для потребностей церковнаго управленія къ намъ получили доступъ два греческихъ номоканона: въ 50 титуловъ и въ 14. Номоканонъ въ 50 титуловъ составленъ изъ двухъ сборниковъ, приписываемыхъ Іоанну Схоластику (VI в.). Первый изъ этихъ сборниковъ каноническаго содержанія: это сводъ церковныхъ правилъ, расположенный въ 50 титулахъ; второй—сборникъ свѣтскихъ законовъ по дѣламъ церковнымъ; онъ заключаетъ въ себѣ выборку изъ разныхъ новеллъ и состоитъ изъ 87 главъ. Второй, позднѣйшій по времени номоканонъ въ 14 титуловъ, приписываемый патріарху Фотію (883), также состоитъ изъ каноновъ и свѣтскихъ законовъ. Въ IX вѣкѣ этотъ номоканонъ былъ только пересмотрѣнъ и дополненъ постановленіями шестого и седьмого вселенскихъ соборовъ и соборовъ, бывшихъ при Фотіи; первоначальную же редакцію его относитъ ко второй четверти VII в.

Въ виду зависимости нашей церкви отъ константино-

польской, она должна была подчиняться тѣмъ же правиламъ, какія дѣйствовали въ церкви греческой, а потому греческіе номоканоны и признавались у насъ дѣйствующимъ церковнымъ правомъ. Русскіе епископы во всѣхъ случаяхъ, восходившихъ на ихъ рѣшеніе, обращались за отвѣтомъ къ номоканону. По вопросу о правахъ усыновленнаго митрополитъ Кипріанъ отвѣчалъ: «и азъ, воззрѣвъ есмо въ номоканунъ, да изнашелъ есми правило...» Наши канонисты думаютъ, однако, что до митрополита Кирилла II въ славянскомъ переводѣ у насъ существовали и употреблялись номоканонъ въ 50 титулахъ и номоканонъ въ 14 титулахъ, но въ древнѣйшей до-Фотіевской редакціи. Фотіевъ же номоканонъ сдѣлался у насъ извѣстенъ въ славянскомъ переводѣ только со времени полученія изъ Болгаріи новаго списка кормчей, о чемъ митр. Кириллъ и заявилъ на Владимірскомъ соборѣ 1274 года. Павловъ, Первоначальный славяно-русскій номоканонъ.

Помимо памятниковъ церковнаго законодательства, у насъ были исвѣстны и византійскіе сборники свѣтскаго права: эклога и прохиронъ.

Эклога издана въ 741 году импер. Львомъ Исавряниномъ и сыномъ его, Константиномъ. Въ исторіи византійскаго права Льву Исавряниву принадлежитъ роль смѣлаго реформатора (Васильевскій въ Ж. М. Н. Пр. за 1878 г., № 10-й). Преобразованія его имѣли мѣсто въ области религіозной и гражданской. Въ области религіозной онъ не касался догматовъ, а только внѣшняго проявленія религіознаго чувства: иконъ, мощей, монастырей. Онъ ограничилъ число монастырей, отнялъ у духовенства общественное обученіе и подчинилъ общимъ налогамъ церковныя имущества. Въ области гражданской законодательство его коснулось крестьянъ, положеніе которыхъ онъ улучшилъ, семейнаго права, постановленія котораго онъ старался привести въ согласіе съ воззрѣніями церкви на бракъ, и, наконецъ, уголовнаго права.

Важнѣйшимъ памятникомъ законадательства имп. Льва

является эклога. Она носитъ такое заглавіе: «Избраніе законовъ вкратцѣ, учиненное Львомъ и Константиномъ, мудрыми и благочестивыми царями, изъ институцій, дигестъ, кодекса и новыхъ постановленій великаго Юстиніана, съ исправленіемъ въ смыслѣ большаго человѣколюбія». Поводъ къ изданію этого сборника объясненъ въ предисловіи такъ: «законоположенія прежнихъ царей содержатся во многихъ книгахъ и заключающійся въ нихъ разумъ для однихъ трудно постижимъ, а для другихъ и совершенно недоступенъ... Посему мы сочли приличнымъ, чтобы въ этой (одной) книгѣ частью сообразно съ тѣмъ, что содержится въ тѣхъ книгахъ благоприличнаго, частью сообразно съ тѣмъ, что мы вновь постановили, были болѣе ясно и кратко изложены рѣшенія относительно дѣлъ, чаще всего встрѣчающихся...»

Эклога состоитъ изъ 18 титуловъ или граней. Первые 16 посвящены гражданскому праву. Правила о бракѣ и приданомъ помѣщены въ трехъ первыхъ титулахъ, въ 4-мъ рѣчь идетъ о дареніи, въ 5 и 6—о наслѣдованіи по завѣщанію и безъ завѣщанія, въ 7—объ опекѣ и попечительствѣ, въ 8—объ отпущеніи рабовъ на волю, въ 9 по 13—объ обязательствахъ, въ 14—о свидѣтеляхъ, въ 15—о заимообразныхъ сдѣлкахъ, въ de castrense peculio vel quasi castrense. Уголовное право содержится въ 17-мъ титулѣ, въ 18 рѣчь идетъ о раздѣленіи военной добычи.

Обѣщаніе предисловія, въ которомъ возвѣщено исправленіе прежняго законодательства, всего болѣе оправдывается постановленіями о бракѣ. Здѣсь наблюдается нѣкоторое стремленіе возвысить положеніе жены въ семьѣ: для вступленія дѣтей въ бракъ необходимо и ея согласіе. Отмѣняется конкубинатъ: съ конкубиной надо вступить въ бракъ, или отпустить ее. Случаи развода очень стѣсняются. Наконецъ, дозволены браки между лицами разныхъ исповѣданій. Важныя измѣненія встрѣчаются и въ наслѣдственномъ правѣ. Послѣ смерти мужа всѣ права его, по отношенію къ имуществу и дѣтямъ, переходятъ на

пережившую его жену: дѣти должны состоять въ ея волѣ и во всемъ ей подчиняться. Родителямъ дано право наслѣдовать впереди боковыхъ родственниковъ. Уголовный титулъ изобилуетъ тѣлесными наказаніями и даже членовредительными, но и въ немъ замѣчается нѣкоторое движеніе впередъ: тѣлесныя наказанія замѣняютъ иногда смертную казнь, которая назначалась прежними законами.

Реакція противъ реформаторскаго направленія, выразившагося въ законодательствѣ Льва Исаврянина, началась уже при имп. Львѣ Хозарскомъ. Во главѣ партіи ненавистниковъ новаго направленія выступила имп. Ирина, стоявшая на сторонѣ обрядности, иконъ и монаховъ. Но реформы возбуждали противодѣйствіе не при одномъ только дворѣ. Монахи, простой народъ и особенно женщины съ ужасомъ отвращались отъ нововведеній, которыя, казалось имъ, подрывали самыя основы христіанской вѣры.

Борьба стараго съ новымъ продолжалась около 100 лѣтъ. Противники реформъ не ограничились возстановленіемъ поклоненія иконамъ: они шли противъ всѣхъ нововведеній эклоги. Въ царствованіе Василія Македонянина многія изъ нихъ были не только отмѣнены, но и осуждены. Въ отмѣну эклоги Василій Македонянинъ издалъ новую ручную книгу законовъ, прохиронъ. Мотивы изданія такъ объяснены имъ во введеніи: «Скажетъ кто-нибудь: такъ какъ наши предки оставили намъ нѣчто подобное, то почему бы не успокоиться на этомъ сокращеніи и зачѣмъ было прибѣгать намъ ко второму избранію?.. Слѣдуетъ знать, что это такъ называемое руководство содержало не столько избраніе, сколько извращеніе добрыхъ законоположеній, допущенное намѣренно собирателемъ... Посему еще нашими предшественниками это прежнее руководство было отвергнуто, хотя и не вполнѣ, а сколько это требовалось».

Этотъ второй сборникъ, составленный въ 870 году, есть возвращеніе къ началамъ Юстиніанова права; только въ области уголовнаго законодательства онъ повторяетъ эклогу.

Прохиронъ дѣйствовалъ до паденія Восточной имперіи.

Но несмотря на формальную отмѣну эклоги, ею продолжали руководствоваться и послѣ изданія прохирона. Въ греческихъ сборникахъ сводовъ церковныхъ постановленій на ряду съ правилами святыхъ отцовъ и учителей церкви помѣщались и оба краткія руководства: прохиронъ и эклога. Знаменитый флорентійскій кодексъ, содержащій греческій номоканонъ. заключаетъ въ себѣ и лучшій списокъ эклоги.

Возникаетъ вопросъ, съ какого времени эти сборники сдѣлались извѣстны у насъ? Въ греческихъ оригиналахъ они, конечно, находились въ рукахъ первыхъ епископовъ грековъ. Что касается славянскихъ переводовъ эклоги и прохирона, то наши древнія кормчія содержатъ въ себѣ не полные переводы этихъ памятниковъ, а только переводы нѣкоторыхъ отрывковъ изъ нихъ. Такое состояніе дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ кормчихъ не мѣшаетъ, однако, проф. Павлову утверждать, что въ составъ первоначальнаго славяно-русскаго номоканона несомнѣнно входили эклога Льва Исаврянина и прохиронъ Василія Македонянина (81). Это предположеніе почтеннаго ученаго подтверждается и составомъ пространныхъ списковъ Русской Правды, нѣкоторыя статьи которыхъ могутъ быть объяснены лишь дѣйствіемъ въ нашей практикѣ соотвѣтствующихъ этимъ статьямъ правилъ эклоги. Вліяніе на практику церковныхъ судовъ постановленій эклоги можно, однако, допустить и при наличности въ первое время однихъ греческихъ текстовъ.

Полный переводъ прохирона находится въ сербской кормчей, полученной митр. Кирилломъ изъ Болгаріи. Въ печатной кормчей помѣщены прохиронъ подъ названіемъ градскихъ законовъ и эклога подъ заглавіемъ: Леона царя премудраго и Константина вѣрною царю главизны о совѣщаніи обрученія, и о брацѣхъ, и о иныхъ различныхъ винахъ. Прохиронъ составляетъ 48 главу печатной кормчей, эклога—49-ю.

Въ русскомъ переводѣ эклоги есть нѣкоторыя отступленія отъ оригинала. Переводъ состоитъ не изъ 18, а только

изъ 16 зачатковъ или титуловъ. Эта разница произошла отъ того, что 12-й титулъ объ эмфитевзисахъ выпущенъ; 17-й же присоединенъ къ 18-му. Затѣмъ есть разница и въ порядкѣ расположенія титуловъ.

Вліяніе свѣтскихъ византійскихъ сборниковъ на русское право, главнымъ образомъ, обусловливалось подсудностью духовнымъ судамъ вопросовъ брачнаго права и права наслѣдственнаго. При рѣшеніи этихъ вопросовъ духовенство, конечно, обращалось не къ народнымъ обычаямъ, а къ постановленіямъ византійскихъ императоровъ. Эта практика церковныхъ судовъ и оставила свой слѣдъ въ пространныхъ спискахъ Русской Правды.

Кромѣ указанныхъ византійскихъ сборниковъ въ русскихъ кормчихъ находится еще юридическій памятникъ, извѣстный подъ именемъ «закона суднаго людямъ» или «судебника царя Константина». Существуютъ двѣ редакціи закона суднаго: пространная и краткая. Краткая—есть славянская переработка 17-го титула эклоги съ небольшими заимствованіями изъ другихъ титуловъ. Пространная заключаетъ въ себѣ, кромѣ того, еще извлеченія изъ законовъ Моисеевыхъ.

VI. Ханскіе ярлыки

Къ числу источниковъ права относятся также ханскіе ярлыки. Княженія русскія были завоеваны татарами, подъ вліяніемъ которыхъ произошли измѣненія въ нѣкоторыхъ областяхъ права. Татары во время своего господства считали русскую землю своимъ владѣніемъ и на этомъ основаніи распоряжались ею, какъ хотѣли. Волю свою они выражали въ ярлыкахъ, которые давали князьямъ и духовенству. Ярлыки, даваемые князьямъ, касались опредѣленія правъ князей на извѣстный столъ. Князья нерѣдко спорили о княженіи въ томъ или другомъ городѣ и прогоняли другъ друга. Не имѣя возможности одолѣть противника своими

собственными силами, они обращались за помощью въ Орду. Орда признавала за извѣстнымъ княземъ право на извѣстный столъ и выдавала ему ярлыкъ на княженіе. Объ этихъ ярлыкахъ говорится во многихъ мѣстахъ лѣтописи, но ни одного изъ нихъ къ намъ не дошло. Другой родъ ярлыковъ—это ярлыки, даваемые духовенству (митрополиту, епископамъ и т. п.). Завоевавъ Русскую землю, татары, однако, не преслѣдовали православіе и русское духовенство, они покровительствовали ему и просили усердно молиться Богу за нихъ. Вслѣдствіе такого отношенія къ духовенству, татары выдавали ярлыки епископамъ и митрополитамъ, въ которыхъ освобождали ихъ отъ дани, признавали за ними право суда въ принадлежащихъ имъ владѣніяхъ, запрещали баскакамъ (татарскимъ чиновникамъ) въѣзжать въ имѣнія духовенства и проч. Ярлыки, даваемые духовенству, сохранились до нашего времени. Они собраны и напечатаны Григорьевымъ. Приводимъ для примѣра ярлыкъ, данный митрополиту Іонѣ: «Тайдулино слово. Гдѣ сей Іона митрополитъ, молебникъ, за насъ молится отъ первыхъ добрыхъ временъ и доселѣ, такожъ и иные церковные молебны, ино не надобе имъ никоторая пошлина и не емлютъ у нихъ ничего, занеже они молитву творятъ за насъ Богу».

Особенно важенъ ярлыкъ, данный первому русскому митрополиту, поставленному послѣ разоренія Кіева, Кириллу, основавшему православную епископію въ столицѣ хановъ; онъ получилъ отъ Менгу Темира жалованную грамоту такого содержанія: черное духовенство и бѣлое, а также сыновья и братья послѣдняго (живущіе въ одномъ домѣ) освобождаются отъ всякихъ даней и повинностей денежныхъ и натуральныхъ. Церковныя земли и люди объявляются неприкосвенными. На церковныхъ людей, къ которымъ причислены мастера и всякіе слуги и работники, не могутъ быть возложены никакія службы и работы свѣтскими властями. Всѣ принадлежности богослуженія объявлены неприкосновенными. За хулу противъ православной вѣры возвѣщена смертная казнь. То же наказаніе угрожаетъ

и за всякое нарушеніе предоставленныхъ духовенству привилегій. Рум. Собр. II, № 2. Съ такимъ ярлыкомъ въ рукахъ русское духовенство не только было независимо отъ мѣстной княжеской власти, но даже ограничивало ее. Не только татарскіе баскаки, но и русскіе князья не могли облагать духовенство повинностями, не могли касаться его водъ и земель, не могли проявлять свою власть надъ его слугами и работниками. Переселеніе митрополитовъ на сѣверъ совпадаетъ съ моментомъ формальнаго признанія полной независимости духовенства отъ русской свѣтской власти. Это привилегированное положеніе вспоминалось нашему духовенству еще въ XVI в. Когда при вел. князѣ Иванѣ Васильевичѣ былъ возбужденъ вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ, духовный соборъ обсуждавшій этотъ вопросъ, въ своемъ отвѣтѣ царю, между прочимъ, говоритъ: «Мнози и отъ невѣрныхъ и нечестивыхъ царей въ своихъ царствахъ отъ св. церквой и отъ свящ. мѣстъ ничто же не имаху, и недвижимыхъ вещей не смѣли двигнути, и судити, или поколебати... и зѣло по св. церквахъ побораху, не токмо въ своихъ странахъ но и въ Россійскомъ вашемъ царствіи, и ярлыки давали» Карамзинъ, VI, пр. 622). Независимое положеніе, упроченное за духовенствомъ ханскими ярлыками XIII вѣка, служитъ ему средствомъ въ борьбѣ съ московскими вел. князьями даже въ XVI-мъ.

Русская правда

Этотъ памятникъ древнѣйшаго русскаго права былъ открытъ Татищевымъ въ Новгородской лѣтописи письма исхода XV вѣка. Татищевъ оцѣнилъ его важность, выписалъ изъ лѣтописи, перевелъ, снабдилъ примѣчаніями и представилъ въ 1738 году въ Академію Наукъ. Тамъ Русская Правда оставалась безъ движенія почти въ теченіе 30-ти лѣтъ, и только Шлецеръ отдалъ ей должное и впер-

вые напечаталъ въ 1767 году. Съ этого времени она сдѣлалась предметомъ изученія.

Списки Русской Правды находятся въ новгородскихъ лѣтописяхъ, въ кормчихъ книгахъ и въ сборникахъ разнаго рода статей, которые содержатъ въ себѣ, между прочимъ, и цѣлый рядъ юридическихъ памятниковъ, напримѣръ: судебникъ царя Константина, извлеченіе изъ книгъ Моисеевыхъ, договоръ смоленскаго князя Мстислава съ нѣмцами, уставъ о мостовыхъ и пр., а между ними и Русскую Правду Нѣкоторые изъ сборниковъ этого рода носятъ наименованіе «Мѣрило Праведное».

Въ настоящее время извѣстно болѣе 50 списковъ Русской Правды. Перечислимъ важнѣйшіе изъ напечатанныхъ въ порядкѣ древности письма тѣхъ рукописей, въ которыхъ эти списки были найдены.

Списокъ Синодальный ниходится въ кормчей, принадлежащей московской Синодальной библіотекѣ. Изъ предисловія кормчей видно, что она написана въ концѣ XIII вѣка повелѣніемъ новгородскаго князя Дмитрія и «стяжаніемъ боголюбиваго архіепископа новгородскаго Климента» и положена въ Софійской новгородской церкви «на почитаніе священникомъ и на послушаніе крестьяномъ и собѣ на спасеніе души». Въ этой кормчей, послѣ уставовъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, находятся статьи, относящіяся до Россіи; среди нихъ помѣщена и Русская Правда подъ заглавіемъ: Судъ Ярославль Володимирица. За Русской Правдой идутъ: уставъ св. Владиміра о церковныхъ судахъ и уставъ новогородскаго князя Святослава о десятинахъ. Рукопись Синодальной кормчей по письму относятъ къ исходу XIII вѣка.

Этотъ списокъ напечатанъ въ I томѣ Русскихъ Достопамятностей за 1815 г., перепечатанъ проф. Мрочекъ-Дроздовскимъ въ его Изслѣдованіяхъ о Русской Правдѣ вып. II, 1885 г., и принятъ въ основаніе систематическаго изданія Калачова въ его изслѣдованіи о Русской Правдѣ 1846 г. Это древнѣйшій списокъ Правды по письму. Онъ можетъ служить однимъ изъ образцовъ древнѣйшей по письму ея

редакціи, но далеко не лучшимъ. Переписчикъ этого экземпляра имѣлъ подъ руками оригиналъ съ значительными описками и присоединилъ къ нимъ новыя.

Гораздо лучше этого списка нѣкоторые позднѣйшіе. Изъ нихъ относятся къ тому же роду списковъ: Троицкій; онъ находится въ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ «Мѣрила Праведнаго» и принадлежащемъ библіотекѣ Троицко-Сергіевской лавры. Сборникъ писанъ уставомъ конца XIV вѣка. Русская правда помѣщена здѣсь вслѣдъ за статьею «о церковныхъ людѣхъ и судѣхъ». Списокъ этотъ напечатанъ Калачовымъ въ его изданіи 1847 года Русской Правды по четыремъ спискамъ.

Списокъ Пушкинскій; онъ находится въ сборникѣ разныхъ юридическихъ статей, принадлежащемъ графу Мусину-Пушкину, и помѣщенъ здѣсь подъ заглавіемъ: «Судъ Ярослава князя и уставъ о всяцихъ пошлинахъ и о уроцѣхъ»; конецъ его непосредственно сливается съ такъ называемымъ судебникомъ царя Константина. Рукопись этого сборника, по мнѣнію Калайдовича, принадлежитъ XIII вѣку, а по мнѣнію Строева, къ которому присоединился и Калачовъ, къ концу XVI. Она напечатана въ Русскихъ Достопамятностяхъ т. II, 1843 г., Дубенскимъ, который приложилъ къ своему изданію и объяснительный словарь реченій Правды. Этотъ списокъ относится къ одной редакціи съ двумя предшествующими и замѣчателенъ многими варіантами, изъ которыхъ особенно важенъ варіантъ къ ст. о наслѣдованіи, который одинъ даетъ возможность правильно ее истолковать.

Весьма близокъ къ этому списку, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исправнѣе его и ближе къ первоначальному оригиналу, списокъ Археографической коммиссіи, написанный въ половинѣ XV вѣка. Онъ находится въ рукописи, содержащей въ себѣ родословія русскихъ князей, списки новогородскихъ посадниковъ и тысяцкихъ, списки русскихъ митрополитовъ, лѣтопись Акима, епископа новгородскаго и нѣсколько юридическихъ статей, среди которыхъ и Русскую Правду, которая помѣщена между церковнымъ уста-

вомъ Всеволода и судебникомъ царя Константина. Списокъ этотъ напечатанъ въ приложеніи къ новгородской лѣтописи по Синодальному харатейному списку.

Карамзинскій списокъ, принадлежащій къ тому же разряду, но содержащій въ себѣ много добавочныхъ статей. Онъ находится въ новгородской лѣтописи, писанъ почеркомъ XV вѣка и напечатанъ въ изданіи Калачова 1847 года.

Въ упомянутомъ сборникѣ Археографической коммиссіи находятся еще два другихъ списка Русской Правды, болѣе древней ея редакціи. Онѣ помѣщены въ самомъ текстѣ лѣтописи подъ 1016 г. послѣ описанія войны Ярослава Владиміровича со Святополкомъ, за словами: «Ярославъ иде Кыеву и сѣде на столѣ отца своего Володимира нача вое свое дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а новъгородьцемъ по 10 веѣмъ; и отпусти я домовъ вся, и давъ имъ правду и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сей грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите».

Къ этому же второму роду списковъ относятся: списокъ впервые открытый Татищевымъ и такъ называемый Академическій, находящійся въ Новогородской лѣтописи, принадлежащей Академіи Наукъ. Рукопись этой лѣтописи по письму относится къ концу XV вѣка, а потому она немного моложе Археографической. Первое изданіе Шлецера сдѣлано съ этой рукописи. Академическій списокъ Правды былъ вновь напечатанъ Калачовымъ въ изданіи 1847 года. Татищевъ имѣлъ подъ руками какой-то другой списокъ этой Правды, до насъ не дошедшій, изъ котораго и привелъ два важныхъ варіанта. Они воспроизведены у Калачова.

Въ заключеніе укажу на списокъ князя Оболенскаго; онъ взятъ изъ кормчей письма половины XVII вѣка. Русская Правда помѣщена здѣсь подъ заглавіемъ: «Судъ Ярославль Володимеричя указъ». Этотъ списокъ служитъ образцомъ самой поздней редакціи Правды; онъ напечатанъ Калачовымъ въ изд. 1847 г.

Изданія Синодальнаго, Пушкинскаго и Археографиче-

скаго списковъ представляютъ точное воспроизведенiе подлежащихъ рукописей. Таково же изданiе Русской Правды и проф. Мрочекъ-Дроздовскаго по спискамъ Синодальному, Чудовскому и нѣкоторымъ другимъ. Издатель приложилъ къ своему труду и объяснительный словарь, дополняющiй словарь Дубенскаго.

Кромѣ такихъ изданiй, точно воспроизводящихъ памятникъ, мы имѣемъ еще цѣлый рядъ изданiй, приспособленныхъ для учебныхъ цѣлей. Въ такихъ изданiяхъ Русская Правда дѣлится на статьи съ нумерацiей. Калачовъ еще въ 1847 г. напечаталъ Правду по четыремъ характернымъ спискамъ: Академическому, Троицкому, Карамзинскому и по списку кн. Оболенскаго съ дѣленiемъ ихъ на статьи. Проф. Владимiрскiй-Будановъ въ своей христоматiи воспроизводитъ изъ этого изданiя Русскую Правду по спискамъ Академическому и Карамзинскому, а въ примѣчанiяхъ подъ текстомъ даетъ опытъ «христоматiи историко-юридической литературы, относящейся къ памятнику». Въ этомъ изданiи можно найти, такимъ образомъ, не только два текста Русской Правды, но и высказанныя въ литературѣ мнѣнiя въ цѣляхъ ея толкованiя.

Всего более отступаетъ отъ текста рукописей изданiе Калачова, сдѣланное имъ 1846 г., въ его Изслѣдованiяхъ о Русской Правдѣ. Русская Правда не только дѣлится здѣсь на статьи съ нумерацiей, но содержанiе ея приводится въ систематическiй порядокъ и печатается въ искусственной послѣдовательности, а не въ той, какая соблюдается въ рукописяхъ. Издатель даетъ сперва статьи, относящiяся къ государственному праву, потомъ къ гражданскому, затѣмъ къ уголовному и наконецъ къ процессу. Дѣленiе права на государственное, гражданское, уголовное и процессульное было совершенно не извѣстно составителямъ Правды. Примѣненiе нашей современной системы къ изданiю древняго памятника лишаетъ его своеобразнаго колорита и ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ подражанiя. Достоинство этого изданiя не въ его системѣ, а во множествѣ приво-

димыхъ авторомъ варіантовъ. Въ основаніе изданія положена рукопись Синодальнаго списка, а въ примѣчаніяхъ съ величайшимъ трудолюбіемъ и вниманіемъ собраны варіанты изъ 50 списковъ, бывшихъ въ распоряженіи автора. Безъ пользованія этимъ изданіемъ невозможно изученіе Правды.

Первое дѣленіе изданныхъ списковъ Русской Правды на статьи было сдѣлано еще Татищевымъ. Открытый имъ списокъ древнѣйшей Правды онъ раздѣлилъ на 35 статей; въ этомъ видѣ списокъ этотъ и былъ напечатанъ Академіей Наукъ въ 1786 г. въ I т. Продолженій Древней Россійской вивліоѳики. Списки древнѣйшей по письму редакціи впервые были раздѣлены на статьи въ изданіи дерптскаго проф. Тобина. Этотъ опытъ древнѣйшаго дѣленія Правды на статьи въ нашей литературѣ не удержался; онъ былъ вытѣсненъ дѣленіемъ, предложеннымъ Калачовымъ въ его систематическомъ изданіи Правды, которое потомъ перешло и въ его изданіе Правды по четыремъ спискамъ 1847 г. Это дѣленіе принято въ изданіяхъ Утина и Лазаревскаго, Владимірскаго-Буданова и другихъ.

Дѣленіе такого памятника, какъ Русская Правда, на статьи есть дѣло большой трудности и большой важности. Въ дѣленіи на статьи выражается пониманіе смысла памятника. Что̀ издатель соединилъ въ одну статью, то, значитъ, относится къ одному предмету; что̀ онъ раздѣлилъ,—то къ разнымъ. Но этимъ еще не исчерпывается возможное зло ошибочнаго дѣленія. Принятое дѣленіе можетъ оказывать вліяніе на позднѣйшія изслѣдованія. Изслѣдователь можетъ принять существующее дѣленіе не какъ выраженіе пониманія издателя, а какъ нѣчто, принадлежащее самому памятнику, и толковать статьи именно въ той совокупности и раздѣльности, въ какой онѣ явились у издателя. Правильное дѣленіе можетъ явиться только въ результатѣ полнаго объясненія Русской Правды, а никакъ не предшествовать ему. Вотъ почему къ существующимъ дѣленіямъ надо относиться съ большою осторожностью. Они допускаютъ измѣненія.

Эверсъ въ своемъ изслѣдованіи о древнѣйшемъ русскомъ

правѣ слѣдовалъ дѣленію Татищева; новые издатели предпочли Калачовское, но никакъ нельзя сказать, чтобы всѣ Калачовскія отступленія отъ стараго дѣленія были шагомъ впередъ.

Дѣленіе Тобина очень сложно. Онъ, во-первыхъ, дѣлитъ по заголовкамъ. Такихъ статей у него 88. Затѣмъ каждую изъ такихъ нерѣдко очень большихъ статей онъ подраздѣляетъ на мелкія. Такихъ мелкихъ у него выходитъ до 214. Дѣленіе по заголовкамъ, конечно, совершенно лишнее и позднѣйшіе издатели хорошо сдѣлали, что его оставили. Но въ дѣленіи на мелкія статьи у Тобина есть многое, что слѣдовало бы возстановить. Имъ было предложено весьма основательное дѣленіе статей: 1, 15, 17, 23, 85, 88, 95 и нѣкоторыхъ другихъ, на которое позднѣйшіе издатели совсѣмъ не обратили вниманія.

Въ своемъ систематическомъ изданіи Правды Калачовъ пользовался 50 списками. Въ дѣйствительности ихъ сохранилось гораздо болѣе. По словамъ Строева число списковъ Правды доходитъ до 300. Калачовъ, этотъ большой знатокъ рукописей Правды, выражаетъ, однако, сомнѣніе, чтобы можно было еще найдти списки съ важными и намъ неизвѣстными особенностями.

Для того, чтобы изучать Правду, необходимо классифицировать ея списки. На вопросѣ о классификаціи первый остановился дерптскій проф. Тобинъ въ его Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes. B. I. Die Prawda Russkaia. 1844. Всѣ списки Правды онъ дѣлитъ на двѣ фамиліи по различію ихъ объема и содержанія. Первую фамилію составляютъ краткіе списки, находимые въ древнихъ новогородскихъ лѣтописяхъ; вторую— всѣ остальные, пространные. Калачовъ въ своемъ изслѣдованіи о Русской Правдѣ значительно отступилъ отъ этой классификаціи и предложилъ новое основаніе дѣленія. Онъ дѣлитъ списки Русской Правды на 4 фамиліи, но не по различію списковъ, а по различію тѣхъ памятниковъ, въ ко-

торыхъ они находятся. Къ 1-й фамиліи онъ относитъ списки, находящіеся въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ, Новгородской и Ростовской. Это будетъ краткіе списки. Первая фамилія Калачова случайно совпадаетъ съ первой фамиліей Тобина. Ко второй Колачовъ относитъ списки кормчихъ такъ называемаго Кирилловскаго разряда и близко подходящихъ къ нимъ древнихъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Мѣрила Праведнаго; къ третьей—списки позднѣйшихъ (софійскихъ) временниковъ; къ четвертой—списки позднѣйшихъ сборниковъ отдѣльныхъ статей весьма различнаго содержанія. Раздѣливъ всѣ списки Русской Правды на четыре фамиліи, авторъ указываетъ затѣмъ сходства и различія между ними. Списки первой фамиліи существенно отличаются по объему и содержанію отъ списковъ трехъ послѣднихъ. Спрашивается, такъ ли велики различія между списками трехъ послѣднихъ фамилій, чтобы изъ нихъ можно было сдѣлать разныя фамиліи? Въ отвѣтъ на это вотъ что читаемъ у Калачова: «Текстъ списковъ второй фамиліи, отличающійся довольно ясно отъ текста списковъ первой фамиліи, не представляетъ никакихъ существенныхъ различій отъ текста двухъ послѣднихъ фамилій. Слѣдовательно, за исключеніемъ списковъ первой фамиліи, текстъ рукописей второй фамиліи можно признать за общій всѣмъ спискамъ Русской Правды». Если нѣтъ существенныхъ различій между списками трехъ послѣднихъ фамилій, если текстъ рукописей второй фамиліи можно признать за общій всѣмъ спискамъ Русской Правды, то нѣтъ основанія дѣлить эти списки на три фамиліи. Они составляютъ одну фамилію, а существующія между ними различія могутъ дать поводъ лишь къ подраздѣленію этой фамиліи на нѣкоторыя подфамиліи. Итакъ, когда дѣло дошло до подробностей, автору самому пришлось признать, что его 2-я, 3-я и 4-я фамиліи, по отношенію къ первой, представляютъ только одну. Это есть необходимое слѣдствіе того, что онъ избралъ неправильное основаніе дѣленія. Списки должны дѣлиться на фамиліи по различіямъ, которыя свойственны имъ, а не по различію

памятниковъ, въ которыхъ они находятся. Въ разныхъ памятникахъ могутъ находиться однородные списки, какъ и оказалось въ дѣйствительности. Классификація Калачова считается, однако, правильной и до нашихъ дней. Ея придерживается, напримѣръ, проф. Мрочекъ-Дроздовскій.

Въ третьемъ изданіи настоящей книги я держался Тобиновскаго дѣленія на двѣ фамиліи, прибавивъ къ нимъ третью, позднѣйшую, которая ушла отъ вниманія дерптскаго профессора потому, что списки этой фамиліи не были тогда изданы и остались ему неизвѣстны. Сдѣлавъ въ 1904 году собственное изданіе Правды и ознакомившись для этого съ рукописями, я пришолъ къ убѣжденію, что мы имѣемъ не 3, а 4 фамиліи или редакціи Правды. Подъ такими редакціями или фамиліями я разумѣю совокупность памятниковъ, носящихъ общее названіе Русской Правды или Правды Русской земли, но различныхъ по объему, содержанію, расположенію статей и очень не рѣдко самою ихъ формулировкой. Каждая такая редакція сохранилась въ нѣсколькихъ однородныхъ спискахъ, представляющихъ иногда нѣкоторыя, болѣе мелкія различія. Эти болѣе мелкія различія списковъ, по мнѣнію Калачова, могутъ дать поводъ къ образованію въ отдѣльныхъ редакціяхъ еще особыхъ видовъ Правды. Доселѣ изданные списки Правды отдѣльныхъ ея редакцій не представляютъ такихъ существенныхъ различій, что бы были достаточныя основанія образовать особыя подвиды въ редакціяхъ этого памятника.

Издатели рукописныхъ списковъ Правды, о которыхъ рѣчь была выше, при всей точности ихъ превосходныхъ изданій, не обращаютъ, однако, большаго вниманія на нѣкоторыя особенности рукописей, которыя имѣютъ значеніе. Я разумѣю буквы, писанныя киноварью. Старинные писцы, какъ и современные писатели, каждый имѣетъ свои особенности. Тѣмъ не менѣе старое письмо имѣетъ общіе характерные признаки, которыми отличается отъ современнаго. Эти признаки хорошо извѣстны, и мнѣ нѣтъ надобности перечислять

ихъ. Я остановлюсь только на одномъ различіи стараго и новаго письма, имѣющемъ значеніе въ данномъ случаѣ. Въ наше время существуютъ абзацы, которыми писатели и пользуются для расчлененія отдѣльныхъ мыслей. У нѣкоторыхъ это расчлененіе доходитъ до того, что чуть ли не каждое предложеніе начинается съ новой строки; у другихъ цѣлыя страницы идутъ одна за другой безъ всякихъ абзацевъ. Для расчлененія крупныхъ отдѣловъ одного и того же труда новыми строками не довольствуются, а дѣлаютъ значительныя отступленія отъ послѣдней строки, а иногда новый отдѣлъ начинаютъ съ новой страницы, оставляя предшествующую недописанной. Передъ новыми отдѣлами ставятъ заголовки въ особыхъ строкахъ и особымъ шрифтомъ. Все это очень облегчаетъ пониманіе написаннаго и напечатаннаго. Но ничего подобнаго не встрѣчаемъ въ старыхъ книгахъ. Есть кормчія, мѣрила праведныя, лѣтописи, написанныя съ начала до конца въ одну строку. Совершенно разныя статьи слѣдуютъ одна за другой не только безъ отступленія, но въ ту же строку. Дороговизна писчихъ матеріаловъ, по всей вѣроятности, была причиной такой бережливости мѣста. Но это не значитъ, что старые писцы ничего не различали и все сливали въ безразличную массу. У нихъ были свои способы расчлененія, это киноварь. Гдѣ мы сдѣлали бы абзацъ, тамъ старый писецъ начинаетъ слово съ красной буквы. Лѣтописецъ излагаетъ свои извѣстія по годамъ. Въ современныхъ печатныхъ изданіяхъ лѣтописи каждый годъ начинается съ новой строки; а въ рукописяхъ онъ пишется въ строку, но буква «В» въ первомъ словѣ «Въ лѣто»—красная. Для большей ясности и первая буква начинающагося изложенія тоже красная. Лѣтопись, кромѣ расчлененія по годамъ, допускаетъ и другое расчлененіе по предметамъ. При изложеніи текущихъ событій года, могутъ встрѣтиться выдающіяся событія, нуждающіяся въ особомъ выдѣленіи. Лѣтописецъ пишетъ и ихъ въ строку, но съ красной буквы, а иногда, для большей ясности, выписываетъ киноварью и нѣсколько первыхъ словъ, напримѣръ: Убіеніе Бориса и Глѣба. Начало княженія

Святослава и пр. То же самое наблюдаемъ въ кормчихъ и мѣрилахъ праведныхъ. Тамъ соединены въ одномъ мѣстѣ совершенно различные памятники. Всѣ они обыкновенно пишутся въ ту же строку, но расчленяются киноварными буквами, а иногда и цѣлыми рѣченіями. Случается, что красныя буквы и заголовки приходятся съ новой строки: они пишутся въ этихъ случаяхъ не съ отступленіемъ право, какъ это дѣлаемъ мы, а влѣво; такимъ образомъ красная буква выступаетъ влѣво изъ ровнаго ряда черныхъ—лѣвой стороны страницы. Правая же сторона страницы заканчивается не ровно, здѣсь строки то длиннѣе, то короче. Страница рукописной книги имѣетъ, слѣдовательно, совсѣмъ другой видъ, чѣмъ страница печатной.

Дѣлать расчлененія при помощи киновари не такъ легко, какъ расчленять абзацами. Для этого надо положить перо, которымъ писалъ, взять другое и погрузить его не въ чернила, а въ киноварь; а потомъ опять перемѣнить перо и погрузить его не въ киноварь, а въ чернило. Это весьма сложная операція и требуетъ особаго вниманія; иначе легко можно перемѣшать киноварь съ черниломъ. Вотъ почему писцы для киноварныхъ буквъ оставляли мѣсто и заполняли его послѣ, а иногда и забывали заполнить. Мы имѣемъ списокъ Правды безъ буквы П, — написано «равда» но мѣсто для «П» оставлено. На ряду съ книгами богато украшенными киноварью, есть книги, въ которыхъ красныя буквы встрѣчаются рѣдко. Это тоже, что наши книги безъ абзацевъ. Читателю предоставляется разбираться, какъ ему угодно.— Забота о сохраненіи мѣста также не у всѣхъ писцовъ одинакова. Рязанская кормчая написана въ два столбца и довольно разгонисто. Новыя статьи начинаются иногда съ новой строки, хотя было мѣсто и на предшествующей. Наоборотъ, кормчая 1516 г. изъ библіотеки гр. Толстого написана очень тѣсно. Недописанныхъ строкъ совсѣмъ нѣтъ. Красные заголовки всегда пишутся въ строку.

Такими красными буквами различены въ лѣтописи и два списка Татищевской Правды. Особенно яркое различіе здѣ-

лано въ Академическомъ спискѣ лѣтописи. Первая Правда идетъ здѣсь въ строку послѣ приписываемаго Ярославу обращенія къ новгородцамъ: «По сей грамотѣ ходите; яко же списахъ вамъ, такоже держите», но отдѣлена отъ нихъ красной буквой и особымъ знакомъ. Въ концѣ этой Правды такой же знакъ [1]). Вторая Правда начинается не только съ красной буквы, но и съ новой строки, хотя въ предшествующей оставалось довольно мѣста для написанія слова «Правда». Но и этимъ яснымъ расчлененіемъ лѣтописецъ не удовольствовался. На лѣвомъ полѣ бумаги противъ начала первой Правды онъ написалъ «зрі», такое же «зрі» стоитъ и противъ начала второй Правды. Лѣтописецъ, значитъ, хорошо понималъ, что онъ вноситъ въ лѣтопись. Онъ вноситъ въ нее два совершенно различныхъ памятника. Первый онъ приписываетъ Ярославу, второй былъ уже раньше, въ попавшемъ въ его руки документѣ, приписанъ его сыновьямъ. Лѣтописецъ замѣтилъ это, а потому и нашелъ нужнымъ второй документъ отличить не только красной буквой, но новой строкой и особой припиской на сторонѣ. Этотъ второй документъ не относится къ тому году, подъ который онъ занесъ первый, и онъ сдѣлалъ новое совершенно необычное расчлененіе, чтобы читатель обратилъ особое вниманіе на этотъ не обычный въ лѣтописяхъ документъ и не смѣшалъ двухъ Правдъ [2]).

---

[1]) Онъ состоитъ изъ трехъ точекъ . , за которыми слѣдуетъ изображеніе, похожее на цифру 4.

[2]) Первыя 60 стр. лѣтописи писаны одной рукой, съ оборота 60 стр. начинается другая. На этихъ первыхъ страницахъ замѣтка на полѣ «зрі» встрѣчается еще два раза. На 36-й противъ начала перечисленія русскихъ митрополитовъ, и на 38-й противъ начала разсказа объ убіеніи Бориса и Глѣба. Въ дальнѣйшемъ изложеніи событій такой замѣтки болѣе нигдѣ не встрѣчается. — Иначе объясняетъ это «зрі» Калачовъ. «Безъ сомнѣнія, говоритъ онъ, это «зрі» указываетъ на сходство относительно содержанія слѣдующихъ за каждымъ изъ нихъ статей между собой». Это очень сомнительно: между слѣдующими за «зрі» статьями больше различія, чѣмъ сходства. Первыя статьи второй Правды, противъ которыхъ поставлено «зрі», не повторяютъ, а дополняютъ статьи первой Правды.

Сличеніе новгородскихъ лѣтописей типа московскаго Синодальнаго списка даетъ возможность документально рѣшить вопросъ и о подлинности относящагося до Ярослава извѣстія: «И давъ имъ (новгородцамъ, помогавшимъ князю въ войнѣ со Святополкомъ) Правду и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сей грамотѣ ходите; яко же списавъ вамъ, такоже держите». Мы имѣемъ нѣсколько копій этого типа лѣтописи. Древнѣйшая и ближайшая ко времени написанія оригинала есть московская Синодальная. Извѣстія, относящіяся къ годамъ съ 1016 по 1200-й, по заявленію издателя, написаны почеркомъ начала XIII вѣка. Въ этомъ древнѣйшемъ спискѣ приведенныхъ словъ нѣтъ, а также нѣтъ въ немъ и Русской Правды. Надо думать, что ни того, ни другого не было и въ оригиналѣ. Слѣдующіе по времени списки сохранились отъ половины XV-го вѣка (Археографической коммиссіи) и отъ второй его половины (Академическій). Въ нихъ есть и Русская Правда и извѣстіе о томъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ дана она новогородцамъ. Такъ какъ эти два очень близкіе по времени списка различаются тѣмъ, что въ позднѣйшемъ есть многозначущее слово «зрі», а въ болѣе раннемъ нѣтъ, то надо думать, что эти списки не произошли одинъ отъ другого, и что Русская Правда впервые занесена въ лѣтопись не въ одинъ изъ этихъ списковъ, а нѣсколько ранѣе. Предостереженіе «зрі», конечно, поставилъ не переписчикъ, а тотъ писецъ, который внесъ впервые въ лѣтопись этотъ новый матеріалъ; обогащая лѣтопись необычнымъ матеріаломъ, онъ и нашелъ нужнымъ обратить на него особое вниманіе читателя. Это случилось, слѣдовательно, не ранѣе половины XIII вѣка и не позднѣе начала XV-го. Итакъ, первая редакція Правды, могла быть составлена еще при Ярославѣ, ходила по рукамъ не менѣе двухъ сотъ лѣтъ, а можетъ быть и значительно больше, прежде чѣмъ нашла себѣ вѣчный пріютъ въ новогородской лѣтописи. Въ руки лѣтописца попалъ документъ, въ которомъ не значилось никакого имени князя, это была «Правда русская» и ничего болѣе. Вмѣстѣ съ

этой русской Правдой въ его руки попала и другая Правда, въ которой было написано, что она дана Русской землѣ, когда совокупились сыновья Ярослава. Лѣтописцу надо было занести въ свою лѣтопись обѣ Правды. Куда же? Могъ онъ въ половинѣ XIII вѣка знать, что сказалъ Ярославъ въ 1016 году новогородцамъ? Конечно, нѣтъ. Въ лѣтописи, которую онъ переписывалъ, этихъ словъ не было. Но вторую Правду дали сыновья Ярослава, это написано въ самой Правдѣ; отъ сюда легко было заключить, что первую далъ ихъ отецъ. Такъ возникла легенда о Ярославовой Правдѣ. Ей повѣрилъ даже такой тонкій и проницательный критикъ древнихъ памятниковъ, какимъ былъ Шлёцеръ. Это понятно: онъ не видалъ Синодальнаго списка лѣтописи и могъ думать, что извѣстіе о дарованіи Правды новгородцамъ принадлежатъ оригиналу лѣтописи.

Итакъ, открытый Татищевымъ списокъ даетъ двѣ разныхъ редакціи Правды: древнѣйшую, которая не упоминаетъ ни объ одномъ князѣ, и вторую по ней, которая говоритъ о сыновьяхъ Ярослава.—Въ настоящее время всѣ видятъ въ этихъ двухъ Правдахъ одну; но такъ не всегда было. Первый издатель Правды, знаменитый Шлецеръ, такъ много сдѣлавшій, для объясненія начальной лѣтописи, посмотрѣлъ на дѣло иначе. Въ Татищевскомъ спискѣ онъ увидалъ не одну, а двѣ Правды, и въ этомъ видѣ напечаталъ ихъ въ 1767 году, приписавъ первую Ярославу, а вторую сыну его Изяславу. Такая точка зрѣнія совершенно соотвѣтствовала и самому содержанію памятника. Первая его половина сохранила черты гораздо болѣе глубокой древности, чѣмъ вторая. Взглядъ Шлёцера проводитъ и Эверсъ въ своемъ превосходномъ трудѣ о древнѣйшемъ русскомъ правѣ (1826). Онъ различаетъ тамъ Ярославову Правду въ ея первоначальномъ видѣ отъ Правды сыновей Ярослава, которая составляетъ, по его мнѣнію, второй по времени памятникъ нашего законодательства. Характеристику нашего древнѣйшаго права онъ дѣлаетъ на основаніи только одной первой Правды. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и Рейцъ, давшій намъ первый опытъ

исторіи русскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ (1829).

Третью редакцію Правды составятъ списки Синодальный, Троицкій [1]), Пушкинскій и имъ подобные; четвертую — списокъ кн. Оболенскаго и ему подобные.

Эти четыре редакціи или фамиліи существенно между собою различаются по времени составленія, содержанію, объему и такъ далѣе.

Сперва о времени возникновенія разныхъ редакцій.

Первая фамилія Правды не содержитъ въ себѣ никакого указанія на князя, при которомъ была составлена. Въ заголовкѣ слѣдующей за ней, второй, говорится, что эта вторая редакція была составлена при сыновьяхъ Ярослава. Отсюда можно заключить, что первая старѣе. На эту мысль наводитъ и ея содержаніе: оно болѣе архаическое, чѣмъ другія фамиліи. Въ этой первой редакціи есть пять статей (1, 2, 6, 7, 10), въ которыхъ рѣчь идетъ о мести, и княжіе мужи не выдѣлены еще отъ мужей вообще; въ Правдѣ третьей редакціи о мести говорится только въ двухъ статьяхъ (1 и 2), гдѣ появляются уже и княжіе мужи. Первая редакція Правды вмѣсто «кунъ» употребляетъ слово «скотъ» и такимъ образомъ даетъ указаніе на обращеніе скота въ смыслѣ мѣновой единицы (20): это древнѣйшій порядокъ вещей; Правда третьей редакціи вмѣсто скота говоритъ уже о кунахъ (59). Наконецъ въ этой древнѣйшей Правдѣ есть статья (23), которая Правдой третьей редакціи приписывается Ярославу (88). Итакъ, Правда первой фамиліи содержитъ въ себѣ болѣе глубокіе слѣды древнѣйшаго права всѣхъ народовъ; а такъ какъ въ ней есть статья, принадлежащая Ярославу, то можно думать, что она была составлена въ его время или скоро по его смерти.

Вторая редакція Правды была составлена при сыновьяхъ

---

[1]) Пользуюсь случаемъ исправить опечатку моего изданія Правды. На стр. 8 въ заглавіи надо читать: конца XIV вѣка, а не XV-го.

Ярослава. Но указной дѣятельности этихъ князей принадлежатъ не всѣ ея статьи, а не болѣе четырехъ первыхъ. Пятая статья передаетъ судебное постановленіе, произнесенное однимъ изъ сыновей Ярослава, Изяславомъ; двадцать четвертая же статья содержитъ въ себѣ постановленіе, сдѣланное еще самимъ Ярославомъ. Мы имѣемъ возможность опредѣлить, къ какому времени относится совокупная указная дѣятельность сыновей Ярослава. Ярославъ умеръ въ 1054 году и съ этого времени началося княженіе его сыновей въ назначенныхъ имъ отцомъ удѣлахъ; а въ 1073 году Изяславъ былъ уже изгнанъ изъ Кіева братьями, Святославомъ и Всеволодомъ. Слѣдовательно, статьи, принадлежащія указной дѣятельности всѣхъ трехъ князей и 5-я возникли между 1054 и 1073. Весь памятникъ могъ быть составленъ не позднѣе послѣдней четверти XI вѣка, когда еще были въ дѣйствіи распоряженія Ярослава. Статья 24-я, говорящая о вирахъ Ярослава, заканчивается такъ: «То ти урокъ Ярославль». Ярославовы виры приводитъ и третья редакція, но не какъ дѣйствующее право, а какъ прежде дѣйствовавшее. Ихъ перечисленію она предпосылаетъ такое замѣчаніе: «А се покони вирніи были при Ярославѣ».

По объему эти двѣ редакціи самыя краткія. Каждая изъ нихъ составляетъ менѣе $^1/_6$ Правды третьей редакціи.

Списки Правды двухъ первыхъ редакцій находятся въ Новгородской лѣтописи. Они дошли до насъ въ очень небольшомъ числѣ: Калачовъ насчитываетъ только 5 такихъ списковъ. По объему они самые краткіе; по содержанію совершенно между собой различны и имѣютъ только одну общую статью: 4-я ст. древнѣйшей фамиліи перешла въ 11-ю второй.—Въ отдѣльныхъ спискахъ первой редакціи есть важное различіе въ ст. 22-й; во второй редакціи такое же различіе въ ст. 5-й, а ст. 20-я находится не во всѣхъ спискахъ. Этимъ и исчерпываются существенныя различія въ содержаніи отдѣльныхъ списковъ.

Мѣсто составленія Правды двухъ древнѣйшихъ редакцій опредѣляется ихъ названіемъ: это Русская Правда или Правда

Русской земли. Такъ называлась въ это время Кіевская волость. Обѣ редакціи составлены въ Кіевѣ.

Третья Правда по времени составленія моложе Правды второй редакціи. Въ началѣ ея находимъ указаніе на второй съѣздъ сыновей Ярослава Мудраго, состоявшійся послѣ перваго, о которомъ была рѣчь во второй редакціи Правды. Въ четвертой статьѣ читаемъ: По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его» и т. д. Для этихъ двухъ съѣздовъ, какъ мы уже знаемъ, можно отвести небольшой промежутокъ времени въ 20 лѣтъ. Второй съѣздъ могъ произойдти не позднѣе 1073 года. Начавшись во второй половинѣ XI вѣка, накопленіе матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ этого памятника, продолжалось довольно долго. Въ срединѣ помѣщенъ уставъ о процентахъ Владиміра Мономаха, который былъ составленъ «по Святополцѣ», то-есть послѣ смерти Святополка. Если время составленія Мономахомъ устава о процентахъ редакторъ обозначаетъ временемъ смерти кн. Святополка, то, надо думать, смерть эта была у всѣхъ еще въ памяти, а потому время этой записи надо отнести ко второму десятилѣтію (Святополкъ † 1112) XII вѣка. Вотъ и всѣ данныя, которыя мы имѣемъ для опредѣленія времени накопленія матеріаловъ для списковъ этой фамиліи.

Статья 4-я, говорящая о второмъ, по смерти Ярослава, съѣздѣ его сыновей, и 65-я, опредѣляющая время составленія устава Владиміра Мономаха о процентахъ—смертію князя Святополка, наводятъ на мысль, что составители этихъ статей были современниками упоминаемыхъ въ нихъ событій. Возникаетъ вопросъ, это разныя лица или одно и то же? Одинаковое опредѣленіе времени событія смертію князя предшественника въ 4-й и въ 65-й статьѣ даетъ основаніе думать, что обѣ статьи написаны одной рукой. Но возможно ли это допустить? Крайній срокъ, когда могъ состояться второй съѣздъ Ярославичей, будетъ 1072—1073-й годъ; первый годъ, когда по смерти Святополка, Владиміръ могъ составить свой уставъ о процентахъ будетъ 1113-й.

Оба событія, на которыя ссылается Правда, раздѣлены промежуткомъ времени въ 40 лѣтъ. Это такое время, которое легко можетъ обнимать память одного человѣка. Если составителю Правды въ 1073 г. было 25 лѣтъ, въ 1113 ему было только 65; онъ могъ быть свидѣтелемъ обоихъ событій и самъ записать свои воспоминанія. Не представляется, такимъ образомъ, ни малѣйшей несообразности приписывать составленіе пространной Правды труду одного и того же человѣка. Нѣтъ, однако, необходимости думать, что онъ работалъ надъ нею въ теченіе всей своей жизни, съ 25 лѣтъ и до глубокой старости. Гораздо вѣроятнѣе допустить, что онъ приступилъ къ своему труду уже въ почтенномъ возрастѣ, послѣ смерти Святополка. Онъ захотѣлъ пополнить старыя Правды умудренный опытностью многихъ лѣтъ. Въ этомъ трудѣ ему не разъ приходилось обращаться къ событіямъ своей молодости. Статья 4-я не единственный примѣръ такихъ воспоминаній. Воспоминаніе о старинѣ находимъ и въ статьѣ 88-й. Авторъ воспроизводитъ въ ней 22-ю статью первой редакціи о послѣдствіяхъ удара, нанесеннаго холопомъ свободному мужу, но дополняетъ ее замѣчаніемъ, что убійство холопа, о которомъ говоритъ статья, установлено Ярославомъ, а сыновьями его оно было отмѣнено. Да и весь конецъ пространной Правды никакъ нельзя разсматривать какъ новое право, возникшее въ XII вѣкѣ. Мы находимъ, напримѣръ, тамъ статью о томъ, что сестры при братьяхъ не наслѣдницы. Это, конечно, исконный народный обычай. Таковы же и многія правила о рабахъ, помѣщенныя въ самомъ концѣ Правды. Статьи о наслѣдствѣ, заимствованныя изъ Эклоги, тоже не новость XII вѣка; византійское право сдѣлалось, предметомъ заимствованія съ Владиміра Св., и занесенная въ Правду практика есть, конечно, практика XI вѣка.

Составленіе пространной Правды должно быть отнесено къ самому началу XII вѣка; новый же матеріалъ, въ нее вошедшій, за небольшими исключеніями, никакъ не моложе XI-го вѣка. Въ 20—30-хъ годахъ двѣнадцатаго вѣка ори-

гиналъ Правды могъ уже поступить въ оборотъ и сдѣлаться предметомъ списыванія.

Свидѣтель смерти кіевскаго князя Святополка, хорошо знающій участниковъ второго съѣзда сыновей Ярослава и совѣщанія Мономаха въ Берестовѣ, жилъ, надо думать, въ Кіевѣ, гдѣ и составилъ свою Правду. Третья редакція Правды также должна принадлежать матери городовъ русскихъ, какъ и двѣ болѣе древнихъ.

Эта третья Правда дошла къ намъ въ очень многихъ спискахъ. Калачову было извѣстно болѣе 40. Они находятся въ кормчихъ, въ мѣрилахъ праведныхъ и подобныхъ имъ сборникахъ и въ позднѣйшихъ новгородскихъ лѣтописяхъ. Важныхъ различій между отдѣльными списками немного. Къ болѣе крупнымъ можно отнести варіанты, встрѣчающіеся въ статьяхъ: 16, 36, 67, 84, 105, 115, 119, 121, 122, 152. Всѣ остальные суть описки переписчиковъ. Нѣкоторые списки имѣютъ лишнія противъ другихъ статьи, но число лишнихъ статей невелико и не даетъ повода предполагать особую редакцію. Это дополненія къ той же основной редакціи. Такъ же не существенны и перемѣны въ послѣдовательности статей. Это небольшія перестановки, объясняемыя невниманіемъ переписчика [1]).

---

[1]) Только въ Синодальномъ спискѣ эти перестановки достигаютъ значительнаго размѣра. Онѣ начинаются послѣ 49 статьи (по Троицкому сп. въ изданіи Качалова) и обнимаютъ собою цѣлые ряды ихъ до 102-й, съ которой возстановляется общій порядокъ съ другими списками. Но и эти отступленія надо относить къ невниманію переписчика, а не къ наличности памятника особой редакціи. Переписчикъ Синодальнаго списка имѣлъ подъ руками оригиналъ совершенно того же типа, какъ и тотъ, съ котораго списанъ Троицкій списокъ, но перепуталъ послѣдовательность статей. Что первоначальная послѣдовательность статей искажена въ Синодальномъ спискѣ, а не въ другихъ, это слѣдуетъ изъ того, что послѣдовательность Синодальнаго списка составляетъ его особенность и нигдѣ не повторяется. Наоборотъ, послѣдовательность Троицкаго списка повторяется во всѣхъ спискахъ этой обширной фамиліи съ небольшими лишь иногда отступленіями. Это и даетъ право послѣдовательность Синодальнаго списка считать искаженіемъ первоначальнаго порядка.

Самое большое различіе въ содержаніи представляетъ Карамзинскій и однородные съ нимъ списки. Послѣ 64 ст. тамъ помѣщено 17 статей, представляющихъ разсчетъ прибыли, которая должна получиться по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ отъ даннаго количества самокъ извѣстнаго рода скота. Напримѣръ: «А отъ 20 овецъ и отъ двою приплода на 12 лѣтъ 90.000 овецъ, и 100 овецъ, и 12 овецъ, а барановъ 90.000, и 100, и 12 барановъ, а всего барановъ и овецъ на 12 лѣтъ 180.000 и 200 и 23. А овца метана по 6 ногахъ, а баранъ по 10 рѣзанъ. А за то за все коунами 40.000 гривенъ и 5.000 гривенъ и 50 гривенъ и 5 гривенъ и 40 рѣзанъ. А на тѣхъ овцахъ и на баранѣхъ роунъ 300.000 и 60.000 и 400 и 40 и 6 роунъ; а на тѣхъ роунехъ коунами 7.000 гривенъ и 200 гривенъ и 8 гривенъ и 40 рѣзанъ и 6 рѣзанъ. А роуно чтено по рѣзанѣ». Оканчивается эта вставка статьей «О сиротьемъ вырядкѣ» такого содержанія: «А жонка съ дочерью, тѣмъ страда на 12 лѣтъ по гривнѣ на лѣто, 20 гривенъ и 4 гривны кунами». Статьи эти, представляя какой-то хозяйственный разсчетъ, практическое значеніе котораго совершенно ускользаетъ отъ нашего пониманія, не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ праву, а потому и не подлежали бы включенію въ Русскую Правду. Переписчикъ, вставившій ихъ въ Русскую Правду, очевидно, не зналъ, что дѣлалъ. Вставка эта находится въ спискахъ не старѣе XV вѣка и отсутствуетъ въ болѣе древнихъ. Она важна для насъ въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о возможности вставокъ въ срединѣ памятника послѣ того, какъ редакція его уже установилась.

Вставку о хозяйственномъ разсчетѣ приплода скота, переходящую въ разсчетъ прибыли сѣянной ржи, овса и сѣна, я не отношу къ содержанію Русской Правды. Но такъ поступаютъ не всѣ изслѣдователи. Примѣръ стараго переписчика нашелъ подражателей и среди новыхъ ученыхъ. Калачевъ относитъ статьи о приплодѣ къ понятіямъ гражданскаго права. Печатая ихъ въ своемъ систематическомъ изданіи Правды, онъ предпосылаетъ имъ такое толкованіе:

«Къ договору найма должно также отнести цѣлый рядъ статей, который указываетъ на отдачу хозяиномъ въ чужія руки земли, хлѣба, скота и пчелъ на 12 или 9 лѣтъ, съ вычисленіемъ приплода или прибытка, происходящаго отъ нихъ по истеченіи опредѣленнаго времени». Итакъ, это правила найма земли, скота и т. д. Едва ли нужно доказывать, что эти статьи не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ договору найма. Вычисленная же прибыль совершенно фантастична.

Возникаетъ вопросъ объ отношеніи списковъ третьей фамиліи къ двумъ первымъ. Списки третьей фамиліи составляютъ самостоятельную редакцію. Есть основаніе думать, что составитель оригинала этой фамиліи имѣлъ предъ собой оба древніе списка. На это наводитъ 4-я ст. «По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его» и т. д. Какой новый съѣздъ сыновей Ярослава имѣетъ здѣсь въ виду составитель Правды? Онъ говоритъ о съѣздѣ трехъ старшихъ сыновей Ярослава съ цѣлью опредѣленія порядка суда. О такомъ же съѣздѣ идетъ рѣчь и во второй Правдѣ. Надо думать, что составитель списковъ третьей фамиліи зналъ это, а потому свой съѣздъ и называетъ вторымъ съѣздомъ. Въ ст. 12-й онъ перечисляетъ «поконъ вирный», о которомъ рѣчь идетъ и въ 24-й ст. второй Правды. Тамъ, въ концѣ статьи, сказано, что эти сборы опредѣлены Ярославомъ. Можно думать, что составитель 12-й ст. читалъ это, а потому своему перечисленію тѣхъ же сборовъ предпослалъ такое замѣчаніе: «А се покони вирнии были при Ярославѣ». Онъ воспроизводитъ здѣсь статью болѣе древней Правды и только.

Но онъ не только списываетъ, онъ совершаетъ актъ умственной работы, дополняя правила древнѣйшей Правды новыми болѣе поздней редакціи, второй. Свою 1-ю ст. онъ беретъ изъ древнѣйшей (1-я же), 2-ю—изъ болѣе поздней (1-я и 4-я), а 3-ю опять изъ древнѣйшей (3-я же), и такимъ образомъ дополняетъ въ подлежащемъ мѣстѣ древнѣйшую Правду новымъ постановленіемъ сыновей Ярослава.

Съ внѣшней стороны списки этой Правды тѣмъ отличаются отъ списковъ Правды древнѣйшей, что имѣютъ въ срединѣ заголовки, написанные то въ строку, то отдѣльной строкой. Сама Правда въ цѣломъ также имѣетъ особый заголовокъ, который пишется надъ текстомъ. Заголовки эти различны. Въ Синодальномъ и Троицкомъ спискахъ; «Соудъ Ярославль Владимирица», въ Карамзинскомъ: «Оуставъ великаго князя Ярослава Владимерича о судѣ. Соудъ о душегубствѣ» и т. д. За этимъ заголовкомъ, но уже въ строку, идетъ другой: «Правда роусьская».

Заголовки, которые встрѣчаются въ срединѣ памятника, не имѣютъ ничего общаго съ заголовками, которые дѣлаются въ наше время. Въ наше время наличность заголовка обусловливается раздѣленіемъ законодательнаго матеріала на отдѣлы. Не то въ эпоху составленія Правды. Законодательный матеріалъ того времени вовсе не систематизировался и не сводился въ отдѣлы по различію содержанія. То, что идетъ за заголовкомъ, не есть особый отдѣлъ, соотвѣтствующій заголовку. Заголовку соотвѣтствуетъ нерѣдко только нѣсколько первыхъ строкъ, а затѣмъ рѣчь идетъ о предметахъ другого содержанія. Напримѣръ передъ ст. 108 стоитъ заголовокъ «о гумнѣ»; но только три первыхъ строки относятся къ этому заголовку. Въ концѣ же третьей строки рѣчь идетъ о поврежденіи скота, а затѣмъ съ новой строки, но безъ новаго заголовка, помѣщена процессуальная статья о послухахъ, которая безъ красной строки переходитъ въ перечисленіе пошлинъ съ желѣзнаго. За заголовкомъ «о гумнѣ» и слѣдующими за нимъ статьями разнаго содержанія слѣдуетъ заголовокъ «о женѣ», но и къ нему относятся только двѣ строки; а въ слѣдующихъ рѣчь идетъ уже о послѣдствіяхъ убійства холопа и рабы. Заголовки Русской Правды представляютъ, такимъ образомъ, нѣчто совершенно случайное и относятся къ одной слѣдующей статьѣ, а не къ отдѣлу. Составитель Правды то дѣлаетъ заголовокъ, то нѣтъ. Когда дѣлаетъ, то, обыкновенно, обращаетъ въ заголовокъ первыя слова слѣдующей

статьи. Примѣръ, 21-я ст. начинается такъ: «А иже свержетъ виру» и т. д. Передъ ней заголовокъ: «Аже свержетъ виру»; 71-я «Аже закупъ бѣжитъ отъ господы», передъ ней заголовокъ: «Аже закупъ бѣжитъ». Иногда заголовокъ выражаетъ нѣкоторое обобщеніе мысли первой строки слѣдующей за нимъ статьи. Напримѣръ, статья 68-я начинается такъ: «Аже кто многимъ долженъ будетъ» и т. д., а заголовокъ: «О долзѣ».

Возникаетъ вопросъ, какъ возникли эти заголовки: до составленія текста, вмѣстѣ съ нимъ или послѣ? Изъ трехъ возможныхъ предположеній можно допустить только послѣднее. Чтобы сдѣлать такіе заголовки, примѣры которыхъ я только-что привелъ, надо имѣть передъ собой уже готовыя статьи.

Заголовки представляющіе обобщеніе, свидѣтельствуютъ о большей работѣ мысли списателя, чѣмъ тѣ, въ которыхъ находимъ простое повтореніе первыхъ словъ слѣдующей за ними статьи. Списокъ въ которомъ заголовки обобщены, надо считать по написанію позднѣйшимъ. Сперва, конечно, въ заглавіе обращали подлинныя слова статьи, а при дальнѣйшемъ переписываніи стали вдумываться въ это повтореніе первыхъ словъ и замѣнять его обобщеніемъ.

Калачовъ, разсматривая подлинныя рукописи Правды замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ кормчихъ эта Правда составляетъ не одну главу, а двѣ, то-есть является не въ видѣ одного памятника, а двухъ. Вторая глава начинается уставомъ князя Владиміра Всеволодовича о процентахъ. Начало этой второй главы украшается киноварью, а иногда переносится на слѣдующую страницу, съ оставленіемъ пробѣла на страницѣ предшествующей. Это наводитъ его на мысль, что «вторая половина Русской Правды (съ устава Владиміра), могла быть присоединена къ первой не во время составленія ея первоначальнаго текста, а гораздо позже, и что обѣ онѣ сами по себѣ составляли сперва нѣчто другъ отъ друга отдѣльное». Твердыхъ основъ предположеніе это не имѣетъ. Раздѣленіе на двѣ главы свидѣтельствуетъ только о томъ, что

лица, вносившія Правду въ кормчую, были знакомы съ византійскими юридическими памятниками, которые дѣлились на главы. Они и примѣнили это раздѣленіе къ Правдѣ. Въ концѣ второй главы въ нѣкоторыхъ спискахъ написано: «До сдѣ слово о Правдѣ Русской». Итакъ, и эти переписчики считали обѣ главы Правды однимъ памятникомъ. Правда въ спискѣ карамзинскомъ оканчивается такъ: «По си мѣсто Соудебникъ Ярославль», т.-е., не два отдѣльныхъ памятника, а одинъ.

Думать, что первоначально возникла не одна пространная Правда, а два разныхъ памятника и подъ разными заглавіями, не допускаетъ и самое содержаніе Правды. Во второй ея половинѣ, слѣдующей за уставомъ Владиміра, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ статей, которыя входили уже въ древнѣйшую Правду XI вѣка. Трудно объяснить, почему потомъ ихъ понадобилось внести въ уставъ Владиміра, а не въ Русскую Правду, которая существовала ранѣе этого устава. Заголовокъ: «Уставъ Владиміра», какъ всѣ заголовки, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ слѣдующая за нимъ статья, и относится-то онъ только къ этой одной статьѣ. Выдѣленіе устава Владиміра есть дѣло списателей кормчихъ, а не первоначальнаго составителя Правды.

До какой степени переписчики искажали первоначальный текстъ списываемаго памятника видно изъ кормчей, хранящейся въ библіотекѣ Московскаго Успенскаго собора подъ № 173, письма конца XVI вѣка (Калачовъ, 63). Русская Правда раздѣлена тамъ на двѣ главы по двумъ отдѣламъ, о которыхъ говоритъ Калачовъ. Но впереди помѣщена вторая глава подъ заглавіемъ: «Уставъ великаго князя Владиміра», а потомъ уже первая, Судъ Ярослава, Правда Русская. Почему? Передъ этимъ уставомъ въ кормчей написанъ церковный уставъ Св. Владиміра. Переписчикъ, надо полагать, былъ человѣкъ къ своему дѣлу внимательный и перечитывалъ прежде то, что потомъ переписывалъ. Списавъ церковный уставъ Св. Владиміра, онъ сталъ читать далѣе. Прочелъ I главу «Судъ Ярославль Владиміровичъ», затѣмъ II-ю

«Уставъ великаго князя Владиміра» и нашелъ неправильность разстановки памятниковъ. Великаго князя Владиміра онъ принялъ за Владиміра Святаго, давшаго церковный уставъ, который онъ только-что переписалъ. Ясно, этотъ другой уставъ Владиміра надо помѣстить вслѣдъ за первымъ; а судъ Ярослава надо помѣстить послѣ, такъ какъ Ярославъ княжилъ послѣ Владиміра. Никакой нѣтъ даже надобности соединять ихъ вмѣстѣ; вотъ почему за уставомъ Владиміра (то-есть второй главой Русской Правды) онъ помѣстилъ нѣсколько статей другого содержанія, а потомъ уже принялся переписывать Судъ Ярослава, то-есть первую главу Русской Правды. Такимъ образомъ изъ Русской Правды получилось два совершенно отдѣльныхъ памятника. А причина въ томъ, что одинъ переписчикъ, знакомый съ порядкомъ дѣленія на главы юридическихъ памятниковъ Византіи, передъ уставомъ Владиміра о процентахъ поставилъ: II глава. Слѣдующій переписчикъ украсилъ это надписаніе киноварью; а совершенно добросовѣстный и внимательный къ своему дѣлу переписчикъ Успенской кормчей сдѣлалъ изъ этого устава совершенно отдѣльный памятникъ [1]).

---

[1]) Такого рода работа надъ Русской Правдой продолжается и въ наши дни въ изданіяхъ Археографической коммиссіи. Почтенный издатель новгородской лѣтописи по Синодальному харатейному списку имѣлъ подъ руками и списокъ, принадлежащій Археографической коммиссіи. Въ этомъ спискѣ кромѣ лѣтописи былъ еще цѣлый рядъ статей разнообразнаго содержанія и между ними Русская Правда. Спискомъ лѣтописи издатель воспользовался для пополненія харатейнаго списка; добавочныя же статьи напечаталъ въ концѣ тома въ видѣ особаго приложенія. Онъ напечаталъ эти добавочныя статьи въ томъ порядкѣ, какъ онѣ находились въ рукописи, и съ тѣми заглавіями, какія тамъ были, прибавивъ отъ себя нумерацію этихъ статей по рукописнымъ заголовкамъ. Уставъ великаго князя Ярослава, имѣющій и второе заглавіе «Правда Русская», оказался подъ № XVII, а «Уставъ Владиміра Всеволодовича», то-есть та же Русская Правда, подъ № XVIII. Къ этому послѣднему номеру почтенный редакторъ припечаталъ весь судебникъ царя Константина по той причинѣ, что въ оригиналѣ ему недоставало начала и особаго заголовка. Такимъ образомъ, получились въ печати два совершенно новыхъ памятника: подъ № XVII Русская Правда Яро-

По объему Правда 3-й редакціи болѣе чѣмъ въ шесть разъ превосходитъ каждую изъ болѣе древнихъ, тѣмъ не менѣе не все ихъ содержаніе вошло въ нее. Изъ древнѣйшей Правды не вошло двѣ ст. (6 и 10), изъ второй—три (5, 20, 23); да и тѣ, которыя вошли, иногда вошли не цѣликомъ, а съ опущеніемъ нѣкоторыхъ частей. Составитель третьей Правды выбиралъ. Особенно любопытенъ въ этомъ отношеніи пропускъ 6-й и 10-й ст. древнѣйшей Правды. По ст. 6 допускается месть за кровавыя раны. Правда третьей редакціи за такія раны полагаетъ денежное вознагражденіе (31 ст. и ст.) и о шести не говоритъ. Надо думать, что составитель замѣтилъ это и опустилъ 6-ю ст. во избѣжаніе противорѣчія. То же сдѣлалъ онъ и со ст. 10, дозволяющей дѣтямъ «смирять» того, кто нанесъ отцу ихъ такое поврежденіе ноги, что тотъ сталъ хромать. «Смирять» значитъ въ данномъ случаѣ бить; а при боѣ можно и убить. Это будетъ тоже месть. Составитель не механически списывалъ, а производилъ умственную работу.

Статьи второй редакціи, 5 и 20, находятся не во всѣхъ ея спискахъ, а потому и могли быть ему неизвѣстны. 23 ст., тоже не вошедшая въ третью редакцію, говоритъ о разныхъ сборахъ въ пользу органовъ суда. Въ его время эти сборы могли измѣниться.

Четвертую фамилію Правды составляютъ списки по объему средніе, по времени составленія—самые поздніе. Образцомъ ихъ можетъ служить списокъ князя Оболенскаго, на-

---

слава, оканчивающаяся 64-й статьей, подъ № XVIII уставъ Владиміра Всеволодовича, включающій въ себѣ статьи Русской Правды съ 65-й до конца и весь судебникъ царя Константина. Полагаемъ, что такое изданіе можетъ привести въ нѣкоторое затрудненіе неопытнаго читателя.

Нельзя не пожалѣть, что изданія новгородскихъ лѣтописей 1879 и 1888 года вышли безъ оглавленій. Хорошо составленное оглавленіе вовсе не лишняя вещь. Еслибы почтенный творецъ двухъ новыхъ уставовъ приступилъ къ составленію оглавленія, онъ, можетъ быть, усмотрѣлъ бы, что онъ въ самомъ дѣлѣ напечаталъ.

печатанный въ первый разъ у Калачова въ изданіи Русской Правды 1847 года. Онъ взятъ изъ кормчей письма второй половины XVII вѣка и носитъ такой заголовокъ: «Судъ Ярославль Владимерича указъ», за которымъ слѣдуетъ, какъ и во всѣхъ спискахъ: «Правда Русская».

Въ этой редакціи Правды есть только одна новая статья (16), не встрѣчающаяся уже въ разсмотрѣнныхъ. Четвертая фамилія предоставляетъ извлеченіе изъ болѣе старыхъ списковъ съ измѣненіями и большими пропусками. Этимъ опредѣляется и время составленія этой редакціи: это позднѣйшая редакція. Этотъ выводъ подтверждается и относительной новизной нѣкоторыхъ измѣненій старыхъ статей и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этой Правдѣ не упоминается имени ни одного князя. Составитель этой редакціи имѣлъ передъ собой старыя редакціи, изъ которыхъ и бралъ матеріалъ для своего труда; въ нихъ упоминается: Ярославъ, его сыновья и Владиміръ Мономахъ; ни одно изъ этихъ именъ не перешло въ его списокъ. Это, кажется мнѣ, указываетъ на то, что ни съ однимъ изъ этихъ именъ не соединялось у него никакого опредѣленнаго представленія. Эти имена ничего ему не говорили. Вотъ почему надо думать, что эта редакція могла возникнуть въ XIII вѣкѣ и ни какъ не ранѣе конца XII-го.

Списки четвертой редакціи находятся въ кормчихъ. Калачову извѣстны только два такихъ списка.

Скажу нѣсколько словъ объ отношеніи редактора этой Правды къ тому матеріалу, который у него былъ подъ руками. Онъ пользовался первой и третьей редакціей. Первыя три статьи по содержанію и послѣдовательности соотвѣтствуютъ тремъ первымъ статьямъ списковъ первой фамиліи, но измѣнены. Все остальное взято изъ списковъ третьей фамиліи съ сохраненіемъ послѣдовательности, но съ измѣненіями и большими пропусками. Эти пропуски не случайны, они обнимаютъ цѣлые отдѣлы, а потому представляютъ большой интересъ, возбуждая вопросъ о причинѣ пропуска. На вопросъ этотъ можно отвѣчать только гада-

тельно и то не всегда. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы, кажется, имѣемъ дѣло съ составителемъ, который опускалъ все архаическое, потерявшее для него значеніе и смыслъ.

Какъ и всѣ его предшественники, онъ начинаетъ Правду со статьи, допускающей месть и замѣну ея выкупомъ. Первая статья первой редакціи знаетъ одинъ выкупъ—40 гривенъ, вторая и третья статья третьей, по различію убитыхъ, упоминаетъ выкупъ въ 40 и 80 гривенъ. Весьма вѣроятно, что практика, примѣняясь къ безконечному различію лицъ, знала и другіе размѣры выкуповъ. Это и выражаетъ составитель сокращенной Правды. Сказавъ, что за голову берутъ 80 гривенъ, онъ прибавляетъ: «Любо разсудити по мужи смотря». Кромѣ статей, говорящихъ о размѣрахъ виры, въ пространной Правдѣ есть рядъ статей, озаглавленныхъ «о княжи мужи», въ которыхъ опредѣляется плата за убійство разныхъ лицъ. Сказавъ въ первой статьѣ, что плата берется «по мужи смотря», редакторъ четвертой Правды нашелъ послѣдовательнымъ выпустить это детальное перечисленіе платъ, какъ излишнее.

Затѣмъ онъ выпустилъ: всѣ статьи, въ которыхъ идетъ рѣчь объ испытаніи желѣзомъ, статьи о процентахъ, статью, недопускающую раба къ свидѣтельству, статьи объ огнищанинѣ и смердѣ, статью «о задницѣ смерда»; статью объ урокахъ городнику и мостнику, и всѣ статьи о судебныхъ пошлинахъ.

Можно допустить, что статьи эти, за послѣдовавшимъ измѣненіемъ нашего права, представляли для составителя совершенно непонятный матеріалъ, а потому и были имъ опущены.

Но такой же остракизмъ постигъ статьи о закупѣ, статью о наслѣдствѣ послѣ смерти мужа, статьи о наслѣдствѣ послѣ смерти матери, и, наконецъ, статью о подсудности князю споровъ о наслѣдствѣ. Трудно думать, чтобы статьи о личномъ наймѣ (озаглавлены въ Правдѣ—«о закупѣ»), незаключающія въ себѣ ничего архаическаго, не имѣли уже практическаго значенія въ періодъ составленія третьей ре-

дакціи; что касается статей о наслѣдствѣ послѣ смерти супруговъ, то отголосокъ статей Правды раздается еще въ наказахъ депутатовъ екатерининской коммиссіи. Точно также не подлежитъ сомнѣнію и проходящее чрезъ всю нашу исторію право князя производить судъ въ дѣлахъ по наслѣдству. Опущеніе этихъ статей составляетъ загадку. Предположеніе, что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ сокращеніемъ пространной Правды, а съ болѣе древней ея редакціей, въ которую еще не были внесены статьи, считаемыя нами выпущенными,—недопустимо потому, что статья 2-я этой редакціи несомнѣнно имѣетъ болѣе поздній характеръ, чѣмъ редакція той же статьи въ спискахъ первой и третьей фамилій.

Перехожу къ вопросу о дѣленіи Правды на статьи. Оно встрѣчается и въ рукописяхъ, но не во всѣхъ спискахъ. Правда двухъ древнѣйшихъ редакцій на статьи не дѣлится. Дѣленіе встрѣчается только въ спискахъ пространной Правды, но не во всѣхъ въ одинаковой мѣрѣ. Производится оно написаніемъ киноварью первой буквы новой статьи. Всего болѣе такихъ статей, начинающихся съ красной буквы, я замѣтилъ въ Троицкомъ спискѣ, ихъ тамъ 53. Нѣкоторыя статьи совершенно совпадаютъ со статьями Калачовскаго дѣленія. Первыя пять статей Калачова и въ Троицкомъ спискѣ отмѣчены киноварью; 6-я слита съ пятой; но 7 и 8 опять, какъ и у Калачова, разныя статьи и т. д. Можно думать, что эти первые опыты дѣленія Правды на статьи возникли подъ вліяніемъ памятниковъ греческаго законодательства. Непосредственно передъ Правдой въ Мѣрилѣ Праведномъ помѣщены грани Градскаго закона (конецъ вырванъ). Грани раздѣлены на статьи и каждая начинается съ красной буквы. То же писецъ сдѣлалъ и съ Русской Правдой, только нумерацію не проставилъ. Въ виду того, что двѣ древнѣйшія редакціи на статьи не дѣлятся, трудно думать, чтобы и оригиналъ пространной Правды былъ раздѣленъ на статьи. Это, по всей вѣроятности, дѣло переписчиковъ, хорошо зна-

комыхъ съ внѣшнимъ видомъ памятникомъ византійскаго законодательства. Для дѣленія Правды на статьи самимъ составителемъ требовалась съ его стороны гораздо большая обработка отдѣльныхъ статей и округленіе ихъ содержанія; онъ не нашолъ даже нужнымъ свести въ одно мѣсто предметы однородные. При такомъ способѣ писанія, ему и въ голову не могла придти мысль о дѣленіи его замѣтокъ на статьи. Рукописное дѣленіе, различное въ разныхъ спискахъ и конечно не принадлежащее оригиналу, для насъ не имѣетъ большого значенія.

Но нужно ли дѣлить Правду на статьи, если въ оригиналѣ этого дѣленія не было? Думаемъ, что въ изданіи, имѣющемъ своей задачей выяснить юридическое содержаніе Правды, это необходимо. Составителямъ Правды пришла геніальная мысль собрать нормы дѣйствовавшаго въ ихъ время права. И они это сдѣлали, но какъ? Они изложили знакомое имъ право не только безъ раздѣленія на статьи, но даже безъ знаковъ препинанія, которые мы считаемъ необходимыми для уразумѣнія смысла написаннаго. Въ настоящее время и ученые люди собственныя свои мысли излагаютъ съ такими «обмолвками и недомолвками», что бываетъ трудно разобрать, что они собственно думаютъ. Составители Правды были въ гораздо болѣе трудномъ положеніи. Они излагали не собственныя мысли, а народные обычаи, судебную практику, княжескіе уставы. Уловить настоящій смыслъ всего этого дѣло не легкое, а изложить всѣмъ понятно еще болѣе трудное. Они писали для своихъ современниковъ, многое считали хорошо извѣстнымъ, а потому многое и не договаривали. То, что они написали съ неизбѣжными «обмолвками и недомолвками», дошло до насъ въ позднихъ копіяхъ, искаженныхъ переписчиками. Въ спискахъ Правды встрѣчаются повторенія, пропуски и недописки, формулировка юридическихъ мыслей ориганала не всегда ясна. Къ ней надо подходить съ знаніемъ особенностей древняго права. Такое знаніе можетъ дать руководящую нить для соединенія нѣкоторыхъ предложеній въ

одно цѣлое и для расчлененія другихъ, чтобы мысль оригинала выступила ясно. Мы уже видѣли, что потребность въ дѣленіи Правды на статьи почувствовали еще писцы XIV вѣка. Съ XVIII-го, когда началась ученая обработка Правды, эта потребность значительно возрастаетъ. Въ настоящее время мы имѣемъ нѣсколько опытовъ дѣленія Правды на статьи. Древнѣйшій принадлежитъ Татищеву. Его дѣленіе было принято Шлёцеромъ и Эверсомъ. Слѣдующій опытъ былъ сдѣланъ Тобиномъ. Онъ не нашелъ послѣдователей, хотя многое раздѣлено у него очень хорошо и заслуживаетъ быть удержаннымъ. Послѣдній—принадлежитъ Калачову и въ настоящее время принятъ всѣми новыми издателями. Дѣленіе необходимо, какъ руководство къ пониманію Правды.

Приступая къ опыту новаго дѣленія, въ которомъ я воспользуюсь всѣмъ хорошимъ, что есть въ трудахъ моихъ предшественниковъ, я вижу ясно всѣ трудности предстоящаго мнѣ дѣла. Правильное дѣленіе Правды обусловливается правильнымъ пониманіемъ ея содержанія. А такое пониманіе составляетъ задачу, можетъ быть, еще не вполнѣ разрѣшенную современной наукой.

Изданіе Правды съ неправильнымъ дѣленіемъ гораздо болѣе вредно, чѣмъ изданіе безъ всякого дѣленія. Особенно вредно соединеніе въ одной статьѣ такихъ нормъ, которыя не имѣютъ никакого отношенія одна къ другой. Такая статья толкуется излѣдователями, какъ одно цѣлое, а потому выводы получаются совершенно ложные. Отъ такого толкованія не ушелъ даже Неволинъ, этотъ осмотрительнѣйшій изслѣдователь, далекій отъ всякихъ фантастическихъ увлеченій и великій знатокъ памятниковъ нашего древняго права. Такъ неотразимо дѣйствуетъ на направленіе мыслей изслѣдователя «статья» законодательнаго памятника! Менѣе опасно раздѣленіе одной мысли на двѣ статьи, но и такого дѣленія надо избѣгать..

Я буду держаться такого правила: каждая отдѣльная мысль должна быть выражена въ особой статьѣ; то, что

говорится въ ея развитіе, можетъ войти въ ту же статью Въ спискахъ Правды, нерѣдко, разныя статьи соединяются союзами «а» и «но». Признакомъ единства статьи я буду считать не эти союзы, нерѣдко стоящіе не на мѣстѣ, а дѣйствительное единство мысли. Слѣдуя этому правилу, мнѣ придется многія статьи нынѣ принятаго дѣленія раздѣлить, а нѣкоторыя соединить.

Приведу нѣсколько примѣровъ, чтобы сдѣлать ясными основанія моихъ перемѣнъ.

У Калачова въ спискѣ Академическомъ напечатано:

33. А иже межу переореть любо перетесъ, то за обиду 12 гривнѣ.

34. А оже лодью украдеть, то за лодью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ.

Тутъ раздѣлены двѣ статьи, которыя надо соединить потому что въ 33 ст. мысль не договорена. По второй Правдѣ преступленія ведутъ за собой частное вознагражденіе и штрафъ въ пользу князя; 33-я же статья говоритъ только о частномъ вознагражденіи. Если мы соединимъ ее съ послѣдующей, продажа будетъ относиться и къ нарушенію межи, и мысль оригинала будетъ передана вѣрно. На томъ же основаніи надо соединить въ одну ст. 35, 36, 37 того же списка и ст. 75, 76, 77 и 78 Троицкаго списка по Калачовскому изданію.

У Татищева и Калачева въ томъ же спискѣ находимъ такую статью:

9. Аще ли ринеть мужъ мужа любо отъ себе любо къ собѣ: 3 гривне; а видока два выведеть, или будеть варагъ или колбягъ, то на роту.

Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ изъ этой статьи выводятъ заключеніе: «Личное оскорбленіе должно быть доказано посредствомъ двухъ видоковъ (свидѣтелей), но для варяга или колбяга дѣлается исключеніе, они могутъ доказывать присягою, по трудности найти послуховъ въ чужой

землѣ». Толкователь разсматриваетъ эту статью, какъ одно цѣлое, и въ такомъ смыслѣ и объясняетъ ее.

Съ объясненіями его, однако, очень трудно согласиться. Почему личное оскорбленіе доказывается только свидѣтелями? Если не было свидѣтелей, у насъ обращались къ другимъ доказательствамъ: къ послухамъ, судамъ Божіимъ, присягѣ. Это общее правило; чтобы оно не дѣйствовало въ личныхъ оскорбленіяхъ, этого ни отъ куда не видно. Также трудно допустить и «исключеніе», сдѣланное въ пользу варяга и колбяга. Насколько приведенное толкованіе расходится съ нашей старинной практикой, видно изъ болѣе подробной статьи о томъ же предметѣ нѣкоторыхъ списковъ пространной Правды. Тамъ читаемъ:

«Аще ли пхнеть мужъ мужа любо къ себѣ любо отъ себя, любо по лицу ударитъ, или жердію ударитъ, а безъ знаменія, а видока два выведутъ, то 3 гривны продажи».

«Оже будетъ варягъ или колбягъ, крещенія не имѣя, а будетъ има бой, а видока не будетъ, ити има на роту по своей вѣрѣ, а любо на жребіи, а виноватый въ продажѣ. во что и обложатъ».

Свидѣтели доказываютъ, если они есть. Варягъ и колбягъ тоже могутъ обращаться къ свидѣтельскимъ показаніямъ; а если свидѣтелей нѣтъ, они доказываютъ наличность обиды присягой по своей, конечно, вѣрѣ.

Та же мысль, но не такъ полно, выражена и въ Правдѣ четвертой редакціи:

«Если кто кого пхнетъ или ударитъ, если будетъ бояринъ... или варягъ, крещенія не имѣя... аще видока не будетъ, ити имъ на жребій...»

Вышеприведеная 9-я ст. Калачовскаго изданія дошла до насъ въ очень несовершенномъ видѣ. Въ ней рѣчь идетъ сперва обо всемъ населеніи, потомъ о варягахъ и колбягахъ; но многое не договорено. Чтобы не вводить читателя въ заблужденіе, ее надо раздѣлить на двѣ статьи. Въ первой рѣчь будетъ идти о послѣдствіяхъ толчковъ для всего населенія, во второй о томъ, что варяги и колбяги допуска-

ются тоже къ присягѣ. Недоговоренность останется, но читатель не будетъ имѣть лишняго побужденія разсматривать постановленіе второй статьи, какъ исключеніе.

То, что первая статья соединена со второй союзомъ «а», не должно насъ смущать. Союзы въ Правдѣ стоятъ иногда совсѣмъ не на мѣстѣ. Вотъ совершенно ясное тому доказательство. Въ Калачовскомъ изданіи Троицкаго списка есть такая статья:

94. Аче же и отчимъ пріиметь дѣти съ задницею, то такоже есть рядъ, а дворъ безъ дѣла отень всякъ меншему сынови.

Первое предложеніе говоритъ объ отвѣтственности отчима въ томъ случаѣ, если бы онъ взялъ на себя права и обязанности опекуна; вторая о правахъ младшаго сына въ порядкѣ наслѣдованія безъ завѣщанія. Оба предложенія не имѣютъ между собой никакой связи, они говорятъ о совершенно разныхъ вещахъ и ихъ не слѣдовало бы соединять въ одной статьѣ, а между тѣмъ они связаны союзомъ «а». Такіе неумѣстные союзы могли попасть въ рукопись по невниманію переписчиковъ; а, можетъ быть, эти союзы имѣли въ старину нѣсколько иное значеніе, чѣмъ то, какое мы имъ придаемъ.

Въ Калачовскомъ изданіи Троицкаго списка напечатана такая статья.

15. Аще будеть на кого поклепная вира, то же будеть послуховъ 7, то ти выведуть виру; паки ли варягъ или кто інъ, тогда; а по костехъ и по мертвеци не платить верви, аже имене не вѣдаютъ, ни знаютъ его.

Здѣсь соединены три совершенно различныхъ мысли, изъ которыхъ средняя еще и не договорена. Уже Тобинъ выдѣлилъ совершенно правильно третье предложеніе въ особую статью. Я иду далѣе и изъ второго предложенія дѣлаю также особую статью. Получается не полная статья, но она имѣетъ не полный смыслъ и въ Калачовскомъ изданіи. Поставленная въ срединѣ и тѣмъ приведенная въ связь съ началомъ и концомъ статьи, которые и между собой-

то не имѣютъ никакой связи, она только затрудняетъ пониманіе предшествующаго и послѣдующаго.

Въ цѣломъ мое дѣленіе даетъ болѣе статей, чѣмъ общепринятое. Троицкій списокъ въ изданіи Калачова распадается на 115 ст.; въ моемъ съ 6 статьями, добавленными изъ другихъ списковъ, на 159; Академическій у Калачова—на 43, у меня на 50; кн. Оболенскаго у Калачова—55, у меня—68. Для сопоставленія статей Калачовскаго изданія съ моимъ, къ изданію приложена особая таблица.

Въ заключеніе этого отдѣла о различіи фамилій Правды, обращу вниманіе читателя на различіе отдѣльныхъ списковъ Правды третьей фамиліи. Каждая фамилія предполагаетъ одинъ первоначальный оригиналъ, съ котораго дѣлались позднѣйшіе списки и, конечно, съ перемѣнами. Для слѣдующихъ переписчиковъ оригиналами служили эти списки и т. д. Дошедшіе до насъ списки представляютъ работу не первоначальную, а копіи позднѣйшихъ переписчиковъ. Которая же изъ нихъ ближе къ оригиналу?

Для рѣшенія этого вопроса необходимо имѣть подъ руками самые списки. Къ сожалѣнію, ихъ напечатано очень немного. Только относительно напечатанныхъ уже списковъ можно представить нѣкоторыя по этому предмету соображенія.

Сравнивая разные списки 3-й фамиліи, мы должны придти къ заключенію, что всѣ они идутъ отъ одного первоначальнаго текста, но различаются отъ него описками въ отдѣльныхъ словахъ, пропусками, измѣненіемъ послѣдовательности статей и вставками. Описки и пропуски—суть случайныя искаженія первоначальнаго оригинала; въ спискахъ этой редакціи нѣтъ намѣренныхъ пропусковъ; всѣ они произощли отъ невниманія переписчиковъ. Намѣренные пропуски составляютъ характерную черту списковъ 4-й фамиліи. Если заполнить эти ненамѣренные пропуски, мы получимъ полный текстъ первоначальнаго оригинала. То же надо сказать и объ измѣненіи послѣдовательности статей. Вста-

вокъ немного. Онѣ, конечно, внесены съ намѣреніемъ пополнить Правду и свидѣтельствуютъ о позднѣйшей надъ нею работѣ.

Пропуски и вставки даютъ матеріалъ для сужденія объ относительной близости списковъ къ первоначальному тексту. Древность рукописи не имѣетъ въ этомъ отношеніи рѣшающаго значенія. Списокъ, по письму болѣе древній, можетъ болѣе удаляться отъ оригинала, чѣмъ списокъ по письму болѣе молодой.

Разсмотримъ съ этой точки зрѣнія напечатанные списки.

Въ Троицкомъ спискѣ пропущено начало статьи 152-й. Совершенно такой же пропускъ есть и въ спискѣ Чудовскомъ [1]). Ясно, что оба эти списка списаны съ одного оригинала, въ которомъ уже была эта описка; или Чудовскій списанъ съ Троицкаго, но не наоборотъ. Троицкій не могъ быть списанъ съ Чудовскаго (или его болѣе древняго оригинала) потому, что въ послѣднемъ есть искаженіе, не перешедшее въ Троицкій. Статья 89-я Чудовскаго списка до конца не дописана, а прерывается заголовкомъ слѣдующей статьи: «о бородѣ», написанномъ въ строку. За этимъ заголовкомъ слѣдуетъ пропущенное окончаніе предшествующей статьи, а затѣмъ уже рѣчь идетъ и о бородѣ. Итакъ, Троицкій списокъ ближе къ оригиналу, чѣмъ Чудовской.

Обѣ указанныя описки Чудовскаго списка принадлежатъ еще Крестининскому [2]) и Синодальному спискамъ. Но эти

[1]) Этотъ списокъ напечатанъ въ изслѣдованіяхъ о Русской Правдѣ Н. М. Мрочекъ-Дроздовскаго. Онъ находится въ кормчей книгѣ, писанной полууставомъ въ концѣ XV вѣка, какъ видно изъ послѣсловія. Русская Правда помѣщена здѣсь за статьями «О послушествѣ», а послѣ нея написано «Слово Сирахово на немилостивые цари и князи».

[2]) Крестининскій списокъ напечатанъ въ III т. продолженій къ Древней Россійской вивліоѳикѣ. Авторъ выписалъ его изъ кормчей, написанной «стариннымъ хорошимъ уставнымъ письмомъ». Ближе времени написанія кормчей онъ не опредѣляетъ. Эта кормчая была положена въ церковь Благовѣщенія въ Сольвычегодскѣ Семеномъ, Максимомъ и Никитой Строгановыми. По изслѣдованію Тобина, это могло случиться только между 1590 и 1616 годомъ, но рукопись могла быть написана лѣтъ на сто ранѣе.

списки прибавили къ нимъ и свои описки, нигдѣ болѣе не встрѣчающіяся. Крестининскій списокъ, однако, лучше Синодальнаго. У него къ опискамъ Чудовскаго прибавился только пропускъ конца 92-й статьи и начала 93-й, который очевиденъ и не можетъ смутить изслѣдователя. Синодальному же недостаетъ трехъ статей 18, 19, 20, да кромѣ того перепутана послѣдовательность очень многихъ статей. Такъ какъ порядокъ статей Синодальнаго списка нигдѣ болѣе не повторяется и не можетъ быть сведенъ къ какому-либо опредѣленному намѣренію, то и надо думать, что это вина разсѣянности переписчика [1]).

Синодальный списокъ, древнѣйшій по рукописи,—не есть, слѣдовательно, ближайшій къ первоначальному оригиналу. Ближе его Чудовскій и Крестининскій, а еще ближе Троицкій. Среди этихъ четырехъ списковъ оригиналъ Троицкаго будетъ древнѣйшій; съ него списанъ оригиналъ Чу-

[1]) Что отступленіе отъ порядка Троицкаго списка есть результатъ разсѣянности писца, а несознательной мысли, это видно изъ слѣдующаго. До 65 г. статьи Синодальный списокъ слѣдуетъ порядку Троицкаго; за 65 г. въ немъ идетъ не 66-я, а 71-я и 72-я, за которой не 73-я, а 89-я. Статьи 65 г. и предшествующія до 58-й говорятъ объ обязательствахъ изъ договоровъ, о займѣ, поклажѣ, о размѣрѣ процентовъ, 66-я и 67-я о несостоятельности, 68, 69 и 70-я о порядкѣ уплаты долговъ, въ случаѣ конкуренціи кредиторовъ. Всѣ статьи съ 58-й по 70-ю относятся, такимъ образомъ, къ одному предмету. Синодальный списокъ не только нарушаетъ эту однородность юридической матеріи вставкой 71 и 72-й статьи о закупѣ, въ которой рѣчь идетъ о послѣдствіяхъ дозволеннаго и недозволеннаго ухода закупа отъ господина; но статьи 66 по 70-ю отдѣляетъ отъ предшествующихъ вставкой 32-хъ статей (89—99, 115—125, 131—141), въ которыхъ рѣчь идетъ совершенно о другихъ предметахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ обязательствамъ изъ договоровъ. О закупѣ Русская Правда говоритъ въ патнадцати статьяхъ: 71—86. Перемѣщая первую статью (71), Синодальный списокъ и здѣсь только портитъ порядокъ Троицкаго списка, такъ какъ послѣ 71-й статьи перескакиваетъ къ 89—99, которыя ничего не имѣютъ общаго съ закупомъ; къ закупу же возвращается послѣ ряда статей разнообразнаго содержанія. Переписчикъ Синодальнаго списка, или его оригинала, былъ чрезвычайно невнимательный человѣкъ.

довскаго, но съ новой ошибкой; съ оригинала Чудовскаго списаны Крестининскій и Синодальный и опять съ новыми ошибками. Оригиналы, о которыхъ мы говоримъ, до насъ не дошли, дошли только позднѣйшіе списки съ нихъ, содержащіе, конечно, и новыя противъ оригиналовъ описки.

Но могутъ быть списки еще болѣе близкіе къ первоначальному тексту, чѣмъ Троицкій. Это—всѣ тѣ, въ которыхъ не будетъ не только что указанныхъ пропусковъ, но и никакихъ другихъ. Къ сожалѣнію, такихъ списковъ мы не имѣемъ. Всѣ напечатанные списки имѣютъ свои пропуски; между ними нѣтъ ни одного, о которомъ можно было бы сказать, что онъ стоитъ къ первоначальному тексту ближе Троицкаго. О лучшемъ изъ нихъ можно только сказать, что онъ находится на той же ступени отдаленія отъ оригинала, какъ и Троицкій.

Среди такихъ списковъ первое мѣсто принадлежитъ списку Археографической коммиссіи. Онъ не имѣетъ ни одной изъ указанныхъ нами описокъ, какъ и всѣ тѣ списки, о которыхъ будетъ рѣчь ниже; но у него есть свои описки. Ему недостаетъ конца 10-й статьи, начала 11-й и 17-й; 16-я опущена цѣликомъ, попорчено начало 102-й, а въ 106-й недостаетъ лебедя и журавля; не говоримъ о болѣе мелкихъ опискахъ, отъ которыхъ не свободенъ ни одинъ списокъ. Но этотъ списокъ имѣетъ и выдающіяся достоинства. Онъ сохранилъ единственно правильное чтеніе статей 115, 119-й и 120-й, представляющихъ камень преткновенія въ толкованіи Правды и совершенно искаженныхъ въ четырехъ нами разсмотрѣнныхъ уже спискахъ [1]). Списокъ этотъ, далѣе, не имѣетъ ни одной позднѣйшей вставки; послѣдовательность статей соотвѣтствуетъ послѣдовательности большинства списковъ, за единственной перестановкой 139-й статьи на мѣсто 140-й и обратно.

---

[1]) Ст. 115 по Арх. сп.: «Аще убиеть кто жену, то тѣмже судомъ судити, якоже и мужа. Аще будетъ виновата, то полъ виры» и т. д. Ст. 119: «Аще въ боярьстѣй дружинѣ, то за князя задниця не идеть».

Ближайшимъ къ нему является списокъ Пушкинскій. Онъ находится въ болѣе древней рукописи, чѣмъ Археографическій, а потому и не могъ быть съ него списанъ; но онъ списанъ съ общаго имъ обоимъ оригинала. Это доказывается общимъ пропускомъ статьи 16-й, одинаковой опиской въ началѣ статьи 17-й и совершенно одинакой редакціей статей 115, 119 и 120. Къ этимъ общимъ признакамъ Пушкинскій списокъ присоединилъ свои особенности, изъ которыхъ важнѣйшія: пропускъ 139-й и конецъ 142-й статьи и двѣ вставки новыхъ статей: послѣ 113-й «о конѣ» и 155-й—«о копьи». Послѣдняя взята изъ краткой редакціи Правды, въ другіе списки пространной редакціи эта статья не вошла.

Эти два списка представляютъ вторую вѣтвь списковъ, пошедшихъ отъ первоначальнаго текста Правды. Въ ихъ оригиналѣ уже были встрѣчающіяся въ нихъ описки, а потому они никоимъ образомъ не могутъ быть ближе Троицкаго къ первоначальному тексту. Пушкинскій же списокъ, хотя и находится въ болѣе древней рукописи, болѣе удаленъ отъ оригинала, чѣмъ Археографическій, ибо имѣетъ лишнія противъ него вставки.

Третью вѣтвь представляютъ списки Карамзинскій, Софійскій, Бѣляевскій [1]). Эти три списка тоже имѣютъ общіе

[1]) Софійскій списокъ напечатанъ Строевымъ въ редактированномъ имъ Софійскомъ времянникѣ. Для этого изданія онъ воспользовался двумя списками Русской Правды письма XVI вѣка; одинъ взятъ изъ Воскресенской рукописи, другой изъ Толстовской. Р. Правда помѣщена подъ 1019 г. послѣ описанія побѣды Ярослава надъ Святополкомъ. За нею слѣдуетъ уставъ Ярослава о мостѣхъ, а потомъ судебникъ царя Константина.

Бѣляевскій текстъ напечатанъ въ изслѣдованіяхъ П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго со списка, найденнаго въ рукописяхъ И. Д. Бѣляева. По описанію этихъ рукописей, сдѣланному Викторовымъ, это новый списокъ, приготовленный покойнымъ профессоромъ для изданія. Ни на немъ, ни при немъ не оказалось, однако, никакихъ замѣтокъ о томъ, откуда онъ списанъ. Такимъ образомъ, происхожденіе списка остается совершенно неизвѣстнымъ; что же касается его текста, то, зная ува-

имъ всѣмъ признаки, что позволяетъ думать, что и они пошли отъ одного оригинала. Общіе признаки состоятъ въ одинаковой редакціи статей 115-й, 119-й и 120-й [1]) и въ одинакихъ вставкахъ. Они имѣютъ лишнюю статью послѣ 23-й «о ссудныхъ кунахъ», цѣлый рядъ лишнихъ статей о прибыли скота и, наконецъ, три общихъ добавочныхъ статъи въ концѣ. Оригиналъ, отъ котораго пошли эти списки, судя по редакціи 115-й статьи, родственъ оригиналу списковъ второй вѣтви, но отступаетъ отъ него въ редакціи ст. 119-й и 120-й. Къ опискамъ оригинала каждый списокъ прибавилъ свои: Карамзинскій пропустилъ 141-ю статью. Софійскій—140-ю, Бѣляевскій перенесъ на другое мѣсто шесть статей (115—120).

Оригиналъ списковъ третьей вѣтви, въ виду искаженія статей 119—120-й и многочисленныхъ вставокъ, надо считать болѣе удалившимся отъ первоначальнаго текста, чѣмъ оригиналъ списковъ второй вѣтви. А потому изъ всѣхъ до сего времени напечатанныхъ списковъ наиболѣе близкимъ къ первоначальному тексту надо считать Троицкій и Археографическій.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что прежде чѣмъ Русская Правда была занесена на страницы одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ нашей письменности, списки ея имѣли уже свою долгую исторію и въ Синодальную кормчую попалъ далеко не первый и не лучшій изъ этихъ списковъ. Тогда уже были налицо не только оригиналы Троицкаго и Чудовскаго списковъ, но и оригиналы Археографическаго списка и, можетъ быть, Карамзинскаго и ему подобныхъ.

Сличая разные списки Русской Правды пространной ре-

женіе и великую любовь, которыя питалъ покойный ко всѣмъ остаткамъ старины, я могу утверждать, что списокъ сдѣланъ съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей оригинала и безъ малѣйшихъ измѣненій его или дополненій.

[1]) Редакція статьи 83-й общая со списками второй вѣтви, статья же 86-я читается такъ: «А иже въ боярехъ или же въ боярьстѣй дроужинѣ, то за князя задница не идеть».

дакціи, надо придти къ заключенію, что послѣ того, какъ ихъ текстъ сложился въ самомъ началѣ XII вѣка, надъ нимъ не происходило болѣе никакой серьезной работы; онъ только переписывался въ разъ установившейся формѣ и ничего болѣе. Вставки новыхъ статей большого значенія не имѣютъ, потому что онѣ очень незначительны и представляются чѣмъ-то случайнымъ. Вставка 17 статей о приплодѣ скота есть плодъ непониманія смысла этихъ статей. Прибавка четырехъ статей въ концѣ списковъ третьей вѣтви — есть чисто внѣшняя пришивка. За этимъ остаются только двѣ дополнительныхъ статьи, внесенныхъ въ текстъ Правды: одна въ спискѣ Пушкинскомъ, другая въ спискахъ третьей вѣтви. Вотъ и все. На этомъ основаніи можно сказать, что текстъ пространной Правды, сложившись въ XII вѣкѣ, затѣмъ не подвергался никакой переработкѣ. Несомнѣнный опытъ переработки Правды представляетъ ея четвертая редакція. Къ сожалѣнію, цѣли этой переработки готоваго уже матеріала представляютъ темную историческую загадку.

За много вѣковъ, въ теченіе которыхъ переписывались списки пространной Правды въ разнаго рода памятникахъ, работа списателей сосредоточивалась единственно на заголовкахъ; они дѣлаютъ новые заголовки и обобщаютъ уже существующіе. Чѣмъ болѣе списокъ переписывался, тѣмъ болѣе въ немъ новыхъ заголовковъ и ихъ обобщеній. Любопытно въ этомъ отношеніи сравненіе Синодальнаго списка съ Карамзинскимъ. Ихъ раздѣляетъ промежутокъ времени болѣе ста лѣтъ. Списокъ Карамзинскій прошелъ, конечно, чрезъ большее число рукъ, чѣмъ Синодальный. Благодаря этому онъ имѣетъ девять лишнихъ заголовковъ [1]). На этомъ

[1]) Девять лишнихъ заголовковъ находятся передъ статьями: 2, 13, 18, 24, 28, 30, 44, 66 и 88 (нумерація по Троиц. списку). Это значительная прибавка къ 52-мъ заголовкамъ Синод. списка.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ надъ старымъ заголовкомъ надписывается новый. Примѣръ этому даетъ Археографическій списокъ. Въ оригиналѣ ст. 65-я имѣла уже заголовокъ: «А се уставъ Володимерь Всеволодовича», который, съ нѣкоторыми варіантами, встрѣчается во всѣхъ

примѣрѣ мы можемъ наблюдать возникновеніе заголовковъ послѣ того, какъ статьи были уже написаны. Но отсюда не слѣдуетъ, что первоначальный текстъ вовсе не имѣлъ заголовковъ и всѣ они возникли въ копіяхъ съ него. Составитель первоначальнаго текста имѣлъ уже передъ собой готовыя статьи краткой Правды. Составляя свою пространную редакцію, онъ могъ уже начало готовыхъ статей выписывать въ заголовки [1]).

Среди большого числа заголовковъ встрѣчаемъ и болѣе обобщенныхъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ Синодальномъ спискѣ заголовокъ 31-й статьи только повторяетъ первыя слова статьи: «Оже придетъ кровавъ мужъ», въ Карамзинскомъ же читаемъ: «О мужѣ кровавѣ»; то же въ ст. 58: по Синодальному «а оже кто скота взыщетъ», по Карамзинскому «о запрѣніи кунъ», и т. д. Особенно любопытно измѣненіе заголовковъ въ статьѣ 71, 73, 76 и 84. Всѣ эти статьи говорятъ о закупѣ, а потому каждой изъ нихъ Синодальный списокъ далъ особый заголовокъ: «о закупѣ», который повторяется четыре раза. Списатель Карамзинскаго списка нашелъ это совершенно излишнимъ и остановилъ заголовокъ только передъ 71-й статьей, а передъ остальными опустилъ. Совершенно также поступилъ онъ, опустивъ заголовокъ 56 статьи, удовольствовавшись заголовкомъ къ статьѣ 53-й. Изъ всѣхъ переписчиковъ Правды,

---

спискахъ. Но переписчикъ Археографическаго списка этимъ не удовольствовался, а написалъ надъ нимъ новый «Уставъ Володимерь Всеволодича». Такимъ образомъ, получился двойной заголовокъ, что и ввело въ заблужденіе почтеннаго издателя этого списка.

Примѣръ такого же втораго заголовка представляетъ, конечно, и общій заголовокъ списковъ третьей редакціи: «Судъ Ярославль Володимѣричь» или въ болѣе распространенной формѣ: «Уставъ великаго князя Ярослава Володимерича о судѣхъ. Соудъ о душегубьствѣ». Онъ вездѣ написанъ надъ краткимъ заголовкомъ: «Правда Русская», списаннымъ съ краткой редакціи, конечно.

[1]) Изъ статей краткой редакціи, перешедшихъ въ пространную, имѣютъ въ этой новѣйшей редакціи заголовки: 10 (26), 19 (3), 26 (41), 30 (68) и 31 (71), въ скобкахъ ст. Троицкаго списка.

переписчикъ Карамзинскаго списка (или его оригинала) представляется намъ самымъ разсудительнымъ и вдумчивымъ. Но и его умственная работа шла не далеко. Онъ нашелъ нужнымъ опустить лишніе заголовки и хорошо сдѣлалъ; но написать подрядъ всѣ статьи о закупахъ, перенеся на другое, болѣе приличное мѣсто, статью о холопѣ, которая попала въ средину статей о закупѣ и нарушила ихъ цѣльность, это было выше его средствъ.

Ни древность списковъ, ни предполагаемая близость ихъ къ первоначальному тексту еще не рѣшаютъ вопроса о лучшей редакціи отдѣльныхъ словъ и реченій Правды. Для выбора настоящаго чтенія нужно особое ислѣдованіе по каждому отдѣльному слову. При этомъ лучшія чтенія могутъ оказаться сохранившимися въ разныхъ спискахъ. Статья 16-я, напримѣръ, лучше сохранилась въ спискахъ первой вѣтви, статья 115-я въ спискахъ второй и третьей, 119 и 120-я только въ спискахъ второй и т. д.

Перехожу къ обзору содержанія Правды. Сдѣлать это, однако, труднѣе, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ. Всего легче было бы указать, что такія-то статьи относятся къ уголовному праву, такія-то къ гражданскому, такія-то къ процессу и т. д. При этомъ пришлось бы одну и ту же статью отнести въ двѣ, а иногда въ три разныхъ рубрики, такъ какъ случается, что одна и та же статья говоритъ объ уголовномъ матеріальномъ правѣ, о процессѣ и проч. Это, конечно, не бѣда, но бѣда въ томъ, что такое указаніе, по его общности, дало бы очень слабое понятіе объ особенностяхъ содержанія древняго юридическаго памятника. Необходимо, поэтому, обозначить содержаніе нѣсколько подробнѣе.

Двѣ древнѣйшія Правды говорятъ только о матеріяхъ уголовныхъ и о процессѣ. Въ нихъ къ убійству относится семь статей, къ отнятію членовъ три, къ нанесенію ранъ три, къ обидамъ дѣйствіемъ семь, къ кражамъ четыре, къ разнымъ инымъ нарушеніямъ имущественныхъ правъ четыр-

надцать, къ порчѣ межевыхъ знаковъ одна, къ запрещенному самоуправству одна, къ процессу — семь; судебныя пошлины опредѣлены въ трехъ. Одна статья опредѣляетъ плату мостовщикамъ. Юридическій характеръ ея сомнителенъ. Едва ли она содержитъ въ себѣ общее правило, то-есть таксу мостовыхъ работъ вообще. Не есть ли это обобщеніе одного опредѣленнаго подряда на мостовыя работы, сдѣланное составителемъ? Двѣ древнѣйшихъ Правды имѣютъ, такимъ образомъ, своимъ предметомъ исключительно уголовное право; изъ 50 статей только десять посвящены другимъ предметамъ, процессу и суднымъ пошлинамъ; но и эти статьи, кромѣ двухъ, стоятъ въ связи съ уголовными матеріями. Изъ статей двухъ краткихъ Правдъ можно, однако, дѣлать заключенія къ состоянію людей, то-есть по вопросамъ государственнаго права; но этихъ вопросовъ Правда касается случайно, говоря о правонарушеніяхъ.

Несравненно богаче содержаніемъ пространная Правда. Убійству въ ней посвящено девятнадцать статей, отнятію членовъ—двѣ, ранамъ—пять, оскорбленію дѣйствіемъ одиннадцать, кражамъ — двадцать три, поджогу одна, инымъ нарушеніямъ имущественныхъ правъ—восемнадцать, порчѣ межевыхъ знаковъ—три, запрещенному самоуправству одна; одна статья даетъ оцѣнку домашняго скота и молока, по которой должны опредѣляться убытки въ случаѣ кражи; къ договорамъ—двадцать три, къ наслѣдству—девятнадцать; къ опекѣ—двѣ, къ процессу—двадцать одна; судебныя пошлины опредѣлены въ десяти статьяхъ; кромѣ того есть еще двѣ статьи объ урокахъ городнику и мостнику. О дѣйствительной принадлежности ихъ къ составу Правды можно высказать то же сомнѣніе, какое мы высказали относительно ст. краткой редакціи [1]).

[1]) Въ спискахъ третьей вѣтви есть еще статья (134 Карамзин.), озаглавленная: «О городскихъ мостехъ осменныки поплата». Она представляетъ раскладку повинности мостить Новгородъ и есть, собственно, полицейское мѣропріятіе, возникшее, вѣроятно, по соглашенію отдѣльныхъ улицъ и концовъ Новгорода. Эту статью, конечно, нельзя отно-

Такимъ образомъ, пространная Правда, кромѣ статей права уголовнаго, содержитъ въ себѣ еще цѣлый рядъ статей по матеріямъ гражданскимъ. Изъ нея мы узнаемъ о поклажахъ, процентахъ, послѣдствіяхъ несостоятельности, объ отношеніяхъ нанимателей къ работникамъ, о способахъ установленія рабства, о наслѣдствѣ, опекѣ и т. д.

Правда средняя не представляетъ, кромѣ одной статьи ничего новаго; это выборъ изъ статей болѣе древнихъ редакцій. Она замѣчательна своими измѣненіями старыхъ статей и особенно своими пропусками, на что было уже указано.

Перехожу къ вопросу о характерѣ содержанія разбираемаго памятника съ точки зрѣнія его происхожденія. Здѣсь надо разсмотрѣть, во-первыхъ, какое право содержится въ нашемъ памятникѣ—туземное или пришлое со стороны; во-вторыхъ, если эти право туземное,—то какое именно, обычное или уставное княжеское, и, наконецъ, третье, какъ это право было собрано въ одинъ памятникъ, оффиціальнымъ путемъ или частнымъ.

Первые изслѣдователи Правды, замѣтивъ сходство многихъ институтовъ этого памятника съ такими же институтами западныхъ народовъ, думали, что Правда содержитъ въ себѣ заимствованное право. Шлецеръ полагалъ, что содержаніе Правды заимствовано у датчанъ и шведовъ. Ему возражалъ Эверсъ, указывая, на то, что сборники датскіе и шведскіе составлены позднѣе Правды, а потому и не могли служить ей источникомъ. Но и Эверсъ не считалъ содержанія Правды мѣстнымъ продуктомъ; онъ полагалъ, что оно извлечено изъ сборниковъ салическаго и рипуарскаго права. Того же мнѣнія держался и Погодинъ: месть, выкупъ, судъ двѣнадцати гражданъ—все это не славянскій, а скандинавскій законъ, утверждалъ онъ. Современная наука оста-

сить къ соедржанію Правды. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ эта статья встрѣчается въ видѣ отдѣльнаго устава совершенно внѣ связи съ Правдой.

вила взглядъ, въ силу котораго всякое сходство предполагаетъ заимствованіе. Она знаетъ, что сходные институты встрѣчаются у народовъ, которые никогда не были ни въ какихъ между собой сношеніяхъ и ничего не могли, поэтому, другъ у друга заимствовать. Сходные институты права возникаютъ въ силу единства условій быта, которыя могутъ имѣть мѣсто у весьма многихъ народовъ, особенно на первыхъ ступеняхъ ихъ историческаго развитія. Вслѣдствіе этого такіе институты, какъ месть и выкупъ, наблюдаются у всѣхъ первобытныхъ народовъ, не будучи никѣмъ изъ нихъ у кого-либо заимствованы. Современная наука не отрицаетъ, однако, и заимствованій; они появились у насъ не съ Петра Великаго, а встрѣчаются въ отдаленной древности; но наличность ихъ должна быть всякій разъ доказана; должны быть указаны взаимныя сношенія двухъ народовъ, изъ которыхъ одинъ заимствовалъ у другого, и путь, которымъ шли заимствованія.

Туземное право, занесенное въ Русскую Правду, по происхожденію своему является, главнымъ образомъ, обычнымъ; а потому содержаніе Правды далеко заходитъ въ глубь вѣковъ и гораздо древнѣе того времени, когда было записано. Месть, выкупъ, институтъ рабства, устраненіе сестеръ при братьяхъ отъ наслѣдованія—все это исконные народные обычаи, которые соблюдались задолго до призыва Рюриковичей. Въ Русскую Правду внесены и княжескіе уставы, но уставной дѣятельности князей принадлежитъ въ ней, сравнительно, немного. Законодательная дѣятельность развивается поздно, на глазахъ исторіи, первоначально же всѣ народы живутъ по обычному праву. Таково содержаніе и такъ называемыхъ варварскихъ законовъ; въ нихъ нерѣдко встрѣчаются королевскіе уставы, но и они не всегда содержатъ въ себѣ новое право, а въ очень многихъ случаяхъ только формулируютъ обычное (Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, I, 286). То же надо сказать и о содержаніи Русской Правды. Для распознаванія княжескихъ уставовъ имѣется только одинъ твердый признакъ. Упоминаніе

въ самомъ текстѣ Правды о томъ, что такая-то статья составляетъ уставъ такого-то князя.

Содержаніе Русской Правды, такимъ образомъ, не выписано изъ какого-либо иностраннаго сборника; оно представляетъ отраженіе современной составителю русской обычной и уставной практики. Но такъ какъ эта практика руководилась не мѣстными только обычаями, но и иноземными уставами, то на ряду съ русскимъ правомъ въ Русской Правдѣ отразилось и иноземное. Вліяніе иноземнаго права замѣтно въ двухъ направленіяхъ: съ сѣвера и съ юга. Призваніе варяговъ открыло къ намъ доступъ скандинавскому праву. Варяжскіе князья, какъ судьи, не могли не примѣнять началъ привычнаго имъ права. Съ принятіемъ христіанства духовенство получило право суда въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Оно совершало свой судъ по византійскимъ сборникамъ. Такимъ образомъ, открылся путь для проникновенія въ сознаніе русскихъ людей началъ скандинавскаго и византійскаго права.

Источники, которыми пользовался составитель Правды, сводятся къ двумъ: къ судебной практикѣ и княжескимъ уставамъ.

Въ виду преобладанія въ древнее время обычнаго права надъ уставнымъ, и княжескіе суды руководствовались обычаями. Эти обычаи, проявлявшіеся чрезъ посредство судебной практики, составитель и записывалъ: первая статья всѣхъ редакцій Правды говоритъ о мести. Историки, которые видятъ въ Правдѣ оффиціальное изданіе, въ поясненіе этой статьи утверждаютъ: Ярославъ дозволилъ первою статьею месть. Что бы это значило? Ярославъ княжилъ отъ 1015 до 1054 г. До него, значитъ, месть не была дозволена? Невозможное предположеніе. До начала XI вѣка у насъ не было мести; а въ первой половинѣ этого вѣка Ярославъ, второй христіанскій князь, любившій до излиха книжное просвѣщеніе (то-есть христіанское) и монашескую жизнь, дозволяетъ месть! Месть была правомъ искони и, конечно,

не была заимствована, а жила въ нравахъ. О мести, какъ о дѣйствующемъ правѣ, говоритъ даже редакторъ списковъ четвертой фамиліи, которая едва ли моложе XIII вѣка. Откуда взялась эта первая статья, утверждающая, что въ случаѣ убійства братъ мститъ за брата, сынъ за отца, отецъ за сына, дядя за племянника? Составитель записалъ то, что происходило въ окружавшемъ его обществѣ, но далеко не исчерпалъ существа дѣла. Формулировать явленія окружающей жизни дѣло очень трудное и далеко не подъ силу автора, а потому онъ частью переговорилъ, а частью недоговорилъ. Что эта статья есть отзвукъ судебной практики того времени, на это указалъ еще Калачовъ. Таковы всѣ статьи о мести и многія другія.

Иногда авторъ вноситъ въ свой сборникъ отдѣльныя судебныя рѣшенія по частнымъ случаямъ. Такова вторая половина статьи 5 второй редакціи Правды: «А конюхъ старый оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилѣ Дорогобоудци». Здѣсь мы имѣемъ стараго конюха, который пасъ стадо дорогобужцевъ, которые его убили, и князя Изяслава, который судилъ это дѣло. Это отдѣльный случай княжескаго суда, который вовсе не имѣетъ значенія общей нормы. Старый пастухъ лошадей, конечно, былъ рабъ; князь взыскалъ за него 80 гривенъ потому, что былъ очень раздраженъ этимъ убійствомъ, а не потому, чтобы такое взысканіе обыкновенно налагалось за убійство людей этого рода. Указаніе на отдѣльный случай судебнаго рѣшенія находится и въ 12 ст. того же списка. Говоря о кражѣ, она приводитъ случай кражи, въ которомъ участвовало 18 воровъ.

Широко черпая изъ судебной практики, составитель не могъ обойти и примѣнявшихся у насъ началъ чуждаго права.

Наказаніе возникаетъ сперва въ формѣ частнаго вознагражденія лица пострадавшаго. Съ теченіемъ времени начинаетъ карать и государство. Наказанія, налагаемыя на преступниковъ представителями государственной власти, сперва имѣютъ характеръ частныхъ каръ, то-есть выражаются въ

выкупѣ. Возникаетъ, такимъ образомъ, вопросъ объ опредѣленіи мѣры выкупа. Единицы выкупа, встрѣчаемыя въ Правдѣ, совпадаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ таковыми же германскихъ народовъ. Такъ какъ платежи въ пользу князя возникли при первыхъ князьяхъ, то можно допустить, что они были опредѣлены согласно скандинавскому праву.

Уже въ Правдѣ древнѣйшей редакціи находимъ статью, объясняемую на основаніи Моисеевыхъ законовъ, сдѣлавшихся извѣстными изъ византійскихъ сборниковъ; такова 53 статья объ убійствѣ вора, котораго связали и продержали до свѣта. Въ пространной же Правдѣ находимъ цѣлый рядъ статей, заимствованныхъ изъ византійскаго права. Таковы статьи о наслѣдствѣ и опекѣ (117, 118, 122—124, 129—132, 136—137 и др.) Но надо думать, что авторъ познакомился съ византійскимъ правомъ не въ его сборникахъ, а въ его примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ. Какъ онъ былъ знакомъ съ практикой свѣтскихъ судовъ, такъ онъ зналъ кое-что и изъ практики духовныхъ. Эту практику онъ и занесъ въ Правду. Византійское право было ему извѣстно не изъ первыхъ рукъ; онъ не списывалъ Эклогу и, можетъ быть, никогда ее не видалъ; онъ зналъ только судебную практику, основанную на Эклогѣ. Этимъ и объясняется не ясность и спутанность его статей.

Кромѣ судебной практики составитель Правды пользовался еще княжескими уставами и заносилъ содержаніе ихъ своими словами въ свой сборникъ. Такъ составлены во второй редакціи статьи: 1—3, 24; а въ третьей: 4, 65, 87 и 88.

Таковы источники Правды. Пріурочивая ихъ къ судебной практикѣ и княжескимъ уставамъ, мы, однако, не можемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ указать происхожденіе статьи. Къ княжескимъ уставамъ мы относимъ статьи, въ которыхъ прямо указанъ этотъ ихъ источникъ. Но могутъ быть статьи того же происхожденія безъ указанія ихъ источника. Статьи 87, 88 пространной Правды говорятъ, что Ярославъ уставилъ убить раба, ударившаго

свободнаго мужа. Въ Правдѣ краткой есть статья (23) объ убійствѣ раба за ударъ свободному мужу, но безъ ссылки на уставъ Ярослава. Очень, однако, вѣроятно, что она взята изъ устава этого князя, на который ссылается пространная Правда.

Переходимъ къ послѣднему вопросу о происхожденіи Русской Правды. Первые изслѣдователи этого памятника думали, что онъ представляетъ оффиціальный сборникъ. Такого мнѣнія держались: Татищевъ, Шлецеръ, Болтинъ, Карамзинъ. Мнѣніе это дожило и до нашихъ дней. Въ его пользу высказываются: Тобинъ, Погодинъ, Бѣляевъ, Ланге. Разница между старыми и болѣе новыми изслѣдователями состоитъ только въ томъ, что первые всю Правду приписывали законодательству Ярослава; послѣдніе обратили вниманіе на то, что Правда знаетъ не одного Ярослава, но сыновей его и Владиміра Мономаха. Это привело ихъ къ мысли, что она есть результатъ послѣдовательной законодательной дѣятельности цѣлаго ряда упоминаемыхъ въ ней князей. Г. Иловайскій нисколько не сомнѣвается, что это Ярославъ въ 1 ст. Правды дозволяетъ месть, то-есть, узаконяетъ; что сыновья его пересмотрѣли Правду, измѣнили и дополнили ее; и что Владиміръ Мономахъ предпринялъ новый законодательный пересмотръ Правды. Но съ начала текущаго столѣтія стало высказываться и противоположное мнѣніе о Правдѣ, какъ частномъ сборникѣ. Такой взглядъ встрѣчаемъ у Розенкампфа, Полевого, Морошкина, Калачова. Изъ двухъ приведенныхъ мнѣній мы считаемъ правильнымъ—второе. Вопросъ этотъ далеко не праздный. Рѣшеніе его имѣетъ существенное значеніе для пониманія Правды. Если она плодъ законодательнаго труда цѣлаго ряда князей, послѣдовательно дополнявшихъ и исправлявшихъ законодательство своихъ предшественниковъ, то этимъ уже опредѣляется и время происхожденія ея статей и взаимное ихъ отношеніе. Если это частный сборникъ, то онъ не даетъ намъ ни того, ни другого, ибо частное лицо могло записы-

вать извѣстныя ему нормы и не въ хронологическомъ порядкѣ ихъ возникновенія.

Разсмотримъ основанія, приводимыя въ пользу перваго мнѣнія. Оно покоится на заголовкахъ памятника, упоминающихъ имена князей, и на свидѣтельствѣ лѣтописи о томъ, что Правда дана новогородцамъ великимъ княземъ Ярославомъ.

Мы уже знаемъ, что заголовки нельзя считать принадлежащими первому составу Правды. Списки первой фамиліи не приписываются никакому князю. Ихъ заголовокъ—«Правда Русская» и только. Ярослава въ заголовкѣ нѣтъ; не упоминаютъ о немъ и отдѣльныя статьи. Имя этого князя упоминается только въ концѣ 42-й статьи. Текстъ памятника не даетъ, слѣдовательно, никакого основанія говорить, что Ярославъ издалъ первую Русскую Правду.

Но новогородская лѣтопись приписываетъ эту редакцію Ярославу и указываетъ годъ и случай, когда и почему она была имъ написана. Татищевъ далъ полную вѣру этому извѣстію и заключительныя слова Ярослава предпослалъ своему изданію Правды. Я уже имѣлъ случай указать выше (58), что эти слова не принадлежатъ оригиналу лѣтописи, а внесены въ нее позднѣйшимъ переписчикомъ.

Хотя списки третьей фамиліи начинаются видоизмѣненнымъ повтореніемъ 1-й статьи списковъ первой редакціи, ничего не знающей о редакторствѣ Ярослава, хотя за этой первой слѣдуетъ четвертая статья, свидѣтельствующая о смерти Ярослава, тѣмъ не менѣе эти списки приписываются въ заголовкѣ князю Ярославу. Заголовокъ этотъ, конечно, не можетъ принадлежать первому составителю, который отправляется отъ текста Правды, не приписанной Ярославу, и сейчасъ же начинаетъ говорить объ измѣненіяхъ, произведенныхъ въ судѣ Ярослава его сыновьями. Онъ также дѣло вторыхъ рукъ. Съ нимъ надо сопоставить заключительное слово нѣкоторыхъ списковъ: «По си мѣсто судебникъ Ярославль». Такимъ образомъ, вся пространная Правда, отъ начала до конца, приписывается законодательству Ярослава.

Заголовки и заключительное слово, конечно, не дѣло рукъ перваго составителя, который хорошо зналъ откуда онъ бралъ свой матеріалъ, а позднѣйшихъ переписчиковъ.

Также не доказываютъ оффиціальнаго происхожденія Правды и имена другихъ князей, въ ней упоминаемыхъ. Въ спискахъ второй фамиліи есть извѣстный уже намъ заголовокъ: «Правда оуставлена Роуськой землѣ, егда ея съвокоупилъ Изясдавъ, Всеволодъ, Святославъ» и т. д. Но еще Калачовъ высказалъ сомнѣніе, чтобы сыновьямъ Ярослава можно было приписать все содержаніе Правды, слѣдующее за этимъ заголовкомъ. Имъ можно приписать только первыя четыре статьи, трактующія объ одномъ и томъ же предметѣ: о послѣдствіяхъ убійства огнищанина. Слѣдующая за ними пятая статья—есть судебное рѣшеніе, постановленное однимъ изъ сыновей Ярослава, Изяславомъ. Статья 24-я приписана самому Ярославу.

Упоминаются тѣ же сыновья Ярослава и въ пространной Правдѣ; но здѣсь имена ихъ приводятся не въ заголовкѣ нѣкотораго отдѣла или части Правды, а въ отдѣльной статьѣ, которая говоритъ, что они, по смерти отца, отложили убіеніе за голову, а во всемъ остальномъ опредѣлили судить такъ, какъ судилъ Ярославъ. Это есть извѣстіе о томъ, что произошло на второмъ съѣздѣ сыновей Ярослава и только. Изслѣдователи, которые видятъ въ Правдѣ оффиціальную работу, ставятъ эту статью въ связь съ послѣдующими статьями. Чего съ этой точки зрѣнія мы должны ожидать въ послѣдующихъ статьяхъ? Такъ какъ приведенная статья говоритъ, что за исключеніемъ убіенія за голову, замѣненнаго кунами, во всемъ остальномъ сыновья Ярослава судили согласно правиламъ отца, то въ послѣдующихъ статьяхъ мы должны были бы ожидать изложенія правилъ суда Ярославова. А въ дѣйствительности какъ разъ наоборотъ. Слѣдующая статья есть повтореніе второй статьи 1 и 4 Правды, представляющей нововведеніе сыновей Ярослава: они стали взыскивать 80 гривенъ за убійство княжихъ мужей. Итакъ, статья 2-я ни по формѣ, ни по содержанію не

есть заголовокъ слѣдующихъ за ней статей и не стоитъ съ ними въ связи.

Сыновья Ярослава упоминаются еще въ статьѣ 88-й. Имъ здѣсь приписывается нѣкоторое измѣненіе правилъ Ярослава, которое тутъ и приводится. Такимъ образомъ, и здѣсь сыновья Ярослава имѣютъ отношеніе только къ этой одной статьѣ.

Кромѣ сыновей Ярослава, пространная Правда упоминаетъ еще Владиміра Мономаха (65), и это опять даетъ поводъ утверждать, что Владиміръ Мономахъ пересмотрѣлъ Правду Ярослава и его сыновей и дополнилъ ее. Изъ текста Правды этого вовсе не слѣдуетъ. Статья 65-я говоритъ, что, по смерти Святополка, Володиміръ Всеволодовичъ созвалъ дружину свою и сдѣлалъ постановленіе о процентахъ и только. Мономахъ является здѣсь не редакторомъ новой Правды, а издателемъ спеціальнаго указа о процентахъ. Переписчики дали этой статьѣ заголовокъ: одни—«А се оустави Володимиръ», другіе—«Оуставъ Володимѣрь Всеволодича», третьи, по примѣру византійскихъ юридическихъ памятниковъ, поставили: «II глава. Уставъ великаго князя Владиміра», и, наконецъ, совсѣмъ отдѣлили все слѣдующее за этимъ заголовкомъ отъ начала Ярославовой Правды. Такимъ образомъ, старые переписчики первые высказали мнѣніе, что Ярославъ началъ издавать Правду, а Мономахъ пересмотрѣлъ ее и сдѣлалъ къ ней дополненіе. Но они не замѣтили, что списки, упоминающіе о Владимірѣ, въ то же время всю Правду приписываютъ одному Ярославу. Это прямое противорѣчіе.

Итакъ, мнѣніе историковъ объ офиціальномъ происхожденіи Правды есть только повтореніе того, что говорили объ этотъ предметѣ старые составители лѣтописей и переписчики кормчихъ и Мѣрилъ Правдыхъ, и не имѣетъ въ свою пользу никакихъ научныхъ основаній. Правда и по формѣ своей и по содержанію должна быть приписана труду частнаго составителя. Мы хорошо знаемъ, какъ писались древніе княжескіе уставы. Они писались отъ имени

князя и приводили это имя не въ заголовкѣ, а въ текстѣ: «Се азъ, князь такой-то, далъ, пожаловалъ, уставилъ», и проч. Такъ начинаются и церковные уставы Владиміра и Ярослава. Въ дошедшемъ до насъ видѣ, они, конечно, не подлинные, но ихъ составители хорошо знали, какъ сочиняются подобные документы, а потому въ ихъ внѣшней формѣ и надо видѣть сохраненіе традиціонныхъ порядковъ. Ничего подобнаго не представляетъ ни одинъ списокъ Правды; она не княжескій уставъ, а памятникъ своего рода: Русская Правда.

По содержанію труднѣе распознать частное собраніе отъ оффиціальнаго изданія, такъ какъ и то и другое одинаково содержитъ нормы права; но и въ этомъ отношеніи текстъ Русской Правды носитъ явные слѣды частной работы. Составитель сообщаетъ свѣдѣнія о содержаніи княжескихъ уставовъ, но изъ того, какъ онъ это дѣлаетъ, ясно видно, что текстъ сообщаемаго принадлежитъ не самому законодателю, а частному лицу, сообщающему о законѣ то, чтó ему извѣстно. Напримѣръ, въ статьѣ 4-й читаемъ: «По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ і отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати, а ино все, яко же Ярославъ судилъ, такоже і сынове его оуставиша». Это не уставъ сыновей Ярослава, а сообщеніе о немъ знающаго человѣка. Или статья 88: «А се иже холопъ оударитъ свободна мужа...... то Ярославъ оуставилъ оубити й: но сынове его, по отци, оуставиша на куны»... Здѣсь, въ одной статьѣ, знающій человѣкъ соединилъ новое и старое право.

Помимо разсмотрѣнныхъ вопросовъ нѣкоторые изслѣдователи возбуждаютъ еще вопросъ о системѣ распредѣленія юридическаго матеріала въ Правдѣ. Вопросъ о системѣ едва ли возможенъ; составитель, конечно, не расчленялъ права на какіе-либо виды, а потому и не могъ положить какую-либо систему въ основаніе распредѣленія своего матеріала.

Все, что можно замѣтить въ порядкѣ расположенія статей, заключается въ томъ, что всѣ редакціи Правды начинаются съ убійства, а потомъ переходятъ къ болѣе мелкимъ правонарушеніямъ. Это, конечно, потому, что убійство, какъ самое крупное преступленіе, прежде всего привлекало къ себѣ вниманіе наблюдателя. Но здѣсь и оканчивается нѣкоторый опредѣленный порядокъ, который можно возвести къ началу важности преступленій. Въ первой редакціи Правды 4-я и 5-я статьи процессуальнаго порядка: они говорятъ о докалательствахъ кровавыхъ или синихъ ранъ, а 6-я опредѣляетъ штрафъ за такую рану. Слѣдующія статьи говорятъ о послѣдствіяхъ обиды дѣйствіемъ и тѣлесныхъ поврежденій. Итакъ, съ 4-й статьи авторъ переходитъ къ тѣлеснымъ поврежденіямъ и обидамъ дѣйствіемъ, но не только не располагаетъ ихъ въ порядкѣ нисходящей важности, но даже не исчерпываетъ ихъ въ этомъ мѣстѣ, а переходитъ къ другимъ предметамъ и возвращается къ нимъ только въ концѣ, въ статьяхъ 22-й и 23-й. Если бы онъ началъ съ убійства въ сознательномъ намѣреніи говорить о преступленіяхъ въ нисходящемъ по ихъ важности порядкѣ, то за убійствомъ слѣдовало бы говорить о такихъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ, которыя имѣютъ послѣдствіемъ потерю члена: руки, ноги, пальца и прочее, затѣмъ слѣдовало бы говорить о ранахъ кровавыхъ и синихъ и, наконецъ, объ обидахъ дѣйствіемъ. У него же порядокъ совершенно случайный. Отнятіе члена и съ точки зрѣнія людей XI вѣка болѣе тяжкое преступленіе, чѣмъ обида дѣйствіемъ, ибо карается полувирьемъ, а обида дѣйствіемъ только 12 гривнами, тѣмъ не менѣе обида дѣйствіемъ идетъ впереди потери члена. Ясно, что, начавъ съ убійства, составитель вовсе не имѣлъ въ виду идти въ нисходящемъ порядкѣ. Убійство поражаетъ воображеніе сильнѣе всѣхъ другихъ преступленій, а потому составитель съ него и началъ. Такъ же поступилъ и составитель пространной редакціи. За статьями объ убійствѣ онъ приводитъ Ярославовъ уставъ о судныхъ пошлинахъ; за нимъ идетъ опредѣленіе частнаго вознагражденія за убій-

ство не свободныхъ людей, потомъ одна процессуальная статья, одна о судебныхъ пошлинахъ, еще одна процесуальная, и, наконецъ, объ обидѣ дѣйствіемъ, отнятіи члена и т. д., въ порядкѣ первой редакціи. Вопросъ о системѣ не представляется намъ существеннымъ и нуждающимися въ какихъ-либо изысканіяхъ [1]).

Послѣдній вопросъ, на которомъ надо остановиться, есть вопросъ о практическомъ значеніи Русской Правды. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что она имѣла въ свое время важное практическое значеніе, то-есть, что она служила руководствомъ при рѣшеніи дѣлъ; подтвержденіе этому мнѣнію находятъ въ томъ, что Правда усердно вписывается въ лѣтописи, кормчія, мѣрила праведныя. А такъ какъ списки Русской Правды весьма часто встрѣчаются въ та-

---

[1]) Мысль о наличности нѣкоторой системы въ расположеніи статей Правды имѣетъ много сторонниковъ въ нашей литературѣ, но самымъ горячимъ ея приверженцемъ является московскій профессоръ П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій. Онъ находитъ систему не только въ первой редакціи Правды, на что многіе и давно указываютъ, но и во второй и третьей. Вотъ его мнѣніе. Основная система Правды прежде всего выразилась въ древнѣйшей части краткихъ списковъ (онъ признаетъ три редакціи и приводитъ статьи по изданію Калачова, 1847 г.), въ первыхъ 17 статьяхъ, которыя онъ называетъ Правдой Ярослава. Вторую половину этой Правды онъ считаетъ «дополненіями», сдѣланными сыновьями Ярослава. Эти дополненія расположены въ той же системѣ, но чтобы ее открыть, оказалось нужнымъ раздѣлить эту часть краткой Правды на три отдѣльныхъ дополненія: первое отъ 18 до 27 статьи, второе отъ 28 до 30, третье отъ 31 до 41. Въ каждомъ изъ этихъ дополненій, утверждаетъ авторъ, статьи расположены въ порядкѣ первыхъ 17-ти. Ту же систему находитъ онъ и въ пространной Правдѣ, которую, для доказательства этой мысли, оказалось тоже нужнымъ раздѣлить на «собственно распространенную Правду», ст. 1—94 и два къ ней дополненія: первое отъ 92 до 101 и второе отъ 102 до 115. Каждая изъ этихъ трехъ частей составлена также по системѣ первыхъ 17-ти статей. Подробное изложеніе этого чрезвычайно сложнаго построенія Правды съ пятью дополненіями занимаетъ 23 страницы въ предисловіи ко II выпуску изслѣдованій о Русской Правдѣ. Можно подумать, что авторъ имѣлъ въ виду Сводъ законовъ съ его продолженіями.

кихъ памятникахъ, то отсюда и заключаютъ къ большому ея практическому значенію въ древности. Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. До насъ не дошло ни одного указанія на то, чтобы кто-нибудь пользовался Русской Правдой при рѣшеніи практическихъ вопросовъ права, о пользованіи же византійскими сборниками мы имѣемъ указанія. Повторяющееся переписываніе Правды въ разныхъ сборникахъ ничего не доказываетъ. Ее переписываютъ не только въ XIV и XV вѣкахъ, но даже въ XVI и XVII. А кто же рѣшится утверждать, что Русская Правда имѣла практическое значеніе въ XVI или XVII вѣкѣ? Практическое значеніе Правды въ свое время, то-есть XI—XIV вѣкахъ, предполагаетъ рѣшеніе судныхъ дѣлъ на основаніи писаннаго права и соотвѣтствующее распространеніе среди судей грамотности. Ни то, ни другое предположеніе не допустимо. Дѣла рѣшались на основаніи мѣстныхъ обычаевъ глашатаями которыхъ были судные мужи, присутствовавшіе на судѣ княжескихъ чиновниковъ. Епископы, при рѣшеніи подлежащихъ ихъ суду дѣлъ, раскрывали кормчую и отыскивали въ византійскихъ сборникахъ подходящее правило. Княжескіе же судьи—не Русскую Правду раскрывали, которую они и прочесть-то не умѣли, а обращались къ присутствующимъ на судѣ старостамъ, цѣловальникамъ и добрымъ людямъ, безъ которыхъ они и суда производить не могли.

Въ настоящее время русскую Правду читаютъ люди, интересующіеся нашими древностями. Ихъ очень немного. А кто читалъ Русскую Правду въ древности? Въ старину не легкое дѣло было читать книги. Въ наше время всякій можетъ выучиться читать книги. Въ древности это было занятіе, доступное только выдающимся умамъ. Представьте себѣ рукопись, написанную хотя и четко, но со словами, не вполнѣ написанными, а подъ титлами,—со словами не отдѣленными одно отъ другого, а поставленными слитно и безъ знаковъ препинанія. Не только слова не отдѣлены другъ отъ друга и придаточныя предложенія отъ главныхъ,

но и главныя отъ главныхъ. Гдѣ прекращается мысль автора, что съ чѣмъ слить и что отъ чего отдѣлить, на это нѣтъ ни малѣйшаго намека въ рукописи. Это все дѣло самого читателя. Современная книга даетъ читателю каждую мысль автора, изложенную отдѣльно отъ другихъ; въ старой книгѣ читатель долженъ былъ самъ раскрыть мысль автора. Много ли такихъ читателей? Старые грамотеи были люди большого ума.

Въ наше время человѣкъ, выучившійся читать, можетъ читать всякую книгу. Не то было въ старину. Тогда мало было постигнуть механизмъ чтенія, это не давало еще ключа къ пониманію написаннаго. Въ старину учитель долженъ былъ научить раздѣлять слова и предложенія, онъ долженъ былъ знакомить ученика съ содержаніемъ книги. Въ старину учились читать не книги вообще, а извѣстную книгу: псалтырь, часословъ и пр. Ученіе читать переходило въ заучиваніе книги на память. Выучившійся читать псалтырь, могъ не справиться съ другою книгой. И теперь еще кое-гдѣ продолжаютъ учиться читать извѣстную книгу, псалтырь и пр.

Кому было нужно въ старину учиться читать Русскую Правду? Учиться читать священныя книги нужно было всѣмъ, ихъ читали и знали даже на память. А Русскую Правду? Кому она была нужна? Практическаго значенія она не имѣла, а потому едва ли кто учился читать ее. Съ нею имѣли дѣло только переписчики книгъ, эти свѣточи нашего древняго просвѣщенія. Они и сохранили ее до нашихъ дней.

Но такое рѣшеніе вопроса не лишаетъ ли Правду значенія для науки? Нисколько. Въ Правдѣ отразилось современное ей право, и она составляетъ почти единственный источникъ для его изученія.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. УСТРОЙСТВО

Литература

Успенскій, Опытъ о древностяхъ россійскихъ, 1811 г., втор. изд. 1818 г.

Еверсъ, Древнее русское право. 1826.

Гагемейстеръ, Розысканіе о финансахъ древней Россіи. 1830.

Рейцъ, Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, 1836.

Соловьевъ, Объ отнешеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ 1845.

Кавелинъ, Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи, 1846.

Соловьевъ, Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикова дома. 1847.

Кавелинъ, Разборъ послѣдняго сочиненія. Полн. собр. соч. т. 2.

Гр. Толстой, Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи со времени основанія государства до кончины Екатерины II. 1848.

Тюринъ, Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси. 1850.

Калачовъ, Изгои. Арх. Ист. Юрид. Свѣд., кн. I, 1850.

Аксаковъ, Родовое или общественное явленіе были изгои. 1850. О древнемъ бытѣ славянъ вообще и русскихъ въ особенности. 1852. Пол. собр. соч. I.

Неволинъ, О преемствѣ великокняжескаго кіевскаго престола 1851. Пол. соб. соч.

Заблоцкій, О цѣнностяхъ въ древней Россіи. 1854.

Кури, О прямыхъ налогахъ въ древней Россіи. Юр. сбор. Мейера. 1855.

Гильфердингъ, Исторія балтійскихъ славянъ. 1857.

Погодинъ, Князь, дружина, города и вѣче. VII т. изслѣдованій. 1857.

Чичеринъ, Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ древней Россіи. 1856. Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI в. Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей (въ Опытахъ). 1858.

Бѣляевъ, Разборъ статьи Б. Чичерина: Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи. Рус. Бесѣда. 1856, I, II, IV.

Соловьевъ, Споръ о сельской общинѣ. Рус. Вѣст. 1856, 22.

Лешковъ, Русскій народъ и государство. 1858.

Зернинъ, Судьба мѣстничества преимущественно при первыхъ 2-хъ государяхъ династіи Романовыхъ. Арх. ист. практ. свѣд. 1859, кн. 3.

Бѣляевъ, Крестьяне на Руси. 1860.

Мстиславскій, Огнищанинъ и княжъ мужъ. Чтенія, т. IV. 1860.

Куникъ, Розысканія о славяно-византійскихъ монетахъ. Изв. Арх. Общ., т. III, вып. 1. 1861.

Шпилевскій, Объ участіи земщины въ дѣлахъ правленія до Ивана IV. Юрид. Журн., № 5. 1861.

Костомаровъ, О федеративномъ началѣ въ древней Россіи. Основа. № 1. 1861.

Щаповъ, Сельская община, историческій очеркъ. Вѣкъ, № 1—6. 1862. Городскіе мірскіе сходы, историческій очеркъ древне-русскихъ городовыхъ вѣчей. Вѣкъ, № 12. 1862.

Костомаровъ, Сѣверо-русскія народоправства. 1863.

Бѣляевъ, Разсказы изъ русской исторіи: кн. I, Кіевъ и Суздаль, 1861 (2-ое изд. 1865); кн. II. Исторія Новгорода Великаго, 1866; кн. III. Исторія города Пскова, 1867; кн. IV. Исторія Полоцка. 1872.

Прозоровскій, Монета и вѣсъ въ древней Россіи. Зап. Арх. общ., XII. 1865.

Аристовъ, Промышленность древней Руси. 1866.

Сергѣевичъ, Вѣче и князь, русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей. 1867.

Леонтовичъ, О значеніи верви сравнительно съ задругою. Ж. М. Н. Пр., 1867, ч, 134.

Градовскій, Государственный строй древней Россіи. 1868. (Полит., Истор. и Адм.).

Никитскій, Правительственный совѣтъ въ Новгородѣ. Ж. М. Н. Пр. 1869. № 10. Св. Вел. Иванъ на Опокахъ. Тамъ же, 1870. № 8

Костомаровъ, Начало единодержавія въ древней Россіи. Вѣст. Евр. 1870, № 11.

Пассекъ, Княжеская и до-княжеская Русь. Чтенія, 1870, II.

Самокваcовъ, Древніе города Россіи. 1873.

Никитскій, Очеркъ внутренней исторіи Пскова. 1873.

Леонтовичъ, О задружно-общинномъ характерѣ политическаго быта древней Россіи, Ж. М. Н. Пр. 1874 г., 174.

Прилежаевъ, Новгородская Софійская казна. Ж. М. Н. Пр. 1875 г., 180 и 181.

Загоскинъ, Очеркъ организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-петровской Россіи. 1876.

Побѣдоносцевъ, К. П. Историческія изслѣдованія и статьи. 1876.

Ламбертъ, О компетенціи вѣча. Варш. унив. изв. 1877.

Дашкевичъ, Болоховская земля и ея значеніе въ Русской исторіи. 1878. Въ трудахъ 3-го археол. съѣзда.

Бѣляевъ, Лекціи по исторіи русскаго законодательства. 1879.

Кальневъ, Значеніе крестьянъ во время Русс. Правды и пр. 1879.

Никитскій, Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Вел. Новгородѣ. 1879.

Дроздовскій, Изслѣдованія о Русс. Правдѣ. Вып. I. О деньгахъ Рус. Правды. 1881.

Забѣлинъ, Взглядъ на историческое развитіе Московскаго единодержавія. Истор. Вѣстн. 1881, февр.

Линниченко, Вѣче въ кіевской области. 1881.

Дьячанъ, Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ до измѣненія ихъ устройства въ XIV и XV вѣк. 1882.

Ключевскій, Боярская Дума. 1882.

Бѣловъ, Объ историческомъ значеніи русскаго боярства. 1886.

Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства ко времени издатія перваго литовскаго статута. Москва. 1892.

Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 г. Спб. 1889—91.

Сторожевъ, Тверское дворянство XVII в. 1891—94.

Прозоровскій, Новыя розысканія о посадникахъ Новгородскихъ. Спб. 1892.

Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра В. Спб. 1892.

Платоновъ, Какъ возникли чети? Журн. Мин. Народ. Просв. 1892 г. кн. V.

Шимко Ив. Патріаршій казенный приказъ. Москва. 1894.

Павловъ-Сильванскій, Закладничество-патронатъ. Спб. 1897.

Дьяконовъ М. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (XVI—XVII вв.). Спб. 1898.

Бѣляевъ И. Д., Земскіе соборы на Руси. Рѣчи и отчетъ Московскаго университета. М. 1867.

Латкинъ, Земскіе соборы древней Руси. Спб, 1885, Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ. Спб. 1884 г.

Камынинъ, Къ вопросу о казачествѣ до Богдана Хмельницкаго. 1894. Въ чтеніяхъ общества Нестора лѣтописца.

Любовскій, Начальная исторія малорусскаго казачества. Ж. М. Н. Пр. 1895, VII.

Павловъ-Сильванскій Н. Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства. Спб. 1898.

Загоскинъ, Исторія права русскаго народа. Т. I. Казань. 1899.

Павловъ-Сильванскій, Иммунитетъ въ удѣльной Руси. Спб. 1900.

Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ. 1900 г.

Гурляндъ, Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII в. Ярославль. 1900.

Павловъ-Сильванскій, Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси. Спб. 1901.

Савва, Московскіе цари и византійскіе василевсы. Къ вопросу о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти Московскихъ государей. Харьковъ. 1901.

Тарановскій, Феодализмъ въ Россіи. Варшава. 1902.

Гурляндъ, Приказъ тайныхъ дѣлъ. Ярославль. 1902.

Максимейко. Сеймы Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи. 1596, 1. Харьковъ. 1902.

Сергѣевичъ, Древности русскаго права. Т. III. 1903.

Филипповъ, Учебникъ исторіи русскаго права. Т. I. 1907.

Дьяконовъ, Очерки общественнаго строя древней Руси. Т. I. 1907.

Сергѣевичъ, Древности русскаго права. Т. II. 1908. Т. I. 1909.

Прѣсняковъ, Княжое право въ древней Руси. 1909.

Нѣкоторые историки середины прошлаго вѣка думаютъ, что рѣчь о государственномъ устройствѣ можетъ быть въ Россіи только съ XII в., до этого же времени государства не было, а былъ родовой бытъ. Такъ С. М. Соловьевъ, Кавелинъ относитъ зарожденіе государственныхъ началъ ко времени Ивана III. Для разрѣшенія этого вопроса необхо-

димо условиться, что̀ нужно понимать подъ государствомъ?—Государство—это такой союзъ людей, который вышелъ за предѣлы рода: нѣсколько родовъ, образующихъ племя, могутъ уже положить начало государственной жизни. Слѣдующіе три признака существенны для бытія государства: 1) нѣкоторая территорія, 2) народъ, живущій на этой территоріи, 3) общая власть, которая соединяетъ этотъ народъ въ одно цѣлое.

Въ понятіе о государствѣ нельзя вносить качества организаціи. Ошибка помянутыхъ историковъ въ томъ заключается, что они въ понятіе о государствѣ вносятъ признакъ хорошей организаціи. Съ этой точки зрѣнія американецъ, напримѣръ, не назоветъ Турціи государствомъ, а между тѣмъ Турція все-таки государство. И такъ, понятіе о государствѣ не зависитъ отъ его хорошей или дурной организаціи, поэтому и о русскомъ государствѣ можно говорить съ самаго древняго времени, еще до князей-рюриковичей. Гдѣ есть налицо указанные три признака, тамъ есть и государство. Относительно того, что древній бытъ Россіи подходитъ подъ понятіе государства, мы имѣемъ достаточно указаній. Такъ, въ лѣтописи есть свидѣтельство о призваніи князей новгородцами: славяне, кривичи и чудь собираются и рѣшаютъ призвать князя; эти племена населяли извѣстную территорію и собирались для обсужденія общихъ вопросовъ. О древлянахъ имѣемъ свидѣтельство, относящееся къ X вѣку. Извѣстна исторія убійства Игоря, мужа Ольги. Разсказывая объ этомъ, лѣтописецъ говоритъ, что послѣ смерти Игоря древляне посылаютъ къ Ольгѣ пословъ съ предложеніемъ ей выйти замужъ за князя Мала. Ихъ послы говорятъ: «посла насъ Деревьска земля», причемъ подъ землею они разумѣли, конечно, территорію и народъ: послалъ ихъ народъ; населяющій Деревскую землю. Возьмемъ еще примѣръ. Когда козары напали на кіевлянъ и потребовали отъ нихъ дани, то, говоритъ лѣтописецъ, «сдумавше же кіяне и вдаша отъ дыма мечъ». Кіяне занимали извѣстную территорію; этой территоріи угрожаетъ другой народъ

и требуетъ дань. Вслѣдствіе этого требованія, кіяне собираются и соглашаются платить извѣстную дань. Этихъ указаній достаточно, чтобы убѣдиться, что мы съ древнѣйшаго времени имѣемъ уже дѣло съ государствами.

I. Территорія

См. I т. Древностей стр. 1—101

Разсмотримъ, на какихъ основаніяхъ дѣлаются новыя пріобрѣтенія къ Московской территоріи и какъ пріобрѣтенныя части соединяются?

Существуютъ два способа присоединенія.

Первый способъ, инкорпорація, состоитъ въ томъ, что вновь присоединяемыя части входятъ въ составъ государства, какъ его провинціи. Этому способу поглощенія, когда присоединенная часть входитъ какъ бы въ плоть и въ кровь государства, противополагается:

Второй способъ, соединеніе государствъ.

Различаютъ два вида соединенія: личное и реальное. Подъ личнымъ разумѣютъ соединеніе двухъ государствъ подъ властью одного правителя, причемъ оба государства могутъ имѣть различное устройство. Этотъ видъ соединенія самый слабый и притомъ, обыкновенно, происхожденія случайнаго, путемъ избранія чужого государя на освободившійся престолъ, напр.: соединеніе Германіи и Испаніи при Карлѣ V. Такое соединеніе продолжается, пока живъ избранный государь. По смерти его соединеніе прекращается. Личное соединеніе можетъ имѣть и другую причину. Допустимъ, что царствующія династіи двухъ разныхъ государствъ, которыя имѣютъ разный порядокъ престолонаслѣдія, состоятъ между собою въ родствѣ. Несмотря на разные порядки престолонаслѣдія, можетъ, однако, случиться, что въ данный моментъ на престолъ одного изъ двухъ такихъ государствъ, по законамъ его, должно будетъ

вступить такое лицо, которое уже занимаетъ престолъ въ другомъ. Такъ, напримѣръ, случилось въ 1714 г., когда курфирстъ ганноверскій Георгъ-Людвикъ, родственникъ царствующаго дома въ Англіи, долженъ былъ вступить, на основаніи англійскихъ законовъ престолонаслѣдія, и на англійскій престолъ. Въ его лицѣ Англія соединилась съ Ганноверомъ не по избранію, а въ силу случайнаго совпаденія разныхъ законовъ о престолонаслѣдіи на одномъ лицѣ. Послѣ Георга I на престолъ обоихъ государствъ вступилъ Георгъ II, затѣмъ Георгъ III и, наконецъ, Вильгельмъ IV. Всѣ эти государи были вмѣстѣ съ тѣмъ и ганноверскими курфирстами, такъ какъ законы о престолонаслѣдіи того и другого государства продолжали совпадать. Но послѣ смерти Вильгельма IV оказалась разница между законами. По законамъ Англіи на престолъ могла вступить въ данномъ случаѣ женщина, по ганноверскимъ законамъ преимущество принадлежало мужской линіи и должно было вступить на престолъ лицо мужского пола, а не женскаго. Такъ какъ Вильгельмъ IV не оставилъ сыновей, ближайшій же къ нему братъ оставилъ дочь, Викторію, то она и вступила на англійскій престолъ; на ганноверскій же престолъ вступилъ дядя королевы Викторіи, младшій братъ ея отца, Эрнстъ-Августъ, послѣдній сынъ короля Георга III. Такимъ образомъ, въ разсматриваемомъ случаѣ соединеніе произошло въ силу совпаденія правилъ законнаго наслѣдованія на одномъ лицѣ и прекратилось, какъ скоро правила разошлись.

Второй видъ, реальное соединеніе, соединеніе не случайное, а на законѣ основанное, и болѣе прочное, чѣмъ личное. Тутъ не только одинъ общій государь, но могутъ быть и общія учрежденія. Напр.: Въ Швеціи и Норвегіи для избранія новой династіи, въ случаѣ прекращенія царствующей, существуетъ особое общее учрежденіе.

При образованіи территоріи Московскаго государства, соединенія большею частью происходятъ на основаніи инкорпораціи. Москва поглощала все то, что приходилось ей

присоединять. Но съ большими удѣлами московскіе князья иногда дѣлали это не съ разу. Такъ, присоединивъ Тверь, великій князь Иванъ III посадилъ тамъ своего сына, Ивана, который носилъ титулъ великаго князя тверскаго до своей смерти, и только послѣ его смерти Тверь слилась съ Москвою. Въ XVII же вѣкѣ присоединеніе Малороссіи произошло по началамъ соединенія государствъ.

На ю.-з. Россіи съ давнихъ поръ совершалось объединеніе русскихъ волостей, а въ томъ числѣ и Малороссіи, подъ властью Литвы. При Ягайлѣ въ 1387 г. Литва соединилась личной уніей съ Польшей; при преемникахъ его это соединеніе перешло въ реальное. Вмѣстѣ съ Литвою присоединена была и Малороссія. Въ половинѣ XVII вѣка Малороссія переходитъ къ Москвѣ. Виновниками этого были казаки. Что же такое казачество и на какой почвѣ оно возникло?

Когда Малороссія вмѣстѣ съ Литвою соединилась съ Польшей, въ Малороссію перешли и польскія учрежденія, а въ томъ числѣ и раздѣленіе населенія на три класса: шляхту, городское сословіе и крестьянъ. Шляхта Литвы, получившая одинаковыя права съ польскою шляхтою, имѣла преимущественное предъ другими двумя сословіями право участія въ сеймахъ и владѣнія крестьянами. Крестьяне были порабощены панами. Среднее же сословіе, городское, имѣло свои особыя права; короли давали городамъ такъ-называемое магдебургское право. Эти города представляли какъ бы маленькія республики, они имѣли свое собственное управленіе, судъ, а иногда и войско. Горожане имѣли право выбирать въ магистратъ предсѣдателя бургомистра и къ нему совѣтниковъ—райцевъ; выбирали судей—лавниковъ и предсѣдателя ихъ—войта, полицейскихъ чиновниковъ—дозорцевъ; городъ имѣлъ свой гербъ, печать, пользовался правомъ безпошлинной торговли, былъ свободенъ отъ воинской повинности, постоя и проч. Это магдебургское право, впрочемъ, не всегда строго примѣнялось: случалось, что короли

сами назначали войтовъ и даже сажали по городамъ своихъ воеводовъ и старостъ.

При такихъ важныхъ преимуществахъ шляхты и горожанъ, сельское населеніе было очень подавлено, отъ чего естественно возникали неудовольствія. Недовольные уходили въ пограничныя мѣстности и тамъ жили всякими вольными промыслами, а между прочимъ и войной, дѣлая набѣги на татаръ и турокъ. Эта вольница и называлась **казаками** (казакъ, слово татарское, значитъ бродяга, вольный человѣкъ). Число этой вольницы постоянно пополнялось крестьянами, бѣгавшими отъ притѣсненій шляхты [1]). Эта вольница соединялась подъ властью выборныхъ начальниковъ. Притономъ малороссійскихъ казаковъ служило нѣсколько острововъ ниже пороговъ Днѣпра. Тамъ была Запорожская Сѣчь. Во главѣ Сѣчи стоялъ выборный **кошевой атаманъ** (кошъ—станъ), а обитатели ея дѣлились на нѣсколько **куреней** съ куреннымъ атаманомъ во главѣ. Казаки не любили, чтобы кошевой кичился предъ ними, а потому у нихъ существовалъ обычай, по которому вновь выбраннаго кошевого мазали грязью.

[1]) Относительно происхожденія казачества есть и другое мнѣніе, по которому казаки представляютъ остатки древне славянскихъ общинъ. Такъ думалъ одно время и В. Б. Антоновичъ, но потомъ и онъ сталъ смотрѣть на казаковъ, какъ на новое военное и землевладѣльческое сословіе, зародившееся въ концѣ 15 в. Противоположный взглядъ на казаковъ, какъ на исконное землевладѣльческое и земледѣльческое туземное южно-русское населеніе поддерживается и теперь И. М. Камынинымъ и Н. П. Дашкевичемъ. Противъ правильности этого взгляда М. К. Любовскій приводитъ, между прочимъ, любопытную грамоту вел. кн. Александра отъ 1499 г.: «Тежъ, которые козаки зъ верху Днѣпра и съ инпихъ сторонъ ходятъ водою на низъ, до Черкасъ и далѣй, а што тамъ здобудутъ, съ того со всего воеводѣ десятую долю маютъ давать», и говоритъ: Казаки вольный сбродный людъ, который стягивался у Черкасъ и Канева, поступалъ въ работники къ мѣстнымъ жителямъ, а большинство занималось рыбной ловлей, охотой, пчелами, съ чего платили дань старостамъ Канева и черкаскому. Эти ловли— назывались уходами, а казаки—уходниками. Они живились и на счетъ татаръ. Земли, на которыхъ они садились, они освояли путемъ заимокъ; но дани съ нихъ не платили. Ж. М. Н. Пр. 1895, VII.

Военные набѣги казаковъ заходили далеко, они нападали на татаръ въ Крыму и даже бывали подъ Константинополемъ. Пока казаки не вредили Польшѣ, она ихъ терпѣла, и нерѣдко шляхта даже пользовалась ими, призывая въ составъ своихъ дворовыхъ людей; но когда поведеніе ихъ ставило Польшу въ неловкое положеніе передъ Турціей и когда панамъ приходилось опасаться, что они останутся безъ крестьянъ, такъ какъ число казаковъ все увеличивалось бѣглыми крестьянами, польское правительство обращалось къ мѣрамъ ограничить эту вольницу: пришли къ мысли, что нужно допустить существованіе казаковъ на ряду съ другими тремя сословіями, но съ тѣмъ, чтобы число казаковъ не увеличивалось произвольно.

Король Сигизмундъ-Августъ первый учредилъ реестровыхъ казаковъ, которые подчинялись коронньмъ гетманамъ. Позднѣе Стефанъ Баторій далъ имъ правильное устройство, ограничилъ ихъ число 6.000 человѣкъ и раздѣлилъ на полки, которые пріурочилъ къ городамъ. Казакамъ (реестровымъ) назначено изъ казны жалованье, а начальнику ихъ гетману отданъ городъ Трехтемировъ съ доходами. Гетманъ, такимъ образомъ, приравнялся къ высшимъ польскимъ чинамъ—старостамъ. Но эти мѣры не удовлетворили вольницу. Правда, образовался классъ умѣренныхъ казаковъ, связанныхъ съ правительствомъ, именно реестровые казаки, но ихъ было немного; большинство, не попавшее въ реестръ, продолжало быть недовольнымъ.

Началась борьба польскаго правительства съ недовольнымъ казачествомъ, которая еще осложнилась религіозными несогласіями. Преобладаніе католицизма въ Польшѣ повело къ преслѣдованію православія, господствовавшаго въ Малороссіи. Гоненіе православныхъ вызвало ихъ возстанія, которыя подавлялись съ величайшею жестокостью. Предводителей возстанія колесовали, жарили живыхъ; вольница платила тѣмъ же. Борьба Польши съ населеніемъ Малороссіи велась съ перемѣннымъ счастьемъ. Въ случаѣ военнаго успѣха, казаки выигрывали, число реестровыхъ увеличивалось и они

получали разныя преимущества; въ случаѣ неудачи права ихъ ограничивались. Такъ было и при Богданѣ Хмельницкомъ. Наконецъ, онъ рѣшилъ обратиться къ покровительству православной Москвы. Въ 1649 г. онъ билъ челомъ Алексѣю Михайловичу, чтобы былъ царемъ и самодержцемъ. Московскій государь отклонилъ предложеніе Богдана, находя, что о присоединеніи Малороссіи можетъ идти рѣчь только въ томъ случаѣ, если бы Польша признала ее независимой. Этотъ вопросъ былъ снова возбужденъ въ 1652 году. Малороссійскіе послы снова просили московскаго государя принять ихъ подъ свою высокую руку. «Если же царское величество не желаетъ нарушить мира,—говорили они,—то пусть дозволитъ перейти всѣмъ казакамъ на свои порубежныя земли около Путивля».

Московское правительство, понимая неудобство такого близкаго сосѣдства казаковъ съ Польшею предлагало имъ мѣста за Дономъ, но казаки отклонили это предложеніе.

Въ 1653 году между Москвой и Польшей возникли переговоры о религіозныхъ притѣсненіяхъ въ Малороссіи. Польское правительство отвѣчало, что православная вѣра въ Малороссіи не преслѣдуется, а что казаковъ удерживаютъ только отъ самоуправства. Вскорѣ послѣ этого Алексѣй Михайловичъ, посовѣтовавшись съ земскимъ соборомъ, рѣшилъ принять Малороссію подъ свою высокую руку и отправилъ къ гетману пословъ съ вѣстью объ этомъ рѣшеніи. Гетманъ собралъ раду въ Переяславлѣ, на которой объявилъ, что четыре государя хотятъ обладать Украйною: «Турецкій султанъ, король польскій, ханъ крымскій и россійскій самодержецъ согласны принять Украйну подъ свою высокую руку. Но кромѣ его (т.-е. россійскаго самодержца), говорилъ гетманъ, не обрящемъ нигдѣ тишайшаго пристанища. Кто съ нами не соглашается, куда хочетъ, вольная дорога!» На эту рѣчь гетмана громада отвѣчала: «лучше желаемъ быть подъ царемъ московскимъ православнымъ, нежели ненавистникамъ Христовымъ достаться!» Такъ рѣшено было на переяславской радѣ соединеніе съ Москвой.

Московскій государь обѣщался сохранить всѣ особенности Малороссіи, т.-е. оставить раду, право избирать гетмана и всю войсковую старшину; мѣстное управленіе оставалось попрежнему въ рукахъ выборныхъ органовъ. Казацкое войско также сохранено, причемъ была опредѣлена довольно высокая его цифра, а именно 60 т. реестроваго войска. Малороссія сохранила за собою даже право иностранныхъ сношеній, а именно было установлено что малороссійскія власти принимаютъ къ себѣ пословъ, и если послы приходили съ добрыми вѣстями, то малороссійскія власти какъ принимаютъ ихъ, такъ и отпускаютъ отъ себя (слѣд., самостоятельно ведутъ переговоры); а если они придутъ съ нехорошими вѣстями, то малороссійскія власти должны ихъ задержать и извѣстить московское правительство. Мѣстныя власти сохранили за собою право собирать всякіе сборы по старому порядку. Эти сборы поступаютъ въ казну московскаго государя чрезъ посредство тѣхъ чиновниковъ, которые для этого будутъ назначены государемъ. Московскіе чины на собираютъ сами сборовъ, а только принимаютъ уже собранное мѣстными выборными органами.

Изъ этихъ сборовъ государь обѣщалъ назначить жалованье малороссійскому войску. Такимъ образомъ, Малороссія не была присоединена какъ провинція, какъ были присоединены, напр., Тверь, Рязань и др. княженія. Малороссія осталась особеннымъ государствомъ, съ своимъ особеннымъ устройствомъ, съ своимъ войскомъ, съ своимъ законодательствомъ и даже съ правомъ сношенія съ иностранными государствами.

Спрашивается, подъ какое понятіе можно подвести это соединеніе, подъ понятіе личнаго или реальнаго соединенія? Если принять во вниманіе тѣ условія, на основаніи которыхъ Малороссія присоединилась къ Россіи, и жалованную грамоту, данную Малороссіи, то характеръ этого соединенія легко уяснится. Въ жалованной грамотѣ говорится: «Малороссія принимается подъ Нашу высокую руку и обѣщается служить Намъ, сыну Нашему и наслѣдникамъ». Отсюда

видно, что присоединеніе имѣло характеръ личный, а не реальный. Малороссія не соединилась съ Московскимъ государствомъ, а только признала своимъ государемъ царствующаго въ Москвѣ государя съ его потомствомъ. Это случай личнаго соединенія въ силу избранія. Но такъ какъ избранъ былъ московскій государь съ его потомствомъ, то соединеніе должно было продолжаться до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться потомство Алексѣя Михайловича.

Гетманъ и полковники просили, чтобы московскій государь присягнулъ на жалованной Малороссіи грамотѣ. Но въ Московскомъ государствѣ этотъ старый обычай давно уничтожился, и Московскій государь отказался присягнуть: «Подданные, отвѣчали послы, повинны присягать, царское же слово перемѣнно не бываетъ». Согласіе на соединеніе съ Москвою не было такъ единодушно, какъ можно заключить изъ приведеннаго выше описанія переяславской рады. Были не довольные даже среди духовенства. Современникъ разсказываетъ, что когда въ Кіевѣ встрѣчали московскихъ пословъ, духовенство плакало, а митрополитъ кіевскій въ началѣ даже запретилъ своимъ людямъ присягать царю. Объясняется это тѣмъ, что духовенство Малороссіи было проникнуто идеями польскаго быта и боялось подчиненія московскому, на которое смотрѣло свысока, считая его менѣе образованнымъ. Позднѣе, когда московскій воевода хотѣлъ укрѣпить Кіевъ стѣною для защиты отъ поляковъ, митрополитъ былъ противъ этого и даже готовъ былъ силою ему противиться. На убѣжденія воеводы митрополитъ отвѣчалъ, что гетманъ могъ подчиняться Москвѣ, но духовенство никому не подчиняется: «оно живетъ о себѣ, а не подъ какою-либо властью». Далѣе, и запорожцы не хотѣли присягать, но гетманъ заявилъ, что въ Сѣчи живутъ люди маленькіе, нечего на нихъ смотрѣть. Самыя условія присоединенія были таковы, что легко могли привести Малороссію къ столкновенію съ Москвою. Есть даже основаніе думать, что въ Москвѣ не понимали настоящаго смысла условій присоединенія, а можетъ быть, и

не хотѣли понимать. Въ жалованной Малороссіи грамотѣ, которой подтверждаются прежнія права и вольности, встрѣчаемся и съ такой фразой: «...и во всемъ быть въ нашей государской волѣ и послушаніи на вѣки». (П. С. З. № 119, 1654).

Рознь между Малороссіею и Москвою обнаружилась очень скоро.

Присоединеніе Малороссіи повело къ войнѣ Россіи съ Польшей. Въ этой войнѣ Россія пользовалась силами Малороссіи и помощью Швеціи, приставшей къ союзу стараніями Хмельницкаго. Война была удачна для Московскаго государства, но она скоро окончилась, благодаря посредничеству германскаго императора Фердинанда III, послы котораго открыли Алексѣю Михайловичу виды на возможность быть призваннымъ на польскій престолъ. Это сдѣлало Алексѣя Михайловича сговорчивымъ и онъ заключилъ миръ съ Польшею. Къ ускоренію мира привело и нѣкоторое соперничество между Швеціей и Москвой. Швеція своими военными успѣхами возбудила опасенія Москвы. Московское государство, заключивъ миръ съ Польшею, обратило свое оружіе противъ Швеціи, своей прежней союзницы. Между тѣмъ Богданъ Хмѣльницкій продолжалъ воевать съ Польшею а со Швеціею находился въ дружественныхъ сношеніяхъ. Алексѣй Михайловичъ требовалъ, чтобы Малороссія заключила миръ съ Польшей и помогала ему противъ Швеціи. Богданъ Хмельницкій не довѣрялъ миру съ Польшею и, въ виду ея стѣсненнаго положенія, думалъ совершенно ее уничтожить. Но московскій царь настоялъ на заключеніи мира. Тогда открылись переговоры, на которые не допустили пословъ Хмельницкаго, и миръ былъ заключенъ безъ его участія.

Это очень оскорбило гетмана. Въ самомъ казачествѣ возникъ антагонизмъ мелкихъ людей со старшиной. Рядовые казаки говорили, что, настаивая на войнѣ, старшина хочетъ ихъ головами добытокъ свой увеличить, и выразили желаніе, чтобы московскій царь прислалъ въ Малороссію своихъ вое-

водъ, чѣмъ московское правительство и не преминуло воспользоваться.

Но это случилось уже послѣ смерти Хмельницкаго, который умеръ вскорѣ по заключеніи мира съ Польшею. Послѣ него гетманомъ былъ выбранъ Выговскій. При немъ произошло одно обстоятельство, показавшее, какъ понимало московское правительство свои отношенія къ Малороссіи. Выговскій въ грамотѣ, посланной въ Москву, назвалъ казаковъ «вольными подданными». Выраженіе «вольные подданные» въ Москвѣ поправили на «вѣчные подданные», а гетману сдѣлали выговоръ.

Выговскій, сторонникъ польскихъ порядковъ, сталъ стремиться къ новому соединенію съ Польшей. Въ Малороссіи образовались двѣ партіи: польская и московская.

На правомъ берегу Днѣпра получила перевѣсъ первая партія, и эта часть Малороссіи снова признала надъ собою власть польской короны. Лѣвый берегъ остался за Москвой, онъ имѣлъ своего гетмана — сперва Юрія Хмельницкаго, а затѣмъ Брюховецкаго, при которомъ произошло существенное отступленіе отъ пунктовъ перваго соединенія въ смыслѣ усиленія власти Москвы. Брюховецкій былъ вызванъ въ Москву, гдѣ его очень хорошо приняли, ласкали и возвели въ званіе боярина. Въ актѣ пожалованія Брюховецкаго боярскимъ званіемъ говорится, что Брюховецкій «челомъ ударилъ ему, Великому Государю, чтобы онъ, Великій Государь, пожаловалъ, велѣлъ тѣ городы съ слободами и съ уѣзды принять, и указалъ бы онъ, Великій Государь, въ тѣхъ городахъ быть и доходы всякіе собирать своимъ государевымъ боярамъ и воеводамъ, кромѣ войска запорожскаго казацкаго; а войско запорожское и войсковыя всякія дѣла вѣдать ему гетману по прежнему, какъ о томъ положено въ договорныхъ статьяхъ». Поэтому съ Брюховецкимъ пріѣхали изъ Москвы царскіе воеводы во всѣ малоросійскіе города, московскіе сборщики всякихъ доходовъ и пошлинъ и писцы для переписи народа. Эти новости вызвали большое неудовольствіе и на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Въ Переяславлѣ

вспыхнуло возстанiе и гетманъ правой стороны, Дорошенко, былъ признанъ и на лѣвой сторонѣ переяславской радой. Война съ Польшею приняла, между тѣмъ, невыгодный для Москвы оборотъ. Военныя дѣйствiя были прекращены Андрусовскимъ миромъ (1667), по которому правый берегъ Днѣпра отошелъ къ Польшѣ, а городъ Кiевъ долженъ былъ оставаться за Москвою только въ теченiе 2 лѣтъ, послѣ чего онъ также присоединялся къ Польшѣ. Этимъ договоромъ московскiй государь освятилъ раздѣленiе Малороссiи, что вызвало множество противниковъ, въ числѣ которыхъ главнымъ былъ гетманъ Дорошенко, который объ андрусовскомъ договорѣ выражался такъ: «андрусовскимъ договоромъ государи разорвали на части Украйну». Онъ высказалъ рѣшительное желанiе не отдавать Кiева и составить изъ Малороссiи одно цѣлое. Преслѣдуя эту цѣль, Дорошенко не останавливался передъ тѣмъ, кто будетъ государемъ. Ему было совершенно все равно: соединить ли Малороссiю съ помощью Россiи или Турцiи. Поэтому онъ вступилъ въ переговоры съ Турцiею и съ помощью ея началъ войну. Русскимъ пришлось имѣть дѣло съ поляками и съ турками. Русское оружiе имѣло преимущество, и въ 1674 г. послѣдовало новое присоединенiе къ Россiи 10-ти полковъ праваго берега Днѣпра. При этомъ вторичномъ соединенiи были сдѣланы нѣкоторыя измѣненiя въ пунктахъ Б. Хмельницкаго, которые вновь легли въ основу соединенiя, а нововведенiя Брюховецкаго были отмѣнены. Измѣненiя, главнымъ образомъ, касались иностранныхъ сношенiй, а именно въ 1674 г. Малороссiя была лишена права иностранныхъ сношенiй на томъ основанiи, что «отъ этого чинятся многiя ссоры въ малороссiйскомъ народѣ». За исключенiемъ иностранныхъ сношенiй, все остальное было оставлено согласно статьямъ Б. Хмельницкаго (избранiе гетмана, мѣстное самоуправленiе, свое особенное войско и т. д.). Но и относительно иностранныхъ сношенiй у Малороссiи осталась нѣкоторая тѣнь самостоятельности. Это видно изъ того, что въ тѣхъ случаяхъ, когда переговоры съ иностранными

послами касались Малороссіи, то Московское государство обязано было сообщить объ этомъ Малороссіи. Таково второе соединеніе Малороссіи съ Москвою.

Дальнѣйшая исторія отношеній Малороссіи къ Москвѣ состоитъ въ томъ, что русское правительство все болѣе и болѣе входитъ во внутреннее управленіе Малороссіи и, наконецъ, совершенно ее инкорпорируетъ. Окончательный процессъ слитія происходитъ въ императорскую эпоху. Еще въ XVII в. стали доходить въ Москву изъ Малороссіи жалобы на неправильныя дѣйствія мѣстныхъ выборныхъ властей. Гетманы установляли, напримѣръ, новыя подати и повинности, которыя были противны старымъ обычаямъ и являлись излишней тягостью для низшаго класса. Жалобы на неправый судъ и произвольныя дѣйствія полковниковъ и генеральной старшины раздавались и въ XVIII в. Кромѣ этой внутренней неладицы, рѣшительнымъ толчкомъ ко вмѣшательству русскаго правительства въ дѣла Малороссіи послужила измѣна Мазепы, хотя непосредственно она и не повела еще къ отмѣнѣ малороссійскихъ вольностей.

II. Населеніе

См. I т. Древностей 102—594

МѢСТНИЧЕСТВО

Изученіе мѣстничества крайне затруднительно: это одинъ изъ мало разработанныхъ вопросовъ русской исторіи, во-первыхъ, потому, что въ 1682 году масса документовъ о мѣстничествѣ была сожжена, и, во-вторыхъ, потому, что мѣстничество не дожило до конца своего развитія, а находилось все время въ процессѣ сложенія.

Всѣ разсмотрѣнные чины и должности жаловались государемъ. Не должно, однако, думать, что московскіе государи были совершенно свободны въ раздаваніи чиновъ и

наградъ: они должны были руководствоваться установившимися обычаями и правами, которые принадлежали служилымъ лицамъ. Эти-то обычаи, которые ограничивали свободу государей въ назначенiи чиновъ, и выразились въ мѣстничествѣ.

Мѣстничество было правомъ служилаго человѣка отказаться отъ чина, отъ должности и всякой награды, которые онъ находилъ ниже своей отеческой чести. Права требовать назначенiя на извѣстное мѣсто или извѣстной награды никто не имѣлъ, но право отказаться отъ должности или награды, несоотвѣтствовавшей отеческой чести. имѣли всѣ, за кѣмъ таковая честь признавались.

Въ основѣ мѣстничества лежитъ представленiе объ отеческой чести. Каждое служилое лицо, поступая на службу, приносило съ собою опредѣленную честь, которая не ему лично принадлежала, а слагалась мало-по-малу и передавалась по наслѣдству отъ прадѣда, дѣда и отца, почему она и называлась отеческою [1]). Государь долженъ былъ сообразоваться съ этою честью. Понятiе отеческой чести по большей части относительное, т.-е. служилый человѣкъ отказывался отъ назначенiя на извѣстное мѣсто не въ силу того, что должность сама по себѣ не соотвѣтствовала его отеческой чести, а въ силу того, что мѣсто рядомъ съ нимъ или выше будетъ занимать такое лицо, предки котораго по службѣ стояли всегда ниже его предковъ.

Но бывали случаи безотносительнаго отказа отъ должности, когда предлагаемая должность сама по себѣ считалась несогласной съ отеческою честью. Такъ, Головинъ отказывался отъ чина окольничаго на томъ основанiи, что никто изъ предковъ его ниже боярина никогда не бывалъ. Въ 1625 году князь Пронскiй былъ назначенъ ѣхать въ дворянахъ вмѣсто окольничаго. Пронскiй отказался, говоря что,

---

[1]) У римлянъ homo novus — въ политическомъ смыслѣ человѣкъ, который первый изъ своего рода сталъ занимать высшiя государственныя должности. У нихъ также были виды высшей служебной чести и низшей.

Пронскіе и въ прямыхъ окольничихъ никогда не бывали. Въ 1629 г. одного изъ кн. Хованскихъ и Пушкина послали въ Вязьму готовить запасы для войскъ. Оба обидѣлись, потому что такое назначеніе не получалъ никто, кто былъ бы «въ версту съ ними», т.-е. равенъ имъ по отеческой чести.

Какимъ образомъ возникло мѣстничество, имѣются ли аналогическія явленія въ другихъ государствахъ, или это есть особенность Московскаго государства? Корень мѣстничества общечеловѣческій. Въ мѣстничествѣ дѣло состоитъ въ томъ, что сыну вмѣняется въ заслугу служебное положеніе отца и другихъ восходящихъ. Весьма естественно со стороны отца стремленіе упрочить за сыномъ то положеніе, которымъ онъ самъ пользовался; также естественно и со стороны сына желать достигнуть положенія отца. Первый слабый зародышъ этого явленія можно наблюдать въ княжескую эпоху, въ особомъ разрядѣ лицъ, именовавшихся дѣтьми боярскими. Бояре сообщаютъ свое выдающееся положеніе и своимъ дѣтямъ. Посадники въ Новгородѣ и Псковѣ, выбиравшіеся изъ богатыхъ и лучшихъ людей, даже и послѣ того, какъ оставляли должность посадника, все-таки занимали передовое положеніе и назывались «старыми посадниками». Это привилегированное положеніе переходило и на дѣтей ихъ, которыя составляли въ обществѣ какъ бы особенный разрядъ лицъ подъ именемъ дѣтей посадниковъ. Положеніе отцовъ необходимо бросаетъ нѣкоторую окраску и на положеніе дѣтей. Въ княжескій періодъ встрѣчаемся и со случаями перехода должности отца къ сыну. При Ярославѣ упоминается воевода Вышата, а позднѣе въ качествѣ воеводы сынъ его, Янъ. У Владимірскихъ князей встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ нисходящихъ одной и той же фамиліи, которые занимали мѣсто воеводы. У Андрея Боголюбскаго былъ воевода Борисъ Жирославичъ, у брата его, Всеволода Юрьевича, нѣсколько позднѣе встрѣчается въ томъ же званіи Михаилъ Борисовичъ, сынъ Бориса Жирославича; у Юрія Всеволодовича, сына этого Всеволода

и племянника Андрея Боголюбскаго,—Жирославъ Михайловичъ, внукъ Бориса. Съ подобнымъ же стремленіемъ перенести на дѣтей служебное положеніе родителей встрѣчаемся и въ Западной Европѣ: оно выразилось тамъ въ наслѣдственности должностей; должности судей (графы) и мѣстныхъ правителей (герцоги, маркграфы) закрѣпились за нисходящими лицами графскихъ и герцогскихъ фамилій. У насъ не самыя должности сдѣлались наслѣдственными, а честь, которую они доставляли служилому человѣку.

И на Западѣ Европы мы встрѣчаемъ споры изъ-за мѣстъ. Такъ, когда невѣста Филиппа II Испанскаго, Елизавета Французская, отправлялась въ Испанію, ее сопровождали знатныя французскія дамы, между прочимъ графиня Ріе и др. На границѣ Испаніи невѣсту встрѣчали испанскія знатныя дамы съ графиней Уреньей во главѣ. Споръ между двумя графинями изъ-за мѣста дошелъ до драки между ихъ слугами. При погребеніи донъ-Карлоса (сына Филиппа) между сопровождавшими погребальную процессію также возникъ споръ изъ-за мѣстъ [1]).

Мѣстничество вырабатывалось у насъ подъ вліяніемъ двухъ силъ—обычая и княжеской власти. Обычай слагался практикою служилыхъ людей; княжеская власть являлась силою, ограничивающею развитіе мѣстничества.

Что̀ же такое отеческая честь? Разъ пріобрѣтенная предками, переходила ли она неизмѣнно ко всѣмъ потомкамъ, или должна была поддерживаться постоянною службою? Несомнѣнно, что отеческую честь нужно было поддерживать постоянной службой; если кто не служилъ или отъѣзжалъ къ другому князю, онъ умалялъ этимъ свою честь. Такъ, въ 1501 году, Зюзинъ въ спорѣ о мѣстахъ говорилъ: «мнѣ до Бахтеяра дѣла нѣтъ, такъ какъ Бахтеяръ

---

[1]) Аристотель Аѳинск. Политія, «Симпатіи къ знатнымъ не помѣшали высказывать неодобреніе тому, что начальство надъ войскомъ (серед. V в.) поручалось людямъ неопытнымъ, благодаря только ихъ происхожденію, «славѣ предковъ». Бузескулъ 175.

отъѣзжалъ въ Литву и мѣсто свое проѣздилъ». Въ 1609 г. Лыковъ, въ спорѣ съ Пожарскимъ, слѣдующими словами доказываетъ свое первенство: «И по вашему государеву уложенію, кто отъ васъ, государей, отъѣзжалъ, ино имъ и въ своемъ роду счету вы, государи, не давали кому они въ версту».

Отеческая честь, слѣдовательно, состоитъ изъ двухъ элементовъ: родового и служилаго. Родовой элементъ имѣетъ значеніе не только въ предѣлахъ рода, но и въ столкновеніи съ лицами другихъ родовъ. Онъ измѣряется по родословцу, которымъ опредѣляется степень удаленія отъ родоначальника; родословцу усвоялось у насъ въ старину наименованіе лѣствицы. Всѣ члены рода по лѣствицѣ находились въ извѣстномъ отношеніи родового старшинства. Это старшинство опредѣлялось счетомъ «по лѣствицѣ». Но этимъ еще не опредѣлялось служебное положеніе лица, его служебная честь. Она опредѣлялась «по разряду», т.-е. по тѣмъ назначеніямъ на мѣста, которыя давались извѣстному лицу изъ Разряда (приказъ) и отмѣчались въ его спискахъ. Это два разныхъ счета: можно быть высокимъ по родословцу, по лѣствицѣ, и низкимъ по разряду и наоборотъ.

Счетъ по лѣствицѣ находится въ постоянномъ соприкосновеніи со счетомъ по разряду. Объяснимъ это на примѣрѣ. Лицо X въ родѣ A занимаетъ 5-е мѣсто отъ родоначальника. По разрядамъ онъ равенъ лицу Z въ родѣ B. Отсюда всѣ родственники X, занимающіе по лѣствицѣ мѣсто выше его, будутъ выше и лица Z; всѣ, кто ниже X, будутъ ниже Z. Если бы Z былъ назначенъ на мѣсто ниже кого-либо изъ этихъ послѣднихъ, онъ можетъ ссылаться на свое равенство по разряду съ X и «утягивать» имъ его младшихъ родственниковъ и наоборотъ.

При спорахъ не всѣ, однако, ссылки на разряды имѣли одинаковое значеніе. Предпочтеніе отдавалось позднѣйшимъ разрядамъ передъ древнѣйшими. Вельяминовъ въ спорѣ съ кн. Вяземскимъ говоритъ: «По вашему царскому указу, искони во всѣхъ родахъ, кто напослѣдъ передъ кѣмъ по-

терялъ, тотъ тому и виноватъ». «Потерялъ»—по службѣ, по разрядамъ, т.-е. кто въ послѣднее время не занималъ первыхъ мѣстъ, тотъ потерялъ передъ тѣмъ, кто такія мѣста въ послѣднее время занималъ, хотя бы предки его были по службѣ и выше. А это значитъ, что отдается предпочтеніе личной службѣ и службѣ ближайшихъ родственниковъ передъ дальнѣйшими. Вотъ почему судьи говорятъ тѣмъ, кто въ доказательство своихъ мѣстническихъ правъ ссылается на службу отдаленныхъ предковъ, а не ближайшихъ: «Твои случаи застарѣли» и отказываютъ въ челобитьи.

Самое слово «отеческая честь» показываетъ, что вниманіе главнымъ образомъ обращалось на служебное положеніе ближайшихъ родственниковъ.

Вслѣдствіе этого члены одного и того же рода могли имѣть разную служебную честь.

Такъ, Измайловы, хотя и принадлежали къ одному роду съ Кавериными, тѣмъ не менѣе не считаютъ себя въ версту съ ними, а говорятъ, что они отъ Кавериныхъ «разошлись далече» по службѣ. Лыковъ въ спорѣ съ Пожарскимъ, между прочимъ, говоритъ: «Пожарскій ставитъ отца своего по лѣствицѣ (т.-е. по родству въ противоположность счету «по разряду» или по службѣ) выше многихъ Стародубскихъ и Ряполовскихъ (всѣ они одного рода), а своихъ ближайшихъ родителей, дѣда и отца, по худобѣ, ни въ какихъ случаяхъ не подаетъ и въ Разрядѣ они не велики». Въ доказательство того, что въ мѣстническихъ спорахъ лучше было ссылаться на ближайшихъ родственниковъ, а не на дальнѣйшихъ, съ которыми, по Разряду, спорящіе могли давно уже разойтись, Лыковъ приводитъ практику другихъ родовъ, князей Воротынскихъ и Звенигородскихъ. Звенигородскіе по родословцу большіе люди, такъ какъ произошли отъ третьяго сына Михаила Черниговскаго, и Одоевскіе и Воротынскіе, происходящіе отъ пятаго сына того же князя, меньше ихъ; но Звенигородскіе на нихъ не ссылаются, такъ какъ въ «разрядѣ предъ младшими потеряли». Поэтому и существовало право: «худые роды съ

добрыми по родословцу лѣствицею не тяжутся, а тяжутся, по случаямъ, разрядами». Счетъ по разряду получаетъ полный перевѣсъ предъ счетомъ по лѣствицѣ. Счетъ по лѣствицѣ отпадаетъ, онъ не ведетъ болѣе къ утягиванію: считаются только ближайшими случаями службы. «Худые роды» въ приведенномъ мѣстѣ означаетъ худые по службѣ, а не по родословцу; по родословцу они велики, но по разрядамъ малы. И наоборотъ, «добрые роды», о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, суть добрые—по разряду, а не по родословцу. О князьяхъ Звенигородскихъ читаемъ: «Звенигородскіе по родословцу велики, а лѣствицею Воротынскихъ и Одоевскихъ не безчестятъ и въ судахъ ими не тяжутся, а тяжутся своими ближними да разряды», Тоже и въ Ростовскихъ князьяхъ: «Пріимковы и Бахтеяровы лѣствицею Катыревыми и Буйносовыми не тяжутся». Пріимковы и Бахтеяровы происходятъ отъ старшаго брата кн. Ѳедора, а Катыревы и Буйносовы отъ младшаго, Константина; по лѣствицѣ Пріимковы и Бахтеяровы старше, но по разряду—моложе, а потому и не утягиваютъ своихъ противниковъ младшей линіей. Для нихъ ихъ родство не приноситъ уже пользы въ мѣстническихъ спорахъ. Князь Лыковъ самъ признаетъ, что «Одоевскіе живутъ въ разрядахъ вездѣ больше ихъ», а онъ по лѣствицѣ старше, онъ отъ четвертаго сына св. Михаила Черниговскаго, а Одоевскіе отъ пятаго.

Различіе въ чести членовъ одного и того же рода вызывалось очень различными причинами. Кромѣ отъѣзда и добровольнаго уклоненія отъ службы, такое различіе происходило иногда отъ уступчивости, вызываемой отношеніями дружбы членовъ одного рода къ членамъ другого. Въ концѣ XVI в. князья Иванъ Сицкій и Александръ Репнинъ Оболенскій находились въ большой между собой дружбѣ (были великіе други). Въ 1598 г. они оба были назначены на службу въ полки и Сицкій выше Оболенскаго. Оболенскій по дружбѣ принялъ это назначеніе и не билъ челомъ объ отечествѣ, хотя оно этимъ назначеніемъ и было умалено. Другіе члены рода Оболенскихъ не захотѣли примириться

съ такимъ умаленіемъ ихъ отеческой чести и уполномочили князя Θедора Ногтева-Оболенскаго бить челомъ объ отечествѣ за всѣхъ князей Оболенскихъ. На это челобитье послѣдовала такая резолюція: «что князь Александръ Репнинъ былъ на государевѣ службѣ въ его государевѣ походѣ со княземъ Сицкимъ по дружбѣ и князь Александръ Репнинъ князю Ивану винсватъ одинъ, а роду его, всѣмъ князьямъ Оболенскимъ, о томъ порухи въ отечествѣ нѣтъ никому». Благодаря этому въ родѣ Оболенскихъ образовалась вѣтвь съ меньшею отеческою честью.

На преимущество, которое въ Москвѣ имѣла дѣйствительная служба передъ родовитостью происхожденія, указываетъ и споръ кн. Волконскаго съ Головинымъ. О родовитости князей Волконскихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: они идутъ отъ пятаго сына Михаила Черниговскаго. Головины же происходятъ отъ грека, крымскаго выходца. А между тѣмъ на челобитье Волконскаго послѣдовала такая резолюція: «По государеву указу неродословнымъ людямъ съ родословными суда и счету въ отечествѣ не бывало». Какъ же это такъ, потомокъ Михаила Черниговскаго оказался менѣе родословнымъ потомка выходца грека, который и въ Москву-то прибылъ всего въ 1391 г.? Это родовитость не по лѣствицѣ, а по разряду. Потомки выходца—давно на службѣ московскаго государя, въ XVI вѣкѣ они служатъ въ окольничихъ, а съ 1616 г. достигаютъ уже боярства. А Волконскіе появляются въ крупныхъ чинахъ только въ XVII вѣкѣ. Въ Шереметевской книгѣ встрѣчаемъ только въ 1616 году перваго Волконскаго, Григорія Константиновича, въ званіи окольничаго. Вотъ что значитъ родословность Головиныхъ и неродословность Волконскихъ. Волконскіе, надо думать, не очень спѣшили стать въ ряды московскихъ служилыхъ людей.

Надо думать, что служилая честь слагалась обыновенно на военной службѣ въ должностяхъ воеводъ. На это указываетъ то, что при спорахъ о чести, обыкновенно ссылались на службу предковъ въ ратныхъ воеводахъ: военная

служба составляетъ основаніе служилой чести. Съ развитіемъ двора московскихъ государей начинаетъ выдвигаться и придворная служба.

Честь разныхъ родовъ была чрезвычайно различна.

Первый разрядъ составляютъ роды, члены которыхъ бывали только боярами.

Второй разрядъ образуютъ роды, члены которыхъ бывали боярами и окольничими.

Третій—роды, члены которыхъ бывали окольничими и въ низшихъ должностяхъ [1]).

Четвертый—роды, члены которыхъ не поднимались выше мелкихъ придворныхъ должностей—стольниковъ и стряпчихъ.

Пятый—роды, члены которыхъ служили съ городомъ.

Различіе между перворазрядными родами и мелкими было такъ очевидно и ясно, что не допускалось никакихъ споровъ между людьми знатными и худородными. Напримѣръ: Погожеву, который въ 1613 году билъ челомъ на Плещеева, данъ такой отвѣтъ: «Недѣломъ бьешь челомъ, доселева такіе не родословные люди, дѣти боярскіе, на такихъ родословныхъ людей не били челомъ». Плещеевы съ XV вѣка бывали уже въ окольничихъ и боярахъ, а Погожевы—городовые дѣти боярскіе.

Погожеву же въ 1616 г. отказано въ челобитьи на кн. Борятинскаго на томъ основаніи, что онъ «ни въ воеводахъ, ни въ головахъ, нигдѣ не бывалъ, ни въ какихъ чинахъ».

Кн. Ромодановскіе и на судъ не пошли съ Леотьевыми на томъ основаніи, что имъ невозможно судиться съ Леонтьевыми, людьми не родословными, коширянами. На томъ же основаніи Плещеевы не находили возможнымъ отвѣчать на судѣ Пушкинымъ.

Члены родовъ перворазрядныхъ никогда не бывали окольничими, но стольниками и стряпчими бывали. По москов-

[1]) Фамиліи этихъ трехъ перворазрядныхъ родовъ приведены въ I т. Древностей, стр. 440 и сл., 463.

скимъ понятіямъ эти сравнительно низшія придворныя должности не умаляли чести; должность же окольничаго низводила родъ во второй разрядъ. Быть возницей, сидѣть на козлахъ государева экипажа и стоять у крюка—также не вело къ умаленію чести и не мѣшало быть впослѣдствіи окольничимъ и даже бояриномъ. Такъ, въ 7183 (1675) году мы видимъ возницей Ѳедора Петровича Салтыкова, а спустя 8 лѣтъ онъ былъ уже бояриномъ. На козлахъ же сидѣлъ князь Юрій Андреевичъ Сицкій, въ родѣ котораго, въ періодъ времени съ 7067 по 7152 г., было 6 бояръ, въ томъ числѣ его отецъ и сынъ.

Причина такого различія между чиномъ окольничаго и слѣдующими за нимъ низшими чинами для меня не ясна.

Если кто съ кѣмъ бываетъ «безсловно», т.-е. безъ возраженій, то ему съ тѣмъ «не сошлось», т.-е. споръ между ними не допускался. Споръ возможенъ только между лицами, кому съ кѣмъ «сошлось. Эти суть «мѣстники» между собой. Если, по разсмотрѣніи спора, окажется, что они равны, имъ дается «невмѣстная грамота». Такая же грамота дается и тому челобитчику, который докажетъ, что онъ больше своего противника. Такъ, Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ Михаила Михайловича Салтыкова «невмѣстной грамотой», по которой родъ его признавался выше рода Сицкихъ «многими мѣстами».

Но въ Московскомъ государствѣ были и такіе служилые чины, для которыхъ мѣстничество было недоступно. Это—дьяки. Чинъ ихъ считался «худымъ», а они людьми «неродословными» и счету имъ не давали: они должны были служить, гдѣ государь укажетъ [1]).

Посмотримъ теперь, какъ относилось правительство къ мѣстническимъ спорамъ. Дѣятельность правительства была двоякая: 1) оно регулировало мѣстническія отношенія своими указами, и 2) оно было судьей въ мѣстническихъ спорахъ.

[1]) О дьякахъ подробно говорится въ I т. Древностей, глава четвертая.

Существовали правила, опредѣлявшія, какая степень родства стоитъ выше другой и насколько, какое служебное мѣсто было почетнѣе другихъ. Изъ родныхъ братьевъ старшій считался одною степенью выше слѣдующаго и т. д. Сравнительно съ отцомъ сынъ стоялъ на четвертомъ отъ него мѣстѣ; онъ, слѣдовательно, былъ равенъ своему четвертому дядѣ. Есть извѣстіе, что послѣднее правило установлено указомъ царя Ивана Васильевича.

Мѣстническіе споры происходили, обыкновенно, на почвѣ военной службы. Поэтому опредѣлена была честь полковъ и мѣстъ воеводъ. Взаимное отношеніе полковъ было таково: первое мѣсто занималъ «большой полкъ», второе—«правая рука»; полки «сторожевой» и «передовой» занимали третье мѣсто и были равны между собой; послѣднее мѣсто принадлежало «лѣвой рукѣ». Равенство сторожевого полка съ передовымъ установлено также указомъ царя Ивана Васильевича. Но служилые люди не совсѣмъ были согласны съ такимъ опредѣленіемъ; имъ казалось, что служба въ передовомъ полку почетнѣе службы въ сторожевомъ.

Въ каждомъ полку было 2—3 воеводы, также поставленныхъ въ опредѣленное соотношеніе. Такъ, первый воевода большого полка былъ однимъ мѣстомъ выше перваго воеводы правой руки, двумя мѣстами—перваго воеводы передового полка и т. д. За первыми воеводами идутъ вторые воеводы въ такой же постепенности. Для сокращенія споровъ Иванъ Васильевичъ приказалъ, что второму воеводѣ большого полка нѣтъ дѣла съ первыми воеводами передового и сторожевого полковъ, воеводамъ передового и сторожевого полковъ межъ собой счету нѣтъ и пр. Но несмотря на эти указы, воеводы продолжали считаться и въ запрещенныхъ степеняхъ. Это дѣлало необходимымъ повторить указы царя Ивана. Они были подтверждаемы при послѣдующихъ государяхъ.

Въ 1603 г. царемъ Борисомъ указано быть безъ мѣстъ при встрѣчахъ и сказкахъ (объявленіи о назначеніи кому-

нибудь должности). Тогда же установлено, что не должно быть споровъ, если за обѣдомъ сидятъ за разными столами.

Что мѣстничество и въ XVII в. находилось еще въ періодѣ сложенія, на это указываютъ слѣдующія челобитныя.

Въ 1616 году князь Тюфякинъ посланъ звать англійскаго торговаго человѣка Джона Мерика къ столу, а князь Волконскій сказывалъ Мерика царю при представленіи. Тюфякинъ, боясь быть ниже Волконскаго, подалъ челобитную. На это государь приказалъ, что «тому окольничему, который звалъ, до того, который сказывалъ, дѣла нѣтъ».

Далѣе, царскіе указы часто ставятъ иноземцевъ выше служилыхъ русскихъ людей. Встрѣчаемся, напримѣръ, съ такимъ явленіемъ: въ полки назначаются воеводы русскіе, по 2 и по 3 человѣка, а выше ихъ въ тѣ же полки назначаются татарскіе цари и царевичи, которые хотя воеводами и не названы, но поставлены выше русскихъ воеводъ. Отсюда возникали столкновенія между русскими людьми и татарами. Князь Вяземскій говоритъ: «въ томъ государева воля, и не въ нашу версту живутъ съ татары; Воротынскіе бывали съ татары» (т.-е. ниже ихъ), Шереметевъ въ 1613 году жаловался, что изъ нихъ никто не бывалъ ниже Сулешовыхъ. Но Государь указалъ, что по иноземству Шереметеву можно быть съ Сулешовымъ.

Цари проводятъ въ первые ряды служилой чести своихъ свойственниковъ. Такъ дѣлалъ Борисъ, про котораго говорили, что ему «воля была по свойству своихъ выносить». Подобные случаи встрѣчаются и при Романовыхъ. Въ 1614 году Лыковъ заявилъ, что онъ готовъ лучше умереть чѣмъ стать меньше Ивана Никитича Романова: если же Государь захочетъ поставить Романова выше его по родству, то въ томъ государева воля. Государь же не захотѣлъ ссылаться на родство и указалъ, что Романовымъ можно быть выше Лыковыхъ «по многимъ мѣрамъ». Но Лыковъ не подчинился, за что былъ обвиненъ въ измѣнѣ.

Чтобы прекратить споры, цари нерѣдко на походахъ,

свадьбахъ и т. п. объявляютъ назначенія безъ мѣстъ. Такую мѣру они принимали или сами, или послѣ предварительнаго совѣщанія съ боярами. Но эти мѣры не всегда достигали цѣли. Такъ, князь Иванъ Голицынъ, несмотря на царскій указъ «быть безъ мѣстъ», не захотѣлъ на царской свадьбѣ сѣсть ниже князей Ивана Шуйскаго и Дмитрія Трубецкаго, за что и былъ сосланъ съ лишеніемъ помѣстій и вотчинъ.

Кодифицированы правила мѣстничества никогда не были. Въ Уложеніи находимъ только одну статью, которая упоминаетъ о мѣстничествѣ. Въ ст. 24-ой главы X говорится: «буде который судья начнетъ не ѣздить въ приказъ своимъ упрямствомъ, не хотя въ томъ приказѣ быть, кромѣ отеческихъ дѣлъ и не по болѣзии, учинить ему наказаніе, что государь укажетъ». «Отеческія дѣла» и суть мѣстническіе счеты, которые, такимъ образомъ, извиняютъ неявку на должность.

Дѣятельность правительства, кромѣ того, состояла въ разборѣ мѣстническихъ споровъ. Поводомъ къ разбирательству бывала челобитная. Какъ скоро послѣдовало назначеніе, не согласное съ чьей-либо отеческою честью, обиженный не ѣхалъ на должность, не шелъ благодарить царя и билъ челомъ о судѣ или оборонѣ. Челобитье объ оборонѣ подавалось въ томъ случаѣ, когда не «сошлось». Въ этихъ случаяхъ не было надобности просить о судѣ и счетѣ; судъ, съ кѣмъ не сошлось, былъ униженіемъ; считалось приличнымъ просить только объ оборонѣ. Всякая челобитная немедленно вызывала встрѣчный искъ, такъ какъ, если обвиняемый молчалъ, то являлось предположеніе, что онъ согласенъ съ обвинителемъ и считаетъ себя меньше его.

Получивъ челобитную о судѣ, правительство назначало судъ, который дѣйствовалъ обыкновеннымъ суднымъ порядкомъ. Судьей нерѣдко бывалъ самъ царь; обыкновенно же для суда назначался бояринъ съ дьякомъ или окольничій. Въ XVII в. судъ нерѣдко поручался коллегіи думныхъ людей.

При рѣшеніи мѣстническихъ споровъ судебнымъ порядкомъ, судьи должны были выслушать заявленія сторонъ, провѣрить ихъ на основаніи данныхъ разряда и степени родства и произнести приговоръ о томъ, кто изъ спорщиковъ выше отеческой честью, кто ниже. Этотъ приговоръ, однако же не всегда можно было сдѣлать. Спорили нерѣдко люди, служебная дѣятельность которыхъ не соприкасалась. Если бы она соприкасалась, т.-е. если бы спорщики проходили службу на виду другъ друга, то рѣшеніе спора не представляло бы затрудненій. Ихъ отношеніе было бы совершенно ясно: они или ровны между собой или не ровны, и соотвѣтственно этому и занимали мѣста: одинъ выше, другой ниже. Если бы ихъ назначили не согласно съ существующей и всѣмъ извѣстной практикой, разрѣшеніе дѣла было бы легко. Совершенно въ другомъ положеніи находились судьи, если не только спорщики лично, но и ни кто изъ ихъ родственниковъ не стояли на службѣ рядомъ, а потому въ свои разсчеты вводили лицъ чужихъ фамилій, какъ промежуточныя звенья, соединявшія ихъ съ противниками. Въ 1602 г. возникъ споръ между Юріемъ Пильемовымъ, рода Сабуровыхъ, и кн. Ѳедоромъ Лыко, рода кн. Оболенскихъ. Пильемовъ доказывалъ, что онъ гораздо выше Лыко. На первомъ мѣстѣ, въ доказательство своего иска, онъ приводитъ службу своего прапрадѣда Ивана Ѳедоровича Сабурова. Но и этотъ Сабуровъ не служилъ ни съ кѣмъ изъ рода Лыко, а служилъ въ 1477 г. его младшій (четвертый) братъ, но не съ Лыко, а съ Василіемъ Ѳедоровичемъ Симскимъ и по разряду былъ выше его на одно мѣсто. Отсюда слѣдуетъ, что Иванъ Сабуровъ былъ выше Симскаго на 5 мѣстъ. В. Симскій служилъ въ томъ же году вмѣстѣ съ Ѳ. Д. Хромово-Свибловымъ и былъ выше его на 2 мѣста. А этотъ Хромово-Свибловъ служилъ въ то же время съ кн. И. В. Оболенскимъ и былъ на 4 мѣста его выше. Прапрадѣдъ же Ѳедора Лыко (отвѣтчика), И. В. Лыко, былъ глазъ въ глазъ равенъ младшему брату этого В. Оболенскаго (четвертому) и, слѣдовательно, тремя мѣстами

ниже своего старшаго брата. Такимъ образомъ, если сосчитать все «выше», прапрадѣдъ истца былъ на 12 мѣстъ [1]) выше прапрадѣда отвѣтчика. И это не единственное доказательство Пильемова. Далѣе онъ приводитъ такіе же сложныя сопоставленія изъ службы прадѣда своего, дѣда и отца. Отвѣтчикъ дѣлаетъ то же. Перечисленіе этихъ служебныхъ назначеній, соединяющихъ предковъ Ю. Пильемова съ предками Ѳ. Лыко, занимаетъ въ печатномъ изданіи цѣлыхъ 16 стр. Судебнаго приговора по этому дѣлу нѣтъ. Оба спорщика ссылаются на Разряды и просятъ провѣрить ихъ ссылки. Въ то время всѣ, заинтересованные охраной своей отеческой чести, вели свои разрядные записи и, конечно, въ своихъ ссылкахъ не лгали. Тамъ могли быть ошибки, какъ и во всякихъ человѣческихъ дѣлахъ; но въ въ цѣломъ и та и другая сторона говорила правду; въ однихъ случаяхъ былъ выше Ю. Пильемовъ, въ другихъ Ѳ. Лыко. Что же могъ постановить судъ? Самый лучшій для него выходъ изъ этого затрудннтельнаго положенія, тянуть дѣло. До насъ дошло нѣсколько такихъ не оконченныхъ дѣлъ.

Вотъ почему въ XVII вѣкѣ вошло въ обычай прежде чѣмъ назначить судъ по челобитной, приказывать по данному дѣлу «сидѣть боярамъ», т.-е. подвергнуть дѣло предварительному разсмотрѣнію съ цѣлью рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ его направленіи. А дальнѣйшая судьба дѣла могла заключаться: 1) въ отказѣ безъ суда, 2) въ назначеніи суда, 3) въ рѣшеніи дѣла сыскомъ. Въ послѣднемъ случаѣ рѣшеніе дѣла значительно упрощалось, такъ какъ судьи не разсматривали доказательствъ, приводимыхъ сторонами, а рѣшали дѣло на основаніи тѣхъ справокъ, которыя сами дѣлали въ Разрядѣ. При этомъ они могли основать свои рѣшенія на любыхъ данныхъ. Этотъ порядокъ, дававшій полный просторъ произволу судей, не нравился лицамъ за-

[1]) Въ другомъ мѣстѣ Ю. Пильемовъ насчитываетъ 13 мѣстъ для тѣхъ же лицъ.

интересованнымъ. Они нерѣдко роптали на то, что имъ суда не давали, а рѣшали дѣло сыскомъ.

Можно думать, что мѣстническіе споры были не очень немногочисленны, не всѣ доходили до суда и не очень затрудняли правительство.

Валуевъ дѣлаетъ попытку опредѣлить число случаевъ мѣстническихъ споровъ и находитъ, что при Иванѣ Грозномъ приходилось три случая въ годъ. Въ разрядахъ конца XV в. есть указаніе, изъ котораго видно, что князья, назначая воеводъ на службу, и, опасаясь задѣть чью-нибудь отеческую честь, прибавляли: «а если такому-то лицу стать съ такимъ-то невмѣстно, то пусть станетъ, гдѣ ему пригоже». Это показываетъ, что въ древности всякій зналъ свое мѣсто, князья даже и не находили нужнымъ точно опредѣлять, гдѣ кому стать со своимъ отрядомъ. Въ одномъ росписаніи воеводъ конца XV в. читаемъ: «А не похочетъ князь Дмитрій съ братомъ своимъ княземъ Семеномъ быти вмѣстѣ въ передовомъ полку, и князю Дмитрію быть, гдѣ пригоже», или: «А князю Семену и брату его князю Ивану Перемышльскому стати подлѣ передового полка направо или налѣво, гдѣ похотятъ». Изъ этого видно, что въ XV вѣкѣ мѣстничество не вносило въ ходъ дѣлъ большихъ неудобствъ.

Не особенно велико число споровъ и въ XVII в. Такъ, въ 1627 г. подано было за весь годъ 10 челобитій; изъ нихъ по 5-ти—прямо отказано; по тремъ—велѣно дать судъ послѣ службы; по одному дѣлу распорядились челобитчика посадить въ тюрьму безъ суда; одну челобитную велѣно записать въ Разрядѣ. Въ 1628 году было 13 дѣлъ, изъ нихъ 9 челобитчикамъ отказано; по двумъ дѣламъ данъ судъ; одному приказано служить, а послѣ обѣщанъ судъ; и по одному дѣлу записать въ Разрядѣ. Это тѣ же три дѣла въ годъ, что и въ XVI вѣкѣ.

Рѣшеніе суда объявлялось словесно (сказка). Сказка дѣлалась на одномъ изъ крылецъ дворца или на паперти Благовѣщенія.

Къ какимъ же послѣдствіямъ приводили споры о мѣстничествѣ? Если оказывалось, что челобитчикъ былъ правъ и что ему невмѣстно было служить съ такимъ-то другимъ лицомъ, то этихъ лицъ разводили, т.-е. одинъ оставался на данномъ мѣстѣ, а другой получалъ другое назначеніе. Если, напротивъ того, оказывалось, что челобитчикъ неправъ, онъ подвергался наказанію. Наказаніе это было двоякое, такъ какъ и вина была двоякая. Первая вина его состояла въ томъ, что онъ ослушался государя; за это его заключали въ тюрьму или били батогами, кнутомъ и лишали помѣстьевъ и вотчинъ, и заставляли служить въ низшихъ чинахъ. Вторая вина заключалась въ оскорбленіи того лица, съ которымъ онъ не хотѣлъ служить; онъ долженъ былъ дать удовлетвореніе обиженному. Это удовлетвореніе состояло въ выдачѣ виновнаго головою оскорбленному. Это не была выдача головою въ настоящемъ смыслѣ слова, т.-е. отдача человѣка въ заработки для удовлетворенія долга. Здѣсь не было поступленія на службу, а выдача головою состояла въ томъ, что виновный съ государевымъ посломъ долженъ былъ придти въ домъ обиженнаго и просить у него прощенія. Обыкновенно, обидчикъ этого добровольно не дѣлалъ, и его связаннаго везли силою въ домъ обиженнаго. Сопровождавшій обидчика приставъ сообщалъ о рѣшеніи суда, а обиженный благодарилъ государя, чѣмъ эта сторона наказанія и исчерпывалась.

Надо обратить вниманіе на ту особенность мѣстничества, что если государь «опалялся» на кого-либо и посылалъ его въ какой-нибудь ничтожный городъ воеводою, давалъ ему въ наказаніе мѣсто, которые было несогласно съ его отеческою честью, то это, по московскимъ понятіямъ, не вело къ умаленію чести, такъ какъ это, была не вольная служба, а по приказу государя. Такимъ образомъ, при мѣстническихъ счетахъ принималась во вниманіе только та служба, которая бралась добровольно, а не та, которую давали въ наказаніе.

Размѣръ кары вполнѣ зависѣлъ отъ усмотрѣнія государя.

Иванъ Грозный, напримѣръ, мягко относился къ мѣстническимъ спорамъ и самъ любилъ ихъ разбирать; кроткій же Ѳеодоръ, наоборотъ, относился очень строго и нерѣдко наказывалъ безъ суда. Онъ дѣйствовалъ такъ, конечно, по указаніямъ Бориса, а Борисъ, достигнувъ престола, относился довольно мягко къ спорщикамъ. Въ XVII в. ослушниковъ не только наказываютъ и иногда весьма сурово, но даже начинаютъ употреблять по отношенію къ нимъ насиліе. Въ 1615 г. Вельяминова послали въ Калугу собрать продовольствіе для войскъ и сдать его князю Черкасскому и Троекурову. Князю Черкасскому онъ сдалъ бы съ удовольствіемъ, такъ какъ родъ Вельяминовыхъ безспорно ниже рода Черкасскихъ, но Троекурову—не хотѣлъ; тогда приказали сковать Вильяминова, и въ такомъ видѣ онъ поѣхалъ собирать и сдавать продовольствіе.

Мѣстничество, несомнѣнно, ограничивало правительство. но вредъ его не былъ такъ великъ, какъ многіе думаютъ. Правительство не было обязано назначить такихъ-то именно людей на такія-то должности, если старые роды ему не нравились, оно могло назначать новыхъ людей; новые люди постоянно и назначались и легко доходили до самыхъ верховъ служебной лѣстницы. Неудобства отказа были не велики: назначались въ одинъ и тотъ же полкъ обыкновенно 2 — 3 воеводъ; если одинъ отказывался, оставались другіе. Отказъ дѣлался при самомъ назначеніи, было всегда время замѣнить отказавшагося другимъ. Мѣстничество было даже полезно. Эта польза состояла въ томъ, что забота объ охраненіи отеческой чести поощряла служилыхъ людей къ постоянной службѣ. Уваженіе правительства къ мѣстническимъ счетамъ поддерживало въ боярскихъ родахъ связь съ государствомъ и поощряло дѣтей не отставать отъ отцовъ въ услугахъ ему. Судьба Московскаго государства, его успѣхи сливались съ личною судьбою и успѣхами служилыхъ людей. Но въ правѣ отказа отъ службы, несогласной съ честью, еще жилъ остатокъ старинной воли служилыхъ людей, что и вызывало энергическій протестъ со стороны правительства,

выразившійся въ насиліи надъ непокорными. Въ такомъ насилій не было ни малѣйшей надобности. Надо было только строптивыхъ служакъ оставлять безъ новыхъ назначеній. Это повело бы къ ихъ «захуданію», они безъ всякихъ насилій и шума выбыли бы изъ рядовъ высшихъ чиновъ. Но мѣста ихъ пустыми не остались бы. Не умѣя мирно справиться съ этимъ обычаемъ, правительство вынуждено было отмѣнить его въ законодательномъ порядкѣ, что̀ и случилось при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ на земскомъ соборѣ въ 1682 году.

Любопытно, что государь не находилъ возможнымъ отмѣнить мѣстничество просто указомъ, а счелъ необходимымъ посовѣтоваться съ служилыми людьми и духовенствомъ; онъ справедливо думалъ, что для отмѣны общаго обычая необходимо согласіе всѣхъ служилыхъ людей, которыхъ онъ касался. Это случилось такимъ образомъ. Въ 1681 г. князю Вас. Вас. Голицыну съ выборными людьми поручено было разсмотрѣть непріятельскія военныя хитрости и ввести въ наше войсковое устройство то, что̀ окажется полезнымъ. Коммиссія эта рѣшила ввести къ намъ дѣленіе полковъ на роты (die Rotte) вмѣсто сотенъ, считая въ каждомъ полку по 6 ротъ, а въ ротѣ по 60 человѣкъ. Въ роты постановлено было брать по человѣку съ 25 дворовъ. Начальниками ротъ опредѣлено было быть ротмистрамъ и поручикамъ, вмѣсто головъ, изъ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ. Это не хитрое предложеніе было принято и приказано составить списокъ, кому быть въ ротмистрахъ и поручикахъ. Когда списокъ составили, оказалось, что изъ рода кн. Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Репниныхъ, Шеиныхъ, Троекуровыхъ, Лобановыхъ-Ростовскихъ, Ромодановскихъ и иныхъ никого не написано за малолѣтствомъ. Вслѣдствіе этого для записанныхъ возникло опасеніе, какъ бы служба въ новыхъ чинахъ не послужила имъ въ укоризну и не причинила потерки. Во избѣжаніе этой опасности и возникла просьба выборныхъ, чтобы какъ эта служба, такъ и всѣ другія были безъ мѣстъ. Это рѣшеніе ихъ въ формѣ челобитной было

представлено Өедору Алексѣевичу, который передалъ его на обсужденіе бояръ и духовенства и просилъ ихъ чистосердечно сказать, полезно ли мѣстничество? Бояре и духовенство также высказались въ пользу отмѣны. Вслѣдствіе этого и послѣдовалъ указъ, которымъ повелѣвалось «всякихъ чиновъ людямъ быти въ Москвѣ въ приказахъ и въ полкахъ и въ посольскихъ дѣлахъ и вездѣ безъ мѣстъ». Съ этого времени мѣстничество перестало уже быть правомъ. Но, какъ явленіе чисто бытовое, оно продолжало еще долго жить въ нравахъ. До отмѣны мѣстничества каждый открыто говорилъ, что такое-то назначеніе ему невмѣстно, а послѣ отмѣны ссылались на болѣзнь и т. под. причины. Любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи можно представить изъ времени царствованія государей Ивана и Петра. Въ 1691 г. къ столу великихъ государей приказано быть Льву Кирилловичу Нарышкину и князю Григорію Александровичу Козловскому. Не смѣя прямо отказаться, Козловскій отвѣчалъ, что пріѣдетъ, а между тѣмъ приходитъ обѣденное время, а Козловскаго нѣтъ. Во дворцѣ поняли въ чемъ дѣло, и послали къ нему гонца съ приказаніемъ, чтобы непремѣнно ѣхалъ. На этотъ разъ Козловскій отвѣчалъ, что за болѣзнью пріѣхать не можетъ. Этимъ, конечно, не удовлетворились «на верху», и государи послали третьяго гонца съ приказаніемъ заложить карету и привести его силой, если не захочетъ пріѣхать добровольно. Но Козловскій это предвидѣлъ и припряталъ карету съ лошадьми, гонцу же сказалъ, что кареты и лошадей у него нѣтъ, а самъ онъ по болѣзни быть не можетъ. Государи послали четвертаго гонца съ приказаніемъ привести его хотя бы въ телѣгѣ. Козловскій противился и этому, но его силою посадили въ телѣгу. Пріѣзжаютъ ко дворцу, Козловскій нейдетъ съ телѣги; его на рукахъ сносятъ; онъ падаетъ и не хочетъ идти, его ведутъ подъ руки. Приводятъ къ столу, онъ не хочетъ сидѣть за столомъ и валится на полъ, его поддерживаютъ съ обѣихъ сторонъ. Это, конечно, не прошло

Козловскому даромъ; онъ былъ лишенъ помѣстьевъ и боярства и сосланъ въ отдаленный городокъ.

Впрочемъ, самъ Петръ Великій, обращавшій такое вниманіе на личныя заслуги, награждалъ иногда дѣтей за службу отца. Сынъ иркутскаго воеводы, Николаевъ, былъ назначенъ въ 1689 году воеводой, «не взирая на его несовершеннолѣтіе за службы его отца». Начала мѣстничества живутъ и въ окружающемъ насъ обществѣ, но только въ иной обстановкѣ.

III. Верховная власть

Ученіе о верховной власти есть ученіе о той формѣ правленія, которая господствовала въ разсматриваемую эпоху. Относительно этого вопроса въ нашей литературѣ существуютъ различныя мнѣнія. Нерѣдко высказывается мысль, что въ древней Россіи великіе князья имѣли такую же неограниченную власть, какая принадлежитъ теперь императорамъ, а нѣсколько раньше принадлежала московскимъ царямъ. Это воззрѣніе не научное; въ основѣ его лежитъ та ошибка, что изслѣдователи переносятъ въ древнее время понятія своего времени. Въ дѣйствительности абсолютная самодержавная власть въ томъ видѣ, въ какомъ она принадлежала императорамъ до начала XX в., а прежде мюсковскимъ царямъ, никогда не является на первыхъ ступеняхъ развитія государствъ, а всегда есть результатъ продолжительнаго историческаго процесса. Иначе это противорѣчило бы закону солидарности явленій: въ древнее время нѣтъ тѣхъ условій, при коихъ можетъ возникнуть такого рода власть. Власть неограниченная имѣетъ въ своемъ распоряженіи много органовъ, непосредственно отъ нея зависящихъ, имѣетъ войско, на которое можетъ всегда опереться, въ древности же народъ самъ составлялъ войско и не былъ обязанъ всегда поддерживать князя.

Для того, чтобы сдѣлать понятнымъ особенности нашей

древней формы правленія, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, какія бываютъ формы правленія вообще. Формы прявленія, наблюдаемыя въ дѣйствительной жизни, бываютъ очень разнообразны. Чтобы оріентироваться въ этомъ разнообразіи, необходимо эти формы классифицировать. Опытъ классификаціи данъ былъ уже Аристотелемъ. Слѣдуя за нимъ, положимъ въ основаніе дѣленія численный составъ субъекта верховной власти, т.-е. лица, для котораго верховная власть составляетъ его самостоятельное право. Такимъ субъектомъ верховной власти можетъ быть, во 1-хъ, отдѣльное физическое лицо, въ рукахъ котораго сосредоточивается вся власть,—въ этомъ случаѣ мы имѣемъ монархическую форму правленія; во-2-хъ, совокупность нѣсколькихъ физическихъ лицъ, лучшихъ,—въ этомъ случаѣ мы имѣемъ аристократическую форму, и, наконецъ, въ-3-хъ. верховная власть можетъ принадлежать всему народу,—въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ демократическою формою правленія. Такимъ образомъ, верховная власть можетъ составлять самостоятельное право или одного лица, или нѣскольких, или, наконецъ, всего народа. Но легко замѣтить, что не всякое государство подходитъ подъ эти формы; такъ, напр., въ Англіи верховная власть принадлежитъ и королю, и лордамъ, и народнымъ представителямъ, засѣдающимъ въ нижней палатѣ. Подобныя явленія дѣлаютъ необходимымъ прибавить къ перечисленнымъ, простымъ формамъ, еще сложныя, въ которыхъ верховная власть принадлежитъ не одному, какому-нибудь элементу, а нѣсколькимъ, напр., монарху и аристократіи вмѣстѣ, или монарху, аристократіи и народу вмѣстѣ. Сложныя формы правленія подраздѣляются соотвѣтственно тому, какія простыя формы въ нихъ входятъ. Подъ эти формы правленія можно подвести всѣ существующія въ дѣйствительности.

Переходя къ устройству нашихъ древнихъ княжествъ, нужно замѣтить, что мы встрѣчаемся здѣсь не съ простою, а со смѣшанною формою правленія, въ которой участвуютъ

два элемента, а именно: монархическій, въ лицѣ князя, и народный, демократическій элементъ, въ лицѣ вѣча.

1) Вѣче. См. т. II Русск. юридич. древностей, стр. 1—160.

2) Князь

Общая характеристика княжеской власти. Во всѣхъ русскихъ волостяхъ замѣтна потребность въ единомъ представителѣ власти. Такимъ представителемъ власти является князь. Нѣкоторые изслѣдователи говорятъ, что слово князь не русскаго происхожденія, а заимствовано нами у скандинавовъ. Это мнѣніе не можетъ быть принято. И. И. Срезневскій въ сочиненіи «Мысли объ исторіи русскаго языка», стр. 131—135, раскрываетъ это заблужденіе. Слово князь чисто славянское и встрѣчается въ различныхъ значеніяхъ. Князь означаетъ господина, владѣтеля, старосту, священника и пр., и теперь еще въ народѣ новобрачныхъ называютъ князь и княгиня. Въ вопросѣ о правахъ князя наши изслѣдователи также расходятся. Нѣкоторые изъ нихъ переносятъ современныя представленія въ старыя времена и говорятъ, что наши князья съ самыхъ первыхъ временъ являются неограниченными государями. Такого мнѣнія держится, напр., Соловьевъ [1]) и др. Въ подтвержденіе ссылаются на выраженія источниковъ, въ которыхъ встрѣчается такое мѣсто: «и бысть такой-то князь самовластецъ въ русстѣй земли». Многія выраженія древнихъ источниковъ нельзя понять, не разобравъ, при какихъ обстоятельствахъ они были употреблены. Это выраженіе встрѣчается два раза, а именно: одинъ разъ лѣтописецъ употребляетъ его относительно Ярослава Мудраго, а другой разъ относительно Андрея Боголюбскаго. Дѣло въ томъ, что слово самовластецъ было употреблено лѣтописцами не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется теперь самодержецъ. Въ первый разъ само-

---

[1]) Отношеніе Новгорода къ вел. князьямъ, стр. 76 и 78.

властцемъ былъ названъ Ярославъ Мудрый, сынъ Владиміра св., и вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Ярославъ не одинъ княжилъ въ Русской землѣ, а вмѣстѣ съ братомъ своимъ Мстиславомъ. Мстиславъ прежде былъ въ Тмутаракани, но ему не нравилась эта волость, и потому, во время отсутствія Ярослава изъ Кіева (онъ ѣздилъ въ Новгородъ), Мстиславъ подступилъ къ Кіеву и потребовалъ, чтобы кіевляне признали его княземъ. Кіевляне, однако, отказались его принять, и Мстиславъ, не захотѣвъ брать Кіевъ силою, отправился въ Черниговъ, гдѣ его охотно приняли, «отворили ворота» и посадили на столѣ. Такимъ образомъ, Мстиславъ сдѣлался черниговскимъ княземъ и весьма близкимъ сосѣдомъ Ярослава. Узнавши объ этомъ, по возвращеніи своемъ изъ Новгорода, Ярославъ объявилъ войну Мстиславу, которая кончилась въ пользу послѣдняго. Но Мстиславъ не захотѣлъ вполнѣ воспользоваться своею побѣдою и оставилъ Ярославу Кіевъ. Такимъ образомъ, Ярославъ сидѣлъ въ Кіевѣ, а Мстиславъ въ Черниговѣ. Когда Мстиславъ умеръ, его Черниговская волость перешла въ руки Ярослава. Вотъ, передавая это-то извѣстіе, лѣтописецъ и говоритъ: «и бысть самовластецъ въ русской земли». Такимъ образомъ лѣтописецъ употребляетъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, что Ярославъ остался однимъ княземъ въ Приднѣпровьи. «Самовластецъ» характеризуетъ здѣсь власть Ярослава по отношенію къ совмѣстной власти Мстислава, а не по отношенію къ правамъ народа: со смертью Мстислава власть Ярослава не стѣсняется болѣе властью другого князя; отношенія же его къ народу остались прежнія.

Совершенно въ такомъ же смыслѣ употреблено слово самовластецъ и въ разсказѣ объ Андреѣ Боголюбскомъ. Юрій, умирая, не хотѣлъ, чтобы старшій его сынъ, Андрей, былъ его преемникомъ, и потому просилъ горожанъ, чтобы они признали своими князьями младшихъ его сыновей. Ростовцы и суздальцы обѣщали это сдѣлать, но послѣ смерти Юрія отступили отъ даннаго обѣщанія и признали княземъ

старшаго сына его, Андрея. Описывая это событіе подъ 1162 г., лѣтописецъ говоритъ, что Андрей выгналъ своихъ братьевъ и епископа Леона изъ Суздаля: «се же сотвори, хотя самовластецъ быти». Въ этомъ мѣстѣ слово самовластецъ употреблено въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно было употреблено по отношенію къ Ярославу. Андрея избираютъ княземъ и онъ изгоняетъ своихъ противниковъ, братьевъ и племянниковъ, и епископа, и мужей отца своего, которые, по всей вѣроятности, раздѣляли мнѣніе Юрія и не любили Андрея; изгоняетъ ихъ для того, чтобы обезпечить свое положеніе. Онъ, естественно, опасался, чтобы его братья и племянники не надѣлали ему хлопотъ, не прогнали его изъ Суздаля, а потому и предупредилъ ихъ. Въ этомъ смыслѣ лѣтописецъ и говоритъ, что это сдѣлалъ Андрей «хотя самовластецъ быти», т.-е. желая остаться одинъ въ Ростовѣ и Суздалѣ, а вовсе не въ смыслѣ измѣненія характера своей власти по отношенію къ народу. Онъ избавился только отъ соперниковъ, которые могли сократить его власть въ отношеніи пространства, захвативъ нѣсколько городовъ, какъ это сдѣлалъ Мстиславъ при Ярославѣ.

Въ доказательство мысли, что князья наши пользовались неограниченною властью, тотъ же историкъ приводитъ [1]) еще и другое выраженіе источниковъ, а именно ссылается на то, что въ источникахъ говорится, что князь сѣлъ въ такомъ-то городѣ «на всей своей волѣ»; такъ, напр., новгородцы приняли Ярослава «на всей его волѣ», отсюда выводятъ, что народъ принялъ князя какъ абсолютнаго, неограниченнаго государя. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ источниковъ видно, что князей принимаютъ не только на всей ихъ волѣ, но и на всей волѣ народа. Князь Игорь, братъ Всеволода, изъ рода черниговскихъ князей, былъ принятъ въ Кіевѣ «на всей волѣ кіевлянъ», какъ говоритъ лѣтопись. Неужели послѣднее выраженіе нужно понимать въ томъ смыслѣ, что кіевлянамъ принадлежитъ неограниченная власть,

[1]) Отношенія Новгорода къ вел. князьямъ стр. 77.

между тѣмъ какъ князь не имѣетъ никакого значенія? Понятно, что нѣтъ. Изъ сказаннаго о вѣчѣ (II т. Древностей) должно быть ясно, что не только князь, но и всякій простой человѣкъ, всякій «людинъ» имѣлъ свою волю и что въ древности нельзя себѣ представить свободнаго человѣка безъ воли,—всякій имѣлъ волю и насколько было возможно осуществлялъ ее. При такомъ порядкѣ вещей нельзя допустить, чтобы князь не имѣлъ никакого значенія. Слѣдовательно, указанное выраженіе имѣетъ какой-либо другой смыслъ. Принять князя «на всей его волѣ» значитъ—принять князя на всѣхъ тѣхъ условіяхъ, которыя онъ предложилъ; съ другой стороны, сѣсть «на всей волѣ горожанъ» значитъ сдѣлаться княземъ, принявши безъ измѣненія условія, предложенныя городомъ.

Все соціальное положеніе, всѣ условія тогдашняго времени рѣшительно не благопріятствовали образованію абсолютной власти. Пока весь народъ былъ вооруженъ, пока войско не спеціализировалось и не поступило въ завѣдываніе князя, не могла образоваться абсолютная власть. Народъ составлялъ главную силу князей, которые поэтому необходимо должны были вступать съ нимъ въ соглашеніе.

Внѣшняя обстановка жизни древнѣйшихъ князей мало чѣмъ отличалась отъ обстановки окружавшихъ князя людей. Мы имѣемъ любопытное свидѣтельство о Святославѣ, записанное греками. Святославъ велъ войну съ греками и первоначально удачно, но потомъ потерпѣлъ пораженіе и вынужденъ былъ заключить невыгодный миръ. По заключеніи мира онъ имѣлъ свиданіе съ Іоанномъ Цимисхіемъ. Вотъ какъ оно описывается. «Они свидѣлись на берегу Дуная. Цимисхій явился на конѣ, покрытый своимъ позлащеннымъ вооруженіемъ, а за нимъ слѣдовалъ отрядъ всадниковъ въ блестящихъ доспѣхахъ; Святославъ же пріѣхалъ въ ладьѣ, въ простой бѣлой одеждѣ, и самъ гребъ весломъ, наравнѣ съ другими гребцмми. Греки съ удивленіемъ смотрѣли на русскаго князя. Онъ былъ средняго роста и строенъ, но мраченъ и дикъ видомъ; имѣлъ грудь широкую,

шею плотную, голубые глаза; брови густыя, носъ плоскій, длинные усы, бороду рѣдкую и на головѣ одинъ клокъ волосъ въ знакъ его благородства; въ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами съ рубиномъ. Императоръ сошелъ съ коня. Святославъ не выходилъ изъ ладьи, онъ черезъ переводчика переговорилъ съ Цимисхіемъ и затѣмъ отъѣхалъ». Въ этомъ свидѣтельствѣ любопытно, что Святославъ гребъ наравнѣ съ своими спутниками и даже одеждою не отличался отъ нихъ. Вся обстановка жизни Святослава указываетъ на бытъ, близкій къ быту народа. Вотъ что̀ говорится объ этомъ князѣ въ лѣтописи: «Походы свои онъ совершалъ налегкѣ, ходилъ быстро, подобно барсу; онъ не имѣлъ ни становъ, ни обозовъ; питался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей и самъ жарилъ его на угляхъ, презиралъ холодъ и ненастье, не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба: войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло—изголовьемъ». Это не единственный примѣръ отсутствія обособленія правителя отъ управляемыхъ То же самое видно и изъ «поученія» Владиміра Мономаха, оставленнаго имъ своимъ дѣтямъ. Относительно домашней жизни Владиміръ Мономахъ говоритъ: «Въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите... не зря на тіуны и на отроки, да не посмѣются приходящіе къ вамъ дому вашему и обѣду вашему». Князья, значитъ, входили во всѣ мелочи домашняго хозяйства. Относительно поѣздокъ князей по своей волости для сбора дани и т. д. Владиміръ говоритъ: «Ходяще путемъ по своимъ землямъ не давайте пакости дѣяти отрокамъ, ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ». Въ поученіи описывается день князя. «Первое, говоритъ Владиміръ, надо сходить въ церковь, да не застанетъ васъ солнце на постели. Тако бо отецъ мой дѣяшеть блаженный и вси добрые мужи свершеніи, заутреннюю отдавши Богови хвалу». Затѣмъ, говоритъ онъ, «садитесь думать съ дружиною или людій оправливати» (т.-е. производить судъ). Послѣ этого можно отдохнуть: «спанье есть отъ Бога присуждено по-

лудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь, и птица, и человѣцы». Далѣе Владимиръ Мономахъ говоритъ о княжеской охотѣ: «если у васъ нѣтъ дѣлъ, то поѣзжайте на ловы». Охота была однимъ изъ любимѣйшихъ занятій князей. О своей охотѣ Владиміръ Мономахъ передаетъ, что онъ «конь дикихъ своими руками связалъ въ пущахъ тридцать». «Тура мя два, продолжалъ онъ, мѣтала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ (бодалъ) и два лоси, одинъ ногами топталъ, другой рогами болъ, вепрь ми на бедрѣ мечъ отялъ, медвѣдь ми у колѣна подклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже... Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя, на посадники не зря, ни на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ, то я творилъ есмь, и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и къ конюсѣхъ, и въ соколѣхъ и въ ястребѣхъ. Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ». Домашній обиходъ князя еще не имѣлъ царской обстановки: князь все дѣлалъ самъ.

Въ какомъ же отношеніи находились эти два элемента власти: князь и народъ?

Во взаимныхъ отношеніяхъ князя и вѣча проявляется то же общее начало, которое мы наблюдали во взаимныхъ отношеніяхъ составныхъ частей какъ одного и того же вѣча, такъ и разныхъ пунктовъ поселенія одной и той же волости, городовъ и пригородовъ: между княземъ и вѣчемъ должно быть единеніе, одиначество [1]).

По отношенію къ этому началу единенія или соглашенія

---

[1]) Именно такое выраженіе находимъ въ договорной грамотѣ вел. кн. Дмитрія Ивановича и князя Владиміра Андреевича съ Новымгородомъ: «Се пріѣхали ко мнѣ, къ великому князю Дмитрію Ивановичу... (слѣдуетъ перечисленіе пословъ новгородскихъ). Кончалъ есмь съ своими мужи въ одиначество, цѣловали есмы крестъ съ своимъ братомъ» и проч. А. А. Э., т. I № 8.

народа и князя необходимо различать два момента: моментъ призванія князя и его послѣдующую дѣятельность. Въ моментъ призванія народъ и князь заключаютъ между собою рядъ, т.-е. соглашеніе объ условіяхъ, которыя кладутся въ основаніе будущему княженію [1]). Въ теченіе самаго княженія могло возникнуть множество вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію вѣча и князя. По этимъ вопросамъ были необходимы новыя соглашенія. Наша древняя исторія представляетъ не одинъ примѣръ такихъ соглашеній. Самые могущественные князья нуждались въ нихъ. Мы не впадемъ къ преувеличеніе, если скажемъ, что степень могущества князя была въ прямомъ отношеніи съ количествомъ «людей», стоявшихъ на его сторонѣ, бывшихъ съ нимъ въ одиначествѣ, соглашавшихся съ его мнѣніями.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ соглашеній народа и князя.

Равноапостольный князь Владиміръ рѣшается на принятіе христіанства не иначе, какъ испросивши совѣта бояръ своихъ и старцевъ градскихъ и получивъ согласіе всѣхъ людей. Лѣтописецъ такъ разсказываетъ объ этомъ: «Созва Володимеръ боляры своя и старци градскіѣ, и рече имъ: се приходиша ко мнѣ болгаре, рекуще: пріими законъ нашъ; по семъ же приходиша нѣмци, и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша жидове. Се же послѣ же придоша греци, хуляще вси законы, свой же хваляще...» и т. д. Отчетъ свой о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ лицами разныхъ исповѣданій князь Владиміръ заключаетъ такимъ обращеніемъ къ боярамъ и старцамъ: «да что ми ума придасте, что отвѣщаете?»—«И рѣша,—продолжаетъ лѣтописецъ,—бояре и старци: вѣси, княже, яко своего никто же хулитъ, но хвалитъ; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи; пославъ, испытай когождо ихъ службу, и како служить Богу... И бысть люба рѣчь ихъ князю и всѣмъ людямъ», заключаетъ лѣтописецъ. Послы, отправленные со-

[1]) Объ этомъ идетъ рѣчь во II т. Древностей стр. 80 и сл.

гласно этому рѣшенію, дали предпочтеніе греческому исповѣданію, которое и было принято. Та свѣтлая память, которую народныя былины сохранили отдаленнѣйшему потомству о ласковомъ князѣ Владимірѣ, и похвалы, расточаемыя ему лѣтописцемъ, должны быть объясняемы именно тѣмъ уваженіемъ, съ которымъ этотъ князь относился къ народной волѣ и его желанію дѣйствовать согласно съ ней.

Извѣстно, какой любовью пользовались у кіевлянъ правнукъ Владиміра Святого, Владиміръ Мономахъ, и его родъ; объясненіе этой привязанности надо опять искать въ томъ единеніи съ народомъ, которымъ отличались помянутые князья. О сознаніи необходимости такого единенія самимъ Владиміромъ Мономахомъ мы находимъ указаніе подъ 1096 годомъ. Желая положить конецъ распрѣ съ Олегомъ черниговскимъ и условиться объ оборонѣ Русской земли отъ половцевъ, Владиміръ Мономахъ и Святополкъ Изяславичъ посылаютъ къ Олегу такое приглашеніе: «поиди Кыеву, да порядокъ положимъ о Русской землѣ предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили Русскую землю отъ поганыхъ». Такимъ образомъ, горожане вмѣстѣ съ духовенствомъ призываются къ участію въ рядѣ князей.

Для примѣненія этого начала взаимныхъ соглашеній къ ежедневно возникающимъ вопросамъ общественной жизни была необходима значительная доля уступчивости какъ со стороны князя, такъ и со стороны вѣча, умѣренность въ проведеніи собственной воли, готовность отказаться отъ разъ предположенной цѣли, какъ скоро достиженіе ея было невозможно безъ нарушенія существующаго единенія.

Лѣтописи сохранили намъ нѣсколько примѣровъ такой политики. Такъ, про Ярополка Святославича лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ любилъ христіанъ, но самъ не крестился «народа ради». Въ 1015 г. Ярославъ перебилъ многихъ изъ нарочитыхъ мужей новгородскихъ въ отмщеніе за то, что они участвовали въ осужденіи и казни находившихся у него въ услуженіи варяговъ. Не прошло и дня

послѣ этого избіенія, какъ ему понадобилась помощь тѣхъ же новгородцевъ для войны со Святополкомъ кіевскимъ. Ярославъ созвалъ вѣче, со слезами на глазахъ высказалъ раскаяніе въ своемъ недавнемъ поступкѣ и просилъ новгородцевъ пойти съ нимъ къ Кіеву. На эту рѣчь князя вѣче отвѣчало: «аще, княже, братья наша изсѣчена суть, можемъ по тебѣ бороти». Такимъ образомъ, новгородцы оказываютъ поддержку Ярославу, несмотря на то, что имѣли противъ него важную причину неудовольствія. Въ 1097 г. владимірскій князь, Давыдъ Игоревичъ, очень не хотѣлъ выдавать своихъ помощниковъ въ ослѣпленіи Василька, Туряка, Лазаря и Василя, но уступилъ волѣ владимірскаго вѣча, когда оно поставило въ зависимость отъ этой выдачи свое рѣшеніе защищать Давыда отъ угрожавшихъ ему князей. Въ 1102 г. Владиміръ Мономахъ и Святополкъ договорились вывести изъ Новгорода Мстислава Владиміровича и посадить тамъ сына Святополка. Новгородцы не согласились на эту смѣну и князья уступили имъ. Подобно этому, Изяславъ Мстиславичъ, не получивъ поддержки кіевскаго вѣча въ войнѣ съ Юріемъ 1147 г.,—отправляется на помощь къ черниговскимъ князьямъ съ одними только охотниками, не принуждая народъ къ походу. Въ 1216 г. Юрій Всеволодовичъ, прибѣжавъ во Владиміръ послѣ несчастной для него Липецкой битвы, созываетъ вѣче и предлагаетъ затвориться въ городѣ. Владимірцы, понесшіе большія потери на липецкомъ полѣ, не находятъ возможнымъ продолженіе борьбы. Князь уступаетъ имъ и проситъ только, чтобы они не выдали его противникамъ, а дали ему самому выйти изъ города. На это владимірцы согласились. Въ 1266 г. Ярославъ, переяславскій и новгородскій князь, прибылъ въ Новгородъ съ литовскими полками для того, чтобы идти войною на Псковъ, который только-что призналъ своимъ княземъ Довмонта Литовскаго. Новгородцы не согласились на этотъ походъ, князь уступилъ и отослалъ назадъ свои полки.

При возможномъ столкновеніи вѣча и князя послѣдній не всегда являлся совершенно одинокимъ: на его сторонѣ

могла быть болѣе или менѣе значительная часть вѣча, составлявшая его партію. При слабости собственныхъ силъ князя, столь характерной для древнѣйшаго періода нашей исторіи, эта возможность опереться на одну изъ вѣчевыхъ партій составляетъ для него главнѣйшее условіе успѣха.

Исходъ борьбы, смотря по отношенію силъ, выпадалъ или въ пользу князя и его партіи или въ пользу ихъ противниковъ. Но иногда къ военнымъ приготовленіямъ приступали только какъ къ средству устрашить противника и узнать, есть ли у него рѣшительное желаніе отстаивать свое мнѣніе съ оружіемъ въ рукахъ. Если такое желаніе дѣйствительно оказывалось, сторона, возбудившая рознь, нерѣдко обращалась къ мирнымъ средствамъ и вступала въ новое единеніе. Чрезвычайно любопытный примѣръ этому находимъ подъ 1220 г. Князь Всеволодъ былъ недоволенъ новгородскимъ посадникомъ Твердиславомъ и хотѣлъ смѣнить его, хотя за нимъ и не было никакой вины. По этому вопросу новгородцы раздѣлились: одни стали на сторонѣ князя, другіе—посадника. Такъ какъ никто не хотѣлъ уступить, то противники съѣхались на Ярославовомъ дворѣ, вооруженные какъ на рать, и выстроились другъ противъ друга въ боевомъ порядкѣ. «Князь же,—продолжаетъ лѣтописецъ,—узрѣвъ ряды ихъ (сторонниковъ Твердислава), оже хотятъ крѣпко животъ свой отдати, и не поѣха, но присла владыку Митрофана со всѣми добрыми повѣстьми. И сведе й владыка въ любовь, и крестъ цѣлова и князь и Твердиславъ. Богомъ и св. Софію крестъ возвеличенъ бысть, а дьяволъ попранъ, а братья всѣ вкупѣ быша». Въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ князя было не мало новгородцевъ, но посадника поддерживали два конца, а потому исходъ вооруженной борьбы могъ быть весьма сомнителенъ, что и заставило князя прекратить миромъ только-что возникшую рознь.

Если исходъ борьбы былъ въ пользу князя, онъ оставался на занимаемомъ имъ столѣ, а побѣжденная партія

должна была подчиниться волѣ побѣдителя, часто очень суровой.

Если перевѣсъ былъ на сторонѣ партіи вѣча, противной князю, послѣдній лишался стола. Такъ, напр., когда Изяславъ не согласился съ рѣшеніемъ кіевскаго вѣча, высказавшагося въ пользу продолженія войны съ половцами, кіевляне освободили изъ заключенія полоцкаго князя Всеслава и посадили его на столѣ; Изяславъ же принужденъ былъ бѣжать. Въ 1136 году новгородцы, недовольные управленіемъ Всеволода, показываютъ ему путь; то же самое дѣлаютъ они съ Ростиславичами въ 1154 г. и съ Ярославомъ Всеволодовичемъ въ 1270 г. Въ 1175 г. смольняне изгоняютъ Ярополка; въ 1176 г. владимірцы и переяславцы—Мстислава и Ярополка Ростиславичей и т. д.

Изгнаніе, впрочемъ, не всегда было послѣднимъ актомъ враждебнаго столкновенія князя съ вѣчемъ. Изгнанные князья нерѣдко находили поддержку въ другихъ волостяхъ и съ ихъ помощью мстили свои обиды. Эта новая, на этотъ разъ внѣшняя, война приводитъ опять къ новымъ комбинаціямъ, смотря по отношенію силъ.

Личность князя, обыкновенно, оставалась неприкосновенною, какъ бы далеко ни заходила рознь между нимъ и вѣчемъ. Самыя крайнія желанія недовольнаго княземъ вѣча состояли въ томъ, чтобы князь оставилъ волость. Это общее правило подвергалось только одному ограниченію: князь присуждался иногда къ временному заключенію. Но это дѣлалось въ видахъ безопасности, до пріѣзда новаго князя или до управы съ другими князьями, поддерживавшими сторону изгоняемаго; если бы князю была предоставлена свобода до окончательнаго установленія новаго наряда, это могло бы повести къ усиленію его партіи.

Нельзя сказать того же объ имуществѣ князя и личности его ближайшихъ приверженцевъ и слугъ. Имущество изгоняемаго князя подвергалось иногда грабежу. Такъ поступили, напр., кіевляне въ только-что приведенномъ примѣрѣ съ имуществомъ князя Изяслава. Въ 1158 г. тѣ же

кіевляне, въ отмщеніе князю Юрію, съ которымъ они никогда не умѣли ужиться, грабятъ по его смерти дворъ его и избиваютъ приведенныхъ имъ съ собою суздальцевъ.

Изгнаніе было весьма обыкновеннымъ исходомъ борьбы, кончавшейся не въ пользу князя, но не необходимымъ. Потерпѣвъ пораженіе, князь могъ войти въ новое единеніе съ вѣчемъ. Примѣръ этому находимъ подъ 1173 г. Извѣстны смуты, которыя происходили въ Галичѣ по поводу особаго покровительства, оказываемаго княземъ Ярославомъ «Настаськѣ» и «Чагровой чади». Несправедливость князя къ своей женѣ и сыну привела къ разрыву съ народомъ и совершенному торжеству послѣдняго: князь былъ взятъ, Чагрова чадь избита, Настаська сожжена, сынъ ея сосланъ въ заточеніе. Но народъ не пошелъ далѣе того, что было нужно для устраненія причины зла, и снова уладился, по выраженію лѣтописца, съ княземъ Ярославомъ. Новаго единенія съ народомъ хотѣлъ достигнуть и новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ, когда противной ему партіи удалось получить перевѣсъ на вѣчѣ и «исписать на грамоту всю вину его». Въ отвѣтъ на требованіе вѣча выѣхать изъ Новгорода, онъ шлетъ къ нему пословъ съ поклономъ и такими рѣчами: «того всего лишуся (т.-е. того, что взялъ несправедливо), а крестъ цѣлую на всей воли вашей». Новгородцы не согласились, и князь принужденъ былъ выѣхать. Эта готовность князей покончить новымъ единеніемъ раздѣлившее ихъ съ народомъ несогласіе объясняетъ не рѣдкій въ нашей древней исторіи фактъ вторичнаго призванія разъ уже изгнаннаго князя.

Какъ князья не оставались одинокими въ своей борьбѣ съ вѣчемъ и нерѣдко находили опору въ одной изъ партій, на которыя раздѣлялся народъ, такъ точно и вѣче въ борьбѣ съ княземъ нерѣдко находило помощь въ другихъ князьяхъ. Въ 1068 г. кіевляне, оставленные своимъ княземъ Всеславомъ, при вѣсти о приближеніи съ польскою помощью только-что изгнаннаго изъ Кіева Изяслава Ярославича, составляютъ вѣче и шлютъ приглашеніе къ братьямъ изгнан-

наго, Святославу и Всеволоду. Эти князья, отказываясь отъ предложеннаго имъ стола, даютъ такое обѣщаніе кіевлянамъ. «Мы пошлемъ къ брату своему: если пойдетъ на васъ съ ляхи губить васъ, то мы выдемъ противу ему ратью, не дадимъ погубить града отца своего; аще ли хощетъ съ миромъ, то въ малѣ придетъ дружинѣ!» Въ надеждѣ на эту помощь, кіевляне успокоились и приняли Изяслава. Въ 1148 г. Изяславъ Мстиславичъ, придя въ Новгородъ, созываетъ вѣче и держитъ такую рѣчь: «Се, братье! сынъ мой и вы прислалися есте ко мнѣ, оже вы обидитъ стрый мой, Юрій: нань есмь пришелъ сѣмо, оставя Русскую землю, васъ дѣля и вашихъ дѣля обидъ. А гадайте, братье, како нань пойти, а любо съ нимъ миръ возмемъ, паки ли съ нимъ ратью кончаемы». Новгородцы захотѣли войны, и волость Юрія была опустошена. Подобно этому, Мстиславъ Мстиславичъ приходитъ въ 1210 г. на помощь Новгороду «слышавъ насилье отъ князь». Въ 1211 г. Даніилъ, призванный галицкими боярами, противъ которыхъ замышляли недоброе галицкіе князья, Игоревичи, такими рѣчами убѣждаетъ передаться на свою сторону гражданъ Перемышля, еще остававшихся за послѣдними: «почто стоите при томъ князи, иже обидѣ васъ много? Я вашъ князь, на него пріидохъ вамъ въ помощь».

Такимъ образомъ, въ отношеніяхъ князя къ вѣчу проявляются тѣ же начала единенія и розни, которыя проникаютъ всю нашу древнюю жизнь. Для правильнаго пониманія этихъ отношеній необходимо обратить вниманіе на слѣдующее.

Во-1-хъ, война никогда не ведется противъ князя вообще, какъ формы государственнаго быта, она ведется только противъ отдѣльныхъ личностей княжескаго рода; самый же принципъ княжескаго правленія остается незыблемымъ. Нашей исторіи вовсе не извѣстенъ антагонизмъ князя и народа, стремленіе послѣдняго распространить свои права на счетъ правъ князя. Народъ сознаетъ свою неспособность устроиться безъ князя и понимаетъ необ-

ходимость дать ему высокое положеніе въ своей средѣ, безъ чего не было бы возможно достиженіе цѣлей призванія. Князь есть народная власть.

Во-2-хъ, при нелюбви древней Россіи къ строго выработаннымъ формамъ, при маломъ пониманіи ихъ важности, въ отношеніяхъ народа къ князю преобладаетъ характеръ добраго довѣрія. Соблюденіе вѣчевыхъ порядковъ не представляется настолько необходимымъ, чтобы безъ него не было возможно никакое совокупное дѣйствіе князя и народа. Князь, пользующійся популярностью, можетъ, напр., выступить на войну во главѣ сильнаго народнаго войска и безъ постановленія вѣча. Ему довольно посовѣтоваться съ своими боярами и затѣмъ послать биричей звать народъ; если князь пользуется расположеніемъ народа, народъ пойдетъ, хотя бы война преслѣдовала исключительно личныя цѣли князя; тѣмъ болѣе, когда война задумана въ интересѣ самого народа, напр., для отраженія половцевъ и под. По существу такая война носитъ на себѣ характеръ того же единенія народа съ княземъ, которое составляетъ необходимое условіе всякаго совокупнаго дѣйствія ихъ; но со стороны формы народъ является только исполнителемъ чужого рѣшенія. Эта возможность вести войну съ помощью народныхъ силъ, но помимо вѣчевого рѣшенія, давала князю большую свободу дѣйствія и не мало способствовала усиленію княжескихъ усобицъ, которыя, такимъ образомъ, ускользали отъ постояннаго контроля болѣе спокойной половины населенія. Призванный для отправленія правосудія, князь не только судилъ, но и установлялъ самъ формы своего суда и размѣры продажъ и виръ. Народъ же высказывался по этимъ вопросамъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда постановленія князей противорѣчили его справедливымъ ожиданіямъ. Такъ, напр., чрезмѣрная высота продажъ и виръ возбуждала протесты вѣча, а иногда приводила къ изгнанію князя.

Взаимныя отношенія князей. См. т. II Русск. юридич. древностей, стр. 150—335.

Власть московскихъ государей

Уяснить типъ власти въ Московскомъ государствѣ представляется весьма труднымъ, такъ какъ узаконеній, дающихъ точныя опредѣленія верховной власти, въ это время не было, а все держалось на обычаѣ живомъ, подвижномъ и не легко уловимомъ. Въ Московскомъ государствѣ мы еще встрѣчаемся съ нѣкоторыми отголосками стараго порядка вещей, съ нѣкоторымъ участіемъ народа въ государственныхъ дѣлахъ, которое выразилось въ формѣ земскихъ соборовъ. Рядомъ съ этимъ остаткомъ старины власть московскихъ государей постоянно усиливается и достигаетъ необычайнаго развитія. Это и затрудняетъ точное формулированіе характера власти московскихъ государей: съ одной стороны участіе народнаго представительства, съ другой — крайнее развитіе единоличной власти. Это послѣднее начало получило, однако, перевѣсъ; въ XVIII вѣкѣ имѣемъ уже дѣло единственно съ абсолютною властью императоровъ. Въ царствованіе Петра Великаго понятіе неограниченной самодержавной власти переходитъ въ законъ и получаетъ точное опредѣленіе.

Приступая къ подробностямъ, надо указать на тѣ вліянія, при которыхъ шло усиленіе царской власти московскихъ государей. На этотъ вопросъ давно обратили вниманіе наши историки и, кажется намъ, правильно на него отвѣтили. Это явленіе многопричинное. Ростъ царской власти обусловливается: 1) ученіемъ духовенства о божественномъ происхожденіи власти; 2) проповѣдью духовенства о повиновеніи и покореніи властямъ. Это двѣ самыхъ древнихъ причины. Дѣйствіе ихъ началось съ принятія христіанства. Съ возникновеніемъ Московскаго удѣла къ этимъ причинамъ присоединяется 3-я, переносъ метрополія въ Москву, сдѣлавшій этотъ городъ религіознымъ центромъ Россіи. Пребываніе митрополита въ Москвѣ выгодно отличило мо-

сковскаго князя отъ всѣхъ другихъ; а естественная съ этого времени близость его съ митрополитомъ и масса общихъ интересовъ должны были способствовать усиленію его власти. Въ своихъ собственныхъ интересахъ митрополитъ долженъ былъ поддерживать вел. князя московскаго. Въ 4-хъ, имѣетъ значеніе и причина, отмѣченная Карамзинымъ въ извѣстномъ выраженіи: «Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ». Въ 5-хъ, политика такихъ московскихъ государей, какъ Дмитрій Донской, Иванъ Васильевичъ, его сынъ и внукъ, царь Иванъ. Благодаря ихъ генію и дальнозоркости, возникаетъ идея недѣлимости великаго княженія, княжеская оазна наполняется деньгами, границы Московскаго государства расширяются и получается возможность установить обязательную службу помѣщикокъ и вотчинниковъ. Въ 6-хъ, надо признать и мысль Соловьева: лля возвышенія московскихъ князей надъ другими «нужна была помощь преданій имперіи: эти-то преданія и были принесены въ Москву Софіею Палеологъ». Но мысль эта мало у него разработана и, можетъ быть, не совершенно точно выражена: Иванъ Васильевичъ и до брака на греческой царевнѣ пользовался не меньшею властью, чѣмъ послѣ брака; пріѣздъ греческой царевны не могъ усилить его власти. Въ 7-хъ, прекращеніе династіи Рюриковичей и всенародное избраніе новой положило конецъ удѣламъ и навсегда закрѣпило мысль объ единомъ государствѣ и единомъ государѣ. Благодаря этому, власть царей новой династіи поднимается на высоту недостижимую для царей династіи Рюриковичей.

Власть московскихъ государей является результатомъ вѣковой работы нашей исторіи.

Въ княжескую эпоху власть князя разсматривалась какъ власть свѣтская, но уже и тогда духовенство высказывало мысль, что княжеская власть происходитъ отъ Бога. Въ Московскомъ государствѣ это воззрѣніе дѣлается господствующимъ и государи не только наслѣдственные, но даже и избранные соборами производятъ свою власть отъ Бога, называя себя богоизбранными государями. Точка зрѣнія духо-

венства такая: какъ единый Богъ есть творецъ всего, такъ точно долженъ быть и одинъ государь; единому Богу на небѣ соотвѣтствуетъ единый царь на землѣ. Царь разсматривается какъ покровитель православной вѣры. Въ этомъ смыслѣ и поучаетъ духовенство. Такъ высказался московскій митрополитъ Филиппъ по поводу желанія новгородцевъ «задаться» за короля польскаго и великаго князя литовскаго Казиміра. Въ концѣ XV в. въ Новгородѣ возникла партія, во главѣ которой стояла Мареа Борецкая, вдова посадника, женщина крайне честолюбивая; будучи недовольна московскими порядками, она хотѣла провести въ новгородскіе князья польскаго короля. Этой партіи удалось получить перевѣсъ на вѣчѣ и она отправила посольство къ польскому королю съ приглашеніемъ сдѣлаться новгородскимъ княземъ и прислать своего намѣстника. По поводу этого посольства къ королю, исповѣдующему римско-католическую вѣру, митрополитъ Филиппъ написалъ посланіе къ новгородцамъ. Онъ увѣщеваетъ ихъ не переходить къ латинскому государю, потому что «святыми отцами заповѣдано съ латинянами ничего общаго не имѣть». И православная церковь константинопольская, — продолжаетъ онъ, — пока оставалась вѣрною православію, стояла непоколебимою и сіяла, какъ солнце, а какъ соединилась съ латинянами, такъ и впала въ руки поганыхъ; не въ турецкихъ ли рукахъ она находится и нынѣ? вы знаете изъ примѣровъ, бывшихъ прежде, что всякое отступленіе отъ вѣры ведетъ къ разрушенію государства, къ этому ведетъ и непокорность богоподручному государю (т.-е. православному). Бога бойтесь, царя чтите, Божій бо слуга есть». Итакъ, необходимо признавать московскаго государя, такъ какъ это государь православный: отпаденіе отъ него разрушитъ и церковь и государство. Нѣкоторые духовные писатели идутъ еще дальше въ этомъ отношеніи: они разсматриваютъ русскихъ государей, какъ наслѣдниковъ православныхъ константинопольскихъ императоровъ; какъ православная церковь едина, такъ точно и русскій государь, по ихъ мнѣнію, долженъ быть надъ всѣми

государями государь. Такого рода мысль высказывается, напр., въ посланіи старца псковскаго Елеазарова монастыря. «Римъ и Константинополь пали, — говоритъ онъ, — первый отъ ереси, а второй отъ меча поганыхъ. Въ замѣнъ павшихъ царствъ служитъ русская церковь, русское царство. Въ русскомъ царствѣ совокупились и сложились всѣ прежнія государства. Русскій царь есть браздодержатель всѣхъ престоловъ. Подобно тому, какъ московская Успенская церковь есть одна во всей вселенной, такъ точно долженъ быть и одинъ государь во всей вселенной». Московскій государь представляется преемникомъ величія и славы римскихъ императоровъ. Ему долженъ принадлежать «титулъ Августа и скипетръ Константина». «Удѣльные князья должны быть въ полномъ у него подчиненіи; ихъ власть должна быть настолько ниже его власти, насколько власть всемірная выше власти какого-нибудь мелкаго удѣльнаго князя». Въ виду такихъ воззрѣній, нельзя удивляться, что въ нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ русскіе государи прямо производятся отъ римскихъ кесарей.

Мысль о томъ, что родъ Рюрика происходитъ отъ Августа, встрѣчается въ Степенной книгѣ [1]). Тамъ находимъ такую родословную Рюрика: «самодержавное царское скипетроправленіе, иже начася отъ Рюрика, иже бѣ отъ племени Пруссова, по его же имени русская земля именуется: Пруссъ же братъ бысть единоначальствующаго на землѣ римскаго Кесаря Августа».

Согласно съ указаннымъ воззрѣніемъ духовенства на значеніе государя, у насъ выработался въ XVI в. такой ти-

---

[1]) Степенная книга есть переработка лѣтописнаго матеріала. Названіе свое она получила отъ того, что излагаетъ русскую исторію по степенямъ князей, т.-е. по ихъ послѣдовательности. Она составлена въ XIV в. митрополитомъ Кипріаномъ. Кипріанъ, сербъ по происхожденію, извѣстенъ, какъ собиратель, исправитель и переводчикъ священныхъ книгъ. Онъ внесъ въ исправленныя имъ книги много особенностей сербскаго языка, съ его времени сербскій элементъ въ нашемъ языкѣ усилился. Въ XVI в. Степенная книга была переработана митрополитомъ Макаріемъ, составителемъ Четьи-Минеи.

тулъ московскаго царя: «благородный, христолюбивый, вседержавный, превысочайшій, всесвѣтлѣйшій, Богомъ избранный государь, самодержецъ вѣчный, истинный наставникъ христіанской вѣры, браздодержатель святыхъ божьихъ церквей, престоловъ всѣхъ епископовъ и, наконецъ, мудрый кормчій великаго корабля всего міра». Любопытно, что государь разсматривается даже какъ истинный наставникъ вѣры, а не только какъ покровитель церкви.

Но отсюда нельзя дѣлать заключенія, что русское духовенство, проводя такой взглядъ на значеніе государя, считало его власть совершенно произвольною; думало, что государь не имѣетъ никакихъ обязанностей. Ставя государя на такую высоту, оно считало его обязаннымъ дѣйствовать въ духѣ православной церкви. Въ сочиненіяхъ духовенства того времени часто говорится объ обязанности государя дѣйствовать въ духѣ христіанскаго ученія. Въ этомъ отношеніи весьма характерно посланіе Кирилла, основателя Кириллобѣлозерскаго монастыря. Обращаясь къ Василью Дмитріевичу, онъ говоритъ: «Сподобился если великія власти, но зато на тебѣ большой трудъ лежитъ и отвѣтственность»; само собой разумѣется, что подъ отвѣтственностью разумѣется здѣсь отвѣтственность передъ Богомъ, а не передъ людьми. Такія же мысли находимъ и въ поученіи архіепископа ростовскаго Вассіана, духовника великаго князя Ивана Васильевича. Вассіанъ обратился къ великому князю по поводу вторженія Ахмата. Ахматъ быстро подвигался къ Москвѣ, и Иванъ Васильевичъ хотѣлъ его встрѣтить съ оружіемъ, но въ концѣ концовъ склонился къ мнѣнію тѣхъ, которые совѣтовали ему удалиться въ безопасное мѣсто, отправивъ войско противъ Ахмата. Имѣя въ виду это намѣреніе Ивана Васильевича, Вассіанъ пишетъ ко нему посланіе, въ которомъ говоритъ: «Не слушай злыхъ совѣтовъ; что тебѣ совѣтуютъ? что внушили тебѣ твои приближенные? повергнуть щиты свои и этимъ окаяннымъ предать христіанство и отечество, а послѣ, какъ бѣгунцу, скитаться въ чужихъ земляхъ! Помысли, государь, изъ какой славы до какого безчестія хотятъ

довести твое царство, сколько народу погибнетъ, сколько церквей божіихъ останутся разоренными и оскверненными. Убойся, отъ твоихъ рукъ Богъ взыщетъ кровь людей русскихъ! И куда хочешь бѣжать, гдѣ воцаришься и кому оставишь свое царство? Оставь свое намѣреніе, возмогай о Господѣ, Богъ силенъ и не въ конской силѣ». Старецъ псковскаго монастыря Филофей пишетъ къ Василію: «Подобаетъ царствующему государю держать свое царство съ великимъ опасеніемъ. Бойся Бога, не уповай на злато, богатство и славу: все, что̀ здѣсь собирается, на землѣ и остается. Богатство не въ сокровищахъ заключается, а въ помощи требующимъ и нуждающимся».

Духовенство сознаетъ за собою обязанность дѣлать поученія царямъ, и государи выслушиваютъ такія поученія. Сознавалъ эту обязанность духовенства и Иванъ Грозный; онъ просилъ Стоглавый соборъ «воспретить ему безъ всякаго страха», если онъ будетъ «супротивенъ божественнымъ правиламъ: да жива будетъ душа его». Во время казанскаго похода въ царскомъ войскѣ возникли безпорядки: войско предалось грабежу, пьянству и всякаго рода излишествамъ. Распущенность эта коснулась и приближенныхъ къ государю лицъ и самого царя, который, какъ извѣстно, не отличался сдержанностью. Слухъ объ этомъ дошелъ до митрополита Макарія, и онъ обратился къ государю съ обличительнымъ посланіемъ, въ которомъ указывалъ на гибель Содома и Гоморры и совѣтовалъ ему соблюдать четыре евангельскихъ заповѣди: храбрость, мудрость, правду и цѣломудріе. Это посланіе было принято Иваномъ съ благодарностію, и онъ счелъ нужнымъ выразить это Макарію въ такихъ словахъ: «Писалъ еси, господине, къ намъ, научая насъ престать отъ грѣха и утверждая по благочестію побороти, и мы, господине, на твою грамоту челомъ бьемъ на просвѣщенныхъ твоихъ словесахъ».

Нѣкоторые отечественные писатели усматриваютъ гармоническое соединеніе церкви и государства въ Россіи; они полагаютъ, что мы избѣгли тѣхъ враждебныхъ столкновеній,

какія были въ Западной Европѣ, между свѣтской и духовной властями. Съ такимъ взглядомъ согласиться трудно: и у насъ дѣло не обошлось безъ серьезныхъ столкновеній. Признаніе за православной церковью свойства государственной церкви, а за представителями ея качествъ публичной власти—не могло не возбудить вопроса о томъ, какое же существуетъ отношеніе между этими двумя властями: свѣтской и духовной. При невозможности двоевластія вопросъ этотъ долженъ быть рѣшиться въ пользу подчиненія духовной власти свѣтской или наоборотъ. Оба рѣшенія невыгодны и для церкви, и для государства. При подчиненіи государства церкви, церковь беретъ на себя несвойственное ей завѣдываніе дѣлами міра сего; при подчиненіи церкви государству, государство принимаетъ на себя столь же несвойственное ему завѣдываніе дѣлами вѣры. Но прежде чѣмъ наша исторія пришла къ окончательному рѣшенію этого вопроса, она пережила рядъ столкновеній двухъ властей.

Сами князья ставили иногда духовное званіе выше свѣтскаго, иноческій чинъ выше княжескаго. Митрополиты же нисколько въ этомъ не сомнѣвались. Вотъ почему многіе князья постригаются передъ смертью въ монашество. Великій князь Василій Ивановичъ, чувствуя приближеніе смерти, пожелалъ принять иноческій чинъ; братъ его, князь Андрей Ивановичъ, и дворецкій Василія не хотѣли допустить къ нему митрополита для совершенія обряда постриженія. Митрополитъ Даніилъ настаивалъ на исполненіи воли умирающаго, угрожалъ Андрею лишеніемъ благословенія въ сей жизни и въ будущей и произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: «А того тебѣ у меня не отняти, зане же сосудъ серебрянъ добро, а позлащенъ—того лучше» Принятіе иноческаго чина это и было позлащеніе.

Въ торжественныхъ случаяхъ даже въ XVII в. существовали обряды, въ которыхъ царю отводилась служебная роль по отношенію къ патріарху. Въ вербную субботу царь ведетъ подъ уздцы осла, на которомъ сидитъ патріархъ; на пани-

хидныхъ обѣдахъ царь подаетъ собственноручно патріарху ѣства и питье.

Духовенство, въ силу принадлежащей ему власти «вязать и разрѣшать», является судьей князей. Были случаи отлученія князей отъ церкви послѣ ихъ смерти. Такъ, Игнатій, епископъ ростовскій, осудилъ князя Глѣба Васильковича и приказалъ изринуть тѣло его изъ церкви (1280). Хотя митрополитъ и не одобрилъ этого распоряженія, но этимъ существо дѣла нисколько не измѣнилось, такъ какъ митрополитъ самъ призналъ за епископомъ право исправлять князя при жизни.

Хотя царь, какъ видно изъ вышеприведеннаго титула, и называется наставникомъ православія, но та же роль и, конечно, еще въ большей мѣрѣ принадлежитъ духовенству. Могли быть столкновенія между свѣтскимъ учителемъ вѣры и духовенствомъ. Они, дѣйствительно, встрѣчались и кончались не всегда въ пользу князя. Такое столкновеніе было у Ивана III съ митрополитомъ Геронтіемъ. При освященіи Успенскаго собора въ Москвѣ митрополитъ обходилъ церковь противъ солнца, а великій князь утверждалъ, что нужно ходить посолонь. Митрополитъ разгнѣвался и уѣхалъ изъ Москвы въ Симоновъ монастырь. Царь долженъ былъ покаяться въ своей ошибкѣ и бить челомъ митрополиту о возвращеніи.

Другое столкновеніе, но въ гораздо сильнѣйшей степени, было между Иваномъ Грознымъ и митрополитомъ Филиппомъ. Филиппъ происходилъ изъ рода Колычевыхъ; онъ обратилъ на себя вниманіе всей Россіи святостью жизни. Будучи приглашенъ изъ Соловецкаго монастыря въ Москву для занятія митрополичьяго престола, онъ поставилъ условіемъ уничтоженіе опричнины. Убѣждаемый духовенствомъ, онъ рѣшился, однако, принять каѳедру при существованіи опричнины, но пользовался всякимъ случаемъ для публичныхъ поученій царя, съ цѣлью воздержать его отъ совершаемыхъ имъ жестокостей и несправедливостей. Царь, выведенный изъ терпѣнія, назначилъ судъ надъ митрополитомъ;

судъ лишилъ его сана и приговорилъ къ заключенію въ монастырь, гдѣ онъ, говорятъ, и былъ задушенъ Малютой Скуратовымъ. Столкновеніе, такимъ образомъ, окончилось въ пользу царя, но это было частное рѣшеніе отдѣльнаго случая, а не принципіальное; отношенія свѣтской и духовной власти продолжали оставаться невыясненными. Послѣдовавшія событія скорѣе усилили трудности положенія, чѣмъ сгладили ихъ. Отецъ Михаила Ѳедоровича былъ сдѣланъ патріархомъ и сталъ писаться наравнѣ съ сыномъ великимъ государемъ. Челобитье князя Петра Рѣпнина дало поводъ Михаилу Ѳедоровичу высказаться объ отношеніи государя-царя къ государю-патріарху: «каковъ онъ—государь, таковъ и отецъ его, ихъ государское величество нераздѣльно». Это формально признанное царскимъ указомъ двоевластіе. Прецедентъ чрезычайно опасный и не оставшійся безъ печальныхъ послѣдствій: патріархъ Никонъ также писался великимъ государемъ. Будучи еще новгородскимъ митрополитомъ, онъ настоялъ на перенесеніи мощей митрополита Филиппа въ Москву. Царь долженъ былъ по этому случаю принести торжественное покаяніе въ грѣхахъ прадѣда своего, царя Ивана. Призванный въ 1652 г. на патріаршій престолъ, Никонъ долго отказывался. Царь палъ передъ нимъ на землю. Примѣру его послѣдовали и окружающіе. Стоя на колѣняхъ и обливаясь слезами, Алексѣй Михайловичъ молилъ Никона принять избраніе. Новгородскій митрополитъ, наконецъ, уступилъ всеобщему моленію. Но принимая патріаршій престолъ, онъ предложилъ свои условія. Обращаясь къ предстоящимъ, онъ спросилъ: будутъ ли они почитать его, какъ архипастыря и отца, и дадутъ ли ему устроить церковь?» Всѣ клялись, что будутъ и дадутъ. При такой унизительной для свѣтской власти обстановкѣ вступилъ Никонъ на патріаршій престолъ. Взглядъ его на власть патріарха съ полною ясностью высказался, когда между нимъ и царемъ возникли недоразумѣнія. Никонъ былъ послѣдователенъ. Въ объясненіи на обвинительные пункты онъ писалъ: «Не отъ царей начальство священства пріемлется, но отъ священства

на царство помазуются. Явлено много разъ, что священство выше царства...» Предстоящій судъ на соборѣ съ участіемъ вселенскихъ патріарховъ не очень устрашалъ Никона. «Дайте мнѣ только дождаться собора,—говорилъ онъ,—я великаго государя оточту отъ христіанства; уже у меня и грамота заготовлена». Судъ осудилъ патріарха, но не разрѣшилъ вопроса объ отношеніи двухъ властей. Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ Петромъ уничтоженіемъ патріаршества и подчиненіемъ церкви государству.

Спрашивается, какимъ образомъ духовенство смотрѣло на государя въ томъ случаѣ, когда онъ велъ себя въ противность предписаніямъ православной церкви? Считало оно возможнымъ въ этомъ случаѣ сопротивленіе свѣтской власти? По отношенію къ этому вопросу преобладающее мнѣніе духовенства состояло въ томъ, что государю нужно оказывать безусловное повиновеніе, если бы даже онъ велъ себя несогласно съ требованіями христіанскаго ученія. На вопросъ о томъ, всякій ли царь, даже и нечестивый, поставленъ отъ Бога, встрѣчаемъ такой отвѣтъ: «Недостойный царь поставляется за недостоинство людей, по злобѣ ихъ, по Божію попущенію и хотѣнію. Если видишь недостойнаго царя, не дивися, поучайся и вѣруй, что по беззаконію нашему нашимъ мучителямъ предаемся». Иное воззрѣніе высказалъ Іосифъ Волоколамскій; онъ находилъ возможнымъ сопротивленіе недостойному царю и приводилъ въ доказательство примѣръ трехъ вавилонскихъ отроковъ, которые не только не покорились велѣніямъ царя, но даже «врага беззаконника нарѣкоша его» [1]).

Какъ сами государи смотрѣли на свою власть? Узаконеній, которыя давали бы опредѣленіе власти, не было; мы встрѣчаемся только со случайно высказанными взглядами государей на ихъ власть. Такія заявленія имѣемъ отъ Ивана III и внука его, Ивана Грознаго. Иванъ III высказался въ из-

[1]) Вопросъ объ отношеніи свѣтской власти къ духовной подлѣе изложенъ во II т. Древностей, стр. 518—622.

вѣстныхъ переговорахъ съ Новгородомъ. Послѣ покоренія Новгорода новгородцы нашли нужнымъ спросить: «какъ государь желаетъ въ Новгородѣ государствовати?» Іоаннъ отвѣчалъ: «вѣчу не быть, посадникамъ не быть; волостямъ быти, селамъ быти». «Вѣчу не быть, посадникамъ не быть», это означаетъ отмѣну стараго вѣчевого порядка и выборныхъ представителей власти. Подъ выраженіемъ «волостямъ быти, селамъ быти» разумѣется то, что̀ государь требовалъ, чтобы въ его частную собственность были выдѣлены волости и села, которыя онъ могъ бы раздавать своимъ служилымъ людямъ на условіи службы. Въ Новгородѣ соглашаются на это, но просятъ, чтобы условія, предложенныя великимъ княземъ и принятыя новгородцами, были скрѣплены крестнымъ цѣлованіемъ. Иванъ III отказывается отъ крестнаго цѣлованія: государь не обязывается передъ подданными крестнымъ цѣлованіемъ [1]).

Воззрѣнія на власть, которыя были высказаны Иваномъ IV, находимъ въ его перепискѣ съ Курбскимъ. Эта переписка происходила послѣ того, какъ царь удалилъ отъ себя своихъ прежнихъ совѣтниковъ, Сильвестра и Адашева. Князь Курбскій, опасаясь смерти, бѣжалъ въ Литву, оттуда писалъ Ивану Грозному письма, которыя были наполнены упреками царю въ томъ, что онъ отступилъ отъ старыхъ обычаевъ и сталъ управлять самовластно не слушая бояръ и совѣтниковъ. Въ письмѣ Курбскаго любопытно то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что Иванъ Грозный избилъ всѣхъ Богомъ данныхъ ему совѣтниковъ. По воззрѣніямъ того времени, не только государь дается Богомъ, но и бояре, совѣтники государя, даны ему Богомъ.

Въ своемъ отвѣтѣ царь исходитъ изъ той христіанской мысли, «что земля правится Божіимъ милосердіемъ, и Пречистыя Богородицы милостію, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословеніемъ, и послѣди нами, го-

[1]) Переговоры, происходившіе между Иваномъ Васильевичемъ и Новогородцами, подробно изложены во II т. Древностей, стр. 41—49.

сударями своими, а не судьями и воеводами». Изъ этого божественнаго порядка возникаетъ для христіанскаго государя задача привести подданныхъ своихъ къ познанію истиннаго Бога. Таковъ христіанскій идеалъ царя Ивана Грознаго. Этотъ Богомъ поставленный царь, долженствующій дать торжество христіанской истинѣ, самъ лично управляетъ своимъ государствомъ, а не подчиняется своимъ совѣтникамъ. Христіанскій государь воленъ жаловать и казнить своихъ подвластныхъ, и такъ всегда было на Руси. Но эти казни и милости не произволъ. Русскіе государи благимъ воздаютъ благое, а злымъ злое. Они казнятъ только злодѣевъ, но гдѣ же ихъ любятъ и милуютъ? Мукъ же, гоненій и смертей многообразныхъ ни на кого не умышляютъ. Эту власть, которая имѣетъ въ христіанской вѣрѣ предустановленную цѣль, царь называетъ самодержавной. Самодержавіе Грознаго обозначаетъ самостоятельность власти по отношенію къ совѣтникамъ, боярамъ и вельможамъ, а не право дѣлать что угодно, ибо цѣли власти даны истинною вѣрою. При Иванѣ Грозномъ возникаютъ у насъ земскіе соборы. Событія, предшествовавшія учрежденію опричнины, показываютъ, что царю нужно было что-то вродѣ согласія народа даже на учрежденіе опричнины и предварительное одобреніе народомъ послѣдовавшихъ затѣмъ казней и убійствъ. Царь получилъ это одобреніе. Это случилось такъ.

3-го декабря 1564 г. онъ со всѣмъ семействомъ выѣхалъ изъ Москвы въ село Коломенское, а оттуда въ село Тайнинское. Выѣздъ этотъ былъ не похожъ на прежніе. Царь взялъ съ собой всю казну, иконы, многихъ бояръ, дворянъ и приказныхъ людей. Въ Москвѣ всѣ были въ недоумѣніи. Ровно черезъ мѣсяцъ это недоумѣніе разрѣшилось: царь прислалъ изъ слободы списокъ, въ которомъ описаны были измѣны боярскія, воеводскія и всякихъ приказныхъ людей, Къ гостямъ же, къ купцамъ, посадскимъ людямъ и ко всему православному христіанству Москвы царь прислалъ особую грамату и велѣлъ ее передъ всѣми прочесть. Въ ней онъ

писалъ, чтобы они никакого сомнѣнія не держали, что гнѣва на нихъ и опалы никакой нѣтъ. Когда эта грамата была прочтена, между народомъ раздались рыданія и вопли: «къ кому прибѣгнемъ, кто избавитъ отъ нашествія иноплеменниковъ?» Была составлена отвѣтная грамата, въ которой народъ просилъ царя не оставлять Москвы, а что касается до измѣнниковъ, «то, говорилось въ грамотѣ, мы за нихъ не стоимъ и готовы ихъ истребить». Государь принялъ народное челобитье, но съ тѣмъ, чтобы на всѣхъ измѣнниковъ опалы класть, а иныхъ казнить и имѣніе отбирать ,чего ради учредить опричнину. Опредѣлены были города и волости, съ которыхъ доходы шли на государевъ обиходъ, на жалованье боярамъ, дворянамъ и всякимъ людямъ, которые будутъ въ опричнинѣ. Опричникамъ помѣстья были даны въ тѣхъ городахъ, которые взяты въ опричнину, а вотчинники и помѣщики, которымъ не быть въ опричнинѣ, изъ этихъ городовъ выведены и получили земли въ другихъ мѣстахъ. Въ самой Москвѣ были взяты нѣкоторыя улицы и слободы и въ нихъ велѣно было жить только опричникамъ. Старые вельможи остались при своихъ старыхъ должностяхъ, но обязаны были въ важнѣйшихъ случаяхъ обращаться къ царю за указами. Устроивъ опричнину, Іоаннъ поселился въ Александровской слободѣ. Пошли казни и всякія безчинія. Ограничимся немногими примѣрами. Разсказываютъ, что въ 1567 г. нѣкоторые изъ важнѣйшихъ бояръ: кн. Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій и конюшій Иванъ Петровичъ Ѳедоровъ получили грамоты отъ польскаго короля Сигизмунда съ подговоромъ измѣнить московскому государю. Эти письма бояре представили царю съ отвѣтомъ, который просили передать королю. Были ли эти письма дѣйствительно отъ польскаго короля, или подосланы самимъ Грознымъ, чтобы испытать бояръ, во всякомъ случаѣ, измѣны со стороны бояръ не было. Несмотря на это, Іоаннъ далъ ходъ своему гнѣву. Сперва онъ принялся за конюшаго, призвалъ его къ себѣ, велѣлъ одѣться въ порфиру, посадилъ на тронъ и послѣ многихъ издѣвательствъ самъ

пронзилъ его кинжаломъ. Тогда же были казнены и многіе другіе бояре: князь Куракинъ, Ряполовскій, три князя Ростовскіе, Пронскій и Щенятевъ. Въ 1568 г. опричники, во главѣ которыхъ были кн. Вяземскій и Малюта Скуратовъ, напали въ Москвѣ, ночью, на дома бояръ и купцовъ; схватили ихъ женъ и дѣвицъ и вывезли за городъ въ свою стоянку; царь принималъ во всемъ этомъ участіе. Натѣшившись вдоволь, увезенныхъ развезли обратно по домамъ.

Вслѣдъ за усиленіемъ царской власти появляются и первыя попытки къ ея ограниченію.

Описывая полезную дѣятельность Сильвестра и Адашева въ первые годы царствованія Ивана Васильевича, кн. Курбскій говоритъ:

«Отгоняетъ (Сильвестръ) отъ него (отъ царя) оныхъ предреченныхъ прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь ласкателей и человѣкоугодниковъ... и присовокупляетъ къ себѣ въ помощь архіерея (Макарія) онаго великаго города, и къ тому всѣхъ предобрыхъ и преподобныхъ мужей, презвитерствомъ почтенныхъ... Собираютъ къ нему совѣтниковъ, мужей разумныхъ и свершенныхъ, во старости маститей сущихъ, благочестіемъ и страхомъ Божіимъ украшенныхъ; яко безъ ихъ совѣту ничего же устроити или мыслити... И нарицались тогда оные совѣтницы у него избранная рада. Воистину по дѣломъ и нареченіе имѣли, понеже все избранное и нарочитое совѣты своими производили, сирѣчь: судъ праведный, нелицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому... и къ тому воеводъ, искусныхъ и храбрыхъ мужей, сопротивъ враговъ избираютъ, и стратилатскіе чины устрояютъ».

Итакъ, у молодого царя были опекуны, которые удалили отъ него людей вредныхъ и окружили его хорошими. Эти хорошіе люди составили «избранный его совѣтъ», безъ котораго онъ ни дѣлать, ни даже мыслить ничего не могъ.

Ограниченіе своей власти новыми любимцами и «избранной радой», составъ которой ему навязывали, подтверждаетъ и царь. Въ его отвѣтѣ на первое посланіе Курбскаго читаемъ:

«И того въ своей злобѣ не могъ еси разсудити, упрекаетъ онъ Курбскаго, нарицая благочестіе, еже подъ властію нарицаемаго попа и вашего злочестія повелѣнія самодержству быть!» 162. «Или мниши сіе быти свѣтлость благочестивая, еже обладатися царству отъ попа невѣжи, отъ злодѣйственныхъ, измѣнныхъ человѣкъ и царю повелѣваемому быти?» 171.

А далѣе, въ томъ же письмѣ, находимъ мѣсто во всѣхъ частностяхъ подтверждающее выше сдѣланную выписку изъ сказанія Курбскаго:

«Тако же Селивестръ и со Алексѣемъ сдружился и начаша совѣтовати отай насъ (тайно), мнѣвше насъ не разсудныхъ суща. И тако, вмѣсто духовныхъ, мірская начаша совѣтовати, и тако по малу всѣхъ васъ, бояръ, начаша въ самовольство приводити, нашу же власть съ насъ снимающе и въ противословіе васъ приводяще, и честію мало васъ не съ нами ровняюще... По семъ же отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъ насъ отъяша».

Итакъ, организованный Сильвестромъ и Адашевымъ совѣтъ похитилъ царскую власть, царь былъ въ немъ только предсѣдателемъ, совѣтники рѣшали все по своему усмотрѣнію, мнѣнія царя оспаривались и отвергались; должности, чины и награды раздавались совѣтомъ. Это говоритъ царь, это подтверждаетъ и противникъ его кн. Курбскій.

Но избранная рада не ограничилась одной практикой, ей удалось оформить свои притязанія и провести въ Судебникъ ограниченіе царской власти. Въ статьѣ 98 царскаго Судебника было постановлено:

«А которые будутъ дѣла новые, а въ семъ судебникѣ не писаны, и какъ тѣ дѣла, съ государева докладу і со всѣхъ бояръ приговору, вершатца, і тѣ дѣла в семъ судебникѣ приписывати».

Для пополненія Судебника новыми законодательными опредѣленіями требуется приговоръ «всѣхъ бояръ». Это несомнѣнное ограниченіе царской власти и новость: царь только

председатель боярской коллегіи и безъ ея согласія не можетъ издавать новыхъ законовъ. Жалобы Грознаго были совершенно основательны. Требованіе Судебника о приговорѣ «всѣхъ бояръ» относится къ будущему и, конечно, никогда не было приведено въ исполненіе; въ настоящее же время царя ограничивалъ не совѣтъ всѣхъ бояръ, а только нѣкоторыхъ. Въ составленіи Судебника принимали участіе не всѣ бояре. Во вступленіи къ нему сказано: «і великій князь Иванъ Васильевичъ вся Руси и съ своею братьею и съ бояры сей судебникъ уложилъ»..

Изъ кого же состоялъ этотъ совѣтъ, продиктовавшій ограниченіе царской власти? Судя по тому, что Курбскій называетъ его «избранной радой», надо думать, что въ составъ его входили не всѣ думные люди, а только нѣкоторые изъ нихъ, избранные. Во главѣ этого совѣта стояли попъ Сильвестръ и окольничій Алексѣй Адашевъ. Кто другіе члены и сколько ихъ было, этого съ точностью мы не можемъ сказать. Царь называетъ еще только трехъ: кн. Андрея Курбскаго, боярина съ 1556 года, кн. Дмитрія Курлятева, боярина съ 1549 года, и кн. Ростовскаго Семена, о которомъ Шереметевская боярская книга ничего не знаетъ. Курбскій, кромѣ митрополита Макарія и нѣсколькихъ пресвитеровъ, упоминаетъ только о трехъ Морозовыхъ, «почтенныхъ сигклитскимъ саномъ»: Михаилѣ, пожалованномъ окольничествомъ въ 1548 и боярствомъ въ 1549 году, Владимірѣ, получившемъ званіе окольничаго въ 1550, и Львѣ, прозваніемъ Салтыковъ,—оружничемъ съ 1550 и окольничемъ съ 1553 года. Но мы не можемъ утверждать, что этими членами и ограничивался составъ рады; есть указанія и на другихъ. Съ паденіемъ Сильвестра и Адашева пало и значеніе избранной рады. Слѣдующая такая же попытка относится ко времени, послѣдовавшему за смертью Өедора Ивановича.

Есть основаніе думать, что бояре хотѣли ограничить уже Бориса. Царю же Василію Шуйскому былъ предложенъ рядъ пунктовъ, которые онъ и утвердилъ присягой. Пункты эти

слѣдующіе: онъ обязался никого не предавать смерти, «не осудя истиннымъ судомъ съ бояры», и не отбирать имѣнія у родственниковъ преступниковъ, если они не участвовали въ преступленіи. Еще болѣе важныя ограниченія были предложены польскому королевичу, Владиславу. Измѣненія судныхъ обычаевъ и судебниковъ онъ долженъ былъ дѣлать не иначе, какъ съ согласія бояръ и всей земли. Для увеличенія налоговъ требовалось согласіе думы. Пункты, принятые Шуйскимъ, были приняты и Владиславомъ. Съ Михаила Ѳедоровича тоже была взята запись, но она до насъ не дошла. Котошихинъ говоритъ, что со всѣхъ выбираемыхъ царей брали записи; только съ одного Алексѣя Михайловича не взяли, такъ какъ «разумѣли его гораздо тихимъ».

Воззрѣніе на власть государя, какъ на власть абсолютную еще не сложилось окончательно въ Московскомъ государствѣ. Одни изъ государей проводили это воззрѣніе съ большей энергіей, другіе слабѣе, но въ законѣ оно еще не было выражено, а потому и было предметомъ полемики въ перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ. Рядомъ съ властью, принадлежавшею государю, встрѣчаемся еще и съ нѣкоторой долей участія подданныхъ въ верховной власти. Это участіе проявлялось въ формѣ земскихъ соборовъ, къ разсмотрѣнію которыхъ теперь и приступаемъ.

Земскіе соборы

Учрежденія европейскихъ государствъ въ средніе вѣка представляютъ многія черты сходства, несмотря на глубокое различіе политической жизни тѣхъ народовъ, у которыхъ это сходство наблюдается. Мы сопоставимъ особенности земскихъ соборовъ Московскаго государства съ тѣмъ, что̀ намъ извѣстно о французскихъ генеральныхъ штатахъ и о первоначальномъ видѣ англійскаго представительства, за первыя сто лѣтъ его существованія. Сходства этихъ учрежденій такъ многосторонни, что никакъ не могутъ быть приписы-

ваемы случаю, а должны быть объясняемы дѣйствіемъ одинакихъ причинъ [1]).

Дѣйствіе одинакихъ причинъ обнаруживается уже въ сходствѣ условій, при которыхъ возникли представительныя учрежденія въ трехъ названныхъ государствахъ.

Въ исторіи многихъ народовъ наблюдается такой моментъ, когда первичныя народныя собранія (племенныя, у насъ вѣчевыя) переходятъ во вторую стадію своего развитія, въ которой получаютъ характеръ представительныхъ учрежденій. Этотъ моментъ совпадаетъ съ переходомъ племенного устройства въ народное (народъ—какъ совокупность отдѣльныхъ племенъ) и соотвѣтствуетъ образованію болѣе крупныхъ государственныхъ тѣлъ. По мѣрѣ того, какъ территорія государства расширяется, первичныя народныя собранія теряютъ подъ собой почву и мало-по-малу вовсе выходятъ изъ употребленія. Это явленіе вымиранія древняго народнаго учрежденія условливается нѣкоторыми общими причинами, къ которымъ могутъ присоединиться и частныя, составляющія особенность каждаго отдѣльнаго государства. Между обшими причинами важное значеніе принадлежитъ уже самому факту отдаленности мѣста собранія, которое теперь одно для всего объединеннаго государства, и проистекающая отсюда затруднительность переѣзда. Но къ этой причинѣ присоединяется и другая, имѣющая едва ли не большее еще значеніе. Она состоитъ въ томъ, что самый интересъ къ народнымъ собраніямъ ослабляется. Расширеніе государства вызываетъ осложненіе его отправленій, а вмѣстѣ съ этимъ возникаютъ такіе вопросы, которые могутъ быть мало понятны всей совокупности свободныхъ жителей каждой отдѣльной мѣстности. Эти причины и приводятъ, съ теченіемъ

---

[1]) На однородность нашихъ земскихъ со́боровъ съ подобными же учрежденіями западной Европы указано уже Б. Н. Чичеринымъ въ его книгѣ «О представительствѣ», стр. 355. Къ сожалѣнію, почтенный авторъ ограничивается однимъ краткимъ указаніемъ на сходства въ началѣ отдѣла, посвященнаго земскимъ соборамъ въ Россіи, почти не возвращаясь къ нимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

времени, къ измѣненію первоначальнаго характера народныхъ собраній: изъ личныхъ, на которыхъ каждый присутствуетъ въ силу лично ему принадлежащаго права, они переходятъ въ представительныя, члены которыхъ посылаются избирателями, въ силу предоставленнаго этимъ послѣднимъ права принимать участіе въ народныхъ собраніяхъ чрезъ посредство своихъ выборныхъ [1]). Впрочемъ, это измѣненіе идетъ не далѣе дѣйствія причины, его вызвавной. Если въ составѣ новаго государства оказываются лица, положеніе которыхъ допускаетъ поголовное участіе въ новыхъ собраніяхъ, они призываются къ нимъ лично, попрежнему, а не чрезъ представителей.

Согласно дѣйствію этихъ общихъ причинъ, представительныя учрежденія Англіи, Франціи и Московскаго государства возникаютъ въ такое время, когда въ силу новыхъ условій, при которыхъ сложились эти государства, народныя собранія сдѣлались невозможными въ ихъ первичной формѣ. Въ Россіи первое собраніе выборныхъ было созвано около 1549 г., во Франціи—въ 1302 г., въ Англіи то же явленіе совершилось въ два пріема, раздѣленныхъ одинъ отъ другого значительнымъ промежуткомъ времени: первое собраніе выборныхъ отъ рыцарей относится къ 1214 г. и выпадаетъ на царствованіе Ивана Безземельнаго; первое же собраніе выборныхъ отъ городовъ относится къ 1264 г. и выпадаетъ на царствованіе Генриха III.

[1]) По отношенію къ разсматриваемому вопросу имперія Карла Великаго представляетъ образчикъ переходнаго состоянія. Народныя собранія въ первичной формѣ оказываются несоотвѣтствующими громаднымъ размѣрамъ имперіи; начала же представительства она не успѣла еще выработать, такъ какъ недоставало второго условія, необходимаго для его появленія, именно—національнаго единства. Въ силу этого мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ переходнымъ явленіемъ: рядомъ съ общими народными собраніями, въ старой формѣ, существуютъ мѣстныя народныя собранія по отдѣльнымъ областямъ, на которыхъ и предлагаются къ принятію новые законы, долженствующіе служить пополненіемъ мѣстныхъ народныхъ законовъ.

Ближайшія причины созванія первыхъ выборныхъ заключались въ слѣдующемъ.

Распространеніе предѣловъ Московскаго княженія, начавшееся съ XIV в., достигаетъ къ царствованію Ивана Грознаго значительныхъ размѣровъ. Москва поглощаетъ къ этому времени почти всѣ княженія, прилегавшія къ ея границамъ и образуетъ, сравнительно, весьма крупное государственное тѣло. Это дѣло объединенія совершается благодаря примысламъ Дмитрія Донскаго, Василія Дмитріевича, Ивана Васильевича и Василія Ивановича и тому новому порядку въ распредѣленіи удѣловъ между сыновьями московскаго государя, начало которому положено политической прозорливостью Дмитрія Донскаго. Въ дѣлѣ объединенія русской земли дѣятельное участіе принимали и московскіе бояре. Не составляя политическаго цѣлаго съ опредѣленными правами, московскіе бояре распадались на партіи, которымъ удавалось, благодаря благосклонности московскихъ государей, оказывать сильное вліяніе на дѣла управленія. Въ малолѣтство Грознаго боярское правленіе достигло высшей степени самовластія и своими несправедливостями вызвало народную смуту, однимъ изъ кровавыхъ эпизодовъ которой было убіеніе въ московскомъ Успенскомъ соборѣ Юрія Глинскаго, родного дяди государя. Иванъ Грозный вознамѣрился положить конецъ злоупотребленіямъ боярскаго правленія. Въ 1549 г. (или около) онъ созываетъ въ Москву выборныхъ изъ городовъ отъ людей всякаго чина и объявляетъ имъ, что съ настоящей минуты онъ будетъ самъ «судія и оборона» своему народу, что въ предшествовавшихъ злоупотребленіяхъ виноваты бояре, а онъ неповиненъ въ пролитой ими крови. Мысль государя совершенно понятна. Въ малолѣтство Ивана бояре дѣйствовали его именемъ: народъ легко могъ приписать ихъ дѣйствія волѣ царя и отшатнуться отъ него. Чтобы предупредить это возможное послѣдствіе боярскаго самоуправства, онъ указываетъ народу настоящихъ виновниковъ его бѣдствій и угрожаетъ воздать имъ по дѣламъ ихъ. Отрекаясь отъ бояръ, царь, естественно,

ищетъ опоры въ народѣ. Такова мысль нашего перваго собора.

Что сдѣлали предшественники Ивана Грознаго для Россіи, то было сдѣлано предшественниками Филиппа Красиваго для Франціи. При восшествіи на престолъ Гуго Капета, Франція достигла величайшей степени политическаго разложенія, начавшагося по смерти Карла Великаго. Значеніе королевской власти пало. Административные округи имперіи Карла Великаго обратились почти въ самостоятельныя государства, которыя стояли только въ номинальной зависимости отъ французскихъ королей. Только путемъ долгаго историческаго процесса, благодаря энергической пріобрѣтательной политикѣ Филиппа-Августа и Людовиковъ VIII и IX-го, французскимъ королямъ снова удалось соединить въ своихъ рукахъ значительныя владѣнія и обуздать своеволіе феодальныхъ господъ. Рядомъ съ этимъ шло освобожденіе городовъ. Французскіе короли, взявъ подъ свое покровительство городское населеніе, среди котораго обнаружилось стремленіе высвободиться изъ-подъ гнета феодальной власти, помогли образованію третьяго сословія, какъ новой политической силы, дотолѣ неимѣвшей никакого значенія въ государствѣ. При восшествіи на престолъ Филиппа Красиваго Франція представляется въ значительной степени объединеннымъ государствомъ, свободное населеніе котораго состоитъ не изъ однихъ рыцарей: на ряду съ ними значительной долей самостоятельности пользуются и городскія общины. Филиппъ Красивый, энергически продолжавшій пріобрѣтательную политику своихъ предшественниковъ, крайне нуждался въ деньгахъ и добывалъ ихъ самыми произвольными средствами. Не довольствуясь тѣмъ, что принесла ему конфискація еврейской собственности, новые тяжелые налоги и произвольное измѣненіе цѣнности монеты, онъ обратилъ свои взоры и на имущество духовенства: всѣ свободныя духовныя бенефиціи были отобраны въ пользу короны, а остальное имущество духовенства было обложено высокимъ налогомъ. Эти крайнія мѣры вовлекли Филиппа въ столкновеніе съ папой

Бонифаціемъ VIII. Въ 1302 г. папа издалъ грозную буллу, которой созывался въ Римѣ соборъ для суда надъ королемъ. Въ отвѣтъ на это объявленіе войны духовной власти противъ свѣтской, Филиппъ созываетъ депутатовъ, въ составъ которыхъ входятъ феодальные господа, духовенство и горожане. Мысль французскаго короля понятна; въ предстоящей ему борьбѣ съ духовной властью, которая имѣла не мало союзниковъ даже въ предѣлахъ его собственнаго государства, какъ среди свѣтской аристократіи, такъ и духовенства,—онъ желаетъ опереться на содѣйствіе всего народа.

Объединеніе Англіи совершилось гораздо ранѣе объединенія Россіи и Франціи. Уже въ самый моментъ завоеванія ея норманнами она представляла значительное политическое тѣло. Но единство Англіи при Вильгельмѣ Завоевателѣ было чисто внѣшнее. Разнородные элементы, вошедшіе въ составъ новаго государства, составляли одно цѣлое только благодаря военному преобладанію норманновъ. Чтобы племенная рознь саксовъ, датчанъ и норманновъ улеглась, и изъ этихъ чуждыхъ другъ другу элементовъ образовалась единая нація, нужно было значительное время. Этотъ процессъ умиротворенія дѣлаетъ замѣтные успѣхи къ царствованію Генриха III. Къ этому времени Англія теряетъ характеръ вооруженнаго лагеря; къ этому времени получаютъ нѣкоторое значеніе и города, находившіеся, съ самой эпохи завоеванія, въ безусловной зависимости отъ своихъ феодальныхъ господъ [1]). Благодаря тому обстоятельству, что политическое объединеніе Англіи совершилось ранѣе національнаго, представительныя учрежденія этой страны возникли въ два пріема: сперва призывылись представители отъ ры-

[1]) Освобожденіе городовъ является въ западныхъ государствахъ однимъ изъ условій образованія представительства. Этого условія не замѣчаемъ въ Московскомъ государствѣ. Различіе это объясняется инымъ положеніемъ нашихъ городовъ: они не находились въ феодальной зависимости, а всегда стояли въ непосредственныхъ къ государю отношеніяхъ. Объ освобожденіи ихъ, поэтому, у насъ не могло быть и рѣчи.

царей, которые одни и составляли, по счастливому выраженію Гизо, политическую націю Англіи; только нѣкоторое время спустя къ нимъ присоединились выборные отъ городовъ.

Въ силу обычаевъ феодальнаго права, всѣ непосредственные вассалы короля могли принимать лично участіе въ собраніяхъ королевскаго двора какъ для суда, такъ и для рѣшенія всякихъ другихъ вопросовъ публичнаго характера. Но въ Англіи подобное поголовное собраніе всѣхъ рыцарей не было осуществимо и по значительному ихъ числу и по значительному пространству государства. Къ этимъ причинамъ скоро присоединилась еще новая: изъ общей среды рыцарей выдѣлилось нѣсколько сильныхъ бароновъ, которымъ, естественно, должно было принадлежать преобладающее вліяніе на дѣла, въ ущербъ слабому личному голосу мелкихъ рыцарей. Такимъ образомъ, на дѣлѣ, въ засѣданіяхъ королевскаго двора принимали участіе только сильные бароны да духовенство. Эти-то сильные бароны въ соединеніи съ высшимъ духовенствомъ и начали ту знаменитую борьбу съ Иваномъ Безземельнымъ, которая завершилась появленіемъ на свѣтъ Великой Хартіи свободы. Еще въ 1213 г. бароны собрались въ Лондонѣ для предварительнаго совѣщанія, на которомъ была прочитана и принята съ восторгомъ давно забывая грамата Генриха I. Въ слѣдующемъ году они собрались во второй разъ и приняли рѣшеніе добиться отъ короля подтвержденія граматъ его предшественниковъ. Узнавъ о враждебныхъ ему намѣреніяхъ бароновъ, король Иванъ созываетъ въ 1214 г. свой королевскій дворъ въ Оксфордѣ, на который приглашаетъ явиться и представителей мелкаго рыцарства, по четыре человѣка отъ графства. Это первый достовѣрный случай представительства въ Англіи, основная мысль котораго совершенно тожественна съ основной мыслью перваго московскаго земскаго собора и перваго собранія генеральныхъ штатовъ во Франціи; въ виду подготовляющагося возстанія бароновъ, Иванъ Безземельный хотѣлъ привлечь на свою сторону мелкое, но много-

численное рыцарство. Попытка его, однако, не имѣла успѣха. Возставшіе бароны стояли за начало правомѣрности въ государственномъ управленіи; они защищали не личные только свои интересы, но и интересы всего государства; на ихъ сторонѣ были истинныя пользы Англіи, а потому рыцари графствъ присоединились къ нимъ, а не къ королю. Этимъ-то оригинальнымъ отношеніемъ королевской власти и подданныхъ и объясняются тѣ особенности въ исторіи англійскаго парламента, на которыя будетъ указано впослѣдствіи. Царствованіе Генриха III, сына и преемника Ивана Безземельнаго, было не менѣе бурно. Онъ то подтверждалъ грамоты своихъ предшественниковъ, то нарушалъ ихъ. Имѣя постоянно противъ себя бароновъ, стоявшихъ на почвѣ грамотъ, онъ не разъ, по примѣру своего отца, созывалъ представителей мелкаго рыцарства, думая опереться на ихъ содѣйствіе. Но надежды его, пока дѣло бароновъ было дѣломъ всего государства, такъ же мало оправдывались, какъ и надежды его отца. Въ 1264 г. бароны разбили королевскія войска и захватили въ плѣнъ самого Генриха III. Графъ Лейчестеръ, стоявшій во главѣ возставшихъ бароновъ, возвратилъ королю свободу, но съ тѣмъ, чтобы держать его въ фактической отъ себя зависимости и управлять его именемъ. Этотъ захватъ власти не могъ найти себѣ сочувствія даже среди бароновъ. Графъ Лейчестеръ понималъ, что ему придется выдержать борьбу съ своими прежними сторонниками. Не разсчитывая болѣе на ихъ содѣйствіе, онъ рѣшился искать опоры среди городского населенія. Въ декабрѣ 1264 г. онъ созываетъ именемъ короля парламентъ, на который приглашаетъ вмѣстѣ съ представителями графствъ и представителей городовъ. Это первый достовѣрный случай приглашенія въ англійскій парламентъ выборныхъ отъ городовъ. Обращеніе Лейчестера къ выборнымъ отъ городовъ такъ же мало помогло ему, какъ и обращеніе Ивана Безземельнаго къ выборнымъ отъ рыцарства. Бароны, не желая быть орудіемъ личныхъ цѣлей Лейчестера, соединились съ королемъ, и Лейчестеръ долженъ былъ пасть. Но сдѣланное

имъ нововведеніе не погибло для Англіи. Проницательный умъ Эдуарда I, преемника Генриха, не могъ не замѣтить и не оцѣнить той силы, которую придавала королевскимъ рѣшеніямъ возможность подкрѣпить ихъ согласіемъ выборныхъ отъ всего государства. Вотъ почему, въ продолжительное и исполненное военныхъ тревогъ царствованіе свое, Эдуардъ I постоянно обращался къ созванію представителей не только графствъ, но и городовъ.

Таковы условія, при которыхъ возникли представительныя учрежденія Англіи, Франціи и Московскаго государства. Фактъ возникновенія ихъ крайне знаменателенъ. Объединеніе каждаго изъ этихъ государствъ есть по преимуществу дѣло личной политики ихъ государей. Но государи не смотрятъ на объединенный ими народъ, какъ на пассивную массу; при всѣхъ трудныхъ случаяхъ они сами обращаются къ этому народу, какъ къ живой силѣ, и ищутъ въ единеніи съ нимъ опоры для своихъ дѣйствій.

Эти вторичныя народныя собранія не имѣютъ писаной конституціи, чѣмъ они и отличаются, между прочимъ, отъ третичной формы, получившей доступъ, со времени первой французской революціи, почти во всѣ государства Европы и Америки. Современный англійскій парламентъ, послѣдовательно развившійся изъ тѣхъ первыхъ собраній выборныхъ, которыя созывались Иваномъ Безземельнымъ и Генрихомъ III, не имѣетъ и теперь писанаго устава, который исчерпывалъ бы его права. Всѣ спорные вопросы относительно его правъ, на которые нѣтъ отвѣта въ статутахъ, и въ настоящее время рѣшаются на основаніи прецедентовъ, т.-е. парламентскихъ обычаевъ, выразившихся въ парламентской практикѣ. Не имѣя возможности обратиться къ писанымъ уставамъ, мы должны всѣ наши выводы о правахъ представителей, порядкѣ ихъ созванія, составѣ народныхъ собраній, порядкѣ занятій, рѣшеніи дѣлъ и пр. дѣлать единственно на основаніи свидѣтельствъ, относящихся къ практикѣ этихъ собраній. Въ этомъ заключается не малая трудность дѣла.

О нашей отечественной практикѣ сохранилось очень не-

много свидѣтельствъ. Насколько не полонъ дошедшій до насъ матеріалъ, можно судить по слѣдующему примѣру. Съ 1549 г. по день кончины Алексѣя Михайловича въ Москвѣ было созвано до 17 соборовъ. Для выбора представителей на каждый такой соборъ посылались царскія граматы въ города. Число этихъ призывныхъ граматъ должно быть весьма значительно. Найдено же ихъ и отпечатано только три: въ Пермь Великую отъ 1616 г., въ Галичъ отъ 1619 г., да въ Новгородъ того же года; къ этому небольшому числу граматъ проф. Латкинъ присоединилъ еще двѣ: въ Устюжну отъ 1619 г. и въ Крапивну отъ 1651. Но помимо того, что не всѣ слѣды древней соборной жизни уцѣлѣли,—тѣ свидѣтельства, которыя дошли до насъ, далеко не съ одинаковой полнотой останавливаются на всѣхъ вопросахъ соборной практики. Одинъ изъ главныхъ матеріаловъ, находящихся въ нашихъ рукахъ, составляютъ оффиціальные протоколы соборныхъ засѣданій. За то же время мы имѣемъ семь такихъ протоколовъ, но и они съ достаточной полнотой приводятъ только обращеніе царя къ выборнымъ; отвѣты же выборныхъ людей только въ нѣкоторыхъ протоколахъ изложены вполнѣ, въ другихъ же все дѣло ограничивается краткой передачей существа отвѣта. Что же касается вопросовъ о порядкѣ выборовъ, порядкѣ засѣданій, подачи мнѣній и пр., то оффиціальные протоколы касаются всего этого лишь мимоходомъ. Въ виду такого состоянія источниковъ, мы не беремъ на себя задачи дать полную картину соборной жизни. Предоставляя это позднѣйшему времени, когда имѣющійся у насъ матеріалъ можетъ пополниться новыми открытіями, мы остановимся только на нѣкоторыхъ наиболѣе существенныхъ вопросахъ.

Одинъ изъ любопытныхъ вопросовъ, относительно котораго имѣющійся у насъ матеріалъ проливаетъ довольно совѣта, есть вопросъ о составѣ нашихъ сборовъ [1]).

[1]) Но и здѣсь мы должны сдѣлать оговорку: практика нашихъ соборовъ по нѣкоторымъ вопросамъ была очень разнообразна, и мы никакъ не можемъ сказать, чтобы не дѣлалось иногда отступленій

Говоря о составѣ земскихъ соборовъ, необходимо различать составъ ихъ въ идеѣ отъ состава ихъ въ дѣйствительности. По идеѣ, которая выражалась какъ во взглядѣ московскихъ государей на соборы, такъ и въ сознаніи самого народа,—на земскіе соборы созывается вся земля. Иванъ Грозный, въ 1549 г., приказываетъ созвать «свое государство», т.-е. все государство. Михаилъ Ѳедоровичъ совѣщается «съ людьми всякихъ чиновъ [1]) всего Московскаго государства» (Рум. собр. III 57); ссылаясь на соборное опредѣленіе, онъ говоритъ о приговорѣ «всей земли» (А. Э. III, 68); на извѣстныя предложенія англійскаго посла, Джона Мерика, царь отвѣчалъ, что такого дѣла рѣшить безъ совѣта всего государства нельзя ни по одной статьѣ (Соловьевъ, IX, 125). Подобно этому и Алексѣй Михайловичъ собираетъ выборныхъ изъ всѣхъ городовъ (Рум. собр. III, 129). Та же мысль объ участіи на соборѣ всего государства присуща и сознанію самого народа. Онъ высказывается въ актахъ избирательныхъ соборовъ, на которыхъ дѣйствовалъ одинъ народъ, безъ участія государя. Избирательный соборъ 1598 г. называется соборомъ «духовенства, бояръ, дворянъ, приказныхъ людей, воинства, гостей и всѣхъ православныхъ крестьянъ царствующаго града Москвы и всея русскія земли» или въ другомъ мѣстѣ «и всѣхъ православныхъ крестьянъ со всѣмъ народомъ всея земли Россійскаго госу-

---

отъ того порядка въ составѣ соборовъ, который мы изложимъ какъ общій. Соборъ 1642 г., по своему составу, представляетъ примѣръ такого отступленія; но въ чемъ именно оно состояло, это не представляется намъ совершенно яснымъ. Ср. Б. Н. Чичерина, «О представительствѣ», стр. 373 и сл. Но здѣсь не обращено вниманія на то, что въ спискѣ выборныхъ людей, представленномъ въ посольскій приказъ, не упомянуты нѣкоторые города, представители которыхъ, однако, были на соборѣ и подавали свои мнѣнія. Не пріѣхали ли они изъ своихъ городовъ позднѣе, по обыкновеннымъ призывнымъ грамотамъ?

[1]) Названіемъ «чинъ» въ Московскомъ государствѣ обозначался каждый разрядъ свободныхъ людей, который имѣлъ какія-либо права и обязанности, отличавшія его отъ другихъ разрядовъ. Въ этомъ смыслѣ и крестьяне составляли чинъ.

дарства». Подобно этому избирательный соборъ 1613 г. называется соборомъ «всякихъ людей всякихъ чиновъ всего великаго Россійскаго царствія». По представленію людей Московскаго государства государь избирается приговоромъ «всей земли».

Хотя участіе всей земли и не всегда имѣло мѣсто на дѣлѣ, въ этой мысли высказывается дѣйствительное сознаніе эпохи, а потому мы одинаково встрѣчаемся съ ней и въ памятникахъ англійскаго и французскаго права. О постановленіяхъ англійскаго парламента 1275 г. говорится, что они изданы королемъ Эдуардомъ по совѣщаніи съ королевскимъ совѣтомъ и съ согласія духовенства, бароновъ и всего государства. Подобно этому, представители третьяго сословія, созванные Филиппомъ Красивымъ, обращаются къ нему въ такихъ выраженіяхъ: «Народъ вашего государства, — говорятъ они ему,—проситъ васъ» и пр. [1]).

Таковъ взглядъ эпохи возникновенія представительныхъ учрежденій на ихъ составъ: вся земля должна оказывать содѣйствіе своему государю. Мысль совершенно вѣрная, но какъ осуществить ее? Какъ собрать все Московское государство и совѣщаться съ нимъ? Правильное осуществленіе этой мысли составляетъ труднѣйшую задачу не только для московской Россіи, но и для современной теоріи государственнаго права. Извѣстно, что вопросъ о такой организаціи представительства, при которой оно служило бы вѣрнымъ

[1]) Это совѣщаніе государя «съ цѣлымъ народомъ» есть, конечно, остатокъ первичной формы народныхъ собраній. Въ Англіи, при короляхъ саксонской династіи, когда давно уже вышло изъ употребленія поголовное собраніе всего народа, но, съ другой стороны, начало представительства еще не выработалось, во вновь издаваемыхъ законахъ тѣмъ не менѣе говорится, что они изданы tota plebis generalitate ovante. Любопытно, что заключеніе Witena Gemôt'a 934 г., на которомъ присутствовали: король, четыре принца, два архіепископа, семь епископовъ, четыре аббата, двѣнадцать герцоговъ и пятьдесятъ два тана, а всего девяносто два человѣка,—разсматривается какъ принятое всѣмъ народомъ. Kemble The Saxons in England, II, 199 сл. Нѣчто подобное, какъ увидимъ ниже, встрѣчается и у насъ.

отраженіемъ всего государства, и до сихъ поръ еще не нашелъ удовлетворительнаго разрѣшенія въ наукѣ государственнаго права. Въ виду этого мы не будемъ удивляться, что при первомъ своемъ возникновеніи онъ разрѣшался весьма несовершенно не только у насъ, но и въ другихъ европейскихъ государствахъ.

Въ Московскомъ государствѣ этотъ вопросъ разрѣшался слѣдующимъ образомъ. Новое начало представительства, какъ уже выше было замѣчено, шло не далѣе причины, его вызвавшей; тѣ разряды лицъ, которые могли собираться поголовно, призывались и на земскіе соборы лично, а не какъ представители. Составъ земскихъ соборовъ опредѣлялся, такимъ образомъ, на основаніи двухъ разныхъ началъ: одни члены призывались поименно [1]) другіе какъ представители своихъ избирателей.

Въ составъ собора входятъ, во-первыхъ, самъ государь. Въ соборномъ протоколѣ 1653 г. читаемъ: «государь былъ для собора въ грановитой палатѣ». Участіе государя не ограничивается произнесеніемъ рѣчи, которою онъ открываетъ засѣданіе собора; онъ выслушиваетъ на соборѣ же отвѣтъ выборныхъ людей на свою рѣчь и на соборѣ же постановляетъ и свой приговоръ. Въ протоколѣ собора 1621 г. читаемъ: «Былъ у государя соборъ въ золотой въ большой въ грановитой палатѣ... А говорилъ великій государь на соборѣ... И всякихъ чиновъ люди Московскаго государства били челомъ на соборѣ государю...». Или въ протоколѣ 1618 г., послѣ такого же описанія ряда соборныхъ дѣйствій читаемъ: «И проговорилъ государь... со всякихъ чиновъ людьми Московскаго государства...» Иногда государь не присутствуетъ лично при указанныхъ соборныхъ дѣйствіяхъ; въ такомъ случаѣ его замѣняетъ въ засѣданіяхъ со-

---

[1]) Слово «поименно» употребляемъ мы не въ томъ смыслѣ, что призывались всѣ безъ исключенія, а только въ противоположность къ выборному началу. Государь могъ и не пригласить того изъ призываемыхъ безъ выбора, присутствіе котораго ему не нравилось.

бора особо назначенное для сего лицо. Но существо дѣла отъ этого не измѣняется.

Затѣмъ изъ оффиціальныхъ протоколовъ видно, что въ составъ земскихъ соборовъ призывались обыкновенно всѣ чины, на которые распадалось тогда свободное населеніе Московскаго государства. Они перечисляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Духовенство. Высшіе чины духовенства: патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы и монастырскія власти приглашались поименно [1]) и, въ виду преобладающаго значенія церкви въ то время, въ очень значительномъ числѣ. Низшіе чины духовенства принимаютъ участіе въ качествѣ выборныхъ людей. Къ этой категоріи относятся члены бѣлаго духовенства и, кажется, монастырскіе старцы. Приглашаемое на земскіе соборы духовенство нерѣдко обозначается въ памятникахъ общимъ именемъ «всего освященнаго собора». Такимъ образомъ, въ составъ земскаго собора входилъ «соборъ духовенства», составъ котораго ближайшимъ образомъ опредѣлялся церковными обычаями и постановленіями. Церковные соборы гораздо древнѣе свѣтскихъ. Они извѣстны съ первыхъ временъ принятія христіанства. Можно допустить, что практика ихъ также оказала вліяніе на появленіе соборовъ свѣтскихъ.

2) Служилые люди. а) Высшіе разряды служилыхъ людей. Сюда принадлежали: бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки. Всѣ они возможные члены государевой думы. Они призывались, какъ думные чины, по должности. На ряду съ ними также по должности призывались нѣкоторыя высшія должностныя лица: конюшій, дворецкій, казначей, печатникъ, кравчій и под. б) Низшіе разряды служилыхъ людей. Къ этой категоріи относились, во-первыхъ, служилые люди по городу Москвѣ: стольники, стряп-

[1]) Въ актѣ избирательнаго собора 1613 г. упоминаются, однако, четыре выборныхъ настоятеля разныхъ монастырей; а въ актѣ собора 1682 г. всѣ власти названы выборными. О порядкѣ этого избранія не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

чіе, московскіе дворяне и жильцы, а иногда и московскіе приказные люди. Во вторыхъ, городовые (т.-е. не московскіе) служилые люди. Сюда относились—городовые дворяне, а иногда и послѣдній разрядъ служилыхъ людей: городовые стрѣльцы, пушкари, казаки и пр. Всѣ эти чины призывались по выбору.

3) Послѣдній разрядъ составляютъ разные чины тяглыхъ людей. Къ этому разряду принадлежали, во-первыхъ, разные виды торговыхъ людей, извѣстные подъ общимъ именемъ посадскихъ. Посадскіе люди были устроены въ слободы и сотни, которые вообще носили наименованіе черныхъ сотенъ и слободъ; лучшія же изъ нихъ назывались гостинной и суконной сотней. Торговые люди несли особыя службы по сбору государевой казны въ таможняхъ, кабакахъ и пр. Лучшіе изъ нихъ жаловались за эти службы званіемъ гостя. Всѣ разряды торговыхъ людей представлялись своими выборными. Во вторыхъ, къ этому же разряду тяглыхъ людей принадлежатъ крестьяне, упоминаемые въ соборныхъ актахъ подъ именемъ уѣздныхъ людей. Періодъ возникновенія соборовъ совпадаетъ у насъ съ періодомъ прикрѣпленія крестьянъ. Зависимые крестьяне, конечно, не могли призываться къ участію въ соборахъ. Если мы встрѣчаемъ указаніе на участіе уѣздныхъ людей, то эти свидѣтельства, по всей вѣроятности, относятся только къ тому незначительному числу крестьянъ, которое оставалось еще свободнымъ. Да и въ этомъ ограниченномъ смыслѣ уѣздные люди присутствовали только на самомъ полномъ избирательномъ соборѣ 1613 г. Но это исключеніе крестьянъ пополнялось до нѣкоторой степени представительствомъ посадскихъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, были тѣ же крестьяне, такъ какъ рѣзкаго различія между городскими и уѣздными жителями въ это время еще не было, и посадскіе, кромѣ торговли, занимались также земледѣліемъ; они могли, слѣдовательно, представлять интересы и всего крестьянства.

Несомнѣнныя черты сходства съ нашими земскими соборами встрѣчаемъ въ составѣ англійскаго парламента и фран-

цузскихъ генеральныхъ штатовъ, какъ по отношенію къ основаніямъ призванія, такъ и по отношенію къ самымъ разрядамъ призываемыхъ лицъ. Эти сходства тѣмъ поразительнѣе, что соціальное положеніе разныхъ общественныхъ группъ, на которыя распадалось населеніе Англіи и Франціи, очень различалось отъ соціальнаго положенія нашихъ группъ. Служилые люди западныхъ государствъ принадлежали къ разнымъ чинамъ феодальной лѣстницы, которыхъ права и обязанности по отношенію къ королю опредѣлялись леннымъ правомъ, вовсе неизвѣстнымъ Россіи. Городское же населеніе имѣло корпоративное устройство съ весьма широкими правами самоуправленія, чѣмъ оно также существенно отличалось отъ нашихъ посадскихъ. Общественныя группы Франціи, отличаясь отъ нашихъ, въ свою очередь отличаются и отъ англійскихъ. Несмотря на всѣ эти различія, мы легко можемъ узнать въ составѣ представительныхъ учрежденій этихъ государствъ разряды лицъ, напоминающіе тѣ, которые призывались на московскіе соборы. Но не то же ли явленіе наблюдаемъ и теперь? Соціальное положеніе англійскихъ лордовъ и англійскаго джентри не повторяется ни въ одномъ государствѣ Европы; это не помѣшало, однако, Бадену, Бельгіи, Италіи, Пруссіи и многимъ другимъ государствамъ Европы устроить у себя представительство въ формѣ англійскихъ учрежденій. Общая всѣмъ государствамъ цѣль каждымъ изъ нихъ достигается средствами, какія у него подъ руками.

Въ Англіи по личному приглашенію призывались высшіе чины духовенства и великіе бароны (barones majores). Въ силу началъ леннаго права они составляли постоянный совѣтъ короля по дѣламъ законодательства, управленія и суда (magnum consilium и curia regis). До возникновенія представительства они были единственными совѣтниками короля. Въ этомъ ихъ нѣкоторое сходство съ нашими боярами, окольничими и думными людьми. Во Франціи призывались по должности члены тайнаго королевскаго совѣта и члены государственнаго совѣта, слѣдовательно, тоже по-

стоянные совѣтники короля и, кромѣ того, нѣкоторыя высшія должностныя лица, какъ напримѣръ, канцлеръ, государственный секретарь и пр. Всѣ другіе разряды лицъ призывались во Франціи по выборамъ: духовенство, дворянство и третье сословіе, въ составъ котораго входятъ не одни только горожане, но и свободное сельское населеніе. Впрочемъ, распространеніе представительства на жителей селъ есть дѣло успѣха времени и дальнѣйшаго высвобожденія городского и сельскаго населеія изъ-подъ безусловной зависимости феодальныхъ господъ. Первоначально же къ представительству допускались только такъ-называемые «хорошіе города» (les bonnes villes, les villes murées), которые пользовались особыми привилегіями и составляли единственный видъ свободнаго населенія Франціи. Въ Англіи путемъ выборовъ въ составъ парламента входили: дворянство, въ качествѣ представителей графствъ, и горожане, въ качествѣ представителей городовъ. Сельское населеніе, въ виду его зависимости отъ феодальныхъ господъ и въ Англіи первоначально не имѣло участія въ представительствѣ. Да и потомъ, по мѣрѣ его освобожденія, могло участвовать развѣ только активно въ ныборахъ, и то подъ сильнѣйшимъ нравственнымъ давленіемъ мѣстнаго дворянства.

Перехожу къ вопросу о числѣ представителей и порядкѣ ихъ выборовъ. Въ дѣятельности нашихъ государей съ совершенною ясностью выступаетъ одна цѣль, которую они постоянно преслѣдовали. Они заботились, чтобы каждый чинъ имѣлъ своего представителя, чтобы не осталось въ государствѣ разряда свободныхъ лицъ не представленнаго. Всѣ оффиціальные протоколы указываютъ на приглашеніе всякихъ чиновъ людей. Но едва-ли можно утверждать, что правительство считало безусловно необходимымъ имѣть представителей отъ каждаго чина изъ каждаго отдѣльнаго пункта населенія. Правда, источники говорятъ о выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ и городовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ примѣры соборовъ, на которыхъ были представлены далеко не всѣ мѣстности государства. Вводя всюду единообразные

московскіе порядки, правительство, естественно, склонно было думать, что люди одного и того же чина стоятъ въ одинакихъ условіяхъ, гдѣ бы ни жили, а потому съ его точки зрѣнія посадскіе извѣстнаго города легко могли представлять интересы посадскихъ людей вообще, и въ крайнемъ случаѣ соборъ могъ состояться, если бы на немъ были только посадскіе города Москвы. Рядомъ съ заботой о представительствѣ всѣхъ чиновъ, обращалось нѣкоторое вниманіе и на то, чтобы пункты болѣе населенные были сильнѣе представлены; но эта послѣдняя забота осуществлялась еще въ крайне несовершенномъ видѣ. Установленіе сколько-нибудь опредѣленнаго отношенія между числомъ избирателей и числомъ представителей не могло быть задачей того времени уже и потому, что рѣшеніе по большинству голосовъ не было практикой нашихъ земскихъ соборовъ.

Согласно съ административнымъ дѣленіемъ Московскаго государства, каждый городъ съ уѣздомъ составлялъ особый избирательный округъ, за исключеніемъ одного Новгорода, гдѣ каждая пятина приравнивалась городу. Въ предѣлахъ этого округа выборы производились каждымъ чиномъ особо. Московское представительство было, такимъ образомъ, сословнымъ представительствомъ. Опредѣленіе числа представителей зависѣло каждый разъ отъ усмотрѣнія правительства и опредѣлялось имъ, хотя и не всегда одинаково, но, кажется, безъ особенно рѣзкихъ колебаній. Въ 1619 г. было предписано прислать отъ духовенства по 1 выборному, отъ дворянъ по 2, отъ посадскихъ по 2. Въ 1648 г. для представителей отъ дворянъ было принято во вниманіе различіе большихъ и малыхъ городовъ: изъ большихъ требовалось прислать по 2 представителя, изъ малыхъ по 1-му, новгородскія пятины были приравнены къ малымъ городамъ. Но что разумѣть подъ большими и что подъ малыми,—это не было опредѣлено и, вѣроятно, представлялось усмотрѣнію воеводъ или даже самихъ избирателей. Послѣднее предположеніе не должно казаться невѣроятнымъ. Заботясь, главнымъ образомъ, чтобы были представлены всѣ чины, прави-

тельство мало придавало значенія числу депутатовъ, и мы имѣемъ прямое указаніе на то, что оно предоставляло иногда усмотрѣнію самихъ избирателей — прислать одного выборнаго или двухъ [1]) Въ томъ же 1648 г. посадскихъ требовалось прислать по 1 изъ города, а въ 1616 г. пермскому воеводѣ предписывалось прислать трехъ посадскихъ. Но мы не знаемъ, была ли эта цифра общею для всѣхъ городовъ, или относилась только хъ Перми Великой. Относительно числа городовыхъ стрѣльцовъ, пушкарей и другихъ разрядовъ низшихъ служилыхъ людей не имѣемъ указаній.

Привиденныя цифры не относятся къ городу Москвѣ, представительство котораго всегда опредѣлялось особо. «Царствующій градъ Москва» пользовался совершенно особымъ положеніемъ въ Московскомъ государствѣ какъ по числу населенія, такъ и по экономическому его значенію. Если Новгородъ посылалъ столько же представителей, сколько пять другихъ городовъ, то Москва, въ составъ населенія которой входило большое число чиновъ, по всей вѣроятности, посылала еще болѣе. Въ 1648 г., когда большіе города приглашались прислать по 2 дворянина, Москва должна была выставить по 2 человѣка изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, итого 8 представителей на 2 городовыхъ. По отношенію къ посадскимъ эта разница еще больше. Всѣ города должны были прислать по одному выборному; Москва же должна была дать: 3-хъ гостей, по 2 человѣка изъ гостиной и суконной сотни и по одному изъ каждой черной сотни и каждаго посада. Посадовъ и черныхъ сотенъ въ Москвѣ этого времени намъ извѣстно не менѣе 13; такимъ образомъ, на одного посадскаго городового Москва должна была выбрать по крайней мѣрѣ 20 человѣкъ. Это свидѣтельство должно пополнить извѣстіемъ отъ 1642 г. На соборъ этого года государь велѣлъ призвать выборныхъ изъ многолюдныхъ чиновъ числомъ отъ

[1]) А. Э. III, 105. Для избирательнаго собора 1613 г. даже вовсе не было опредѣлено число представителей, а предписывалось избрать «сколько пригоже».

7 до 20 человѣкъ, изъ малолюдныхъ отъ 2 до 6. Разные чины московскихъ служилыхъ людей, сравнительно съ городовыми, были, конечно, многолюдные. По этому разсчету число представителей стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ и др. московскихъ чиновъ легко могло простираться до 50 человѣкъ и даже болѣе.

Самые выборы происходили въ слѣдующемъ порядкѣ. Предписаніе о выборахъ дѣлалось отъ имени государя на имя мѣстнаго городского начальника: воеводы или губнаго старосты. По полученіи предписанія ему предписывалось собрать всякихъ чиновъ людей въ церковь, прочитать царскую грамоту и затѣмъ велѣть имъ произвести выборы по чинамъ, т.-е. каждый чинъ долженъ выбрать представителей изъ своей среды [1]). Принадлежностью къ чину рѣшался вопросъ какъ активнаго, такъ и пассивнаго избирательнаго права: всѣ, входящіе въ составъ чина, — и избиратели, и избираемые [2]). Правительство брало на себя

---

[1]) Бѣляевъ (Рѣчи и отчетъ Москов. универ. 1867 г.) думалъ, что выборы производились всѣмъ мѣстнымъ обществомъ безъ различія сословій. Это мнѣніе онъ основывалъ на протоколѣ избирательнаго собора 1613 г. и на царской граматѣ 1616 г. (вѣроятно, та, что отпечатана въ А. Э. III, 77). Но протоколъ собора 1613 г. говоритъ о присутствіи на соборѣ разныхъ чиновъ; въ царской же грамотѣ 1616 г. прямо предписано произвести выборы изъ посадскихъ людей. Далѣе, подтвержденіе своему мнѣнію Бѣляевъ видѣлъ въ томъ, что изъ Переяславля-Рязанскаго выборнымъ на соборѣ 1613 г. былъ только игуменъ Львова монастыря, Игнатій, слѣдовательно, заключаетъ онъ, игуменъ былъ выборнымъ отъ всѣхъ сословій Переяславля-Рязанскаго. Но, во-первыхъ, игуменъ Игнатій даже и не названъ выборнымъ; во-вторыхъ, изъ того, что онъ одинъ былъ изъ Переяславля-Рязанскаго, вовсе еще не слѣдуетъ, что онъ былъ выбранъ всѣми сословіями. На соборѣ 1613 г. многіе города вовсе не были представлены. Къ ихъ числу принадлежитъ и Переяславль-Рязанскій, который не прислалъ ни дворянъ, ни посадскихъ.

[2]) Въ протоколѣ 1642 г. отъ права участія въ выборахъ не исключены и самые бѣдные; тамъ прямо сказано, что выборы должны быть произведены изъ лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей. Въ грамотѣ же 1616 г. (А. Э. III, 77) говорится только о лучшихъ и среднихъ, а молодшіе опущены, хотя выбрать слѣдовало и 3-хъ человѣкъ. Надо

только опредѣленіе нравственныхъ качествъ избираемыхъ, которое и дѣлалось, обыкновенно, въ призывныхъ царскихъ граматахъ и притомъ соотвѣтственно цѣли призванія. Это должны быть «добрые и разумные люди, съ которыми можно было бы поговорить» (Рум. соб. III, 113), или «добрые и смышленые, которымъ государевы и земскіе дѣла за обычай» (А. Э. IV, 26); они должны «умѣть разсказать обиды, насильства и разореніе, и чѣмъ Московскому государству полниться, и ратныхъ людей жаловать, и умѣли бы устроить Московское государство, чтобы пришли всѣ въ достоинство» (А. Э. III, 105),—О состоявшихся выборахъ составлялся особый списокъ (протоколъ), который подписывался всѣми избирателями (А. Э. III, 105 и IV, 27) и присылался въ Москву въ Посольскій приказъ (Рум. соб. III 113), куда должны были явиться и сами представители (А. Э. III, 77), а иногда въ Разрядъ. Выборные, отправляясь въ Москву, должны были взять съ собою «запасы» (А. Э. IV, 27), по всей вѣроятности все нужное для ихъ продовольствія. На кого падали издержки этихъ запасовъ, не имѣемъ указаній; вѣроятно, онѣ раскладывались на всѣхъ избирателей, какъ повинность [1]).

думать, что обыкновенно въ каждомъ чинѣ выбирались лучшіе люди, т.-е. богатѣйшіе. Хотя бѣдные не были лишены ни активнаго, ни пассивнаго права, но въ ихъ средѣ едва ли можно было найти охотника ѣхать въ Москву.

[1]) Вотъ образецъ призывной (повторительной) грамоты 1651 г.: Отъ ц. и в. к. Алексѣя Михайловича всеа Русіи на Крапивну, Василью Астафьеву. Писано отъ насъ къ тебѣ напередъ сего, и велѣно выбрати изъ соловлянъ лучшихъ дворянъ, двухъ человѣкъ, да посадскихъ, лучшихъ же людей, двухъ человѣкъ, и прислать къ намъ, къ Москвѣ, на срокъ, на сборное воскресенье нынѣшняго 159 году, для нашего царственнаго, великаго и земскаго и литовскаго дѣла. И какъ къ тебѣ сія наша грамота придетъ, и ты бъ нашъ указъ соловлянамъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ сказалъ, что бъ они, по прежнему и по сему нашему указу, выбрали дворянъ лучшихъ людей, двухъ человѣкъ изъ себя, да изъ посадскихъ людей, двухъ же человѣкъ, тотъ часъ и прислали къ указному сроку, чтобъ нашему и земскому дѣлу мотчанія не было. А кого имена дворяне и дѣти боярскія, по нашему

Съ подобными же порядками относительно опредѣленія числа представителей и подробностей выборовъ встрѣчаемся и на Западѣ. Это и понятно. Тамъ, какъ и у насъ, начало

указу, изъ себя выберутъ, и ты бъ о томъ отписалъ и имена ихъ прислалъ къ намъ, къ Москвѣ, въ Разрядъ. Писано въ Москвѣ лѣта 159-го генваря въ 31-й день» Латкинъ, Матер. для исторіи земскихъ соборовъ, 91.

Образецъ отписки мѣстнаго воеводы по поводу произведенныхъ выборовъ: «Государю, Царю и вел. князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи холопъ твой Аверкейко Опухтинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 159 г. февраля въ 19 день прислана въ Арзамасъ твоя, государева, царева и вел. князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи грамота изъ Разряда ко мнѣ, холопу твоему. А по той твоей грамотѣ велѣно мнѣ, холопу твоему, въ Арзамасѣ выбрать лучшихъ дворянъ, двухъ человѣкъ, да посадскихъ людей лучшихъ, двухъ человѣкъ, а выбравъ велѣно прислать къ тебѣ, государю, къ Москвѣ, на срокъ, на сборное воскресенье нынѣшняго 159 году для твоего государева царственнаго, великаго и земскаго и литовскаго дѣла. А кого, государь, имена дворянъ и посадскихъ людей я, холопъ твой, выберу, и о томъ, государь, велѣно отписать къ тебѣ, государю, къ Москвѣ. И по твоему, государеву, цареву и вел. князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу, изъ арзамасцевъ дворянъ выбраны два человѣка: Иванъ Товарищевъ да Степанъ Щукинъ, а изъ посадскихъ, государь, людей выбраны два же человѣка: Макаръ Архиповъ да Елисей Сорниковъ. И по выбору, государь, тѣхъ дворянъ и посадскихъ людей, выслалъ я, холопъ твой, къ тебѣ, государю, царю и вел. князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи, къ Москвѣ, и велѣлъ, государь, тѣмъ выборнымъ дворянамъ и посадскимъ людямъ явиться въ Разрядѣ твоему, государеву, думному дворянину, Ивану Аѳанасьевичу Гавреневу, да твоимъ, государевымъ, дьякамъ: думному Семену Заборовскому, да Григорью Ларіонову, да Ивану Сѣверову. А къ сроку, государь, тѣ выборные люди не высланы, потому что твоя, государева, грамота прислана ко мнѣ, холопу, послѣ того указнаго срока». Тамъ же, 92.

Но воеводы не всегда правильно понимали царскія призывныя грамоты и иногда сами выбирали депутатовъ, о чемъ и писали въ своихъ отписныхъ грамотахъ: «я, холопъ твой, выбралъ такого-то». За это они получали выговоръ. На такой отписной грамотѣ крапивенскаго воеводы дьякъ Заборовскій сдѣлалъ слѣдующую помѣту: «159 г. февраля въ 28 день, послать грамоту съ осудомъ къ Василью Астафьеву. Послана къ нему грамота, велѣно дворянамъ промежъ себя выбрать дворянъ добрыхъ, а не ему выбрать, и за то его о с у д и т ь г о р а з д о» Латкинъ, Земскіе соборы, стр. 267.

представительства своимъ возникновеніемъ обязано личному дѣйствію государей, а потому, естественно, число представителей и порядокъ ихъ избранія зависѣлъ первоначально также отъ усмотрѣнія государя. Даже въ Англіи до 1406 г. коронѣ принадлежало неограниченное право опредѣлять какъ округъ избирателей, такъ и свойства представителей. Слѣдствіемъ этого было то, что не только представители въ разное время призывались въ разномъ числѣ, но даже самое право прислать представителя то предоставлялось извѣстному городу или графству, то нѣтъ (Cox. 81 сл.). Согласно со всѣмъ строемъ средневѣковаго государства, представительство Франціи и Англіи было также сословное; въ Англіи графства присылали рыцарей, города—горожанъ; во Франціи духовенство, дворяне и третье сословіе выбирали каждое отдѣльно и изъ своей среды. Обыкновенное число представителей также близко подходитъ къ нашему: въ Англіи графства присылали по 2 выборныхъ, города отъ 1 до 2; во Франціи каждое сословіе по 3 на избирательный округъ. Предписаніе о производствѣ выборовъ посылалось на имя мѣстнаго представителя власти, въ Англіи на имя шерифа, во Франціи—на имя балльи. Въ этихъ предписаніяхъ обозначаются, обыкновенно, и нравственныя свойства избирателей. Въ Англіи требуется, чтобы это были умные и даже самые умные люди; во Франціи—люди доброй нравственности и опытные въ дѣлахъ.

Такова практика нашихъ соборовъ относительно ихъ состава и порядка созванія выборныхъ людей. Въ заключеніе намъ остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу числа, въ какомъ выборные люди являлись на соборныя засѣданія. По отношенію къ этому вопросу встрѣчаемся въ слѣдующимъ фактомъ: выборные люди являлись не только въ меньшемъ числѣ противъ приглашенія, но иногда даже въ большемъ. Первое явленіе весьма обыкновенно и извѣстно не одному Московскому государству. Но если и въ настоящее время, при всѣхъ удобствахъ сообщенія и жизни въ столичныхъ городахъ, слышны жалобы на не всегда рев-

ностное исполненіе депутатами своихъ обязанностей, то тѣмъ менѣе должны мы удивляться указанному факту въ древнее время, когда переѣзды соединялись съ затрудненіями, намъ вовсе неизвѣстными.—Самымъ полнымъ по своему составу былъ соборъ 1648 г. Въ немъ приняли участіе 73 города, приславъ 143-хъ дворянъ, и 77 посадовъ (не считая московскихъ), приславъ 83-хъ посадскихъ, а съ московскими торговыми людьми всѣхъ представителей третьяго сословія было 98 человѣкъ. Но и при этомъ сравнительно полномъ составѣ не всѣ города воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ. Нѣкоторые вовсе не прислали, и въ этомъ числѣ встрѣчаемся съ такими значительными городами, какъ Кострома и Серпуховъ, которые не дали дворянъ, и Нижній-Новгородъ и Рязань, которые не дали посадскихъ; другіе хотя и прислали, но въ меньшемъ числѣ, чѣмъ могли. Къ этой послѣдней категоріи относятся, между прочимъ, Псковъ, Владиміръ и Нижній-Новгородъ, которые прислали по одному дворянину, когда должны были прислать по два [1]). Въ призывной царской грамотѣ въ Пермь Великую отъ 1616 г. до насъ дошли даже жалобы правительства на неприсылку выборныхъ людей: «Послана къ вамъ наша грамата напередъ сего,—пишетъ въ Пермь Михаилъ Өедоровичъ,—а велѣно вамъ прислать къ намъ, къ Москвѣ, для нашего великаго и земскаго дѣла на совѣтъ

---

[1]) На соборѣ 1642 г. приняли участіе только 42 города, приславъ 113 дворянъ; Москва же была представлена 18 выборными служилыхъ чиновъ. Но и на этомъ соборѣ не всѣ приглашенные воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ: Новгородъ прислалъ двухъ дворянъ, вмѣсто пяти. Посадскіе же явились только отъ 14 черныхъ сотенъ и слободъ, изъ которыхъ 12 несомнѣнно московскихъ и только двѣ, можетъ быть, не московскія. Подобно этому, на соборѣ 1566 г. упоминаются только торговые люди смоленскіе да московскіе. Дворянъ же этого собора нельзя считать только московскими. Не имѣя призывныхъ грамотъ на эти два собора, мы не можемъ съ полною увѣренностью сказать, что посадскіе люди не явились на эти соборы по ихъ винѣ; можетъ быть, при составѣ этихъ соборовъ правительство сдѣлало отступленіе отъ обыкновеннаго порядка.

пермичь посадскихъ лучшихъ и среднихъ трехъ человѣкъ, добрыхъ и разумныхъ и постоятельныхъ людей, тотчасъ не мѣшкая ни часу. И вы тѣхъ выборныхъ людей къ намъ и по ся мѣста не присылывали»[1]).

Въ западныхъ государствахъ, Англіи и Франціи, можно было бы ожидать болѣе ревностнаго отношенія представителей къ предоставленнымъ имъ правамъ, какъ по сравнительно меньшему пространству этихъ государствъ, такъ и по высшему уровню культурнаго развитія ихъ жителей. Но и тамъ трата времени, трудности и издержка переѣздовъ, а частію, конечно, и близорукое предпочтеніе своихъ личныхъ дѣлъ дѣлу общественному, давали себя чувствовать. Даже въ Англіи многіе города и мѣстечки прямо отказывались посылать депутатовъ, не желая брать на себя издержки, соединенныя съ ихъ избраніемъ. Неявка депутатовъ происходила въ такихъ размѣрахъ, что правительство нашло даже нужнымъ установить штрафъ за неявку. Къ этому присоединялись еще злоупотребленія шерифовъ: они самовольно задерживали королевскія предписанія о выборахъ и не доставляли ихъ въ тѣ города и графства, куда они были адресованы.

Любопытное указаніе на присылку депутатовъ въ большемъ числѣ, чѣмъ было предписано, находимъ въ актахъ собора 1648 года. Данныя этого собора, относительно котораго намъ извѣстно и число приглашенныхъ, и число явившихся, особенно любопытны въ слѣдующихъ двухъ отношеніяхъ: онѣ подтверждаютъ выше высказанную мысль о томъ, что московское правительство не придавало никакого значенія числу представителей; кромѣ того онѣ даютъ ключъ и къ разъясненію нѣкоторыхъ цифръ нашихъ изби-

---

[1]) На сколько трудно было прислать изъ нѣкоторыхъ городовъ депутатовъ изъ посадскихъ, видно изъ слѣдующихъ воеводскихъ отписокъ: «А посадскихъ, государь, людей въ Козельску нѣтъ ни одного человѣка... А посадскихъ, государь, людей на Ливнахъ нѣтъ, акромѣ бобылей и дворниковъ»... Тоже—въ Мценскѣ и Сѣвскѣ. Латкинъ, Матеріалы, стр. 106, 108, 112, 123.

рательныхъ соборовъ. На соборъ 1648 г. большіе города должны были прислать по два дворянина, малые—по одному, новгородскія пятины были приравнены къ малымъ. А между тѣмъ, пять городовъ прислали по три дворянина и въ ихъ числѣ гор. Тихвинъ, возникшій не ранѣе XVI вѣка и едва-ли успѣвшій къ 1648 году сравняться съ большими городами. Новгородъ, вмѣсто пяти, прислалъ 7 дворянъ, а нѣкоторые другіе города вышли и еще далѣе изъ размѣровъ, предписанныхъ правительствомъ: Мценскъ прислалъ пять дворянъ, Рязань—восемь. То же дѣлаютъ и посадскіе: московская конюшенная слобода прислала трехъ выборныхъ, вмѣсто одного. Но всѣ эти лишніе представители допускаются къ участію въ соборномъ дѣяніи и наравнѣ съ другими скрѣпляютъ Уложеніе своею подписью. Этимъ же равнодушіемъ Московскаго государства къ числу надо объяснять и то обстоятельство, что сравнительно ничтожные города, какъ напр., Алатырь, Арзамасъ, Ливны, Атамаръ и другіе подобные, прислали по два дворянина, что приглашались сдѣлать только большіе города. По всей вѣроятности, вопросъ о томъ—сколькихъ послать: одного, двухъ или восемь, рѣшался наличностью охотниковъ поѣхать въ Москву. Если ихъ было много, выбирали болѣе, чѣмъ требовало правительство; если ихъ было мало, посылали одного, хотя городъ былъ и большой.—Въ виду приведенныхъ соображеній намъ становится понятной цифра московскихъ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ, явившихся въ числѣ 112 человѣкъ на избирательный соборъ 1613 г. Избиратели приглашались произвести выборы для этого собора изъ лучшихъ людей «по сколько пригоже». Если изъ Рязани въ 1648 году поѣхали въ Москву 8 выборныхъ вмѣсто двухъ, можно ли удивляться, что среди московскихъ служилыхъ людей, которые и безъ того всегда находились въ Москвѣ, или сравнительно не въ дальнемъ отъ нея разстояніи, оказалось 112 охотниковъ быть на соборѣ, и притомъ по такому важному поводу, какъ избраніе государя? Этимъ же объясняется и крайнее преобладаніе московскихъ

служилыхъ людей на избирательномъ соборѣ 1598 г. Что касается послѣдняго избирательнаго собора 1682 г., то онъ состоялся въ древней формѣ вѣча города Москвы. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ скончался 27 апрѣля, въ 12 часу дня, и въ тотъ же день состоялось избраніе ему преемника. На это избраніе могли быть призваны и, конечно, безъ всякаго выбора только московскіе чины да тѣ изъ городовыхъ, которые случайно были въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе, избраніе Петра Алексѣевича называется «избраніемъ всего Московскаго государства» [1]).

На этой второй ступени историческаго развитія участія народа въ государственныхъ дѣлахъ, собранія представителей, какъ у насъ, такъ и въ Западной Европѣ, созывались не періодически, въ опредѣленные закономъ сроки, а всякій разъ по особому усмотрѣнію государя и всего чаще въ минуты кризиса, когда обыкновенныя средства управленія оказывались недостаточными. У насъ съ наиболѣе живой соборной дѣятельностью встрѣчаемся въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, въ эпоху, непосредственно послѣдовавшую за смутнымъ временемъ, когда возстановленіе внутренняго порядка, глубоко потрясеннаго самозванцами, и борьба съ иноземцами, еще занимавшими многія части русской территоріи, требовали напряженія всѣхъ силъ государства. По имѣющимся у насъ даннымъ, число общихъ соборовъ съ 1549 по 1658 г. (годъ созванія послѣдняго собора отъ всѣхъ чиновъ) простирается до 17. Между отдѣльными царствованіями они распредѣляются слѣдующимъ образомъ: при Иванѣ Грозномъ — 2, при Василіи Шуйскомъ — 1; при Михаилѣ Ѳедоровичѣ—10, при Алексѣѣ Михайловичѣ—4. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ было созвано 2, но не всенарод-

---

[1]) Ср. выше стр. 172, примѣч. Подобно избранію Петра, низложеніе Шуйскаго тоже состоялось на московскомъ вѣчѣ. Шуйскаго просили оставить свое государство люди Московскаго государства, которые въ то время были на Москвѣ.

ныхъ. Кромѣ того, мы имѣемъ еще 6 избирательныхъ соборовъ и одинъ, опредѣлившій низложеніе Шуйскаго [1]).

Какъ право созванія исключительно принадлежало государямъ, такъ отъ ихъ же усмотрѣнія зависѣло и опредѣленіе поводовъ, по которымъ они находили нужнымъ вступить въ совѣщаніе съ выборными людьми. Такъ у насъ, такъ и на Западѣ. Самые поводы также общи у насъ съ западными государствами. Всего чаще созываются представители съ цѣлью получить отъ нихъ денежное вспоможеніе для пополненія истощенной казны. Въ связи съ необходимостью денежныхъ пожертвованій имъ предлагаются и вопросы о мирѣ и войнѣ. Наконецъ, они созываются и для обсужденія мѣръ относительно устроенія земли вообще; сюда относятся и законодательные вопросы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно любопытны призывныя грамоты 1619, 1648, 1681 и 1682 годовъ. По призывнымъ грамотамъ 1619 г., выборные люди созывались «устроить Московское государство», еще не поправившееся отъ послѣдствій смутнаго времени. Соборъ 1648 г. былъ созванъ для того, чтобы «государевы и земскія дѣла утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ бо̀льшаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна». Соборъ торговыхъ людей 1681 г. долженъ былъ разсуждать о средствахъ уравненія податей и службъ тяглыхъ людей. Наконецъ, собору служилыхъ людей 1682 г. былъ предложенъ

---

[1]) Число соборовъ, созванныхъ Михаиломъ Өедоровичемъ, опредѣляется въ нашей литературѣ весьма различно. Аксаковъ (Русск. Бесѣда, 1856 г., IV), С. М. Соловьевъ (Русск. Вѣстн. 1857 г., апрѣль) и Б. Н. Чичеринъ считаютъ 12: Бѣляевъ только 7. Въ виду этого мы находимъ не лишнимъ указать годы извѣстныхъ намъ соборовъ и акты, въ которыхъ есть на нихъ указаніе: 1613 г. А. Э. III, 4: 1614 г. кн. разряд. I, 2; 1616 г. А, Э. III, 81; 1618 г. Рум. соб. III, 40; 1619 г. Рум. соб. III, 47; А. Э. III, 105; 1621 г. Рум. соб. III, 57; 1633 г. А. Э. III, 213 и 242; 1634 г. Рум. соб. III, 99 и А. Э. III, 242: 1637 г. А. Э. III, 275 и 1642 Рум. соб. III, 113. Есть указаніе, что въ 1681 г. Өедоръ Алексѣевичъ вызывалъ въ Москву выборныхъ. А. И. V. № 83.

вопросъ о лучшемъ устроеніи рати. Но выборные люди не ограничивались отвѣтомъ на предложенные имъ государемъ вопросы. Они обращались въ почтительной, по понятіямъ того времени, формѣ челобытія и съ самостоятельными заявленіями о своихъ нуждахъ. Соборъ 1621 г. былъ созванъ по поводу войны съ Польшей. Служилые люди воспользовались этимъ случаемъ, чтобы просить государя «разобрать службу», т.-е. произвести повѣрку служилыхъ людей, чтобы избылыхъ отъ службы не было. Нѣсколько просьбъ и жалобъ на злоупотребленія разныхъ органовъ мѣстнаго и центральнаго управленія было высказано на соборѣ 1642 г. Чины собора 1648 г. также подавали государю свои челобитныя. Съ такимъ же обычаемъ встрѣчаемся и въ западныхъ государствахъ. Въ Англіи представители обращаются къ королямъ съ петиціями. Относительно Франціи мы знаемъ, что обращенія выборныхъ къ королямъ въ формѣ жалобъ (doléances) дѣлались ими съ преклоненіемъ колѣнъ. При какой обстановкѣ подавались наши челобитныя, изъ актовъ соборовъ не видно.

Переходя къ порядку засѣданій, прежде всего надо замѣтить, что какъ у насъ, такъ и въ Западной Европѣ, эпоха возникновенія представительства совпадаетъ съ эпохой образованія сословій. По закону солидарности единовременно существующихъ явленій, сословность должна была отразиться и на представительствѣ. Какъ мы уже видѣли, выборы были исключительно сословные; та же сословность проникла и въ самыя палаты засѣданій и опредѣлила ихъ порядокъ, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ у насъ и на Западѣ.

Практика нашихъ соборовъ относительно порядка засѣданій не выработалась въ одну опредѣленную форму и была очень разнообразна. Смотря по намѣреніямъ правительства засѣданія нашихъ чиновъ получали то тотъ, то другой видъ. Съ нѣкоторымъ единообразіемъ встрѣчаемся мы только въ порядкѣ открытія соборовъ. Засѣданія нашихъ соборовъ, какъ и западно-европейскихъ, открывались, обыкновенно,

самими государями. Всѣ члены собора, безъ различія чиновъ, сходились для этой цѣли въ одну палату [1]). Открытіе совершалось рѣчью, въ которой излагались поводы собранія и вопросы, подлежащіе его рѣшенію. Рѣчь эта нерѣдко произносилась самимъ государемъ, а иногда читалась въ его присутствіи особо для того назначеннымъ лицомъ. Отступленіе отъ этого порядка представляютъ соборы 1648 и 1682 г.: члены ихъ выслушали государеву рѣчь порознь и только высшіе въ присутствіи самого государя.

Что касается самаго хода совѣщаній, то въ западныхъ государствахъ каждое сословіе обсуждало предложенный вопросъ отдѣльно. Первоначальный порядокъ засѣданій является, такимъ образомъ, въ формѣ трехъ отдѣльныхъ палатъ: палаты духовенства, дворянства и третьяго сословія. Въ Англіи въ составъ палаты дворянъ одинаково входили какъ большіе бароны, призываемые лично, такъ и мелкіе рыцари, выбранные отъ графствъ. Это раздѣленіе прежде всего условливалось особенностями образованія сословій въ Западной Европѣ. Члены третьяго сословія, только-что освободившіеся изъ-подъ неограниченной власти феодальныхъ господъ, не могли, конечно, заявлять притязаній на мѣста рядомъ съ своими недавними повелителями. Затѣмъ оно поддерживалось тѣмъ обстоятельствомъ, что сословному различію лицъ соотвѣтствовало различіе собственности и, слѣдовательно, повинностей. Благодаря этому послѣднему различію, третье сословіе не могло принимать участія въ обложеніи дворянъ, такъ какъ предметы обложенія были другіе, и наоборотъ. Такимъ образомъ, вопросъ о денежномъ вспоможеніи, одинъ изъ наиболѣе частыхъ поводовъ къ собранію представителей, не могъ рѣшаться всѣми вмѣстѣ, а непремѣнно требовалъ раздѣленія. Такъ какъ каждое сословіе, входившее въ составъ парламента, говорило только

[1]) Засѣданія соборовъ происходили, обыкновенно, во дворцѣ, но въ разныхъ палатахъ или залахъ. Иногда соборы созывались въ большой грановитой палатѣ, иногда въ столовой избѣ, иногда въ отвѣтной палатѣ и пр.

за себя, то иногда для рѣшенія вопросовъ, касавшихся извѣстнаго сословія, короли ограничивались созваніемь представителей одного этого сословія. Даже въ Англіи встрѣчаемся съ совѣщаніями королей то съ представителями только торговыхъ людей, если вопросъ касался только ихъ интересовъ, то съ представителями одних рыцарей, если дѣло шло объ интересахъ дворянъ. Неудобства этого порядка, состоявшія въ томъ, что за сословіями почти не было видно государства,—несомнѣнны, но при томъ направленіи, которое приняла средневѣковая исторія, они были неизбѣжны. Въ Англіи это раздѣленіе на три палаты начинаетъ выходить изъ практики только около половины XIV вѣка, когда члены высшаго духовенства сливаются съ великими баронами въ одну палату лордовъ, а рыцари, выбранные отъ графствъ, вмѣстѣ съ представителями городовъ составляютъ одну палату общинъ. Это измѣненіе, положившее начало вошедшей нынѣ во всеобщее употребленіе системѣ двухъ палатъ, вызвано тѣмъ фактомъ. что мелкіе рыцари, по общественному своему положенію, были гораздо ближе къ представителямъ городовъ, чѣмъ къ большимъ баронамъ. Но измѣненіе это совершилось не разомъ: прежде чѣмъ слиться въ одно цѣлое съ выборными городовъ, мелкіе рыцари засѣдали иногда отдѣльно и отъ нихъ, и отъ бароновъ. Во Франціи раздробленіе на три палаты удержалось до первой революціи.

Въ Московскомъ государствѣ образованіе сословій шло инымъ путемъ, чѣмъ въ Западной Европѣ. Посадскіе люди никогда не были въ зависимости отъ дворянъ, а потому у насъ не могло представляться невозможнымъ, съ точки зрѣнія сословныхъ приличій, соединеніе всѣхъ членовъ собора для совокупнаго отвѣта на рѣчь государя. Что нѣкоторые соборы дѣйствительно отвѣчали на вопросы государя безъ всякаго раздѣленія, это надо вывести изъ встрѣчающагося въ нѣкоторыхъ соборныхъ протоколахъ приглашенія чинамъ отвѣтить на предложенный вопросъ «порознь». Если отвѣтъ порознь надо было именно предписать, то, конечно,

когда этого предписанія не было, чины отвѣчали безъ раздѣленія. Этотъ выводъ находитъ себѣ и прямое подтвержденіе въ оффиціальныхъ описаніяхъ нѣкоторыхъ соборныхъ совѣщаній. Въ соборномъ протоколѣ 1618 г. по изложеніи царской рѣчи читаемъ: «И государю царю великому князю Михаилу Өеодоровичу говорили на соборѣ митрополиты, архіепископы и бояре... и всякихъ чиновъ люди Московскаго государства, что они» и пр. Или въ соборномъ протоколѣ 1621 г. также послѣ рѣчи государя читаемъ: «И митрополиты, и архіепископы, и бояре... и торговые и всякихъ чиновъ люди Московскаго государства били челомъ на соборѣ государю» и проч.

Но изъ того, что отвѣтъ давался всѣми вмѣстѣ, еще не слѣдуетъ, что онъ выработанъ былъ безъ раздѣленія на сословія. Хотя образованіе сословій совершалось у насъ при иныхъ условіяхъ, чѣмъ на Западѣ, тѣмъ не менѣе и у насъ возникли весьма важныя сословныя различія, которыя отразились на всемъ бытѣ населенія. Кромѣ того, высшіе чины духовенства и служилыхъ людей, постоянныхъ совѣтниковъ государя, и по положенію своему въ обществѣ стояли неизмѣримо выше не только посадскихъ, но и дворянъ. На соборѣ 1642 г. дворяне нѣкоторыхъ городовъ такъ выражаются о боярахъ: бояре наши вѣчные господа и промышленники. Въ виду этихъ различій трудно допустить, чтобы дворяне и посадскіе, хотя они были и въ одной палатѣ, стояли, смѣшавшись съ боярами и епископами, и такимъ образомъ договаривались объ общемъ отвѣтѣ. По всей вѣроятности, чины собора занимали мѣста по сословіямъ, и сперва члены каждаго сословія переговаривались между собой, а потомъ уже одно сословіе, какъ цѣлое, сносилось съ другими; при этомъ, надо думать, мнѣніе высшихъ чиновъ имѣло преобладающее значеніе. Но если вопросъ касался только интересовъ отдѣльнаго сословія, то и у насъ необходимо допустить исключительно сословный отвѣтъ и по тѣмъ же причинамъ, какъ въ Западной Европѣ. Въ разсматриваемое время у насъ тоже сословному различію

лицъ соотвѣтствовало различіе собственности и повинностей. Дворяне несли обще обязательную военную службу, посадскіе — тяглую, повинности духовенства, въ свою очередь, отличались отъ повинностей дворянъ и посадскихъ. Поэтому, всѣ вопросы о денежномъ, напримѣръ, вспоможеніи и у насъ должны были рѣшаться каждымъ сословіемъ порознь. Подтвержденіе этому выводу находимъ въ царскихъ граматахъ, писанныхъ на основаніи соборныхъ опредѣленій, изъ которыхъ мы знаемъ, что дворяне, посадскіе и духовенство облагались иногда различно: посадскіе, напримѣръ, даютъ пятую деньгу съ промысловъ, духовенство свои келейныя и домовыя деньги, дворянство обязывается дать — кто что̀ можетъ, по особой росписи, въ которой каждый дворянинъ обозначалъ, что̀ онъ можетъ дать. Если общій отвѣтъ о войнѣ, денежномъ вспоможеніи и пр. дается всѣми вмѣстѣ, то частности о способахъ участія въ трудахъ войны обсуждались каждымъ сословіемъ отдѣльно. Образчикъ этому находимъ въ протоколѣ собора 1621 г. Послѣ вышеприведеннаго общаго отвѣта, въ протоколѣ находимъ указаніе на отвѣты по сословіямъ: духовенство вызывается молиться Богу о покореніи подъ ноги государя всякаго врага и супостата, служилые люди—биться съ врагами, не щадя головъ своихъ, посадскіе — дать денегъ.

Различіе повинностей сдѣлало, такимъ образомъ, и у насъ необходимымъ обсужденіе вопроса о способахъ вспоможенія правительству каждымъ сословіемъ особо. Но этимъ не ограничивается сходство нашихъ порядковъ съ западными. Различное общественное положеніе духовныхъ властей и высшихъ чиновъ служилыхъ людей, по степени приближенія ихъ къ государю, и у насъ, подобно Англіи, проявилось въ томъ, что иногда бояре, окольничіе и думные люди вмѣстѣ съ духовными властями составляютъ одно засѣданіе [1]), а вы-

---

[1]) Свидѣтельство Флетчера, The history of Russia, chap. VII, исключительно относится къ этой высшей палатѣ. Указавъ, что въ составъ ея входили: самъ царь, его постоянные совѣтники числомъ около 20, и чины духовенства, въ томъ же числѣ, Флетчеръ продолжаетъ: As

борные дворяне и посадскіе свое особое. Примѣръ этому даетъ соборъ 1648 г. Изъ оффиціальнаго протокола этого собора видно, что засѣданія его, продолжавшіяся болѣе трехъ мѣсяцевъ (начались 5 октября 1648 г., кончились въ январѣ 1649 г.), происходили въ двухъ разныхъ палатахъ: въ одной находились государь, духовныя власти, бояре, окольничіе и думные люди; въ другой, въ отвѣтной палатѣ, собирались всѣ выборные люди, какъ дворяне, такъ и посадкіе. Но хотя всѣ выборные люди и находились въ одной палатѣ, они не составляли, однако, одного цѣлаго: челобитныя, которыя они подавали государю въ теченіе этого собора, писались особо отъ дворянъ, особо отъ посадскихъ, хотя по содержанію въ нѣкоторыхъ пунктахъ онѣ и были одинаковы (А. Э. IV, 32).

Сословность, опредѣлившая порядки нашихъ соборныхъ засѣданій, проявилась еще съ большею рѣзкостью въ томъ, что для обсужденія вопросовъ, исключительно касавшихся только одного сословія, созывались и у насъ, какъ въ Англіи, только представители этого сословія. Указанія на такіе неполные соборы встрѣчаемъ въ царствованіе Михаила Өеодоровича, Алексѣя Михайловича и Өеодора Алексѣевича. Хотя по вышеприведенному мнѣнію Михаила Өеодоровича на предложеніе англійскаго посла, Джона Мерика, нельзя было отвѣчать безъ совѣта всего государства, но въ дѣйствительности отвѣтъ былъ данъ только по совѣщанію съ торговыми людьми. Это объясняется сословной разрозненностью Московскаго государства: и на общемъ соборѣ, еслибы онъ былъ созванъ по этому поводу, мнѣніе о торговыхъ дѣлахъ могли дать только посадскіе люди, такъ какъ

for burghers or other to represent the communaltie, they have no place there: the people being of no better account with them then as servants or bondslaves, that are to obey, not to make laws, nor to know any thing of public matter before they are concluded. Изъ предшествующаго мы знаемъ, что въ общемъ это сужденіе не вѣрно; но въ боярское првленіе Өедора Ивановича, когда Флетчеръ былъ въ Россіи, представители дворянъ и городовъ, по всей вѣроятности, не созывались.

они преимущественно занимались дѣломъ торговли. Какъ на общихъ соборахъ торговые люди отказывались подавать мнѣніе о военныхъ вопросахъ, ссылаясь на то, что они люди неслужилые и службы не знаютъ, такъ могли бы и дворяне, призванные судить о торговомъ вопросѣ, отказаться подать свое мнѣніе, ссылаясь на то, что они не торговые люди и торговыхъ дѣлъ не знаютъ. Подобно Михаилу Өеодоровичу, и Өеодоръ Алексѣевичъ для рѣшенія вопроса о средствахъ уравненія податей и службъ тяглыхъ людей созываетъ только представителей посадовъ, а для рѣшенія вопроса о лучшемъ устройствѣ военной службы—только представителей служилыхъ чиновъ, дворянъ, стольниковъ и пр. Этотъ послѣдній соборъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ такъ же, какъ и соборъ 1648 г., состоялся въ формѣ двухъ палатъ. Одну составляли выборные люди служилыхъ чиновъ, собравшіеся 24 ноября (или нѣсколько дней позднѣе); поводъ къ собранію былъ имъ объявленъ особо назначенными боярами, которымъ поручено было руководить и совѣщаніями выборныхъ. Другую палату составили: духовенство, бояре, окольничіе и думные люди, засѣданіе которыхъ открылось 12 января въ присутствіи самого государя и мѣсяца два позднѣе собранія выборныхъ людей, когда эти послѣдніе пришли уже къ рѣшенію предложеннаго имъ вопроса. Но какъ на соборѣ 1648 г. дворяне и посадскіе не составляли одного цѣлаго, такъ и на соборѣ 1682 г. духовныя власти и члены государевой думы не сливаются въ одно: хотя рѣчь государя они слушаютъ и вмѣстѣ, но отвѣтъ на нее даютъ порознь.

Отъ описанныхъ соборныхъ порядковъ, которые опредѣлялись сословностью Московскаго государства и въ существѣ сходны съ западно-европейскими, надо отличать порядки тѣхъ соборовъ, чинамъ которыхъ прямо предписывалось отвѣчать на рѣчь государя—«порознь». Такія предписанія мы имѣемъ для соборовъ 1566, 1642 и 1653 гг., на которыхъ обсуждались сложнѣйшіе вопросы внѣшней политики: на первомъ—продолжать ли ливонскую войну или

согласиться на миръ, предложенный польскимъ королемъ; на второмъ—принять ли отъ донскихъ казаковъ взятый ими у турокъ Азовъ; на третьемъ — принять ли Малороссію въ подданство и начинать ли войну съ Польшею? Въ виду особой трудности этихъ вопросовъ, правительство обращалось къ чинамъ не съ цѣлью придти къ соборному ихъ рѣшенію, а только для того, чтобы узнать ихъ мнѣнія, оставляя за собой самостоятельное рѣшеніе вопроса. Судя по дошедшимъ до насъ отвѣтамъ, подача мнѣній порознь могла идти даже далѣе дѣленія на чины. Не только каждый чинъ могъ дать свой отвѣтъ, но и каждый выборный, думающій несогласно съ другими, могъ подать свое особое мнѣніе. Это было совершенно согласно и съ намѣреніями правительства, которое хотѣло только узнать отдѣльныя мнѣнія. Въ актѣ собора 1653 года встрѣчаемъ такое выраженіе: а «стольники и стряпчіе и дворяне московскіе... допрашиваны жъ по чинамъ, порознь». Подача мнѣній происходила, такимъ образомъ, въ формѣ допроса, причемъ, конечно, не могло быть обойдено ни одно разнорѣчіе. Въ случаяхъ приглашенія отвѣчать порознь, отвѣты давались, обыкновенно, письменно. Для этой цѣли къ чинамъ назначались особые дьяки, на которыхъ, вѣроятно, и лежала письменная редакція отвѣта.

Фактъ постановленія приговоровъ соборами не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Въ царской граматѣ отъ 1615 г. читаемъ: «По нашему указу и всей земли приговору велѣно со всѣхъ городовъ сбирати деньги»; или въ царской грамотѣ отъ 1616 г.: «А съ васъ, съ Максима и съ Никиты и съ Андрея и съ Петра (Строгановыхъ), власти и всѣхъ городовъ выборные люди приговорили взять 40 т. рублевъ»; или въ царской грамотѣ 1634 г.: «И въ прошломъ 1635 г. по государеву указу и съ соборнаго уложенія сбирано на жалованье ратныхъ людей...»; или въ царской граматѣ отъ 1637 г.: «И мы, великій государь, приговорили на соборѣ... стояти со всѣми ратными людьми»... Но, признавая фактъ соборныхъ постановленій, необходимо сдѣлать оговорку, съ цѣлью ввести его въ должныя границы. Со

борные приговоры являются плодомъ засѣданій не всякаго собора; чины нѣкоторыхъ соборовъ, не приходя ни къ какому общему рѣшенію, ограничивались одной подачей мнѣній. Это различіе соборовъ, рѣшающихъ и только подающихъ мнѣнія, зависѣло отъ намѣреній правительства. Если государь хотѣлъ только освѣтить свое рѣшеніе мнѣніями чиновъ, ихъ мнѣнія собирались въ формѣ допроса отдѣльныхъ чиновъ и даже лицъ, какъ на соборѣ 1642 г.; если, наоборотъ, государю нужно было рѣшеніе собора, совѣщанія получали форму, соотвѣтственно этой цѣли: отвѣты давались или всѣми чинами совокупно или отдѣльными сословіями, смотря по характеру вопроса, какъ на соборахъ 1621, 1648 и 1682 гг.

Изъ приведенныхъ только-что мѣстъ царскихъ грамать видно, что существеннымъ элементомъ рѣшенія является участіе въ немъ воли самого государя: «Мы, великій государь, приговорили на соборѣ...; по нашему указу и всей земли приговору»... Отсюда, нѣтъ государевой воли, соглашающейся съ приговоромъ всей земли, нѣтъ и соборнаго приговора. Но какъ возникалъ самый приговоръ земли? Отбирались ли голоса, и если отбирались, то какимъ порядкомъ? Если оказывалось разногласіе, то какое число голосовъ принималось за рѣшеніе всей земли? Наши памятники не содержатъ ни малѣйшаго указанія на возможность раздѣленія голосовъ и на рѣшеніе какимъ-либо большинствомъ. Надо думать, что рѣшеніе было всегда единогласное, что оно являлось плодомъ соглашенія всѣхъ. Это мнѣніе подтверждается практикою избирательныхъ соборовъ, которая въ этомъ случаѣ не могла представлять исключенія изъ общихъ обычаевъ. Въ актѣ избранія Бориса Ѳедоровича говорится, что онъ былъ избранъ единогласно. Михаилъ Ѳедоровичъ избранъ единомысленно, т.-е. тоже единогласно, ибо въ случаѣ раздѣленія голосовъ избраніе не могло быть названо единомысленнымъ. Само собой разумѣется, что это единогласіе получалось не сразу; ему предшествовали споры и разногласіе. Изъ акта избранія Михаила Ѳедоровича

знаемъ, что, прежде чѣмъ пришли къ единомыслію, «всякіе люди говорили съ великимъ шумомъ и плачемъ». Относительно избранія царя, по смерти Θедора Алексѣевича, духовенствомъ и членами думы рѣшено было, чтобы «тому избранію быть общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства людей». Самое избраніе названо также единогласнымъ. Наконецъ, и въ другихъ случаяхъ Московское государство не знало рѣшенія большинствомъ. Выборы губныхъ старостъ и цѣловальниковъ производились тоже единогласно: избиратели приглашались выбрать ихъ «свѣстяся всѣ за одинъ». Въ этомъ же смыслѣ соглашенія всѣхъ надо понимать и выраженіе, употребленное въ актѣ собора 1682 г. Отмѣняя мѣстничество, Θедоръ Алексѣевичъ говоритъ, что онъ дѣлаетъ это «общимъ совѣтомъ всѣхъ», т.-е. выборные служилые люди, духовенство и члены государевой думы высказались въ пользу отмѣны мѣстничества безъ всякаго разногласія.

Если дѣла рѣшались безъ раздѣленія голосовъ, то понятно, никакого счета голосовъ и не было. Вопросъ обсуждался до тѣхъ поръ, пока не приходили къ какому-либо соглашенію, и затѣмъ это соглашеніе, какъ совѣтъ всѣхъ, подносили на усмотрѣніе государя. Поднесеніе это совершалось также въ почтительной формѣ челобитья. На соборѣ 1621 г., на рѣчь царя, въ которой онъ изложилъ «неправды и крестопреступленія искони вѣчнаго врага Московскому государству польскаго и литовскаго Жигимонта короля», члены собора «били челомъ государю, чтобы онъ за святыя божіи церкви и за свою государскую честь и за свое государство противъ недруга своего стоялъ крѣпко». Подобно тому, въ 1682 г. выборные служилые люди, которымъ былъ предложенъ вопросъ о лучшемъ устройствѣ военной службы, бьютъ челомъ, чтобы служба была безъ мѣстъ.—За челобитьемъ чиновъ собора, если государь принималъ это челобитье, слѣдуетъ соборный приговоръ, соборное уложеніе или приговоръ государя на соборѣ.

Краткій, но полный перечень существенныхъ моментовъ

всего соборнаго производства сохранили намъ протоколы соборовъ 1618 и 1682 г. Соборъ 1618 г. открывается рѣчью государя, въ которой, изложивъ поводъ созванія выборныхъ (приближеніе къ Москвѣ польскаго королевича Владислава), онъ объявляетъ имъ, что, призвавъ на помощь московскихъ чудотворцевъ, обѣщался въ Москвѣ въ осадѣ сидѣть и съ литовскими людьми биться. Затѣмъ государь обращается съ слѣдующимъ увѣщаніемъ къ чинамъ: «И вы бы, митрополиты, архіепископы, бояре, окольничіе, стольники, дворяне и всякихъ чиновъ люди за православную вѣру, за государя и за себя въ осадѣ сидѣли и противъ польскихъ и литовскихъ людей стояли крѣпко и съ ними бились». На это чины собора отвѣчаютъ, что они «всѣ единодушно дали обѣтъ Богу за православную христіанскую вѣру и за него, государя, стоять и съ польскими и литовскими людьми битися до смерти, не щадя головъ своихъ». За этимъ отвѣтомъ слѣдуетъ соборный приговоръ: «И приговорилъ государь со властьми, съ бояры и со всякихъ чиновъ людьми Московскаго государства: быти на Москвѣ въ осадѣ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ»... Тѣмъ же порядкомъ шло и рѣшеніе вопроса о лучшемъ устройствѣ военной службы. Вопросъ этотъ сперва былъ предложенъ выборнымъ отъ служилыхъ людей. Такъ какъ онъ не могъ быть рѣшенъ немедленно, да и не нуждался въ такомъ спѣшномъ рѣшеніи, выборнымъ предоставлено было время обсудить его и объ отвѣтѣ ихъ приказано было доложить государю. Какъ скоро выборные чины сошлись на одномъ отвѣтѣ и вошли къ государю съ отвѣтственнымъ челобитьемъ, государь передалъ это челобитье духовнымъ властьямъ и членамъ своей думы. По принятіи его тѣми и другими послѣдовала отмѣна мѣстничества «со общаго совѣта».

Послѣдствія рѣшенія состояли въ исполненіи соборнаго приговора. Для этой цѣли писались особыя царскія граматы со ссылкой на соборное опредѣленіе. Особенно любопытны двѣ царскія граматы въ Галичъ и Новгородъ отъ 1619 г., указывающія на весьма широкую дѣятельность соборовъ, на-

правленную къ устроенію земли, въ чемъ такъ нуждалось Московское государство послѣ разгрома смутнаго времени. Этими царскими граматами, составленными на основаніи соборнаго приговора, предписывалось: 1) во всѣ города, которые не были разорены, послать писцовъ; а которые города были разорены, въ тѣ послать дозорщиковъ добрыхъ, приведя ихъ къ крестному цѣлованію и давъ имъ полные наказы, чтобы они писали и дозирали правду, безъ посуловъ; 2) посадскихъ людей украйнихъ городовъ, которые живутъ на Москвѣ и по другимъ городамъ, сыскивая, отсылать въ тѣ города, гдѣ они жили прежъ сего, и льготы имъ дать, смотря по разоренію; 3) посадскимъ людямъ, которые заложились за епископовъ, бояръ и всякихъ чиновъ людей, быть попрежнему, гдѣ были напередъ сего; а на тѣхъ людяхъ, за кѣмъ они жили, сыскавъ, доправить всякія подати за прежніе годы; 4) на сильныхъ людяхъ, во всякихъ обидахъ сыскать боярамъ такимъ-то; 5) во всѣхъ городахъ сыскать и выписать, сколько должно поступать денежныхъ и хлѣбныхъ запасовъ по окладу; что въ приходѣ, что въ расходѣ, и что въ доимкѣ осталось, и что отъ разоренья запустѣло; 6) что какихъ селъ и деревень роздано въ помѣстья и въ вотчины, и что съ нихъ было какихъ доходовъ; 7) что по окладу осталось всякихъ доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ и на какіе расходы тѣ доходы указаны, и что за расходомъ останется; наконецъ, 8) изъ всѣхъ городовъ для вѣдомости и устроенія прислать къ Москвѣ выборныхъ людей, добрыхъ и разумныхъ, которые умѣли бы разсказать обиды и насильства и разоренія и устроить Московское государство [1]).

Относительно продолжительности дѣятельности выбор-

[1]) А. Э. III, 105. Рум. с. III, 47. До насъ дошло, если не ошибаемся, семь исполнительныхъ грамотъ; пять изъ нихъ касаются денежнаго сбора. Кромѣ того, мы имѣемъ 3 исполнительныхъ грамоты отъ имени духовенства и одну отъ имени собора непосредственно. Но это, конечно, отступленіе отъ обыкновеннаго порядка, объясняемое особенностями смутнаго времени; всѣ эти грамоты 1613 и 1614 г.

ныхъ людей одного созыва и порядка закрытія соборовъ, источники не даютъ никакихъ указаній. Мы имѣемъ однако полное основаніе утверждать, что дѣятельность выборныхъ не всегда ограничивалась однимъ соборнымъ засѣданіемъ, что иногда они принимали участіе въ нѣсколькихъ соборахъ и оставались, такимъ образомъ, въ сборѣ въ теченіе года и даже болѣе. Въ соборномъ протоколѣ 1634 г. читаемъ: «Въ прошломъ 1633 г. государь царь и великій князь Михаилъ Өедоровичъ объявили вамъ на первомъ соборѣ...». Это, слѣдовательно, второй соборъ для тѣхъ же выборныхъ. Весьма вѣроятно, что первые соборы въ царствованіе Михаила Өедоровича состояли изъ выборныхъ людей избирательнаго собора 1613 года, а соборъ 1618 г. изъ выборныхъ людей призыва 1616 г. [1]).—Закрытіе собора и распущеніе выборныхъ совершенно, конечно, зависѣли отъ усмотрѣнія государя.

Переходимъ къ вопросу о значеніи нашихъ соборовъ съ точки зрѣнія права. Русскій человѣкъ и теперь не очень любитъ строгія опредѣленія права и мало склоненъ облекать свои дѣйствія въ точныя юридическія формы; ему болѣе по душѣ не юридическая область доброй вѣры. Точныя юридическія опредѣленія еще менѣе были въ духѣ людей московской эпохи. Наши государи нуждались въ содѣйствіи русской земли, они пользовались имъ въ формѣ соборовъ; этимъ все и исчерпывалось. Никто не думалъ закрѣпить это содѣйствіе въ какія-либо опредѣленныя нормы закона. Нѣкоторые изъ изслѣдователей нашей старины, исходя изъ тѣхъ

[1]) Б. Н. Чичеринъ думаетъ, что соборъ 1618 г. былъ составленъ только изъ московскихъ людей, потому что 8 сентября была получена вѣсть о приближеніи къ Москвѣ польскаго королевича Владислава, а 9 сентября былъ уже собранъ соборъ для принятія мѣръ обороны. Но въ приложенной къ протоколу росписи, кому гдѣ быть для встрѣчи приближающагося непріятеля, перечисляется множество городовыхъ дворянъ, которые находились въ Москвѣ не случайно, а по службѣ. Это обстоятельство только подтверждаетъ предположеніе, что въ Москвѣ могли находиться и выборные для собора люди призыва 1616 г. которые и принимали участіе въ соборѣ 1618 г.

вѣрныхъ положеній, что никакой указъ не обязывалъ московскихъ государей созывать соборы, что они обращались къ нимъ только въ крайнихъ случаяхъ, что они могли принять рѣшеніе и независимо отъ того, какъ высказался соборъ, приходятъ къ заключенію, что наши соборы имѣли только совѣщательное значеніе, что правительство, обладая скудными средствами и плохо зная силы страны, искало въ нихъ совѣта и опоры, но нисколько не связывалось ихъ мнѣніями. Такой взглядъ едва-ли можетъ быть принятъ. Понятіе совѣщательнаго учрежденія—новое, оно незнакомо не только Московскому государству, но и ни одному изъ западныхъ на той же ступеня развитія, и мы не имѣемъ никакого основанія допустить, чтобы люди московской эпохи смотрѣли на соборы съ этой точки зрѣнія. Чтобы имѣть сколько-нибудь твердую точку отправленія при рѣшеніи этого вопроса, мы приведемъ нѣсколько фактовъ, изъ которыхъ можно будетъ вывести заключеніе о взглядахъ московскихъ государей на соборы.

Что̀ происходило на первомъ соборѣ, созванномъ Иваномъ Грознымъ? Изъ дѣяній этого собора намъ извѣстна только рѣчь царя, произнесенная имъ на лобномъ мѣстѣ, въ присутствіи собраннаго имъ государства «изъ городовъ всякаго чина». Обратившись къ митрополиту, государь сказалъ: «Молю тя, святой владыко, будь помощникъ мнѣ и любви поборникъ; знаю, ты желаешь добрыхъ дѣлъ и любви. Тебѣ извѣстно, владыко, что остался я послѣ отца моего четырехъ лѣтъ, а послѣ матери—восьми; родители не могли воспитать меня, а сильные мои бояре и вельможи не радѣли обо мнѣ и были самовластны, такъ какъ некому было воздержать ихъ: они предались хищенію и обижали народъ. Я же былъ какъ бы глухъ и не слышалъ, и не было въ устахъ моихъ обличенія, по причинѣ юности моей и пустоты. Они же властвовали... О, неправедные лихоимцы и хищники и неправедный судъ творившіе! какой дадите нынѣ отвѣтъ намъ за ту кровь, которую вы пролили? Я чистъ отъ сея крови. Ожидайте воздаянія своего». Затѣмъ, покло-

нившись на всѣ стороны, царь продолжалъ: «Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Нынѣ прежнихъ обидъ и разореній и налоговъ исправить невозможно, замедленія ради юности моей и пустоты и безпомощества, и неправдъ ради бояръ моихъ и властей, и безсудства ихъ неправеднаго, и лихоиманія, и сребролюбія. Оставьте взаимную вражду. Отнынѣ же я самъ буду, насколько въ силахъ моихъ, судья вамъ и оборона». Еслибы юный царь, Иванъ Васильевичъ, думалъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изслѣдователями нашей старины, что въ мнѣніи народа для него нѣтъ ничего обязательнаго, онъ не обратился бы къ нему съ торжественнымъ разъясненіемъ причинъ неурядицъ, которыми отличалось правленіе государства въ его малолѣтство; у него не было бы побужденій сказать: я неповиненъ въ той крови, которую проливали бояре. Въ началѣ XVII в. Михаилъ Ѳедоровичъ не разъ обращался къ соборамъ съ просьбою «дать денегъ» и затѣмъ собиралъ опредѣленное соборомъ вспоможеніе, ссылаясь на его приговоръ. Это также выходитъ за предѣлы простого совѣщанія [1]). Далѣе, Алексѣй Михайловичъ важнѣйшій законодательный актъ своего царствованія облекаетъ въ форму соборнаго уложенія. Мы не будемъ теперь останавливаться на вопросѣ о томъ, принимали-ли чины собора 1648 г. участіе въ составленіи самыхъ статей Уложенія или нѣтъ; мы возьмемъ изъ ихъ дѣятельности только то, что̀ всѣми признано: они подписали Уложеніе. Но что̀ значитъ подписать что-либо или, какъ тогда говорили, приложить свою руку? Приложить руку къ дѣлу значитъ принять участіе въ его совершеніи, въ данномъ же случаѣ — согласиться. Такъ именно понимали значеніе подписи люди Московскаго государства. Мы имѣемъ челобитье чиновъ собора 1648 г., въ которомъ они просятъ государя, чтобы

---

[1]) Въ подкрѣпленіе нашей мысли намъ пріятно сослаться здѣсь на мнѣніе Б. Н. Чичерина, который тоже находитъ, что въ царствованіе Михаила Ѳедоровича соборы имѣютъ уже не чисто совѣщательный характеръ. «О представительствѣ», 370.

были отобраны у монастырей, протопоповъ и поповъ тѣ вотчины, которыя они пріобрѣли послѣ собора 1580 г. (этимъ соборомъ такія пріобрѣтенія воспрещались). Обязательность постановленій собора 1580 г. для духовенства своего времени они выводятъ изъ того, что «власти къ тому приговору и руки свои приложили, что имъ и впредь, кто по нихъ иныя власти будутъ, никакихъ земель въ монастыри не имать» (А. Э. IV, 33). Другой вопросъ, добровольно было это согласіе или нѣтъ? По краткости оффиціальнаго протокола собора 1648 г. и скудости другихъ извѣстій, мы не можемъ отвѣтить на него съ надлежащей полнотой. Есть основаніе думать, что для нѣкоторыхъ чиновъ, по крайней мѣрѣ, это согласіе не было добровольнымъ. Мы имѣемъ заявленіе патріарха Никона, въ которомъ онъ такъ выражается о соборѣ 1648 г.: «И то всѣмъ вѣдомо, что соборъ былъ не по воли, боязни ради междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя ради правды». Но это не измѣняетъ существа дѣла: члены собора могли дѣйствовать подъ какими-либо вліяніями, которыя и опредѣлили направленіе ихъ воли; но самый фактъ согласія остается несомнѣннымъ. Вмѣстѣ съ этимъ, внѣ спора и то, что Алексѣй Михайловичъ находилъ нужнымъ ихъ согласіе для изданія Уложенія. Наконецъ, отмѣна мѣстничества совершилась также при участіи выборныхъ «общимъ совѣтомъ всѣхъ». Мысль, руководившая правительствомъ въ этомъ случаѣ, совершенно понятна. Мѣстничество, возникнувъ въ силу обычая, охватывало всѣ разряды служилыхъ людей и такъ глубоко проникло въ жизнь, что отмѣна его могла имѣть надлежащую силу только благодаря соглашенію всѣхъ. Въ виду приведенныхъ фактовъ, едва-ли можно сомнѣваться, что значеніе московскихъ соборовъ не исчерпывается понятіемъ совѣщательнаго учрежденія: оно идетъ далѣе, хотя никакой указъ формально и не признавалъ за ними того положенія, которымъ въ дѣйствительности они пользовались. Понятіе абсолютной власти, во всей своей теоретической ясности и послѣдовательности, окончательно сложилось у насъ только

въ царствованіе Петра I. Московская эпоха по отношенію къ этому вопросу являетъ еще переходное состояніе. Въ качествѣ эпохи переходной, она и представляетъ одновременное существованіе разнообразныхъ началъ. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что московскіе государи признаютъ за собою право дѣйствовать и помимо соборовъ; этимъ правомъ они пользуются и въ эпоху соборовъ. Но рядомъ съ этимъ они признаютъ что-то и за народомъ, въ силу чего и обращаются иногда къ его согласію. Съ исторической точки зрѣнія это «что-то» есть слабый остатокъ порядковъ княжеской эпохи, когда князь и народъ, по особенностямъ быта того времени, находились въ несомнѣнной другъ отъ друга зависимости.

Съ такою же неопредѣленностью юридическаго значенія представительства встрѣчаемся и въ Западной Европѣ. Съ точки зрѣнія формальнаго права, участіе представителей одинаково не признано ни по отношенію къ законодательству, ни по отношенію къ взиманію податей. Но на дѣлѣ къ нимъ обращаются съ просьбами дать денегъ, и они даютъ деньги, а иногда ихъ содѣйствіемъ пользуются и при изданіи законовъ. Во Франціи эта неопредѣленность осталась постояннымъ признакомъ дѣятельности генеральныхъ штатовъ. Иначе въ Англіи. Благодаря особенности англійскаго характера, который крѣпко держится того, чтó разъ вошло въ практику жизни, вслѣдствіе чего все развитіе англійской исторіи отличается постепенностью и отсутствіемъ рѣзкихъ скачковъ, неопредѣленность продолжалась не долго. Уже въ 1297 г. король Эдуардъ I принимаетъ на себя обязательство не налагать податей иначе, какъ съ общаго согласія архіепископовъ, епископовъ, графовъ, бароновъ, рыцарей, горожанъ и всѣхъ свободныхъ людей королевства. Его преемникъ, Эдуардъ II, въ 1322 г. дѣлаетъ еще шагъ въ этомъ направленіи. Онъ соглашается не издавать никакихъ постановленій касательно правъ короля и его наслѣдниковъ, правъ королевства и всего народа—иначе, какъ съ согласія духовенства, графовъ, бароновъ и представителеей общинъ.

Въ каждомъ изъ этихъ статутовъ встрѣчаемъ выраженіе: «какъ это и прежде было въ обычаѣ». Итакъ, это закрѣпленіе предшествовавшей практики. Не должно, однако, думать, что эта практика не имѣла исключеній. Король Эдуардъ I въ 1281 г. собственною властью отмѣнилъ часть парламентскаго статута, изданнаго въ 1278 г. И это, конечно, не единственный случай. Такимъ образомъ, и въ Англіи, какъ у насъ, короли то пользуются содѣйствіемъ народа, то нѣтъ. Даже и послѣ формальнаго признанія королями правъ представителей, случаи нарушенія ими этихъ правъ не составляютъ рѣдкости.

Права англійскихъ выборныхъ, предоставленныя имъ статутами 1297 и 1322 г., гораздо древнѣе практики XIII в. Они представляются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ старыхъ порядковъ феодальной эпохи и примѣненіемъ ихъ къ новому началу представительства. Въ силу обычаевъ леннаго права, обязанности вассаловъ къ королю были опредѣлены какъ относительно размѣровъ военной службы вассаловъ, такъ и денежнаго вспоможенія, которое они должны были оказывать своимъ государямъ. Но англійскіе короли не всегда держались въ предѣлахъ ленныхъ обычаевъ. Отсюда возникаетъ рядъ столкновеній между королями и баронами. Результатомъ этихъ столкновеній являются грамоты, въ которыхъ короли подтверждаютъ права своихъ вассаловъ. Въ ряду этихъ грамотъ первое мѣсто, не по времени, а по значенію, принадлежитъ хартіи Ивана Безземельнаго, царствованіе котораго отличалось особенно необузданнымъ произволомъ. Эта хартія, извѣстная подъ именемъ великой, содержитъ въ себѣ, рядомъ съ подтвержденіемъ всѣхъ феодальныхъ правъ бароновъ, какъ они опредѣлялись существовавшими до того времени обычаями и прежними королевскими граматами, еще слѣдующее постановленіе: король обязывается въ тѣхъ случаяхъ, когда расходы его не могли быть покрыты обыкновенными доходами, удовлетворять нуждамъ королевской казны не иначе, какъ по совѣту архіепископа, епископовъ, графовъ, бароновъ и всѣхъ своихъ

непосредственныхъ вассаловъ. Вотъ гдѣ начало позднѣйшихъ правъ англійскихъ представителей. Когда возникло представительство свободныхъ городскихъ общинъ, оставалось только распространить это готовое уже начало и на городскихъ выборныхъ. Это не трудно было сдѣлать въ виду высокаго политическаго такта англійскихъ бароновъ. Уже въ великой хартіи они выступаютъ представителями интересовъ не своего только сословія, а всего государства, и выговариваютъ весьма важныя гарантіи личной свободы для всего населенія королевства. Англійскіе короли не противились этому распространенію правъ бароновъ на все представительство, изъ котораго они умѣли сдѣлать удобное орудіе управленія страной. Возникновеніемъ своимъ представительство вездѣ обязано личному дѣйствію государей,— но твердый юридическій характеръ это учрежденіе получило только въ Англіи, и притомъ благодаря особому складу англійскаго ума и особому ходу англійской исторіи, причемъ на долю королей выпадаетъ не столько иниціатива, сколько благоразумная уступчивость.

Въ заключеніе намъ необходимо остановиться на оцѣнкѣ дѣятельности нашихъ соборовъ съ точки зрѣнія политики. Можетъ быть, ни одинъ изъ вопросовъ, относящихся до соборовъ, не подвергался столь разнообразному рѣшенію. какъ этотъ. Въ то время, какъ одни изслѣдователи видятъ въ нашихъ соборахъ идеалъ, къ которому должны стремиться государственныя учрежденія, другіе приходятъ къ заключенію, что земскіе соборы никогда не могли сдѣлаться существеннымъ элементомъ государственной жизни, что они даже не могли дать правительству ни помощи, ни совѣта.

Оба мнѣнія одинаково—крайности.

Наши соборы—не идеалъ, потому что мы наблюдаемъ въ нихъ представительныя учрежденія въ зародышномъ ихъ состояніи. Нужно было еще многое, чтобы изъ нихъ выработалось правильное государственное учрежденіе. Но также несправедливо, что они не могли дать правительству ни помощи, ни совѣта.

Обратимся къ фактамъ.

Исторія нашихъ земскихъ соборовъ показываетъ, что они всего чаше собирались въ самый критическій періодъ жизни Московскаго государства. Самое большое число соборовъ выпадаетъ на царствованіе Михаила Өедоровича, когда Россія должна была бороться съ величайшей неурядицей, наслѣдованной отъ смутнаго времени. Въ годину общаго бѣдствія, при всей трудности своего положенія, правительство не усомнилось обратиться къ содѣйствію выборныхъ людей. Чѣмъ же заявили себя эти выборные? Затруднили ли они ходъ правительственной дѣятельности? Этого никто не скажетъ. Если Михаилъ Өедоровичъ, въ продолженіе всего своего царствованія, созываетъ соборы, то мы можемъ, кажется, заключить отсюда, что они не затрудняли, а облегчали его дѣятельность. Что̀ иначе могло бы заставить его обращаться къ созванію выборныхъ? Изо всѣхъ имѣющихся у насъ данныхъ мы можемъ вывести только одно заключеніе: выборные люди стояли въ уровень съ ихъ высокимъ призваніемъ и хорошо̀ понимали потребности своего времени; они безъ всякой розни соединились у престола избраннаго ими государя и не жалѣли ни жизни, ни имущества для спасенія отечества. Одной патріотической дѣятельности земскихъ соборовъ начала XVII в. уже довольно, чтобы Россія всегда вспоминала о нихъ съ благодарностью.

Но Михаилъ Өедоровичъ обращался къ земскимъ соборамъ не въ крайнія только минуты, когда для спасенія отечества требовалось напряженіе всѣхъ силъ государства. Онъ обращался къ совѣту земли и для рѣшенія обыкновенныхъ, текущихъ вопросовъ государственной практики. Мы знаемъ, что на предложеніе англійскаго посла Джона Мерика царь отвѣчалъ, что такого дѣла нельзя рѣшить безъ совѣта всего государства. На дѣлѣ, по объясненной выше причинѣ, было созвано не все государство, а только торговые люди. Совѣтъ торговыхъ людей былъ принятъ государемъ и на его основаніи былъ составленъ отвѣтъ англійскому уполномоченному. Съ нашей точки зрѣнія, важно не содержаніе от-

вѣта, а то, что правительство приняло мнѣніе торговыхъ людей: они, значитъ, могли дать ему полезный совѣтъ.

Эта полезная дѣятельность выборныхъ людей переходитъ и въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Къ составленію важнѣйшаго памятника своего царствованія, соборнаго Уложенія 1649 г., этотъ государь приступаетъ по челобитью стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ, гостей и гостиной сотни и всякихъ чиновъ торговыхъ людей. Это мы знаемъ изъ грамоты новгородскаго воеводы губному старостѣ Обонежской пятины (А. Э. IV, 27), которою ему предписывалось, согласно царской грамотѣ, произвести выборы для собора 1648 г. Во введеніи же къ уложенію 1649 г. говорится, что государь, іюня 16-го дня 1648 г., приказалъ составить уложеніе, посовѣтовавшись только съ духовенствомъ да членами своей думы. Сопоставляя это свидѣтельство съ вышеприведеннымъ, надо придти къ такому заключенію: государь предложилъ на обсужденіе духовенства и членовъ своей думы челобитья выборныхъ людей и, по одобреніи его ими, приказалъ приступить къ составленію уложенія. Такимъ образомъ, вопросъ о составленіи уложенія обсуждался тѣмъ же порядкомъ, какъ и вопросъ объ отмѣнѣ мѣстничества: сперва онъ разсматривался выборными чинами, а затѣмъ духовенствомъ и царской думой. Но какъ возникъ онъ у выборныхъ, было ли это ихъ самостоятельное челобитье, поданное по собственному побужденію, или они были созваны на соборъ, и государь предложилъ имъ какой-либо вопросъ, который и привелъ ихъ къ мысли объ уложеніи, мы не можемъ сказать. Какъ бы то ни было, не можетъ, однако, подлежать сомнѣнію, что мысль о составленіи новаго уложенія возникла у выборныхъ людей. Этотъ выводъ, на первый взглядъ, можетъ показаться маловѣроятнымъ, но онъ совершенно согласенъ съ московскимъ порядкомъ вещей. Неудобства, проистекающія отъ неопредѣленности закона, его неполноты, непослѣдовательности, неясности, должны были чувствоваться выборными людьми гораздо сильнѣе, чѣмъ

боярами, окольничими, думными людьми и другими, приближенными къ государю лицами, которымъ не далеко было идти для разрѣшенія всѣхъ возбуждаемыхъ закономъ сомнѣній. Для городовыхъ же людей это разрѣшеніе являлось въ формѣ московской волокиты, которая была для нихъ пуще татарскаго погрома. Понятно, для нихъ вопросъ о приведеніи законовъ въ порядокъ былъ самымъ настоятельнымъ, тогда какъ для бояръ, окольничихъ и другихъ сильныхъ людей всякая неясность закона въ то темное время могла быть даже полезна. Уложеніе 1649 г. дѣйствительно отмѣняетъ нѣкоторые установившіеся въ XVII в. помимо государевыхъ указовъ порядки, выгодные сильнымъ людямъ и невыгодные казнѣ и людямъ мелкимъ.

Но этой челобитной выборныхъ не ограничивается ихъ участіе въ дѣлѣ составленія уложенія. Представители, собранные на соборѣ 1648 г., съ цѣлью государево земское дѣло утвердить и на мѣрѣ поставить,—подавали, какъ обыкновенно, челобитныя, которыя, по принятію ихъ государемъ, и вносились въ уложеніе. Изъ 40 статей XIX главы уложенія «о посадскихъ людяхъ» — 17 (1, 2, 5 — 18, 39) составлены почти буквально по челобитнымъ выборныхъ людей [1]). Иногда въ самыхъ статьяхъ Уложенія находимъ указаніе на ихъ происхожденіе изъ челобитныхъ. О монастырскомъ приказѣ читаемъ, что государь указалъ ему быть особо по челобитью стольниковъ, дворянъ и посадскихъ людей. Особенно любопытное указаніе на участіе выборныхъ людей въ составленіи статей Уложенія находимъ въ ст. 42 главы XVII: «А нынѣ государь, совѣтовавъ съ отцомъ своимъ,

[1]) Къ сожалѣнію, это челобитье извѣстно намъ не въ оригиналѣ а изъ двухъ выписокъ, одна изъ которыхъ находится въ переписной книгѣ сыскныхъ дѣлъ (А. Э. IV, 32), а другая въ наказной памяти Колычеву (А. Э. IV, 36). Эти челобитныя докладывались государю боярами, кн. Одоевскимъ и кн. Прозоровскимъ, окольничимъ кн. Волконскимъ и дьяками, Леонтьевымъ и Грибоѣдовымъ, т.-е. тѣми же самыми лицами, которымъ поручено было собрать весь необходимый матеріалъ для составленія Уложенія.

патріархомъ, съ митрополиты и епископы, и говоря съ своими бояры, съ окольничими, съ дворянами московскими и городовыми, указалъ и соборомъ уложили...» за этимъ слѣдуютъ уложенныя статьи. Ясно, что соборъ 1648 г. подходитъ къ разряду тѣхъ соборовъ, результатомъ которыхъ были соборные приговоры. Сколько всего было подано челобитныхъ чинами собора 1649 г. и въ какой мѣрѣ вошли они въ уложеніе,—вопросъ этотъ едва затронутъ нашей литературой. Но что чины собора принимали участіе въ самомъ составленіи статей уложенія, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія [1]).

Уложеніе не единственный памятникъ, свидѣтельствующій о вліяніи челобитныхъ на указную дѣятельность Алексѣя Михайловича. Въ 1649 же году послѣдовалъ царскій указъ, которымъ дозволялось англійскимъ купцамъ пріѣзжать для торга только въ Архангельскъ, въѣздъ же во внутренніе города воспрещался (Рум. соб. III, 138). Этотъ указъ послѣдовалъ въ отвѣтъ на челобитье торговыхъ людей разныхъ городовъ отъ 1646 г. (А. Э. IV, 13), въ которомъ они именно просятъ о такомъ воспрещеніи. Многіе мотивы указа 1649 г. прямо списаны съ челобитья торговыхъ людей. Эта челобитная подписана 126 торговыми лицами разныхъ городовъ. Здѣсь есть казанцы, нижегородцы, ярославцы, костромичи, суздальцы, муромцы, псковичи, бѣлозерцы, холмогорцы и иные многихъ городовъ люди. При какихъ условіяхъ возникло ихъ челобитье—не знаемъ.

Въ виду приведенныхъ фактовъ, мы думаемъ, нельзя утверждать, что выборные люди не могли дать московскому

---

[1]) Указаніе на это участіе находимъ и во введеніи къ Уложенію: «А на которыя статьи въ прошлыхъ годѣхъ, прежнихъ государей въ судебникахъ указу не положено и боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было, а тѣ бы статьи по тому же написати и изложити, по его государеву указу, общимъ совѣтомъ» и т. д. См. проф. Загоскина, онъ подвергъ этотъ вопросъ подробному разсмотрѣнію, въ результатѣ котораго пришелъ къ выводу, что при участіи выборныхъ составлено 82 статьи; г. Мейчикъ представилъ нѣкоторыя поправки къ этому выводу; см. также проф. Латкина, Земскіе Соборы, стр. 223 и слѣд. онъ присоединяется къ мнѣнію проф. Загоскина.

правительству ни помощи, ни совѣта. Сторонники этого мнѣнія особое вниманіе посвящаютъ азовскому собору и изъ обзора его дѣйствій приходятъ къ заключенію, что на этотъ памятникъ древняго земства грустно смотрѣть; по ихъ мнѣнію, онъ не дѣлаетъ чести тогдашнему обществу по отсутствію въ немъ политической мысли и по наивно высказаннымъ эгоистическимъ стремленіямъ сословій. Остановимся и мы на дѣятельности собора 1642 г. [1]).

Для правильнаго сужденія о дѣяніяхъ азовскаго собора прежде всего необходимо обратить вниманіе на форму, которая придана была его засѣданіямъ. Государь приказалъ чинамъ собора отвѣчать на его рѣчь порознь. Михаилъ Ѳедоровичъ, обращаясь къ собору, не имѣлъ, слѣдовательно, намѣренія придти къ соборному приговору, а желалъ только получить мнѣнія членовъ. Эта задача собора объясняется сложностью предложеннаго ему вопроса. Дѣло шло объ удержаніи Азова, а удержаніе Азова должно было вовлечь Московское государство въ войну съ Турціей, которая могла затянуться на много лѣтъ. Сколько трудностей представлялъ азовскій вопросъ, видно уже изъ того, что удержать Азовъ за Россіей не суждено было и Петру Великому, при всей его энергіи; съ Азовомъ Россіи удалось порѣшить только во второй половинѣ XVIII в. Итакъ, подача мнѣній порознь чинами собора 1642 г. не есть признакъ упадка соборной жизни. Она условливалась сложностью вопроса и прямо была предписана правительствомъ. Такого же рода отвѣты порознь встрѣчаемъ, въ подобныхъ же случаяхъ, и прежде, въ XVI вѣкѣ (соборъ 1566 г.), и позднѣе (соборъ 1653 г.).

Чинамъ собора было предложено два вопроса: первый,

---

[1]) При чтеніи мнѣній чиновъ азовскаго собора надо имѣть въ виду, что это не подлинныя мнѣнія, а только извлеченія изъ нихъ, можетъ быть, и очень близкія къ оригиналу. Подлинныя мнѣнія были, конечно, снабжены рукоприкладствомъ; здѣсь же подписей нѣтъ. Но и это извлеченіе показалось кому-то слишкомъ длиннымъ, а потому въ протоколѣ за нимъ слѣдуетъ еще болѣе краткое.

принять ли Азовъ отъ донскихъ казаковъ? и второй, если принять, то какими средствами держать его? Подлинныя слова вопроса очень любопытны; въ нихъ содержится уже ясное указаніе на всѣ трудности дѣла. Вотъ они: «принять ли Азовъ и стоять ли за него, и ратныхъ людей посылать-ли противъ турскихъ и крымскихъ, и казанскихъ татаръ, и разрывъ съ ними чинить ли? Будетъ Азовъ городъ принятъ, то многіе ратные люди будутъ надобны въ Азовъ, и въ польскіе, и въ украйные городы: и на городовое азовское дѣло и ратнымъ людямъ на жалованье деньги надобны будутъ многіяжъ, и хлѣбные, и пушечные, и всякіе запасы надобны не на одинъ годъ, потому что война бываетъ у турскихъ людей не по одинъ годъ, и такія великія деньги и многіе запасы на тѣ годы гдѣ имать?»

Несмотря на весьма неудобный порядокъ занятій собора, который вовсе не способствовалъ тому, чтобы чины выработали какое-либо одно мнѣніе,—мнѣнія большинства членовъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ до такой степени согласны между собою, что намъ стоитъ только сосчитать голоса, чтобы получить весьма солидное большинство въ пользу одного опредѣленнаго порядка дѣйствій. Всего было допрошено 181 выборный, не считая духовенства, число котораго неизвѣстно, но, судя по другимъ соборамъ, едва-ли могло превышать цифру 25. Никто, конечно, не будетъ ожидать, чтобы всѣ члены собора отнеслись съ одинаковымъ вниманіемъ къ своему дѣлу; этого мы не встрѣтимъ и ни въ одномъ современномъ собраніи представителей; позволительно желать только, чтобы большинство ихъ взвѣсило всѣ стороны вопроса и дало отвѣтъ, согласный съ истинными пользами государства. Этому желанію чины азовскаго собора совершенно удовлетворяютъ.

На первый вопросъ принять ли Азовъ отъ донскихъ казаковъ или нѣтъ,—духовенство и 43 выборныхъ (10 стольниковъ, 20 московскихъ дворянъ, 4 головъ стрѣлецкихъ и 9 городовыхъ дворянъ) не даютъ своего опредѣленнаго мнѣнія, предоставляя рѣшеніе волѣ государя: «а въ пріимкѣ го-

рода Азова, въ томъ его государева воля», говорятъ они. Духовенство мотивируетъ свой отвѣтъ тѣмъ, что ему это дѣло не за обычай. Всѣ остальные выборные, 138 человѣкъ (106 дворянъ и 32 посадскихъ), рѣшительно высказались, что Азовъ надо принять и съ турецкимъ султаномъ разорвать. Мнѣнія 138 выборныхъ весьма достаточно мотивированы, хотя и не всѣми совершенно одинаково. Чисто политическихъ мотивовъ они приводятъ два. Это, во-первыхъ, неправды турецкаго и крымскаго царей. На этотъ мотивъ указываютъ 43 дворянина и 32 посадскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ коротко: «И тебѣ государю велѣть Азовъ у донскихъ казаковъ принять и съ турскимъ, и съ крымскимъ царемъ разорвать, за ихъ многую передъ тобою неправду, что они, шертвовавъ тебѣ, государю, многую неправду чинили и про ту ихъ неправду извѣстно тебѣ, государю». Два московскихъ дворянина, Никита Беклемишевъ и Тимоѳей Желябужскій, останавливаются на этихъ неправдахъ съ большею подробностью: «Всегда,—говорятъ они,—крымскій царь государю шерть свою давалъ на томъ, что войнѣ отъ крымскихъ людей въ государевѣ землѣ не быть, и онъ черезъ шерть свою лгалъ, по вся годы крымскіе и азовскіе татары государевы украйные города воевали и, въ Азовъ православныхъ крестьянъ приводя, продавали въ свои же бусурманскія орды въ порабощеніе, а онъ ималъ съ того полону пошлины отъ девяти десятаго человѣка; да онъ же крымскій царь чрезъ свою шерть въ прошлыхъ годахъ, какъ было у государя съ польскимъ королемъ развратье и стояли его государевы ратные люди подъ Смоленскомъ, и онъ, свѣдавъ то, послалъ въ государеву землю царевичевъ съ крымскими людьми войною» и т. д. Весьма близко къ этому мотивируютъ свое мнѣніе гости и посадскіе люди: «А какъ, государь, Азовъ былъ за турскимъ царемъ,—говорятъ они,—и въ то время въ украйныхъ городахъ турскіе, и крымскіе, и ногайскіе татары ходили войною по вся годы безпрестани, и кровь крестьянскую проливали многую и въ полонъ сводили крестьянскаго народа много же, а въ томъ Азовѣ тѣхъ

полоненныхъ людей продавали и въ свою, и въ иныя многія земли, и крестьянской православной вѣрѣ наругались, и въ тѣ годы твои государевы украйные городы и съ уѣзды пустѣли». Второй мотивъ состоялъ въ слѣдующемъ. Московскому государству необходимо владѣть Азовомъ для того, чтобы держать въ своихъ рукахъ ногаевъ и другихъ кочевниковъ южныхъ степей. На этотъ мотивъ указываютъ 65 дворянъ. Вотъ какъ выражаются по этому поводу 63 городовыхъ дворянина. «А хотя и отдати Азовъ, тѣмъ бусурмановъ не утолить и не удобрить и войны, и крови отъ крымскихъ и отъ иныхъ поганыхъ бусурмановъ не укротить, а турскихъ бусурмановъ только пуще тою отдачею на себя подвигнути. А лучше, государь, что Азовъ тебѣ государю и всей землѣ принять и крѣпко за него стоять, а ногаи, государь, кочуютъ нынѣ на твоей государевой землѣ отъ Азова не далече; а за кѣмъ будетъ Азовъ, тому они будутъ и служить. А только, государь, онъ будетъ за турскимъ, и они будутъ твою государеву вотчину плѣнить и пустошить».

Къ этимъ двумъ присоединяется еще третій мотивъ не политическаго, а религіозного свойства; онъ состоитъ въ опасеніи, какъ бы не навесть отказомъ отъ Азова на всероссійское государство гнѣва Божія, такъ какъ казаки заняли Азовъ изволеніемъ вышняго Бога. Такъ высказываются всѣ городовые дворяне, подавшіе мнѣніе въ пользу принятія Азова. Ссылка на такое чисто религіозное соображеніе не удивитъ насъ, если мы припомнимъ, что дѣло происходило въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, соправителемъ котораго много лѣтъ былъ святѣйшій патріархъ Филаретъ. Городовые дворяне заслужили бы упрекъ въ отсутствіи политическаго смысла только тогда, если бы они привели одинъ этотъ мотивъ, но они приводятъ его вмѣстѣ съ мотивами чисто политическими, вполнѣ исчерпывающими дѣло. Зная благочестивое настроеніе царя, они только усиливаютъ этимъ сопоставленіемъ значеніе своихъ политическихъ соображеній.

Сто тридцать восемь выборныхъ, высказавшихся въ пользу

войны, выражаютъ свое мнѣніе въ самой мягкой формѣ. Многіе изъ нихъ, прежде чѣмъ высказать собственную свою мысль, говорятъ, что рѣшеніе вопроса зависитъ отъ государевой воли. Такъ выражаются Беклемишевъ, Желябужскій, гости и посадскіе люди. Можемъ ли упрекать ихъ за это? Наоборотъ, мы видимъ въ этомъ глубокое пониманіе тѣхъ условій, среди которыхъ они призваны были дѣйствовать.

Первый вопросъ получилъ, такимъ образомъ, совершенно ясное и вѣрно мотивированное рѣшеніе значительнаго большинства членовъ собора. Дѣйствительныя пользы Россіи именно состояли въ удержаніи Азова. Это оправдывается и всѣмъ послѣдующимъ направленіемъ нашей политики, за цѣлое столѣтіе: Петръ Великій стремился къ Азову, но по неблагопріятно сложившимся обстоятельствамъ долженъ былъ отказаться отъ него; позднѣе, въ томъ же направленіи дѣйствовала Екатерина Великая и окончательно закрѣпила Азовъ за Россіею. Если мы съ признательностью относимся къ стремленію этихъ государей на югъ, то съ такою же признательностью должны относиться и къ дѣятельности собора 1642 г., мнѣнія котораго предопредѣлили это стремленіе.

Переходимъ ко второму вопросу. Вопросъ о средствахъ удержанія Азова былъ разработанъ чинами, высказавшимися въ пользу этого удержанія, не съ меньшимъ вниманіемъ. Вопросъ этотъ, естественно, распадается на нѣсколько отдѣльныхъ. Дѣло идетъ не только объ удержаніи Азова, но и о войнѣ съ турками, которые на занятіе Азова московскими людьми могли отвѣтить вторженіемъ въ предѣлы Московскаго государства. Далѣе, для удержанія Азова и для войны съ турками нужны войско и денежныя средства. Такимъ образомъ, рѣшенію чиновъ собора подлежали четыре отдѣльныхъ вопроса. Они и дѣйствительно останавливаются на каждомъ изъ нихъ, хотя и не всѣ въ одинаковой мѣрѣ. Посадскіе судятъ только о денежныхъ средствахъ, такъ какъ дѣло военной службы имъ мало извѣстно. Городовые дворяне даютъ мнѣніе какъ о деньгахъ, такъ и о военныхъ силахъ, ибо они несутъ личную военную службу и помогаютъ

деньгами. При обсужденіи этихъ мнѣній надо имѣть въ виду особыя условія Московскаго государства и съ точки зрѣнія этихъ условій произносить свой приговоръ: упуская изъ виду особенности тогдашнихъ порядковъ, мы легко можемъ обвинить чиновъ азовскаго собора въ томъ, въ чемъ они нисколько не виноваты. Московскіе люди, высказывая свое мнѣніе о способахъ удержанія Азова, стоятъ на почвѣ Московскаго государства и дѣйствовавшихъ въ немъ порядковъ. Они не вводятъ никакихъ реформъ (въ чемъ, въ виду предложеннаго имъ вопроса, и упрекнуть ихъ нельзя), а ограничиваются указаніемъ тѣхъ средствъ, которыя были подъ руками.

Держать Азовъ они предлагаютъ тѣми же донскими казаками, которымъ удалось отбить его у турокъ (на что изъявили готовность и сами донцы), пославъ имъ на помощь охотниковъ солдатъ и стрѣльцовъ. Это мнѣніе всѣхъ городовыхъ дворянъ, высказавшихся въ пользу принятія Азова, а также и 10 стольниковъ и 20 московскихъ дворянъ, сославшихся на волю государя. Дворянъ Московскаго государства упрекаютъ за этотъ совѣтъ.

Говорятъ, что они указываютъ на охотниковъ и солдатъ, а сами пойти въ Азовъ не вызываются. Этотъ упрекъ покажется основательнымъ только тому, кто упуститъ изъ виду, какъ было устроено это дворянское войско. Людямъ же Московскаго государства, которые это хорошо знали, не могла и въ голову придти мысль о постоянномъ держаніи Азова дворянами, такъ какъ эта задача не соотвѣтствовала характеру дворянскаго войска. Дворяне, выходя въ походъ, выводили съ собой людей своихъ въ полномъ вооруженіи и на коняхъ. Во все время похода они должны были содержать себя, людей и лошадей на свои собственныя средства. Съ этой цѣлью они везли за собой на особыхъ вьючныхъ лошадяхъ все необходимое продовольствіе. Если оно истощалось, они должны были покупать его на свои же деньги. Такое войско, естественно, могло дѣйствовать только въ теченіе сравнительно небольшихъ промежутковъ

времени. Это, конечно, большое неудобство. но оно было свойственно и всѣмъ другимъ государствамъ Западной Европы, войска которыхъ тоже, въ свое время, состояли изъ воиновъ-помѣщиковъ. Обязанность обладателя рыцарскаго лена—выставить тяжело вооруженнаго человѣка и содержать его во время похода на свой счетъ—обыкновенно ограничивалась, по тѣмъ же соображеніямъ, 40 днями въ году. Употребить этихъ помѣщиковъ-воиновъ на постоянное занятіе Азова значило оставить ихъ безъ всякихъ средствъ. Въ виду этого дворяне и предлагаютъ для постояннаго занятія Азова такой разрядъ войскъ, который содержался государевымъ кормовымъ и денежнымъ жалованьемъ. Это охотники, входившіе въ составъ солдатскихъ, стрѣлецкихъ и рейтарскихъ полковъ.

На пополненіе такого войска дворяне предлагаютъ взять даточныхъ людей, прибавляя «опричь нашихъ крѣпостныхъ и кабальныхъ». Эту оговорку тоже ставятъ въ упрекъ городовымъ дворянамъ, усматривая въ ней наивную щедрость на чужой счетъ. Въ дѣйствительности же въ этой оговоркѣ отразился только обыкновенный порядокъ Московскаго государства, который перешелъ и въ Уложеніе 1649 г. Обязанность выставлять даточныхъ лежала, обыкновенно, на тѣхъ вотчинникахъ и помѣщикахъ, которые лично не могли выходить на службу. Сюда относились: патріархъ, монастыри, вдовы, сироты и пр.; ихъ даточные распредѣлялись по рейтарскимъ и солдатскимъ полкамъ. Служилые же дворяне только тогда давали даточныхъ, когда за старостію и болѣзнями не были способны сами выступить на войну. Въ противномъ случаѣ, выходя на войну лично, они выводили съ собой и людей своихъ. Брать съ нихъ даточныхъ значило бы брать съ нихъ вдвое противъ другихъ.

Таково мнѣніе чиновъ относительно занятія Азова. Относительно возможной войны съ турками, городовые дворяне предлагаютъ собрать все государство,—обыкновенный способъ встрѣчи непріятеля въ Московскомъ государствѣ, т.-е. они предлагаютъ призвать всѣхъ, на комъ лежала воен-

ная служба, слѣдовательно, и ихъ. Указывая на это обыкновенное средство, они просятъ предварительно потребовать у всей земли роспись, сколько за кѣмъ крестьянъ, чтобы можно было каждаго обложить службой соотвѣтственно его силамъ. Пространное мнѣніе объ этомъ дворянъ Суздаля и другихъ городовъ, въ числѣ 41 человѣка, съ которымъ въ существѣ сходно и мнѣніе дворянъ мещерскихъ, коломенскихъ и другихъ городовъ, въ числѣ 63 человѣкъ, оканчивается такими словами: «И тутъ будетъ вся твоя государева земля готова противъ такихъ нечестивыхъ бусурманъ нашествія».

Наконецъ, что касается денежнаго и хлѣбнаго жалованья, то и здѣсь городовые дворяне различаютъ потребности настоящей минуты, именно содержаніе людей, которые будутъ посланы въ Азовъ, отъ потребностей войны, которая можетъ возгорѣться съ Турціей. Для удовлетворенія первой потребности они предлагаютъ собрать хлѣбъ съ украйныхъ городовъ, по близости ихъ къ Азову, «для скораго поспѣшенія», какъ они выражаются; а затѣмъ предлагаютъ вести войну средствами всего государства, собирая со всѣхъ, безъ выбора: «А хлѣбныхъ запасовъ вели, государь, взять со всей государевой земли, со всѣхъ безъ выбора, и тутъ, государь, запасовъ ратнымъ твоимъ людямъ будетъ много, не на одинъ годъ». Но и въ этомъ случаѣ они предлагаютъ производить сборъ сообразно средствамъ каждаго, облагая богатыхъ людей соотвѣтственно ихъ многимъ помѣстьямъ и животамъ. Ту же мысль, чтобы всѣ несли тягости войны, высказываютъ и посадскіе люди. Они просятъ, чтобы повинности были наложены «на всю землю и на всякихъ чиновъ людей, чтобы никто въ государевой землѣ въ избылыхъ не былъ».

Чиновъ собора упрекаютъ въ томъ, что они не указываютъ, сколько же именно должно съ нихъ взять, а ссылаются на усмотрѣніе государя: «что ты, государь, укажешь положить на свою государеву землю». Дѣйствительно, такія указанія, если и не отсутствуютъ совершенно, то во всякомъ

случаѣ ихъ очень мало. Но точное опредѣленіе суммы всѣхъ издержекъ предстоящей войны и не могло быть сдѣлано: нельзя было, конечно, предвидѣть, во что эта война могла обойтись. Рѣшаясь на нее, чины собора берутъ на себя и всѣ издержки, заботясь о томъ только, чтобы онѣ равномѣрно падали на всѣхъ и чтобы избылыхъ не было. Затѣмъ, порядокъ участія въ этихъ издержкахъ каждаго отдѣльнаго чина не представлялся людямъ XVII в. въ такой степени неопредѣленнымъ, какъ онъ можетъ представляться намъ; разсматриваемый случай участія всѣхъ въ издержкахъ войны не есть первый. Московскіе люди въ царствованіе Михаила Ѳедоровича не разъ призывались къ такому участію. Предшествовавшая практика установила уже, до нѣкоторой степени, и размѣры этого участія. Такъ съ посадскихъ людей оно опредѣлялось пятой деньгой съ животовъ и промысловъ. Дворяне приносили по совѣсти, что могли, для чего представляли особыя росписи. Эта практика имѣлась, конечно, въ виду чинами собора. Въ мнѣніи же, поданномъ городовыми дворянами, встрѣчаемся даже съ попыткой опредѣленія ихъ служебныхъ и денежныхъ повинностей. Они просятъ, чтобы количество дворовъ, съ котораго должно было выводить вооруженнаго человѣка на содержаніи помѣщика, было опредѣлено единообразно для всѣхъ. Мѣрою такого опредѣленія они просятъ принять 50 дворовъ. У кого было болѣе этого количества, съ того предлагаютъ брать деньги, у кого менѣе, тому просятъ давать въ помощь денежное жалованье.

Мы привели существенныя черты отвѣтовъ чиновъ собора на царскіе вопросы, но не исчерпали всего ихъ содержанія. Какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ собранія представителей всегда давали поводъ къ принесенію жалобъ на недостатки современнаго порядка и злоупотребленія органовъ управленія. Порядки Московскаго государства въ XVII в. представляли очень много темныхъ сторонъ; въ злоупотребленіяхъ администраціи недостатка также не было. Не останавливаясь на сколько-нибудь подробной ха-

рактеристикѣ недостатковъ управленія московской эпохи, ограничимся указаніемъ на крайнюю неравномѣрность повинностей. Въ то время, какъ высшіе московскіе чины, богато одаренные помѣстьями, почти не чувствовали тягостей службы, на городовыхъ дворянъ обязанность службы падала крайне тяжелымъ бременемъ. Какъ разнилось положеніе служилыхъ чиновъ, видно изъ челобитной городовыхъ дворянъ, поданной ими за годъ до азовскаго собора. Изъ этой челобитной узнаемъ, что братья, племянники, дѣти и внуки городовыхъ дворянъ, не хотя съ ними государевой службы служить и бѣдности терпѣть, кидаютъ свои помѣстья и вотчины и бьютъ челомъ въ боярскіе дворы, окольничимъ, стольникамъ, дворянамъ московскимъ и инымъ людямъ даютъ на себя служилыя кабалы и женятся въ ихъ дворахъ на крѣпостныхъ жонкахъ и дѣвкахъ. Такимъ образомъ, были дворяне, которые считали для себя болѣе выгоднымъ поступить въ крѣпостную зависимость другихъ дворянъ, чѣмъ пользоваться помѣстьями и нести съ нихъ государеву службу. Значитъ, одѣленіе помѣстьями и служба съ нихъ были крайне неравномѣрны. Въ виду этого, можно ли винить городовыхъ дворянъ, что, разсуждая о средствахъ веденія войны, они особенно указываютъ государю на бояръ и ближнихъ людей, которые пожалованы многими помѣстьями «противъ ихъ чести и тебѣ, государю, ихъ службы», прибавляютъ они почтительно; указываютъ на свою братію служилыхъ людей, которые назначаются къ корыстовымъ дѣламъ; указываютъ на дьяковъ и подьячихъ, которые «пожажалованы государевымъ денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и вотчинами, и будучи безпрестанно у государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ, неправеднымъ своимъ мздоимствомъ, накупили многія вотчины и домы строили многія палаты каменныя такія, что неудобь-сказаемыя», указываютъ на все это и просятъ обложить эти чины противъ домовъ ихъ и пожитковъ, а съ вотчинъ и помѣстій взять конныхъ ратныхъ людей. Подобно этому они дѣлаютъ особое указаніе на патріаршія и монастырскія иму-

щества. Здѣсь за нихъ и самый законъ. Соборнымъ опредѣленіемъ 1580 г. было воспрещено отдавать по душѣ вотчины въ монастыри. Несмотря на это, монастыри продолжали пріобрѣтать ихъ въ ущербъ служилымъ людямъ. Дворяне были въ правѣ указать на этотъ источникъ государственныхъ средствъ; они въ правѣ были сдѣлать даже болѣе: они могли просить, какъ чины собора въ 1648 г., отобрать всѣ эти пріобрѣтенія, сдѣланныя въ нарушеніе закона, и раздать имъ въ помѣстья. Но дворяне азовскаго собора, несмотря на предстоявшую имъ войну, поступили сдержаннѣе дворянъ собора 1648 г.: они просятъ, чтобы ихъ бѣдныхъ, разоренныхъ, безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ государь велѣлъ взыскать своею милостію, помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ, но объ отобраніи монастырскихъ вотчинъ не говорятъ.

Подобно тому, какъ городовые дворяне жалуются, что они разорены московскою волокитою и неправедными судами больше, чѣмъ крымскими и турскими басурманами, жалуются и посадскіе люди на тягость своей тяглой службы, на тягость повинностей, на конкуренцію иностранцевъ, на обиды воеводъ. «А торжишки, государь,—говорятъ они,—стали у насъ гораздо худы, потому что всякіе наши торжишки на Москвѣ и въ городахъ отняли иноземцы; а въ городахъ всякіе люди обнищали и исхудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ». Возможность такихъ прямыхъ заявленій и составляетъ одну изъ хорошихъ сторонъ созванія выборныхъ людей. Откуда же и узнать было московскому государю истину о положеніи дѣлъ въ государствѣ, какъ не изъ этого непосредственнаго общенія съ представителями земли? Мы упрекнули бы этихъ выборныхъ XVII в., если бы жалобы ихъ были неосновательны. Но справедливости ихъ, судя по всѣмъ современнымъ извѣстіямъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія заподозрить. При этихъ условіяхъ чины азовскаго собора заслужили бы осужденіе, если бы скрыли отъ правительства настоящее положеніе дѣлъ и тѣмъ ввели его въ заблужденіе.

Въ виду несомнѣнно бѣдственнаго положенія страны, которое сознавалось всѣми чинами собора, мнѣніе большинства объ удержаніи Азова получаетъ, въ нашихъ глазахъ, особенно высокое значеніе. Азовскій вопросъ былъ рѣшенъ ими не съ эгоистической точки зрѣнія кошелька, ибо съ этой точки зрѣнія всего лучше было бы отказаться отъ обладанія Азовомъ и войны съ турками, а съ точки зрѣнія истинныхъ пользъ и нуждъ Московскаго государства.

Любопытно, что наиболѣе выработанное мнѣніе подано большинствомъ городовыхъ дворянъ (104 изъ 112), за которыми слѣдуютъ всѣ посадскіе (32 человѣка). Стольники же (10 человѣкъ) и всѣ московскіе дворяне (22), за исключеніемъ двухъ, почти по всѣмъ вопросамъ ограничились ссылкою на волю государя. А между тѣмъ эти два послѣдніе разряда находились въ особой близости ко двору государя и были по преимуществу взыскиваемы царскими милостями. Придворная жизнь, какъ видно, не вела въ Московскомъ государствѣ къ развитію политическаго смысла. Приведенное выше мнѣніе посадскихъ людей о причинахъ удержанія Азова особенно знаменательно. Изъ предшествующаго мы знаемъ, что посадскіе люди азовскаго собора состояли едва ли не исключительно изъ московскихъ сотенъ. Для нихъ лично указанныя ими невыгоды потери Азова, по ихъ отдаленности отъ этого города, могли быть всего менѣе чувствительны, тогда какъ издержки войны падали и на нихъ. Это не помѣшало имъ, однако, подать мнѣніе съ точки зрѣнія общихъ нуждъ Московскаго государства, а не своихъ личныхъ.

Подведемъ итоги.

Всѣхъ членовъ, подавшихъ мнѣнія, было 181, а съ духовенствомъ 206. Изъ нихъ:

1) По вопросу о принятіи Азова и войнѣ съ турками за принятіе Азова и войну съ турками высказалось 138 человѣкъ. Отказались дать свое мнѣніе 43 человѣка служилыхъ людей и 25 духовныхъ особъ, — послѣднія, ссылаясь на то, что это дѣло имъ не за обычай; всего 68 человѣкъ.

2) По вопросу о средствахъ удержанія Азова,—за удержаніе его донскими казаками и охотниками, состоящими на государевомъ жалованьи, высказалось 136 служилыхъ людей. Остальные 13 сослались на волю государя; духовенство и посадскіе также не высказали своего мнѣнія на томъ основаніи, что дѣла этого рода имъ не за обычай; всего 70 человѣкъ.

3) По вопросу о способахъ веденія войны съ турками изъявили готовность лично принять въ ней участіе 129 служилыхъ людей, изъ числа которыхъ 104 человѣка представили подробное мнѣніе о веденіи этой войны силами всего государства. Не подали мнѣнія 20 служилыхъ людей, всѣ посадскіе и духовенство на томъ же основаніи; всего 77 человѣкъ.

4) По вопросу о денежныхъ средствахъ для войны изъявили готовность нести издержки войны—163 человѣка, въ томъ числѣ все духовенство и всѣ посадскіе: 138 человѣкъ изъ числа этихъ 163 высказались, кромѣ того, въ пользу равномѣрнаго распредѣленія издержекъ войны на все государство. Не подали мнѣнія, ссылаясь на волю государя, 43 служилыхъ человѣка.

Если мы изъ этихъ итоговъ исключимъ цифры тѣхъ членовъ собора, которые по особенностямъ своего сословнаго положенія не могли имѣть своего мнѣнія о нѣкоторыхъ изъ предложенныхъ собору вопросахъ, то получимъ слѣдующій результатъ голосованія: по первому вопросу 138 голосовъ противъ 43; по второму — 136 противъ 13; по третьему—129 противъ 20; по четвертому—163 противъ 43. Во всѣхъ этихъ четырехъ случаяхъ меньшинство дало не отрицательные отвѣты, а только отказалось отъ подачи своего мнѣнія, напередъ присоединившись къ мнѣнію правительства [1]).

---

[1]) Выскажись государь въ пользу войны, мы имѣли бы наглядный примѣръ единогласнаго соборнаго рѣшенія.

Такое голосованіе можетъ сдѣлать честь патріотизму любого собранія представителей.

Несмотря на патріотическій отвѣтъ чиновъ собора 1642 г., Михаилъ Ѳедоровичъ не нашелъ возможнымъ подвергнуть изнуренную страну опасностямъ новой войны и приказалъ донскимъ казакамъ очистить Азовъ. Это распоряженіе царя не измѣняетъ существа дѣла: значительное большинство членовъ собора высказалось въ духѣ истинныхъ нуждъ Россіи и, въ этомъ смыслѣ, навсегда рѣшило азовскій вопросъ; но время не представляло достаточныхъ средствъ для исполненія рѣшенія. Позднѣйшая политика нашихъ государей оправдываетъ мнѣніе чиновъ азовскаго собора и служитъ ему лучшей похвалой.

Земскіе соборы Московскаго государства представляются несомнѣнно полезными, какъ средство непосредственнаго общенія государя съ землей: изъ челобитныхъ выборныхъ людей государи прямо знакомились съ потребностями страны, недостатками управленія и злоупотребленіями органовъ администраціи. Изъ предшествовавшаго мы видѣли, что московскіе выборные люди стояли въ уровень съ тѣмъ высокимъ призваніемъ, съ которымъ московскіе государи обращались къ нимъ. Отчего же соборы вышли изъ употребленія? Отчего Алексѣй Михайловичъ, обращавшійся въ первыя восемь лѣтъ своего продолжительнаго царствованія не менѣе четырехъ разъ къ содѣйствію выборныхъ людей, въ остальные 23 года не созвалъ ни одного собора?

Если бы подобный вопросъ былъ намъ предложенъ относительно французскихъ генеральныхъ штатовъ, которые перестаютъ созываться уже въ первой половинѣ XVII в., мы, не затрудняясь, сказали бы, что вина падаетъ частью и на самихъ выборныхъ людей. Благодаря легкой впечатлительности и порывистости французскаго характера, генеральные штаты уже въ половинѣ XIV в. начинаютъ заявлять притязанія съ цѣлью расширить свою власть насчетъ королевскихъ правъ: они начинаютъ вмѣшиваться въ опредѣленіе личнаго состава королевскаго совѣта, требуютъ, чтобы ихъ

челобитныя принимались безъ всякихъ измѣненій и непремѣнно получали силу закона; они, наконецъ, поднимаютъ вопросъ о народномъ верховенствѣ. Для проведенія подобныхъ нововведеній они пользуются самыми критическими минутами французскаго государства, какъ, напримѣръ, въ 1356 г., когда король былъ взятъ въ плѣнъ. Этимъ рѣзкимъ стремленіемъ къ расширенію своей власти они, естественно, вызвали французскихъ королей на борьбу, результатомъ которой было не дальнѣйшее развитіе генеральныхъ штатовъ, а ихъ смерть, и та нелюбовь къ идеѣ народнаго представительства, которая сдѣлалась семейнымъ чувствомъ членовъ французскаго королевскаго дома.

Г-жа Кампанъ, въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, что разъ вечеромъ, въ кабинетѣ Людовика XV, происходилъ разговоръ по поводу нѣкоторыхъ затрудненій, которыя тогда испытывало французское правительство. Одинъ изъ присутствующихъ высказалъ мысль, что затрудненія эти должны привести къ созванію генеральныхъ штатовъ. Король, обыкновенно спокойный, при этихъ словахъ быстро оживился, взялъ виновника ихъ за руку и горячо сказалъ ему: «Милостивый государь, никогда не повторяйте этихъ словъ. Я не пылкій человѣкъ, но если бы я имѣлъ брата и онъ былъ способенъ дать мнѣ подобный совѣтъ, то, не медля ни минуты, я пожертвовалъ бы имъ для спасенія монархіи и спокойствія королевства».

Людовикъ XV очень ошибался. Для спасенія монархіи во Франціи именно не слѣдовало прерывать общенія съ представителями народа. Но если короли поддались чувству малодушнаго страха и удалились отъ народа, мы все-таки должны признать, что къ такому печальному исходу они были вызваны враждебными монархическому началу партіями въ средѣ самыхъ генеральныхъ штатовъ.

Но отчего же Алексѣй Михайловичъ не созвалъ ни одного собора въ теченіе послѣднихъ 23 лѣтъ своего царствованія? Были ли у насъ враждебныя царской власти партіи? Такихъ партій на нашихъ соборахъ никогда не было.

Московскіе выборные люди всегда отличались преданностью монархическому началу и не обнаруживали ни малѣйшаго стремленія выйти изъ тѣхъ границъ, которыя указывались имъ волею государей; они всегда стояли на почвѣ установившихся порядковъ; свои жалобы они приносили въ самой почтительной формѣ. Ихъ дѣятельность никакъ не могла казаться опасною нашимъ государямъ, которымъ должны быть совершенно чужды страхи, погубившіе французскій королевскій домъ. Наконецъ, чины Московскаго государства никогда не оказывались враждебными тѣмъ реформамъ, которыя вызывались благомъ государства. Доказательство этому имѣемъ въ соборѣ 1682 г., который рѣшилъ отмѣну права мѣстничества, столь дорогого для большихъ московскихъ родовъ.

На поставленный выше вопросъ нѣкоторые писатели отвѣчаютъ: соборы вышли изъ употребленія потому, что не носили въ себѣ задатковъ жизни, они исчезли вслѣдствіе внутренняго своего ничтожества. Писатели этого направленія, для доказательства своей мысли, выбираютъ азовскій соборъ и на немъ стараются демонстрировать признаки этой естественной смерти. Мы видѣли, что эти усилія напрасны. Россія можетъ гордиться дѣяніями азовскаго собора. Только люди преклоняющіеся предъ всякимъ совершившимся фактомъ, будутъ искать вину смерти извѣстнаго учрежденія исключительно въ свойствахъ самаго учрежденія: умерло— значитъ не носило въ себѣ условій жизненности. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія, которымъ можно оправдать всякую побѣду, какія бы силы и побужденія за ней ни скрывались. Если учрежденіе перестало существовать, то, конечно, были причины, которыя привели его къ смерти. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что онѣ лежали въ самомъ учрежденіи.

Московскіе соборы не сами собой появились на свѣтъ, не сами собой и исчезли. Они призваны къ жизни волею государей; перестали дѣйствовать потому, что государи перестали ихъ созывать. Въ жизни соборовъ, какъ мы видѣли, не было ничего, что̀ бы могло не нравиться самимъ

государямъ. Наоборотъ, въ патріотической дѣятельности ихъ наши государи всегда находили поддержку всѣмъ своимъ благимъ начинаніямъ. Соборы всегда стояли на стражѣ блага и безопасности государства. Если государи перестали созывать соборы, то причину этого надо искать въ стороннихъ вліяніяхъ, которымъ было выгодно представить соборы, какъ учрежденіе безполезное. Кто же могъ вліять въ этомъ смыслѣ на волю Алексѣя Михайловича? Кому дѣятельность выборныхъ людей могла быть непріятна?

Изъ того, что мы знаемъ о дѣяніяхъ соборовъ 1619 и 1642 г. и изъ челобитныхъ собора 1648 г., дѣятельность выборныхъ должна была не нравиться боярамъ, окольничимъ, ближнимъ и приказнымъ людямъ и едва ли не всего болѣе— духовнымъ властямъ.

Выборные люди указываютъ на злоупотребленія органовъ высшаго московскаго правительства, они говорятъ о московской волокитѣ и неправедныхъ московскихъ судахъ, которые для нихъ пуще татарскаго погрома. Они указываютъ на цѣлыя слободы, которыя построены боярами въ городахъ и около, въ которыхъ живутъ ихъ ремесленные и торговые люди, ремеслами и торговлею занимаются, а государевыхъ податей не платятъ. По ихъ челобитью, эти слободы отбираются на государя. Духовенство также не было оставлено ими въ покоѣ. Оно также владѣетъ слободами въ городахъ и около: мало того, несмотря на запрещеніе собора 1580 г., оно продолжаетъ пріобрѣтать вотчины по душѣ. Выборные люди 1648 г. просятъ, чтобы эти новыя пріобрѣтенія были отобраны и розданы имъ въ помѣстья. По ихъ челобитью, городскія и подгородныя слободы патріарха, митрополитовъ и другихъ взяты на государя, запрещеніе пріобрѣтать вотчины по душѣ вновь подтверждено Уложеніемъ, а о пріобрѣтенныхъ уже вотчинахъ приказано собрать справки. Могла ли такая дѣятельность мелкихъ городовыхъ дворянъ и посадскихъ нравиться сильнымъ ближнимъ людямъ и сильному духовенству? На соборѣ 1642 г. было небольшое число городовыхъ дворянъ (9 человѣкъ), подавшихъ отдѣльныя

отъ остальныхъ мнѣнія. Мнѣнія эти, при всей ихъ краткости, въ свою очередь, знаменательны. Три владимірскихъ дворянина на вопросъ объ удержаніи Азова говорятъ: въ томъ воленъ государь и его бояре; на вопросъ, гдѣ взять средства, отвѣчаютъ: гдѣ государь укажетъ и его государевы бояре; наконецъ, заявляя о своей бѣдности, они прибавляютъ: о бѣдности нашего города вѣдомо ему, государю, и его государевымъ боярамъ. Вездѣ бояре поставлены рядомъ съ государемъ, ихъ воля рядомъ съ его волею. Шесть остальныхъ дворянъ называютъ бояръ «своими вѣчными господами промышленниками». Это смиренное указаніе на могущество бояръ, которыя всегда и во всемъ прикрывались именемъ царя, едва-ли могло быть пріятнѣе указанія на ихъ слободы. Высшіе чины и духовныя власти имѣли слишкомъ много причинъ, чтобы удерживать Алексѣя Михайловича отъ созванія выборныхъ людей, а какъ постоянные совѣтники государя, они имѣли и много средствъ подъ руками, чтобы выставить соборы, какъ учрежденіе, ни на что не нужное. Этимъ вліяніемъ и слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что соборы исчезли изъ нашей государственной практики. Для борьбы съ боярами были они созваны въ первый разъ. На злоупотребленія бояръ указываютъ они и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Но борьба эта велась не одинаковымъ оружіемъ и не при равныхъ условіяхъ: бояре были ближе къ царю и успѣли, наконецъ, удалить отъ лица его представителей земли.

Порядокъ преемства престола въ Московскомъ государствѣ

Наука различаетъ монархію наслѣдственную и избирательную. Въ наслѣдственной право на престолъ принадлежитъ членамъ извѣстной династіи и переходитъ отъ одного изъ нихъ къ другому въ опредѣленномъ порядкѣ, независимо отъ усмотрѣнія царствующаго государя. Въ избирательной— назначеніе государя зависитъ отъ воли избирателей.

Эти два порядка преемства въ полной своей чистотѣ и опредѣленности не сразу появляются въ исторіи. Весьма продолжительное время мы наблюдаемъ нѣкоторую недоразвитость и смѣшеніе заключающихся въ нихъ началъ. Такъ, если на престолѣ и встрѣчаемъ рядъ членовъ одной фамиліи, смѣняющихъ другъ друга, то эта смѣна происходитъ не въ силу существованія опредѣленнаго порядка преемства этихъ лицъ, а по какимъ-либо другимъ причинамъ, напримѣръ, въ силу назначенія царствующаго государя или въ силу избранія народомъ. Обособленіе этихъ двухъ порядковъ есть результатъ продолжительнаго историческаго процесса, и у насъ оно совершилось крайне медленно.

Въ московскомъ государствѣ слагается уже представленіе о наслѣдственности монархіи [1]). Это представленіе возникаетъ благодаря тому, что Московское княженіе даетъ цѣлый рядъ случаевъ, въ которыхъ престолъ безъ всякихъ споровъ переходитъ къ сыну или брату царствующаго князя. Этотъ рядъ счастливыхъ случаевъ наблюдаемъ отъ смерти Даніила Александровича (1303) до смерти Василія Дмитріевича (1425): въ теченіе 122 лѣтъ Московское княженіе спокойно переходитъ отъ отца къ сыну или брату умершаго князя. Вслѣдствіе этого и слагается идея наслѣдственности, но въ очень общихъ чертахъ, безъ опредѣленнаго порядка преемства, а слѣдовательно, и безъ признанія за извѣстнымъ лицомъ царствующей фамиліи самостоятельнаго права на престолъ. Московскіе князья смотрѣли на свои княженія какъ на долженствующія перейти, по ихъ смерти, къ ихъ нисходящимъ. Но что кому дать, и по ровну ли, или одному больше, другому меньше, это было дѣломъ ихъ усмотрѣнія и опредѣлялось обыкновенно духовною граматою. Право наслѣдника устанавлялось, слѣдовательно, усмотрѣніемъ царствующаго государя. Послѣдній нисколько не считалъ себя связаннымъ правами своихъ наслѣдниковъ. Наоборотъ,

---

[1]) Порядокъ распредѣленія волостей между князьями въ періодъ удѣловъ изложенъ во II т. Древностей, стр. 261—334.

онъ признавалъ за собою право дѣлать между ними выборъ. По воззрѣнію московскихъ князей, если престолъ и переходитъ отъ отца къ сыну, то не въ силу самостоятельнаго права сына на престолъ, а въ силу воли отца; вотъ относящійся сюда случай. У Ивана Васильевича было нѣсколько сыновей. Старшій Иванъ умеръ еще при жизни отца (1490 г.), оставивъ сына Дмитрія. Старшій сынъ, пока былъ живъ, считался преемникомъ престола; по его смерти преемникомъ считался не внукъ Ивана Васильевича, Дмитрій, а его второй сынъ, Василій. Въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ Иванъ считалъ своего второго сына наслѣдникомъ, но потомъ измѣнилъ свои отношеніи къ нему, заключилъ его въ тюрьму, а наслѣдникомъ назначилъ внука. Но и внукъ сохранилъ за собою это званіе не болѣе 4 лѣтъ. Иванъ Васильевичъ помирился съ сыномъ; первымъ слѣдствіемъ примиренія было то, что, продолжая еще считать внука наслѣдникомъ московскаго престола, онъ назначилъ сына великимъ княземъ новгородскимъ и псковскимъ. Узнавъ объ этомъ, новгородцы и псковичи пришли въ смущеніе и отправили посольство къ Ивану Васильевичу, выражая сожалѣніе, что имъ назначенъ особый отъ Москвы князь. Они опасались, что впослѣдствіи это можетъ повести къ борьбѣ московскаго государя съ новгородскимъ княземъ. Иванъ Васильевичъ отвѣтилъ посольству: «Развѣ я не воленъ въ сынѣ или внукѣ: кому хочу, тому и даю царство». Это право назначать себѣ преемника крайнее выраженіе свое получило при Петрѣ, устранившемъ единственнаго своего сына отъ престола. Неудовольствіе, которое эта мѣра вызвала въ народѣ, указываетъ, что идея наслѣдственности въ сознаніи народа имѣла тогда болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ сознаніи императора. Итакъ, Московское княженіе составляетъ отчину потомковъ великаго князя Александра Невскаго, но порядокъ преемства всякій разъ опредѣляется усмотрѣніемъ царствующаго государя. Это усмотрѣніе опредѣляется очень многими условіями: соглашеніемъ съ другими князьями, успѣхами въ Ордѣ и пр. По мѣрѣ усиленія власти московскихъ князей, оно становится

болѣе и болѣе свободнымъ отъ воли другихъ князей и отъ Орды. Въ грамотахъ, оповѣщающихъ народъ о восшествіи на престолъ новаго государя, обыкновенно ссылаются на то, что государь назначенъ своимъ предшественникомъ. Такъ сынъ Грознаго, Θеодоръ, говоритъ: «Старина наша и до сихъ мѣстъ: отцы сыновьямъ своимъ давали царство и великое княженіе, а отецъ мой, умирая, благословилъ меня и велѣлъ сѣсть на царство»; Алексѣй Ммхайловичъ: «Учинились мы на Владимірскомъ и на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ великаго царствія по приказу отца нашего и по крестному цѣлованію бояръ и всякихъ чиновъ людей»; Θеодоръ Алексѣевичъ: «А отходя отъ сего свѣта отецъ нашъ блаженной памяти Великій Государь Алексѣй Михайловичъ скипетродержавство свое пожаловалъ, приказалъ свое царствіе, великій престолъ, сыну своему, и по его благословенію и приказу святый патріархъ московскій благословилъ насъ на тотъ царскій престолъ». Итакъ, государи московскіе назначаются на престолъ волею своихъ родителей. Въ XVI вѣкѣ это была ужа старина.

Въ Москвѣ, кромѣ занятія престола по завѣщанію, встрѣчаемся еще и съ избирательнымъ началомъ. Избраніе имѣло мѣсто не только въ тѣхъ случаяхъ, когда государь не оставлялъ послѣ себя наслѣдника, но и тогда, когда наслѣдникъ былъ налицо. Такъ Алексѣй Михайловичъ былъ назначенъ отцомъ и избранъ (Котошихинъ, стр. 4 и 104). По смерти Θеодора Алексѣевича остались два его брата, Иванъ и Петръ, изъ которыхъ Петръ и былъ избранъ на царство. Тѣмъ необходимѣе было избраніе по прекращеніи царскаго потомства; такъ были избраны: Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій, Владиславъ Польскій и Михаилъ Романовъ.

Въ Московской Россіи избраніе государей происходило на земскихъ соборахъ, которые по своему составу совершенно походили на обыкновенные соборы, но по власти, которую они имѣли, хотя и временно, они весьма отъ нихъ отличались. Созываются они, естественно, не государемъ, а боярами, къ которымъ въ этомъ случаѣ присоединялись

патріархъ и высшее духовенство. Но едва нѣкоторая часть призываемыхъ съѣзжалась, дальнѣйшія мѣры о пополненіи собора принимали уже съѣхавшіеся. Главная особенность избирательныхъ соборовъ состояла въ томъ, что они, какъ дѣйствовавшіе безъ государя, до времени его избранія пользовались полною властью: они принимали всякія мѣры, необходимыя для безопасности государства, и установляли, иногда, временное правительство.

Избирательные соборы признаютъ за собою право предлагать условія избираемому государю. Такія условія были предложены Василію Шуйскому и Владиславу Польскому и были ими приняты. Шуйскій согласился не производить суда безъ бояръ и у жены и родственниковъ обвиняемаго не отбирать имущества, если они непричастны винѣ. Послѣдняя статья вошла въ Уложеніе. Шуйскій обѣщалъ соблюдать эти условія, въ чемъ и цѣловалъ крестъ. Принятыя царемъ условія были разосланы по всему государству вмѣстѣ съ крестоприводною записью. Еще болѣе важныя условія были предложены Владиславу, а именно: 1) всякій разъ, когда онъ захочетъ ввести какое-нибудь измѣненіе въ законахъ, онъ долженъ созывать земскій соборъ; 2) при введеніи новыхъ налоговъ требовалось согласіе боярской думы; 3) по отношенію къ суду предложены были тѣ же ограниченія, что и Шуйскому.

У Котошихина читаемъ: «Какъ прежніе цари, послѣ царя Ивана Васильевича, обираны на царство, и на нихъ были иманы письма, что имъ быть не жестокимъ и не палчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ зъ бояры и зъ думными людьми соопча; а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати» (104). Съ Алексѣя Михайловича такого письма не было взято. Котошихинъ объясняетъ это такъ: «А нынѣшняго царя обрали на царство, а письма онъ отъ себя не далъ никакого, что прежніе цари давали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ, и потому наивысшее пишется «самодержавцемъ» и государство

свое правитъ по своей волѣ. И съ кѣмъ похочетъ учинити войну и покой, и что кому по дружбѣ отдати, или какую помощь чинити, или и иныя всякія великія и малыя своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинити, зъ бояры и думными людми спрашиваетца о томъ мало, въ его волѣ что хочетъ, то учинити можетъ; однако, кого изъ бояръ и изъ думныхъ и изъ простыхъ людей любитъ и жалуетъ, спрашиваетца и совѣтуется съ ними о всякихъ дѣлахъ. А отецъ его блаженныя памяти царь Михаило Ѳеодоровичъ, хотя «самодержцемъ» писался, однако, безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего».

Но въ Москвѣ избранія не всегда происходили на соборахъ, правильно составленныхъ. Въ нѣкоторыхъ принимали участіе только московскіе люди, толпа, которая собиралась у Краснаго крыльца безъ всякихъ выборовъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Управленіе

Управленіе имѣетъ задачей осуществленіе цѣлей государственной жизни; оно должно избирать для этого наиудобнѣйшія, при данныхъ условіяхъ, средства. По современнымъ взглядамъ правительственная дѣятельность должна исходить изъ закона; поэтому говорятъ, что управленіе подзаконно, т.-е. подчинено закону. Если сравнить дѣятельность судей съ дѣятельностью правительственныхъ органовъ, то между ними окажется нѣкоторое различіе. Судьи только примѣняютъ законъ; правительственнымъ же органамъ, по невозможности все опредѣлить закономъ въ области управленія, предоставляется нѣкоторая свобода усмотрѣнія; въ извѣстныхъ случаяхъ предоставляется даже право установлять обязательныя нормы въ области своей дѣятельности. Но въ томъ и другомъ случаѣ они должны руководствоваться закономъ. Въ законѣ опредѣленъ предѣлъ ихъ полномочій, изъ котораго они не должны выходить. Поэтому и говорятъ: управленіе должно быть законосообразно, закономѣрно, а не произвольно. Но это взглядъ нашего времени. Онъ выработался долгой исторической жизнью. Первоначально же мы вездѣ наблюдаемъ почти обратное отношеніе, т.-е. управленіе господствуетъ надо всѣмъ, ему должны уступать всякія права. Это мы встрѣчаемъ какъ въ средневѣковыхъ го-

сударствахъ Запада, такъ и у насъ. Можно думать, что у насъ господство управленія было еще сильнѣе, чѣмъ на Западѣ. Его усмотрѣнію все должно было подчиняться: и имущество частныхъ лицъ, и ихъ жизнь. Чтобы казнить кого-либо въ Москвѣ вовсе не требовалось, чтобы извѣстное дѣяніе напередъ было воспрещено закономъ подъ страхомъ смертной казни. Довольно, если великій государь находилъ, что казнить нужно. Усмотрѣніе шло впереди всякаго закона. Принципъ неприкосновенности частной собственности въ древности вовсе не былъ правительствомъ признанъ, и государи нарушали его всякій разъ, какъ только находили это нужнымъ. Надо было, напр., устроить какой-нибудь «ямъ», т.-е. почтовую станцію, и великій государь предписывалъ взять частную собственность для устройства яма. Василій Ивановичъ пишетъ своему чиновнику: «А ты бы ѣхалъ на Георгіевское, да на ямскомъ дворѣ хоромы велѣлъ подѣлать, да земли бы отмѣрилъ къ ямамъ, ямщикамъ на пашни, чья земля ни будетъ, которая пришлась въ кругъ яма». Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что частной собственности въ Москвѣ не было и все принадлежало государю. Изъ этого слѣдуетъ только, что управленіе все могло. Оно было сильнѣе всякихъ правъ.

Вторая характерная черта древняго управленія состоитъ въ томъ, что оно не было систематизировано, все зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія, отъ особенностей даннаго случая, вслѣдствіе чего управленіе было чрезвычайно разнообразно по мѣстности, времени, случаю. Нѣкоторое улучшеніе появляется только съ Петра Великаго, который задался мыслью организовать управленіе на болѣе точныхъ и единообразныхъ началахъ.

Въ-3-хъ, московское управленіе было проникнуто началами такъ-называемаго полицейскаго государства. Въ наукѣ различаютъ: 1) правовое государство, которое установляетъ только нормы права и не беретъ на себя никакихъ заботъ о частномъ благополучіи подданныхъ, и 2) полицейское государство, которое не только установляетъ нормы права, но и

беретъ на себя заботу о благополучіи подданныхъ. И то и другое государство есть теоретическое обобщеніе, ихъ нѣтъ въ дѣйствительности; но дѣйствительныя государства болѣе или менѣе приближаются къ тому или другому типу. Московское государство представляетъ крайность второго типа, хотя и въ очень узкой формѣ. Для блага подданныхъ оно воспрещаетъ имъ курить и нюхать табакъ, брить бороду, пить водку болѣе указанной мѣры, съ той же цѣлью предписываетъ ходить въ церковь, извѣстное число разъ въ году говѣть и пріобщаться Святыхъ Тайнъ. Имѣемъ указанія, что оно иногда даже пріискиваетъ холостымъ людямъ женъ. Отъ XVII в. осталось предписаніе пашеннымъ крестьянамъ Томскаго воеводства, въ которомъ имъ, подъ страхомъ великой пени, приказывалось выдавать своихъ дочерей замужъ за ссыльныхъ преступниковъ, чтобы тѣмъ унять этихъ преступниковъ отъ бѣговъ и укрѣпить ихъ на тѣхъ мѣстахъ, куда они были сосланы, такъ какъ имъ жениться, опричь тѣхъ дочерей пашенныхъ крестьянъ, не на комъ.

Наконецъ, послѣдняя характерная черта управленія состоитъ въ томъ, что въ древности государственное управленіе сливается съ частнымъ управленіемъ княжескаго дома. Государь есть представитель всего государства, но онъ и частное лицо, имѣющее свой домъ и свое имущество. Въ Московскомъ государствѣ, какъ и въ Западной Европѣ, управленіе государствомъ происходитъ въ формѣ управленія частной государевой собственностью. Государевы дворецкіе, конюшенные, ясельничіе, ловчіе и т. д., завѣдуя первоначально его дворомъ, конюшнями и забавами, были вмѣстѣ съ тѣмъ и сановниками государства. Таково же происхожденіе западныхъ майордомовъ, маршаловъ и т. д.

I. Правительственное дѣленіе

На всемъ протяженіи нашей исторіи до уничтоженія удѣловъ каждое княженіе составляетъ отдѣльную, самостоятельную правительственную область.

Полная независимость управленія отдѣльныхъ княженій нарушается только къ концу этого времени. Впрочемъ и это нарушеніе имѣетъ крайне частный характеръ; оно встрѣчается въ одномъ только завѣщаніи великаго князя московскаго, Ивана Васильевича, относится только къ тѣмъ удѣламъ, которые онъ назначилъ своимъ сыновьямъ, и далеко не обнимаетъ всѣхъ отраслей управленія. Это ограниченіе правительственной дѣятельности отдѣльныхъ княженій касается, во-1-хъ, права дѣлать монету; во-2-хъ, права суда въ дѣлахъ, возникающихъ изъ душегубства. По отношенію къ первому вопросу—право дѣлать монету Иванъ Васильевичъ предоставилъ только старшему сыну, вел. князю московскому, Василію Ивановичу. Что же касается до суда по дѣламъ о душегубствѣ, то младшіе сыновья завѣщателя имѣли такое же право рѣшать ихъ окончательно въ своихъ удѣлахъ, какъ и ихъ старшій братъ въ своемъ, за слѣдующимъ исключеніемъ. Въ составъ удѣловъ, назначенныхъ младшимъ сыновьямъ, вошли, между прочимъ, такіе участки, которые при вел. князѣ Иванѣ тянули душегубствомъ къ городу Москвѣ; въ этихъ участкахъ судъ о душегубствѣ и по смерти Ивана Васильевича долженъ былъ вѣдать московскій князь, Василій Ивановичъ, а не его младшіе братья, на долю которыхъ они достались.

Отдѣльныя княженія въ правительственномъ отношеніи дѣлились на волости или уѣзды и станы, и на города. Волости и уѣзды въ этомъ второмъ смыслѣ не синонимы княжествамъ, а ихъ подраздѣленіе [1]).

Дѣленіе княженій на волости или отдѣльные админи-

[1]) Слово «волость» въ древности имѣло очень широкое значеніе Все, что находилось подъ чьей-нибудь властью, было его волостью. Отсюда: княженіе—есть волость князя, а онъ волостель; административное дѣленіе княженія—тоже волость, а правитель такой волости—волостель; даже частное владѣніе въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ называется волостями и волостками, но владѣльцы этихъ частныхъ волостей не называются волостелями, а боярами и бояришками, если у нихъ небольшія волости.

стративные округа, которые поручались вѣдѣнію особыхъ мужей, встрѣчается въ глубокой древности. О первомъ новгородскомъ князѣ Рюрикѣ, говорится, что онъ роздалъ волости мужамъ своимъ. Это раздѣленіе Новгорода на волости сохранилось до позднѣйшаго времени. Во всѣхъ новгородскихъ грамотахъ находимъ особыя статьи, въ которыхъ говорится о новгородскихъ волостяхъ, какъ объ административномъ дѣленіи Новгорода. Въ древнѣйшей изъ нихъ читаемъ: «Что волостей всѣхъ новгородскихъ, того ти, княже, не держати своими мужи, но держати мужи новгородскими; а даръ имати тебѣ отъ тѣхъ волостей. А безъ посадника тебѣ волостей не раздавати. А безъ вины ти мужа волости не лишати. А се волости новгородскія: Волокъ, Торжокъ» и пр.

То же дѣленіе находимъ и въ другихъ княженіяхъ. Такъ Густинская лѣт. упоминаетъ о галицкихъ волостяхъ, которыя также, какъ и новгородскія, раздаются галицкимъ мужамъ. Подъ 1176 г. упоминаются черниговскія волости, Лопастна и Свѣрилескъ; а подъ 1213 г. находимъ такое мѣсто: «И повоева всѣ волости черниговскія по Днѣпру державы Всеволодовы». О раздѣленіи кіевскаго княженія на волости сохранилось свидѣтельство подъ 1195 г., гдѣ упоминается одна изъ кіевскихъ волостей, выдѣленная Рюрикомъ зятю своему Роману; эта волость называется «лѣпшею волостью», т.-е. лучшею сравнительно съ другими кіевскими волостями. Подъ 1211 г. сохранилось указаніе на такое же дѣленіе Владимірскаго княженія: Всеволодъ Юрьевичъ, желая передать по смерти своей владимірскій столъ второму сыну, Юрію, созываетъ бояръ своихъ изъ городовъ и волостей. Подъ 1476 г. упоминается псковская волость Гостятино, а подъ 1441 г. читаемъ, что псковскій посадникъ Тимоѳей поѣхалъ «съ волостьми» ставить городъ Опочку.

Съ XIV в. по мѣрѣ того, какъ слово волость все рѣже и рѣже употребляется для обозначенія цѣлаго княженія, за нимъ упрочивается значеніе составныхъ частей удѣла или княжества. Только въ такомъ смыслѣ встрѣчается оно въ

завѣщаніяхъ и договорахъ московскихъ князей. Изъ этихъ памятниковъ видно, что всѣ княженія, мало-по-малу вошедшіе въ составъ Московскаго государства, подраздѣлялись на волости; великіе князья московскіе, назначая эти княженія въ удѣлы своимъ сыновьямъ, къ имени главнаго города, которымъ прежде обозначалось то или другое отдѣльное княженіе, всегда прибавляютъ: «и съ волостями», напримѣръ: «Можайскъ со всѣми волостями», «Коломну со всѣми коломенскими волостями»; «Галичъ со всѣми волостями», «Бѣлоозеро съ волостями»; въ тѣхъ же выраженіяхъ говорится о Владимірѣ, Переяславлѣ, Костромѣ, Суздалѣ, Нижнемъ, Муромѣ, Твери, Рязани, Пронскѣ, Переяславлѣ Рязанскомъ и пр.

Назначая волости, князья переносили на своихъ преемниковъ право отправлять извѣстныя функціи княжеской власти, а не свою частную поземельную собственность, для обозначенія которой были употребительны выраженія—село деревня, пути [1]). Волость была правительственнымъ округомъ, отъ нея заимствовалъ свое имя и чиновникъ, которому она поручалась въ завѣдываніе, волостель. Въ договорной грамотѣ великаго князя тверского, Михаила Борисовича, съ московскимъ великимъ княземъ, Иваномъ Васильевичемъ, читаемъ: «А кто имѣтъ холопа или должника, а поставитъ передъ волостелемъ, въ томъ ему вины нѣтъ; а выведетъ изъ волости, а передъ волостелемъ не поставитъ, въ томъ ему вина». Р. С. Г. и Д. ч. I, № 88. Въ жалованной грамотѣ Василія Дмитріевича митрополиту Фотію читаемъ: «Освободилъ отцу своему Фотію... купити въ (волости) Талшѣ деревню Яковльскую волостную: а что доселя та деревня тянула судомъ и всѣми пошлинами къ волости, къ Талшѣ, и нынѣчь та деревня потянетъ судомъ и всѣми пошлинами къ отцу моему Фотію... опроче дани моей и яму къ волости ей не тянути ни чѣмъ». А. А. Э. т. I, № 20.

---

[1]) О деревняхъ и селахъ рѣчь идетъ въ III т. Древностей, стр. 42—72; о путяхъ въ I т., стр. 376—381.

Въ другихъ жалованныхъ грамотахъ весьма обыкновенна такая статья: А волостель вѣдаетъ своихъ людей волостныхъ и въ правдѣ и въ винѣ...» См. тамъ же №№ 41, 52, 53 и др. и въ А. И. т. I, № 49 и др. Въ Москвѣ волости также раздавались мужамъ, какъ въ Новгородѣ и въ Галичѣ. Въ уста умирающему Дмитрію Ивановичу лѣтописецъ влагаетъ слѣдующія прощальныя слова къ боярамъ: «Съ вами царствовалъ... подъ вами грады держахъ и великія власти». Воскр. 1389 г. Ср. еще Новгр. IV, 1447 г., гдѣ плѣнъ и ослѣпленіе великаго князя московскаго, Василія Васильевича, объяснены его привязанностью къ татарамъ, которымъ онъ раздавалъ города и волости въ кормленіе.

Въ княжескихъ завѣщаніяхъ села, какъ частная собственность князя, обыкновенно противополагаются волостямъ. Такъ въ завѣщаніи Ивана Даниловича послѣ перечисленія городовъ и волостей, назначаемыхъ имъ второму сыну, Ивану, слѣдуетъ особая рубрика: «а се села», и затѣмъ уже идетъ перечисленіе селъ, назначаемыхъ имъ тому же сыну. Въ томъ же порядкѣ идетъ и назначеніе удѣла третьему сыну Андрею: «А се далъ есмь сыну своему Андрею: Лопастну, Сѣверьску, Нарунижьское, Серпоховъ, Нивну, Темну, Голичичи, Щитовъ, Перемышль, Растовецъ, Тухачевъ; а се села: Талежское, село Серпуховское» и пр. При назначеніи удѣла старшему сыну, Семену, хотя и опущена рубрика «а се села», но все-таки села перечислены отдѣльно, послѣ волостей. Въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича выраженію: «а изъ московскихъ волостей» противополагается выраженіе «а изъ московскихъ селъ». Есть волость Руза, впослѣдствіи городъ, и есть село Рузьское, точно также есть волость Серпоховъ, впослѣдствіи городъ, и село Серпоховьское. Р. С. Г. Г. и Д. ч. №№ 21 и 22. Московскіе князья владѣли громадной поземельной собственностью, но имъ принадлежали далеко не всѣ села и деревни, входившія въ составъ волостей. Въ договорахъ князей нерѣдко встрѣчаемъ обоюдное обязательство «селъ и деревень въ такомъ-то удѣлѣ не купити». Оно не можетъ относиться

къ селамъ и деревнямъ, принадлежавшимъ самому князю; здѣсь дѣло идетъ о селахъ и деревняхъ, принадлежавшихъ боярамъ, вольнымъ слугамъ и вообще частнымъ лицамъ; эти села и деревни, на ряду съ княжескими селами, составляли округъ волости [1]).

Волости обозначаются обыкновенно именемъ главнаго пункта поселенія, въ которомъ, по всей вѣроятности, и имѣлъ свое мѣстопребываніе волостель. Къ этимъ главнымъ поселеніямъ приписывались менѣе значительныя села и деревни, что́ вмѣстѣ составляло округъ волости. Волостель для отправленія правительственныхъ дѣйствій имѣлъ право ѣздить по всему округу своей волости. Въ силу этого волости и въ этомъ второмъ смыслѣ также усвояется наименованіе уѣзда. Указаніе на это находимъ въ завѣщаніи Ивана Даниловича Калиты. При исчисленіи можайскихъ и коломенскихъ волостей, назначаемыхъ имъ старшему сыну Семену, упоминается волость Похряне; а нѣсколько далѣе при исчисленіи селъ, передаваемыхъ тому же князю на правѣ частной собственности, читаемъ: «Село на Сѣверцѣ, въ Похрянскомъ уѣздѣ».

Волостямъ противополагаются города, составляющіе по отношенію къ нимъ сораздѣленіе княжества. Къ городу приписываются, иногда, окружающія его села и деревни, съ которыми онъ и составляетъ особый правительственный округъ. Власти имѣютъ пребываніе въ самомъ городѣ, а приписанныя къ нему мѣста составляютъ ихъ уѣздъ. Указаніе на существованіе особыхъ городскихъ уѣздовъ находимъ, между прочимъ, въ Новгр. лѣт. подъ 1403 г., гдѣ читаемъ: «А въ Новгородскомъ уѣздѣ за 50 верстъ (а по другимъ спискамъ за 8) отъ Великаго Новгорода благословеніемъ

[1]) Съ завоеванія Новгорода въ 1478 г. взятыя Иваномъ Васильевичемъ волости у новгородцевъ сдѣлались его частной собственностью, которая стала раздаваться въ помѣстья. Отсюда у частныхъ лицъ появляются части волостей и волостки; это частныя владѣнія, а не административное дѣленіе.

владыки Іоанна постави Порфирій Инамскій церковь древянну» и пр. [1]).

Противоположность города и волости могла обнаружиться весьма рано, но съ полною опредѣленностью отразилась она въ памятникахъ только съ XIV в. Въ завѣщаніяхъ московскихъ князей города постоянно называются отдѣльно отъ волостей; только самые незначительные изъ нихъ, городки, перечисляются заурядъ съ волостями [2]). Въ другихъ памятникахъ того же времени постоянно различаются городскіе люди и волостные, какъ принадлежащіе къ разнымъ вѣдомствамъ [3]). Въ установной бѣлозерской грамотѣ конца XV в. выводная куница опредѣляется въ одинаковомъ размѣрѣ, какъ за переходъ дѣвицы отъ одной волости въ другую бѣлозерскую волость, такъ и за ея переходъ изъ

[1]) Новгр. III, 1403 г. Сюда же относится встрѣчающееся въ княжескихъ завѣщаніяхъ выраженіе: «Московскій городской уѣздъ». Московскій городской уѣздъ состоялъ изъ селъ «на Москвѣ» или «у Москвы», которымъ противополагаются «московскія села», т.-е. села въ московскихъ волостяхъ. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 24, 86, 144,

[2]) Въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича, напр., между звенигородскими волостями названъ «Руза городокъ», между московскими «Шерна городокъ», въ завѣщаніи Василья Васильевича въ числѣ коломенскихъ волостей находимъ «городокъ Брашеву»; въ завѣщаніи Ивана Васильевича между дорогобужскими волостями стоитъ «Лучинъ городокъ», а между шохонскими «городокъ Княжичи». Не городскія волости по мѣрѣ усиленія главнаго поселенія переходятъ въ городскія. Такъ, въ завѣщаніи Ивана Даниловича—Серпуховъ просто волость, а въ завѣщаніи внука его, Владиміра Андреевича, это главный городъ удѣла къ которому приписываются другія волости. То же повторилось съ Звенигородомъ и нѣкоторыми другими волостями.

[3]) Въ жалованной грамотѣ звенигородскаго князя, Юрія Дмитріевича, Савво-Сторожевскому монастырю читаемъ: «А правъ ли, виноватъ ли городской или волостной человѣкъ, и онъ въ правдѣ и винѣ намѣстникомъ моимъ и волостелямъ...; а игуменъ съ братіею въ городнаго и волостнаго человѣка не вступаются». Въ жалованной грамотѣ углицкаго князя Троицкому Сергіеву монастырю читаемъ: «А случится судъ смѣстной городскимъ людямъ или волостнымъ съ монастырскими, и мои намѣстники углицкіе или волостели кинельскіе... судятъ, а игуменовъ приказникъ съ ними же судитъ» А. И. т. I, №№ 15, 74. Ср. еще тамъ же № 83 и въ А. А. Э. т. I, №№ 44, 51, 111 и др.

волости въ городъ и обратно, что указываетъ на то, что городъ составлялъ такой же административный округъ, какъ и волость.—Уѣзды волостей и городовъ были далеко неодинаковы по своимъ размѣрамъ и нерѣдко измѣнялись: нѣсколько волостей соединялись въ одну, если хотѣли доставить лицу, которому они поручались въ завѣдываніе, болѣе значительное содержаніе; въ противномъ случаѣ, большая волость дробилась на нѣсколько мелкихъ.

Къ концу разсматриваемаго періода для обозначенія волости начинаетъ входить въ употребленіе новый терминъ—станъ. Что станъ въ смыслѣ административнаго округа есть не что иное, какъ другое наименованіе волости, это видно изъ сличенія двухъ дошедшихъ до насъ бѣлозерскихъ грамотъ, и изъ нѣкоторыхъ мѣстъ княжескихъ договоровъ и завѣщаній. Въ началѣ уставной бѣлозерской грамоты читаемъ: «Пожаловалъ своихъ людей бѣлозерцевъ, горожанъ и становыхъ людей и волостныхъ всѣхъ бѣлозерцевъ»... А далѣе, гдѣ говорится о кормѣ намѣстнику и о распредѣленіи бѣлозерскихъ мѣстъ между подвѣдомственными ему чиновниками, упоминаются только горожане и становые люди, городъ и станы. Такъ какъ намѣстнику поручалась вся Бѣлозерская земля и кормъ шелъ ему со всѣхъ бѣлозерцевъ, то опущеніе волостей и волостныхъ людей въ этихъ двухъ случаяхъ можетъ быть объяснено только предположеніемъ, что волости и станы суть два разныхъ названія для обозначенія одного и того же правительственнаго дѣленія [1]). Какъ станы въ бѣлозерской грамотѣ употребляются вмѣсто волостей, такъ и наоборотъ, волости—вмѣсто становъ. Въ концѣ разбираемаго акта читаемъ: «А кто дастъ дочерь за мужъ, изъ города въ волость, или изъ волости въ городъ,

[1]) «Взоѣжжаго корму горожане и становые люди намѣстникомъ нашимъ на взоѣздъ что кто принесетъ, то имъ взяти... А намѣстникомъ нашимъ у нихъ держати въ городѣ и во станѣхъ два тіуна, да десять доводчиковъ, во станѣхъ десять доводчиковъ да два въ городѣ»... А ниже въ статьяхъ о душегубствѣ снова упоминаются не только городъ и станы, но и волости.

или изъ волости въ волость, и онъ дастъ за выводную куницу—алтынъ». Здѣсь не упоминаются станы, но вовсе не потому, чтобы переходъ дѣвицы изъ одного стана въ другой или изъ стана въ волость и въ городъ и наоборотъ не условливалъ выводной куницы: она не бралась, какъ показано нѣсколько ниже, только въ случаѣ замужества въ предѣлахъ одного и того же города, стана или волости. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, волостями названы станы. Указаніе на такое же значеніе стана находимъ и въ завѣщаніи серпуховскаго князя, Владиміра Андреевича. Двумъ своимъ сыновьямъ, Семену и Ярославу, онъ отказываетъ «Городецъ на Волзѣ и станы на полы». Нѣсколько далѣе, при перечисленіи становъ встрѣчаемся съ слѣдующими именами: Бѣлогородье, Юрьевецъ, Корякова слобода и Чернякова. А въ договорѣ великаго князя Василія Дмитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ, по которому послѣдній и пріобрѣлъ Городецъ, означенныя четыре мѣста поименованы подъ рубрикою—«городскихъ волостей». Въ разсматриваемый періодъ новый терминъ употреблялся далеко не повсемѣстно: въ княжескихъ завѣщаніяхъ и договорахъ имъ пользуются почти исключительно для обозначенія правительственныхъ подраздѣленій Московскаго удѣла; въ другихъ же удѣлахъ, Можайскомъ, Коломенскомъ, Владимірскомъ, Переяславскомъ и пр., упоминаются только волости.

Города и волости дѣлятся, въ свою очередь, на болѣе мелкія правительственныя единицы—сотни, потуги и погосты, которые вѣдались особыми чинами въ лицѣ сотскихъ и старостъ.

Сотни, подъ которыми никакъ нельзя разумѣть дѣйствительной ариѳметической сотни, представляютъ одно изъ древнѣйшихъ дѣленій, которое было вызвано первыми потребностями военнаго и финансоваго управленія. Въ Кіевѣ сотскіе упоминаются еще при Владимірѣ Святомъ, который приглашалъ ихъ на свои придворные пиры вмѣстѣ съ боярами, гридями и нарочитыми людьми. О раздѣленіи Новгорода (самаго города) на сотни встрѣчаемъ первое извѣстіе

въ уставѣ о мостовыхъ, приписанномъ къ пространной Русской Правдѣ.

Погостъ былъ собственно сельскимъ дѣленіемъ новогородскимъ. Погостомъ называлось, во-1-хъ, мѣсто на которомъ стоятъ церковь и дворы церковнослужителей, и во-2-хъ, нѣкоторый округъ, составлявшій одну податную единицу [1]). Потугами въ Новгородѣ назывались округа, имѣвшіе податное значеніе. Это, можетъ быть, только иное наименованіе и для погоста и для сотни. Потугъ отъ тягла, а всѣ эти мелкія единицы—тягловыя.

Русская Правда въ смыслѣ административной единицы упоминаетъ вервь, члены которой составляютъ въ этомъ отношеніи одно цѣлое. Административное значеніе верви видно изъ того, что члены верви должны были выдать преступника или отвѣчать за совершонное имъ преступленіе

Относительно происхожденія слова вервь мы имѣемъ два мнѣнія. Нѣкоторые изслѣдователи (Погодинъ) говорятъ, что слово это занесено къ намъ норманнами; они сближаютъ его съ норманскимъ словомъ hwarf, означающимъ также округъ. Другіе (Соловьевъ, Миллеръ) производятъ слово «вервь» отъ веревки; на этомъ основаніи думаютъ, что вервь составляла округъ, границы котораго опредѣлялись измѣреніемъ веревкою. Дѣйствительно, въ источникахъ есть указаніе, свидѣтельствующее о томъ, что веревка (вервь) употреблялась у насъ какъ единица земельной мѣры; такъ, напр., говорится: «а той земли на три доли достанется двадцать три веревки» Трудно, однако, допустить, чтобы въ древности всѣ верви были точно обмѣрены. Огороды и пахотныя земли, можетъ быть, измѣрялись уже съ древнѣйшихъ временъ; но лѣса и луга не измѣрялись даже и въ сравнительно позднѣйшее время; этихъ угодій было очень много и каждый пользовался ими въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ чувствовалъ потребность.

Вервь несомнѣнно славянское слово. Оно извѣстно хор-

[1]) О погостахъ подробнѣй сказано въ III т. Древностей, стр. 79—87.

ватамъ и означаетъ у нихъ связь родства. Въ Полицкомъ статутѣ члены родовыхъ союзовъ называются «вервными братьями». Это вервники. У насъ въ томъ же смыслѣ употреблялось еще слово такого же происхожденія — ужикъ, отъ уже — веревка. «Да судитъ сонмъ между убившимъ и ужикомъ крове», то-есть, и родственникомъ по крови. Ужикъ, такимъ образомъ, равенъ вервнику. У насъ, какъ и у римлянъ, родственная связь получила свое названіе отъ веревки, ужа (уже), шнура — linea; тоже у французовъ la ligne (Собестіанскій, Круговая порука). Что же такое вервь? Мы держимся стараго мнѣнія, что общество развивается изъ индивидуальнаго брака, семьи, которая переходитъ въ родъ и племя. Съ возникновеніемъ осѣдлости эти родственники садятся на землю вмѣстѣ. Это и будетъ вервь. Отъ союза родства названіе переносится на занимаемую имъ территорію и удерживается за ней и тогда, когда о родствѣ занимающихъ ее людей и памяти никакой не сохранилось. Вервь Русской Правды административная единица, населеніе которой ничего не помнитъ о единствѣ своего происхожденія и, конечно, заключаетъ въ своей средѣ и пришлецовъ-чужеродцевъ. Всѣ они называются просто «людіе», III ред. 11.

Какъ была велика вервь и въ какомъ отношеніи стояла она къ дѣленію на городскіе и волостные уѣзды и къ ихъ подраздѣленіямъ, мы не знаемъ. Мнѣніе о томъ, что вервь равнялась посадничеству, т.-е. городскому кругу, есть только предположеніе. Подробное описаніе верви, предлагаемое Лешковымъ, все основано на однихъ гаданіяхъ.

Нашу вервь сближаютъ нѣкоторые изслѣдователи съ учрежденіемъ, существующимъ у западныхъ славянъ и извѣстнымъ подъ именемъ задруги. Относительно южнославянской задруги мы имѣемъ весьма любопытный матеріалъ, изданный проф. Новороссійскаго университета Богишичемъ, составившимъ сборникъ черногорскихъ и южнославянскихъ обычаевъ подъ заглавіемъ «Сборникъ правовыхъ обычаевъ южныхъ славянъ». Въ томъ видѣ,

въ какомъ представляется задруга по этому сборнику, ее трудно сближать съ нашею вервью. Богишичъ составилъ программу вопросовъ, касающихся задруги (ея состава, отношенія членовъ и пр.), и разослалъ ее въ разныя мѣстности съ просьбою дать отвѣты. Собранный имъ матеріалъ очень любопытенъ, но пользоваться имъ надо съ осмотрительностью. Народъ и интеллигенція часто плохо понимаютъ другъ друга. Эта трудность пониманія проявилась и въ данномъ случаѣ. Богишичу давались иногда отвѣты совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ онъ спрашивалъ. Вмѣсто того, чтобы указать на правовые обычаи, въ отвѣтахъ указываются нерѣдко одни факты. Поэтому, прежде чѣмъ дѣлать выводы, слѣдуетъ критически разобрать напечатанный матеріалъ.

На основаніи отвѣтовъ, собранныхъ у Богишича, задруга представляется свободнымъ соединеніемъ родственниковъ. Положимъ, что по смерти отца осталось нѣсколько его взрослыхъ дѣтей и внуковъ, которые вмѣстѣ составляютъ 15—20 человѣкъ. Допустимъ, что эти близкіе родственники не раздѣлятъ между собой оставшееся послѣ смерти отца имущество, а, оставаясь жить вмѣстѣ, будутъ пользоваться имъ какъ общею собственностью. Это и будетъ задруга. Для общаго управленія имуществомъ задруги назначается особенный представитель, носящій названіе «домачина» или «старѣйшины». Для управленія и распоряженія женскими работами назначается домачица, обыкновенно жена домачина. Въ составъ задруги входятъ только родственники, а постороннія лица не допускаются, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ. Домачинъ дѣйствуетъ подъ контролемъ членовъ задруги, которымъ онъ отдаетъ отчетъ во всѣхъ своихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ; безъ совѣта членовъ задруги онъ не можетъ ни купить, ни продать недвижимаго имущества, а если покупаетъ какія-нибудь мелкія вещи, то въ томъ предположеніи, что члены задруги одобрятъ потомъ его покупку. Права суда надъ членами задруги у домачина нѣтъ. Онъ можетъ только ма-

лолѣтковъ по своему усмотрѣнію наказывать. Если же онъ недоволенъ кѣмъ-либо изъ взрослыхъ, то долженъ призвать всѣхъ членовъ задруги, и предложить свое мнѣніе относительно провинившагося на общее разсмотрѣніе. Если члену задруги не нравятся господствующіе порядки, то онъ можетъ требовать выдѣла своей части изъ общей собственности и выйти изъ задруги. Соотвѣтственно этому и домачинъ можетъ, съ согласія всѣхъ членовъ задруги, выдѣлить извѣстнаго члена и выключить его изъ задруги. Такимъ образомъ, каждый членъ состоитъ въ задругѣ до тѣхъ поръ, пока ему и задругѣ это нравится. Въ послѣднее время у южныхъ славянъ замѣтна склонность къ выдѣлу изъ задруги. Причиною этого, по большей части, являются жены членовъ задруги, которыя ссорятся между собою, возбуждаютъ между мужчинами взаимныя неудовольствія и, такимъ образомъ, дѣло доходитъ до раздѣла. Домачинъ не всегда избирается членами задруги; нерѣдко умирающій отецъ призываетъ старшаго сына или одного изъ младшихъ и дѣлаетъ его еще при своей жизни домачиномъ; а случается, что, послѣ смерти отца, одинъ изъ болѣе энергическихъ членовъ семейства, безъ формальнаго согласія со стороны другихъ членовъ задруги, начинаетъ завѣдывать всѣмъ хозяйствомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ предполагается молчаливое согласіе со стороны остальныхъ членовъ задруги.

Въ такомъ видѣ представляется южнославянская задруга; ее трудно сближать съ нашею древнею вервью. Мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, что наша вервь была семейною общиною. Скорѣе есть основаніе думать, что она была территоріальною общиною, въ составъ которой входили по общему правилу не родственники только, а всѣ члены общины. Южнославянская задруга и сама не древняго происхожденія. Она не старѣе XV вѣка.

Все, что находилось въ предѣлахъ княжества, подлежало вѣдѣнію общихъ судебныхъ и административныхъ учрежденій этого княжества; исключенія (иммунитеты) допускались только въ силу особаго пожалованія, въ

формѣ завѣщанія или жалованной грамоты. Такія исключенія обыкновенно состояли въ освобожденіи извѣстнаго округа отъ княжескихъ даней, пошлинъ и повинностей и отъ суда княжескихъ чиновниковъ, права и обязанности которыхъ переходили, въ такомъ случаѣ, на тѣ лица, въ пользу которыхъ установлялось исключеніе. Освобожденіе отъ суда и даней было или полное или съ ограниченіями; въ послѣднемъ случаѣ въ вѣдѣніи княжескихъ чиновниковъ, обыкновенно, оставлялось душегубство и разбои, изъ повинностей же — въ пользу князя выговаривались иногда дань и ямъ, иногда одна дань и пр. [1]).

Исключенія дѣлались въ пользу княгинь, монастырей и церквей, и частныхъ лицъ.

Дошедшія до насъ жалованныя грамоты не восходятъ далѣе XIV в.; всѣ онѣ писаны отъ имени князя, въ исключительномъ завѣдованіи котораго находились судъ и дани [2]). Въ чью пользу разъ установилось исключеніе, тотъ пользовался имъ какъ своимъ частнымъ правомъ и могъ въ принадлежащемъ ему округѣ установлять новыя исключенія— отъ своего суда и своихъ повинностей. Примѣры такихъ вторичныхъ исключеній находимъ въ жалованныхъ грамотахъ княгинь и митрополитовъ.

Таково было правительственное дѣленіе русскихъ княженій. Оно представляетъ три степени округовъ, каждому изъ которыхъ соотвѣтствовали особые органы управленія. Высшую степень составляетъ княженіе, волость, удѣлъ или уѣздъ; затѣмъ слѣдуетъ подраздѣленіе княженій на города, волости, станы или уѣзды; эти послѣдніе въ свою очередь дѣлятся на сотни, потуги и погосты.

---

[1]) О льготныхъ владѣніяхъ и льготчикахъ рѣчь идетъ въ III т. Древностей стр. 291—308.

[2]) Только въ Новгородѣ, гдѣ долѣе сохранились вѣчевые порядки, встрѣчаемъ ограниченіе права князей раздавать жалованныя грамоты. Въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ весьма обыкновенно слѣдующее условіе: «А безъ посадника ти, княже... грамотъ не даяти». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I, № 9. Ср. еще А. А. Э. т. I, № 42. 62.

Московское дѣленіе не представляетъ однообразія. Въ началѣ находимъ древнее дѣленіе на города и волости. Но волости мало-по-малу исчезаютъ. Исчезновеніе волостей, т.-е. сельскихъ округовъ, стоитъ, можетъ быть, въ связи съ закрѣпленіемъ большинства сельскаго населенія, которое не нуждалось болѣе въ особыхъ органахъ управленія, — волостеляхъ. Остается дѣленіе на города съ ихъ уѣздами. Рядомъ съ городскими округами стоятъ области или земли, которыя состоятъ изъ совокупности городовъ, имѣющихъ свой мѣстный центръ въ своемъ главномъ городѣ. Таковы: Вятская земля, Двинская, Важская, Псковская, Рязанская, Новгородская и др. Новгородская область, напр., составляла совокупность городовъ съ Новгородомъ во главѣ, который сносился съ Москвою непосредственно; другіе же новгородскіе города сносились съ Новгородомъ, а не съ Москвой. Города, въ свою очередь, подраздѣляются на болѣе мелкія единицы: сотни, станы, слободы, погосты и пр. Нѣкоторыя области дѣлились на трети, на четверти; напр., Важская земля, какъ особенный административный округъ, дѣлилась на четверти; Новгородъ на пятины.

Въ Московскомъ государствѣ возникаютъ еще дѣленія со спеціальными цѣлями. 1) Дѣленіе на губы; это судебные округа. Размѣръ ихъ былъ очень различенъ. Первоначально онъ не имѣлъ никакой опредѣленности. Кто просилъ о губныхъ учрежденіяхъ, тотъ и получалъ ихъ. Если просила одна волость,—она и составляла губу. Но позднѣе, по мѣрѣ того, какъ губныя учрежденія распространялись, губное дѣленіе, кажется, совпало съ дѣленіемъ на города съ уѣздами. 2) Дѣленіе на разряды, это спеціально военное дѣленіе. Подъ разрядомъ разумѣется совокупность городовъ, имѣющихъ свой центръ. Въ случаѣ войны, въ центральномъ пунктѣ разряда собирались всѣ служилые люди этого разряда; таковъ былъ разрядъ новгородскій, казанскій, рязанскій и др.

Льготныя владѣнія въ теченіе XVII в. выходятъ изъ употребленія.

II. Органы управленія

Наши источники говорятъ, главнымъ образомъ, объ органахъ княжескаго управленія; но рядомъ съ княжескимъ управленіемъ существовало и самоуправленіе общинъ. Управленіе князя, поскольку князья занимали столы по призванію народа или съ его согласія, представляется въ значительной степени народнымъ. А потому и князь, заключившій съ народомъ рядъ на княженіе, можетъ быть разсматриваемъ тоже какъ органъ самоуправленія княжества.

Во главѣ всего управленія княжества стоялъ князь. Князь управляетъ лично, т.-е. принимаетъ непосредственное участіе во всѣхъ дѣлахъ управленія. Это видно изъ поученія Владиміра Мономаха. Личнаго княжескаго управленія обыкновенно желалъ и самъ народъ, исходя изъ той мысли, что князья, какъ лица, поставленныя выше партій, могли быть безпристрастнѣе всякихъ другихъ правителей.

Указанія на отправленіе правосудія самимъ княземъ очень не рѣдки въ нашихъ источникахъ, въ которыхъ и самая правда называется «княжей правдой» [1]).

---

[1]) Лѣтописецъ, сѣтуя на неурядицу послѣднихъ годовъ княженія Всеволода Ярославича и сдѣланную имъ перемѣну въ своихъ совѣтникахъ, послѣдствія этой перемѣны характеризуетъ такъ: «И людемъ не доходити княже правды». Лавр. 1093 г. Въ примѣръ личнаго отправленія суда княземъ см. Ипат. 1146 г.: «Аще кому будетъ насъ обида,—говорятъ Кіевляне Игорю,—то ты прави». О Константинѣ Новгородскомъ читаемъ: «Поча ряды правити», что объяснено словами пророка: «Боже! судъ твой цареви дажь и правду твою сыну цареви, судити людемъ твоимъ въ правду», Лавр. 1206 г.; въ похвалѣ Всеволоду Юрьевичу владимірскому сказано: «Судъ судилъ не лицемѣренъ»... Лавр. 1212 г.; о сынѣ его, Ярославѣ, читаемъ: «Судившу Ярославу тако», Лавр. 1229 г. Въ духовной грамотѣ великаго князя московскаго, Семена Ивановича, читаемъ: «А что буди судилъ когда въ великомъ княженіи и въ вотчинѣ своей на Москвѣ, или мои бояре... а того вы, братья моя, не восчинайте» Р. С. Г. Г. и Д. ч. I, № 24. Въ жалованной гра

На войнѣ князь обыкновенно первый начиналъ бой и своимъ примѣромъ поощрялъ воиновъ во все его продолженіе. Его личное участіе въ битвѣ было положительно необходимо для успѣха самаго дѣла: въ отсутствіи князя воины «не крѣпко бьются» [1]). Когда воеводы Дмитрія Ивановича Московскаго, передъ началомъ знаменитой донской битвы, совѣтовали своему князю не биться напереди, но стать сзади или на крылѣ, онъ отвѣчалъ: «Какъ скажу вамъ: братіе! потягнемъ вкупѣ съединаго, а самъ почну лице свое укрывать, или хорониться на заду? Какъ хочу словомъ, такъ и дѣломъ напереди всѣхъ главу свою положити за свою братію и за вся христіяне». — «Да яко же рече, тако и створи»,—прибавляетъ отъ себя лѣтописецъ—«бійше-бо ся съ татары тогда, ставъ напередъ всѣхъ...» [2]).

Внѣшня обстановка жизни русскихъ князей значительно измѣнилась къ концу удѣльнаго періода, но существо дѣла осталось то же: послѣдній московскій великій князь, Василій Ивановичъ, такъ же управлялъ самъ, какъ его отдален-

---

мотѣ великаго князя московскаго, Василія Васильевича, Марьи Кошиной читаемъ: «Ино ихъ сужу язъ самъ князь великій»... А. А. Э., т. I, № 44; ср. еще тамъ же №№ 45, 111, 126 и др.; въ судебникѣ 1497 г. см. ст. подъ рубрикой «о великомъ князи»; въ А. Ю. №№ 1, 17.

[1]) Ипат. 1152 г. Ср. еще тамъ же 1151 г. Во время войны Юрія съ Изяславомъ воины послѣдняго не отстояли брода на Днѣпрѣ; лѣтописецъ такъ объясняетъ это: «Бѣ бо въ то время послалъ (Изяславъ) сына своего Мстислава въ Угры, да тѣмъ не твердъ ему бѣ бродъ, зане не бяшетъ ту князя, а боярина не вси слушаютъ». Въ Воскр. подъ 1220 г. при описаніи взятія болгарскаго города Ошеля читаемъ: «И потече самъ князь преди всѣхъ ко граду; видѣвше же его вои вси устремишася ко граду борже, и посѣкоша тынъ и оплоты» и т. д. Въ Лавр. подъ 946 г. находимъ слѣдующее обращеніе воеводъ Святослава Игоревича къ воинамъ передъ началомъ битвы съ древлянами: «Князь уже почалъ, потягнѣте, дружина, по князѣ».

[2]) Воскр. 1380 г. Отступленія отъ этого порядка, объясняемыя личнымъ характеромъ князя, встрѣчаются и въ древнее время. Такъ, въ похвалѣ Ярославу Галицкому читаемъ: «гдѣ бо бяшеть ему обида, самъ не ходяшетъ полкы своими, но посылаетъ я съ воеводами», Ипат. 1187 г.

ный предокъ, великій князь кіевскій, Владиміръ Мономахъ. Чрезвычайно любопытный документъ въ этомъ отношеніи представляетъ грамота Василія Ивановича къ Давыду Сырневу, изъ которой видно, что великій князь московскій непосредственно самъ дѣлалъ указанія не только относительно размѣровъ почтовыхъ избъ и конюшенъ и способа постройки моста на почтовой дорогѣ, но даже и относительно употребленія полусгнившихъ досокъ и бревенъ, оставшихся отъ старыхъ почтовыхъ хоромъ.

Понятно, однако, что князь, соединяя всѣ вѣтви управленія въ своихъ рукахъ, не могъ обходиться безъ помощниковъ. И дѣйствительно съ древнѣйшихъ временъ мы встрѣчаемъ указанія на существованіе второстепенныхъ властей, вѣдѣнію которыхъ поручались отдѣльныя отрасли управленія и суда. Систематическое дѣленіе органовъ управленія на центральные и мѣстные можетъ быть примѣнено къ нашей древней администраціи только съ оговоркою. Единственную центральную власть составлялъ князь и его думцы. Но князь не былъ исключительно центральной властью. На ряду съ назначаемыми имъ мѣстными правителями, онъ удерживалъ въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи извѣстный округъ, къ которому былъ совершенно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ мѣстные правители къ своимъ округамъ; онъ представлялъ въ этомъ округѣ мѣстную власть. Этотъ старый обычай едва ли вышелъ совершенно изъ употребленія и въ XVII вѣкѣ. Кромѣ того, несмотря на существованіе мѣстныхъ судей, князь могъ всякое дѣло потребовать къ своему собственному суду, а въ древнѣйшее время, при объѣздѣ княземъ волостей, присутствіе его въ извѣстной области исключало всякую мѣстную власть.—Съ этой оговоркой мы будемъ разсматривать князя и его думцевъ какъ центральные органы управленія. Къ мѣстнымъ органамъ будутъ относиться: во-первыхъ, самъ князь, затѣмъ: посадники, намѣстники и волостели, съ зависѣвшими отъ нихъ чиновниками, сотскіе и старосты; разнаго рода приказные люди, получавшіе спеціальныя назначенія отъ князя; разнаго наиме-

нованія пошлинники, назначавшіеся для сбора княжескихъ пошлинъ и даней; наконецъ, для завѣдыванія государственнымъ и частнымъ имуществомъ князя служили: дворскіе казначеи, ключники, дьяки, посельскіе и путные бояре.

Князья вѣдали, обыкновенно, государственныя дѣла въ формѣ своего частнаго хозяйства; ихъ слуги, въ частномъ смыслѣ этого слова, служили вмѣстѣ съ тѣмъ и органами управленія, были слугами князя въ государственномъ смыслѣ слова.

Переходимъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ органовъ управленія.

Княжеская и царская дума

Существованіе княжеской думы съ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Памятники постоянно говорятъ о думѣ князей съ мужами, боярами, духовенствомъ, городскими старцами и т. д. Но какъ надо понимать эти свидѣтельства памятниковъ? Была ли княжеская дума постояннымъ учрежденіемъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціей, или это только актъ думанія, дѣйствіе совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ?

Въ литературѣ господствуетъ первое мнѣніе; тѣмъ не менѣе справедливо только второе. Свидѣтельства источниковъ до-московскаго времени очень немногочисленны, кратки и отрывочны. Этимъ, конечно, объясняется то, что они были поняты въ привычномъ для насъ смыслѣ, а не въ томъ особенномъ, который составляетъ характеристику древняго времени. Мы думаемъ, что цѣльное и послѣдовательное объясненіе всѣхъ дошедшихъ до насъ мѣстъ источниковъ, относящихся къ думѣ, возможно только съ указанной нами второй точки зрѣнія.

Въ нашихъ древнихъ памятникахъ слово «дума» употребляется въ значеніи мысли, намѣренія, плана дѣйствія.

Въ Ипатьевской лѣтописи читаемъ:

«Томъ же лѣтѣ переступи крестъ Володимиръ Мьстиславичъ: начашася слати къ нему Чагровичи, Чекъманъ и братъ его, Тошмакъ, и Моначюкъ; Володимиръ же, радъ бывъ думѣ ихъ, и посла къ Рагуйлови Добрыничю и къ Михалеви, и къ Завидови, являя имъ думу свою». 1169.

Князь не былъ обязанъ съ кѣмъ-либо совѣщаться, онъ совѣтуется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда находитъ нужнымъ и желательнымъ: во всѣхъ остальныхъ онъ дѣйствуетъ одинъ. Согласно съ этимъ, памятники говорятъ то о дѣйствіяхъ князя съ совѣта бояръ, митрополита и т. д., то о дѣйствіяхъ его безъ всякаго совѣта.

Въ Русской Правдѣ есть свидѣтельства на указную (законодательную) дѣятельность князей безъ содѣйствія какого-либо совѣта: такъ Ярославъ установилъ размѣръ доходовъ вирниковъ (II ред. 24) и смертную казнь раба за ударъ свободному мужу (I ред. 23, III—88), а сыновья его замѣнили смертную казнь болѣе легкими наказаніями. Въ княжескіе договоры XII вѣка вносилась статья о смертной казни дружинниковъ за измѣну князю (Ипат. 1177), и никто, конечно, не будетъ утверждать, что княжескіе договоры, заключались не иначе, какъ съ формальнаго согласія какого-либо совѣта.

Выдача жалованныхъ грамотъ безъ думы съ боярами и другими совѣтниками, несмотря на то, что ими предоставлялись пожалованнымъ очень важныя права, была, надо полагать, весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ нашей древности.

Но совершенно въ такихъ же случаяхъ князья нерѣдко обращаются къ «думѣ» со своими мужами. Такъ та же Русская Правда приводитъ распоряженія сыновей Ярослава о размѣрѣ виръ и порядкѣ суда, принятыя ими при участіи мужей (II ред. заголовокъ, III—4); точно такъ же при участіи «думы» состоялось постановленіе Владиміра Мономаха о процентахъ (III ред. 65). Жалованная грамота Ростислава Мстиславича смоленской епископіи дана была по думѣ «съ людми своими» (Доп. къ А. И. I № 4, 1150).

Такъ какъ дѣла, подлежавшія рѣшенію князя, обнимали

всю область управленія и суда и по свойствамъ своимъ были очень различны, то понятно, что и совѣтники, къ которымъ князю приходилось обращаться, были также различны. Онъ совѣщается то со всею дружиною, то съ нѣкоторыми только ея членами, то съ духовными лицами, то съ людьми не служилыми, то, наконецъ, и съ тѣми и съ другими и съ третьими вмѣстѣ. Кромѣ личнаго усмотрѣнія князя, выборъ совѣтниковъ обусловливался всякій разъ особенностями случая.

А были зъ древности и такіе князья, которые вообще не любили никакихъ совѣщаній. О галицкомъ князѣ, Владимірѣ, лѣтописецъ говоритъ: «Бѣ бо любезнивъ питію многому и думы не любяшеть съ мужми своими». Ипат. 1188.

Переходимъ къ вопросу объ отношеніи князя къ его думцамъ.

Пока служба была вольная, и князь не могъ приказывать своимъ вольнымъ слугамъ, думцы князя могли въ значительной степени ограничивать его усмотрѣніе. Князю надо было убѣждать думцевъ въ цѣлесообразности своихъ намѣреній. Общее дѣйствіе было возможно только тогда, когда думцы соглашались съ княземъ.

Такимъ образомъ совѣщаніе съ мужами было для князя необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хотѣлъ воспользоваться содѣйствіемъ членовъ своей дружины. Бояре Владиміра Мстиславича отказались помогать ему потому, что князь самъ рѣшилъ отправиться въ походъ, не посовѣтовавшись предварительно съ ними. Не менѣе любопытнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служатъ переговоры Владиміра Мономаха съ княземъ кіевскимъ Святополкомъ относительно похода на половцевъ. Лѣтописецъ такъ передаетъ ихъ: «Вложи Богъ Владиміру мысль благу поити на половцевъ». Когда эта мысль у него возникла, Владиміръ сообщилъ ее другимъ князьямъ, и, между прочимъ, кіевскому великому князю Святополку. Святополкъ тотчасъ же повѣдалъ объ этомъ дружинѣ, но дружина была противъ похода на томъ основаніи, что походъ этотъ уничтожитъ

пашни смердовъ. Вслѣдствіе этого Святополкъ приглашаетъ Владиміра на съѣздъ: «Да быхомъ ся сняли и подумали быхомъ съ дружиною». Ясно, что какъ Владиміръ, такъ и Святополкъ не считали удобнымъ предпринять походъ безъ согласія дружины. «И пріиде Владиміръ,—продолжаетъ лѣтопись,—и сѣдоша въ единомъ шатрѣ Святополкъ со своею дружиною, а Владиміръ со своею. И бывшу молчанію, и рече Владиміръ: брате, ты еси старѣй, почни глаголати, како быхомъ промыслили о Русской землѣ. И рече Святополкъ: брате, ты почни. И рече Владиміръ: како я хочу молвити, а на мя хотятъ молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощетъ погубити смерды и ролью смердомъ; но се диво ми, брате, оже смердовъ желуете и ихъ коній, а сего не помышляюще, оже на весну начнетъ смердъ тотъ орати лошадью тою и пріѣхавъ половчинъ ударить смерда стрѣлою и пoиметь лошадь ту и жену его, и дѣти его, и гумно его зажжетъ; то о семъ чему не мыслите? И рекоша вся дружина: право, во-истину тако есть. И рече Святополкъ: се язъ, брате, готовъ есмь съ тобою». Такимъ образомъ, дружину надо было убѣждать согласиться съ мнѣніемъ князя. Святополкъ рѣшается на походъ лишь послѣ того, какъ дружина его высказалась въ пользу похода.

Но эта зависимость князя отъ думцевъ была не безусловная. Князь не былъ обязанъ дѣйствовать только съ согласія думцевъ. Онъ могъ дѣйствовать и безъ всякой думы, Если думцы не соглашались съ мнѣніями князя, онъ могъ дѣйствовать и безъ нихъ, на свой собственный страхъ, если конечно, у него было достаточно для этого силъ. Этимъ и объясняются свидѣтельства лѣтописи о совѣщаніяхъ то съ однимъ милостникомъ Кочкаремъ, то съ младшими людьми помимо старѣйшихъ и т. д.

Эта княжеская дума переходитъ и въ Московскую Русь, незамѣтно возникающую на развалинахъ древней Руси. Но Москва все древнее передѣлываетъ на новое, передѣлала она и думу княжескую.

Первая и существенная перемѣна произошла въ области

отношеній думцевъ къ московскому государю. Московскіе государи превратили вольныхъ слугъ въ невольныхъ и тѣмъ кореннымъ образомъ измѣнили положеніе своихъ совѣтниковъ. Съ того момента, какъ право отъѣзда утратило свое практическое значеніе, думцы великихъ князей московскихъ изъ вольныхъ слугъ, которые могли соглашаться съ ними и не соглашаться, обратились въ покорныхъ исполнителей воли своихъ государей.

Дума московскихъ государей, по общему правилу, не состоитъ изъ лучшихъ только людей въ старомъ смыслѣ этого слова, въ нее вводятся и маленькіе люди, дворяне и дьяки; тѣмъ не менѣе вся совокупность государевыхъ думцевъ и въ XVII вѣкѣ продолжаетъ называться «боярами», такъ живуча старина!

Московскіе князья не менѣе удѣльныхъ могли всякія дѣла дѣлать одни, не спрашивая ничьего совѣта. Они совѣщались съ думными людьми только тогда, когда сами этого хотѣли. Въ этомъ отношеніи они были еще свободнѣе своихъ предшественниковъ. Тѣмъ нужно было согласіе вольныхъ слугъ, если они хотѣли воспользоваться ихъ содѣйствіемъ, а потому имъ приходилось убѣждать ихъ; московскіе государи имѣютъ дѣло съ обязанными слугами, имъ нѣтъ надобности убѣждать ихъ, они приказываютъ имъ. Мы имѣемъ массу единоличныхъ актовъ московскихъ государей по всѣмъ вопросамъ законодательства, суда и управленія, въ которыхъ и рѣчи нѣтъ о какомъ-либо совѣтѣ.

Василій Дмитріевичъ любилъ совѣщаться съ однимъ совѣтникомъ, Ив. Ѳед. Кошкою; число обыкновенныхъ совѣтниковъ его правнука, вел. кн. Василія Ивановича, не превышаетъ двухъ. Это извѣстно изъ тайной бесѣды Берсеня-Беклемишева съ Максимомъ Грекомъ. «А нынѣ деи, говорилъ Берсень, государь нашъ запершися самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ». Этотъ все рѣшающій совѣтъ двухъ лицъ у постели не былъ, конечно, совѣтомъ думы-учрежденія, а былъ совѣтомъ думцевъ, который могъ со-

стоять изъ двухъ, и изъ трехъ, и изъ пяти лицъ, смотря по желанію князя.

Въ царствованіе Θеодора Ивановича вопросъ о думѣ оставался въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ былъ при его предшественникахъ. Объ этомъ съ совершенною ясностью и точностью свидѣтельствуетъ Флетчеръ. Онъ знаетъ о существованіи думныхъ чиновъ и приводитъ общую ихъ цифру, хотя и не очень точную. Затѣмъ онъ говоритъ, что въ засѣданія думы приглашаются далеко не всѣ думные чины, а человѣкъ пять или шесть, которые и рѣшаютъ всѣ дѣла вмѣстѣ съ Борисомъ Годуновымъ. Иногда призываютъ и большее число [1]). Это вѣрнѣйшая картина нашей московской думы! Но гдѣ же царь? Θедоръ Ивановичъ государственными дѣлами не занимался и былъ царемъ только по имени; въ его время государствомъ управлялъ Борисъ Годуновъ. Описанная Флетчеромъ дума, есть дума по подбору Годунова. Можно думать, что отношенія Годунова къ государевымъ думцамъ не были такъ свободны, какъ отношенія къ нимъ самого царя; но дѣйствуя именемъ царя, и онъ могъ довести до нуля свою зависимость отъ думцевъ и мѣнять ихъ по произволу.

Михаилъ Θедоровичъ даетъ указы то единолично, то по совѣту съ «бояры»; но въ послѣднемъ случаѣ онъ самъ рѣшаетъ, надо ли совѣтываться, и всякій разъ самъ подбираетъ себѣ совѣтниковъ. Совершенно однородныя дѣла царь рѣшаетъ то одинъ, то съ совѣтомъ.

Объ Алексѣѣ Михайловичѣ Котошихинъ говоритъ:

«А нынѣшняго царя обрали на царство, а письма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ, и потому наивысшее пишетца «самодержцемъ» и государство свое правитъ по своей волѣ. И съ кѣмъ похочетъ учинити войну и покой и, по покою, что кому по дружбѣ отдати, или какую помочь чинити, или и иные какіе великіе

[1]) Fletcher Russia at the close of the XVI century, chap. XI.

и малые своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинити, зъ бояры и зъ думными людми спрашиваетца о томъ мало, въ его воли что хочетъ, то учинити можетъ. Однако, кого изъ бояръ, и изъ думныхъ, и изъ простыхъ людей любитъ и жалуетъ, спрашивается и совѣтуетъ съ ними о всякихъ дѣлахъ» 104.

Вотъ новая картина думы, совершенно однородная съ той, которая нарисована Флетчеромъ. Царь всѣмъ управляетъ, самъ совѣтуется съ кѣмъ хочетъ и не съ одними думными людьми, а и съ простыми.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какъ пользовались московскіе государи совѣтами своихъ думцевъ.

Управленіе и судъ въ Московскомъ государствѣ, какъ и въ удѣльное время, были личнымъ дѣломъ государя. Онъ самъ судилъ и управлялъ непосредственно, это его право. Управленіе и судъ переходили въ другія руки только по уполномочію царя. Государевы думцы, при отправленіи правительственныхъ дѣйствій царемъ лично, являются только его помощниками, дѣйствующими по его приглашенію.

Дѣятельность ихъ прежде всего проявляется въ томъ, что они присутствуютъ при исполненіи государемъ его обширныхъ полномочій по отправленію суда и управленія. Государь не можетъ знать всего. Прежде чѣмъ высказаться по тому или другому вопросу, ему надо имѣть передъ собой всѣ необходимыя справки. Для этого около него должны всегда находиться люди, которые могутъ представить нужныя свѣдѣнія. Этой цѣли до нѣкоторой степени удовлетворяютъ уже докладчики дѣла; и мы знаемъ, что московскіе государи даютъ свои указы на основаніи доклада нѣсколькихъ дьяковъ, или боярина и дьяка, окольничьяго и дьяка и т. д. Но они далеко не всегда довольствуются разъясненіемъ дѣла докладчиками; весьма нерѣдко они обращаются къ думцамъ и совѣщается съ ними, прежде чѣмъ рѣшить дѣло. О рѣшеніяхъ царя, состоявшихся послѣ такого со-

вѣщанія, памятники говорятъ: «царь указалъ, проговоря съ бояры».

Эти разговоры царя съ боярами обыкновенно происходятъ во время доклада царю дѣлъ. При докладахъ, хотя и не всегда, но весьма часто, присутствуютъ бояре.

Государь самъ слушаетъ дѣла и для этого у него бываетъ сидѣнье съ боярами. Явленіе старое, но слово новое. Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ XII в. рѣчь идетъ «о думѣ» съ боярами, въ Москвѣ говорятъ о «сидѣньи» съ боярами. Такъ какъ бояре присутствуютъ при докладѣ, то государь приказываетъ иногда доложить ему и боярамъ; въ тѣхъ же разрядахъ читаемъ:

«И по распроснымъ рѣчамъ ея, Ѳенкинымъ, доложить ему, боярину, себя великаго государя и бояръ, какъ вел. государь изволилъ сидѣть съ бояры за своими, вел. государя, дѣлами» 1429.

Но иногда дѣло оказывается столь сложнымъ, что его нельзя бываетъ по первому докладу обсудить и рѣшить. Въ этихъ случаяхъ, выслушавъ дѣло, государь приказываетъ боярамъ обсудить это дѣло въ особомъ засѣданіи и потомъ еще разъ ему доложить. Любопытный образчикъ такого двойного доклада и слушанія записанъ въ Дворцовыхъ разрядахъ подъ 1675 годомъ.

«Того же году апрѣля въ 26 день, указалъ великій государь боярину, Ивану Богдановичу Милославскому, внесть къ себѣ, вел. государю, дѣло въ докладъ думнаго дворянина А. С. Хитрово... И бояринъ, Иванъ Богдановичъ, по указу вел. государя, то дѣло взносилъ къ нему, вел. государю, и его вел. государя по тому дѣлу и по очной ставкѣ докладывалъ. И вел. государь того жъ числа того дѣла слушалъ съ бояры и указалъ еще бояромъ слушать и доложить себя, великаго государя, инымъ временемъ, какъ у него, вел. государя, будетъ сидѣнье съ бояры».

Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что сидѣнье царя съ боярами даже въ концѣ XVII в. имѣло мѣсто не въ опредѣленные дни и часы, а по мѣрѣ надобности. Доклады же

дѣлались царю постоянно. Многіе изъ нихъ приходилось царю слушать въ такіе моменты, когда при немъ вовсе не было бояръ. Можно думать, что дьяки и члены приказовъ, отъ которыхъ шли доклады, любили докладывать именно въ отсутствіе бояръ. Они являлись въ этихъ случаяхъ единственными совѣтниками государя. Это были высочайшіе доклады съ глазу на глазъ. Они въ высокой степени возвышали значеніе докладчика. Государи давали указы и по такимъ докладамъ, но не всегда. Иногда, выслушавъ дѣло, они приказывали доложить его боярамъ и потомъ съ боярскимъ приговоромъ, вновь доложить дѣло себѣ.

Вотъ примѣръ такого осторожнаго отношенія московскихъ государей къ лицамъ, имѣвшимъ право высочайшаго доклада:

«1636 года декабря въ 15 день государя царя великаго князя Михаила Ѳеодоровича докладывалъ думный дьякъ, Михаило Даниловъ, о помѣстныхъ и вотчинныхъ статьяхъ, и государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ указалъ: тѣхъ статей слушать бояромъ, а что о тѣхъ статьяхъ бояре приговорятъ, и о томъ велѣлъ государь доложить себя, государя». Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія, т. III, 247.

Таковъ порядокъ разъясненія дѣла и подготовки его къ царскому рѣшенію при участіи государевой думы. Царь постановляетъ рѣшеніе и даетъ свой государевъ указъ или единственно на основаніи доклада правительственныхъ лицъ, дьяковъ, бояръ и другихъ приказныхъ докладчиковъ, или выслушиваетъ предварительно своихъ думцевъ, «бояръ». Этимъ объясняется и разная форма указовъ: въ однихъ виденъ слѣдъ соучастія «бояръ», въ другихъ нѣтъ.

Если докладъ происходитъ безъ бояръ, въ такомъ случаѣ государь, по выслушаніи дѣла, даетъ свой указъ докладчику прямо къ исполненію, напримѣръ:

«Лѣта 7060 октября въ 15 день царь и великій князь

Иванъ Васильевичъ сего докладу слушалъ и приказалъ казначеемъ»... А. И. I. № 154, XVI, XVI, 1560.

Если на докладѣ присутствовали бояре, то царь давалъ приказъ боярамъ, на основаніи котораго они составляли приговоръ, напримѣръ:

«Въ 81 году октября нъ 9 день, по государеву цареву и великаго князя приказу, преосвященный Антоній митрополитъ, архіепископы и епископы и весь освященный соборъ, и бояре, князь Иванъ Ѳедоровичъ Милославскій, и всѣ бояре, приговорили»... далѣе излагается указъ о наслѣдованіи въ вотчинахъ княженецкихъ и жалованныхъ. А. И. I. № 164. XIX, 1573.

Итакъ, боярскій приговоръ составляется на основаніи государева указа. Царь, выслушавъ докладъ и всѣ необходимыя справки для разъясненія дѣла, высказываетъ свою волю, какъ дѣлу быть; если при докладѣ были бояре, они формулируютъ царскую волю, это и есть боярскій приговоръ. Это и значитъ «царь указалъ, бояре приговорили». Понять эти слова въ смыслѣ указанія на коллегіальный порядокъ рѣшенія дѣлъ въ думѣ, причемъ царю принадлежитъ лишь роль предсѣдателя, не представляется ни малѣйшей возможности. Такой порядокъ рѣшенія дѣлъ въ думѣ противорѣчилъ бы всѣмъ условіямъ быта Московскаго государства. Бояре думцы — слуги московскихъ государей, обязанные имъ своимъ выдающимся положеніемъ. Государь можетъ призвать и не призвать ихъ въ думу, поэтому никакъ нельзя допустить, что они имѣютъ рѣшительный голосъ при разсмотрѣніи государственныхъ вопросовъ [1]).

[1]) Единственное отступленіе отъ высказаннаго въ текстѣ положенія можно наблюдать только въ кратковременный періодъ господства «избранной рады» Сильвестра и Адашева. Она имѣла цѣлью сдѣлать царя только предсѣдателемъ своего совѣта. И можно допустить, что иногда и достигала этого. Въ выраженіяхъ указа 1556 года можно видѣть примѣръ осуществленія желательнаго для избранной рады порядка: «Лѣта 7064 августа 21 приговорилъ государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ со всѣми бояры». Эта форма совершенно соотвѣтствуетъ порядку, установленному 98 статьей Ц. Судебника.

Объ отношеніяхъ великаго князя Ивана Васильевича къ своимъ думцамъ мы имѣемъ характерное свидѣтельство Берсеня-Беклемишева: «Князь великій, говоритъ онъ, противъ себя стрѣчю любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали». «Стрѣчя» или «встрѣча»—означаетъ возраженіе. Итакъ, Иванъ Васильевичъ любилъ выслушивать возраженія и даже жаловалъ тѣхъ, кто ихъ ему дѣлалъ! Объ этомъ не пришлось бы говорить, еслибы членамъ думы принадлежалъ рѣшающій голосъ. Въ этомъ случаѣ у нихъ было бы право не только возражать, но и рѣшать противъ воли царя. Берсень же, сравнивая Ивана Васильевича съ его сыномъ и преемникомъ, въ похвалу первому говоритъ вышеприведенную фразу. По московскимъ понятіямъ, и то хорошо, если царю можно возразить. Надо думать, что Ивану Васильевичу рѣдко приходилось выслушивать возраженія, если онъ за нихъ даже жаловалъ. Иначе относился къ думцамъ Василій Ивановичъ. Герберштейнъ говоритъ о немъ: «Между совѣтниками великаго князя никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ-нибудь противорѣчить ему или быть другого мнѣнія» 28. Съ этимъ согласны и отечественныя свидѣтельства. Тотъ же Берсень говоритъ: «Государь упрямъ и встрѣчи противъ себя не любитъ; кто ему встрѣчу говоритъ, и онъ на того опаляется». Берсень испыталъ это на себѣ. Когда въ думѣ шла рѣчь о Смоленскѣ, онъ возразилъ государю, «и князь великій, разсказывалъ онъ по этому поводу Максиму Греку, того не полюбилъ да молвилъ, пойди, смердъ, прочь, не надобенъ ми еси» [1].

Таковы могли быть послѣдствія неосторожныхъ споровъ думныхъ людей съ московскими государями. Думные люди не рѣшали государственныхъ дѣлъ, а только отвѣчали на вопросы государей и исполняли ихъ указы. Сильвестръ и Адашевъ сдѣлали попытку превратить государя въ предсѣдателя думы. Нововведеніе это было кратковременно и кон-

[1] А. А. Э. I, № 172.

чилось опалой реформаторовъ. Иванъ Грозный увидалъ въ немъ нарушеніе своихъ существеннѣйшихъ правъ. Роль думы въ XVII вѣкѣ совершенно вѣрно опредѣлена современникомъ. Описавъ, какъ думные люди разсаживаются въ думѣ по отечеству, Котошихинъ говоритъ:

«А лучится царю мысль свою о чемъ объявити, и онъ имъ, объявя, приказываетъ, чтобъ они, бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ... и они мысль свою къ способу объявливаютъ...». II, 5.

Итакъ, царь высказываетъ «мысль», т.-е. намѣреніе свое, свою волю, а боярамъ приказываетъ пріискать способъ осуществить эту мысль; этимъ исполненіемъ царской мысли и исчерпывается вся дѣятельность государевой думы, засѣдающей въ присутствіи царя.

Но государи могли дать своимъ думцамъ и бо́льшія полномочія, если находили это нужнымъ, и они дѣлали это. Они уполномочивали, напримѣръ, бояръ составить приговоръ, по извѣстному дѣлу, въ особомъ засѣданіи, въ которомъ сами не присутствовали. Это было въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло отличалось большой сложностью и не могло быть разрѣшено немедленно. Такіе приговоры, составленные одними боярами, государь приказывалъ потомъ доложить себѣ.

Итакъ, государевы совѣтники или присутствуютъ на докладахъ приказныхъ правителей царю и, по его запросу, подаютъ мнѣнія о предметахъ докладовъ и затѣмъ, по указу царя, составляютъ приговоры, или, тоже по указу царя, имѣютъ свои особыя засѣданія и составляютъ проекты новыхъ законовъ, которые приводятся въ исполненіе опять-таки по указу царя.

Въ виду такой роли думы, не представляется ни малѣйшей надобности останавливаться на вопросѣ о ея компетенціи. Дума дѣлаетъ все то, что ей будетъ приказано сдѣлать государемъ, и не дѣлаетъ ровно ничего, если государю не будетъ угодно приказать ей дѣйствовать. А это значитъ, что дума не имѣетъ никакой «своей» компетенціи.

Но въ русской литературѣ существуютъ взгляды отличные отъ только-что нами высказаннаго.

Проф. Владимірскій-Будановъ въ примѣчаніяхъ къ изданію древнихъ русскихъ памятниковъ высказываетъ тотъ взглядъ, что дума могла своею властью отмѣнять указы, изданные государямъ, и приводитъ въ примѣръ боярскій приговоръ 1609 г. 12 сентября. Но дѣло въ томъ, что передъ составленіемъ этого приговора былъ сдѣланъ докладъ царю (12 мая 1609 г.), и онъ обѣщалъ переговорить объ этомъ съ боярами. Боярскій приговоръ и есть результатъ этого разговора царя съ боярами.

Въ «Обзорѣ Исторіи Русскаго Права» проф. Владимірскій-Будановъ такъ далеко не идетъ, но и тамъ утверждаетъ, что «понятіе о законѣ, какъ результатѣ нераздѣльной дѣятельности царя и думы, доказывается всей исторіей законодательства въ Московскомъ государствѣ» (139 стр.). Это едва ли. Формула: «государь указалъ, бояре приговорили» означаетъ только приговоръ бояръ по указу государя. «Приговоръ царя со всѣми бояры», есть приговоръ царя по совѣщанію съ боярами. Предполагать формальную и совмѣстную дѣятельность царя и бояръ нѣтъ основанія.

Проф. Ключевскій въ сочиненіи «О боярской думѣ» на 481 стр. спрашиваетъ: «Приговоры, состоявшіеся въ думѣ безъ государя, представлялись ли ему на утвержденіе?» И самъ отвѣчаетъ, что дума не была обязана представлять ихъ царю, а если и представляла, то это былъ отказъ отъ ея права. Съ этимъ согласиться также нельзя. Въ такомъ случаѣ нужно было бы допустить, что право законодательства принадлежитъ думѣ, а не царю. Точно также нельзя согласиться съ проф. Ключевскимъ и въ томъ, что докладъ царю есть докладъ на государево имя, вносимый въ думу, а не къ царю. Изъ памятниковъ можно привести доказательства тому, что доклалъ царю дѣйствительно представлялся ему, а не думѣ. «145 года декабря въ 15 день (1636 г.) Государя царя Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси докладывалъ думный дьякъ Михайло Да-

ниловъ о помѣстныхъ и вотчинныхъ статьяхъ. И государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Руси, указалъ: тѣхъ статей слушать боярамъ; а что о тѣхъ статьяхъ бояре приговорятъ, и о томъ велѣлъ государь доложить себя, государя. И декабря въ 16 день бояре тѣхъ статей слушали и о тѣхъ статьяхъ велѣли докладывать государя. И декабря въ 17 день ц. и в. к. Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руси, слушавъ помѣстныхъ и вотчинныхъ статей и что объ нихъ бояре приговорили, указалъ о тѣхъ статьяхъ, а что о которой статьѣ государевъ указъ и боярскій приговоръ, и то писано по статьямъ» (Хрест. Влад.-Буд. Ш, 257).

Мнѣніе Н. П. Загоскина ближе къ истинѣ; у него дума не обладала правомъ законодательства; она участвуетъ въ законодательныхъ вопросахъ только въ силу предоставленія ей такова права царемъ. Но проф. Загоскинъ слишкомъ высокаго мнѣнія объ организаціи думы. Онъ допускаетъ думскія коммиссіи, которыхъ не было.

Калачевъ думаетъ, что при думѣ была канцелярія, которая вела протоколы. Навели его на эту мысль слова одного памятника: «Приказалъ царь оставить приговоръ у себя на верху». Вотъ этотъ-то «верхъ» Калачовъ и считаетъ канцеляріей. Но «верхомъ» называлась та часть дворца, гдѣ были комнаты, въ которыхъ жилъ самъ государь; выраженіе «оставить на верху» значитъ ничего болѣе, какъ то, что царь велѣлъ снести приговоръ къ себѣ въ комнату, чтобы просмотрѣть его [1]).

Расправная палата

Съ самыхъ древнихъ временъ князь былъ судьей и лично отправлялъ дѣла правосудія. По мѣрѣ объединенія Россіи

[1]) Болѣе подробное изложеніе вопроса о думѣ можно найти во II-мъ т. Древн. Тамъ же приведена и разобрана литература предмета, стр. 371—621.

подъ властью Москвы, отправленіе суда лично государемъ дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Но и московскіе государи продолжаютъ судить сами и въ первой инстанціи еще въ XIV, XV и XII вѣкѣ. Не имѣя, однако, возможности разрѣшать всѣ дѣла, предоставленныя ихъ личному суду, вел. князья учреждаютъ себѣ въ помощь бояръ введенныхъ, которымъ даютъ право судить свой судъ. Такимъ образомъ возникли особыя лица, которыя судили «судъ великаго князя». До Ивана III они судили этотъ судъ единолично; съ Ивана III они должны были судить его самъ другъ съ дьякомъ. Дальнѣйшій шагъ въ организаціи этого высшаго суда состоялъ въ учрежденіи боярской судной коллегіи. Когда именно была она учреждена и въ какомъ видѣ,—это не ясно.

Отъ второй половины XVI в. мы уже имѣемъ документальное свидѣтельство о существованіи высшаго боярскаго суда. Подъ приговоромъ чиновъ собора 1566 года о ливонскихъ дѣлахъ встрѣчаемъ такую подпись: «А у бояръ въ судѣ язъ, Борисъ Ивановичъ Сукинъ». Б. И. Сукинъ былъ дьякъ, изъ подписи же его слѣдуетъ, что онъ состоялъ членомъ боярскаго суда. Это не судъ приказа, ибо приказовъ было много и въ каждомъ были свои дьяки; и не судъ одного боярина введеннаго, ибо трудно думать, чтобы единоличный судъ боярина введеннаго назывался «судомъ бояръ». Что же это за судъ?

Прежде всего надо замѣтить, что у насъ въ древности судъ не былъ отдѣленъ отъ управленія: кто управлялъ, тотъ и судилъ, и, наоборотъ, кто судилъ, тотъ могъ разсматривать и вопросы управленія. Поэтому выраженіе «судъ бояръ» нельзя понимать въ тѣсномъ смыслѣ высшей боярской исключительно судной коллегіи. Это была, надо думать, не судная только, а «расправная» коллегія, вѣдавшая и судъ и управленіе.

Такая коллегія возникла у насъ въ 1564 году. Въ этомъ году царь учредилъ опричнину.

«Государство же свое Московское, воинство, и судъ,

и управу, и всякіе дѣла земскіе приказалъ вѣдать и дѣлати бояромъ своимъ, которымъ велѣлъ быть въ земскихъ: князю Ивану Дмитріевичу Бѣльскому, князю Ивану Ѳедоровичу Мстиславскому, и всѣмъ бояромъ. А конюшему, и дворецкому, и казначеемъ, и дьякомъ, и всѣмъ приказнымъ людемъ велѣлъ быти по своимъ приказомъ и управу чинити по старинѣ, а о большихъ дѣлахъ приходити къ бояромъ. А ратные каковы будути вѣсти или земскіе великіе дѣла, и бояромъ о тѣхъ дѣлахъ приходити къ государю». Александро-Невская лѣт., у Карамзина, IX, пр. 137.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ первымъ учрежденіемъ особой боярской коллегіи, дѣйствующей самостоятельно въ предѣлахъ предоставленной ей компетенціи. Эта коллегія имѣетъ свой постоянный составъ, опредѣленный указомъ царя. Въ нее назначены бояре, которымъ велѣно быть «въ земскихъ».

Коллегія земскихъ бояръ представляетъ совершенную новость въ нашей исторіи; до 1564 года ничего подобнаго у насъ не было. Но къ той же коллегіи царь могъ обратиться и за совѣтомъ и, такимъ образомъ, временно превратить ее въ свою думу. Такой случай извѣстенъ нашимъ памятникамъ. Въ 1570 году земскіе бояре получили отъ сибирскаго царя грамоту, перевели ее съ татарскаго языка на русскій и препроводили къ царю. Въ отвѣтъ они получили такой приказъ:

«И вы бъ о томъ поговорили, пригоже ли намъ съ сибирскимъ царемъ о томъ ссылатися, и почему въ Сибирь татаринъ къ царю отпущенъ, и что съ нимъ писано, и въ которомъ году отпущенъ? Да что ваша будетъ мысль, и вы бъ приговоръ свой къ намъ отписали»... А. А. Э. I. № 179.

Приказъ этотъ посланъ былъ изъ Александровской слободы, гдѣ, конечно, у царя не было недостатка въ совѣтникахъ; но онъ нашелъ нужнымъ посовѣтоваться съ земскими боярами, а не съ опричными. Это соединеніе двухъ функцій въ одномъ и томъ же учрежденіи ничего не мѣняетъ въ существѣ дѣла. Совѣтниковъ своихъ и по учре-

жденіи опричнины царь беретъ, гдѣ желаетъ. Но рядомъ съ этимъ старымъ явленіемъ возникло новое: коллегія земскихъ бояръ, поставленная надъ приказами; это не дума, а Расправная палата, имѣющая власть рѣшать текущія дѣла суда и управленія.

Мы не можемъ съ точностью сказать, до какого года существовала учрежденная Иваномъ Грознымъ земская Расправная палата. Ясно только, что она существовала не долго, скорѣе менѣе, чѣмъ болѣе десяти лѣтъ. Дальнѣйшее указаніе на разсматриваемое учрежденіе находимъ лишь въ Уложеніи 1649 года, и то довольно нерѣшительное. Въ Уложеніи читаемъ:

«А спорныя дѣла, которыхъ въ приказѣхъ зачѣмъ вершити будетъ немощно, взносити изъ приказовъ въ докладъ къ государю царю и вел. князю Алексѣю Михайловичу и къ его государевымъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ. А бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ палатѣ и по государеву указу государевы всякія дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ». X, 2.

Уложеніе предписываетъ сидѣть въ палатѣ... «бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ». X, 2. То же говорятъ и позднѣйшіе указы [1]). Надо думать, что члены этой боярской палаты назначались царемъ изъ думныхъ чиновъ особымъ указомъ. И мы дѣйствительно имѣемъ указанія на такія назначенія. Первое изъ нихъ дошло къ намъ отъ 1681 года. Въ этомъ году, въ маѣ мѣсяцѣ, назначены въ Расправную палату товарищами къ князю Ник. Ив. Одоевскому: трое бояръ, трое окольничихъ, трое думныхъ дворянъ и двѣнадцать думныхъ дьяковъ!

Назначенные въ палату члены оставались въ этомъ званіи, пока нравилось государю.

Палата собиралась въ опредѣленные дни и часы.

Палата состояла изъ первоприсутствующаго члена и его товарищей. Первоприсутствующій былъ предсѣдателемъ. Въ

[1]) П. С. З. № 460, 838, 885; 1669—1680.

указахъ, опредѣляющихъ порядокъ дѣятельности палаты, онъ назывался иногда по имени, объ остальныхъ же членахъ говорилось, какъ о его товарищахъ. Такъ въ указѣ 1681 года дѣлается предписаніе «бояромъ, окольничимъ и думнымъ людямъ, которые сидятъ въ Расправной палатѣ съ бояриномъ, со княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ, въ товарищахъ»... Первоприсутствующій членъ палаты назначался также царемъ.

Что касается вѣдомства боярской палаты, то нѣтъ надобности опредѣлять его на основаніи практики, оно опредѣлено въ указахъ. По Уложенію всѣ спорныя дѣла, которыхъ почему-либо нельзя было рѣшить въ приказахъ, вносятся къ боярамъ. Такимъ образомъ, боярская палата есть высшее въ государствѣ судебно-правительственное учрежденіе, поставленное надъ приказами.

Судебныя дѣла назывались у насъ еще расправными дѣлами; отсюда возникло оффиціальное наименованіе вновь учрежденной палаты Расправной палатой.

Степень власти Расправной палаты также опредѣлена указами. Уложеніе говоритъ, что Расправная палата всѣ государевы дѣла рѣшаетъ по государеву указу. X, 2. Такъ же выражаются и позднѣйшіе указы. Приведенный уже указъ отъ 1680 года предписываетъ палатѣ, по всѣмъ въ нее поступающимъ дѣламъ, чинить государевъ указъ «по его великаго государя указу и по Уложенію». Палата, слѣдовательно, дѣйствуетъ по существующимъ указамъ. Ей принадлежитъ та же степень власти, что прежде (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и теперь) принадлежала приказамъ: она окончательно рѣшаетъ всѣ тѣ дѣла, которыя по указамъ рѣшить можно. Отсюда слѣдуетъ, что если «бояре» найдутъ почему-либо невозможнымъ рѣшить дѣло, они должны доложить о немъ государю. Именно такое распоряженіе находимъ въ указѣ отъ 1694 года. Такъ какъ въ этомъ указѣ сведены вмѣстѣ всѣ прежнія распоряженія о боярской палатѣ и онъ какъ бы завершаетъ ея организацію, то мы и приведемъ изъ него главныя части.

«Великіе государи указали: судныхъ и всякихъ розыскныхъ дѣлъ, по которымъ въ приказахъ судьямъ указу зачѣмъ учинить будетъ не мочно, или которые и вершены, а на вершенья учнетъ кто... бить челомъ и вершенья чѣмъ спорить, также и о иныхъ о какихъ дѣлахъ учнетъ кто... бить челомъ, и тѣхъ изъ приказовъ дѣлъ и челобитенъ слушать... бояромъ и думнымъ людемъ всѣмъ и по тѣмъ дѣламъ и по челобитнымъ свой великихъ государей указъ чинить по своему великихъ государей указу, по Уложенію и по новоуказнымъ статьямъ... А которыхъ дѣлъ имъ, бояромъ и думнымъ людемъ, зачѣмъ безъ ихъ великихъ государей именнаго указа вершить будетъ не мочно, и по тѣмъ дѣламъ докладывать великихъ государей»... П. С. З. № 1491.

Въ этомъ указѣ находимъ и нѣкоторую прибавку къ тому, что прежде говорилось о вѣдомствѣ боярской палаты: она вѣдаетъ не одни судныя и розыскныя дѣла, но и иныя дѣла, о которыхъ кто-либо учнетъ челомъ бить. Подъ этими иными дѣлами, противополагаемыми суднымъ, надо разумѣть всѣ дѣла, возникающія по вопросамъ управленія.

Приказы

Приказы занимаютъ въ Московскомъ государствѣ то же мѣсто, какое позднѣе принадлежало коллегіямъ, а теперь принадлежитъ министерствамъ. Единообразія въ учрежденіи приказовъ не было. Даже по составу своему они были далеко не одинаковы. Одни были очень полно составлены, другіе, напротивъ, имѣли сравнительно немного членовъ и притомъ изъ мелкихъ чиновъ. Въ однихъ засѣдали бояре, окольничіе, думные дворяне и дьяки; въ другихъ окольничіе, дворяне и дьяки; въ третьихъ только дворяне и дьяки, а, наконецъ, были и такіе приказы, въ которыхъ засѣдали одни дьяки. Таковъ приказъ тайныхъ дѣлъ. Отсюда не слѣдуетъ, однако, заключать, чтобы приказъ тайныхъ

дѣлъ былъ не важенъ; напротивъ, по Котошихину, онъ наблюдалъ за ходомъ дѣлъ во всѣхъ другихъ учрежденіяхъ. Что касается времени возникновенія приказовъ, то точно опредѣлить его невозможно; есть основаніе думать, что они стали возникать съ конца XV в. Возникали они безъ всякаго общаго учрежденія, а путемъ частныхъ приказовъ: какому-нибудь лицу или нѣсколькимъ поручается вѣдѣніе нѣкоторыхъ дѣлъ, «приказывается» имъ вѣдать эти дѣла, и возникаетъ приказъ, который иногда называется даже именемъ человѣка, кому приказано, напримѣръ, приказъ (четь) дьяка Вареоломея. Въ первомъ судебникѣ говорится: «Послати жалобника (челобитчика) къ тому, кому которые люди приказано вѣдать». Это первое указаніе на то, что приказы уже существовали. Во второмъ судебникѣ читаемъ: «А къ которому боярину придетъ жалобникъ его приказу». Никакой опредѣленной системы не было проведено при учрежденіи приказовъ; находили нужнымъ приказать (поручить) извѣстному лицу что-нибудь и онъ становился во главѣ приказа. По степени власти приказы занимали сперва первое мѣсто послѣ царя, а по возникновеніи расправной палаты, послѣ этой палаты. Но и въ этомъ не видимъ единообразія, по степени власти не всѣ приказы были одинаковы. Приказъ Большого Дворца имѣлъ подъ своимъ вѣдѣніемъ Сытенный приказъ, Кормовой приказъ, Хлѣбенный, Житенный. Такимъ образомъ и высшее и низшее учрежденіе одинаково—приказъ. Рядомъ со словомъ приказъ для обозначенія приказовъ были употребительны и другія выраженія: большой приходъ, четверть, разрядъ, казенный дворъ и т. п.

Что касается вѣдомства приказовъ, то нужно замѣтить, что въ Московскомъ государствѣ обособляются уже разныя отрасли дѣлъ и поручаются вѣдѣнію особенныхъ приказовъ. Такъ, встрѣчаются судебные приказы, финансовые, военные и т. д. Но это былъ еще очень слабый зародышъ систематическаго дѣленія учрежденій по роду дѣлъ. Это дѣленіе не проводится строго и послѣдовательно, правительственные

приказы вѣдаютъ и судъ, Посольскій—управляетъ городами и т. д.

Въ составъ приказовъ обыкновенно входитъ нѣсколько членовъ; дѣла рѣшали они, по всей вѣроятности, единогласно [1]). Этому предположенію противорѣчитъ выраженіе, встрѣчающееся въ одномъ изъ указовъ Петра Великаго. По поводу учрежденія коллегій Петръ говоритъ, что въ коллегіяхъ всѣ дѣла будутъ рѣшаться по голосамъ, а не такъ, какъ было въ старыхъ приказахъ, гдѣ что бояринъ приказывалъ, то его товарищи исполняли. Отсюда и выводятъ, что рѣшеніе дѣлъ въ приказахъ зависѣло отъ усмотрѣнія старшаго боярина. Въ составъ приказовъ входили лица разныхъ чиновъ и разнаго значенія по тому довѣрію, которымъ пользовались у государя. Нѣкоторые любимцы назначались единовременно въ нѣсколько приказовъ. Весьма понятно, что такіе близкіе къ государю люди оказывали на дѣла рѣшающее вліяніе. Но это не общее правило, а отступленіе отъ того порядка, который надо предполагать въ виду колле-

---

[1]) У Котошихина написано: «А судити указано въ приказѣхъ бояромъ и окольничимъ, и стольникомъ, и дворяномъ, и дьякомъ, кому въ которомъ приказѣ вѣдати приказано, всѣмъ вмѣстѣ и безъ единаго и единому безъ всѣхъ въ правду, по святой Евангельской заповѣди...» (VII, 38). Это мѣсто не совсѣмъ понятно. Далѣе говорится о наказаніи по Уложенію за посулы и о томъ, что взятки все-таки берутъ. Въ цѣломъ статья понятна. Въ ней рѣчь идетъ о томъ, чтобы всѣ судили по правдѣ. «Судить всѣмъ вмѣстѣ»—тоже понятно. Всѣ приказы, за исключеніемъ Панафиднаго, имѣютъ коллегіальный составъ. Члены изъ меньшихъ чиновъ называются «товарищами» перваго члена и, слѣдовательно, составляютъ съ нимъ коллегію, а потому и судятъ «всѣ вмѣстѣ». Но что значитъ «судить безъ единаго и единому безъ всѣхъ?» Здѣсь что-нибудь недописано, а можетъ быть, пропущено или испорчено. Вмѣсто «безъ единаго» не надо ли читать «съ единаго»? Тогда получится удовлетворительный смыслъ: «судить всѣмъ вмѣстѣ съ единаго». «Судить единому безъ всѣхъ» тоже въ правду—можетъ быть такъ объяснено. Приказы состоятъ изъ нѣсколькихъ членовъ. Но въ данномъ засѣданіи могъ быть только одинъ, по болѣзни другихъ, по мѣстническимъ счетамъ и пр. Въ этихъ случаяхъ онъ «судитъ въ правду за всѣхъ», а рѣшеніе не откладывается.

гіальнаго состава приказовъ. Указъ Петра надо понимать какъ жалобу на злоупотребленія сильныхъ своимъ положеніемъ людей.

Для удобства разсмотрѣнія отдѣльныхъ приказовъ необходимо классифицировать ихъ. Классификація приказовъ представляетъ большія трудности. Хотя въ организаціи ихъ и замѣчается нѣкоторое стремленіе къ раздѣленію дѣлъ по ихъ роду, но это раздѣленіе не было проведено послѣдовательно. Поэтому, классифицируя приказы по роду дѣлъ, надо всегда имѣть въ виду, что приказы вѣдаютъ и еще что-нибудь другое, кромѣ того, на что указываетъ ихъ мѣсто въ классификаціи. Съ этою только оговоркою и можно сдѣлать классификацію по роду дѣлъ. Но это еще не все. Вмѣстѣ съ приказами. вѣдомство которыхъ до нѣкоторой степени специализировалось, встрѣчаемъ и такіе, въ которыхъ не замѣчается никакой специализаціи. Таковы областные приказы, которые порученныя имъ области вѣдали во всѣхъ отношеніяхъ и по всякаго рода дѣламъ. Таковы, напр., Смоленскій приказъ, Казанскій, Сибирскій, Новгородскій, Владимірская четь, Костромская и пр. Ихъ нужно выдѣлить въ особенную группу подъ названіемъ областныхъ приказовъ.

Итакъ, первую группу приказовъ составятъ областные. Они учреждались для завѣдыванія цѣлою областью безъ всякаго дѣленія предметовъ вѣдомства: они и судятъ, и войско вѣдаютъ, и подати собираютъ, и управляютъ.

Эти приказы, по всей вѣроятности, возникали по мѣрѣ присоединенія къ Московскому государству новыхъ земель. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ дальнѣйшаго сліянія съ Москвою новыхъ владѣній, вѣдомство этихъ приказовъ съуживается: отдѣльные предметы ихъ вѣдомства переходятъ къ спеціальнымъ приказамъ. Такъ, напримѣръ, Сибирскій приказъ, который первоначально вѣдалъ Сибирь во всѣхъ отношеніяхъ, въ концѣ семнадцатаго вѣка вѣдаютъ одни сборы и при томъ только сборы съ инородцевъ, а всѣ другіе

предметы его вѣдомства были распредѣлены между спеціальными приказами.

Всѣ остальные приказы можно раздѣлить на двѣ группы: 1) административные приказы и 2) судебные. Среди административныхъ приказовъ можно различить еще болѣе мелкія группы: 1) финансовые приказы, 2) военные, 3) почтовый приказъ (ямской), 4) строительный (каменный), 5) иностранный приказъ, 6) врачебный приказъ, 7) придворные приказы и 8) приказъ общаго надзора.

Въ настоящее время государство беретъ на себя не только установленіе права и его охраненіе, но и заботу объ умственномъ и экономическомъ развитіи подданныхъ, оно заводитъ школы, больницы, оказываетъ помощь бѣднымъ, принимаетъ мѣры къ развитію торговли, фабричной промышленности и пр. Московское государство хотя слишкомъ вмѣшивалось въ частную жизнь человѣка, но такихъ широкихъ цѣлей не имѣло. Это отразилось и на приказахъ. Въ Москвѣ встрѣчаемся съ широкимъ развитіемъ нѣкоторыхъ такихъ вѣдомствъ, которымъ въ новыхъ государствахъ принадлежитъ весьма скромная роль. Таково, напр., придворное вѣдомство, интересы котораго представлялись восемью приказами. Боевое призваніе Московскаго государства, стремившагося къ соединенію всѣхъ русскихъ земель, выразилось въ особомъ развитіе военныхъ приказовъ, число которыхъ доходило до 10. Не мало было и финансовыхъ приказовъ, зато всѣ остальныя отрасли управленія были представлены крайне слабо. Строительное дѣло находилось въ вѣдѣніи Каменнаго приказа, который завѣдывалъ постройкой казенныхъ зданій и едва ли не въ одной Москвѣ. Точно также задачи Аптекарскаго приказа, который завѣдывалъ врачебною и аптекарскою частью, были ограничены городомъ Москвой. «Ямы» существовали для государевыхъ посылокъ, а не для потребностей населенія вообще.

Перейдемъ къ обзору отдѣльныхъ приказовъ, но предварительно замѣтимъ, что какъ число ихъ, такъ и вѣдомство были очень не постоянны.

Финансовые приказы: приказъ Большой казны, Большой приходъ и Новая четверть. Эти приказы вѣдали приходъ денежной государевой казны, предназначавшійся на общія потребности. Сюда поступали пошлины съ гостей, съ гостинной и суконной сотни, съ тяглыхъ волостныхъ людей (но не со всѣхъ), таможенные и кабацкіе сборы, мостовщина и пр. Вѣдомство каждаго изъ этихъ приказовъ подвергалось значительнымъ колебаніямъ. Таможенные сборы вѣдаетъ то Большой приходъ, то Большая казна. Новая четверть вѣдала кружечные дворы. Приказъ Большой казны, кромѣ доходовъ, вѣдалъ денежный дворъ для чеканки монеты, но нисточники говорятъ и объ особомъ приказѣ Денежнаго дѣла. Всѣ эти финансовые приказы вѣдали и судъ тѣхъ лицъ, съ которыхъ получали доходы. Такимъ образомъ казначеи, которые хранили государевы доходы. были вмѣстѣ съ тѣмъ и судьями. На время войны учреждался особый приказъ Денежнаго и хлѣбнаго сбора; упоминается спеціальный приказъ Нѣмецкихъ кормовъ. Во Печатный приказъ поступали пошлины за приложеніе казенной печати ко всякаго рода актамъ. Счетный приказъ занимался провѣркою прихода и расхода по книгамъ приказовъ и, слѣдовательно, игралъ роль контроля. Перечисленные финансовые приказы вѣдали, однако, не всѣ доходы; приказамъ другихъ отраслей управленія предоставлялось самимъ собирать доходы съ приписанныхъ къ нимъ городовъ для покрытія издержекъ по ихъ спеціальнымъ нуждамъ.

Военные приказы. Разрядъ вѣдалъ всякую службу служилыхъ людей и велъ разрядныя книги, въ которыя записывались назначенія на должности. Но не всякое назначеніе на должность исходило изъ разряда, городовые воеводы назначались и другими приказами. Помѣстный приказъ относимъ къ военнымъ на томъ основаніи, что помѣстья, которыя онъ вѣдалъ, служили главнымъ средствомъ обезпеченія служилыхъ людей. Но этой военной точкой зрѣнія далеко не исчерпывается значеніе помѣстнаго приказа. Онъ не только раздаетъ помѣстья и вѣдаетъ всякіе

споры, возникающіе изъ обладанія ими, но вѣдаетъ и вотчины и рѣшаетъ всякіе споры по вотчинному праву. Его можно, поэтому, отнести и къ суднымъ приказамъ. Но въ Москвѣ всѣ приказы вѣдали судъ. Стрѣлецкій приказъ вѣдалъ стрѣльцовъ (стрѣлецкіе приказы), ихъ вооруженіе и содержаніе; въ приказъ поступала особая стрѣлецкая подать. Онъ вѣдалъ стрѣльцовъ и судомъ, кромѣ разбоя и воровства съ поличнымъ. Иноземный приказъ вѣдалъ иностранныхъ служилыхъ людей. Рейтерскій завѣдывалъ конницей. Пушкарскій всѣмъ, что̀ относилось къ пушечному дѣлу (литье пушекъ, приготовленіе пороха и т. п.). Оружейный приказъ завѣдывалъ дворомъ, гдѣ приготовлялось оружіе. Бронный вѣдалъ приготовленіе брони, шлемовъ и проч.

Ни военное, ни финансовое управленіе не было объединено. Для той и другой цѣли существовало нѣсколько отдѣльныхъ приказовъ, между которыми не замѣтно, однако, подчиненія; всякій приказъ вѣдалъ свое дѣло самостоятельно, состоя только въ зависимости отъ государя и расправной палаты.

Посольскій приказъ завѣдывалъ иностранными сношеніями и имѣлъ свою собственную хозяйственную часть; для содержанія посольствъ къ нему было приписано пять городовъ, которые онъ вѣдалъ въ финансовомъ отношеніи.

Для выкупа плѣнныхъ былъ особый Полоняничный приказъ; онъ вѣдалъ плѣнныхъ и ихъ выкупъ.

Аптекарскій приказъ завѣдывалъ врачебною частью, а вмѣстѣ съ тѣмъ разсматривалъ и всѣ судныя дѣла, касавшіяся врачей и аптекарей.

Каменный приказъ завѣдывалъ строительнымъ «каменнымъ дѣломъ», главнымъ образомъ постройкою дворцовъ и церквей. Для постройки ихъ мастера брались изъ всѣхъ городовъ, гдѣ только находились люди, знающіе каменное дѣло.

Ямской приказъ вѣдалъ почтовые ямы.

Для надзора за всѣмъ ходомъ правленія былъ учрежденъ,

при Алексѣѣ Михайловичѣ, Тайныхъ дѣлъ приказъ, состоявшій только изъ дьяковъ и подьячихъ.

Придворные приказы отличались особеннымъ развитіемъ. Самый главный изъ нихъ—приказъ Большого дворца: онъ вѣдалъ приходы и расходы, но специальные, для содержанія государева двора. Есть основаніе думать, что, кромѣ Большого дворца въ Москвѣ, были дворцы и въ присоединенныхъ княженіяхъ, которые первоначально имѣли свое отдѣльное управленіе; но при Михаилѣ Ѳедоровичѣ управленіе ихъ слилось съ учрежденіемъ Большого дворца. Для удовлетворенія потребностей государева двора, къ приказу было приписано болѣе 40 городовъ съ ихъ уѣздами. Посадскіе люди и крестьяне этихъ городовъ должны были нести особыя службы въ пользу дворца. Съ этою же цѣлью къ нему были приписаны восемь московскихъ слободъ, торговыхъ и ремесленныхъ. Приписные люди косили сѣно, ловили рыбу для дворца; доставляли всѣ необходимые для жизни продукты, а ремесленники производили всѣ нужныя работы. Приказъ Большого дворца не только завѣдывалъ всѣми этими доходами, но и судилъ приписанныхъ къ нему людей. Во главѣ Большого дворца стоялъ дворецкій; ему противополагались дворецкіе удѣльныхъ дворцовъ. Приказу Большого дворца было подчинено нѣсколько болѣе мелкихъ учрежденій, которыя завѣдывали разными отдѣльными частями содержанія государева двора. Къ такимъ подчиненнымъ учрежденіямъ относились: Житенный дворъ, гдѣ приготовлялись хлѣбные запасы; Хлѣбный дворъ, гдѣ пекли хлѣбъ; Кормовой дворъ, гдѣ приготовляли кушанье; Сытенный приказъ, гдѣ дѣлали всякаго рода напитки. Во главѣ этихъ приказовъ стояли ключники. Въ Московскомъ государствѣ частное хозяйство государя имѣло гораздо болѣе общественнаго значенія, чѣмъ оно имѣетъ теперь. Всякаго рода кушанья и напитки приготовлялись тогда не для потребностей только государя и его семьи, но и для служилыхъ людей. Многіе люди получали кушанье со стола государя, что считалось большою честью, которой очень дорожили.

Это называлось «подачею». Такая подача посылалась и «иностраннымъ посламъ», и служилымъ большимъ людямъ, изъ которыхъ одни получали столъ отъ государя постоянно, другіе разъ въ мѣсяцъ, а большинство изрѣдка, въ большіе праздники. Велись особыя книги, въ которыхъ записывалось, что кому идетъ. Служилые люди обращали большое вниманіе на то, чтобы назначенное въ подачу непремѣнно было имъ доставлено. Недоставленіе подавало поводъ къ жалобамъ, слѣдствію и суду.

Разсказываютъ, что ежедневно изъ государева дворца шло въ подачу сто ведеръ вина и до пятисотъ ведеръ пива и меду; въ праздники эта цифра увеличивалась разъ въ пять. Тотъ же приказъ долженъ былъ имѣть наготовѣ деньги для раздачи бѣднымъ. Московскіе государи любили путешествовать по монастырямъ и посѣщать тюрьмы; за ними носили мѣшки съ мѣдными деньгами, они сами раздавали милостыню. Приказъ Большого дворца вѣдалъ, наконецъ, судъ духовенства; Уложеніе учредило для этого особый Монастырскій приказъ.

Конюшенный приказъ, во главѣ котораго стоялъ конюшій бояринъ. Помощникомъ конюшаго былъ ясельничій. Этотъ приказъ вѣдалъ конюшни, а такъ какъ на содержаніе конюшенъ были отведены цѣлые волости и города, то онъ завѣдывалъ также и ихъ управленіемъ и судомъ.

Казенный дворъ занимался изготовленіемъ всякаго рода сосудовъ, золотыхъ и серебряныхъ, закупкою бархата, атласу, мѣховъ и т. п. необходимыхъ для наградъ предметовъ.

Былъ приказъ Золотыхъ и Серебряныхъ дѣлъ для заготовленія необходимыхъ въ дворцовомъ обиходѣ золотыхъ и серебряныхъ вещей.

Постельничій приказъ, во главѣ котораго стоялъ постельникъ, завѣдывалъ царскою опочивальней. Царская Мастерская и царицына Мастерская палаты занимались изготовленіемъ платья.

Панихидный приказъ вѣдалъ поминанія по усопшимъ членамъ царскаго семейства.

Спеціальные судные приказы вѣдаютъ судъ не надъ всѣми лицами. Въ старину кто кѣмъ управлялъ, тотъ того и судилъ; всѣ правительственные приказы судили тѣхъ лицъ, которыя состояли въ ихъ вѣдѣніи. Но были и такіе приказы, которые вѣдали исключительно судъ. Правительственные приказы производили не всякій судъ; важнѣйшія уголовныя дѣла имъ не предоставлялись. Учрежденіе судныхъ приказовъ дѣлаетъ первую попытку обособленія гражданскаго и уголовнаго суда. Для гражданскихъ дѣлъ существовали четыре судныхъ приказа: Владимірскій, Дмитровскій, Рязанскій и Московскій. Очень можетъ быть, что эти приказы возникли еще во время отдѣльнаго бытія тѣхъ княжествъ, названіе которыхъ они носятъ, а затѣмъ продолжали нѣкоторое время существовать и послѣ соединенія ихъ съ Москвой. Съ теченіемъ времени всѣ они поглощаются Московскимъ суднымъ приказомъ. Сперва уничтожается отдѣльное бытіе Дмитровскаго и Рязанскаго судныхъ приказовъ, а въ 1685 г. и Владимірскій сливается съ Московскимъ. Эти приказы вѣдали тяжебныя дѣла служилыхъ людей, помѣщиковъ и вотчинниковъ, за исключеніемъ споровъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ, которые вѣдались въ Помѣстномъ приказѣ. Для уголовныхъ дѣлъ существовалъ особый Разбойный приказъ. Мы имѣемъ указную книгу Разбойнаго приказа, изъ которой видно, что Разбойный приказъ возникъ въ половинѣ XVI вѣка, при Иванѣ Грозномъ. Онъ вѣдалъ не всѣ уголовныя дѣла, какъ это мы теперь понимаемъ, а только разбойныя и нѣкоторыя татебныя дѣла. Менѣе же важныя правонарушенія разсматривались и судными приказами.

Приказъ Холопьяго суда вѣдалъ дѣла о холопахъ, т.-е. споры о правахъ на холоповъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ совершались и акты укрѣпленія правъ на холоповъ. Здѣсь же вѣдались и дѣла о бѣглыхъ крестьянахъ. Онъ существуетъ

уже во 2-й половинѣ XVI в., а во 2-й половинѣ XVII сливается съ судными.

Въ заключеніе надо остановиться на Земскомъ приказѣ. Онъ вѣдалъ управленіе города Москвы; за предѣлы Москвы и ея уѣзда его власть не выходила. Но въ этихъ предѣлахъ онъ вѣдалъ все: полицію, судъ гражданскій и уголовный и хозяйственную часть. На его обязанности лежало охраненіе безопасности города отъ огня и злоумышленниковъ. Въ его вѣдѣніи состояли городскіе ярыжки (пожарные) и рѣшоточные сторожа. Онъ наблюдалъ за народными удовольствіями, запрещалъ и разрѣшалъ игрища, устраивалъ мосты. Для исполненія своихъ обязанностей имѣлъ свои особые доходы. Земскій приказъ былъ мѣстнымъ для города Москвы учрежденіемъ, а не центральнымъ государственнымъ, какъ большинство приказовъ.

Мѣстное управленіе—приказное

Мѣстные правители, вѣдѣнію которыхъ поручались отдѣльныя волости, въ древнѣйшее время именовались посадниками. Мы встрѣчаемъ ихъ при первыхъ князьяхъ по всей Россіи. Такъ кіевскій князь Ярополкъ, узнавъ о бѣгствѣ за море новогородскаго князя Владиміра, сажаетъ въ Новгородѣ своихъ посадниковъ, чѣмъ и выражается присоединеніе Новгорода къ его кіевскому княженію. Такъ же поступаетъ черниговскій князь Олегъ; отнявъ у Владиміра Мономаха ростовскую и муромскую волости, онъ занимаетъ города этихъ волостей своими посадниками. Въ 1175 году по городамъ Суздальской земли встрѣчаемъ посадниковъ суздальскихъ князей Ростиславичей; а нѣсколько ранѣе, въ княженіе ихъ предшественника, Андрея Боголюбскаго, города эти вѣдались его посадниками.

Какъ въ лицѣ князя судъ не былъ отдѣленъ отъ управленія, а управленіе военное — отъ гражданскаго, такъ же точно управленіе и судъ были слиты и въ лицѣ мѣстныхъ

представителей его власти. Одна изъ главнѣйшихъ обязанностей посадника заключалась въ охраненіи власти своего князя надъ ввѣренною ему волостью. Для защиты ея онъ ставилъ «города» и въ случаѣ нападенія отражалъ непріятеля силой. Кромѣ того, находимъ указанія на отправленіе посадниками суда. О посадникахъ, назначенныхъ Ростиславичами въ суздальскіе города, лѣтописецъ говоритъ, что «они многу тяготу людямъ створиша продажами и вирами»: они, слѣдовательно, судили. Болѣе подробныя извѣстія сохранились о судѣ новгородскихъ посадниковъ. Правительственная и судебная дѣятельность посадника могла быть ежеминутно прервана княземъ; какъ скоро послѣдній пріѣзжалъ въ городъ, онъ вступалъ, обыкновенно, въ личное завѣдываніе всѣми дѣлами. Этимъ объясняются приведенныя выше слова Владиміра Мономаха: «самъ есмь створилъ дѣла... на посадники не зря, ни на бирючи...» Конечно, примѣненіе этого правила къ отдѣльнымъ случаямъ условливалось степенью личной энергіи князя: одни, какъ Мономахъ, дѣлали все сами, другіе, какъ Вячеславъ, замѣняли себя посадниками даже и въ такихъ городахъ, въ которыхъ имѣли постоянное пребываніе.

Право избирать въ должности посадниковъ принадлежало князьямъ. Обыкновенно они назначали своихъ мужей. Лаврентьевская лѣтопись сохранила слѣдующую характеристику лицъ, назначаемыхъ въ посадники: «Избра (Владиміръ Св.) мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады». Храбрость и знакомство съ военнымъ дѣломъ были до такой степени необходимыми качествами посадниковъ, что ихъ должности нерѣдко замѣщались воеводами. Такъ, Даніилъ Галицкій роздалъ города «боярамъ и воеводамъ». Подобно этому, владимірскій князь Ярославъ Всеволодовичъ, получивъ отъ Батыя Кіевъ, посылаетъ туда посадникомъ воеводу своего Дмитра. Вслѣдствіе этого, вмѣсто посадника, говорилось иногда просто «воевода». Въ описаніи осады галицкой волости, Звенигорода, черниговскими князьями нахо-

димъ такое мѣсто: «И бѣ у нихъ воевода, Володимірь мужъ, Иванъ Халдѣевичъ...»

«Мужи» назначаются посадниками обыкновенно, но не исключительно; князь былъ воленъ назначить кого хотѣлъ, и лѣтописи сохранили примѣры назначенія въ эти должности низшихъ слугъ князя, его дѣтскихъ [1]). Кромѣ служилыхъ людей, въ должности посадника встрѣчаются очень часто сыновья князя. По чувству естественной привязанности интересы отца никому не были такъ дороги, какъ его сыну; а потому понятно, что сыновья назначались даже преимущественно передъ мужами.

Право князя назначать посадниковъ подверглось съ теченіемъ времени нѣкоторымъ измѣненіямъ въ Новгородской волости. Еще въ XII вѣкѣ новгородскіе посадники назначались князьями, но со второй четверти этого вѣка встрѣчаются случаи назначенія ихъ самимъ Новгородомъ, а въ началѣ XIII-го новгородскій посадникъ Твердиславъ, обращаясь къ вѣчу, высказываетъ такое общее положеніе: «А вы, братье, въ посадничествѣ и въ князѣхъ вольны». Такимъ образомъ, съ XIII в. и даже ранѣе новгородскій посадникъ назначался уже не княземъ, а Новгородомъ, какъ и самъ князь. Вмѣстѣ съ этимъ подверглось ограниченію и право князя назначать посадниковъ въ новгородскія волости. Онъ назначаетъ ихъ не одинъ, а вмѣстѣ съ новгородскимъ посадникомъ, и не изъ своихъ служилыхъ людей, а изъ мужей новгородскихъ.

Увольненіе посадниковъ также зависѣло отъ князя, какъ и ихъ опредѣленіе. Въ источникахъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы посадники назначались на опредѣленный срокъ; они оставались въ своей должности до тѣхъ поръ, пока это нравилось князю. Позднѣйшая новгородская исторія представляетъ и въ этомъ отношеніи важное отступленіе. Съ самаго начала XIII в. мы встрѣчаемся здѣсь съ началомъ несмѣняемости посадниковъ иначе, какъ по суду.

[1]) О Ростиславичахъ Ростовскихъ читаемъ: «Роздаяла бѣста посадничества русскимъ дѣтскимъ...» Ипат. 1175 г.

Въ договорахъ Новгорода съ князьями это начало выражалось въ слѣдующей формулѣ: «А безъ вины ти, княже, мужа волости не лишити».

Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ посадникъ новгородскій изъ княжаго мужа сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова новгородскимъ мужемъ, для перваго входитъ въ употребленіе новое наименованіе. Съ самаго начала XIII в. представители князя въ Новгородѣ называются уже не посадниками, а намѣстниками князя. Намѣстникъ, какъ показываетъ самое слово, занимаетъ мѣсто князя, замѣняетъ его; это тотъ же посадникъ, но на этотъ разъ обозначенный по существу представляемой имъ власти, а не по дѣйствію посаженія его княземъ.

Новое имя, потребность въ которомъ первоначально почувствовалась только въ Новгородѣ, мало-по-малу сдѣлалось общимъ терминомъ. Съ XIV в. мы не встрѣчаемъ болѣе посадниковъ: назначаемые княземъ органы мѣстнаго управленія съ этого времени носятъ исключительно наименованіе намѣстниковъ и волостелей. Единовременное существованіе двухъ разныхъ властей, намѣстниковъ и волостелей, объясняется указанною уже выше противоположностью города и волости, какъ сораздѣленія княжества. Обыкновенно намѣстники назначались въ города и ихъ уѣзды, а волостели— въ волости и ихъ уѣзды.

Это доказывается, во 1-хъ, наименованіями намѣстниковъ и волостелей. Первые обозначались, обыкновенно, по именамъ значительныхъ городовъ, служившихъ нерѣдко мѣстопребываніемъ для самихъ князей; мы имѣемъ намѣстниковъ: углицкихъ, бѣлозерскихъ, городецкихъ, переяславскихъ, ростовскихъ, вологодскихъ, кашинскихъ, муромскихъ, верейскихъ, юрьевскихъ, бѣжецкихъ, московскихъ, новоторжскихъ, дмитровскихъ, владимірскихъ, устюжскихъ, каширскихъ, суздальскихъ, галицкихъ и пр. Вторые же или вовсе не обозначались никакимъ прилагательнымъ именемъ, напр., «намѣстники московскіе и волостели...», т.-е. волостели московскихъ становъ и волостей, или обозначались по имени

незначительныхъ поселеній, составлявшихъ правительственный центръ волости; въ послѣднемъ случаѣ встрѣчаются волостели: медушскіе, усольскіе, кинельскіе, колсскіе или койскіе, тошенскіе, лоскомскіе, ворьскіе, пироговскіе, угольскіе, югскіе, шубачскіе, кобылинскіе, масленскіе, янгасарскіе, чухломскіе, кривандинскіе, клечанскіе, вышегородскіе, вѣдокурскіе, мещерскіе, гороховскіе, задубровскіе и пр. Во 2-хъ, противоположеніемъ городскихъ и волостныхъ людей, съ одной стороны, и намѣстниковъ и волостелей, съ другой, изъ котораго видно, что городскіе люди живутъ въ округѣ, подвѣдомственномъ намѣстнику, а волостные — волостелю. Въ жалованныхъ грамотахъ это противоположеніе выражается въ слѣдующей формулѣ: «А правъ-ли будетъ, виноватъ-ли — городской человѣкъ или волостной, и онъ въ правдѣ и винѣ намѣстникомъ и волостелемъ», т.-е. городской — намѣстникамъ, волостной — волостелямъ. Еще съ большею ясностью выражена эта противоположность въ судебникахъ. Въ первомъ читаемъ: «А въ который городъ или волость въ которую пріѣдетъ недѣльщикъ съ приставною, и ему приставную явити намѣстнику или волостелю», т.-е. смотря по тому, куда пріѣдетъ: въ городѣ—намѣстнику, въ волости—волостелю; и во второмъ: «Лѣта 1550 мѣсяца іюня царь и вел. князь Иванъ Васильевичъ всея Руси съ своею братьею и съ бояры сесь судебникъ уложилъ, какъ судити бояромъ... и всякимъ приказнымъ людямъ, и по городамъ намѣстникомъ, и по волостемъ волостелемъ...»

Итакъ, намѣстники вѣдаютъ, обыкновенно, города, а волостели—волости. Но, какъ выше было замѣчено, города и волости не составляли правильнаго, единообразнаго дѣленія Русской земли; уѣзды городовъ и волостей нерѣдко увеличивались или уменьшались, смотря по требованіямъ данной минуты. Для доставленія бо̀льшаго содержанія волостелямъ и намѣстникамъ нѣсколько волостей соединялись въ одну или приписывались къ городу и увеличивали его уѣздъ. Въ первомъ случаѣ, въ соедиченную волость назначался одинъ волостель, во второмъ—въ городъ и приписанныя къ нему

волости назначался одинъ намѣстникъ и одинаково вѣдалъ какъ городъ, такъ и волости, которыя, несмотря на то, что утрачивали значеніе самостоятельныхъ правительственныхъ округовъ, продолжали, однако, называться волостями.

Какъ города и волости, составляли сораздѣленіе княжества, не зависѣли другъ отъ друга, такъ точно не были подчинены одинъ другому и завѣдывавшіе ими чиновники. Волостель пользовался совершенно независимымъ положеніемъ отъ намѣстника и на ряду съ нимъ состоялъ въ непосредственномъ подчиненіи князя.

Предметы вѣдомства намѣстниковъ и волостелей не совершенно совпадали между собой. Намѣстники обладали тою же властью, которая прежде принадлежала посадникамъ: они вѣдали судъ какъ гражданскій, такъ и уголовный, и мѣстное военное управленіе. Вслѣдствіе этого намѣстники такъ же, какъ и посадники, назывались иногда воеводами. Чрезвычайно любопытное указаніе на это находимъ въ договорныхъ грамотахъ князей. Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ, въ статьяхъ, опредѣляющихъ порядокъ выступленія въ походъ читаемъ: «А коли ми послати своихъ воеводъ, изъ которыхъ городовъ...». Изъ этого мѣста слѣдуетъ, что въ городахъ сидѣли воеводы, которые посылались иногда съ войскомъ въ качествѣ его предводителей. При отсутствіи всякаго раздѣленія гражданской власти отъ военной, нѣтъ никакой возможности допустить, чтобы рядомъ съ этими воеводами въ городахъ сидѣли еще намѣстники—для суда и другихъ гражданскихъ дѣлъ. Эти воеводы и были намѣстники. Городовые воеводы, которые кромѣ войны вѣдали еще и гражданское управленіе, естественно отличались отъ воеводъ, назначаемыхъ съ исключительной цѣлью предводительства въ извѣстномъ походѣ. Это различіе отразилось и на ихъ наименованіяхъ: первые назывались «мѣстными», вторые «ратными». Къ имени мѣстнаго воеводы, какъ намѣстника, присоединялось наименованіе отъ города, въ которомъ онъ сидѣлъ. Какъ прежде посадники-воеводы строили города, такъ те-

перь это дѣлаютъ ихъ преемники, намѣстники-воеводы. Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1408 г. читаемъ: «Повелѣніемъ великаго князя срубленъ бысть Ржева городъ, а воевода (вмѣсто: а намѣстникъ) бѣ (при строеніи) князь Юрій Козельскій да Юрій Васильевичъ».—Такимъ образомъ, для намѣстника было также необходимо знакомство съ военнымъ дѣломъ, какъ и для посадника. Согласно съ этимъ, должности намѣстниковъ также поручались ратнымъ воеводамъ, какъ прежде должности посадниковъ.

Волостели, также какъ и намѣстники, вѣдали судъ гражданскій и уголовный. Обыкновенно имъ принадлежалъ наравнѣ съ намѣстниками и высшій уголовный судъ въ душегубствахъ, разбояхъ и пр. Но иногда высшій уголовный судъ вынимался изъ ихъ вѣдѣнія и предоставлялся намѣстнику. Это изъятіе не установляло, однако, подчиненія волостеля намѣстнику, оно только ограничивало объемъ дѣятельности перваго въ пользу послѣдняго.—Что же касается до мѣстнаго военнаго управленія, то мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы оно принадлежало и волостелямъ. Надо думать, что военное управленіе исключительно сосредоточивалось въ рукахъ намѣстниковъ, и что волостели не имѣли къ нему никакого отношенія. Это различіе дѣятельности намѣстниковъ отъ дѣятельности волостелей условливалось тѣмъ, что первые сидѣли въ городахъ, а города и составляли центры мѣстной обороны.

Кромѣ того, на намѣстниковъ и волостелей возлагалась еще обязанность «блюсти» людей и нѣкоторыя другія заботы по части благоустройства, какъ напр., наблюденіе за исполненіемъ рабочими людьми установленныхъ сроковъ перехода отъ одного владѣльца къ другому и проч.

Намѣстники и волостели назначались княземъ и оставались въ своихъ должностяхъ, пока это ему нравилось [1]).

[1]) Назначеніе совершалось посредствомъ двухъ грамотъ; одна на имя намѣстника или волостеля, другая на имя города или волости. Въ послѣдней писалось: «Се язъ, князь великій, Иванъ Васильевичъ, пожаловалъ есми боярина своего... городомъ Володимеромъ. И вы бы,

Выборъ ихъ, какъ и выборъ посадниковъ, главнымъ образомъ дѣлался изъ высшаго разряда слугъ, изъ бояръ, рядомъ съ этимъ встрѣчаются указанія и на назначеніе дѣтей боярскихъ. Число намѣстниковъ и волостелей не было одинаково: иногда назначался одинъ, иногда нѣсколько. Такъ какъ въ древней Россіи при рѣшеніи дѣлъ коллегіальнымъ порядкомъ рѣшеніе по большинству голосовъ не было употребительно, то при назначеніи нѣсколькихъ намѣстниковъ въ одинъ и тотъ же городъ, надо предполагать или рѣшеніе дѣлъ съ «единаго», или раздѣленіе города на участки, которые и распредѣлялись между отдѣльными намѣстниками, какъ особые, независимые одинъ отъ другого округа. Въ Москвѣ и другихъ городахъ, состоявшихъ въ нераздѣльномъ завѣдываніи нѣсколькихъ князей, каждый изъ соправителей назначалъ своего намѣстника. По числу соправителей такіе намѣстники назывались иногда третчиками; если въ рукахъ одного князя соединялось болѣе одной трети, его представитель, въ отличіе отъ третчика, именовался просто намѣстникомъ или большимъ намѣстникомъ.

При князьяхъ, какъ мѣстныхъ правителяхъ, посадникахъ, намѣстникахъ и волостеляхъ состояли помощники. Князья, часто отвлекаемые изъ городовъ, которые они оставляли въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи, то войной, то объѣздомъ другихъ городовъ и волостей, то, наконецъ, частнымъ своимъ

всѣ люди того города Володимера, его слушали, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего» А. И. Т. I № 110 ср. еще А. Ю. № 161.—Б. Н. Чичеринъ на стр. 7 Областныхъ учрежденій Россіи XVII в. говоритъ: «Иногда кормленіе, бывшее за отцами и дѣдами, утверждалось за сыновьями, внуками и другими родственниками и принимало характеръ наслѣдственности». Что должности намѣстниковъ и волостелей по смерти отцовъ передавались иногда ихъ сыновьямъ, это дѣйствительно случалось и доказывается двумя ссылками, приведенными авторомъ; но чтобы замѣщеніе этихъ должностей принимало характеръ наслѣдственности, т.-е. чтобы они переходили отъ отца къ сыну въ силу правилъ о порядкѣ наслѣдованія по закону и, слѣдовательно, помимо назначенія со стороны князя, на это нѣтъ указаній.

хозяйствомъ имѣли въ этихъ городахъ особыхъ чиновниковъ, главною обязанностью которыхъ было отправленіе суда. Въ древнѣйшее время эти чиновники назывались тіунами, позднѣе удерживаемый княземъ для себя лично судъ передавался обыкновенно вѣдѣнію бояръ.

«Мужи» князей, которымъ нерѣдко поручались весьма значительные уѣзды съ соединеніемъ въ ихъ рукахъ военной и гражданской власти, также нуждались въ помощникахъ. Мы весьма часто встрѣчаемъ ихъ при намѣстникахъ и волостеляхъ также подъ именемъ тіуновъ. О военномъ управленіи тіуновъ нѣтъ указаній; надо думать, что на нихъ переносилась только одна судебная власть, о чемъ говорится во многихъ жалованныхъ грамотахъ. Что же касается до пространства судебной власти тіуновъ, объ этомъ предметѣ нельзя составить себѣ точнаго представленія. Хотя въ жалованныхъ грамотахъ о судѣ тіуновъ говорится въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и о судѣ намѣстниковъ и волостелей, безъ всякаго противъ нихъ ограниченія, но такъ какъ наши древніе юридическіе памятники далеко не исчерпываютъ тѣхъ предметовъ, которыхъ имъ приходится касаться, а по большей части ограничиваются только краткими указаніями на то, что считается уже извѣстнымъ, то изъ этого безразличнаго упоминанія о судѣ тіуновъ наравнѣ съ судомъ намѣстниковъ и волостелей никакъ еще нельзя заключить о томъ, чтобы послѣдніе имѣли право весь принадлежащій имъ судъ переносить на своихъ помощниковъ [1]).

Право назначенія и увольненія тіуновъ принадлежало тѣмъ лицамъ, при которыхъ они состояли: князь назначалъ своихъ, намѣстники и волостели—своихъ; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ князь иногда опредѣлялъ—сколько должно быть тіуновъ при томъ или другомъ изъ его чиновниковъ [2]).

[1]) Ср. Судеб. 1497 г., ст. подъ рубрикой «о правой грамотѣ», гдѣ установленъ по нѣкоторымъ дѣламъ докладъ отъ тіуна къ намѣстнику или волостелю.

[2]) А. А. Э. т. I, № 123. Тіуны намѣстниковъ и волостелей обыкновенно называются «ихъ» тіунами, тогда какъ чиновники, назначаемые

Хотя тіуны князя и имѣли много общаго съ посадниками, но, какъ показываетъ ихъ имя, они назначались преимущественно изъ низшаго разряда княжескихъ слугъ и даже рабовъ. Что касается до намѣстниковъ и волостелей, они были свободны въ выборѣ своихъ тіуновъ и только по отношенію къ увольненію подлежали одному ограниченію, впрочемъ, исключительно финансоваго свойства: они не могли мѣнять тіуновъ ранѣе года послѣ ихъ назначенія. Тіуны вѣдали судъ вмѣсто намѣстниковъ и волостелей, они замѣняли ихъ, а не составляли съ ними одной коллегіи.

Управленіе финансами находилось въ непосредственномъ завѣдываніи самого князя. Для сбора торговыхъ пошлинъ назначались имъ особые чиновники — мытники, таможники, пятеньщики и другіе пошлинники, которые стояли внѣ всякой зависимости отъ намѣстниковъ и волостелей. Что сборщики этихъ пошлинъ не были подчинены мѣстнымъ правителямъ, видно, во-1-хъ, изъ того, что всякаго рода правительственныя распоряженія дѣлались княземъ прямо на ихъ имя; во-2-хъ, собираемыя ими деньги вносились самому князю или кому онъ приказывалъ; въ-3-хъ, жалобы на ихъ неправильныя дѣйствія подавались князю непосредственно.

Въ памятникахъ говорится иногда о намѣстникахъ и волостеляхъ, какъ лицахъ, занимающихся сборами извѣстныхъ доходовъ. Въ этихъ случаяхъ намѣстники и волостели являются не финансовыми чиновниками князя, обязанность которыхъ состоитъ въ сборѣ его доходовъ, а правителями, которымъ князь жаловалъ тотъ или другой доходъ для увеличенія ихъ содержанія, и которые взимали ихъ на себя. Эти жалованныя пошлины вынимались изъ вѣдѣнія княжескихъ пошлинниковъ и собирались особыми сборщиками по назначенію своихъ мѣстныхъ правителей.

Храненіемъ княжескихъ пошлинъ и даней и выдачею ихъ по назначенію князя занимались особые чиновники, ко-

—

княземъ, называются «его» чиновниками, т.-е. княжескими. Кромѣ того о назначеніи тіуновъ намѣстниками прямо сказано въ Бѣлоз. уст. гр.

торые одинаково вѣдали имущество князя, какъ правителя, и его имущество, какъ частнаго человѣка. Первое мѣсто между этими чиновниками занимаютъ дворскіе или дворецкіе, затѣмъ слѣдуютъ—ключники и дьяки.

Съ начала XVII в. намѣстники и волостели вытѣсняются воеводами. И въ княжеской Россіи мѣстные управители носили наименованіе воеводъ; въ отличіе отъ военачальниковъ они назывались мѣстными воеводами. Съ начала XVII в. замѣна воеводами намѣстниковъ и волостелей дѣлается общею. Этой перемѣнѣ придаютъ иногда слишкомъ большое значеніе. На намѣстниковъ смотрятъ какъ на людей, получавшихъ только доходъ отъ должности, но не несшихъ никакихъ обязанностей; понятіе о должности, какъ объ обязанности, возникаетъ, будто бы только съ учрежденіемъ воеводъ. Что понятіе должности съ теченіемъ времени болѣе и болѣе очищается отъ разныхъ примѣсей чисто частнаго характера, это вѣрно; но чтобы должность намѣстника давалась только въ частномъ интересѣ служилаго человѣка, это крайность. Намѣстники получаютъ доходъ, но опредѣленный наказнымъ спискомъ, а не сколько имъ угодно. Этотъ доходъ получаютъ они потому, что несутъ извѣстныя обязанности: судебники говорятъ о судѣ намѣстниковъ; мы имѣемъ правыя грамоты, въ которыхъ судъ дѣйствительно судитъ самъ намѣстникъ. А съ другой стороны и практика воеводскаго управленія не мало страдала недостатками практики намѣстниковъ. Земскіе люди XVII в. выставляютъ дѣятельность воеводъ въ такомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, что и объ нихъ можно сказать, что они разсматривали свою должность нерѣдко только съ точки зрѣнія своихъ личныхъ интересовъ.

Воеводское управленіе въ большинствѣ случаевъ было не единоличнымъ, а коллегіальнымъ. Въ города посылался не одинъ воевода, а съ товарищами или съ дьяками. Дьяки принимали участіе въ воеводскомъ управленіи. Вмѣстѣ со своими товарищами или дьяками воевода долженъ былъ рѣшать дѣла единогласно,—имъ предписывалось: «вѣдать дѣла вмѣстѣ безъ всякой розни».

Степень власти воеводъ не была одинакова; она стояла въ нѣкоторой зависимости отъ состава воеводскаго управленія. Воеводы, при которыхъ были товарищи, имѣли больше власти, чѣмъ тѣ, при которыхъ состояли только дьяки. Воеводы вѣдали всѣ отрасли управленія. Первою заботою ихъ было военное дѣло. Пріѣзжая въ городъ, они становились начальниками крѣпости и всѣхъ служилыхъ людей: воевода имѣлъ ключи отъ крѣпости, наблюдалъ за исправностью стѣнъ и рвовъ и снабжалъ ее орудіями; онъ же наблюдалъ за исправнымъ состояніемъ служилыхъ людей. Кромѣ военныхъ заботъ, на воеводахъ лежала полицейская часть. Воеводы должны были ловить воровъ, разбойниковъ и смотрѣть за тѣмъ, чтобъ не было опасности отъ огня. Въ видахъ предотвращенія пожаровъ въ это время принимали довольно оригинальныя мѣры. Въ лѣтнее время воспрещалось топить въ домахъ печи для варки кушанья, а потому всѣ печи запечатывались. Для приготовленія кушанья дозволялось дѣлать печи въ огородахъ. Но правительство заботилось о предотвращеніи пожаровъ въ видахъ собственно казеннаго, а не общественнаго интереса. Къ этому заключенію можно придти на основаніи того, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ не было, напр., казенныхъ построекъ или пороховыхъ складовъ, тамъ не принимали и мѣръ для предотвращенія пожаровъ.

Воеводы должны были заботиться о томъ, чтобы не было бѣглыхъ. Далѣе, воеводы были судьями; судъ принадлежалъ имъ въ очень различныхъ размѣрахъ. Въ большихъ городахъ, куда посылались воеводы съ товарищами, имъ предоставлялось рѣшать дѣла до 100 р. и даже до 500 р. По Уложенію, воеводы, при которыхъ не было дьяковъ, вовсе не могли судить вотчинныхъ, помѣстныхъ и холопьихъ дѣлъ, а въ остальныхъ дѣлахъ давали судъ только до 20 руб. Въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ власть воеводъ была также весьма различна; большинство не имѣло права приговаривать къ смертной казни, но нѣкоторымъ предоставлялось и это право, напримѣръ, воеводамъ удаленныхъ городовъ,

куда они обыкновенно назначались съ товарищами. Наконецъ, на воеводъ возлагалась церковная полиція и полиція нравовъ. Они должны были заботиться о томъ, чтобы духовенство исполняло свои обязанности, чтобы архимандриты, игумены и священники поучали народъ, не ссорились между собой и не пили; чтобы прихожане посѣщали церковь и говѣли своевременно. Въ связи съ этимъ на воеводъ возлагалось преслѣдованіе раскола и всякихъ старинныхъ языческихъ обычаевъ: купаться въ громъ, смотрѣть на луну въ день новолунія, лить олово и воскъ и пр. Народныя игрища были также подъ ихъ цензурою. Они должны были запрещать нѣкоторыя забавы: игру въ мячъ, шахматы и карты, пѣніе по ночамъ и битье въ ладони, надѣваніе масокъ и качаніе на качеляхъ.

Въ мѣстахъ отдаленныхъ, въ Сибири, Казани, Астрахани, воеводамъ предоставлялось и расходованіе мѣстныхъ доходовъ на мѣстныя нужды: постройку крѣпостей, покупку запасовъ, жалованье служилымъ людямъ и пр.

Дѣятельность воеводъ подлежала контролю. Объ употребленіи денегъ они должны были представлять въ Москву отчеты, которые тамъ провѣрялись. Кромѣ неправильности въ отчетахъ, вопросъ объ отвѣтственности воеводъ могъ быть возбужденъ въ силу неисполненія государева указа и по жалобѣ мѣстныхъ жителей. Въ грамотахъ, въ которыхъ опредѣляется порядокъ дѣятельности намѣстниковъ, населенію предоставляется не только приносить жалобы на неправильныя дѣйствія мѣстныхъ властей, но и назначать имъ сроки явки къ суду для отвѣта по этимъ жалобамъ. Понятна важность этого права: разборъ судомъ неправильныхъ дѣйствій властей не можетъ быть отлагаемъ на неопредѣленные сроки. Въ уставной Бѣлозерской грамотѣ 1488 г. написано: «А кому будетъ горожаномъ и становымъ людямъ и волостнымъ обида отъ намѣстниковъ, и отъ волостелей, и отъ тіуновъ, и отъ доводчиковъ, и они сами сроки наметываютъ на намѣстниковъ и на волостелей и на ихъ людей».

Что касается послѣдствій отвѣтственности, то они не были точно опредѣлены, все предоставлялось усмотрѣнію государя; указы угрожаютъ воеводамъ «великою опалою» и просто «опалою». Если дѣятельность воеводы наносила ущербъ частнымъ лицамъ, то, кромѣ уголовнаго наказанія, воевода долженъ былъ вознаградить убытки, иногда вдвое. Несмотря на отвѣтственность, злоупотребленія воеводскаго управленія были довольно часты.

Подъ воеводами стояли подчиненные имъ приказные люди. Для военныхъ дѣлъ: 1) Осадные головы; названіе ихъ показываетъ, что они вѣдали все то, что̀ относится до осады. 2) Засѣчные головы; въ старину, при приближеніи непріятеля, первое дѣло обороны состояло въ порчѣ дорогъ,—ихъ дѣлали непроходимыми. Съ этою цѣлью устраивались засѣки, т.-е. рубили деревья и заваливали дорогу. Принятіе этихъ мѣръ лежало на обязанности засѣчныхъ головъ. 3) Стрѣлецкіе, пушкарскіе и казацкіе головы, они были начальниками стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей. 4) Для полицейскихъ дѣлъ были особенные объѣзжіе головы, которыя должны были объѣзжать улицы и смотрѣть за порядкомъ; рѣшоточные головы должны были наблюдать за рѣшотками, которыми перегораживались по ночамъ улицы.

Въ то время низшіе органы управленія не были поставлены въ правильную зависимость отъ своихъ высшихъ; низшіе иногда сносились непосредственно съ Москвой, обходя своего мѣстнаго начальника.

Кромѣ этихъ постоянныхъ органовъ, были временно командируемы приказные по разнымъ причинамъ. Иногда мѣстные жители жаловались на воеводъ, что они не оберегаютъ ихъ отъ разбойниковъ, что они не смотрятъ за тѣмъ, чтобы бѣглыхъ не было и т. п. По такимъ жалобамъ посылались особые сыщики, которые должны были переловить всѣхъ воровъ, разбойниковъ и бѣглыхъ. Для переписи земель и городовъ посылались писцы сошнаго письма. Въ случаѣ неисправной доставки податей изъ Москвы посылались сборщики.

Назначались воеводы по государеву указу. Воеводскяа служба была очень выгодною, «корыстною» службою, а потому всегда было много просившихъ воеводскихъ мѣстъ. Получивъ челобитье о воеводствѣ, государь обыкновенно спрашивалъ въ Разрядномъ приказѣ, есть ли свободное воеводское мѣсто. При опредѣленіи воеводъ имѣли нѣкоторое вліяніе и просьбы мѣстныхъ жителей: они просили иногда, чтобы государь назначилъ къ нимъ такого-то; иногда, чтобы у нихъ оставленъ былъ прежній воевода, прослужившій свой срокъ. Но было при назначеніи и не мало злоупотребленій: нерѣдко эта должность покупалась у вліятельныхъ лицъ.

Служба воеводская была срочною, что̀ обусловливалось ея выгодностью. Обыкновенно срокъ службы былъ непродолжителенъ—годъ, два, иногда до трехъ лѣтъ. Назначая на воеводство, правительство имѣло въ виду, чтобы этою службою могли воспользоваться, по возможности, всѣ заслуженные люди, получившіе на войнѣ раны, бывшіе въ плѣну, въ осадѣ и т. п.

При назначеніи воеводы, ему давался наказъ, въ которомъ опредѣлялись его обязанности. Если же воевода посылался далеко и точно опредѣлить всю его дѣятельность, по незнанію всѣхъ мѣстныхъ условій, оказывалось невозможно, въ такихъ случаяхъ воеводѣ предоставлялось поступать и по усмотрѣнію.

Содержаніе органовъ приказнаго управленія въ XV и первой половинѣ XVI вѣка, помимо помѣстій и денежныхъ окладовъ, которые они получали въ качествѣ служилыхъ людей, состояло изъ судныхъ пошлинъ, которыя были очень значительны, и изъ приношеній жителей при пріѣздѣ намѣстника или волостеля и затѣмъ ежегодно въ три большихъ праздника (Рождество Христово, Свѣтлое воскресенье и Петровъ день). Размѣръ этихъ приношеній опредѣлялся въ наказныхъ спискахъ. При Іоаннѣ Грозномъ произошла въ этомъ отношеніи важная перемѣна; она была вызвана тѣмъ, что органы приказнаго управленія злоупотреб-

ляли своею властью и брали кормы не по указамъ, а гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ. Въ виду жалобъ на эти злоупотребленія, Иванъ Грозный отмѣнилъ намѣстничъ и волостелинъ кормъ; онъ перевелъ всѣ эти повинности на деньги и приказалъ взыскивать ихъ въ государеву казну. Но эта формальная отмѣна не уничтожила вѣками сложившагося обычая дѣлать приношенія приказнымъ людямъ. Эти приношенія, теперь уже добровольныя. получали воеводы и въ XVII вѣкѣ. Кормленіе перестало быть правомъ, но продолжало жить въ нравахъ. Имѣемъ указанія, что правительство не только знало, что воеводы получаютъ приношенія, но само принимало это въ соображеніе. При Алексѣѣ Михайловичѣ одинъ дворянинъ просилъ о воеводствѣ. Царь нашелъ нужнымъ дать ему мѣсто и сдѣлалъ запросъ Разряду: «есть ли свободный городъ, гдѣ бы можно было нажить 500 или 600 р.?». Ему отвѣчали, что есть такой городъ, Кострома. Царь далъ просителю Кострому. Проживши въ Костромѣ свой срокъ, воевода опять обратился къ государю съ новой просьбой о предоставленіи ему воеводскаго мѣста, говоря, что нажилъ всего 400 руб. Государь, видя, что онъ бралъ только то, что̀ ему добровольно приносили, а не вымогалъ, далъ ему лучшій городъ. Такимъ образомъ, и въ Москвѣ XVII вѣка быть воеводою значило кормиться.

Выборное управленіе

Вопросъ, насколько самоуправленіе общинъ было у насъ развито, весьма спорный. Нѣкоторые изслѣдователи (Бѣляевъ) думаютъ, что самоуправленіе было развито въ широкихъ размѣрахъ; другіе, наоборотъ, все управленіе считаютъ княжескимъ (приказнымъ) и отрицаютъ всякую самостоятельную дѣятельность общинъ.

Нѣкоторую долю самоуправленія общинъ необходимо признать, хотя мы и не можемъ точно выяснить ни пространства власти, ни предѣловъ вѣдомства общиннаго упра-

вленія. Что общины что-то дѣлали сами,—это доказывается тѣмъ, что онѣ имѣли своихъ выборныхъ органовъ, каковы старосты и сотскіе. Нашъ древнѣйшій юридическій памятникъ, Русская Правда, даетъ поводъ думать, что общинамъ принадлежала полиція безопасности. 19 статья древнѣйшей редакціи Русской Правды говоритъ: «А кто взыщетъ на друзѣ проче, а онъ ся запирати почнетъ, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣкъ...» Эти 12 человѣкъ, можетъ быть, были общинные судьи. Такихъ же общинныхъ судей надо, кажется, видѣть и въ 12 мужахъ, о которыхъ говоритъ Ярославовъ договоръ съ нѣмцами. Изъ другихъ источниковъ знаемъ, что и судъ княжескихъ чиновниковъ происходилъ въ присутствіи добрыхъ людей, т.-е. членовъ общины. Какъ они брались изъ общины и какая была ихъ роль на судѣ, объ этомъ источники умалчиваютъ. Памятники московской эпохи проливаютъ болѣе свѣта на этотъ вопросъ.

Съ участіемъ людей изъ народа на судѣ чиновниковъ съ самаго древняго времени встрѣчаемся и въ Западной Европѣ. Въ Германіи во главѣ суда стояли назначенные императоромъ чиновники (графы), но рѣшеніе произносили не они, а присутствовавшіе на судѣ люди изъ народа. Они встрѣчаются подъ разными наименованіями. Въ самое древнее время они назывались рахимбургами. Это названіе на латинскій языкъ переводилось словами boni homines, т.-е., это были добрые люди, какъ и у насъ. Позднѣе эти представители народа назывались скабини, изъ которыхъ потомъ образовались шёффены. Есть существенное различіе между рахимбургами и скабинами; рахимбурги были не постоянными судьями, а лицами, назначенными только для рѣшенія извѣстнаго дѣла; для каждаго дѣла они вновь избирались. Напротивъ того, скабини избирались не для рѣшенія одного только дѣла, а для того, чтобы въ теченіе извѣстнаго времени присутствовать въ судѣ при рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, какія въ это время въ данной мѣстности могутъ случиться. Назначеніе къ суду рахимбурговъ и скабиновъ не принадле-

жало исключительно ни народу, ни графу, а было результатомъ ихъ совокупнаго дѣйствія. Хотя германскіе источники и богаче нашихъ, но и въ нихъ не все ясно и изслѣдователи не по всѣмъ пунктамъ согласны. Но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что древній германскій судъ не былъ судомъ исключительно королевскихъ чиновниковъ.

Указаніе на участіе добрыхъ людей на судѣ нашихъ княжескихъ чиновниковъ находимъ въ договорѣ Мстислава съ Ригою отъ 1229 г., гдѣ читаемъ, что судъ происходитъ «передъ судьями и добрыми людьми». Не лишнее обратить вниманіе на нѣкоторыя народныя поговорки, ихъ можно объяснить тою ролью, которую добрые люди играли въ древности на судѣ: «оно такъ, да добрые люди скажутъ какъ?» или «кто добрыхъ людей не слушаетъ, тотъ Богу спорникъ» и т. п. Свойства добрыхъ людей опредѣлялись въ древности такъ: «добрые люди душою прямы, животомъ прожиточны».

Въ мелкихъ подраздѣленіяхъ княжествъ, сотняхъ, погостахъ или потугахъ встрѣчаемъ сотскихъ и старостъ. Эти два разныя наименованія служатъ для обозначенія одной и той же власти. Первое изъ нихъ заимствовано отъ древнѣйшаго военнаго дѣленія на сотни: второе же отъ свойства самыхъ лицъ, которыя избирались въ сотники или въ сотскіе: это были пожилые люди, старосты. Что сотскій и староста только разныя наименованія одной и той же власти, это ясно изъ жалованныхъ грамотъ XVI, XVII в., въ которыхъ сотскимъ и старостамъ усвояется совершенно одинакая дѣятельность.

Первоначальная дѣятельность сотскихъ, имя которыхъ образовалось совершенно аналогично съ именемъ тысяцкихъ, занимавшихъ первое послѣ князя мѣсто въ военной администраціи, относилась, главнымъ образомъ, къ этой послѣдней области. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ измѣненія въ составѣ войска и усиленія въ немъ княжескаго служилаго элемента насчетъ народнаго, военная дѣятельность сотскихъ и старостъ должна была значительно сократиться. Область

ихъ гражданскаго вѣдѣнія, насколько объ этомъ предметѣ можно составить понятіе по памятникамъ второй половины разсматриваемаго времени, составляли: 1) исполненіе разнаго рода натуральныхъ и денежныхъ повинностей, какъ, напр., сооруженіе городскихъ укрѣпленій, постройка дворовъ для князя, намѣстника и волостеля, нарядъ подводъ для княжескихъ ѣздоковъ,—дворовъ для ихъ остановокъ и ночевокъ, нарядъ людей для косьбы княжескаго сѣна,—въ помощь княжескимъ ловчимъ и проч.; сюда же относится сборъ и взносъ кормовъ намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ чиновникамъ, а также раскладка и сборъ всякихъ повинностей; во всемъ этомъ имъ помогали и особые выборные, цѣловальники; 2) мѣстная полиція; 3) присутствіе на судѣ княжескихъ чиновниковъ.

Сотскіе и старосты были выборные люди, а не назначались князьями или ихъ чиновниками [1]). О порядкѣ выборовъ и срокѣ выборной службы не сохранилось указаній.

Съ XVI в. находимъ болѣе извѣстій о выборномъ управленіи. Съ выборными людьми встрѣчаемся: 1) на судѣ намѣстниковъ и волостелей. По Судебнику 1497 г. эти приказные люди не должны были судить безъ старосты и лучшихъ людей. Другіе памятники говорятъ о присутствіи на судѣ сотскихъ и цѣловальниковъ. Какъ они назначались къ суду и какую играли на судѣ роль, это весьма спорно. Можно думать, что они выбирались мѣстными жителями; староста несомнѣнно выборный человѣкъ. Также находимъ достаточныя основанія думать, что они были не только свидѣтелями происходившаго или носителями права, но принимали участіе и въ самомъ рѣшеніи дѣлъ. Указы XVI в. за неправый судъ угрожаютъ смертною казнью не только излюбленнымъ старостамъ, но и присутствующимъ на ихъ судѣ цѣловальникамъ. Эти цѣловальники, значитъ, судятъ; заклю-

[1]) Что сотскіе и старосты были выборные люди, заключаемъ изъ того, что князья не называютъ ихъ «своими», какъ это они дѣлаютъ съ намѣстниками, волостелями и др. чиновниками, которыхъ назначали сами.

чаемъ, что то же значеніе принадлежало цѣловальникамъ и на судѣ приказныхъ людей. Но не можемъ утверждать, что такъ было всегда и вездѣ. Изданныя судныя грамоты постоянно приводятъ имена судныхъ мужей, бывшихъ на судѣ, но ни однимъ словомъ не намекаютъ на ихъ судебную дѣятельность. Въ Двинской лѣтописи говорится: до Никиты Пушкина (начало XVII в.) съ воеводами судили выборные, а этотъ воевода на судѣ быть имъ не велѣлъ.

2) Выборные люди вѣдали судъ въ качествѣ самостоятельныхъ судей, подъ именемъ излюбленныхъ старостъ, земскихъ судей, волостныхъ судеекъ. На ихъ судѣ также сидѣли цѣловальники, сотскіе, лучшіе люди. Что касается округа, въ предѣлахъ котораго они дѣйствовали, то это были городскія и сельскія общины. Излюбленные головы или земскіе судьи вѣдали судъ по судебникамъ вмѣсто намѣстниковъ и волостелей. Указаніе на такой выборный судъ встрѣчаемъ въ памятникахъ XVI в. Н. В. Калачевъ на основаніи имѣвшихся у него рукописей утверждалъ, что судъ выборныхъ судей въ XVII в. еще распространился въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на счетъ воеводскаго суда.

3) Судъ губныхъ головъ и цѣловальниковъ. На ихъ обязанности лежало преслѣдованіе лицъ, сдѣлавшихъ себѣ изъ разбоя ремесло. Они могли преслѣдовать и убійцъ, но только тѣхъ, которые совершали убійство съ цѣлью грабежа. Поджогъ съ цѣлью грабежа, пристанодержательство, храненіе и сбытъ награбленнаго также подлежали ихъ вѣдѣнію. Губной судъ принадлежалъ выборнымъ головамъ, старостамъ и цѣловальникамъ; для письменной части при нихъ состоялъ выборный дьякъ. Когда возникло губное управленіе? Губныя учрежденія возникли не по общему какому-нибудь указу, а въ силу отдѣльныхъ грамотъ, которыя давались тому или другому мѣсту. Вотъ почему и нельзя сказать, когда именно были введены губныя учрежденія и какъ далеко были распространены. Дошедшія до насъ губныя грамоты принадлежатъ къ первой половинѣ XVI в.; на этомъ основаніи нельзя еще утверждать, что губныя учрежденія не старѣе первой

половины XVI ст. Губныя учрежденія даются по просьбамъ мѣстныхъ жителей. Въ губныхъ грамотахъ прописываются мотивы, по которымъ правительство вводитъ губныя учрежденія. Въ одной изъ такихъ грамотъ (Бѣлозерской отъ 1539 г.) читаемъ: «Били намъ челомъ всякіе люди, что у нихъ разбойники села и деревни разбиваютъ, животы ихъ грабятъ, села жгутъ, на дорогахъ грабятъ и убиваютъ многихъ людей до смерти; а многіе люди у себя разбойниковъ держатъ, разбойничью рухлядь принимаютъ. И мы посылали къ вамъ обыщиковъ своихъ и отъ нашихъ обыщиковъ чинятся вамъ многіе убытки и волокиты съ ними велики». Въ заключеніи говорится: «Жалуемъ вамъ, позволяемъ самимъ обыскивать». Государево жалованье состояло въ томъ, что на жителей возлагалась обязанность ловить разбойниковъ, судить и казнить ихъ, а если не будутъ ловить, они должны были отвѣчать своимъ имуществомъ, которое шло на удовлетвореніе того, кто потерпѣлъ убытокъ отъ воровъ и разбойниковъ; кромѣ того, государь угрожалъ имъ опалою и смертною казнью за бездѣятельность.

Какъ выбираются губные органы, кто ихъ выбираетъ и кого выбираютъ? По отношенію къ этому вопросу нужно различать XVI в. отъ XVII. Даются губныя учрежденія по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ, и возникаютъ, слѣдовательно, только тамъ, гдѣ чувствуется въ нихъ потребность. Поэтому, первоначально губной округъ не могъ представлять сколько-нибудь единообразной единицы. Выборы производились тѣми лицами, которыя просили губныхъ учрежденій; если губныя учрежденія даны крестьянамъ или посадскимъ, они и производили выборы изъ своей среды; если въ составъ губы входили крестьяне, посадскіе и дворяне, выборы производились всѣми вмѣстѣ. Съ теченіемъ времени губныя учрежденія все болѣе и болѣе распространяются и округъ ихъ начинаетъ приближаться къ округу города съ уѣздомъ. Въ такихъ округахъ выборы также производятся всѣми вмѣстѣ. Особенность губныхъ выборовъ состоитъ въ томъ, что они всесословные. Это отступленіе отъ обыкно-

веннаго порядка вещей въ Московскомъ государствѣ. Отсюда можно, кажется, заключить, что губныя учрежденія возникли прежде, чѣмъ произошло сколько-нибудь замѣтное обособленіе сословій. Предписывается, обыкновенно, выбирать лучшихъ людей. Случалось, что и крестьяне избирали дворянъ.

Такъ происходили выборы въ XVI вѣкѣ. Въ XVII вѣкѣ наблюдается нѣкоторое измѣненіе. Цѣловальники и дьяки избираются только тяглыми людьми, посадскими и крестьянами и изъ ихъ среды; головы, попрежнему, избираются всѣмъ уѣздомъ.

Число избираемыхъ головъ не было опредѣлено: въ XVI в. оно доходило до десяти на округъ, а въ XVII в. отъ одного до трехъ. Головы, цѣловальники и дьяки выбирались единогласно; обыкновенно такъ и предписывается, чтобы выборные были избраны «всѣми за одинъ, чтобы впредь спору не было». О выборахъ пишется списокъ, который подписывается избирателями. Несмотря на то, что предписывалось выбрать всѣмъ вмѣстѣ, случалось, что избиратели расходились во мнѣніяхъ. Въ такихъ случаяхъ рѣшало правительство, кому быть въ головахъ, но все-таки предписывало «взыскать выборы» для того, чтобы впредь не было споровъ, т.-е. правительство требовало, чтобы всѣ избиратели руки свои приложили къ избирательному списку и чтобы назначенный разсматривался, какъ бы онъ былъ избранъ всѣми. Это надо объяснять слѣдующими причинами. Губные органы должны были платить убытки пострадавшимъ отъ разбоевъ, если не открывали разбойниковъ. Если они оказывались несостоятельными, взысканіе обращалось на всѣхъ избирателей. Понятно, что такое взысканіе не могло быть обращено на всѣхъ избирателей, если выборное лицо было избрано не всѣми, а только большинствомъ; меньшинство могло сказать: мы его не избирали. Чтобы предупредить это, правительство и приказывало «взыскать выборы». Этимъ избирательное начало совершенно извращалось; до такой степени мысль о рѣшеніи большинствомъ была чужда

сознанію людей того времени. Къ такому же точно взысканію выборовъ обращалось правительство и въ томъ случаѣ, когда, по его мнѣнію, выбранъ былъ ненадежный человѣкъ. Оно само назначало голову, а выборы все-таки приказывало взыскать. Самое участіе въ выборахъ было обязанностью, а не однимъ только правомъ. Отъ XVII вѣка мы имѣемъ указанія на существованіе особенныхъ принудительныхъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы всѣ являлись на выборы. Мѣры были оригинальны. Если не являлся на выборы мелкій человѣкъ, онъ наказывался заключеніемъ въ тюрьму на день или на два; а если не являлся крупный дворянинъ, то брали его людей и крестьянъ и держали ихъ въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не объявится.

Остановимся на вѣдомствѣ губныхъ учрежденій. Первоначально губныя учрежденія вѣдали только разбойныя дѣла, но, съ теченіемъ времени, кругъ ихъ вѣдомства расширяется. Въ XVII вѣкѣ они вѣдаютъ не только разбойныя дѣла, но и множество другихъ преступленій, хотя бы они въ связи съ разбоемъ и не состояли, а именно: поджоги, убійства, татьбу, совращеніе изъ православія, насилія, совершенныя надъ женщинами, непочтеніе къ родителямъ и т. п.; такимъ образомъ, губныя учрежденія, начавъ съ преслѣдованія разбойниковъ, получаютъ мало-по-малу въ свое вѣдѣніе большую часть уголовныхъ преступленій. Кромѣ этой судебной дѣятельности, губныя учрежденія несли и полицейскія обязанности. Они должны были наблюдать, чтобы не было грабежей и разбоевъ; если пріѣзжалъ кто-нибудь въ губу, они должны были навести справки, кто онъ, откуда, не воръ ли и т. п. Затѣмъ, на нихъ лежала нѣкоторая хозяйственная часть, которая находилась въ непосредственномъ отношеніи къ губному судопроизводству. Губныя учрежденія должны были имѣть тюрьму для пойманныхъ воровъ и разбойниковъ, должны были кормить ихъ, имѣть бумагу, чернила и т. п. Для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей они должны были сами собирать средства и сами ихъ расходовать. Средства

собирались большею частью натурою. Кромѣ того, съ разбойными дѣлами всегда соединялось розыскиваніе награбленнаго, а если награбленное не отыскивалось, то нужно было взять имущество разбойника и изъ него удовлетворить пострадавшихъ, а остальную часть имущества передать въ казну. Это было также дѣломъ губныхъ учрежденій; имущество разбойниковъ они должны были собрать, сохранить, оцѣнить, продать и изъ вырученной суммы удовлетворить пострадавшихъ, а остальную часть передать въ казну.

Этимъ не исчерпывалась еще дѣятельность губныхъ учрежденій. Иногда на губныхъ головъ, кромѣ уголовнаго суда, возлагался еще гражданскій судъ и нѣкоторыя административныя обязанности, какъ напримѣръ, сборъ доходовъ, преслѣдованіе корчемства. Въ отсутствіи воеводъ на нихъ переходили всѣ обязанности воеводъ.

Дѣятельность губныхъ учрежденій была отвѣтственная. Отвѣтственность лежала не на одныхъ только выборныхъ, но и на всѣхъ избирателяхъ. Въ случаѣ несостоятельности выборныхъ, взысканіе переходило на послѣднихъ.

По дошедшимъ грамотамъ видно, что къ губнымъ учрежденіямъ обращались въ томъ случаѣ, когда приказное управленіе было неудовлетворительно. Но и губныя учрежденія не всегда удовлетворяли избирателей. Встрѣчаемся съ жалобами мѣстныхъ жителей и на губныхъ головъ. Губные головы должны были держать воровъ въ тюрьмахъ и ставить при нихъ стражу изъ мѣстныхъ жителей, соблюдая при этомъ очередь, чтобы повинность эта распредѣлалась равномѣрно между всѣми жителями губы; а между тѣмъ, иной губной староста, поймавъ вора, ставилъ его въ обывательскій дворъ безъ очереди, заставлялъ хозяина двора кормить его и караулить, вымогая тѣмъ взятку. Случалось, что губные старосты научали воровъ и разбойниковъ оговаривать богатыхъ людей какъ своихъ соучастниковъ, опять для взятокъ. Можетъ быть, подобнаго рода злоупотребленія и были причиною того, что во второй половинѣ XVII вѣка

губные старосты были подчинены сыщикамъ. Это продолжалось, впрочемъ, недолго.

4) Послѣдняя форма участія выборныхъ въ управленіи есть ихъ участіе въ сборѣ доходовъ.

Наблюденіе за сборомъ окладныхъ доходовъ было дѣломъ воеводъ, а гдѣ ихъ не было, губныхъ старостъ. Самая же раскладка податей, ихъ собираніе и доставленіе куда слѣдуетъ, было дѣломъ мѣстныхъ жителей, и только въ томъ случаѣ, если они своевременно не отправляли въ Москву сборовъ, изъ Москвы посылались приказные люди для ихъ взысканія. Всякаго рода доходы собирались по раскладкѣ чрезъ посредство земскихъ старостъ, цѣловальниковъ, волостныхъ судеекъ.

Особую статью доходовъ составляли таможенные и кабацкіе сборы. Завѣдываніе ими поручалось также выборнымъ головамъ и цѣловальникамъ. Такъ какъ здѣсь дѣло касалось торговли, то выборы предписывалось производить изъ посадскихъ и торговыхъ людей. Изъ нихъ выбирались таможенные и кабацкіе головы; только цѣловальниковъ можно было выбирать и изъ уѣздныхъ людей. Выборы производились обыкновенно на годичный срокъ. Дѣятельность таможенныхъ головъ состояла въ устройствѣ самыхъ таможенъ, въ осмотрѣ и оцѣнкѣ товаровъ, сборѣ таможенныхъ пошлинъ и преслѣдованіи контрабанды. Еще болѣе сложной представляется дѣятельность кабацкихъ головъ. Они обязаны были не только вѣдать кабацкіе сборы, но курить вино, варить пиво и устраивать для того заводы, а для продажи кружечные дворы; хранить вино и пиво, и продавать.

Дѣятельность таможенныхъ и кабацкихъ головъ была отвѣтственною. По окончаніи службы они должны были везти въ Москву отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Этотъ отчетъ провѣрялся иногда годъ и больше, а головы все это время должны были жить въ Москвѣ. Неудобства этого порядка очевидны. — Всѣ недоборы взыскивались съ выборныхъ, а при ихъ несостоятельности отвѣчали избиратели.

Сбору доходовъ съ питей, таможенныхъ и другихъ

косвенныхъ налоговъ выборными людьми усвояется иногда наименованіе системы «вѣрнаго управленія». Это потому, что сборы отдаются на вѣру выборнымъ людямъ; имъ вѣрятъ, что они доставятъ въ государеву казну все то, что дѣйствительно получится. Но вѣра эта не была безусловная. Правительство принимало нѣкоторыя мѣры для предупрежденія злоупотребленій. Для того, чтобы мѣстные жители не могли войти въ стачки съ выборными сборщиками, выборы происходили иногда слѣдующимъ образомъ: въ Серпуховѣ избирали голову, а назначили его въ Коломну; въ Коломнѣ же избирали голову для Серпухова. Для того, чтобы сборщики не скрывали собранныхъ денегъ, предписанъ былъ такой порядокъ храненія ихъ: кабацкіе цѣловальники не имѣли права хранить деньги у себя за замкомъ, а имъ выдавался особый запертой ящикъ, куда долженъ былъ опускаться сборъ (въ родѣ копилки). Чтобы контролировать, весь ли сборъ съ вина былъ положенъ въ ящикъ, продавцамъ выдавали на руки извѣстное количество вина и сообразно съ этимъ количествомъ требовали вырученныхъ денегъ. Эта мѣра была очень обременительна для продавцевъ: была утечка и усушка вина; случалось, что при разливкѣ вина часть его проливалась, а недочетъ, какъ и за проданное, падалъ на выборныхъ. Это заставляло ихъ прибѣгать къ разнымъ уловкамъ, чтобы не приплачивать изъ своего кармана. Иногда впередъ опредѣлялось, сколько именно выборные люди должны были внести въ государеву казну извѣстныхъ сборовъ. Это опредѣленіе дѣлалось по средней оцѣнкѣ сборовъ за два или за три предшествовавшіе года. Въ этомъ случаѣ выборная система приближалась къ откупной и не заключала уже въ себѣ никакихъ элементовъ вѣры.

III. Войско

Разсмотримъ составныя части княжескаго войска, его управленіе и средства, обезпечивавшія его содержаніе.

Княжеское войско составлялось изъ народа, служилыхъ людей и иноземныхъ наемниковъ.

Въ составъ народнаго ополченія входили всѣ слои населенія, начиная съ лучшихъ людей или бояръ и оканчивая худшими или смердами. Такъ въ войскѣ Ярослава Владиміровича встрѣчаемъ смердовъ, а позднѣе въ войскѣ Игоря Святославовича упоминаются черные люди; наоборотъ, въ походѣ Всеволода Юрьевича на Черниговъ принимаютъ участіе новгородскіе мѣщане и купцы. При описаніи ночного нападенія Даніила Романовича на Бѣльзъ, читаемъ: «бояринъ боярина бралъ въ плѣнъ, смердъ — смерда, градъ — града» (т.-е. горожанинъ горожанина). На помощь къ Новому-городку изъ Пскова выступаютъ: «посадники, бояре и псковичъ немного» (т.-е. горожанъ въ тѣсномъ смыслѣ). Великій князь московскій Иванъ Васильевичъ посылаетъ изъ Москвы на Казань: «сурожанъ, суконниковъ, купчихъ людей и прочихъ всѣхъ москвичъ...»; подобно этому, новгородцы въ борьбѣ съ тѣмъ же княземъ выставляютъ противъ него: «купцевъ, житьихъ людей и мастеровъ всякихъ, плотниковъ и гончаровъ». Въ лѣтописяхъ весьма часты извѣстія объ оборонѣ городовъ горожанами, т.-е. всѣмъ городскимъ населеніемъ, еще чаще городское ополченіе обозначается общимъ именемъ: кіевлянъ, новгородцевъ, лучанъ, москвичей, галичанъ, вятчанъ и пр.

Участіе народа въ войскѣ князя условливалось или опредѣленіемъ вѣча, или личнымъ желаніемъ охотниковъ. Въ первомъ случаѣ вѣче во всемъ его составѣ нерѣдко обращалось въ войско. Если вѣче находило необходимымъ войну, оно же опредѣляло и самые размѣры военной повинности. Смотря по требованіямъ обстоятельствъ, тягость военной повинности была различна: самый высшій размѣръ ея составляло поголовное ополченіе; въ менѣе важныхъ случаяхъ къ участію въ войнѣ призывалась только часть населенія.

Право сходиться на вѣче, какъ мы уже видѣли, народъ удерживалъ за собой и во время похода.

Отказъ вѣча принять участіе въ предложенной княземъ

войнѣ не лишалъ еще послѣдняго всякой надежды на народное содѣйствіе: онъ могъ сдѣлать воззваніе къ охотникамъ и воевать съ ихъ помощью. Ипатьевская лѣт. подъ 1147 г. совершенно ясно различаетъ эти два случая. Когда кіевское вѣче отказало своему князю поднять руку на Владимірово племя, Изяславъ Мстиславичъ обратился къ кіевлянамъ съ такимъ воззваніемъ: «а тотъ добръ, кто по мнѣ пойдетъ!» и собралъ такимъ образомъ множество воиновъ. Но такія ясныя различенія весьма рѣдки. Въ большинствѣ случаевъ нельзя опредѣлить дѣйствительный характеръ народнаго ополченія. Надо, однако, думать, что война съ помощью народнаго войска, составленнаго изъ охотниковъ, была весьма обыкновеннымъ явленіемъ. Военная добыча составляла одинъ изъ главныхъ способовъ обогащенія въ древнѣйшее время, и охотниковъ повоевать, что̀ собственно равносильно понятію пограбить, было не мало, а потому князь, взывавшій къ охочимъ людямъ, едва ли оставался одинъ. Съ другой стороны, непосредственное обращеніе къ желающимъ воевать, помимо вѣча, имѣло и то удобство, что оно относилось къ однимъ только охотникамъ, которые и соединялись вокругъ князя, тогда какъ на вѣчѣ могла получить перевѣсъ партія, не расположенная къ войнѣ.

По мѣрѣ уничтоженія вѣчевыхъ порядковъ и сосредоточенія всей власти въ рукахъ князя, призваніе народа къ войнѣ становится исключительно правомъ послѣдняго.

Народное ополченіе не составляло постояннаго войска. Оно созывалось только на случай войны и распускалось по домамъ, какъ скоро война была кончена.

Второй видъ княжескихъ войскъ составляютъ служилые люди князя. Мы ознакомились уже съ разными наименованіями, которыми обозначался низшій разрядъ княжескихъ слугъ. Согласно съ послѣдовательнымъ измѣненіемъ этихъ наименованій въ войскахъ князя встрѣчаемъ: въ древнѣйшее время—отроковъ, дѣтскихъ; въ болѣе позднее—дѣтей боярскихъ и дворянъ. Высшій разрядъ служилыхъ людей также

принималъ непосредственное участіе въ составѣ княжескихъ войскъ.

Служилые люди, находясь неотлучно при князѣ или на его службѣ, составляютъ постоянное войско. Ко времени объединенія Москвы число такого войска достигло значительнаго развитія. По мѣрѣ возрастанія постояннаго войска, къ народному ополченію князья обращаются только въ случаяхъ особенной важности, какъ, напр., война съ Казанью, Новгородомъ и под.

Третій видъ войскъ составляютъ призываемые князьями въ помощь иностранцы—варяги, половцы, татары и проч.

Въ древнѣйшее время эти разные виды княжескихъ войскъ, взятые отдѣльно и въ соединеніи одинъ съ другимъ, назывались дружиной. Въ примѣръ обозначенія дружиной народнаго ополченія укажемъ на слова Ярослава Владиміровича, обращенныя къ новгородцамъ: «Заутра же,—говоритъ лѣтописецъ, — собравъ остатокъ новгородцевъ, Ярославъ рече: о люба моя дружина; юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобѣ (для войны съ Святополкомъ)». Подъ 1036 г. находимъ примѣръ обозначенія дружиной всего войска, изъ какихъ бы частей оно ни состояло: «Ярославъ выступи изъ града и исполчи дружину: постави варяги посредѣ, а на правой сторонѣ кыяне, а на лѣвомъ крылѣ новгородцы». Такимъ образомъ, народное ополченіе изъ кіевлянъ и новгородцевъ входитъ въ составъ дружины наравнѣ съ варягами. Кромѣ того, то же слово употребляется и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ для обозначенія однихъ только княжескихъ слугъ въ отличіе ихъ отъ другихъ составныхъ частей войска. Подъ 1024 г. читаемъ: «Мстиславъ же рече, кто сему не радъ? Се лежитъ сѣверянинъ, а се варягъ, а дружина своя—цѣла». Наконецъ, слово дружина обозначаетъ и отдѣльные разряды служилыхъ людей. Такъ, Владиміръ Святой созываетъ бояръ своихъ и старцевъ и, обращаясь къ мужамъ, которые были посланы имъ для изученія разныхъ религій, говоритъ: «скажите передъ дружиною». Здѣсь наименованіе дружиной помимо старцевъ градскихъ относится только

къ боярамъ князя, т.-е. высшему разряду его слугъ. Такое же словоупотребленіе находимъ и подъ 1169 г. Но иногда слово дружина употреблялось для обозначенія низшаго разряда слугъ и именно въ отличіе его отъ высшаго, которое въ такомъ случаѣ являлось подъ именемъ бояръ. Такъ подъ 1186 г. читаемъ: «а дружину Всеволожю повязаша, а жену его ведоша въ Рязань и бояръ его». Въ этомъ же смыслѣ надо понимать и мѣсто Лаврентьевской лѣтописи подъ 945 г.: «Рекоша дружина Игореви: отроци Свѣнельжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази»... Эта дружина, лишенная всего необходимаго и ставящая себя въ уровень съ отроками Свѣнельда, состояла, конечно, изъ самаго низшаго слоя княжескихъ слугъ.

Итакъ, слово дружина употребляется въ очень различномъ смыслѣ; оно служитъ даже для обозначенія всѣхъ воиновъ князя, къ какому бы роду людей они ни принадлежали. Но такъ какъ служилые люди князя принадлежатъ по преимуществу къ его сторонникамъ и друзьямъ, то, понятно, что всего чаще мы и встрѣчаемъ ихъ подъ этимъ именемъ.

Кромѣ дружины для обозначенія войска съ древнѣйшихъ временъ было употребительно слово «полкъ». Въ отличіе полковъ народныхъ отъ полковъ, составлявшихся изъ княжескихъ слугъ, первые назывались по городамъ, напр., кіевскій полкъ, новгородскій, бѣлозерскій и пр., вторые по князьямъ, напр., полкъ Изяслава, Юрія, Вячеслава и пр. Городовые полки назывались тысячами. Позднѣе для обозначенія войска вообще входитъ въ употребленіе слово «рать»; полкъ же встрѣчается только въ смыслѣ боевого подраздѣленія рати: большой полкъ или центръ арміи, сторожевой или авангардъ, правая и лѣвая рука.

Что касается до военнаго управленія, то завѣдываніе мѣстной обороной находилось въ рукахъ посадниковъ и намѣстниковъ, которымъ въ силу этого и усвоивалось наименованіе воеводъ. Подъ ихъ начальствомъ состояло не одно только мѣстное народное ополченіе; съ цѣлью усиленія

мѣстныхъ средствъ, въ ихъ распоряженіе предоставлялись иногда и особые отдѣлы изъ служилыхъ людей князя.

Центральное военное управленіе сосредоточивалось въ рукахъ самого князя и особыхъ чиновниковъ, извѣстныхъ подъ именами воеводъ и тысяцкихъ. Эти оба названія означаютъ собственно одну и ту же военную власть. На это указываютъ такія выраженія источниковъ, какъ, напр.: «воеводство держащю кіевскія тысяща Яневи». Такимъ образомъ, тысяцкій есть вмѣстѣ съ тѣмъ и воевода: первое наименованіе перенесено на него отъ военнаго дѣленія на тысячи, второе же отъ самаго рода его занятій. Но въ употребленіи этихъ терминовъ усматривается нѣкоторое различіе, условливаемое указаннымъ уже различіемъ въ составныхъ частямъ княжескаго войска. Слово воевода употребляется въ самомъ широкомъ смыслѣ: такъ называется всякій военачальникъ, какимъ бы разрядомъ княжескихъ войскъ онъ ни командовалъ, и на какое бы время ни былъ назначенъ. Болѣе въ тѣсномъ смыслѣ употребляется наименованіе тысяцкаго; такъ называются преимущественно начальники городовыхъ полковъ или тысячъ, откуда и возникло самое ихъ имя. Мы остановимся прежде на тѣхъ немногочисленныхъ свидѣтельствахъ источниковъ, которыя характеризуютъ должность тысяцкаго, и затѣмъ уже перейдемъ къ остальнымъ воеводамъ.

Должность тысяцкаго есть постоянная должность. Онъ назначался непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ извѣстный князь добывалъ себѣ извѣстный столъ, и независимо отъ того предстояла война или нѣтъ. Согласно съ этимъ характеромъ тысяцкихъ, какъ постоянныхъ чиновниковъ, источники сохранили указаніе на существованіе ихъ въ мирное время.

Назначеніе тысяцкаго принадлежало князю, такъ же какъ и увольненіе. Разъ назначенный, онъ являлся во главѣ городовыхъ полковъ во всѣхъ войнахъ, которыя велись въ теченіе его состоянія въ должности, безъ всякаго новаго назначенія, въ силу того, что онъ возведенъ въ званіе тысяцкаго.

Тысяцкій назначался для предводительства только тѣмъ народнымъ ополченіемъ, которое собиралось по опредѣленію вѣча. Согласно съ этимъ, если князь выступалъ на войну противъ воли вѣча, тысяцкій не слѣдовалъ за нимъ, а оставался въ городѣ. Должность тысяцкаго не могла пережить тѣхъ условій, которыя ее вызвали, т.-е. вѣча и зависѣвшихъ отъ него городовыхъ полковъ. Позднѣйшее указаніе на существованіе тысяцкихъ въ Москвѣ относится къ концу XVI в. Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1374 г. находимъ извѣстіе о кончинѣ послѣдняго московскаго тысяцкаго, Василія Васильевича Протасьева: эпитетъ «послѣдній» указываетъ на то, что по смерти Протасьева московскіе князья не назначали болѣе тысяцкихъ, и довольствовались воеводами. Значеніе этой перемѣны уяснится изъ того, что̀ будетъ сказано о воеводахъ.

Должность ратныхъ воеводъ не была постоянною: они назначались по мѣрѣ надобности, для предводительства въ извѣстномъ походѣ. Съ окончаніемъ войны, для которой они были назначены, сами собой прекращались и данныя имъ полномочія. Предводительству воеводъ поручались какъ служилые люди князя, такъ и охотники изъ народа. Число воеводъ было совершенно произвольное и исключительно зависѣло отъ усмотрѣнія князя, которому принадлежало ихъ назначеніе и увольненіе. Такимъ образомъ, учрежденіе воеводъ оставляетъ гораздо большую свободу князю, чѣмъ учрежденіе тысяцкихъ; въ этомъ различіи и коренится объясненіе только-что указаннаго уничтоженія послѣдней должности.

На подчиненіе однихъ воеводъ другимъ не находимъ указаній. Если для одной и той же войны князь назначалъ нѣсколько воеводъ, каждому изъ нихъ давался особый отрядъ войскъ и особое поле дѣйствія. Въ случаѣ же совмѣстнаго назначенія, по общему обычаю древней Россіи, они должны были руководствоваться началомъ единенія, дѣйствовать «за одинъ мужъ».

Въ должности воеводъ назначались—князья, бояре, мужи,

дѣти боярскіе окольничіе и пр. Должности тысяцкихъ, надо думать, поручались лучшимъ людямъ изъ мѣстныхъ бояръ.

Подъ тысяцкими стояли сотскіе, а подъ ними десятскіе.

Наши древнія войска вовсе не были знакомы съ требованіями правильной военной дисциплины: подчиненіе начальникамъ было далеко не безусловно. Воины сражались не столько по сознанію долга службы, сколько по охотѣ и воодушевленію, при отсутствіи которыхъ не было никакой возможности разсчитывать на успѣхъ дѣла.

Въ заключеніе необходимо остановиться на порядкѣ управленія военными силами въ тѣхъ случаяхъ, когда война велась не однимъ княземъ, а нѣсколькими союзниками вмѣстѣ. Въ древнѣйшее время, въ случаѣ соединенія нѣсколькихъ князей для одного общаго дѣла, каждый изъ нихъ удерживалъ начальство надъ принадлежащими ему войсками. Другая особенность состояла въ томъ, что князьямъ-союзникамъ совершенно чужда мысль объ учрежденіи главнаго начальника, которому принадлежало бы верховное распоряженіе надъ всѣми военными дѣйствіями. Князья-союзники дѣйствовали или по общему соглашенію или врознь, каждый за себя, кромѣ тѣхъ случаевъ, конечно, когда извѣстный князь подчинялъ себя волѣ другого князя. Въ лѣтописныхъ источникахъ встрѣчаемъ обычай — посылать одного изъ князей «ѣздить на переди». Ѣздить на переди значило ѣздить съ авангардомъ для предварительныхъ развѣдокъ. Для этой цѣли избирались князья «бодрые, дерзкіе и крѣпкіе на рать». Избраніе ихъ, какъ и всѣ другія распоряженія во время похода, зависѣло отъ соглашенія всѣхъ князей участниковъ. Съ тѣми же порядками встрѣчаемся и во времена позднѣйшія. Начало единства команды одинаково чуждо всѣмъ дошедшимъ до насъ княжескимъ договорамъ XIV и послѣдующихъ вѣковъ. Каждый изъ князей-союзниковъ, на основаніи этихъ договоровъ, удерживалъ за собою право команды своими войсками — лично или чрезъ посредство назначаемыхъ имъ воеводъ. При от-

сутствіи особыхъ статей, опредѣляющихъ порядокъ распоряженія союзными войсками, нѣтъ никакого основанія допустить подчиненіе одного союзника другому на случай похода, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ князей, въ договоры которыхъ не внесено никакого односторонняго ограниченія воли одного изъ договаривающихся въ пользу другого. Въ княжескихъ договорахъ встрѣчаемъ только опредѣленіе лица, подъ предводительствомъ котораго въ извѣстныхъ случаяхъ войска должны были выступать въ походъ. Изъ предъидущаго мы знаемъ, какое важное значеніе имѣло личное предводительство князя. А потому князья, выговаривавшіе въ свою пользу содѣйствіе другихъ князей, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляли и самые случаи, когда это содѣйствіе должно было быть оказываемо подъ личнымъ предводительствомъ ихъ союзниковъ. Случаи эти опредѣлялись различно: иногда союзники обязывались выступать лично въ походъ только тогда, когда выступалъ лично и самъ нуждающійся въ помощи; иногда они предоставляли ему право требовать ихъ личнаго участія въ войнѣ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ онъ оставался дома и вмѣсто себя высылалъ сына или воеводъ.

Въ договорахъ встрѣчаемъ еще одно частное опредѣленіе относительно назначенія воеводъ для московской рати. Такъ какъ Москва находилась въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ князей, то, естественно, между ними возникалъ вопросъ о правѣ назначенія воеводы въ эту общую рать. Въ договорѣ Боровскаго князя, Василія Ярославича, съ великимъ княземъ, Василіемъ Васильевичемъ, право это передано послѣднему. Гдѣ такого условія нѣтъ, надо предполагать назначеніе воеводы по общему соглашенію всѣхъ князей совладѣтелей.

Переходимъ къ вопросу о содержаніи войска. Постояннымъ содержаніемъ пользовалась только небольшая часть воиновъ—отроки, гриди, дворяне, словомъ, только тѣ, кто жилъ о дворѣ князя и на его счетъ. Источники не сохранили никакихъ подробностей о мѣрѣ и родѣ этого содержанія. Остальное войско въ вѣчевой періодъ не получало

постояннаго содержанія и вознаграждалось нѣкоторыми случайными выгодами войны, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ военной добычѣ.

По первоначальному взгляду, воевать — значило обогащаться добычею, брать въ плѣнъ людей, овладѣвать ихъ скотомъ и всякаго рода движимостями. Возможность легкаго обогащенія сильно привлекала народъ къ участію въ княжескихъ войнахъ. Битвы могло и не быть, но безъ грабежа дѣло не обходилось. Онъ начинался, обыкновенно, вмѣстѣ со вступленіемъ въ непріятельскую землю. Такъ, при описаніи похода Андрея Боголюбскаго на Новгородъ, читаемъ: «И пришедше только въ землю ихъ (новгородскую), много зла створиша (воины Андрея); села взяша и пожгоша и люди посѣкоша, а жены и дѣти и имѣнія взяша и скоты поимаша»... И все это—по отношенію къ мирнымъ жителямъ, которые не вошли въ составъ собравшагося въ Новгородѣ войска, а остались дома за своими обычными занятіями. Эти суровые обычаи войны объясняютъ слѣдующее извѣстіе лѣтописи о полочанахъ. Узнавъ о походѣ на нихъ смольнянъ и новгородцевъ, полочане такъ разсуждаютъ на вѣчѣ: «Не можемъ стати противу новгородцемъ и смольняномъ, аще пустимъ ихъ въ свою землю, то и миръ хотя съ ними будетъ, а зла много сдѣлаютъ намъ и землю нашу пусту сотворятъ: поидемъ къ нимъ на рубежъ». Этотъ характеръ войны не измѣнился и въ позднѣйшее время. Подъ 1382 г. читаемъ: «Не помнозѣхъ же дняхъ великій князь Дмитрій Ивановичъ посла рать свою на князя Олега Рязанскаго; князь же Олегъ самъ не въ мнозѣ людей убѣжа, а землю его до остатка пусту ратніи учинили, пуще ему бысть и татарскія рати». Война великаго князя Ивана Васильевича съ Новгородомъ описана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Братія же великаго князя всѣ съ многими людьми, кійждо изъ своея отчины, поидоша разными дорогами къ Новугороду, плѣнующе и жгуще и люди въ плѣнъ ведуще. Также и князя великаго воеводы тоже творяху, кійждо на свое мѣсто посланъ»; и далѣе: «Не токмо бо тѣ воевали,

кои съ великимъ княземъ и братіею его, но изо всѣхъ земель ихъ пѣшею ратью ходили на нихъ, а Псковская вся земля отъ себя ихъ же воевала». Вести такую войну значило «брать землю на щитъ». «Того же лѣта, — разсказываетъ лѣтописецъ подъ 1401 г. — на миру, на крестномъ цѣлованіи, князя великаго Василія повелѣніемъ, Анфалъ Микитинъ да Герасимъ Ростригa съ князя великаго ратью, наѣхавъ войною за Волокъ, и взялъ всю Двинскую землю на щитъ безъ вѣсти, въ самый Петровъ день, христіянъ посѣкли и повѣшали, а животы ихъ и товаръ поимали»... Конечно, не всѣ войны отличались одинаковой суровостью, но эта суровость лежала въ существѣ дѣла, условливалась особенностями тогдашней военной организаціи, а потому и составляетъ отличительную черту нашихъ древнихъ войнъ. Какъ скоро народъ всею своей массой переходилъ въ воиновъ, было трудно и опасно отличать мирныхъ жителей отъ немирныхъ и щадить жизнь и имущество первыхъ. Съ другой стороны, при маломъ развитіи государственнаго хозяйства, для продовольствія войскъ во время похода не существовало другихъ средствъ, кромѣ собственности непріятеля. Конфискація же ея только въ мѣрѣ, необходимой для обезпеченія продовольствія, была невозможна по отсутствію всякой дисциплины въ рядахъ княжескаго войска, и кромѣ того лишила бы войну всей ея привлекательности въ глазахъ народныхъ массъ. Согласно съ этимъ характеромъ нашихъ древнѣйшихъ войнъ, при выборѣ пункта для нападенія, князей занимали не столько стратегическія соображенія, сколько желаніе выбрать мѣстность, способную и прокормить воиновъ и обогатить ихъ полономъ. «Оже пойдемъ къ Новугородку, — думаютъ южные князья, Мстиславъ, Владиміръ и Юрій, во время похода на Литву, — а тамо уже татарове извоевали все, пойдемъ гдѣ къ цѣлому мѣсту!» Право дѣлать добычу принадлежало всѣмъ разрядамъ княжескихъ войскъ, безъ всякаго между ними различія: каждый воинъ пріобрѣталъ то, чѣмъ завладѣвалъ. Въ мирныхъ договорахъ князей находимъ статьи, которыми

военная добыча признается собственностью пріобрѣтателя. Исключенія дѣлаются только въ пользу плѣнныхъ, относительно которыхъ встрѣчаемъ условія о возвращеніи ихъ даже и въ томъ случаѣ, если бы они были уже кому и проданы. Въ мирный договоръ русскихъ князей, Даніила и Василька, съ польскими было внесено условіе, по которому обѣ стороны, въ случаѣ войны между ними, обязались не дѣлать плѣнниковъ.

Второй видъ вознагражденія воиновъ составляли единовременныя денежныя награды, которыя выдавались князьями и обыкновенно вслѣдъ за окончаніемъ извѣстной войны. Для этой цѣли назначались или собственныя суммы князя или особыя контрибуціи, которыя выговаривались съ побѣжденныхъ при самомъ заключеніи мира. Единовременныя награды выдавались всѣмъ воинамъ, безъ различія рода войскъ; но понятно, что дружина въ тѣсномъ смыслѣ, состоя постоянно при князѣ, имѣла гораздо болѣе случаевъ получать такія награды, а потому и обогащалась скорѣе. Лѣтописи отмѣтили имена нѣкоторыхъ князей, особенно щедрыхъ въ этомъ отношеніи. Такъ о Владимірѣ Глѣбовичѣ читаемъ: «И плакашася по немъ всѣ переяславцы, бѣ бо любя дружину, и злата не сбираеть, но доящеть дружинѣ».

Для продовольствія войска во время его переходовъ въ предѣлахъ собственнаго княжества встрѣчаемъ учрежденіе корма, какъ натуральной повинности, лежавшей на волостныхъ и городскихъ людяхъ. Древнѣйшее указаніе на кормъ относится къ XI вѣку. Въ договорныхъ грамотахъ князей встрѣчаемъ условія, которыми князья-союзники обязываются давать другъ другу кормъ при переходѣ ихъ войскъ чрезъ предѣлы союзнаго княжества. Согласно съ этимъ, встрѣчаемъ и учрежденіе особаго чиновника, обязанность котораго состояла въ наблюденіи за собираніемъ корма для продовольствія союзныхъ войскъ. Рядомъ съ обязанностью давать кормъ существовала обязанность отводить квартиры проходящимъ войскамъ, давать имъ подводы и проводни-

ковъ. Въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ встрѣчаются освобожденія отъ этихъ повинностей.

Обязанность всего населенія выставлять ратныхъ людей во время войны переходитъ и въ Московское государство. Въ крайнихъ случаяхъ дѣло, какъ въ древности, доходило до всенароднаго ополченія [1]). Но Москва пошла и далѣе. На высшіе классы населенія, на вотчинниковъ и помѣщиковъ она возложила обязанность поголовной военной службы. Всѣ, достигшіе 15-лѣтняго возраста, должны были нести военную службу и выводить съ собою съ своей земли опредѣленное количество воиновъ вооруженныхъ и съ запасомъ. Первый опытъ опредѣленія размѣровъ этой обязанности сдѣланъ царемъ Иваномъ. Онъ установилъ обязательную службу съ вотчинъ въ такомъ размѣрѣ: со 100 четвертей доброй земли надо было выставлять человѣка на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ, а въ дальній походъ на двухъ коняхъ. Кто уклонялся отъ исполненія такой обязанности, долженъ былъ платить деньги. Ее должны были нести всѣ вотчинники, какъ служилые люди, такъ и ихъ вдовы, дочери и церковныя учрежденія. Что это было такъ, подтверждается и указами начала XVII в., стоящими въ самой тѣсной связи съ распоряженіемъ Грознаго. Въ 1604 г. состоялось соборное опредѣленіе, въ которомъ говорится, что ратная повинность, установленная Грознымъ, «вельми тяжка», а потому на будущее время служилые люди, если сами не могутъ быть на службѣ по старости, болѣзни и проч., должны выставлять «холопа съ 200 четвертей съ конемъ и полнымъ доспѣхомъ». Тѣмъ, кто за ранами и увѣчьемъ получитъ отпускъ отъ службы, дается льгота: они въ теченіе двухъ лѣтъ могутъ не выставлять холоповъ. Такая же двухлѣтняя льгота дается и лицамъ женскаго пола, мужья и отцы которыхъ убиты на войнѣ или взяты въ плѣнъ. Духовныя

[1]) О всенародной ратной повинности подробнѣе говорится въ III т. Древностей, стр. 200—214.

учрежденія не пользуются никакой льготой. Если они не вышлютъ даточныхъ людей, или вышлютъ, но не въ полномъ доспѣхѣ, съ нихъ приказано взыскивать по 15 р. за человѣка, а людей все-таки взять и опредѣлить въ стрѣльцы. Это касается митрополитовъ, архіепископовъ, монастырей и проч. Довольно скоро, однако, правительство возвратилось къ прежнему размѣру ратной повинности. Въ указѣ Пожарскому отъ 1617 г. читаемъ: «А которые дворяне и дѣти боярскіе отъ службы отставлены... и съ тѣхъ съ отставныхъ и со вдовъ и съ недорослей... взяти даточныхъ людей со 100 четвертей по человѣку» [1]). Преосвященный Макарій въ своей исторіи церкви приводитъ фактъ сбора ратныхъ людей, пѣшихъ и конныхъ, даже не съ земли, а съ городовыхъ дворовъ новгородскаго духовенства для казанскаго похода въ 1545 году. Въ томъ же году были привлечены къ поставкѣ ратныхъ людей и всѣ крестьяне новгородскаго владыки. Не мало было случаевъ привлеченія къ ратной службѣ даже посадскихъ людей.

Служба помѣщиковъ и вотчинниковъ въ Московскомъ государствѣ была вѣчною, въ томъ смыслѣ, что они обязаны были служить до тѣхъ поръ, пока у нихъ хватало силъ. Правда, памятники говорятъ объ отставныхъ, но подъ этимъ словомъ нельзя разумѣть того, что подъ нимъ разумѣется теперь. Въ старину отставными были только тѣ, которые совсѣмъ не могли служить по болѣзни или по старости, или временно уволняемые отъ службы за ранами. Тѣмъ, которые по старости вовсе не могли служить, выдавалась особенная «память», въ которой говорилось, что имъ разрѣшается быть въ домахъ, а въ городскую службу ихъ не писать и ни въ какія посылки не посылать.

Рядомъ съ такимъ временнымъ войскомъ, народнымъ и дворянскимъ, въ Москвѣ было и постоянное, состоявшее

[1]) Это опредѣленіе размѣра военной повинности надо понимать въ смыслѣ опредѣленія общей ея нормы. Дѣйствительная же повинность могла весьма колебаться въ зависимости отъ хозяйственнаго положенія служилаго человѣка, которое, конечно, очень разнообразилось.

изъ разнаго рода людей, поступавшихъ въ стрѣльцы, солдаты и другіе разряды по вольному найму. Съ XVII в. начинаютъ вводить для этого вида войскъ иноземный строй. Въ 1607 году, по повелѣнію царя Василія Шуйскаго, было уже сдѣлано извлеченіе изъ иностранныхъ военныхъ книгъ съ цѣлью познакомить русскихъ съ новыми воинскими хитростями, коими хвалятся Италія, Франція, Испанія и другія западныя государства. Скопинъ-Шуйскій обучалъ уже состоявшія подъ его начальствомъ войска правильному строю по бельгійскому образцу. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ извлеченіе Шуйскаго было пополнено (Карамз. XII, 42, пр. 166).

Древнѣйшій видъ Московскаго постояннаго войска составляютъ стрѣльцы; подъ этимъ названіемъ они извѣстны со времени Ивана IV, но существовали раньше. При отцѣ Ивана Васильевича было уже два полка пищальниковъ, конный и пѣшій. Вольные люди поступали на службу за «поруками». Если поступившій убѣгалъ со службы, съ поручителя взыскивалось выданное ему оружіе и жалованье. Въ XVII в. встрѣчаемся съ рейтарскими и солдатскими полками: рейтары—конница, образованная на иностранный манеръ; начальниками ихъ были частью иноземцы: памятники говорятъ о ротмистрахъ, маіорахъ, а также о стольникахъ и дворянахъ.

Въ Московскомъ государствѣ встрѣчаемся еще съ системою поселенія по границамъ низшихъ разрядовъ служилыхъ людей. Это, напримѣръ, сторожевые пограничные казаки, служилое землевладѣніе которыхъ представляетъ нѣкоторыя особенности. Они надѣлялись очень небольшими участками, по 20 четвертей на человѣка, съ которыхъ должны были нести казачью рядовую службу. Но если они изъявляли желаніе нести станичную службу, имъ прибавляли къ прежней дачѣ еще по 30 четвертей. Съ этихъ 50 четвертей и небольшого денежнаго жалованья, по 3 рубля въ годъ, они должны были служить сторожевую станичную службу на двухъ коняхъ. Эти станичники, несмотря на небольшой надѣлъ, оказали Московскому государству большую пользу,

ограждая границы его отъ внезапныхъ набѣговъ и расширяя ихъ, постоянно передвигаяясь все далѣе и далѣе на югъ и востокъ. Любопытно, что ихъ станичная служба, даже въ концѣ XVI в., была вольная. Они обязаны были нести только рядовую казачью службу, а отъ станичной могли отказаться и въ этомъ случаѣ лишались прибавки, которая давалась новымъ охотникамъ.

Отъ этихъ поселенныхъ правительствомъ низшаго разряда служилыхъ людей, которые назывались казаками и солдатами, надо отличать малороссійскихъ и донскихъ казаковъ. О первыхъ была рѣчь выше, о вторыхъ скажемъ теперь. Донскіе казаки образовались изъ сброда всякаго рода вольныхъ и невольныхъ людей, бѣжавшихъ частью изъ Московскаго государства, частью изъ Польши и съ Востока—татаръ, калмыковъ и др. Всѣ недовольные общественными порядками уходили на Донъ. Они занимались тамъ грабежомъ купцовъ (на Дону перекрещивались торговыя дороги изъ Европы въ Азію) и воевали крымскихъ татаръ. Въ XVI в. они признали надъ собой власть московскаго государя и съ тѣхъ поръ составляютъ пограничное населеніе, бязанное защищать Московское огосударство. Они выговорили себѣ разныя привилегіи и преимущества, которыхъ нельзя было не дать, потому что въ противномъ случаѣ они не стали бы служить. Привилегіи состояли въ томъ, что они имѣли собственное управленіе, свой судъ, свое начальство (атамановъ) и сносились съ Москвою въ такихъ формахъ, какія приличествуютъ иностраннымъ державамъ. Они посылали въ Москву пословъ, а изъ Москвы посылались подарки всему Донскому войску. Несмотря на признаніе власти московскихъ государей, Донъ продолжалъ оставаться пристанищемъ недовольныхъ. Даже преступники, бѣжавшіе на Донъ, дѣлались свободными и безнаказными. Образовалась пословица: «Домомъ отъ всякихъ бѣдъ освобождаются» [1]).

[1]) Гораздо полнѣе объ организаціи военной службы въ Москвѣ говорится въ I т. Древностей, въ книгѣ третьей, стр. 619—688.

IV. Финансы

Для того, чтобы оріентироваться въ извѣстіяхъ нашихъ источниковъ о разныхъ видахъ княжескихъ доходовъ, надо установить какую-либо классификацію доходовъ. Наука финансовъ различаетъ двѣ большихъ группы государственныхъ средствъ. Первую составляютъ государственныя имущества, какъ напримѣръ, лѣса, земли, фабрики и тому подобныя, изъ доходовъ которыхъ государство можетъ удовлетворять своимъ потребностямъ; вторую—имущества частныхъ лицъ, подданныхъ, изъ которыхъ могутъ быть выдѣляемы части въ доходъ государства. Каждая изъ этихъ большихъ группъ, въ свою очередь, подраздѣляется. I. Государство, во-1-хъ, можетъ имѣть извѣстное имущество на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и частныя лица, т.-е. имѣть лѣса, земли (домены), фабрики и т. под. и пользоваться ими на правахъ частной собственности; во-2-хъ, оно можетъ обладать извѣстными источниками доходовъ въ качествѣ монополиста, устранивъ отъ обладанія ими всѣхъ своихъ подданныхъ; такъ, напр., владѣніе лѣсами, право охоты, горный промыселъ, соляной и пр. государство можетъ объявить своимъ исключительнымъ правомъ. Такой видъ государственныхъ имуществъ называется регаліями. II. Во второй группѣ по способу взиманія различаютъ: 1) пошлины—это сборъ, взиманіе котораго пріурочивается къ такимъ моментамъ, въ которые подданнные пользуются услугами правительства. Напр., государство отправляетъ судъ—и при этомъ беретъ пошлину съ цѣны рѣшенныхъ дѣлъ. Пошлины случайны и мало уравнительны. 2) Рзнаго вида налоги на имущества или доходы частныхъ лицъ. Способы взиманія этихъ налоговъ весьма разнообразны. Наука различаетъ косвенные и прямые налоги. Косвенные налоги падаютъ на потребленіе. Таковы, напримѣръ, всѣ акцизные сборы: съ табаку, вина, таможенные и пр. Они берутся съ продавца, но переходятъ на потре-

бителя. Прямые налоги берутся прямо съ имуществъ частныхъ лицъ, которыя для этой цѣли могутъ быть подвергнуты оцѣнкѣ, кадастру.

Терминологія нашихъ древнихъ памятниковъ отличается значительной долей неопредѣленности. Однѣ и тѣ же повинности обозначаются нерѣдко разными наименованіями.

Въ памятникахъ встрѣчается напримѣръ, слово «дань», и нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что вездѣ подъ нимъ разумѣется поземельная подать, т.-е. одинъ изъ видовъ прямыхъ налоговъ. Въ дѣйствительности, однако, подъ данью разумѣются всемозможныя подати; все, что дается въ пользу князя, называлось данью. Въ жалованныхъ грамотахъ читаемъ: «А не надобѣ ему ни которая моя дань: ни мытъ, ни мостовщина, ни коня кормить» и проч. Слово «пошлина» имѣетъ совершенно такое же общее значеніе, подъ нимъ также разумѣется и мытъ, и мостовщина, и кормъ коня. Въ жалованныхъ грамотахъ говорится: «Не надобѣ ни ямъ, ни подвода, ни мытъ, ни которая пошлина». Все, что пошло изъ старины, будетъ пошлиной. Далѣе въ нашихъ памятникахъ встрѣчается общее наименованіе «разметъ», которымъ обозначается также цѣлая масса повинностей, которыя взимаются путемъ раскладки между членами общины; подъ разметы подойдетъ и обязанность «коня кормить». Тѣ же повинности обозначаются словомъ «проторы»; вслѣдствіе платежа дани частное имущество терпитъ убытокъ,—отсюда всякая дань есть проторъ.

Разсмотримъ, какъ возникла впервые общая обязанность платить что-либо въ пользу власти. Всякій налогъ первоначально возникаетъ въ формѣ окупа, платы за миръ и спокойствіе сильнымъ сосѣдямъ съ тѣмъ, чтобы они не воевали, не нападали. Это дань. Наши древніе источники сохранили нѣсколько указаній на такой характеръ первоначальнаго возникновенія налоговъ. Одно изъ нихъ относится къ событіямъ IX в., а именно, лѣтопись говоритъ о томъ, какъ возникъ платежъ дани радимичей Олегу. Олегъ спрашиваетъ радимичей: кому вы платите дань, а тѣ отвѣчаютъ:

казарамъ. На это Олегъ говоритъ: не давайте казарамъ, а дайте мнѣ. Дѣйствительно, радимичи перестали платить дань казарамъ и начали платить ее Олегу. «И бѣ—продолжаетъ лѣтописецъ,—Олегъ обладая радимичами, а съ кривичи и сѣверцы имѣя рать». Такимъ образомъ, съ того времени, какъ радимичи стали платить дань Олегу, они были оставлены имъ въ покоѣ между тѣмъ какъ съ кривичами и сѣверянами Олегъ вступилъ въ войну, такъ какъ, надо думать, они не хотѣли платить ему дани. Мало того, что Олегъ не воевалъ съ радимичами, онъ долженъ былъ ихъ защищать, потому что, переставъ платить дань казарамъ, они могли подвергнуться съ ихъ стороны нападенію. Итакъ, по первоначальному своему возникновенію, дань является платою слабаго сильному: болѣе сильный нападалъ на слабаго, который, въ видахъ замиренія сильнаго, соглашался платить ему дань. Первая дань появляется въ формѣ окупа, иногда она дается совершенно добровольно (напр., радимичи соглашаются добровольно платить дань Олегу), а иногда по принужденію. Племена по необходимости должны были избирать одно изъ двухъ: или войну или платежъ дани, и избирали послѣднее, если платежъ дани былъ меньшимъ зломъ, чѣмъ война.

Все сказанное относится, главнымъ образомъ, къ возникновенію дани у покоренныхъ народовъ. Весьма вѣроятно, что первоначально только покоренные и платили дань. Но и тамъ, гдѣ князья водворялись мирно, было не мало основаній платежа повинностей въ пользу князя. Князь и здѣсь защищаетъ отъ враговъ, судитъ, поддерживаетъ спокойствіе и пр.

Перейдемъ къ обзору отдѣльныхъ видовъ доходовъ.

I. Были ли въ древнее время государственныя имущества, доходы съ которыхъ шли на удовлетвореніе общихъ государственныхъ потребностей? Трудно допустить, чтобы въ глубокой древности и въ видѣ общаго правила государственныя имущества отличались отъ имуществъ князя. Князья сосредоточивали въ своихъ рукахъ большія богат-

ства и доходы съ нихъ употребляли на общественныя потребности, которыя едва ли строго различали отъ своихъ личныхъ. Они содержали на эти доходы отроковъ, дѣтскихъ и защищали съ ихъ помощью волость. Но эти богатства составляли частную собственность князей, а не государственную ихъ княженій. Первое появленіе понятія государственнаго имущества надо, кажется, искать въ Новгородѣ. Новгородскіе князья не имѣли права пріобрѣтать недвижимыхъ имуществъ въ предѣлахъ новгородской волости. Но въ ихъ пользованіе изстари отводились особыя «пожни». Эти пожни не составляли собственности князя, а предоставлялись ему въ пользованіе, пока онъ занималъ новгородскій столъ. Такъ понимаемъ мы слова новгородскихъ договорныхъ грамотъ: «Тебѣ, княже, селъ не держати, ни купити, ни даромъ пріимати по всей волости новгородской... А пожне, княже, что пошло тебѣ и твоимъ мужамъ, то твое и твоихъ мужъ». Эти пошлыя пожни упоминаются какъ въ договорныхъ грамотахъ съ тверскими князьями, такъ и съ московскими; онѣ, надо думать, составляютъ собственность Новгорода, предназначенную для удовлетворенія потребностей княжескаго двора. Такое различіе государственныхъ имуществъ и лично княжескихъ могло быть и въ другихъ княженіяхъ вѣчевой эпохи; но въ Московскомъ государствѣ оно не наблюдается. Тамъ существуютъ только имущества, принадлежащія князю.

II. Есть изслѣдователи, которые думаютъ, что у насъ съ древнѣйшихъ временъ рыбная ловля, звѣриная и птичья охота составляла исключительное право князей; къ регаліямъ причисляютъ и соляной промыселъ; трудно допустить въ такое отдаленное время существованіе регалій. Регаліи являются гораздо позднѣе. У князей были «ловища» точно такъ же, какъ и у всѣхъ частныхъ лицъ; если князья владѣли чѣмъ-нибудь, то они владѣли на ряду съ частными лицами, а не исключительно. Древляне отвѣчаютъ княгинѣ Ольгѣ на ея требованіе о дани: «рады, будемъ платить медомъ и шкурами», это указываетъ на свободный промыселъ

звѣремъ и пчелами. Въ Русской Правдѣ есть нѣсколько статей, относящихся до охоты, но въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что охота составляетъ исключительное право князя. Указаній на регаліи въ разсматриваемое время не встрѣчается: каждый можетъ имѣть и бортныя угодья, и рыбныя ловли, и соляные промыслы; въ Новгородѣ встрѣчаемся даже со случаями ограниченія правъ княжеской охоты и рыбной ловли. Въ грамотѣ съ в. к. тверскимъ Ярославомъ читаемъ: «А на Озвадо ти, княже, ѣздити лѣтѣ звѣри гонить, а въ Ладогу, княже, ѣхати на третіе лѣто. А свиньи ти бити за 60 верстъ отъ города. А осетрьнику твоему ѣздити въ Ладогу по отца твоего грамотѣ».

Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ говорятъ, однако, что въ древнее время одинъ только князь былъ собственникомъ земли. Это мнѣніе впервые высказано Полевымъ въ его «Исторіи русскаго народа», а затѣмъ повторено, съ нѣкоторыми ограниченіями, Лакіеромъ въ его изслѣдованіи о помѣстьяхъ и вотчинахъ, профессоромъ Московскаго университета Морошкинымъ и друг. У насъ были случаи завоеванія волостей, но наши источники вовсе не даютъ повода заключать, чтобы при этомъ вся земля переходила въ собственность князей. Такой крупный фактъ, какъ полная экспропріація всей земельной собственности въ пользу князей, не могъ быть не замѣченъ лѣтописцами, не могъ не вызвать жалобъ и недовольства князьями. Нигдѣ не встрѣчаемъ, однако, указаній на какія-либо жалобы или неудовольствія; напротивъ, источники свидѣтельствуютъ, что принципъ княжеской власти пользовался большой популярностью, чего, конечно, не могло бы быть, если бы утвержденіе князя въ волости сопровождалось такимъ переворотомъ. Въ своемъ мѣстѣ были приведены указанія источниковъ, изъ которыхъ видно, что горожане были заинтересованы въ охраненіи волостныхъ земель отъ опустошеній непріятелемъ, и что князья, которые отказывались защищать эти земли, лишались даже стола. Это усердіе горожанъ въ

охраненіи волостныхъ земель было бы совсѣмъ непонятно, если бы земли, объ охраненіи которыхъ идетъ рѣчь, составляли собственность одного князя. Въ междукняжескихъ договорахъ встрѣчаемъ статьи, которыми князья взаимно обязываются не пріобрѣтать земель въ предѣлахъ чужого княженія. Это условіе не имѣло бы смысла, если бы всѣ земли принадлежали самому князю.

Регаліи появляются въ Московскомъ государствѣ; но ихъ далеко не такъ много, какъ нѣкоторые думаютъ. Была питейная регалія, но существованіе горной и звѣриной подлежитъ большому сомнѣнію. Питейная регалія состояла въ исключительномъ правѣ правительства варить пиво и медъ, курить вино и продавать ихъ. Частныя лица могли только въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользоваться правомъ приготовленія этихъ продуктовъ для себя (но не для продажи) и всякій разъ съ особаго дозволенія, которое не требовалось, кажется, только для дворянъ и дѣтей боярскихъ. Посадскіе и другіе черные люди могли варить пиво и курить вино только въ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, для свадьбы, испросивъ разрѣшеніе правительства. Несмотря на доходность этой статьи, правительство подъ вліяніемъ духовенства ограничивало иногда потребленіе вина. Вино запрещалось продавать въ великій постъ, въ успенскій, а въ другіе посты по средамъ и пятницамъ. Самое число часовъ продажи было ограничено: продажа вина начиналась не раньше, какъ спустя 3 часа послѣ восхода солнца, и оканчивалась всегда до захода солнца. Число кабаковъ также ограничивалось. По указу 1651 г. кабаки можно было устраивать только въ большихъ городахъ и въ большихъ государевыхъ селахъ, а въ помѣстныхъ и малолюдныхъ селахъ государевыхъ нельзя. Наконецъ, самый размѣръ продажи былъ ограниченъ, каждому человѣку дозволялось продавать только по одной чаркѣ вина; выпившіе чарку должны были уходить; сидѣть на кружечныхъ дворахъ и даже близко къ нимъ воспрещалось.

III. Пошлины. Этотъ родъ государственныхъ доходовъ

въ древнее время былъ очень развитъ, и мы встрѣчаемъ многіе виды сборовъ, относящихся къ этой категоріи.

1. Первое мѣсто между ними занимаютъ судебныя пошлины въ пользу органовъ суда. Первое опредѣленіе судебныхъ пошлинъ встрѣчается въ Русской Правдѣ. Она опредѣляетъ пошлины съ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Если дѣло о землѣ, то взимается 30 кунъ, а метельнику 12 векшъ, а со всѣхъ другихъ дѣлъ, кому помогутъ, по 4 куны. Это самое древнее опредѣленіе пошлинъ, но съ теченіемъ времени и въ особенности съ XIV и XV в. эти пошлины чрезвычайно возросли. Въ Москвѣ онѣ стали взиматься съ цѣны иска, между тѣмъ какъ по Русской Правдѣ, кажется, пошлины взимались съ дѣла, несмотря на его цѣну. По Двинской судной грамотѣ, которая относится къ концу XIV вѣка, бралась пошлина съ рубля полтина. Это громадная пошлина. По уголовнымъ дѣламъ также были весьма значительныя пошлины. Такъ, по Русской Правдѣ съ простой виры въ сорокъ гривенъ судья получалъ восемь гривенъ, а съ двойной виры, т.-е. восьмидесяти гривенъ, вдвое болѣе, 16 гривенъ. Если привлекаемый къ суду лишался свободы и его заковывали въ желѣза, брали «желѣзное». Здѣсь же упомянемъ и о штрафахъ уголовныхъ, составлявшихъ значительный доходъ княжеской казны.

Наибольшаго своего развитія судебныя пошлины достигаютъ въ XVI вѣкѣ. При взиманіи пошлины съ гражданскихъ дѣлъ обращали вниманіе на то, какимъ образомъ окончилось дѣло: миромъ или поединкомъ. Самая меньшая пошлина бралась въ томъ случаѣ, когда стороны до постановленія окончательнаго рѣшенія заключали мировую сдѣлку (этимъ хотѣли поощрить мировыя сдѣлки): въ случаѣ мира бралось 10 денегъ съ рубля, т.-е. 10% съ обѣихъ сторонъ вмѣстѣ. Это была уже весьма высокая пошлина. Самый большой размѣръ пошлины взимался въ томъ случаѣ, когда стороны оканчивали дѣло поединкомъ: въ пользу судьи брали столько же, сколько получалъ истецъ, «противень противъ истца». Когда дѣло оканчивалось рѣшеніемъ суда

безъ поля, то брали 1/4, а иногда 1/3 цѣны иска. Пошлины съ уголовныхъ дѣлъ также получили въ XV и XVI вв. большое развитіе; въ случаѣ душегубства, все имущество виновнаго, за исключеніемъ части, которая шла въ пользу пострадавшихъ, поступало въ пользу судьи. Конфискація всего имущества въ пользу судьи, а не князя, можно думать, возникла гораздо раньше XV вѣка, Затѣмъ идутъ пошлины въ пользу ѣздоковъ и позовниковъ: они получали за вызовъ отвѣтчика въ судъ. Если они ходили пѣшкомъ, то имъ платили хоженое, а если ѣздили—ѣздовое. Размѣръ этихъ пошлинъ зависѣлъ отъ разстоянія: чѣмъ дальше было разстояніе, тѣмъ бо̀льшую получали они пошлину. Они же получали желѣзное, если надо было кого заковать въ цѣпи. Во второй половинѣ XVI в. происходитъ значительное уменьшеніе размѣра судныхъ пошлинъ, а въ XVII в. значеніе ихъ еще болѣе падаетъ. Уложеніе перечисляетъ еще довольно много видовъ этихъ пошлинъ, но онѣ далеко не достигаютъ тѣхъ размѣровъ, какіе имѣли въ XVI вѣкѣ.

2. Пошлина съ брака. Эта пошлина платилась при заключеніи брака, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ властямъ. Епископъ получалъ особый сборъ за то, что выдавалъ священнику вѣнечную память, въ которой предписывалось ему произвести обыскъ и повѣнчать. Въ пользу намѣстниковъ и волостелей шли пошлины подъ названіемъ выводной куницы. Размѣръ этой пошлины зависѣлъ отъ того, выдавалась ли невѣста въ другую волость того же княженія или за рубежъ, т.-е. въ другое княженіе. Если ей приходилось остаться въ томъ же княженіи, но перейти въ другую волость, то волостель получалъ алтынъ за выводную куницу; а если ей надо было выѣхать за рубежъ, то волостелю платилось два алтына. Съ брака платилась пошлина и владычному десятиннику, онъ получалъ убрусъ—полотенце; эта пошлина прежде платилась натурой, но потомъ ее перевели на деньги и владычный десятникъ сталъ получать три деньги.

3. Дорожная пошлина взималась при переправѣ черезъ мосты, рѣки и проч. Въ древнее время мосты и переправы устраивались частными лицами, которыя и получали доходъ за пользованіе ими. Это не обходилось безъ злоупотребленій, которыя особенно невыгодно отражались на низшемъ классѣ населенія.

Злоупотребленія, которыя соединялись со сборомъ этой пошлины, привели къ тому, что взиманіе ея было взято правительствомъ въ свои руки, а затѣмъ и вовсе отмѣнено. Въ 1594 г., въ царствованіе Θеодора Іоанновича, былъ изданъ указъ, которымъ предписывалось взимать мыто на государя; но половина этого сбора отдавалась владѣльцамъ. Едва ли этотъ указъ вездѣ исполняли. По Уложенію, сборъ этой пошлины дозволяется только тому, кому онъ былъ предоставленъ жалованными грамотами. Съ лицъ, которыя возвращались обратно, брать пошлины было не дозволено. Служилые люди и ихъ запасы были вовсе освобождены отъ платы дорожныхъ денегъ. Въ 1654 г. послѣдовало общее запрещеніе брать проѣзжія пошлины.

4. Пошлина съ мѣръ и вѣсовъ. Первоначально наблюденіе за мѣрой и вѣсами было предоставлено духовенству; у него на храненіи находились и образцовые вѣсы и мѣры. Позднѣе это охраненіе мѣръ и вѣсовъ переходитъ въ руки свѣтской власти. Имѣемъ указаніе отъ XV в., что князья отсылали печатныя мѣры старостамъ и цѣловальникамъ. При взвѣшиваніи бралась пошлина, которая называлась «пудъ» или «пудовое», съ мѣры сыпучихъ тѣлъ брали помѣрное или передмѣръ. Размѣръ этой пошлины былъ значителенъ и вовсе не сообразовался съ трудомъ вѣсовщика и съ издержками на исправное содержаніе вѣсовъ. Такъ мы имѣемъ указанія отъ XII в. о доходѣ съ вѣса воску, который (доходъ) подарилъ князь Всеволодъ Мстиславичъ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ. Вѣсовщикъ, свѣся 20 пудовъ, получалъ 1/2 гривны серебра. Помѣрная пошлина была сравнительно меньше, такъ, напр., за перемѣрку воза бралось двѣ деньги.

5. Писчая пошлина бралась въ пользу писца, что-либо записывавшаго по своей должности. Она бралась во многихъ случаяхъ. Покупалась, напр., лошадь: покупка записывалась въ особую для того книгу (вписывалось имя лица, которое купило, примѣты лошади, цвѣтъ шерсти и т. д.) и на лошадь клалось клеймо; писецъ, вписывавшій все это къ книгу, и получалъ писчую пошлину, 1/2 деньги. Если покупался рабъ, размѣръ пошлины былъ значительно больше, а именно, шесть денегъ, алтынъ.

6. Явка бралась въ томъ случаѣ, когда надо было что-нибудь объявить органамъ управленія. Купецъ, привозившій товаръ, долженъ былъ явиться къ установленной власти и объявить, что онъ пріѣхалъ изъ такого-то мѣста и привезъ такой-то товаръ; это заявленіе записывалось и съ купца бралась явка. Размѣръ явки зависѣлъ отъ того, откуда пріѣхалъ купецъ. Если это былъ мѣстный житель, съ него брали сравнительно маленькую пошлину, а если онъ пріѣзжалъ издалека, то платилъ больше. Если пріѣзжій купецъ не все привезенное продалъ и долженъ былъ съ товаромъ ѣхать обратно, онъ былъ обязанъ снова явиться и заплатить новую явку. Явка бралась также и во многихъ другихъ случаяхъ. Князь, напр., давалъ жалованную грамоту, которою освобождался кто-либо отъ какихъ-либо повинностей; въѣзжаетъ къ нему въ имѣніе сборщикъ и требуетъ себѣ помѣщенія, подводъ и т. под. Владѣлецъ говоритъ, что имѣетъ льготную грамоту, которая тутъ же и предъявляется, а за явку грамоты дается пошлина. Судья, пріѣзжавшій въ деревню, освобожденную отъ суда, также получалъ явку.

IV. Послѣдній отдѣлъ составляютъ налоги прямые и косвенные. а) Разсмотримъ первоначально косвенные налоги. Съ видами такихъ налоговъ встрѣчаемся съ древнѣйшаго времени. Но такъ какъ наша система косвенныхъ налоговъ съ татарскаго нашествія подверглась измѣненію, то весьма трудно выдѣлить, что̀ явилось подъ вліяніемъ татаръ, что̀ свое.

Несомнѣнно своимъ сборомъ надо считать мытъ. Съ мытниками, по лѣтописи, мы встрѣчаемся еще до пришествія татаръ. Мытъ—это древнѣйшее наименованіе торговаго налога; оно есть уже въ Русской Правдѣ, гдѣ упоминается о мытникахъ на рынкахъ, при которыхъ совершались всякія торговыя сдѣлки. Въ 45 ст. III ред. говорится, если кто-нибудь купилъ что̀ краденое: коня ли, платье или скотину, то пусть выведетъ два свободныхъ мужа или мытника, которые подтвердятъ, что онъ дѣйствительно купилъ, а не укралъ. Итакъ, мытникъ необходимое въ торговлѣ лицо, потому, конечно, что при всякой продажѣ бралось мыто. Мыто взималось, кромѣ того, по дорогамъ, гдѣ были устроены заставы для сбора. Для ограниченія мѣстъ сбора мыта, въ нѣкоторыхъ княжескихъ договорахъ встрѣчаемся съ такимъ условіемъ: «а новыхъ мытовъ тебѣ, княже, не заводити». Сборъ мыта иногда подавалъ поводъ къ злоупотребленіямъ. Такъ, отъ XVI в. встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что мыто бралось даже при провозѣ тѣла мертваго еврея, и сколько бы заставъ съ нимъ ни проѣзжали, при всякой брали мыто; въ грамотѣ, въ которой находится это извѣстіе, сборъ съ мертвыхъ тѣлъ былъ запрещенъ. Относительно размѣра, въ которомъ бралось мыто, указаній не имѣемъ.

Затѣмъ встрѣчаемся съ выраженіемъ: «мытъ и костки». Думаютъ, что костки есть дополненіе къ мыту, которое бралось при провозѣ товара; мыто съ товара, а костки съ проводника, который шелъ при товарѣ. Отъ XIII в. сохранилось указаніе, что съ воза брали двѣ векши.

Гостинный, дворовый, амбарный сборъ. У насъ въ старину отводились для торговли особыя мѣста, гдѣ товары и продавались. Эти мѣста назывались гостиными дворами. Они были устроены для облегченія надзора за продажею. При складѣ товара въ устроенное для этого мѣсто брался гостинный сборъ, который иначе назывался амбарнымъ, въ размѣрѣ одной деньги съ торговца, а иногда и до трехъ, если торговцевъ было много и спросъ на мѣста былъ великъ.

Затѣмъ имѣемъ указанія на нѣкоторые спеціальные сборы съ продажи извѣстныхъ товаровъ, напр., съ соли, съ продажи лошадей и пр. На сборы съ соли имѣемъ указаніе отъ XII в.: на морѣ отъ чрена и отъ салги брали по пузу. На морѣ, т.-е. на морскомъ берегу, гдѣ выдѣлывалась соль; чренъ — сковорода, на которой вываривалась соль, теперь цирена; салга — котелъ, въ которомъ варили соль; пузо — мѣра, которая и теперь встрѣчается; теперь она равна двумъ четверикамъ; какъ была она велика въ то время— неизвѣстно. Съ рогатаго скота брали «роговое» при продажѣ, въ количествѣ трехъ денегъ. При продажѣ раба брали шесть денегъ.

Со времени завоеванія Русской земли татарами есть основаніе думать, что мыто при торгахъ замѣнилось тамгой, но при проѣздахъ все еще продолжали брать мыто. Слово тамга употреблялось вообще для означенія всѣхъ торговыхъ сборовъ, а кромѣ того имѣло и спеціальное значеніе. Спеціально тамга означала сборъ, который брался со стоимости товара, по особой оцѣнкѣ, которая дѣлалась по привозѣ товара, прежде еще, чѣмъ онъ былъ сложенъ: это чисто татарскій обчыай [1]). Размѣръ тамги сообразовался съ тѣмъ, откуда привезенъ товаръ, и если товаръ привозилъ кто-нибудь изъ мѣстныхъ жителей, то тамга бралась въ самомъ маломъ размѣрѣ, а именно $^1/_2$ деньги съ рубля; а съ пріѣзжихъ изъ другого княженія бралось больше, до четырехъ денегъ. Въ памятникахъ говорится, что иногда брали тамгу съ осмничимъ—это высшая мѣра тамги, она доходила до шести денегъ съ рубля и, конечно, возвышала значительно цѣну товара. Въ обширномъ смыслѣ тамгою называются всѣ сборы, которые брались съ торговли: пудъ, вѣсчее, явка, гостиный сборъ, при провозѣ, вывозѣ, продажѣ, складкѣ товара и т. п.

Къ косвеннымъ налогамъ относятся и еще нѣкоторые

---

[1]) См. статью профессора нашего университета Березина «Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева», помѣщенную въ восточномъ отдѣленіи «Записокъ Археологическаго Общества», т. 2.

другіе сборы. Такъ, напр., торгующій лѣсомъ обязанъ былъ платить «поплашное» (отъ слова плаха); торгующій мясомъ платилъ «поштучное» и т. п. Такимъ образомъ, торговля была обложена у насъ множествомъ мелкихъ сборовъ, которые сопутствовали продавца на каждомъ шагу. Это крайнее неудобство проходило черезъ всю древнюю Россію и только въ концѣ московскаго времени, по просьбѣ торгующихъ людей, эта масса сборовъ была замѣнена единымъ налогомъ.

Въ московскихъ памятникахъ встрѣчаемъ великое разнообразіе торговыхъ сборовъ. Подробное перечисленіе ихъ содержится въ таможенныхъ грамотахъ, которыя сохранились въ большомъ количествѣ. Эти таможенныя грамоты, рядомъ съ косвенными налогами, перечисляютъ также разнаго рода сборы, которые подходятъ подъ понятіе пошлины, какъ, напр., явка, пятно и др. Къ торговымъ сборамъ относятся: тамга и мытъ, какъ дополненіе къ тамгѣ; въ памятникахъ говорится «за мытъ къ тамгѣ» или «мытъ къ тамгѣ»; «восмничее» или возмничее (бралось съ покупщика, а тамга съ продавца); «привязная» бралась за право привязывать на торгахъ скотъ къ особо устроеннымъ для этого привязямъ; свальное, подъемное и др. Сборы съ торговли брались съ продавца и съ покупателя, при привозѣ и при вывозѣ товаровъ, при нагрузкѣ и при разгрузкѣ и т. п. Въ одной грамотѣ встрѣчаемъ слѣдующее перечисленіе сборовъ съ соли: «А кто привезетъ въ Гороховецъ иногородецъ соль на продажу и учнетъ продавать, и таможенникамъ у нихъ имати тамги съ рубля по 4 гривны, за мытъ съ рубля по одной деньгѣ, вѣщаго съ рубля по 1 деньгѣ, да свальнаго съ 10 пудовъ деньгу, подъемнаго съ конца по $1^1/_2$ деньги, да привозу съ мѣху по одной деньги, да явки съ человѣка по 2 деньги, да рукознобнаго со ставу по 2 деньги». Вотъ какую массу разныхъ сборовъ надо было уплатить тому, кто желалъ продать хотя бы десять пудовъ соли. Размѣръ, въ которомъ брались эти сборы, былъ крайне разнообразенъ: онъ опредѣлялся или съ цѣны или со штуки (когда

продавался скотъ или мясо). Наибольшій размѣръ сбора съ цѣны была гривна съ рубля.

Управленіе сборомъ съ торговъ происходило или чрезъ посредство выборныхъ лицъ, или чрезъ откупщиковъ; иногда встрѣчаемся и съ 3-мъ способомъ, а именно, государи дарили сборъ тамги въ извѣстномъ мѣстѣ монастырямъ; этотъ даръ давался «за милостныя деньги», какъ говорилось въ памятникахъ, т.-е. взамѣнъ тѣхъ денежныхъ выдачъ, которыя давались монастырямъ для раздачи бѣднымъ, а иногда и въ видѣ платы за молебны, которые монастыри должны были служить.

Какъ выборные органы, такъ и откупщики и монастыри должны были сбирать пошлины на основаніи таможенныхъ грамотъ, въ которыхъ размѣръ и случаи, когда нужно было взимать, были опредѣлены.

Описанный крайне неудобный порядокъ былъ измѣненъ въ 1667 г. Новоторговымъ уставомъ, который вмѣсто разнообразія мелкихъ поборовъ установилъ одинъ общій сборъ съ торга, 10 денегъ съ рубля, которыя обыкновенно взимались съ продавца при продажѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ сборъ взимался въ два пріема, по 5 денегъ за разъ: первыя 5 ден. брались съ покупщика при покупкѣ, а вторыя съ того же лица при продажѣ имъ купленнаго товара. Это раздвоеніе сборовъ имѣло мѣсто по отношенію къ тѣмъ торговымъ людямъ, которые пріѣзжали на рынокъ не съ товарами, а съ чистыми деньгами для закупки товара; но и въ этомъ случаѣ для нихъ не было обязательно заплатить при покупкѣ непремѣнно 5 денегъ, они могли и ничего не платить, но тогда при продажѣ должны были уплатить разомъ 10 денегъ съ рубля. Ежели же они уплачивали 5 денегъ при покупкѣ, то въ удостовѣреніе этого получали квитанцію, которую и предъявляли при продажѣ въ доказательство того, что съ нихъ надо взять только половину сбора.

Новоторговый уставъ касается еще торговли иноземцевъ и вноситъ нѣкоторое ограниченіе въ права ихъ розничной продажи. По Новоторговому уставу розничная торговля въ

Москвѣ и городахъ была запрещена иноземцамъ. Иноземные торговые люди могли торговать только съ мѣстными торговцами, а не съ пріѣзжими; только торговые люди Москвы имѣли въ этомъ отношеніи привилегію,—они могли торговать съ иноземцами, гдѣ бы съ ними ни встрѣтились.

б) Прямые налоги. Эти налоги взимались очень различно: частью деньгами, частью натурою и службою. Подробности объ отдѣльныхъ видахъ прямыхъ налоговъ и порядкѣ обложенія изложены въ III т. Древностей стр. 164—384.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Литература

Эверсъ. Das älteste Recht der Russen. 1826.

Рейцъ. Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ. 1836.

Иванишевъ. О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою. 1839.

Тобинъ. Die Blut-Rache. 1840.

Поповъ. Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву. 1841.

Максимовичъ. О развитии идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства. 1845.

Семеновскій. О характерѣ уголовнаго законодательства извѣстнѣйшихъ древнихъ народовъ и отечественнаго—русскаго. 1845.

Тобинъ. Взглядъ на основныя начала русскаго уголовнаго законодательства съ древнѣйшихъ временъ до уложенія о наказаніяхъ 1845 г., перев. съ нѣм. 1847.

Деппъ. О наказаніяхъ до царя Алексѣя Михайловича. 1849.

Станиславскій. Изслѣдованіе началъ огражденія имущественныхъ отношеній въ древнихъ памятникахъ русскаго законодательства. 1855 (въ юрид. сбор. Мейера).

Богдановскій. Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго. 1857.

Ланге. О наказаніи и взысканіи за безчестье по древнему русскому праву. 1859. Ж. М. Н. Пр., № 6.

Ланге. Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды. 1860.

Калачовъ. Дополненіе къ разсужденію Деппа. 1861. Арх. ист. и юридич. свѣд., кн. Ш.

Мстиславскій. О поклепной вирѣ, или понятіе объ обвинительномъ процессѣ. 1861. Юрид. Жур., № 5.

Чебышевъ-Дмитріевъ. О преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву. 1862.

Неклюдовъ. Добавленія по исторіи русскаго уголовнаго права къ переводу учебника уголовнаго нрава Бернера. 1865.

Шпилевскій. Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ. 1866.

Губе. Historya prawa karnego ruskiego. 1870.

Ведровъ. О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ. 1877.

Калачовъ. Уголовное право по Судебнику царя Ивана Васильевича. Юрид. сборн. Рѣдкина. 1842.

Линовскій. Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ уложеніи Алексѣя Михайловича. 1847.

Колосовскій. Вмѣненіе смертоубійства по уложенію царя Алексѣя Михайловича. Арх. ист. и практ. свѣд. кн. 3, 1859.

Власьевъ. О вмѣненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права. 1860.

Таганцевъ. О повтореніи преступленій. 1867.

Кистяковскій. Изслѣдованіе о смертной казни. 1867.

Шалфѣевъ. Уставная книга Разбойнаго приказа. Изслѣдованіе. 1868.

Соколовскій. Beitrag zur Lehre von den Eigenthumsverbrechen nach der Уложеніе 1649 г. 1868.

Фойницкій. Мошенничество по русскому праву. 1871.

Таганцевъ. Курсъ русскаго уголовнаго права. 1874—1880.

Тальбергъ. Насильственное похищеніе имуществъ по русскому праву (разбой и грабежъ). Историко-догматическое изслѣдованіе, 1880.

Бѣлогрицъ-Котляревскій. О воровствѣ-кражѣ по русскому праву. 1880.

Сергіевскій. Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в. 1888.

Загоскинъ, Н. П. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань. 1892.

Демченко. Наказаніе по Литовскому статуту въ его трехъ редакціяхъ (1529, 1566, 1588). 1894.

Малиновскій, І. Ученіе о преступленіи по Литовскому статуту. Кіевъ. 1896.

Тимофеевъ. А. Г. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. Спб. 1897.

Есиповъ, В. В. Преступленіе и наказаніе въ древнемъ правѣ. Варшава. 1903.

Ясинскій, М. Н. Село и вервь Русской Правды. Кіевъ. 1906.

I. Преступленіе

Понятіе о преступленіи въ древнее время существенно отличается отъ нашего. Теперь на преступленіе установился формальный взглядъ: подъ преступленіемъ разумѣется дѣйствіе, нарушающее установленный государствомъ порядокъ, а такъ какъ порядокъ этотъ опредѣляется закономъ, то преступленіе есть нарушеніе закона. Понимаемое въ такомъ смыслѣ преступленіе есть понятіе формальное. Внѣшняя форма преступнаго дѣянія есть всегда насиліе или обманъ. По отношенію къ человѣку, противъ котораго преступное дѣяніе направлено, преступленіе является всегда съ характеромъ принужденія. Въ насиліи принужденіе очевидно; обманъ есть также принужденіе воли, но замаскированное. Преступленіе вмѣняется человѣку въ вину; вмѣненіе имѣетъ мѣсто тогда, когда нарушеніе закона является результатомъ сознательной воли совершившаго, когда человѣкъ хотѣлъ достигнуть именно тѣхъ преступныхъ цѣлей, которыхъ достигъ, когда у него было предвидѣніе послѣдствій совершаемаго. Среди нарушеній закона различаютъ уголовныя правонарушенія и гражданскія. Человѣкъ, напр., можетъ не заплатить долга своего, не сдѣлать того, къ чему онъ по договору обязался. Это тоже нарушеніе права, но оно не разсматривается какъ преступленіе; это гражданское правонарушеніе. Уголовное правонарушеніе ведетъ къ наказанію, которое и составляетъ предметъ уголовнаго права; а гражданскія правонарушенія къ наказаніямъ не ведутъ, а только къ вознагражденію убытковъ. Гдѣ же, спрашивается, граница между уголвонымъ и гражданскимъ правонарушеніемъ? Этотъ вопросъ въ наукѣ очень спорный. Одинъ изъ

весьма распространенныхъ взглядовъ на этотъ предметъ, высказанный первоначально Гегелемъ, состоитъ въ слѣдующемъ: уголовное правонарушеніе отличается отъ гражданскаго качествомъ воли человѣка. Въ гражданскомъ правонарушеніи человѣкъ не отвергаетъ правового порядка въ принципѣ. Тутъ собственно споръ идетъ о пониманіи права. Я не плачу потому, что въ мою пользу говорятъ такія-то и такія-то обстоятельства и такіе-то законы (по крайней мѣрѣ, какъ я ихъ понимаю); а противникъ мой говоритъ, что я долженъ заплатить на основаніи такихъ-то обстоятельствъ и при такомъ-то пониманіи закона. Спорятъ о правѣ собственности: одинъ говоритъ, что извѣстныя вещи принадлежатъ ему по завѣщанію, а другой, что это завѣщаніе незаконно, и что онъ собственникъ этихъ вещей на основаніи наслѣдованія по закону. Оба опираются на правовой порядокъ. Такова особенность гражданскихъ правонарушеній. Въ уголовныхъ правонарушеніяхъ дѣло идетъ о непризнаніи правового порядка въ принципѣ. Человѣкъ укралъ, убилъ, ограбилъ кого-нибудь,—ни на какой законъ сослаться онъ не можетъ, тутъ порядокъ, установленный государствомъ, нарушается въ принципѣ.

Въ древнее время встрѣчаемся съ совершенно инымъ взглядомъ на преступленіе, а именно, преступленіе разсматривалось какъ матеріальное зло. Самое слово преступленіе не было еще извѣстно. На языкѣ Русской Правды преступленіе носитъ наименованіе «обиды». Въ этомъ наименованіи отражается взглядъ на преступленіе, какъ на матеріальный вредъ. Кто-нибудь «обиженъ»—т.-е. претерпѣлъ нѣчто непріятное, это и есть преступленіе. При формальномъ же воззрѣніи—преступленіе можетъ быть дѣяніемъ и никому не обиднымъ. Ст. 6-я I-й ред. обидой называетъ нанесеніе ранъ.

Уголовныя и гражданскія правонарушенія въ древности не различались; всякое правонарушеніе, какъ убійство, такъ и неплатежъ долга, одинаково называлось обидою. Ст. 20 I-й ред. обидой называетъ неплатежъ долга и полагаетъ за это наказаніе.

Принимался ли во вниманіе въ древности моментъ сознательной воли? Вопросъ этотъ является весьма спорнымъ. По отношенію къ нему существуютъ два воззрѣнія, изъ которыхъ одно ведетъ свое начало отъ нѣмецкаго писателя Рогге, автора сочиненія подъ заглавіемъ: Ueber das Gerichtswesen der Germanen, 1820. Этимъ сочиненіемъ онъ произвелъ въ свое время сильное впечатлѣніе. По его мнѣнію, древній человѣкъ обращалъ свое вниманіе исключительно на матеріальный вредъ, а не на участіе въ дѣяніи воли преступника; пострадавшему отъ преступленія вовсе не было дѣла до того, хотѣлъ ли виновный совершить преступное дѣйствіе или нѣтъ. Это воззрѣніе примѣняютъ и къ состоянію нашего права эпохи Русской Правды; говорятъ, что въ эту эпоху совершенно не различались преступленія, совершенныя съ сознаніемъ цѣли совершаемаго и безъ такого сознанія; а также не различались преступленія, совершенныя малолѣтними и совершеннолѣтними, умалишенными и людьми, находящимися въ здравомъ разсудкѣ: кѣмъ бы ни было совершено обидное дѣяніе и при какихъ бы то ни было условіяхъ, оно одинаково влекло за собою наказаніе.

Противоположное этому воззрѣніе высказалъ Вильда въ чрезвычайно важномъ для исторіи права сочиненіи: «Das Strafrecht der Germanen» 1842. Возражая противъ изложеннаго мнѣнія Рогге, Вильда говоритъ, что нельзя отрицать того, что чѣмъ ниже человѣкъ стоитъ въ своемъ развитіи, тѣмъ онъ болѣе похожъ на ребенка; при недостаточномъ умственномъ развитіи онъ можетъ выражать свое неудовольствіе даже по отношенію къ камню, на который нечаянно наткнулся. Но, продолжаетъ Вильда, все-таки невозможно допустить, чтобы было время, когда человѣкъ вовсе не различалъ дѣяній по характеру участія въ нихъ воли. На какой бы низкой ступени человѣкъ ни стоялъ, онъ не могъ совершенно смѣшивать дѣянія случайныя и неслучайныя. Вильда, однако, не всѣхъ убѣдилъ, и послѣ изданія его сочиненія нѣкоторые ученые продолжаютъ высказываться въ смыслѣ Рогге; сюда принадлежатъ: Миттермайеръ въ изданномъ

имъ учебникѣ Фейербаха, Бернеръ и др. Дѣйствительно, Рогге совершенно правъ, но только его мнѣніе вѣрно по отношенію къ самой глубокой древности. Нѣкоторыя свѣдѣнія, собранныя путешественниками о дикаряхъ, прямо указываютъ на то, что первоначально человѣкъ вовсе не различалъ случайныхъ дѣяній отъ дѣяній не случайныхъ. Такъ, напр., о нѣкоторыхъ дикаряхъ разсказываютъ, что они мстятъ не только людямъ, но животнымъ и даже неодушевленнымъ предметамъ. Если тигръ разорветъ человѣка, то семейство его считается отверженнымъ до тѣхъ поръ, пока оно не отомститъ за смерть родственника и не убьетъ тигра. Если дерево упадетъ и убьетъ кого-нибудь, оно считается виновнымъ и подвергается наказанію, состоящему въ томъ, что его раскалываютъ въ щепки. Слѣды такихъ воззрѣній сохраняются и при нѣкоторой степени развитія общественной жизни. Царь Кохинхины выставилъ къ позорному столбу ладью за то, что она плохо исполняла свою обязанность и плывшіе въ ней потонули. По законамъ Зороастра собака за укушеніе лишается праваго уха, за повтореніе — лѣваго, а потомъ — хвоста, лапы и, наконецъ, жизни. Указанія на остатки такихъ же воззрѣній находятъ и въ священныхъ книгахъ евреевъ. По законамъ Моисея, быкъ, который забодалъ кого-нибудь, побивался камнями и мясо его не шло въ пищу. По этому поводу возникалъ даже споръ о томъ, какъ казнить быка: можетъ его убить каждый или слѣдуетъ его судить, а потомъ подвергнуть наказанію. Ученые талмудисты пришли къ тому убѣжденію, что прежде долженъ состояться судъ. Слѣды подобныхъ воззрѣній встрѣчаются и въ германскихъ законахъ. Въ законахъ салическихъ франковъ приводится такой случай: животное забодало кого-нибудь. Отъ хозяина требовалась уплата почти полной виры, какъ за убійство: онъ долженъ былъ уплатить $^3/_4$ виры или $^1/_2$, а кромѣ того отдать самое животное. Въ новыхъ спискахъ салическаго закона эта статья уже измѣнена, а именно, хозяинъ подвергался штрафу только въ томъ случаѣ, если онъ зналъ, что животное опасно, и не принялъ

мѣръ, чтобы предотвратить несчастный случай. Во Франціи въ 1313 году быкъ, поколовшій человѣка, былъ судимъ и приговоренъ къ повѣшенію. Тамъ же, въ XVI в., духовные суды приговаривали гусеницъ, истреблявшихъ посѣвы, къ удаленію въ теченіе 6 дней, а въ случаѣ неповиновенія имъ угрожали проклятіемъ. У англичанъ еще не такъ давно былъ такого рода случай: лѣтъ 70 или 80 тому назадъ, боевой пѣтухъ ранилъ $1^1/_2$ г. ребенка, который и умеръ отъ раны; пѣтухъ за это былъ казненъ. Также въ началѣ прошлаго (XVIII) вѣка въ Англіи состоялась отмѣна обычая, по которому отвѣтственности извѣстнаго рода подвергались даже неодушевленные предметы, причинившіе человѣку какой-нибудь вредъ. По этому обычаю, напр., колесо, причинившее смерть, отдавалось Богу, т.-е. конфисковалось и продавалось въ пользу бѣдныхъ. Это — факты переживанія, запоздалый остатокъ очень древняго быта, корень котораго одинъ съ приведенными выше обычаями дикарей. Итакъ, должно признать, что человѣкъ началъ съ совершеннаго безразличія между умышленными и случайными дѣяніями. Объясненіе этому надо исказать въ недостаточномъ умѣньи первобытнаго человѣка анализировать наблюдаемыя имъ явленія. Онъ одухотворялъ все, его окружающее, и животныхъ, и растенія, и воду, и даже камни. По его мнѣнію они были способны къ такимъ же дѣйствіямъ, какія совершалъ онъ, а потому онъ и ихъ считалъ виновными. Понятія же умышленности и случайности были совершенно внѣ сферы его пониманія. Но будетъ неправильнымъ переносить во всей строгости этотъ взглядъ въ историческія времена, отъ которыхъ сохранились древнѣйшіе юридическіе памятники. Въ Германіи въ эпоху, къ которой относятся варварскіе законы, появляется уже анализъ дѣяній съ точки зрѣнія воли, хотя еще и въ очень слабой степени. Въ Русской Правдѣ также видна уже попытка различать дѣянія по степени участія въ нихъ злой воли. Такъ, 5, 9 и 10 ст. III р. говоря объ убійствѣ, соединяютъ разныя послѣдствія съ убійствомъ, смотря по тому, какое это убійство. Въ этихъ статьяхъ говорится о

двухъ видахъ убійства, а именно—объ убійствѣ «въ разбоѣ» и объ убійствѣ «на пиру», «въ свадѣ», т.-е. въ ссорѣ (ст. 1-я II ред. говоритъ объ убійствѣ «въ обиду» въ противоположность къ убійству «въ разбоѣ», о которомъ идетъ рѣчь въ ст. 2-й). Подъ убійствомъ въ разбоѣ, безъ всякой ссоры, разумѣлось умышленное убійство, совершенное съ корыстною цѣлью. Такое убійство считалось въ эпоху Русской Правды болѣе тяжкимъ преступленіемъ и влекло за собою болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ убійство на пиру и въ свадѣ. Въ это древнее время пиры сопровождались неумѣреннымъ употребленіемъ горячихъ напитковъ. Разгоряченные виномъ пирующіе нерѣдко вступали въ драку, которая иногда оканчивалась смертью. Такое убійство влекло за собою болѣе легкое наказаніе, чѣмъ убійство въ разбоѣ, потому что убійца не имѣлъ намѣренія совершить убійства, а будучи въ возбужденномъ состояніи, подрался и нечаянно убилъ, неосторожно ударивъ. Есть и еще статьи въ Русской Правдѣ, указывающія на различіе преступныхъ дѣяній по степени участія злой воли,—это статьи, относящіяся до кражи домашнихъ животныхъ (53 и 54 ст. III-й ред.). Русская Правда различаетъ кражу изъ закрытаго помѣщенія отъ кражи «въ полѣ». Въ первомъ случаѣ кража наказывается строже, такъ какъ, надо думать, здѣсь обнаруживается больше злонамѣренности, воля преступника была упорнѣе, чѣмъ во второмъ: вору приходилось одолѣть нѣкоторыя препятствія для того, чтобы украсть изъ клѣти (быть можетъ, сломать замокъ, дверь и т. д.), между тѣмъ какъ во второмъ случаѣ воръ угналъ коня съ поля, потому что не было къ тому препятствій.

Матеріальный взглядъ на преступленіе начинаетъ измѣняться съ принятіемъ христіанства. Духовенство вноситъ новое воззрѣніе—формальное, преступленіе становится нарушеніемъ предписаній, именно предписаній церковныхъ. Этотъ формальный взглядъ на преступленіе нашелъ свое выраженіе сначала только въ церковныхъ уставахъ Владиміра св. и Ярослава. Въ уставѣ Владиміра запрещаются мно-

гія дѣянія только потому, что они не допускаются церковными законами, напр., моленіе у воды, волшебство и проч. Преступленіемъ считалось отправленіе обрядовъ языческаго богослуженія. Эти обряды не причиняли, конечно, никому матеріальнаго вреда, но исполненіе ихъ воспрещалось и наказывалось потому, что они были не согласны съ ученіемъ церкви. Благодаря тому же вліянію духовенства, къ воззрѣнію на преступленіе начинаетъ примѣшиваться чисто религіозный оттѣнокъ: преступленіе называется «грѣхомъ», а преступникъ «забывателемъ страха Божія».

Перемѣна взгляда на преступленіе совершилась далеко не разомъ. Формальный взглядъ сталъ обнаруживаться еще въ древнѣйшихъ памятникахъ, но далеко не успѣлъ вытѣснить народныхъ воззрѣній, которыя еще слышатся въ первыхъ законодательныхъ сводахъ Московскаго государства. Въ судебникахъ еще замѣтенъ матеріальный взглядъ; преступленіе носитъ наименованіе «лихаго дѣла». Судебники говорятъ: татьба, душегубство и иное лихое дѣло. Въ этомъ слышится указаніе на матеріальный вредъ. Преступники носятъ наименованіе «лихихъ людей», въ этомъ опять проглядываетъ матеріальная точка зрѣнія. Но въ позднѣйшихъ памятникахъ взглядъ на преступленіе получаетъ чисто формальный характеръ; подъ преступленіемъ начинаютъ разумѣть «непослушаніе царской волѣ», нарушеніе предписаній власти. Въ воеводскихъ наказахъ, послѣ перечисленія запрещенныхъ дѣяній, о преступникахъ говорится: «а за ихъ непослушаніе чинить имъ жестокое наказаніе, чтобы, смотря на то, другимъ ослушаться не повадно было». Въ Уложеніи читаемъ: «А буде кто, забывъ страхъ Божій и царское повеленіе, учнетъ ему, Государю, въ церкви о какихъ своихъ дѣлахъ бити челомъ, и того челобитчика за то вкинути въ тюрьму» (I, 9). Всякое ослушаніе царской волѣ есть преступленіе.

Отношеніе памятниковъ къ дѣяніямъ случайнымъ, неосторожнымъ и умышленнымъ. Чтобы понять то, что говорится въ древнихъ памятникахъ о преступ-

номъ дѣйствіи, необходимо выяснить составъ преступленія и указать тѣ признаки, при наличности которыхъ извѣстное дѣяніе считается преступнымъ. Для состава преступленія нужно: 1) субъектъ преступленія, т.-е. лицо, его совершившее; 2) объектъ преступленія, т.-е. предметъ, по отношенію къ которому совершено преступленіе, а когда преступленіе получило формальный характеръ, то подъ объектомъ надо разумѣть нормы нарушеннаго права, и 3) необходимо преступное дѣйствіе. Это дѣйствіе можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ: а) со стороны внутренней, насколько въ немъ проявилась злая воля человѣка, направленная къ достиженію преступной цѣли, и б) со стороны внѣшней, насколько самое дѣйствіе выразилось во внѣ (вполнѣ ли человѣкъ совершилъ то, что хотѣлъ совершить, или же не довелъ своего намѣренія до конца). Этими тремя признаками опредѣляется составъ преступленія, при отсутствіи одного изъ нихъ преступленія не будетъ.

I. Остановимся прежде всего на внутренней сторонѣ преступнаго дѣйствія. Дѣяніе вмѣняется человѣку въ вину, если въ немъ участвовала его сознательная воля. Для признанія человѣка виновнымъ, налицо должны быть два элемента: 1) способность человѣка понимать имъ совершаемое и 2) способность его къ произвольнымъ дѣйствіямъ. Уголовное право построено на томъ предположеніи, что страхъ уголовной кары можетъ дѣйствовать на волю человѣка и воздерживать его отъ совершенія преступныхъ дѣйствій. Если человѣкъ, обладающій нормальными способностями, не воздержался отъ дѣянія, запрещеннаго подъ страхомъ наказанія, это дѣяніе разсматривается какъ продуктъ его преступной воли, и онъ можетъ быть признанъ подлежащимъ отвѣтственности. Способность анализировать дѣйствія человѣка, съ точки зрѣнія наличности въ нихъ преступной воли, въ разныя времена была различна. Въ юридическихъ памятникахъ древняго времени анализъ этотъ еще очень мало развитъ, въ Уложеніи 1649 года онъ дѣлаетъ сравнительно значительные успѣхи.

Дѣянія могутъ быть: 1) случайныя, 2) неосторожныя и 3) умышленныя. Дѣянія случайныя не признаются ненаказуемыми, такъ какъ они не составляютъ послѣдствія проявленія человѣческой воли. Неосторожныя дѣянія являются послѣдствіемъ неосмотрительности, небрежности. Человѣкъ вовсе не желалъ совершить правонарушеніе, но былъ неосмотрителенъ, т.-е. не принялъ мѣръ, чтобы изъ его дѣйствія не возникло какого-либо правонарушенія. Кто-нибудь выстрѣлилъ въ окно, вовсе не желая убить или ранить кого-либо, а между тѣмъ убилъ прохожаго. Не желая совершить убійство, человѣкъ, однако, не принялъ всѣхъ мѣръ, чтобы устранить возможныя послѣдствія своего дѣйствія. Такъ какъ при совершеніи неосторожныхъ дѣяній человѣкъ виновенъ въ томъ, что не принялъ всѣхъ мѣръ, которыя бы устранили возможность преступленія, то наука признаетъ подобныя дѣянія наказуемыми, но наказуемыми въ разной мѣрѣ, смотря по роду неосторожныхъ дѣйствій. Во-1-хъ, человѣкъ можетъ совершить дѣйствіе, которое само по себѣ совершенно невинно, но которое имѣло послѣдствіемъ нарушеніе чьихъ-либо правъ. Это самая меньшая степень неосторожности, которая граничитъ со случайностью. Такое дѣяніе ведетъ, сравнительно къ наиболѣе легкому наказанію. Во-2-хъ, сильнѣе должна наказываться неосторожность, являющаяся послѣдствіемъ дѣйствій, которыя сами по себѣ воспрещены, какъ не безопасныя. Стрѣльба изъ окна есть дѣйствіе само по себѣ запрещенное въ видахъ охраненія общественной безопасности. Раны, являющіяся послѣдствіемъ такой стрѣльбы, наказуются строже, чѣмъ тѣ, которыя являются послѣдствіемъ невоспрещенныхъ дѣйствій. Наконецъ, въ-3-хъ, могутъ быть и такія неосторожныя дѣянія, которыя являются послѣдствіемъ преступныхъ дѣйствій. Человѣкъ, напр., подрался и результатомъ драки была смерть. Это самый тяжелый видъ неосторожныхъ дѣяній, условливающій и наиболѣе тяжелую отвѣтственность. Виновный въ преступленіи, совершенномъ по неосторожности, наказывается не за результатъ своего

дѣйствія, ибо онъ этого результата не желалъ и не имѣлъ въ виду, а за неосторожность. Надо еще замѣтить, что неосторожность возможна не при всѣхъ преступленіяхъ: невозможно, наприм., неосторожно украсть или ограбить.

Послѣднюю категорію дѣйствій составляютъ дѣйствія умышленныя. Умышленность состоитъ въ томъ, что у человѣка было желаніе достигнуть той цѣли, которую онъ достигъ; человѣкъ хотѣлъ убить, украсть и дѣйствительно убилъ, укралъ. Существенный признакъ такого рода дѣйствій есть полное соотвѣтствіе между желаніемъ и результатомъ дѣянія. Различаютъ двѣ категоріи умышленныхъ дѣяній: просто умышленныя и предумышленныя. Въ первомъ случаѣ человѣку внезапно приходитъ мысль совершить преступленіе; во второмъ — онъ заранѣе обдумываетъ планъ преступленія. Это различіе должно вліять и на мѣру наказанія. Дѣянія, совершаемыя по внезапному умыслу, наказываются слабѣе, чѣмъ дѣянія предумышленныя. Въ дѣяніяхъ перваго рода преступная воля имѣетъ гораздо меньшее напряженіе.

Русская Правда уже различаетъ дѣянія по участію въ нихъ злой воли. Но анализъ Правды очень грубъ. Въ основу различія она кладетъ чисто внѣшніе признаки: совершеніе убійства въ разбоѣ и на пиру или въ ссорѣ. Здѣсь можно видѣть различіе убійства умышленнаго и неосторожнаго: въ разбоѣ умышленное, на пиру неосторожное. Но въ разбоѣ могло имѣть мѣсто неосторожное убійство, а на пиру—умышленное. Рус. Правда этого не различаетъ.

Въ первыхъ законодательныхъ памятникахъ Московскаго государства анализъ преступнаго дѣйствія, по степени участія въ немъ воли, также еще очень слабъ. Судебники различаютъ дѣянія «нехитростныя» или «безхитростныя»; такія дѣянія ненаказуемы. Но никакихъ опредѣленій о томъ, что нужно разумѣть подъ дѣяніями безхитростными, въ судебникахъ нѣтъ. Надо, конечно, думать, что подъ безхитростными дѣяніями разумѣются дѣянія, совершаемыя безъ злого умысла. Наказуемы же дѣянія, въ которыхъ есть

злой умыселъ. Это видно изъ того, что Судебники называютъ преступниковъ **лихими** людьми и **вѣдомыми** злодѣями. Но и здѣсь способность къ анализу составителей Судебниковъ очень еще слаба и близко соприкасается съ таковою же составителей Р. Правды. Р. Правда знаетъ обстоятельства, при которыхъ преступленіе всегда подлежитъ высшей мѣрѣ наказанія, — это, если оно совершено въ разбоѣ; и наоборотъ, знаетъ обстоятельства, при которыхъ преступленіе всегда подлежитъ меньшей мѣрѣ наказанія, это, если оно совершено на пиру или въ ссорѣ. Судебники знаютъ людей, преступленія которыхъ всегда подлежатъ высшей мѣрѣ наказанія. Это — вѣдомые лихіе люди. Они же называются и «вѣдомыми разбойниками»: это значитъ, что въ обществѣ они извѣстны за разбойниковъ, т.-е., таковыми признаны обыскными людьми; это близко къ тому, что разумѣетъ Р. Правда, говоря о людяхъ, которые стали «на разбой» (III 5). Такимъ образомъ, въ Р. Правдѣ и въ Судебникахъ преобладаетъ не индивидуальная оцѣнка преступнаго дѣянія, а оцѣнка его по нѣкоторымъ общимъ признакамъ, которые предполагаются присущими извѣстному роду людей. Это люди, которые живутъ разбоемъ. Въ первомъ Судебникѣ читаемъ: «А доведутъ на кого татьбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дѣло, и будетъ **вѣдомой лихой**,—велѣти казнити смертною казнію» (8). Высшая мѣра наказанія примѣняется потому, что преступникъ извѣстенъ окольнымъ жителямъ за лихого и облихованъ ими на обыскѣ. Та же точка зрѣнія держится еще и въ Уложеніи: «А на которыхъ людей языки съ пытки въ разбоѣ говорятъ, а въ обыскѣхъ ихъ многіе люди назовутъ лихими людьми, и тѣхъ людей по язычнымъ молвкамъ и полихованнымъ обыскамъ казнити смертію» (XX, 41). Малая обезпеченность общественной тишины и спокойствія и наличность большой массы людей, которая существовала на счетъ чужой собственности и безопасности, и были, конечно, причиной, вызывавшей такую огульную оцѣнку людей съ преступной волей.

Въ уставныхъ грамотахъ XVI в. находимъ совершенно ясное указаніе на ненаказуемость за послѣдствія такихъ событій, въ которыхъ воля человѣческая была ни причемъ: никто не подвергается отвѣтственности, если человѣкъ замерзнетъ, утонетъ, сгоритъ, убьется, падая съ дерева, кого возомъ сотретъ, или громъ убьетъ, или звѣрь съѣстъ и пр. А. Э. I. № 181, 234, 240, 324. Во всѣхъ этихъ случаяхъ смерть одинаково называется «дѣломъ безхитростнымъ». Терминъ не очень удачный. Безхитростно — это неумышленно; въ большинствѣ же перечисленныхъ явленій не только не можетъ быть умысла (за исключеніемъ поджога), но нѣтъ и неосторожности. Неосторожность можно допустить только въ случаѣ съ возомъ, во всѣхъ другихъ и виновнаго нѣтъ: смерть послѣдовала отъ несчастной случайности. Уставныя грамоты, слѣдовательно, не могутъ различить неосторожности отъ чистой случайности. Терминологія очень слаба, но попытка выдѣлить рядъ явленій, которыя не должно смѣшивать съ преступленіями, заслуживаетъ вниманія. Можно думать, что намѣстники и ихъ тіуны и въ этихъ случаяхъ были не прочь взыскивать съ общинъ плату за голову.

Въ Уложеніи встрѣчается еще выраженіе «лихіе люди», но въ этомъ памятникѣ замѣтно уже стремленіе перейти къ индивидуальной оцѣнкѣ преступной воли.

Оно различаетъ случайныя дѣйствія, неосторожныя и умышленныя, хотя въ подробностяхъ и частностяхъ анализъ его еще и не очень точенъ; терминологія тоже не очень точная.

О преступленіяхъ умышленныхъ говорится такъ: «А кто кого убьетъ съ умышленія, казнити смертію» (XXI, 72). Но то же понятіе обозначается и иначе: «А будетъ кто по недружбѣ наряднымъ дѣломъ для задору... кого убьетъ... казнити смертію». Убить наряднымъ дѣломъ значитъ убить умышленно. Въ связи съ такимъ словоупотребленіемъ въ Уложеніи говорится о «нарядныхъ письмахъ», т.-е. о поддѣльныхъ письмахъ: здѣсь тоже умыселъ (IV, 4). Но ана-

лизъ умышленныхъ дѣяній еще очень слабъ. Уложеніе хорошо знаетъ умыселъ, противополагаетъ его небреженію (неосторожности) и дѣяніямъ безхитростнымъ (случайнымъ), но незамѣтно, чтобы оно различало дѣянія предумышленныя отъ просто умышленныхъ. Трудно думать, чтобы практика не шла далѣе буквы Уложенія.

Характеръ опредѣленій—казуистическій. Въ ст. 18 главы XXII дѣло идетъ о такомъ случаѣ: лошадь изорвала узду, понеслась и задавила кого-нибудь; въ этомъ, говоритъ Уложеніе, вины нѣтъ; это учинилось безъ хитрости, безъ умышленія. Статья, судя по приведенному примѣру, говоритъ о чисто случайномъ дѣяніи, но называетъ это дѣяніе безхитростнымъ, и слѣдовательно, не строго различаетъ его отъ неосторожныхъ, ибо и тѣ безхитростныя. И дѣйствительно, въ ст. 20 той же главы можно видѣть примѣръ смѣшенія неосторожнаго убійства со случайнымъ. Статья говоритъ: «А будетъ кто, стрѣляючи изъ пищали или изъ лука по звѣрю, по птицѣ или по примѣтѣ, и стрѣлой или пулькой убьетъ кого за горою или за городьбою, или кто какимъ-нибудь обычаемъ убьетъ до смерти кого-нибудь деревомъ или камнемъ, или чѣмъ-нибудь не нарочнымъ же дѣломъ, а никакой вражды у того, кто убьетъ, съ тѣмъ, кого убьетъ, не было и сыщется про то до пряма, что такое убійство учинилось не нарочно, безъ умышленія, и за такое убійство ни кого смертью не казнить и въ тюрьму не сажать, потому что такое дѣло учинилось грѣшнымъ дѣломъ безъ умышленія». Статья заботится только о томъ, чтобы вражды не было, и совершенно не подозрѣваетъ, что въ описанныхъ обстоятельствахъ можетъ быть неосторожное убійство. Все, кромѣ умысла, статья считаетъ случаемъ и признаетъ ненаказуемымъ. Но, несмотря на это смѣшеніе, Уложеніе все-таки знаетъ неосторожныя дѣянія и объявляетъ ихъ иногда наказуемыми. Въ статьѣ 223 главы X читаемъ: «...а сыщется про то до пряма, что такой пожаръ отъ кого учинится н а р о ч н ы м ъ д ѣ л о м ъ или пастуховымъ н е б р е ж е н і е м ъ, и на тѣхъ людяхъ за такое пожарное разореніе

взяти пеню и доправить убытки. А будетъ такое дѣло учинится безъ хитрости, и на немъ пени и истцова иску не имати». Пастухово небреженіе, отъ котораго произошелъ пожаръ въ лѣсу, очевидно есть дѣйствіе неосторожности. Виновный наказывается пенею и платитъ истцовы убытки. Здѣсь неосторожность (небреженіе) отличена отъ случая (безхитростно), но зато смѣшана съ умысломъ (нарочнымъ дѣломъ): тому же наказанію, которому подвергается небрежный пастухъ, подвергается и тотъ, кто, по недружбѣ, нарочнымъ дѣломъ зажжетъ лѣсъ. Но есть нѣсколько статей, въ которыхъ небреженіе ведетъ только къ уплатѣ убытковъ; даже тотъ, кто небреженіемъ сожжетъ чужой дворъ, платитъ только убытки (227). Убійство въ дракѣ разсматривается какъ неосторожное, хотя и не названо убійствомъ по небреженію. Что оно именно разсматривалось, какъ преступная неосторожность, слѣдуетъ изъ того, что оно названо неумышленнымъ, а между тѣмъ наказуемо. Наказуемо оно не по достигнутому результату. За убійство умышленное полагается смертная казнь, а за убійство въ дракѣ — кнутъ.

Дѣянія безхитростныя въ Уложеніи противополагаются умышленнымъ; оно часто приравниваетъ поступки, совершенные безъ умышленія, безхитростнымъ, а хитростными называетъ — умышленные (X, 224, XXII, 18). Но безхитростныя дѣянія не всегда признаются ненаказуемыми, какъ въ выше приведенной статьѣ (X, 223). Если судья обвинитъ кого-либо не по суду «безъ хитрости», онъ подлежитъ наказанію, что государь укажетъ» (X, 10). Это, впрочемъ, статья исключительная: судья наказывается не за вину, а за неспособность къ дѣлу. Безхитростныя дѣянія будутъ по Уложенію—случайными, небрежныя—неосторожными, хитростныя, нарочныя, по недружбѣ и нарядныя — умышленными.

Разсматривая преступныя дѣянія съ внутренней стороны, необходимо обратить вниманіе на нѣкоторыя особенныя условія, наличность которыхъ или совершенно устраняетъ

наказуемость совершившаго правонарушеніе или только облегчаетъ мѣру положеннаго за противозаконное дѣяніе наказанія. Эти условія могутъ лежать или во внѣшнихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ человѣкъ дѣйствовалъ, или въ самомъ человѣкѣ, въ состояніи его духа.

Къ первымъ будутъ относиться: 1) состояніе необходимой обороны, когда человѣкъ, защищая себя, можетъ даже убить другого, и это убійство ему не вмѣняется въ вину. Подъ состояніемъ необходимой обороны разумѣютъ защиту себя и другихъ противъ всякаго незаконнаго нападенія. Необходимая оборона можетъ имѣть мѣсто тогда, когда есть противозаконное нападеніе. Слѣдовательно, если судебный приставъ подвергаетъ правежу или продаетъ имущество за долги, противъ него нельзя обороняться. Это первый признакъ необходимой обороны. Второй признакъ состоитъ въ томъ, что должна быть наличность опасности, т.-е. опасность должна висѣть надъ головою, а не быть гдѣ-нибудь далеко. Если, напримѣръ, кто-нибудь говоритъ другому, что онъ его когда-нибудь убьетъ, то для отраженія такой опасности нельзя убить противника, потому что его угроза относится къ неопредѣленному будущему. Въ разныя времена вопросъ о средствахъ обороны рѣшался различно. Въ XVII и XVIII вв. положеніе обороняющагося западныя законодательства дѣлали очень стѣснительнымъ, ему предписывалось соображать свою оборону со средствами нападающаго. Эти предписанія перешли и въ наши памятники XVIII в., составленные подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ, каковы воинскій и морской уставы. Наука допускаетъ, что оборона можетъ идти даже до причиненія смерти нападающему, противъ чего бы нападеніе ни было сдѣлано, т.-е. не только тогда, когда нападеніе производится на жизнь человѣка, но и на его имущество, честь и т. п.

Въ древнее время, при существованіи начала мести, не могло существовать необходимой обороны, какъ особаго юридическаго института, потому что месть, какъ болѣе обширное понятіе, заключала въ себѣ и право необходимой

обороны. Кто имѣетъ право мстить, тотъ можетъ и обороняться. Только съ ослабленіемъ мести могла развиться необходимая оборона, какъ самостоятельный институтъ. Первоначально же месть поглощала въ себѣ оборону. Это видно изъ ст. 3 II р.: «Аже оубьють огнищанина оу клѣти, или оу коня, или оу говяда, или оу коровьѣ татбы, то оубити въ пса мѣсто». Это убійство вора есть – месть вору, а не оборона отъ вора, ибо при кражѣ возможны случаи, когда убивать вора совершенно не нужно, напр., воръ, увидавъ хозяина, оставляетъ украденную вещь и бѣжитъ. Статья дозволяетъ безусловное убійство вора, какъ собаки. Таково древнѣйшее русское право.

Статьи 27 и 28 III р.: «Аже кто кого оударитъ батогомъ, любо чашею, любо рогомь, любо тылѣснію, то 12 гривенъ; не терпя ли противо тому оударить мечемь, то вины ему въ томъ нѣтуть» — также не оборона, а месть. Она есть передѣлка болѣе древней ст. 7, I р., по которой за ударъ батогомъ и пр. полагается плата въ томъ случаѣ, если обиженный «не настигнетъ» обидчика, т.-е. не догонитъ его и не отомститъ, при чемъ можетъ ударить мечомъ и даже убить. Ударъ мечемъ не оборона отъ удара чашею, а месть за обиду.

По мѣрѣ ознакомленія нашихъ предковъ съ византійскими сборниками, это безусловное право убивать вора стало подвергаться ограниченію. Если хозяинъ овладѣлъ воромъ и сдѣлалъ его безвреднымъ, то не могъ уже его убить безнаказанно. Такое правило встрѣчается въ Моисеевыхъ законахъ: «Аще въ подкопаніе застанется тать, ти язвненъ-умреть, нѣсть ему убоя. Аще взыдеть солнце нань, повиненъ есть умрети за него убивый его». Оно перешло въ Рус. Правду въ такой формѣ: «Аще оубьють татя на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, ило оу хлѣва, то той оубитъ; аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ; а оже ли оубьютъ, а люди боудоуть видѣли связанъ, то платити въ немъ». II 17 — 20, III 49 — 51. На этой ветхозавѣтной основѣ русская практика стала выводить свои

узоры. Въ нѣкоторыхъ спискахъ краткой Правды за приведенной статьей слѣдуетъ такая: «Оже убиенъ тать, а подымутъ ноги во дверѣ, ино убитъ; оли подымуть ноги за вороты, то ли платити въ немъ», т.-е. человѣка, застигнутаго во дворѣ и обратившагося въ бѣгство, нельзя убивать. Признакомъ бѣгства служитъ то, гдѣ оказались ноги убитаго: «за воротами» или «во дверѣ», надо читать, можетъ быть, «во дворѣ». Это уже не месть, не убійство во пса мѣсто, а оборона: убѣгающаго нельзя убивать.

Уложеніе допускаетъ оборону въ весьма широкомъ смыслѣ; въ этомъ отношеніи оно стоитъ на совершенно правильной точкѣ зрѣнія. По Уложенію можно охранять всякаго рода права: можно обороняться при нападеніи на жизнь (X, 201), имущество (XXI, 88), честь женщины (XX, 16), при нападеніи на домъ (X, 200); оборона можетъ идти до убійства нападающаго не только въ томъ случаѣ, когда охраняется жизнь, но и въ томъ, когда охраняется имущество. По Уложенію не только можетъ обороняться тотъ, противъ кого произведено нападеніе, но и другіе люди могутъ помогать ему, а его люди и крестьяне обязаны помогать подъ страхомъ наказанія. Совершившій въ состояніи необходимой обороны убійство обязанъ былъ заявить объ этомъ немедленно судьѣ. Все это совершенно правильно. Но 89 ст. XXI гл. Уложенія заходитъ очень далеко. Она предоставляетъ право хозяину сжатаго кѣмъ-либо въ полѣ хлѣба, съ намѣреніемъ присвоить этотъ хлѣбъ себѣ, убить этого человѣка, если онъ, застигнутый въ полѣ, не дастъ себя взять. Это уже переходитъ границы необходимой обороны, такъ какъ вора нѣтъ необходимости преслѣдовать, съ точки зрѣнія обороны, если онъ, оставивши взятыя вещи, убѣжалъ.—Статья 88-я идетъ въ этомъ отношеніи еще далѣе. Она дозволяетъ вора, схваченнаго съ поличнымъ, убить въ домѣ, гдѣ его застали. Это узаконеніе является совершеннымъ повтореніемъ статьи Русской Правды о правѣ убить огнищанина у коровьей татьбы. Вліяніе византійскаго права, ограничившее еще въ XII в. право убивать

вора на мѣстѣ преступленія, съ теченіемъ времени исчезло безъ слѣда. Уложеніе возвращается къ исконному русскому обычаю, въ которомъ право обороны поглощается болѣе широкимъ правомъ мести. Въ этомъ видѣ месть доживаетъ до XVII в. Тѣмъ болѣе дѣлается сомнительнымъ ученіе объ отмѣнѣ мести еще въ XII в. сыновьями Ярослава.

Новое, что представляетъ Уложеніе сравнительно съ Р. Пр., заключается въ томъ, что по Уложенію хозяинъ дома, убившій вора, долженъ немедленно заявить объ этомъ окольнымъ людямъ и просить о запискѣ событія въ приказѣ.

Уложеніе ничего не знаетъ и о древней практикѣ относительно убѣгающаго вора, развившейся на почвѣ византійскаго права. Приведенная статья дозволяетъ преслѣдовать вора и убить его внѣ дома, на дорогѣ, на полѣ, въ лѣсу, если онъ будетъ сопротивляться поимкѣ и начнетъ драться.

2. Рядомъ съ состояніемъ необходимой обороны извѣстно и другое состояніе, при которомъ совершенное преступленіе не вмѣняется въ вину: это состояніе крайней необходимости, въ которомъ человѣкъ находится вынужденнымъ для спасенія себя или своего права нарушить чужое; напримѣръ, для спасенія своей жизни отъ голодной смерти человѣкъ крадетъ съѣстные припасы. Впервые въ нашемъ законодательствѣ появляется это понятіе только въ Воинскомъ уставѣ; но было высказано мнѣніе, что даже въ Русской Правдѣ говорится уже о крайней необходимости. Подъ это понятіе подводятъ ст. 66, 67 III р. Русской Правды, въ первой читаемъ: «Аже который купець гдѣ-либо шедъ съ чужими кунами истопится, либо рать возметъ, либо огнь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть отъ лѣта платити, тако же платить ему, занеже погуба отъ Бога есть». Если у человѣка, взявшаго взаймы, деньги пропадутъ, то заимодавецъ не можетъ обратить его въ рабство а долженъ удовольствоваться уплатою долга съ разсрочкой. Этотъ случай есть не что иное, какъ гражданская несостоятельность по стеченію несчастныхъ

обстоятельствъ. При состояніи крайней необходимости человѣкъ нарушаетъ чьи-нибудь права своимъ дѣйствіемъ, между тѣмъ какъ въ приведенномъ случаѣ купецъ не совершаетъ никакого дѣйствія, нарушающаго чужія права, онъ самъ страдаетъ отъ огня или вражескаго нашествія, а потому и не можетъ платить. Точно такъ же нельзя видѣть крайней необходимости и въ слѣдующемъ случаѣ, приводимомъ изъ Уложенія: «Кого лошадь понесетъ, а удержать се будетъ не можно, и онъ наскочитъ на кого-нибудь и задавитъ, наказанія ему не чинить». Здѣсь все совершаетъ лошадь, а человѣкъ бездѣйствуетъ, потому что не можетъ дѣйствовать; въ казусѣ Уложенія у него даже уздечка изорвалась.

Ко вторымъ относится: 1) опьяненіе. Въ наше время состояніе опьяненія подвергается тщательному анализу. Различаютъ состояніе полнаго и неполнаго опьяненія. Подъ полнымъ опьяненіемъ разумѣется такое состояніе, въ которомъ напившійся совершенно теряетъ сознаніе о происходящемъ. Такое состояніе признается невмѣняемымъ, ибо у человѣка отсутствуетъ сознательная воля. При неполномъ опьяненіи человѣкъ хотя и находится въ возбужденномъ и ненормальномъ состояніи, но не совершенно лишенъ сознанія о происходящемъ. Преступное дѣяніе, совершенное въ такомъ состояніи, вмѣняется въ вину, но наказывается слабѣе, чѣмъ преступленіе, совершенное въ нормальномъ состояніи; неполное опьяненіе разсматривается какъ обстоятельство, смягчающее наказаніе. Но на этомъ анализъ не останавливается; различаютъ еще, при какихъ условіяхъ человѣкъ напился. Можетъ быть, онъ дошелъ до состоянія опьяненія по незнанію свойствъ вина; а съ другой стороны, онъ могъ напиться и для бодрости, сознавая, что безъ возбужденія виномъ онъ не можетъ совершить преступленія. Относительно перваго рода случаевъ нѣтъ сомнѣнія, что преступленіе не должно влечь за собою наказанія, если опьяненіе было полное. Что же касается случаевъ второго рода, то здѣсь ученые очень расходятся. Одни думаютъ, что если

человѣкъ напился для бодрости, то хотя бы онъ напился до полной потери сознанія, онъ все-таки подлежитъ наказанію, потому что между состояніемъ его опьяненія и его преступнымъ дѣйствіемъ есть причинная связь: онъ сдѣлалъ то, что хотѣлъ. Другіе, напротивъ, находятъ, что если человѣкъ и совершилъ преступленіе, то благодаря тому безсознательному состоянію, въ которое онъ пришелъ по причинѣ опьяненія. Съ этой точки зрѣнія состояніе намѣреннаго опьяненія разсматривается какъ обстоятельство, смягчающее наказаніе, ибо въ трезвомъ видѣ человѣкъ не совершилъ бы преступленія.

Переходя къ древнимъ памятникамъ, надо, прежде всего, замѣтить, что въ древнее время нѣтъ указаній на то, чтобы различалось полное и неполное опьяненіе: есть полное основаніе думать, что въ древнее время такого различія и не дѣлали. Теперь признаютъ его, благодаря успѣхамъ естественныхъ наукъ. Въ древнее же время наука не могла придти на помощь юристамъ. Не только у насъ, но и въ другихъ странахъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на различіе въ древности между состояніемъ полнаго и неполнаго опьяненія. Древность знаетъ только не полное опьяненіе, которое никогда не освобождаетъ отъ вмѣненія, но ведетъ только къ смягченію наказанія. Указаніе на такое смягчающее значеніе опьяненія встрѣчается въ очень глубокой древности. По Русской Правдѣ убійство, совершенное на пиру, разсматривается какъ болѣе легкое преступленіе сравнительно съ убійствомъ, совершеннымъ «въ разбоѣ». При этомъ, конечно, принималось въ соображеніе, что убійство въ первомъ случаѣ было сдѣлано человѣкомъ пьянымъ. Такой же взглядъ замѣчаемъ и въ Уложеніи, которое противополагаетъ убійство въ опьяненіи убійству съ умысломъ: «убилъ пьянымъ дѣломъ, а не умышленіемъ»,—говоритъ Уложеніе. За убійство, совершенное въ пьяномъ состояніи, Уложеніе полагаетъ кнутъ, а за убійство съ умысломъ смертную казнь. Но рядомъ со статьями, проводящими указанное различіе, есть одна статья, въ которой пьяное состояніе поставлено

на ряду съ умысломъ. Въ 17 ст. XXII гл. читаемъ: «А буде кто съ похвальбы или съ пьянства или умысломъ наскачетъ на лошади на чью жену и лошадью ее стопчетъ и повалитъ и тѣмъ ее обезчеститъ.., и беременная жена отъ того бою дитя родитъ мертво» и т. д. Какъ объяснить это различіе? Статья говоритъ о наѣздѣ съ похвальбы. Это конечно, умыселъ. Опьяненіе приводится здѣсь какъ обстоятельство, сопутствующее исполненію замысла обезчестить чужую жену. Это опьяненіе для бодрости. Преступленіе, совершенное при такомъ опьяненіи, Уложеніе и приравниваетъ умыслу. Оно, значитъ, различаетъ условія, при которыхъ человѣкъ напился.

2. Состояніе раздраженія, вызванное лицомъ, по отношенію къ которому совершено правонарушеніе. Объ этомъ говоритъ Русск. Пр. Если на судѣ выяснилось, что получившій побои и пришедшій съ жалобой, самъ началъ драку, онъ не получалъ никакого вознагражденія, если бы даже былъ избитъ до крови: «то ему за платежъ, оже й били» (III 33). Въ позднѣйшихъ памятникахъ объ этомъ нѣтъ рѣчи, но нѣтъ повода думать, чтобы практика не различала такихъ случаевъ.

II. Преступное дѣйствіе можетъ быть разсматриваемо съ внѣшней стороны, т.-е. по мѣрѣ того, насколько намѣреніе человѣка обнаруживается во внѣ. Одной злой воли человѣка мало для его наказанія,—нужно преступное дѣйствіе. Мысль, не перешедшая въ дѣло, ненаказуема. Внѣшнее дѣйствіе есть существенный признакъ преступленія. Говоря о дѣйствіи, необходимо имѣть въ виду, что здѣсь разумѣется именно дѣйствіе, а не результатъ его, такъ какъ преступный результатъ не есть необходимый признакъ преступленія. Результатъ можетъ по чему-либо и не послѣдовать. Воля, переходя въ дѣйствіе, проходитъ разныя ступени. Для того, чтобы достигнуть преступной цѣли, совершить преступленіе, необходимо бываетъ сдѣлать нѣкоторыя приготовительныя дѣйствія, напр., купитъ орудіе преступленія и проч. Ученіе о преступномъ дѣйствіи съ внѣшней

стороны разсматриваетъ рядъ послѣдовательныхъ дѣяній, въ которыхъ злая воля переходитъ въ дѣло, воплощается во внѣ.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія проявленіе злой воли во внѣ, современная наука выдѣляетъ голый умыселъ, т.-е. умыселъ, еще не перешедшій въ дѣйствіе, и признаетъ его ненаказуемымъ.

Затѣмъ она различаетъ слѣдующія стадіи обнаруженія злой воли.

1) Приготовленіе. Подъ приготовленіемъ разумѣется поставленіе себя въ возможность совершить преступленіе. Въ приготовленіи всегда есть внѣшнее дѣйствіе. Напр., человѣкъ покупаетъ оружіе для совершенія убійства. По общему правилу, приготовленіе считается ненаказуемымъ, потому что трудно установить преступность приготовленія. Въ самомъ дѣлѣ, изъ того, что кто-нибудь купилъ револьверъ или ножъ, не слѣдуетъ еще, что онъ желаетъ совершить убійство. Наказуемымъ признается совершеніе только такихъ дѣйствій, которыя сами по себѣ воспрещены закономъ подъ угрозою наказанія.

2) Покушеніе. Подъ покушеніемъ разумѣется начало исполненія. Человѣкъ не только приготовился, но и началъ совершать что-нибудь такое, что ведетъ къ цѣли преступленія. Покушеніе есть частичное осуществленіе преступнаго намѣренія, совершеніе какого-нибудь изъ тѣхъ дѣйствій, которыя нужно совершить для достиженія цѣли; но самаго результата здѣсь еще нѣтъ. При оцѣнкѣ наказуемости покушенія обращаютъ вниманіе на причины, помѣшавшія преступнику дойти до совершенія преступленія. Онъ не совершилъ преступленія потому, что самъ не пошелъ далѣе, испугавшись послѣдствій. Такое покушеніе признаютъ ненаказуемымъ. Но могутъ быть и другія причины: полиція или посторонніе люди могли остановить преступника и не дать ему довести свое дѣло до конца. Такого рода покушеніе, остановленное посторонними силами, а не по соб-

ственной волѣ преступника, наказывается, но слабѣе, чѣмъ еслибы оно было доведено до конца.

3) Неудавшееся преступленіе. Подъ нимъ разумѣется такое дѣяніе, въ составъ котораго вошли всѣ тѣ дѣйствія, которыя нужны для достиженія преступной цѣли, но результата почему-либо не послѣдовало. Человѣкъ купилъ ядъ, высыпалъ въ стаканъ съ водой и далъ выпить, но смерть не послѣдовала, можетъ быть, отъ того, что яду было дано меньше, чѣмъ нужно, или отъ того, что по ошибкѣ вмѣсто яду былъ насыпанъ сахаръ и т. под. Неудавшееся преступленіе наказывается, но слабѣе, чѣмъ преступленіе, достигшее своей цѣли. Съ точки зрѣнія злой воли человѣкъ одинаково виновенъ, какъ въ томъ случаѣ, когда онъ достигъ цѣли, такъ и въ томъ, когда онъ, сдѣлавъ все нужное, цѣли не достигъ; а между тѣмъ въ первомъ случаѣ теорія признаетъ его подлежащимъ наказанію въ большей мѣрѣ, чѣмъ во второмъ. Причина такого различія въ томъ, что во второмъ случаѣ матеріальнаго вреда не послѣдовало. Матеріальная точка зрѣнія, значитъ, не совершенно еще вымерла.

4) Послѣдняя ступень есть совершеніе преступленія, т. е. достиженіе самой преступной цѣли: человѣкъ хотѣлъ убить и убилъ. Совершеніе преступленія наказывается въ самой большей мѣрѣ.

Изъ нашихъ памятниковъ объ этихъ вопросахъ говоритъ только Уложеніе, болѣе древніе почти ничего не содержатъ сюда относящагося. Нѣкоторые историки права въ ст. Русск. Правды: «Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть, то тъи гривноу положить» (I, 12) усматриваютъ случай выдѣленія покушенія отъ совершенія преступленія, но не объясняютъ, на какое же преступленіе обнаженіе меча будетъ покушеніемъ. Человѣкъ можетъ обнажить мечь безъ желанія ранить или убить, а единственно съ желаніемъ устрашить, прогнать. Приведенную статью можно, поэтому, разсматривать не какъ покушеніе на неизвѣстное преступленіе,

а какъ совершенно самостоятельную обиду, состоящую въ угрозѣ.

Уложеніе различаетъ: голый умыселъ, покушеніе и совершеніе преступленія; что же касается послѣдствій, которыя оно соединяетъ съ этими фактами, то оно весьма отступаетъ отъ воззрѣній нашего времени. Уложеніе въ двухъ случаяхъ признаетъ умыселъ наказуемымъ. Первый случай относится къ преступленіямъ противъ Царскаго Величества. Въ ст. I главы II читаемъ: «Буде кто какимъ умышленіемъ начнетъ мыслить на государево здоровье злое дѣло и про злое умышленіе кто извѣститъ и по тому извѣту сыщется до прямо, что онъ на Царское Величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ, казнити смертію». То же наказаніе полагается и за самое совершеніе. Эта любопытная черта свойственна не одному только московскому праву: во всей западной средневѣковой Европѣ голый умыселъ противъ жизни и здоровья государя и противъ цѣлости государства велъ къ совершенно такимъ же послѣдствіямъ, какъ и самое совершеніе. Но съ теченіемъ времени этотъ взглядъ былъ тамъ оставленъ. Точно такъ же голый умыселъ строго наказывается и въ томъ случаѣ, когда рабъ помыслитъ убійство на того, кому служитъ; но все же легче, чѣмъ самое дѣло, а именно, отсѣкаютъ только одну руку (XXII, 8), Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ умыселъ ненаказуемъ. Похвальба убить, поджечь—ненаказуема, она ведетъ только къ выдачѣ опасной грамоты или представленію порукъ въ томъ, что угроза не будетъ приведена въ исполненіе (X, 133, 202).

Уложеніе знаетъ уже покушеніе. Указаніе на это находимъ въ статьяхъ, относящихся къ государственныхъ преступленіямъ. Ст. 2-я главы II-й говоритъ: «Кто, хотя Московскимъ государствомъ завладѣть и государемъ быть, и для того своего умышленія начнетъ рать собирать, или кто съ недруги Царскаго Величества начнетъ дружиться и совѣтными грамотами ссылатися, казнити смертію»—это то же наказаніе, что и за самое совершеніе. Уложеніе различаетъ

покушеніе и еще въ одномъ случаѣ. Если чей-нибудь человѣкъ, желая убить своего господина, «выметъ какое оружіе», онъ теряетъ руку, какъ и за голый умыселъ (XXII 8). То же подлежитъ отсѣченію руки и тотъ, кто въ присутствіи государя вынетъ оружіе, но никого не ранитъ и не убьетъ (III, 4). Но здѣсь надо видѣть не покушеніе, а нарушеніе порядка въ присутствіи государя, какъ и въ ст. 105 главы X: «А буде кто передъ судьями на кого замахнется какимъ оружіемъ, а не ранитъ» [1]).

Наконецъ, Уложенію извѣстно совершеніе преступленія, за что, обыкновенно, назначается самая высшая мѣра наказанія.

На вопросѣ о прерванномъ покушеніи и о преступленіи удавшемся и неудавшемся Уложеніе не останавливается.

III. Субъектомъ преступленія можетъ быть и не одно лицо, а нѣсколько. Отсюда возникаетъ вопросъ о мѣрѣ участія каждаго. Эта мѣра участія можетъ быть очень различна.

Различаютъ участіе случайное и необходимое. Необходимое участіе имѣетъ мѣсто въ такихъ преступленіяхъ, которыя могутъ быть совершены не иначе, какъ при участіи нѣсколькихъ лицъ, каковы напр., поединокъ, прелюбодѣяніе и т. п. Случайнымъ участіемъ, напротивъ, называется участіе нѣсколькихъ лицъ въ такомъ преступленіи, которое можетъ быть совершено и однимъ лицомъ, но которое, въ данномъ случаѣ, совершено нѣсколькими, напр., кража, убійство и т. п. Мы будемъ говорить только о случайномъ соучастіи.

Въ случайномъ соучастіи различаютъ два вида; главное участіе, технически называемое виновничествомъ, и второстепенное, пособничество. Подъ виновничествомъ разумѣютъ такое участіе, которое состоитъ въ непосредственномъ или

---

[1]) Для огражденія порядка въ мѣстахъ нахожденія государя Уложеніе запрещаетъ не только стрѣлять, но и имѣть при себѣ пищали и луки. За нанесеніе же раны виновный казнился смертью, какъ и за убійство. III, 6.

посредственномъ совершеніи дѣйствій, входящихъ въ составъ преступнаго дѣянія. Между главными виновниками различаютъ виновниковъ интеллектуальныхъ и физическихъ. Подъ первыми разумѣютъ такихъ лицъ, которыя непосредственно не прилагали своей руки къ совершенію преступнаго дѣйствія, но задумали преступленіе и научили другихъ, какъ его совершить. Подъ вторыми—лицъ, непосредственно совершившихъ преступленіе. Интеллектуальное виновничество имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, когда 1) есть умышленность, т.-е. интеллектуальными виновниками будутъ только тѣ лица, которыя подговаривали другихъ сдѣлать извѣстное преступленіе, а не просто только высказывали теоретически свои мысли о возможности преступленія; 2) нужно, чтобы дѣйствительно было совершено то, къ чему побуждали интеллектуальные виновники, въ противномъ случаѣ, это будетъ только приготовленіе къ преступленію. Относительно ихъ наказуемости существуетъ нѣкоторая разница мнѣній. Одни думаютъ, что интеллектуальныхъ виновниковъ нужно всегда наказывать строже, чѣмъ физическихъ; между тѣмъ какъ другіе допускаютъ большую строгость наказанія только въ томъ случаѣ, когда интеллектуальные виновники по своему обравованію могли имѣть подавляющее вліяніе на фивическихъ или были ихъ начальниками.

Подъ пособниками разумѣются такія лица, которыя, не совершая преступныхъ дѣйствій, такъ или иначе содѣйствовали совершенію преступленія, напр., сторожили, доставили оружіе и проч. Пособники наказываются легче, чѣмъ главные виновники.

Кромѣ участниковъ преступленія различаютъ еще прикосновенныхъ къ преступленію лицъ. Эти вовсе не участвовали въ совершеніи преступленія и не содѣйствовали къ тому, но они слышали, что кто-либо готовится совершить преступленіе, и не воспрепятствовали, или дали укрыться преступнику, или спрятали вещи, добытыя путемъ преступленія, и пр. Отношеніе ихъ къ преступленію, въ большин-

ствѣ случаевъ, возникаетъ уже по совершеніи преступленія. Различаютъ слѣдующіе три вида прикосновенности: попустительство, укрывательство и недонесеніе. Подъ попустителями разумѣютъ лицъ, которыя слышали о готовящемся совершиться преступленіи, но не приняли мѣръ къ воспрепятствованію. Вторая форма прикосновенности есть укрывательство, которое распадается на множество видовъ: можно скрыть преступника, слѣды преступленія, украденныя вещи и т. п. Побужденія къ укрывательству могутъ быть чрезвычайно различны: сынъ можетъ укрыть своего отца по чувству любви, пристанодержатель укрываетъ воровъ изъ выгоды. Эти различія вліяютъ и на мѣру наказанія, которая не можетъ быть для всѣхъ случаевъ одинакова. Послѣдній видъ прикосновенности есть недонесеніе о совершенномъ уже преступленіи.

Уложеніе различаетъ главныхъ виновниковъ и второстепенныхъ; среди главныхъ оно различаетъ физическихъ и интеллектуальныхъ. И тѣхъ и другихъ оно обыкновенно наказываетъ въ одинаковой мѣрѣ, даже въ томъ случаѣ, когда физическій виновникъ былъ рабъ и дѣйствовалъ по приказу гоподина (X, 133; XXII, 7, 12, 10). Есть случай, въ которомъ фактическій исполнитель наказывается даже строже интеллектуальнаго виновника. Это за невѣрное составленіе суднаго списка. Дьякъ, который прикажетъ написать неправду, наказывается кнутомъ; подьячій, который напишетъ, теряетъ руку. Эту непослѣдовательность надо, кажется, объяснять тѣмъ, что составители хотѣли наказать подьячаго въ томъ самомъ органѣ, который совершилъ преступленіе (X, 12): рука писала, она и виновата, ее и отсѣкали.

Пособниковъ Уложеніе называетъ «товарищами». Товарищи наказываются легче, чѣмъ главные виновники: за убійство, напр., главный виновникъ подвергается смертной казни, у товарищей же отсѣкается только рука или имъ назначается кнутъ и ссылка. Это различіе не имѣло мѣста

въ преступленіяхъ противъ величества, гдѣ всѣ наказывались одинаково.

Уложеніе различаетъ разные виды прикосновенности: попустительство, неоказаніе помощи, укрывательство преступника, награбленныхъ вещей и пр. При оцѣнкѣ послѣдствій прикосновенности, надо отличать преступленія противъ царскаго величества отъ всѣхъ другихъ. Въ первыхъ, недонесеніе о преступленіи, угрожавшемъ государю, наказывается, какъ и главное виновничество, смертною казнью. Въ этомъ отношеніи не сдѣлано никакого различія между посторонними людьми и членами семьи. Въ другихъ преступленіяхъ многіе виды прикосновенности были наказуемы, но въ очень разной мѣрѣ. Въ Московскомъ государствѣ всякій былъ обязанъ оказывать другому помощь въ случаѣ опасности. Кто слышалъ зовъ на помощь и не шолъ помогать, наказывался кнутомъ нещадно (XXII, 59). Пристанодержатели наказывались, какъ разбойники (XXI, 63). За укрывательство татей и разбойниковъ и непоимку ихъ назначалась пеня (XXI, 15, 20, 62). За пріемъ же краденаго, храненіе и продажу—взыскивались только убытки и назначалась тюрьма, но въ томъ только случаѣ, если виновный не представлялъ за себя поручителей (XXI, 6).

Московскому государству былъ извѣстенъ особый видъ укрывательства господами своихъ людей и крестьянъ. Если они побьютъ ихъ сами, а къ суду не представятъ, то помѣщики лишались помѣстій и платили исцовы иски, а люди всѣхъ другихъ чиновъ жестоко казнились кнутомъ и тоже платили убытки (XXI, 79).

IV. Повтореніе преступленій. Подъ повтореніемъ преступленій разумѣютъ новое совершеніе однимъ и тѣмъ же лицомъ преступленія, за которое оно уже разъ судилось и понесло наказаніе. Если преступникъ совершаетъ одинъ разъ кражу, другой разъ убійство, въ третій разъ разбой и т. п., это будетъ не повтореніе преступленій, а ихъ стеченіе. Подъ стеченіемъ преступленій разумѣютъ совершеніе однимъ и тѣмъ же лицомъ одновременно или разновре-

менно нѣсколькихъ однородныхъ или разнородныхъ преступленій. Къ повторенію преступленій законодательства не относятся равнодушно. Отъ повторенія преступленія заключаютъ къ испорченности и неисправимости преступника; онъ былъ уже наказанъ и, несмотря на то, продолжаетъ совершать тѣ же самыя преступленія. Въ древнее время повтореніе вело въ болѣе крупныхъ преступленіяхъ къ крайнему усиленію наказанія. Оно обыкновенно усиливается и въ наше время, не далеко не въ той степени.

Наши памятники московскаго времени смотрятъ на повтореніе, какъ на обстоятельство, указывающее на чрезвычайную испорченность преступника, и потому, при повтореніи преступленій, сильно увеличиваютъ наказаніе. Эта точка зрѣнія свойственна какъ Судебникамъ, такъ и Уложенію, но въ Судебникахъ возрастаніе наказаній идетъ быстрѣе, чѣмъ въ Уложеніи. По первому и второму Судебнику первая кража ведетъ за собою наказаніе кнутомъ, а вторая—смертную казнь. Русская Правда не знаетъ повтореній, но оно извѣстно греко-римскимъ сборникамъ. Можетъ быть статьи Судебниковъ возникли и не безъ вліянія византійскаго права, хотя въ Судебникахъ мѣра наказаній возрастаетъ въ сильнѣйшей пропорціи, чѣмъ въ Градскихъ законахъ. По Уложенію, быстрота возрастанія наказанія нѣсколько уменьшена. До смертной казни Уложеніе доходитъ только при совершеніи третьей кражи. Первая кража ведетъ за собою кнутъ, тюремное заключеніе на два года и отрѣзаніе лѣваго уха; вторая наказывается также кнутомъ, тюремнымъ заключеніемъ на 4 года и отрѣзаніемъ праваго уха; за третью кражу казнили смертью. Разбой, какъ болѣе тяжкое преступленіе, при первомъ повтореніи ведетъ уже къ смертной казни; за первый же разбой назначался кнутъ, трехгодичное тюремное заключеніе и отрѣзаніе праваго уха.

Примѣръ совершенно правильнаго отношенія къ повторенію даетъ 9 ст. главы III: «А будетъ кто Ц. величества во дворѣ украдетъ что ни буди въ первые, и того бить кнутомъ. А будетъ того же татя съ краденымъ поймаютъ

въ другіе, бить кнутомъ же да вкинуть на полгода въ тюрьму. А будетъ тотъ же тать пойманъ... въ третье, и ему за то отсѣчь руки». Здѣсь предусмотрѣны случаи не стеченія, но повторенія въ точномъ смыслѣ этого понятія, какъ и статьи Судебниковъ. То же и въ 8 ст. гл. VII о бѣгствѣ со службы. Но двѣ статьи о кражѣ и разбоѣ XXI гл. могутъ возбудить нѣкоторое недоразумѣніе, нуждающееся въ разъясненіи.

Статья 9 гл. XXI Уложенія говоритъ, что татя за первую кражу надо бить кнутомъ, отрѣзать лѣвое ухо и посадить въ тюрьму на два года.

Статья 10 начинается такъ: «А будетъ того же татя изъимаютъ на другой татьбѣ» и т. д. Здѣсь рѣчь идетъ о повтореніи въ точномъ смыслѣ слова. Во второй татьбѣ пойманъ воръ, который судился уже и былъ наказанъ. Онъ наказывается по этой статьѣ за вторую кражу.

Статья 12, говорящая о третьей кражѣ, такъ формулирована, что можетъ подать поводъ къ смѣшенію повторенія со стеченіемъ: «А приведутъ татя, а доведутъ на него татьбы три или четыре или больши, и того татя казнити смертію». Въ трехъ и болѣе кражахъ можетъ быть обвиненъ человѣкъ, который подъ судомъ еще не былъ. Это будетъ стеченіе, которое здѣсь не строго различено отъ повторенія. Отправляясь же отъ порядка послѣдовательности статей: 9, 10 и 12, надо думать, что редакторы Уложенія имѣли въ виду именно повтореніе, но въ ст. 12 къ повторенію прибавили и стеченіе, а потому говорятъ не о 3-хъ только кражахъ, а о 4-хъ, 5-ти и т. д.

Статьи 16 и 17 говорятъ о повтореніи разбоя: ст. 16-я о первомъ, 17-я о второмъ. Но послѣдняя къ повторенію присоединяетъ и стеченіе нѣсколькихъ разбоевъ. По ст. 17-й виновный за второй разбой наказывается смертью. Этому же наказанію подлежалъ бы онъ, если бы къ повторенію присоединилось и стеченіе; какъ и воръ по 12 статьѣ подлежитъ смертной казни за третье повтореніе и за стеченіе, если бы оно имѣло мѣсто.

О повтореніи рѣчь идетъ еще въ XXV главѣ, гдѣ говорится о корчемствѣ и запрещенной продажѣ табака. Въ первомъ случаѣ встрѣчаемъ совершенно правильное понятіе повторенія: о стеченіи здѣсь нѣтъ рѣчи (XXV, 12). За первое корчемство полагается штрафъ въ 5 р., за второе—въ 10, за третье—въ 20 р. Продажа табаку преслѣдовалась гораздо строже. Здѣсь рѣчь идетъ «о наказаніи безъ пощады подъ смертною казнію», о битьѣ кнутомъ на козлѣ, о торговой казни, о рваньѣ ноздрей и рѣзаніи носовъ, но послѣдовательность не очень ясна (11—16).

II. Наказаніе

Мы видѣли, что воззрѣнія древняго времени на преступленіе существенно отличаются отъ современныхъ; то же самое наблюдаемъ и по отношенію къ наказанію. Въ настоящее время наказываетъ государство и наказаніе имѣетъ публичный характеръ; государство принимаетъ преступленія на свой счетъ и само дѣйствуетъ противъ преступниковъ. Всякое наказаніе состоитъ въ причиненіи какой-нибудь непріятности преступнику, какого-нибудь страданія. Страданіе можетъ быть разное: лишеніе свободы, тѣлесное наказаніе и т. п.; но, во всякомъ случаѣ, виновный страдаетъ теперь по волѣ государства. Это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что въ настоящее время государство всемогуще. Въ древнее время наблюдаемъ иной порядокъ вещей. Первоначально наказаніе имѣетъ исключительно частный характеръ; наказываетъ не государство, а частное лицо, самъ потерпѣвшій или его родственники. На этой первой степени своего развитія наказаніе является въ формѣ мести; месть, по времени, первый видъ наказанія. За местью слѣдуетъ выкупъ, въ смыслѣ денежнаго вознагражденія пострадавшему или его родственникамъ; это тоже частная форма наказанія. Только съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ государство крѣпнетъ и начинаетъ принимать преступленія на свой счетъ, оно само

начинаетъ облагать ихъ наказаніями, и наказанія пріобрѣтаютъ публичный характеръ. Но первоначально и публичныя наказанія имѣли форму частныхъ: государство брало тоже выкупъ. Наказанія, какъ и преступленія, не созданы государствомъ— они древнѣе государства.

Перейдемъ къ подробностямъ и прежде всего остановимся на мести. Что такое месть? Месть есть право пострадавшаго или его родственниковъ воздать виновному или его родственникамъ столько, сколько, подъ вліяніемъ раздраженнаго чувства, онъ находилъ нужнымъ. Такимъ образомъ, месть представляется наказаніемъ чисто субъективнымъ: пострадавшій воздаетъ въ мѣру своего разгнѣваннаго чувства. Все дѣло зависитъ отъ темперамента пострадавшаго, одинъ можетъ быть разгнѣванъ ничтожнымъ преступленіемъ гораздо больше, чѣмъ другой важнымъ. Месть есть наказаніе крайне неравномѣрное или безмѣрное, такъ какъ мѣра его лежитъ только въ субъективномъ чувствѣ пострадавшаго. Институтъ мести чрезвычайно распространенъ; мы встрѣчаемся съ ними у всѣхъ народовъ древняго времени.

Что значитъ мстить? Мстить значитъ нападать на противника, наносить ему удары и убивать. Такъ по германскому взгляду и по древнему русскому. Когда Янъ Вышатичъ убѣдился въ винѣ волхвовъ (1070), онъ сказалъ бѣлозерцамъ: «мстите своихъ». «Они же, — говоритъ лѣтописецъ,—биша ихъ и взвѣсиша на дубъ». Здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно жестокимъ видомъ мести: виновныхъ сперва подвергаютъ всякимъ истязаніямъ, а потомъ вѣшаютъ.

Месть вызывалась не только убійствомъ, но и всякими другими преступленіями. Любопытный примѣръ представляетъ исторія Исава и Іакова, сыновей Исаака. Исавъ, какъ старшій сынъ, имѣлъ право на первенство. Ревекка, болѣе любившая младшаго сына Іакова, устроила такъ, что старшинство досталось этому младшему, что возбудило негодованіе со стороны старшего сына, Исава, который возгорѣлся чувствомъ мести къ брату. По этому поводу Ревекка

говоритъ Іакову: «зачѣмъ я должна потерять васъ обоихъ въ одинъ день!» и совѣтуетъ ему уйти. Ясно, что Исавъ могъ убить брата своего Іакова за то, что тотъ обманомъ получилъ отъ отца благословеніе, которое принадлежало Исаву, какъ старѣйшему. Въ Черногоріи мстятъ жениху за отказъ отъ вступленія въ бракъ. По Русской Правдѣ можно было мстить за убійство, нанесеніе ранъ (I ред. 4, 5 и 6), побоевъ (I ред. 7, III ред. 27 и 28), за кражу (II 3).

Месть можетъ имѣть мѣсто какъ по отношенію къ чужимъ людямъ, такъ и въ предѣлахъ собственной семьи. У русскихъ славянъ месть, кажется, была очень употребительна. На это предположеніе наводятъ слова начальнаго лѣтописца о древлянахъ: «убиваху другъ друга». Примѣромъ мести между братьями можетъ служить война между дѣтьми князя Святослава Игоревича. Но не только братъ брату, жена можетъ мстить мужу и сынъ отцу. Примѣръ мести мужу и отцу даетъ семейство Владиміра, крестившаго Русь. Рогнѣда при жизни своего отца не хотѣла выйти замужъ за Владиміра, не желая «разути рабынича». Позднѣе Владиміръ завоевалъ Полоцкое княженіе, убилъ отца Рогнѣды, а ее взялъ себѣ въ жены. Такимъ образомъ состоялся бракъ Владиміра съ Рогнѣдою. Однажды ночью Рогнѣда сдѣлала покушеніе убить Владиміра, но онъ во̀время проснулся и убійство не состоялось. Лѣтописецъ такъ объясняетъ словами Рогнѣды ея попытку убить мужа: «сжалилась бяхъ, зане отца моего убилъ и землю его полонилъ». Значитъ, Рогнѣда желала убить Владиміра изъ мести за отца. Владиміръ рѣшилъ казнить Рогнѣду и назначилъ для совершенія казни слѣдующее утро. Но когда онъ пришелъ въ комнату, гдѣ была Рогнѣда, его встрѣтилъ малолѣтній сынъ его отъ Рогнѣды, Изяславъ, съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ и сказалъ отцу: «отче, егда одинъ мнишися ходя?» т.-е. не думаешь ли ты, что ты одинъ, и что не будетъ мстителя за смерть моей матери. Конечно, Изяслава научили, но это ничего не измѣняетъ въ существѣ дѣла. Его учили тому, что дѣйствительно было возможно по по-

нятіямъ того времени. Месть могла имѣть мѣсто даже въ предѣлахъ семьи между самыми близкими родственниками Если бы и весь разсказъ былъ вымышленъ, онъ все-таки не теряетъ своей доказательной силы. Вымыслы отражаютъ понятія своего времени.

У евреевъ месть имѣла религіозный характеръ: Іегова мстилъ за преступленія родителей на дѣтяхъ 3 и 4 поколѣнія. У германцевъ месть стоитъ въ связи съ родовыми понятіями; это есть обязанность, налагаемая родовою связью.

Изъ германскихъ источниковъ видно, что наслѣдники убитаго не могли вступать въ его права до тѣхъ поръ, пока не отомстили за него. Считалось неприличнымъ занять дома мѣсто убитаго, пока не была отомщена его смерть; мало того, считалось неприличнымъ показываться въ обществѣ до тѣхъ поръ, пока убитый не былъ отомщенъ. Въ сагахъ разсказывается такой случай: когда братъ медлилъ мстить за смерть брата, то мать дала ему пощечину; но когда онъ и послѣ этого медлилъ, она подала ему за обѣдомъ камень вмѣсто хлѣба.

Месть у арабовъ выходитъ изъ всякихъ границъ умѣренности и справедливости. Мститель пріобрѣтаетъ великую славу и восхваляется въ пѣсняхъ. Мстятъ по прошествіи многихъ лѣтъ, и не всегда самому виновному, а нерѣдко его невинному родственнику и даже лучшему человѣку племени. Месть идетъ изъ роду въ родъ и оканчивается нерѣдко лишь съ истребленіемъ всѣхъ противниковъ.

Только съ теченіемъ времени, когда человѣчество начинаетъ убѣждаться, что такой порядокъ вещей невозможенъ, что никакое благоустроенное общество не можетъ существовать при неограниченномъ господствѣ права мести, появляются ограниченія мести.

Моисею приписывается установленіе убѣжищъ, куда могли скрываться неумышленные убійцы, которымъ угрожала месть. Въ Палестинѣ такихъ убѣжищъ сперва было 3, потомъ 6. Скрывшійся въ убѣжищѣ не подлежалъ мести, а выдавался на судъ общины, кромѣ предумышленныхъ убійцъ, ко-

торые выдавались обиженному. У германцевъ встрѣчаемся съ ограниченіемъ мести извѣстнымъ срокомъ; можно было мстить только въ теченіе года со днемъ. По прошествіи этого срока обиженный не имѣлъ права мстить. При установленіи этого ограниченія, конечно, предполагалось, что по истеченіи этого срока взволнованное чувство обиженнаго могло успокоиться. Германскому праву извѣстно такъ же учрежденіе убѣжищъ. Убѣжищами служили: церкви, монастыри, цѣлые города и даже частные дома.

Право убѣжищъ въ зап. Европѣ стоитъ въ связи съ законодательствомъ первыхъ христіанскихъ императоровъ. Константинъ В. объявилъ всѣ церкви мѣстомъ убѣжища. Ѳеодосій II распространилъ это право и на всѣ зданія, принадлежащія церквамъ. Еще далѣе пошли папы; они признали всѣ монастыри мѣстами убѣжищъ. Единовременно съ этимъ встрѣчаемъ и свѣтскія мѣста убѣжищъ. Въ силу жалованныхъ королевскихъ грамотъ мѣстами убѣжищъ признаются цѣлые города (Лозанна, Тюбингенъ) и даже частные дома (господскіе). Такое широкое распространеніе права убѣжища повело къ злоупотребленіямъ. Мѣста убѣжищъ стали служить сборищемъ разбойниковъ, убійцъ и всякихъ преступниковъ. Это вызвало рядъ ограниченій. Злонамѣренные убійцы, разбойники и поджигатели были лишены права пользоваться мѣстами убѣжища.

Скрывшійся въ убѣжищѣ долженъ былъ или примириться съ обиженнымъ или предстать на судъ. Время нахожденія въ убѣжищѣ сначала не было опредѣлено, что было очень неудобно для частныхъ домовъ; эти неудобства вызвали необходимость установить срокъ пользованія убѣжищемъ, который былъ опредѣленъ въ 6 недѣль и 3 дня. Состоялось примиреніе или нѣтъ, обидчикъ, по истеченіи установленнаго срока, долженъ былъ оставить убѣжище. Вмѣстѣ съ этимъ для обиженнаго снова открывалась возможность мести. Германское право опредѣляло, на какомъ разстояніи отъ оставленнаго убѣжища обиженный могъ напасть на обидчика. Но обидчикъ, конечно, могъ спрятаться

въ новомъ убѣжищѣ. Хозяину оставляемаго убѣжища предоставлялось проводить на нѣкоторое разстояніе обидчика и охранять его въ это время. Обидчикъ выдавался обиженному, если не успѣвалъ примириться съ нимъ или получить судебное оправданіе и во время нахожденія во второмъ убѣжищѣ (Fraüenstädt, Blutrache und Todtchlagsühne).

Въ нашихъ памятникахъ встрѣчается указаніе, что мстить можно было только немедленно послѣ нанесенной обиды. Ст. 7-я I ред. Рус. Пр. говоритъ, что выкупъ за ударъ берется въ томъ случаѣ, если потерпѣвшій «не постигнетъ» обидчика. Заключаемъ: если настигнетъ, можно мстить; если же обидчикъ съумѣетъ скрыться, месть замѣняется выкупомъ. Ст. 28 III р. говоритъ, если кто не стерпитъ обиды, причиненной ударомъ, и отвѣтитъ ударомъ меча, вины въ томъ нѣтъ. Заключаемъ: если обиженный перенесетъ оскорбленіе дѣйствіемъ въ моментъ его нанесенія, то послѣ нельзя уже отомстить за него ударомъ меча.

Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что 1-я статья Русской Правды ограничиваетъ месть. Она читается такъ: «Аже убьетъ мужь мужа, то мстити брату брата, или сынови отца, либо отцу сына, либо брату чаду, либо сестрину сынови, аще не будетъ кто мстя, то 40 гривенъ за голову». Эту статью толкуютъ въ томъ смыслѣ, что она, будто бы, перечисляетъ случаи убійствъ, въ которыхъ допущено было отомщеніе. Если принять это мнѣніе, то выйдетъ, что можно было мстить только за отца, сына, брата и дядю, а за остальныхъ родственниковъ нельзя, т.-е. нельзя было мстить ни за дѣда, ни за женщинъ вообще: мать, сестру, тетку и проч Такое толкованіе трудно принять. Подъ 1070 годомъ находимъ въ лѣтописи извѣстіе о мести за матерей и сестеръ. Это извѣстіе относится ко времени сыновей Ярослава, приведенная же статья старѣе ихъ. Въ ней надо видѣть примѣрное перечисленіе мстителей, а не ограниченіе случаевъ мести.

Такъ какъ месть есть право, то она осуществлялась

гласно, никто не старался скрыть того, что онъ мститъ. На это есть и прямыя указанія въ памятникахъ западно-европейскаго права. Въ законахъ салическихъ франковъ есть статья, изъ которой видно, что головы лицъ, убитыхъ въ отомщеніе, отрубались и выставлялись на шестѣ. Мстители сами выставляли свой поступокъ на показъ и какъ бы хвалились имъ. Салическіе законы угрожаютъ наказаніемъ тому, кто снималъ такую голову съ шеста и пряталъ ее. Дѣйствительно, при скрытіи головы убійство принимало иной характеръ; можно было думать, что оно совершено не изъ мести, а по какому-нибудь преступному побужденію, вслѣдствіе чего голова убитаго и была скрыта.

Возникнувъ ранѣе всякихъ судовъ, месть существуетъ значительное время и послѣ того, какъ явились суды. Прежде чѣмъ месть окончательно вышла изъ употребленія, суды признавали ее; при этомъ надо различать месть до судебную и послѣ судебную. Первая состоитъ въ томъ, что мстители, по совершеніи акта мести, сами являлись въ судъ и требовали, чтобы совершенный ими актъ правосудія былъ признанъ судомъ. По германскому праву мститель по совершеніи убійства даже долженъ былъ требовать суда, который призналъ бы его ненаказуемымъ за актъ мщенія. Въ противномъ случаѣ, онъ самъ могъ быть привлеченъ къ отвѣту и долженъ былъ доказать, что убилъ по праву (Wilda, 162). Указанія на случаи судебнаго разсмотрѣнія дѣйствій мести находимъ и въ нашихъ источникахъ, а именно въ ст. 27 и 28 Русской Правды, въ которыхъ говорится: «Аже кто кого ударилъ батогомъ, либо чашею, либо рогомъ, либо тылѣснию, то 12 гривенъ; не терпя ли противу того ударитъ мечемъ, то вины ему въ томь нѣтуть». Изъ этихъ статей надо заключить, что обиженный, нанеся ударъ мечемъ, самъ приходилъ въ судъ или вызывался противникомъ и долженъ былъ доказать, что ударъ нанесенъ въ отмщеніе. Судья, убѣдившись въ этомъ, оправдывалъ его: «вины въ томь нѣтуть». Это до судебная месть, она предшествуетъ судебному разбирательству. Нѣкоторые изслѣ-

дователи думаютъ, что месть Русской Правды не предшествовала судоговоренію, а слѣдовала за нимъ. Изъ приведенной статьи видно, что месть предшествовала судоговоренію. 7-я ст. I ред., также указываетъ на это: «Аще сего (обидчика) не постигнуть, то платити ему», т.-е. если обидчика не догонятъ, то брать съ него деньги, а догонятъ, то ему можно отомстить немедленно. Въ доказательство противоположнаго взгляда указываютъ на наказаніе волхвовъ 1070 г., которое имѣло мѣсто только послѣ того, какъ сборщикъ дани, Янъ Вышатичъ, разсмотрѣлъ дѣло и, обратясь къ народу, сказалъ: «мстите своихъ». Это, дѣйствительно, случай послѣ судебной мести, но изъ него нельзя дѣлать заключенія къ Русской Правдѣ. По Русской Правдѣ месть есть исполненіе, предшествующее приговору, а не слѣдующее за нимъ. Это вторая стадія въ исторіи мести. За нею слѣдуетъ третья. Она состоитъ въ томъ, что обиженный жалуется суду, и судъ, разсмотрѣвъ его дѣло, предоставляетъ ему право мстить. Это послѣсудебная месть. Она извѣстна, напримѣръ, вестготскому праву (Вильда, 167), могла, конечно, встрѣчаться и у другихъ народовъ и у насъ, какъ въ только-что приведенномъ случаѣ съ волхвами, но Русская Правда сохранила указанія только на до судебную месть.

Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей, именно тѣ, которые видятъ сильное вліяніе на наше право нормандскаго элемента, думаютъ, что месть не славянскаго происхожденія, а заимствована у скандинавовъ. Погодинъ, напр., говоритъ: «кровавая месть есть по преимуществу законъ скандинавскій». Это мнѣніе трудно принять: такой институтъ нельзя заимствовать, человѣкъ носитъ месть въ сердцѣ своемъ.

Вторымъ наказаніемъ, которое существовало долгое время одновременно съ местью, былъ выкупъ, т.-е. плата за обиду.

Какимъ образомъ могли существовать одновременно два такихъ несоотвѣтствующихъ другъ другу наказанія, какъ месть и выкупъ, изъ которыхъ принципъ перваго есть про-

литіе крови за кровь, а принципъ второго—плата за обиду деньгами? Выкупъ и месть хотя и существовали долгое время одновременно, но возникли не въ одно и то же время: месть является древнѣйшимъ институтомъ, выкупъ возникаетъ позднѣе, нѣкоторое время существуетъ совмѣстно съ местью и, наконецъ, мало-по-малу вытѣсняетъ ее совершенно. Первоначально выкупъ появился въ исключительныхъ случаяхъ. Обиженный по особымъ свойствамъ своего характера и по особенностямъ случая не находилъ иногда возможнымъ мстить. Вильда приводитъ изъ древнихъ германскихъ памятниковъ нѣсколько такихъ исключительныхъ случаевъ. Убійца, проникнутый сознаніемъ, что онъ поступилъ нехорошо, является къ отцу убитаго и предлагаетъ деньги за убійство его сына. Отецъ не желаетъ взять денегъ, онъ говоритъ, что не хочетъ носить своего сына въ кошелькѣ. Тогда убійца кладетъ свою голову на колѣни отца и предлагаетъ ему убить его. Отецъ не рѣшается рубить повинную голову и дѣло оканчивается тѣмъ, что онъ отказывается отъ мести и получаетъ въ подарокъ деньги. Такимъ образомъ, хотя отецъ и имѣлъ право мстить за своего сына, но, въ виду полнаго раскаянія убійцы, отказывается отъ мести и получаетъ деньги.—А съ другой стороны, обидчикъ не отдавался же покорно въ руки мстителя, а силою отражалъ силу. Между нимъ и мстителемъ могъ возгорѣться бой, исходъ котораго могъ быть и не въ пользу мстителя. Осуществленіе мести, слѣдовательно, было соединено съ опасностью для мстителя, а потому могло повести къ компромиссу, результатомъ котораго могло быть примиреніе на условіи подарка со стороны обидчика. Въ данномъ случаѣ выкупъ является оборотной стороной мести. Путемъ такого рода исключительныхъ случаевъ и вошли въ практику вмѣсто мести—выкупы. Выкупъ, какъ и месть, есть общее явленіе, присущее всѣмъ народамъ на извѣстной ступени ихъ развитія. У южныхъ славянъ и теперь еще встрѣчаемся со случаями мести и замѣны ея выкупомъ; въ Далмаціи существуетъ даже особый порядокъ примиренія мстителя съ нанесшимъ

ему обиду. Это дѣлается такимъ образомъ. Виновный обращается къ своимъ родственникамъ и пріятелямъ и проситъ ихъ, чтобы они примирили его съ обиженнымъ. Они идутъ къ имѣющему право мести и просятъ его простить обидчика. Это повторяется нѣсколько разъ. Сначала мститель отказывается отъ примиренія, къ нему обращаются вторично и такъ до трехъ разъ; всякій разъ предлагаютъ подарки. Когда, наконецъ, обиженный согласится, то назначается день примиренія. Къ дому мстителя приходятъ въ этотъ день 12 женщинъ (каждая изъ нихъ несетъ по младенцу) и говорятъ: «мы принесли 12 крестныхъ дѣтей и деньги, которыя ты желаешь получить въ знакъ прощенія». Мститель отвѣчаетъ: «принимаю», выходитъ на улицу и цѣлуетъ одного изъ дѣтей. То же дѣлаютъ и его родственники. Затѣмъ въ домѣ виновнаго устраивается обѣдъ для мстителя и его родственниковъ. Самъ виновный не присутствуетъ на пиршествѣ, но послѣ обѣда вползаетъ въ домъ на колѣняхъ, неся на шеѣ ружье, которымъ застрѣлилъ свою жертву, цѣлуетъ ноги и колѣна мстителя и проситъ прощенія; обиженный снимаетъ ружье и цѣлуетъ убійцу въ знакъ примиренія; вслѣдъ за тѣмъ родственники мстителя и онъ самъ получаютъ подарки. Описанный обрядъ примиренія стоитъ въ какой-то связи съ обрядами заключенія дружбы при посредствѣ кумовства; онъ называется «кумовствомъ примиренія». Этимъ, можетъ быть, и надо объяснять присутствіе крестныхъ дѣтей въ обрядѣ примиренія.

Германское право также знаетъ особый обрядъ испрошенія прощенія. Возникновеніе его приписываютъ вліянію католической церкви. Въ силу уставовъ франкскихъ королей и постановленій церковныхъ соборовъ, убійца исключался изъ церковнаго общенія, пока не испрашивалъ прощенія. Обрядъ испрошенія былъ таковъ. Преступникъ до начала службы приходилъ въ церковь въ особой одеждѣ и съ головой, посыпанной пепломъ. Онъ простирался на полъ и умолялъ всѣхъ приходящихъ въ храмъ просить о немъ. Мѣстный судья былъ обязанъ склонять обиженнаго къ при-

миренію. Затѣмъ, по соглашенію, назначался день, когда, послѣ церковной службы, убійца и родственники убитаго шли къ могилѣ его, которая до отмщенія должна была оставаться открытой; виновный долженъ былъ три раза просить прощенія. Родственники убитаго, въ знакъ прощенія, передавали ему отрѣзанную руку убитаго, которая сохранялась у нихъ въ домѣ до отмщенія, убійца бросалъ ее въ могилу, а родственникамъ убитаго давалъ деньги, затѣмъ происходило со стороны пострадавшихъ обѣщаніе вѣчнаго мира. Могила убитаго зарывалась. Поцѣлуй примиренія заключалъ весь обрядъ. Это происходило еще въ концѣ XVI вѣка. Плата денегъ есть выкупъ отъ мести, это деньги крови, das Blutgeld.

Въ памятникахъ древняго русскаго права нѣтъ указаній на существованіе у насъ особаго обряда примиренія. Но отъ московскаго времени къ намъ дошли мировыя записи обиженныхъ съ преступниками и эти мировыя приносились въ свое время въ приказы для записи.

Въ 1640 году, въ Бѣлозерскѣ, крестьянинъ Омросъ, послѣ обѣдни, заспорилъ со священникомъ Лукою; споръ перешолъ въ драку и Омросъ убилъ Луку. На шумъ прибѣжалъ братъ убитаго, тоже священникъ, Никандръ. Омросъ бросился и его рѣзать. Тѣмъ не менѣе Никандръ заключилъ съ Омросомъ мировую, въ которой написано: «И мнѣ (Никандру) впредъ на Омросѣ съ товарищи (ихъ было двое) не искать, въ головныхъ деньгахъ и въ похоронныхъ государю челомъ не бить, кромѣ государевыхъ пенныхъ, а пени что государь укажетъ, а я съ дѣтьми то дѣло отдали Богу судить, въ чемъ я съ своими дѣтьми и мировую запись дали Омросу съ товарищи» (Соловьевъ IX, 453). Здѣсь обиженный отказывается отъ права искать денежнаго удовлетворенія за убійство. Это, конечно, не новость XVII в., а остатокъ того порядка вещей, когда обиженный отказывался отъ права мести и удовлетворялся деньгами. Можно думать, что такъ хорошо извѣстный западнымъ славянамъ и гер-

манцамъ обычай примиренія съ убійцами на условіи денежнаго подарка былъ извѣстенъ и нашимъ предкамъ.

Въ одномъ памятникѣ конца XVII вѣка находимъ указаніе на то, что у насъ практиковалось и испрошеніе прощенія. Въ спискѣ съ дѣла 1688 г. читаемъ: «Въ иску своемъ въ безчестьи и увѣчьи... нынѣ мы, не ходя въ судъ, поговоря промежъ собой, сыскався въ правдахъ, договорились на томъ, что пріѣхавь мнѣ, Андреяну, въ домъ отца его, Кондратья, и выдаться ему, Павлу, головою... за его, Павлово, безчестье, при третьихъ» (Сергіевскій, Наказаніе въ XVII в. 282). Договоренная здѣсь выдача головою есть собственно обрядъ испрошенія прощенія, который былъ очень употребителенъ въ мѣстническихъ дѣлахъ. Надо, однако, думать, это тоже не новость, а остатокъ глубокой древности. Просили прощенія не въ одномъ безчестьи и увѣчьи, а прежде всего въ головничествѣ. Примиреніе у насъ было формально запрещено только съ ворами, схваченными съ поличнымъ. Со всѣми другими обидчиками, значитъ, оно допускалось.

Первая ст. Русской Правды говоритъ о мести и выкупѣ альтернативно и предоставляетъ обиженному выборъ: «Аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за головоу». Выраженіе это нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что выкупъ берутъ, когда некому мстить. Если некому мстить, то и выкупъ платить некому. Это выраженіе значитъ: выкупъ платится въ томъ случаѣ, когда нѣтъ желающихъ мстить. Такое пониманіе подтверждается и статьей договора неизвѣстнаго смоленскаго князя съ нѣмцами, въ которой читаемъ: «Оже имуть русина вольнаго у вольное жены въ Ризѣ или на Готьскомъ бѣрѣзѣ, оже оубьютъ, и тотъ оубить; пакы же не оубьютъ, платити ему 10 гривенъ серебра». (Русско-Ливонскіе Акты. Прибавленіе). Этотъ договоръ, современный Русской Правдѣ, даетъ объясненіе не совершенно ясной статьѣ послѣдняго памятника: плату берутъ, если не убиваютъ виновника преступленія. Убить или взять плату и у насъ было дѣломъ доброй воли обиженнаго. И у насъ, ко-

нечно, были раскаивающіеся обидчики, которые просили прощенія и предлагали подарки; были и обиженные, которые прощали, отказывались отъ мести и принимали деньги крови.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ смягченія нравовъ, случаи замѣны мести выкупомъ дѣлаются чаще и чаще. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ законодатель могъ подумать объ отмѣнѣ мести, выкупъ имѣлъ уже весьма широкое примѣненіе. Въ Русской Правдѣ есть статья, въ которой нѣкоторые изслѣдователи видятъ указаніе на официіальную замѣну мести выкупомъ. 4-я статья III р. говоритъ, что послѣ смерти Ярослава сыновья его соединились и отложили «убіеніе за голову, но кунами ся выкупати». Смыслъ этой статьи не такъ безспоренъ, какъ обыкновенно думаютъ. Изъ лѣтописи мы знаемъ, что выкупъ былъ извѣстенъ и раньше сыновей Ярослава. Еще при Владимірѣ святомъ брались за преступленія виры въ пользу князя. Лѣтописецъ называетъ обычай этотъ «устроеніемъ дѣднимъ и отчимъ». Княжескія виры, слѣдовательно, были извѣстны еще до Владиміра. Обычай же частнаго выкупа, замѣнявшаго месть, конечно, еще древнѣе. Все нововведеніе сыновей Ярослава можетъ состоять только въ томъ, что они окончательно воспретили месть, съ которою давно уже конкурировалъ выкупъ. Но и это сомнительно. Подъ «убіеніемъ за голову» можно понимать и не месть, а смертную казнь, введенную подъ вліяніемъ византійскаго законодательства. Первый опытъ введенія такой казни относится къ княженію Владиміра святого. Онъ сдѣлалъ это по совѣту епископовъ. «И умножишася разбоеве,— говоритъ лѣтописецъ,—рѣша епископы Владиміру: се умножишася разбойницы, почто не казниши ихъ? Онъ же рече: боюся грѣха. Они же реша ему: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоитъ ти казнити разбойники». Владиміръ на основаніи этого совѣта ввелъ казнь. Нововведеніе это удержалось, однако, не долго. Непосредственно за приведенными словами лѣтописецъ говоритъ о возвращеніи Владиміра къ устроенію дѣдню и отню,

т.-е. къ вирамъ. Такое же нововведеніе могло быть сдѣлано и позднѣе, при Ярославѣ; сыновья Ярослава могли найти его неудобнымъ и отмѣнить. Съ этой точки зрѣнія статья получаетъ совершенно удовлетворительный смыслъ. Она сообщаетъ свѣдѣнія о порядкѣ княжескаго суда:

«По Ярославѣ же паки совокупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ, Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ, и отложиша оубиение за голову, но кунами ея выкупати; а ино все якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его оуставиша».

Смыслъ статьи слѣдующій: сыновья Ярослава судятъ такъ же, какъ судилъ ихъ отецъ, за однимъ исключеніемъ, состоящимъ въ томъ, что они отложили убіеніе за голову (т.-е. казнь) и стали присуждать выкупъ.

При этомъ пониманіи конецъ статьи совершенно соотвѣтствуетъ ея началу: все ея содержаніе относится къ судебной дѣятельности сыновей Ярослава и опредѣляетъ ее сравнительно съ судебной дѣятельностью умершаго Ярослава. Изъ словъ текста: «а ино все, якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша» слѣдуетъ, что въ первой части предложенія рѣчь идетъ также о практикѣ суда Ярослава: «убіеніе за голову» въ смыслѣ казни по суду и есть практика этого суда, а не частная месть. Эту практику князья рѣшили замѣнить выкупомъ.

Мы не знаемъ, въ какомъ году послѣдовала отмѣна «убіенія за голову». Судя по словамъ статьи «по Ярославѣ паки совокупившеся сынове его», надо думать, что съѣздъ князей состоялся вскорѣ по смерти ихъ отца, когда она была еще у всѣхъ въ памяти. Ярославъ умеръ въ 1054 году. Мы не сдѣлаемъ ошибки если скажемъ, что отмѣна «убіенія за голову» произошла никакъ не позднѣе первыхъ 10 лѣтъ послѣ Ярослава, т.-е. не позднѣе 1064 года. А въ 1070 году Янъ-Вышатичъ, мужъ князя Святослава, участвовавшаго въ отмѣнѣ «убіенія», выдалъ ярославскихъ волхвовъ на месть бѣлозерцамъ: тѣ ихъ повѣсили. Слова Яна: «мстите своихъ» показываютъ, что частная месть еще существуетъ и не только

въ сознаніи бѣлозерцевъ, но и въ его собственномъ. Если мужъ Святослава взываетъ къ частной мести, трудно думать, что князь Святославъ отмѣнилъ ее.

Отмѣна сыновьями Ярослава мести въ половинѣ XI в. представляется намъ сомнительной еще и потому, что въ зап. Европѣ месть, какъ право, существовала въ XV и даже въ XVI вѣкѣ.

Съ установленіемъ выкупа, преступленіе погашается, какъ долговое обязательство, — уплатой долга. Сравнивая этотъ способъ наказанія съ местью, надо придти къ заключенію, что распространеніе выкупа свидѣтельствуетъ о значительномъ смягченіи нравовъ. Неудобство же выкупа состоитъ въ томъ, что богатому легче уплатить штрафъ, чѣмъ бѣдному, а слѣдовательно, наказанія поражаютъ виновныхъ неравномѣрно. Еще выводъ: общество, въ которомъ возникъ и сдѣлался общимъ правиломъ обычай выкупа, должно было состоять изъ людей имущихъ.

Кому же идетъ выкупъ? Здѣсь нужно различать время. Первоначально выкупъ явился какъ замѣна мести, а потому весь шелъ въ пользу мстителя: кто имѣлъ право мстить, тотъ и получалъ выкупъ. Позднѣе, вмѣстѣ съ усиліемъ государственной власти, и наказаніе за преступленіе принимаетъ публичный характеръ; представители власти должны быть также примирены съ преступникомъ. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени стали получать выкупъ князь и его органы.

Какое наименованіе носилъ у насъ въ древнее время выкупъ? Что касается краткихъ списковъ Русской Правды, то въ древнѣйшемъ изъ нихъ для выкупа особеннаго названія не было: говорилось просто «столько-то гривенъ за голову» или «столько-то гривенъ за обиду». Въ спискахъ второй редакціи встрѣчаемъ: виру и продажу, а въ пространныхъ: виру, головничество, продажу и урокъ.

Та плата, которая шла въ пользу князя, называлась вирою [1]). Въ 29-й ст. III-й ред. читаемъ: «если утнетъ руку

[1]) Слово вира можетъ быть не славянское, а германское. У нѣм-

и отпадетъ рука или усохнетъ, или нога, или око, то полувирье, 20 гривенъ, а тому (пострадавшему) за вѣкъ (увѣчье) 10 гривенъ». Изъ этой статьи ясно, что полувирье, 20 гривенъ, шло не самому пострадавшему, а князю. Отсюда заключаемъ, что и полная вира идетъ князю. Кромѣ князя, получалъ плату и пострадавшій. Въ преступленіяхъ убійства плата пострадавшему носитъ наименованіе «головничества», въ болѣе мелкихъ преступленіяхъ она просто называется платой «самому».

Кромѣ виры и полувирья въ пользу князя шли еще продажи. Такъ назывались штрафы, которые взимались за всѣ другія преступленія, кромѣ убійства, отсѣченіе ноги или руки, выбитіе глаза и пр. Что продажа идетъ князю, это прямо говорится въ Русской Правдѣ: «а князю продажа» (III ред. 46).

Частныя лица, пострадавшія отъ преступленій противъ собственности, получали вознагражденіе, которое въ Правдѣ носитъ наименованіе урока (III ред. 109 и 116). Подъ урокомъ разумѣется плата цѣны вещи въ тѣхъ случаяхъ, когда украденная вещь не могла быть возвращена лицомъ (лице), и убытковъ, причиненныхъ кражею (проторъ, III р. 47) или поврежденіемъ имущества (III ред. 105). Если кража была совершена рабомъ, то цѣна вещи уплачивалась вдвое (III р. 57); во всѣхъ остальныхъ случаяхъ взыскивалась простая цѣна.

Первая редакція краткой Правды говоритъ только о частномъ вознагражденіи: о платѣ за голову и платѣ за обиду; виры и продажи въ ней не упоминаются. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что денежная плата возникла какъ выкупъ мести, и что она предшествуетъ денежной платѣ въ пользу князя. Виры и продажи образовались позднѣе головничества и платы за обиду и по ихъ подобію. Когда же они возникли? Наши памятники говорятъ, что виры взимались уже при Владимірѣ, но и при немъ это

цевъ есть терминъ—werigelt, weregelt, vere, что значитъ цѣна убитаго, отъ gelt—деньги и wer—человѣкъ. Князья-варяги могли ввести въ употребленіе привычный имъ терминъ.

не была новость, а устроеніе дѣдовъ и отцовъ. Итакъ, плата въ пользу власти возникла у насъ давно, она многимъ старѣе Владиміра. Почему же она неизвѣстна первой редакціи Правды? Допустить, что эта Правда была составлена въ то время, когда платежи въ пользу князя еще не существовали, очень трудно, ибо это было задолго до Владиміра. Можно думать, что составителя древнѣйшей Правды болѣе занимали штрафы въ пользу частныхъ лицъ, чѣмъ штрафы въ пользу князя, а потому онъ и не говоритъ о нихъ. Наоборотъ, составителя позднѣйшихъ списковъ иногда болѣе занимаютъ княжескія виры, чѣмъ головщина, а потому, опредѣляя виру, онъ умалчиваетъ о головщинѣ.

Въ періодъ Правды каждое преступленіе вело къ штрафу въ пользу власти и къ вознагражденію пострадавшаго. Но далеко не всѣ статьи Правды говорятъ объ обоихъ видахъ платежей. Несмотря на это, платежъ подъ обоими видами едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Въ Московскихъ памятникахъ, какъ увидимъ, онъ составляетъ общее правило.

Можно думать, что платежъ въ пользу князя, образовавшійся по подобію частнаго платежа, въ началѣ совпадалъ съ нимъ и по размѣрамъ своимъ. Эта старина удержалась и въ нѣкоторыхъ памятникахъ московскаго времени. Но общимъ правиломъ она была уже въ эпоху Русской Правды [1]). Правда далеко не содержитъ въ себѣ

[1]) Частное вознагражденіе, по нѣкоторымъ статьямъ Правды, не стояло въ постоянномъ отношеніи къ выкупу, платимому князю. При отсѣченіи руки и ноги оно равняется половинѣ княжеской платы, при поврежденіи пальца и нанесеніи ранъ—трети (III р. 30, 34); при выбитіи зуба 1/12 (III р. 93). Размѣръ головничества въ 4 ст. Троицк. сп., которая говоритъ о головничествѣ, не указанъ. Но выраженіе «головничество» можно сблизить съ выраженіемъ «за голову». Во 2-й статьѣ I редакціи говорится: «аще не будетъ кто мстя, то 40 гривенъ за голову». Плата за голову, надо думать, и есть головничество. Такимъ образомъ, головничество равняется вирѣ. О платѣ за голову говорятъ и нѣкоторые другіе памятники, напр., договоръ Новгорода съ нѣмцами 1189 г. и Мстиславовъ Смоленскій договоръ. И въ томъ и другомъ подъ платой за голову надо понимать частное вознагражденіе,

всего права своего времени. На основаніи ея молчанія о чемъ либо нельзя дѣлать никакихъ заключеній.

Обязанность платить выкупъ лежала на виновномъ. Кто вызвалъ месть, тотъ, естественно, и долженъ былъ погасить ее, удовлетворивъ обиженнаго. Такъ—обыкновенно. Но встрѣчаемся съ указаніями на участіе въ платежѣ выкупа и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Въ германскихъ памятникахъ есть указаніе на то, что родственники должны были помогать. Русская Правда говоритъ объ участіи членовъ верви въ платѣ виры. Это участіе двухъ родовъ. Во-первыхъ, вервь имѣетъ значеніе какъ бы страхового общества для

головничество. Въ договорѣ Ноговорода только одна статья о побояхъ, нанесенныхъ женамъ и дѣвицамъ, говоритъ о платѣ пострадавшей и о платѣ князю. Каждая изъ этихъ платъ опредѣлена въ 40 гр. старыхъ кунъ. Всѣ остальныя статьи упоминаютъ только объ одной платѣ въ пользу пострадавшаго. Но если князь получалъ за побои, то въ молчаніи договоровъ о платѣ князю въ другихъ преступленіяхъ можно видѣть только неполноту редакціи.

Сличеніе древнѣйшаго списка Русской Правды съ позднѣйшими наводитъ на мысль, что «продажа» позднѣйшихъ списковъ въ древнѣйшее время имѣла значеніе частнаго вознагражденія. Ст 6-я 1 ред. о томъ, кому нанесены побои и раны, говоритъ: «Оже ли себе не можетъ мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривнѣ, и лѣтцю мзда». Три гривны замѣняютъ здѣсь месть и составляютъ частное вознагражденіе «за обиду». Соотвѣтствующая этой статьѣ 31 ст. III ред. не говоритъ о мести, а три гривны называетъ продажей, т.-е. штрафомъ въ пользу князя. Вездѣ, гдѣ I-я ред. говоритъ о платѣ за обиду, можно видѣть частное вознагражденіе. Этотъ характеръ платы за обиду удерживается и въ нѣкоторыхъ статьяхъ позднѣйшихъ списковъ (57 III р.); но въ другихъ плата за обиду называется «продажею» (25 III р.), т.-е. штрафомъ князю. Развитіе княжескихъ продажъ идетъ въ періодъ Русской Правды на счетъ сокращенія частнаго вознагражденія. Но большого единообразія практики наше древнее право не представляетъ. Договоръ Новгорода съ нѣмцами конца XII в. говоритъ, какъ о частномъ вознагражденіи, о такихъ платахъ, которымъ Русская Правда усвояетъ наименованіе продажи. Въ пространныхъ спискахъ Русской Правды плата въ 12 гривенъ нерѣдко называется продажей, а въ договорѣ съ нѣмцами она платится «за соромъ», т.-е. пострадавшему. Штрафы и ихъ размѣры опредѣлялись княжескимъ судомъ, причемъ, конечно, значительную роль играло усмотрѣніе судьи.

лицъ, совершившихъ преступленіе не предумышленно. Съ этою цѣлью члены верви могли вкладываться «въ дикую виру», т.-е. въ чужую (дѣлать складчину). Если кто-либо изъ вкладчиковъ совершалъ преступленіе на пиру или въ свадѣ, остальные помогали ему заплатить штрафъ изъ этой складочной суммы. Съ этой точки зрѣнія члены верви являются добровольнымъ страховымъ обществомъ, вступить въ которое никто не принуждается, только кто желаетъ, тотъ и вступаетъ, члены-вкладчики помогаютъ только участвующимъ, а не принявшіе участіе должны платить сами (6—11 по III ред.). Во-вторыхъ, община платила еще въ томъ случаѣ, когда виновный въ убійствѣ на разбоѣ не былъ отысканъ. Это обязанность, падающая на всѣхъ членовъ верви (5 III р.).

Въ Русской Правдѣ есть статья, которая въ одномъ случаѣ освобождаетъ и вервь отъ уплаты виры. Эта статья формулирована такъ: «А по костехъ и по мертвеци не платить верви (въ Кар. «виры»), аже имене не вѣдаютъ, не знаютъ его». (20 III р.). Статья не совсѣмъ ясная. По общему правилу вервь платитъ, если преступникъ есть, но не выданъ. Здѣсь же о преступникѣ рѣчи нѣтъ; освобожденіе отъ платежа условливается неизвѣстностью убитаго. Можно подумать, если убитъ чужой, никому неизвѣстный человѣкъ, за котораго нѣтъ мстителя, то штрафъ не взыскивается, еслибы даже преступникъ былъ и налицо. Такъ и понялъ эту статью Каченовскій. Онъ предлагалъ читать «о гостяхъ» вмѣсто «по костехъ»: смыслъ получался такой: иностранца всякій можетъ убить безнаказанно. И въ данномъ случаѣ позднѣйшія уставныя грамоты уясняютъ намъ смыслъ неясной статьи. Она и въ нихъ встрѣчается, но въ болѣе ясной редакціи. Въ уставной грамотѣ Устюжнѣ Желѣзнопольской, данной царемъ Иваномъ и переписанной на имя Михаила Ѳедоровича, читаемъ: «А сыщутъ у нихъ на посадѣ убитаго мертваго человѣка или водою припловетъ, а не познаетъ его никто, и исца ему и душегубца нѣтъ, и крестьяномъ (верви) въ томъ виры нѣтъ и продажи нѣтъ».

А. Э. III. № 37. И по Русской Правдѣ, конечно, вервь не платила, если не было душегубца и смерть послѣдовала не отъ вины человѣка.

Этотъ порядокъ денежныхъ пеней держится у насъ чрезвычайно долго. Мы всрѣчаемся съ нимъ въ уставныхъ грамотахъ XIV, XV, XVI в. и даже XVII.

Въ уставной Двинской грамотѣ 1398 г. читаемъ: «А не найдутъ душегубца, и они дадутъ намѣстникомъ 10 руб.; а за кровавую рану 30 бѣлъ, а за синюю 15 бѣлъ, а вина противу того». Тутъ другая терминологія и другой счетъ денегъ, а суть дѣла совершенно та же, что и въ Русской Правдѣ: намѣстникъ занимаетъ мѣсто князя и получаетъ его виру за убійство и продажу за другія преступленія, а кромѣ того и пострадавшій получаетъ выкупъ, который здѣсь названъ виной. Плата пострадавшему уравнена здѣсь съ платой намѣстнику, по Русской же Правдѣ, взаимное отношеніе этихъ платъ колебалось; только о вирѣ можно было сказать, что она равнялась головничеству. Въ уставной Важской отъ 1552: «И тѣ излюбленные головы того душегубца, судятъ и обыскиваютъ да истцомъ и съ душегубцева живота искъ платятъ». Такимъ образомъ и въ XVI в. дѣло о душегубствѣ имѣетъ характеръ гражданскаго иска, оцѣненнаго въ извѣстную сумму.

Правило Русской Правды, по которому на общинѣ лежитъ обязанность поймать и выдать судьямъ преступника (2 II р., 5 III), также продолжаетъ жить въ XVI в. Въ уставной грамотѣ дворцовымъ крестьянамъ 1554 г. читаемъ: «А не доищутся душегубца, и они дадутъ намѣстникомъ и третчикомъ и тиуномъ мовсковскимъ виры за голову 4 рубля». Въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря 1564 г. своимъ крестьянамъ эта «вѣра» названа древнимъ терминомъ — головщиной и сказано, что она разрубается по головамъ, т.-е. раскладывается на всѣхъ.

Даже термины Русской Правды доживаютъ до XVI в. Но появляются и новые, а значеніе старыхъ нѣсколько мѣняется. Двинская грамота знаетъ виру въ смыслѣ платежа

властямъ, а частное вознагражденіе называетъ виной; но въ другомъ мѣстѣ того же памятника вина означаетъ и штрафъ властямъ. Вина, слѣдовательно, имѣетъ широкое значеніе денежнаго взысканія вообще. Важская грамота вмѣсто виры говоритъ продажа.

Наказанія Псковской судной грамоты въ значительной еще степени сохраняютъ тотъ же характеръ. Плата князю носитъ наименованіе продажи. Продажа взыскивается за кражу вещей изъ-подъ замка, за кражу скота, сѣна, за разбой, грабежъ и убійство. Кромѣ князя, виновный долженъ былъ еще удовлетворить и пострадавшаго: за бой онъ платилъ ему 1 р., за вырваніе бороды 2 р., за кражу скота по особой оцѣнкѣ (120, 117, 112), какъ и по Русской Правдѣ.

Въ Судебникѣ 1497 г. существуетъ частное вознагражденіе и штрафъ въ пользу властей; но частное вознагражденіе идетъ впереди штрафа властямъ. Вѣдомо лихой человѣкъ, виновный въ кражѣ, разбоѣ или душегубствѣ, — казнится смертью, а «истцово» доправляется изъ его «статка», судьямъ же идетъ только то, что сверхъ того останется (8). А въ концѣ статьи сказано: «А не будетъ у него статка, чѣмъ истцово заплатити, и лихого истцу въ его гибели не выдать, а казнить смертью». Изъ этого надо заключить, что до Судебника 1497 г. такіе лихіе тоже выдавались истцамъ, какъ по статьѣ 10 того же Судебника имъ выдаются несостоятельные воры, виновные въ первой кражѣ, — а не казнились смертью. Вознагражденіе пострадавшаго, какъ замѣна мести, доживаетъ у насъ до конца XV вѣка и существуетъ рядомъ съ публичными наказаніями.

Съ принятіемъ христіанства начинаетъ проникать къ намъ иноземное право, а вмѣстѣ съ нимъ и новая система наказаній, а именно: смертная казнь, тѣлесныя наказанія, болѣзненныя и членовредительныя, урѣзаніе носа, отсѣченіе рукъ и т. п. Эта система наказаній принесена изъ Византіи. Первоначально народно-русская система оказывается болѣе сильною, и даже въ церковныхъ уставахъ и въ примѣненіи къ

преступленіямъ, которыя внесены греко-римскими постановленіями, встрѣчаемся съ выкупомъ. Преступленія взяты изъ греко-римскихъ сборниковъ, а наказанія русскія, выкупъ. Но мало-по-малу новая система пролагаетъ себѣ путь къ полному торжеству.

Первое указаніе на переходъ новыхъ наказаній въ нашу практику относится къ княженію Владиміра св. Мы выше уже имѣли случай привести его. Въ вопросѣ епископовъ Владиміру: «се умножишася разбойницы, почто не казниши ихъ?» можно видѣть указаніе на то, что въ то время не было публичныхъ наказаній (въ византійскомъ смыслѣ), а господствовала месть и выкупъ. «Онъ же, т.-е., Владиміръ, рече: боюся грѣха»—князь не сознаетъ еще за собою права казнить. На это епископы отвѣчали ему: «ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ»—такимъ образомъ, вносится новый взглядъ на князя, какъ на представителя власти, имѣющей божественное происхожденіе, и обязаннаго казнить: «достоинъ ти казнити разбойниковъ. Владиміръ же отвергъ виры и началъ казнить разбойниковъ». Итакъ, Владиміръ отвергъ виры и началъ казнить разбойниковъ. Эти слова совершенно ясны, но затѣмъ въ лѣтописи слѣдуетъ продолженіе, которое не совсѣмъ понятно: «И рѣша епископы и старцы Владиміру; рать многа, оже вира, то на оружьи и на коней буди», т.-е. у насъ часто бываютъ войны, если брать виры, то они пойдутъ на оружіе и на коней. «И рече Владиміръ: тако буди. И живяше Владиміръ по устроенію отню и дѣдню».

Спрашивается, какъ согласить этотъ конецъ съ началомъ: прежде говорится, что Владиміръ отвергъ виры и началъ казнить разбойниковъ, а затѣмъ, что Владиміръ началъ взимать виры, подобно тому, какъ брали его отецъ и дѣдъ? Попытку разъясненія этого мѣста дѣлаетъ Тобинъ. Онъ думаетъ, что здѣсь нужно предположить пропускъ, что епископы и старцы имѣли два совѣщанія съ Владиміромъ. Сперва они сказали ему, что онъ, какъ князь, долженъ казнить разбойниковъ и отмѣнить виры. Князь послѣдовалъ

этому совѣту; но затѣмъ оказалось, что безъ виръ трудно обойтись, такъ какъ виры были значительнымъ источникомъ дохода. Вотъ почему пришлось устроить второе совѣщаніе, на которомъ епископы согласились, что виры брать нужно, потому что войнъ много; это мнѣніе было принято и княземъ, и Русь снова возвратилась къ устроенію отню и дѣдню. Это объясненіе нужно принять.

Мы указывали уже на то, что въ ст. 23 I р. и 4-й и 88 III р. можно видѣть новый слѣдъ введенія къ намъ смертной казни Ярославомъ Владиміровичемъ и отмѣны этого нововведенія его сыновьями. Въ 88 ст. читаемъ: «Ярославъ оуставилъ оубити й (т.-е. раба, ударившаго свободнаго мужа), но сынове его, по отци, оуставиша на куны: любо бити й развязавше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ». Здѣсь рѣчь идетъ объ уставахъ Ярослава и сыновей его. Установить месть рабу, какъ нѣкоторые думаютъ, Ярославъ, любитель книжнаго просвѣщенія и человѣкъ, проникнутый христіанскими идеями, не могъ; да въ этомъ и надобности не было, ибо месть обидчику существовала и до него. Месть — порожденіе обычая, а не узаконеніе. Предписать месть нельзя, ее надо носить въ сердцѣ. У кого нѣтъ мести въ сердцѣ, тотъ и по предписанію не осуществитъ ее. Ярославъ могъ узаконить смертную казнь рабу по приговору суда: это будетъ смягченіе права мести обидчику. Сыновья Ярослава пошли дальше и ввели тѣлесное наказаніе раба, вмѣсто казни, и тоже, конечно, по приговору суда. Но они едва ли были въ этомъ новаторами. Церковный уставъ Ярослава, объявляя преступными многія дѣянія, направленныя противъ половой нравственности, назначаетъ за нихъ двоякія наказанія; денежныя пени въ пользу духовной власти и тѣлесныя, о которыхъ выражается такъ: «а князь казнитъ». Подлинность дошедшихъ до насъ церковныхъ уставовъ сомнительна: но что первые христіанскіе князья давали церкви уставы, въ этомъ сомнѣваться нельзя; нельзя сомнѣваться и въ томъ, что съ принятіемъ христіанства сдѣлались извѣстны и новыя преступленія: противъ

церкви, половой нравственности и пр., а также и въ томъ, что за эти преступленія назначались тѣлесныя наказанія, какъ въ Эклогѣ и Прохиронѣ. Итакъ, византійская система наказаній начинаетъ проникать въ нашу практику еще при первыхъ христіанскихъ князьяхъ, но не вытѣсняетъ народную. Наоборотъ, даже духовенство находитъ для себя выгоднымъ брать денежныя пени, а потому и примѣняетъ ихъ къ новымъ преступленіямъ. Это совершенно понятно; при скудости доходовъ первоначальной церкви, пени за преступленія могли служить ей важнымъ подспорьемъ.

Въ Русской Правдѣ находимъ и другой слѣдъ вліянія греко-римской системы. Оно обнаруживается въ статьяхъ, въ которыхъ говорится о потокѣ и разграбленіи. По Русской Правдѣ потоку и разграбленію подлежатъ тѣ лица, которыя наиболѣе опасны для общественнаго спокойствія, именно разбойники, поджигатели, коневые тати. Въ 10 ст. III редакціи говорится: «Будетъ ли сталъ на разбои безъ всякоя свады, то за разбойника люди не платятъ, но выдадятъ ѝ всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ и разграбленіе». Итакъ, люди не платятъ за убійство, совершенное въ разбоѣ, и самъ преступникъ не платитъ, а выдается съ женою и дѣтьми на потокъ и разграбленіе.

Въ чемъ же состоитъ наказаніе потока и разграбленія? На основаніи текста Правды это наказаніе является мало понятнымъ. Для разъясненія его нужно обратиться къ памятникамъ византійскаго законодательства. Изъ сличенія славянскихъ переводовъ византійскихъ сборниковъ свѣтскаго законодательства съ оригиналомъ, оказывается, что тамъ, гдѣ въ оригиналѣ говорится о конфискаціи и ссылкѣ, для чего употреблялось выраженіе publicatis bonis relegantor, въ русскомъ переводѣ стоитъ: «разграблены бывше, да изженутся».

Понятіе конфискаціи переводчики передали словомъ «разграбленіе». Это же выраженіе встрѣчаемъ и въ Русской Правдѣ, гдѣ подъ потокомъ и разграбленіемъ также нужно

понимать конфискацію имущества преступника и ссылку его въ заточеніе.

Итакъ, потокъ и разграбленіе есть новый видъ наказанія, возникшій подъ вліяніемъ Византіи. Это не вира, а лишеніе всего имущества и свободы. Уплата виры освобождаетъ преступника отъ преслѣдованія, а здѣсь все имущество конфискуется и самъ онъ отдается князю для заточенія (потокъ, поточити).

Эта терминологія удерживается у насъ и въ памятникахъ XVI и XVII в. Въ судной грамотѣ Устюжнѣ-Желѣзопольской, данной Михаиломъ Өедоровичемъ по грамотѣ царя Ивана, читаемъ: «А кто взыщетъ пожоги или душегубства или разбои или татьбы..., ино ищеѣ искъ заплатити изъ отвѣтчиковыхъ животовъ, а что за тѣмъ останется животовъ, и то отписати на меня царя и вел. князя». Это конфискація всего имущества. А далѣе въ томъ же памятникѣ читаемъ: «А которые люди учнутъ искати... боевъ и грабежовъ ябедничествомъ и доведутъ на нихъ въ томъ, и тѣхъ ябедниковъ бити кнутомъ, а животовъ ихъ не грабити», т.-е. не конфисковать. А. Э. Ш. № 36. Въ нашемъ древнемъ правѣ было чрезвычайно много устойчивости. Языкъ памятниковъ XVI и XVII в. можетъ служить къ разъясненію выраженій Правды.

Духовенство вовсе не ждетъ, когда постановленія византійскаго права о членовредительныхъ наказаніяхъ перейдутъ въ наши законы, и примѣняетъ ихъ по своему усмотрѣнію на томъ, конечно, основаніи, что они существуютъ въ законныхъ книгахъ. Новогородскій епископъ Лука приказываетъ въ 1053 г. урѣзать своему рабу носъ и обѣ руки. Въ 1189 г. кіевскій митрополитъ приказываетъ урѣзать языкъ, отсѣчь правую руку и вынуть очи ростовскому владыкѣ Өеодору. Въ 1485 г. арх. новогородскій Геннадій предаетъ сожженію еретиковъ. Обычаю ослѣплять, который имѣлъ такое широкое примѣненіе въ Византіи, подражаютъ и наши князья. Въ 1097 г. Давыдъ, владимірскій князь, и Святополкъ кіевскій ослѣпляютъ Василько, князя теребовль-

скаго. Въ половинѣ XII в. южные князья въ своихъ мирныхъ соглашеніяхъ договариваются уже о назначеніи смертной казни. Въ Двинской гр. 1398 г. смертная казнь татю за третью кражу есть нормальное наказаніе.

Такимъ образомъ, съ очень глубокой древности, съ князя Владиміра, крестившаго русскую землю, начинается у насъ заимствованіе византійской системы наказаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ проникаетъ къ намъ и идея о публичномъ характерѣ уголовныхъ наказаній. Преступникъ долженъ быть наказанъ не для удовлетворенія пострадавшаго, а для удовлетворенія интересовъ государства, для торжества права путемъ искорененія злодѣевъ. Изъ перваго Судебника можно заключить, что еще до конца XV в. у насъ преобладала частная точка зрѣнія на наказаніе и воръ, принадлежавшій даже къ разряду вѣдомыхъ лихихъ людей, выдавался головою пострадавшему отъ кражи, если у него не было достаточныхъ животовъ для удовлетворенія причиненныхъ имъ убытковъ. Судебникъ впервые предписываетъ такого вора не выдавать истцу въ его гибели, а казнить смертью.

Въ памятникахъ XVI в., когда заимствованіе византійской системы сдѣлало уже значительные успѣхи, встрѣчаемъ параллельное примѣненіе публичныхъ наказаній и системы выкуповъ. Въ губномъ наказѣ 1549 г. читаемъ: «И котораго татя поймаютъ въ первой татбѣ, а досудите до вины, и вы бы на томъ татѣ, доправя исцовы иски, отдавали исцемъ, а въ продажѣ тотъ тать намѣстнику и волостелемъ и ихъ тіуномъ; и какъ намѣстники и волостели и ихъ тіуны на татѣ продажу свою учинятъ, и вы бъ, старосты губные, тѣхъ татей велѣли, бивъ кнутьемъ, да выбити ихъ изъ земли вонъ». А. Э. I. № 224. Здѣсь соединены система Рус. Правды и публичное наказаніе въ формѣ кнута и выбитія изъ земли, которое, надо думать, было извѣстно и болѣе отдаленной древности.

Въ XVII в. новая система получаетъ у насъ рѣшительное торжество. Московское правительство наказываетъ уже

не въ частномъ интересѣ, а въ цѣляхъ устрашенія, для того, чтобы искоренить злодѣевъ.

Вліяніе Византіи на образованіе жестокой системы московскихъ наказаній не можетъ подлежать сомнѣнію. Но нельзя согласиться съ тѣми, кто утверждаетъ, что безъ этого вліянія мы такъ и не знали бы жестокости въ уголовномъ правѣ. Это очень сомнительно. Жестокость берется не изъ книгъ, а изъ нравовъ. Описанный лѣтописцемъ порядокъ мести въ Ростовской области представляетъ величайшій примѣръ жестокости: виновныхъ прежде бьютъ, а потомъ вѣшаютъ; а люди, такъ поступавшіе, византійскихъ книгъ въ глаза не видали.

То или другое пониманіе цѣли наказанія, естественно, должно отражаться и на всѣхъ частностяхъ системы наказаній. Разсмотримъ эти частности.

1) Одно изъ существенныхъ свойствъ наказанія состоитъ въ томъ, что оно должно быть индивидуально, т.-е. наказаніе должно поражать только преступника, а не его родственниковъ. Нѣтъ наказаній, которыя могли бы вполнѣ удовлетворить этому требованію. Но въ древнее время необходимость такого требованія и вовсе не сознавалась. По Русской Правдѣ разбойникъ выдавался на потокъ и разграбленіе съ женою и дѣтьми. Законодательные памятники Московскаго государства не говорятъ о наказаніи невинныхъ родственниковъ вмѣстѣ съ виновными, но это практиковалось. Достаточно припомнить кровавыя расправы Ивана Грознаго. Его злоупотребленія навели и московскихъ людей на необходимость оградить невинныхъ. Въ условіяхъ, предложенныхъ царю Шуйскому и имъ принятыхъ, впервые было постановлено, чтобы у жены и родственниковъ преступника не отбирали имѣнія, если они къ его винѣ не причастны. Это перешло и въ Уложеніе, гдѣ сказано: женъ и дѣтей и родственниковъ виновнаго не казнить и вотчинъ у нихъ не отнимать, если они про измѣну не вѣдали. Несмотря на это, и послѣ Уложенія случалось, что вмѣстѣ съ виновнымъ наказывали и невинныхъ родственниковъ. Но и въ Уложеніи

указанное начало не было проведено совершенно послѣдовательно. Если дворянинъ убивалъ чьего-либо крестьянина, то, помимо уголовнаго наказанія, онъ долженъ былъ дать вознагражденіе потерпѣвшему убытокъ господину. Это вознагражденіе состояло въ томъ, что убившій долженъ былъ отдать своего лучшаго крестьянина съ женою его и неотдѣленными дѣтьми. Для этого крестьянина невольную перемѣну мѣста жительства можно разсматривать какъ наказаніе, котораго онъ не заслужилъ. Онъ долженъ былъ оставить своихъ отдѣленныхъ дѣтей, родителей, братьевъ и др. родственниковъ и, наконецъ, то мѣсто, гдѣ онъ родился. Въ 1657 г. это постановленіе было отмѣнено. А въ 1680 г. послѣдовалъ указъ, которымъ повелѣвалось татей ссылать съ женами и дѣтьми, которымъ 3 года и менѣе; а въ 1682 г. предписано ссылать разбойниковъ съ дѣтьми, которые не въ раздѣлѣ.

2) Наказаніе должно быть равнымъ для всѣхъ; при опредѣленіи наказанія должно обращать вниманіе только на преступное дѣяніе, на мѣру проявленія злой воли, а не руководствоваться сословнымъ положеніемъ лица. Въ московскую эпоху при опредѣленіи наказанія обращали вниманіе на сословное положеніе виновнаго, но Московское государство менѣе погрѣшало противъ указаннаго требованія, чѣмъ императорская Россія XVIII вѣка. Въ Московскомъ государствѣ не было привилегированныхъ лицъ, которыя были бы освобождены отъ нѣкоторыхъ наказаній по ихъ унизительности или мучительности. Сословность въ наказаніяхъ отражалась въ томъ, что незнатные люди наказывались въ нѣкоторыхъ случаяхъ строже знатныхъ: мелкому человѣку кнутъ, а знатному — батоги, мелкому батоги, знатному — тюрьма и т. д. Напримѣръ, если холопъ, по своему замыслу, зазоветъ кого-либо къ себѣ на дворъ и изобьетъ ослопомъ, кнутомъ или батогами, онъ подлежитъ за это смертной казни; но если то же сдѣлаетъ его господинъ, онъ наказывается только жестокой торговой казнью (XXII, 11, 12). Если холопъ или крестьянинъ убьетъ холопа же или кре-

стьянина въ состояніи опьяненія, онъ наказывается кнутомъ; а если тоже сдѣлаетъ сынъ боярскій, онъ заключается въ тюрьму и платитъ долги убитаго (XXI, 69, 71). Въ преступленіяхъ болѣе важныхъ такого различія незамѣтно.

3) Наказаніе не должно напрасно мучить человѣка и увѣчить его тѣло. Это требованіе совершенно неизвѣстно Московскому государству. Самымъ употребительнымъ наказаніемъ были мучительныя, состоящія въ причиненіи человѣку физической боли и даже въ изуродованіи тѣда. Эта система наказаній стоитъ въ прямой связи съ цѣлью устрашенія.

4) Наказаніе должно быть по возможности отмѣнимымъ и вознаградимымъ. Это требованіе стоитъ въ связи съ сознаніемъ того, что судъ человѣческій не непогрѣшимъ, что всегда можно опасаться ошибочнаго приговора, какъ бы добросовѣстно судьи не относились къ своему дѣлу. При существованіи отмѣнимыхъ и вознаградимыхъ наказаній, ошибка суда можетъ быть поправлена. Но это свойство отмѣнимости и вознаградимости не въ одинаковой мѣрѣ присуще всѣмъ наказаніямъ. Отмѣнимы всѣ длящіяся наказанія, совершенно вознаградимы только денежные штрафы. Въ московское время преобладали неотмѣнимыя и невознаградимыя наказанія: смертная казнь и тѣлесныя наказанія; лишеніе свободы и денежные штрафы имѣли очень второстепенное значеніе.

5) Наказанія должны быть дѣлимы. Это требованіе дѣлимости стоитъ въ связи съ безконечнымъ разнообразіемъ мѣры виновности. Различная степень виновности необходимо ведетъ къ различію въ мѣрѣ наказанія. Отсюда и вытекаетъ требованіе, чтобы наказаніе было дѣлимо. Въ Московскомъ государствѣ въ большомъ употребленіи и недѣлимыя наказанія и дѣлимыя, напр., кнутъ, батоги. Но эти послѣднія не дѣлились, а назначались, обыкновенно, безъ всякой опредѣленной мѣры, иногда съ прибавкой «бить нещадно».

Съ точки зрѣнія способовъ опредѣленія закономъ наказаній различаютъ, во-1-хъ, систему безусловно опредѣлен-

ныхъ наказаній; во-2-хъ, противоположную ей систему абсолютно неопредѣленныхъ наказаній и, наконецъ, въ-3-хъ, систему относительно опредѣленныхъ наказаній. Подъ совершенно опредѣленною системой разумѣется точное опредѣленіе въ законѣ мѣры наказанія за извѣстное преступленіе. При этой системѣ судьѣ не остается ничего больше дѣлать, какъ только удостовѣриться въ томъ, что такое-то преступленіе совершено и затѣмъ буквально примѣнить наказаніе, назначенное въ законѣ. Абсолютно неопредѣленная система состоитъ въ томъ, что законодатель объявляетъ извѣстныя дѣянія наказуемыми, но не опредѣляетъ ни рода, ни мѣры, ни степени наказанія, предоставляя судьѣ все это опредѣлить. При этой системѣ открывается величайшій просторъ дѣятельности судей въ противоположность абсолютно опредѣленной системѣ. Средину между тою и другою занимаетъ система относительно опредѣленныхъ наказаній, которая состоитъ въ томъ, что законодатель не только объявляетъ извѣстныя дѣянія наказуемыми, но и опредѣляетъ родъ наказанія и его minimum и maximum (напр., за такое то преступленіе назначается тюремное заключеніе отъ 1 до 3 лѣтъ), смотря по особенности случая. Эта послѣдняя система и есть самая цѣлесообразная.

Обращаясь къ старымъ памятникамъ, видимъ, что въ древнѣйшихъ господствовала система безусловно опредѣленныхъ наказаній, напр., въ Русской Правдѣ. Въ памятникахъ московскаго времени часто встрѣчаемся съ абсолютно неопредѣленными наказаніями. Они нерѣдко предписываютъ чинить наказаніе по разсмотрѣнію, какъ «государь укажетъ», или «наказати, смотря по винѣ», или «чинить жестокое наказаніе, что государь укажетъ». Къ такимъ совершенно неопредѣленнымъ наказаніямъ надо отнести также и опалу. Смертная казнь не всегда имѣла значеніе безусловно опредѣленнаго наказанія, такъ какъ видъ ея не всегда опредѣлялся статьями Уложенія; кнутъ и батоги назначаются обыкновенно безъ означенія мѣры, но иногда прибавляется «нещадно» чаказать кнутомъ. Правительство, имѣя въ виду

устрашеніе, еще очень мало заботится о точномъ соотвѣтствіи мѣры наказанія мѣрѣ вины, а потому относительныхъ наказаній, въ настоящемъ смыслѣ слова, почти не встрѣчаемъ въ московскихъ памятникахъ.

1) Высшею мѣрою наказанія была смертная казнь. Въ Уложеніи встрѣчается до пяти видовъ ея. Но оно не исчерпываетъ всѣхъ видовъ, употреблявшихся на практикѣ. Московская практика знала обыкновенную смертную казнь и квалифицированную. Къ обыкновенной можно отнести: отсѣченіе головы, повѣшеніе и утопленіе. Повѣшеніе придавало смертной казни оттѣнокъ униженія. Въ Уложеніи оно примѣняется къ военнымъ людямъ, перебѣгающимъ къ непріятелю. Къ квалифицированной: сожженіе, примѣнявшееся по Уложенію къ богохульникамъ; окопаніе живыхъ въ землю. По Уложенію такъ наказывали женъ за убійство мужей. Современники разсказываютъ, что въ такомъ положеніи онѣ иногда мучились въ теченіе трехъ сутокъ, пока, наконецъ, не умирали. Имъ не давали ни пить, ни ѣсть, но позволяли прохожимъ бросать въ яму деньги на покупку восковыхъ свѣчей. Случалось нерѣдко, что духовенство печаловалось о нихъ и просило о помилованіи. Въ такомъ случаѣ смертная казнь замѣнялась монастыремъ. Залитіе горла расплавленнымъ металломъ угрожало по Уложенію денежнымъ мастерамъ за неправильную чеканку монеты. Четвертованіе совершалось посредствомъ отсѣченія рукъ, ногъ и, послѣ того, головы. Колесованіе состояло въ раздробленіи членовъ тѣла желѣзнымъ ободомъ колеса и затѣмъ изуродованнаго такимъ образомъ человѣка клали на укрѣпленное горизонтально колесо. Казнь эта завершалась отсѣченіемъ головы.

Уложеніе, назначая смертную казнь, во многихъ случаяхъ не опредѣляетъ вида казни. Это указываетъ на то, что въ XVII в. не придавали большого значенія различію видовъ и не очень заботились о соотвѣтствіи между видомъ казни и степенью вины.

Приговоренные къ смертной казни получали духовное

напутствіе. По Уложенію имъ давали 6 недѣль для покаянія, послѣ чего они допускались къ причастію. Казнь назначалась на 3-й день послѣ причастія. Приговоренному къ казни приговоръ читался публично. Къ мѣсту казни онъ шелъ съ зажженной восковой свѣчей. По праздникамъ и въ дни поминанія царскихъ особъ не казнили.

Въ московскихъ указахъ смертная казнь назначалась нерѣдко только въ видѣ угрозы, а въ дѣйствительности примѣнялось другое наказаніе. Пермскому воеводѣ въ 1660 году было предписано о корчемныхъ продажахъ заказъ учинить подъ смертною казнію; но далѣе въ томъ же наказѣ за корчемство приказано сѣчь руки и ссылать въ Сибирь (Сергіевскій, Наказаніе въ XVII в.).

2) Тѣлесныя наказанія. Они были очень развиты въ Московскомъ государствѣ и употреблялись во множествѣ случаевъ. Подъ тѣлеснымъ наказаніемъ разумѣютъ не только причиненіе человѣку физической боли, но и тѣлесное поврежденіе. Поэтому они раздѣляются на два вида: 1) на тѣлесныя наказанія болѣзненныя и 2) членовредительныя.

Подъ членовредительными наказаніями разумѣется отнятіе членовъ (носа, уха, руки). Они примѣнялись у насъ, но до Уложенія были мало распространены и, по всей вѣроятности, занесены къ намъ изъ греко-римскаго права. Такого рода наказанія особенно развиты въ Градскихъ законахъ. Въ основѣ членовредительныхъ наказаній лежитъ мысль о воздаяніи равномѣрнаго зла за зло, причиненное преступленіемъ. Выколовшему глазъ нужно также выколоть глазъ и т. д., по правилу: око за око, зубъ за зубъ. 10-я статья XXII гл. Уложенія говоритъ: «А буде кто учинитъ надъ кѣмъ мучительное наругательство: отсѣчетъ руку или ногу, или носъ или ухо, или зубы обрѣжетъ или глазъ выколетъ, а за такое его ругательство самому ему то же учинити». Среди членовредительныхъ наказаній надо различать самостоятельныя и добавочныя. Самостоятельными были такія, которыя служили воздаяніемъ за совершенное преступленіе. Добавочныя же назначались при другихъ само-

стоятельныхъ наказаніяхъ. Напр., за первую кражу наказывали кнутомъ, тюремнымъ заключеніемъ и отрѣзали лѣвое ухо, а за второе тоже кнутъ и тюрьма и правое ухо; въ этомъ случаѣ самостоятельнымъ наказаніемъ былъ кнутъ и тюремное заключеніе, а отрѣзаніе уха имѣло добавочное значеніе, какъ примѣта, чтобы можно было узнать судимость человѣка. Если попадался въ кражѣ человѣкъ, у котораго обрѣзаны оба уха, то это служило признакомъ, что онъ былъ уже два раза обвиненъ. Примѣръ самостоятельнаго членовредительнаго наказанія представляетъ отсѣченіе ноги и руки за разбой, за убійство въ дракѣ и пр.

Болѣзненныя тѣлесныя наказанія были очень употребительны и по Судебникамъ и по Уложенію и примѣнялись ко множеству преступленій. Въ Московскомъ государствѣ употребляли: кнутъ, батоги и палки. Кнутъ составляетъ самый жестокій видъ наказаній этого рода; онъ употреблялся чрезвычайно часто. Проф. Сергіевскій даетъ такое описаніе кнута: къ короткой рукояткѣ прикрѣплялся плетеный кожаный столбецъ съ кожаной петлей на концѣ; къ этой петлѣ привязывался хвостъ около аршина длины, сдѣланный изъ широкаго ремня толстой сыромятной кожи.— Есть, однако, указанія, что хвостъ оканчивался и тремя ремнями.

3) Лишеніе свободы. Съ лишеніемъ свободы встрѣчаемся, во-1-хъ, въ видѣ изгнанія изъ страны, во-2-хъ, въ видѣ заключенія въ тюрьму и, наконецъ, въ видѣ ссылки. Изгнаніе относится къ одному изъ весьма древнихъ видовъ. Оно называлось «выбитіемъ изъ земли». «Выбить изъ земли» значитъ выгнать преступника изъ предѣловъ княженія. Съ объединеніемъ Россіи, выбитіе изъ земли замѣняется ссылкою. Ссылка въ Московскомъ государствѣ встрѣчается въ видѣ поселенія въ украйныхъ южныхъ городахъ, а съ присоединеніемъ Сибири—въ Сибири. Ссылка имѣла значеніе колонизаціи страны. Ссылаемый поселялся или, какъ тогда говорилось, записывался въ чинъ, въ какой придется, т.-е. или въ казаки, или въ солдаты, или въ какой-нибудь другой

разрядъ лицъ. Тюремное заключеніе было по смерть и на опредѣленный срокъ. Относительно самаго порядка тюремнаго заключенія надо замѣтить, что и теперь тюрьмы далеко не совершенно устроены, а въ то время онѣ отличались крайнимъ несовершенствомъ. Преступники заключались безъ раздѣленія по полу, возрасту и по роду преступленій. Содержаніе ихъ было крайне плохо обезпечено. Обыкновенно, заключенные по очереди, въ количествѣ двухъ трехъ человѣкъ, ходили въ кандалахъ по улицамъ въ сопровожденіи сторожа и собирали пропитаніе Христовымъ именемъ. Заключенные посылались въ кандалахъ на государевы работы.

4) Лишеніе чести. Къ лишенію чести относятся наказанія или просто устыдительныя, или позорящія, или, наконецъ, такія, съ которыми соединяется лишеніе гражданскихъ или политическихъ правъ. Къ просто устыдительнымъ относятся болѣе легкія формы; къ позорящимъ болѣе чувствительныя посрамленія.

Къ устыдительнымъ въ Москвѣ можно причислить выдачу головой, которая примѣнялась въ мѣстническихъ спорахъ. Къ позорящимъ надо отнести торговую казнь, состоявшую въ томъ, что наказуемаго возили по площадямъ и улицамъ и били кнутомъ въ присутствіи всенароднаго множества. Лишеніе правъ въ Московскомъ государствѣ вовсе не было извѣстно. Бояре и окольничіе лишались своихъ чиновъ, но правъ вообще никто не лишался. Наказанный кнутомъ и тюремнымъ заключеніемъ, по отбытіи срока заключенія, водворялся въ прежній свой чинъ или, въ случаѣ ссылки, записывался въ новый, въ новомъ мѣстѣ жительства. Ссылка была тоже водвореніемъ въ чинъ, но на новомъ мѣстѣ. Въ указахъ нерѣдко писалось «наказать кнутомъ, да записать въ казаки» или «записать въ чинъ, въ какой пригоже».

5) Денежныя взысканія и конфискація имуществъ. Наказанія этого рода въ Москвѣ не имѣютъ уже того исключительнаго значенія, какимъ они пользовались прежде, но и въ Московскомъ государствѣ они играютъ еще весьма за-

мѣтную роль. Конфискація имуществъ есть обыкновенное наказаніе въ преступленіяхъ противъ царскаго величества, гдѣ оно постоянно сопровождаетъ смертную казнь. Кромѣ того, она назначалась за неправыя мѣстническія челобитья и за преступленія противъ порядка службы. Пени и мелкіе денежные штрафы были очень употребительны, какъ плата за безчестіе и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

Встрѣчаемся иногда съ прибавкой къ свѣтскимъ наказаніямъ нѣкоторой церковной кары. Сюда относятся: публичное наказаніе въ церкви, отлученіе отъ церкви и пр.

IV. Виды преступленій

Перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ видовъ преступленій; но предварительно необходимо установить классификацію преступленій, она облегчитъ знакомство съ частностями.

Всякая классификація есть дѣло условное, она зависитъ отъ того, что положено въ основаніе дѣленія. Мы примемъ клсссификацію, весьма употребительную въ учебникахъ уголовнаго права; а именно классификацію преступленій по различію нарушенныхъ правъ. Въ области юридической жизни встрѣчаемъ слѣдующія сферы правъ: сфера отдѣльнаго лица, семейства, церкви и государства; каждой изъ нихъ принадлежатъ свои особенныя права. Поэтому совокупность всѣхъ преступленій и будетъ распадаться на слѣдующія 4 группы: 1) преступленія противъ личности; 2) противъ семейства и половой нравственности; 3) противъ церкви и 4) противъ государства. Каждая изъ этихъ категорій подраздѣляется, въ свою очередь, на множество мелкихъ группъ, смотря по тому, какое именно нарушается право отдѣльнаго лица, семьи, церкви или государства. Съ этой точки зрѣнія:

1) Въ преступленіяхъ противъ личности различаютъ: а) преступленія противъ жизни отдѣльнаго лица; сюда относятся: разнообразные виды убійствъ, изгнаніе плода и пр.;

б) преступленія противъ тѣлесной или личной неприкосновенности: нанесеніе побоевъ, ранъ, увѣчья и пр.; в) преступленія противъ личной свободы: насильственное заключеніе, похищеніе женщинъ и пр.; г) преступленія противъ чести: оскорбленіе словомъ, клевета и т. под.; д) преступленія противъ имущества, принадлежащаго лицу: поврежденіе чужой собственности, кража, грабежъ, поджогъ и т. д.

2) Преступленія противъ семьи и половой нравственности также распадаются на нѣсколько мелкихъ группъ: а) разные виды любодѣянія, обыкновенное, соединенное съ насиліемъ, кровосмѣшеніе и пр. и б) разные виды преступленій противъ брака, прелюбодѣяніе, многобрачіе и пр.

3) Преступленія противъ церкви распадаются на слѣдующія группы: а) преступленія, извѣстныя подъ техническимъ названіемъ святотатства, т.-е. кража церковной вещи изъ церкви; б) богохуленіе или поношеніе предметовъ религіознаго почитанія; в) помѣха при отправленіи церковнаго богослуженія; г) преступленія, имѣющія цѣлью оскверненіе мѣстъ погребенія: разрытіе могилъ, ограбленіе ихъ и пр.

4) Въ преступленіяхъ противъ государства различается цѣлая масса отдѣльныхъ видовъ преступленій, смотря по тому, какое право государства нарушено. Съ этой точки зрѣнія можно различать преступленія противъ финансовыхъ правъ государства, противъ судебной, военной, полицейской власти государства и пр. Особую группу составятъ преступленія, направленныя противъ цѣлости государства и неприкосновенности особы государя.

1. Преступленія противъ жизни

Древнее право различаетъ убійства ненаказуемыя и наказуемыя. Среди наказуемыхъ убійствъ различаются обыкновенныя убійства, квалифицированныя, т.-е. наказуемыя сильнѣе обыкновенныхъ, а наконецъ и такія, которыя наказуются слабѣе обыкновенныхъ.

По Русской Правдѣ не наказуемо убійство вора. Вторая р.

ст. 3: «Аже убьють огнищанина у клѣти, или у коня, или у говяда, или у коровьѣ татьбы, то убити въ пса мѣсто». Въ этой статьѣ надо видѣть отпечатокъ древнѣйшаго порядка вещей. Но Русская Правда содержитъ о ворѣ и другія болѣе новыя статьи, ограничивающія расправу съ воромъ. Ст. 17—20: «Аще убьютъ татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти, или у хлѣва, то той убитъ. Аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ. А оже ли убьють, а люди будуть видѣли связанъ, то платити въ немь». Ростовскій сп. прибавляетъ: «Оже убиенъ тать, а подымутъ ноги во дворѣ, ино убить; оли подымуть ноги за вороты, толи платити въ немъ». Пространные списки повторяютъ статьи краткаго, но прибавляютъ, сколько надо платить за убійство связаннаго вора, надо платить—12 гр. Особенность ограниченій, содержавшихся въ новыхъ статьяхъ, состоитъ въ томъ, что вора можно убить безнаказанно, если онъ сопротивляется; если же онъ далъ себя связать или бросился бѣжать и былъ настигнутъ и убитъ за воротами, это уже наказуемое убійство, хотя и слабѣе. Въ этомъ дополненномъ видѣ статьи объ убійствѣ вора подходятъ уже подъ понятіе необходимой обороны. Измѣненіе это произошло подъ вліяніемъ византійскаго права. Градскіе законы (XXXIX, 4) дозволяютъ «въ нощи крадущаго убить, если нельзя было безъ бѣды пощадить его». Выраженіе Русской Правды: «аще ли до свѣта держать» указываетъ на вліяніе Моисеевыхъ законовъ, по которымъ дозволялось убить вора, но только ночью: «аще взыдетъ солнце нань, повиненъ есть (убившій вора) умерети за него». Но въ русскую практику Моисеевъ законъ перешелъ не цѣликомъ. Убійство вора, съ которымъ совладали и котораго додержали до утра, наказуемо, но слабѣе, чѣмъ обыкновенное убійство: оно оплачивается 12 гривнами.

По Русской Правдѣ всякій могъ убить провинившагося передъ нимъ раба, даже чужого. Но и безвинное убіеніе раба не вело за собою виры, а погашалось уплатою продажи князю въ 12 гр. и возмѣщеніемъ убытка господину

(Третья р. 116). Исключеніе составляли боярскіе тіуны, убійство которыхъ оплачивалось обыкновенной вирой въ 40 гр. (III р. 3).

Первое общее запрещеніе убивать рабовъ находимъ въ Мстиславовомъ договорѣ съ нѣмцами: всякое убійство раба ведетъ къ платѣ гривны серебра. По Двинской грам. не наказуемо только убійство раба его господиномъ, случившееся во время наказанія, какъ его непреднамѣренное слѣдствіе.

Германскіе памятники (Wilda, 702) упоминаютъ еще и другіе случаи ненаказуемаго убійства. Мужъ могъ безнаказанно убить жену, нарушившую супружескую вѣрность; у кого mundium, тотъ могъ убить подвластную ему дѣвицу, оскорбившую семью любодѣяніемъ или бракомъ съ рабомъ. По норвежскимъ законамъ всякій мужчина, котораго заставали съ женщиной или дѣвицей, могъ быть убитъ родственниками этой женщины.

Въ Швеціи вовсе было не наказуемо или наказывалось слабѣе убійство лицъ, которыя посвящали себя позорнымъ занятіямъ. Такими опозоренными считались, напр., нищенствующіе и странствующіе музыканты.

Наши древніе памятники не говорятъ о безнаказанномъ убійствѣ жены, измѣнившей мужу, но въ виду того, что намъ извѣстно о древней супружеской власти, трудно допустить, чтобы убійства этого рода обсуждались какъ обыкновенныя.

Признаки обыкновеннаго убійства по русскому и германскому праву весьма между собой близки. По германскому праву это убійство, совершенное въ гнѣвѣ и притомъ явно (Wilda, 705). По Русской Правдѣ обыкновеннымъ убійствомъ можно считать убійство «въ свадѣ», т.-е. въ ссорѣ, въ раздраженіи, слѣдовательно, тоже въ гнѣвѣ. Ему приравнивается убійство на пиру, т.-е. подъ вліяніемъ застольнаго возбужденія. И то и другое убійство отличено тѣмъ признакомъ, что оно совершено явно («но оже будеть убилъ въ свадѣ или въ пиру—явлено» (Третья р. 9).

Обыкновенное убійство погашается уплатой головщины и виры въ 40 гр. Если виновный вложился въ дикую виру, онъ пользовался помощью со стороны другихъ вкладчиковъ. Въ противномъ случаѣ онъ одинъ несъ всю отвѣтственность. Головщина всегда платилась самимъ головникомъ.

Убійство, совершенное безъ гнѣва, безъ ссоры, тайно, предполагаетъ злое намѣреніе и составляетъ по русскому и германскому праву квалифицированное убійство, наказуемое сильнѣе обыкновеннаго. Въ Русской Правдѣ это будетъ «убійство въ разбоѣ безъ всякой свады, убійство въ обиду». Виновный въ такомъ убійствѣ подвергается высшей мѣрѣ наказанія.

Русская Правда говоритъ объ убійствѣ въ обиду, III, 1, объ убійствѣ въ разбоѣ, III 5, и просто говоритъ о томъ, если кто «сталъ на разбои безъ всякія свады», назначая за это послѣднее преступленіе высшую мѣру наказанія, ей извѣстную: потокъ и разграбленіе. Что означаютъ эти термины? Объ убійцѣ въ обиду сказано тоже, что о томъ, кто сталъ на разбои, за него люди не платятъ. На этомъ основаніи думаемъ, что убійца «въ обиду» есть убійца въ разбоѣ, убившій безъ всякой ссоры (свады), для наживы.

Но что значитъ «стать на разбой?» Это понятіе болѣе широкое, чѣмъ понятіе убійства. Дѣйствительно, можно заниматься разбоемъ, т.-е. насильственнымъ отнятіемъ чужого имущества и безъ убійства; но можно на разбоѣ убивать, грабить, поджигать и пр. И въ этомъ случаѣ въ толкованіи Рус. Правды намъ могутъ помочь позднѣйшіе памятники. Въ XV вѣкѣ высшая мѣра наказанія, смертная казнь, постигала у насъ не однихъ только убійцъ, но всѣхъ вѣдомыхъ (лихихъ людей) разбойниковъ и татей и тѣхъ, кто у себя разбойниковъ держитъ и кто въ эти притоны пріѣзжаетъ и продаетъ тамъ разбойную и татебную рухлядь, словомъ всѣхъ, занимающихся разбоемъ, какъ ремесломъ. Полагаемъ, что это самое значитъ и выраженіе Рус. Правды: «стать на разбоѣ». Она подвергаетъ потоку и разграбленію не однихъ убійцъ, но и разбойниковъ, и воровъ, и при-

станодержателей, какъ это было и позднѣе, т.-е. тоже лихихъ людей.

О потокѣ и разграбленіи говоритъ только пространная Правда. Краткая не знаетъ этого наказанія. За убійство въ обиду она назначаетъ только 80 гривенъ, но не допускаетъ для такихъ убійцъ складчины. Они должны все платить сами. Въ случаѣ несостоятельности, они, конечно, отдавались въ распоряженіе пострадавшихъ; это будетъ выдача головой, терминъ Рус. Правдѣ неизвѣстный.

Въ германскомъ правѣ всякое тайное убійство обозначалось словомъ Mord; въ тѣсномъ же смыслѣ слово Mord означаетъ убійство, сопровождающееся сокрытіемъ тѣла убитаго. Къ квалифицированному убійству относится и убійство чрезъ отравленіе. Здѣсь тоже тайна.

У насъ объ отравленіи говоритъ церковный уставъ Владиміра и, конечно, подъ вліяніемъ византійскаго права. Градскіе законы (XXXIX, 77) говорятъ объ отравленіи: кто дастъ зеліе пити (si quis potionem dederit) мечемъ посѣкается. «Зелейничество» Владимірова устава и произошло, конечно, отъ «зелія» Градскихъ законовъ. Наказаніе за отравленіе не указано въ церковномъ уставѣ.

Убійство родственниковъ по германскому народному праву не есть квалифицированное. Оно становится такимъ только съ христіанства (Wilda, 714). То же было, кажется, и у насъ. Русская Правда объ убійствѣ этого рода вовсе не говоритъ. Первое указаніе на него можно видѣть во Влад. церк. уставѣ, хотя и не очень опредѣленное: «Отца или матерь бьетъ сынъ или дчи». «Бьетъ» можетъ означать и не убійство, а нанесеніе побоевъ. Но глаголъ «бить» употреблялся и въ смыслѣ «убить». Въ этомъ значеніи встрѣчаемъ его въ ст. 23 I ред. Русской Правды (ср. ст. 88 Трет. ред., да и теперь говорятъ «бить скотину» въ смыслѣ убить). За убійство восходящихъ Градскіе законы назначаютъ сожженіе; за ударъ отцу или матери Моисеевы законы назначаютъ смерть (2 кн. XXI, 15). Церковный уставъ Владиміра не опредѣляетъ никакого наказанія. Далѣе идетъ

церковный уставъ Ярослава: «Аже сынъ бьетъ отца или матерь, да казнятъ его волостельскою казнію, а епископу въ видѣ». Волостельская казнь—это, можетъ быть, та самая казнь, которую епископы совѣтовали ввести еще Владиміру, т.-е. смертная. Но все еще остается не совсѣмъ яснымъ, за что она назначается, за убійство только или, согласно съ Моисеевыми законами, даже за побои. Совершенно ясно объ убійствѣ отца говоритъ Псковская судная грамота (97); но она, кажется, разсматриваетъ это преступленіе, какъ обыкновенное убійство. Это надо заключить изъ того, что назначая за убійство отца продажу князю, она не опредѣляетъ размѣра продажи и, слѣдовательно, разумѣетъ обыкновенную продажу.

Съ убійствомъ супруговъ германское право соединяло разныя послѣдствія, смотря по тому, кто былъ убитъ, мужъ или жена, ибо положеніе ихъ было разное. Жена состояла во власти мужа, и онъ могъ ее исправлять, т.-е. бить. Если онъ убивалъ ее безъ вины, то платилъ пеню, какъ и за всякую другую женщину. Если же жена убивала мужа, то она подвергалась смертной казни.

Наши древніе памятники объ убійствѣ супруговъ не говорятъ. Позднѣйшіе напоминаютъ германское право. Можно думать, что болѣе строгое наказаніе жены, чѣмъ мужа, есть старина, а не нововведеніе позднѣйшаго времени.

Уложеніе говоритъ: 1) Объ убійствѣ восходящихъ родственниковъ: отца и матери, и объ убійствѣ нисходящихъ: сына или дочери. Особенность Уложенія состоитъ въ томъ, что эти преступленія вели къ очень различнымъ послѣдствіямъ. Если сынъ убивалъ отца или мать, онъ подвергался смертной казни «безъ всякія пощады»; если же отецъ убивалъ сына, то онъ подвергался только тюремному заключенію на годъ и публичному покаянію въ церкви. Въ Градскихъ законахъ какъ за то, такъ и за другое преступленіе налагалось одинаковое наказаніе — смертная казнь. Ясный знакъ, что крайнее развитіе отеческой власти въ древней Россіи нельзя приписывать вліянію Византіи. Московскіе па-

мятники дѣлаютъ исключенiе только для «беззаконныхъ женъ», которыя наказываются смертью, если будутъ обвинены въ убiйствѣ прижитаго ими внѣ брака ребенка. 2) Объ убiйствѣ мужа женою; это убiйство разсматривалось, какъ особенное тяжкое преступленiе; наказывалось оно закапыванiемъ виновной живою въ землю по грудь. Объ убiйствѣ же жены мужемъ Уложенiе умалчиваетъ. Это не значитъ, что оно не наказывалось. Изъ другихъ памятниковъ мы знаемъ, что оно наказывалось, но не только легче, чѣмъ убiйство мужа женою, но легче, чѣмъ даже обыкновенное убiйство. Въ 1664 г. мужъ убилъ свою жену за то, что она «воровала блудно», онъ былъ за это подвергнутъ наказанiю кнутомъ; въ 1674 г. году мужъ убилъ жену за то, что она утаила два аршина сукна, ему отсѣкли лѣвую руку и правую ногу,—жестокое наказанiе, но все-таки не смертная казнь; и притомъ было прибавлено: «за то, что убилъ жену не за великое дѣло». Отсюда слѣдуетъ, что въ Москвѣ допускали даже мысль, что за большую вину мужъ можетъ убить жену безнаказанно.

Нашему и германскому праву одинаково извѣстны привилегированныя лица, жизнь которыхъ пользовалась высшею охраною сравнительно съ остальнымъ населенiемъ. По законамъ салическихъ франковъ къ такимъ привилегированнымъ лицамъ принадлежали должностныя лица и королевскiе антрустiоны: за ихъ убiйство взыскивалось втрое болѣе, чѣмъ за убiйство обыкновенно смертнаго. По Русской Правдѣ двойная вира (80 гр.) взималась за убiйство огнищанъ, княжихъ мужей, княжихъ тивуновъ, а по 5 ст. II ред. двойная вира взыскана была даже за убiйство конюха-пастуха. Договоръ Новгорода съ нѣмцами, заключенный при кн. Ярославѣ, къ такимъ привилегированныхъ лицамъ относитъ: посла, заложника и попа. Что касается членовъ княжеской дружины, то приближенiе къ князю равняло тивуновъ и даже конюховъ (по всей вѣроятности, рабовъ) съ княжими мужами. Не нужно, однако, забывать, что Русская Правда

даетъ практику княжескихъ судовъ и, иногда, можетъ быть, очень случайную.

Нѣкоторыя германскія народныя права относятъ убійство женщины къ квалифицированнымъ и назначаютъ за него значительно высшую виру, чѣмъ за убійство мужчины; другія—уравниваютъ убійство женщины и мужчины. Въ Русской Правдѣ находимъ по этому вопросу статью, которая возбуждаетъ недоразумѣніе. Ст. 115 по Троиц. сп. говоритъ: «Аже кто убиетъ жену, то тѣмъ же судомъ судити, якоже и мужа: аже будетъ виноватъ, то полвиры, 20 гривенъ». Эту статью понимаютъ нѣкоторые въ томъ смыслѣ, что за убійство жены берется менѣе, чѣмъ за убійство мужа. Но такое пониманіе и наводитъ на сомнѣніе. Изъ позднѣйшихъ источниковъ мы знаемъ, что за безчестье женщины взыскивалось вдвое больше, а здѣсь, наоборотъ, вдвое меньше. Исторія нашего древняго права не представляетъ рѣзкихъ скачковъ, а здѣсь именно оказывается такой скачокъ. Германскіе обычаи, которые во многомъ, какъ мы видѣли и еще увидимъ, весьма родственны съ нашими, также предостерегаютъ отъ такого пониманія. Варіантъ, представляемый Карамзинскимъ сп., даетъ возможность истолковать статью иначе. Вмѣсто «виноватъ» тамъ стоитъ «виновата». Если принять это чтеніе, статья получитъ такой смыслъ: если кто убьетъ женщину, то виновный подлежитъ тому же суду (т.-е. тому же наказанію), какъ если бы онъ убилъ мужчину; но если женщина сама была виновата, виновный платитъ только полвиры. Подъ виною женщины надо разумѣть такое ея дѣйствіе, которымъ она вызвала гнѣвъ мужчины и послѣдовавшее затѣмъ убійство. О подобной винѣ говоритъ и статья о побояхъ (III р. 33). Точно такъ же и убійца въ свадѣ могъ, конечно, доказывать, что убитый вызвалъ его на драку. Если это подтверждалось, надо думать, онъ тоже платилъ полъ-виры, какъ и за убійство женщины, о которомъ говоритъ только-что разобранная статья. Отрывочный и случайный составъ Русской Правды достаточно объясняетъ ея неполноту и недосказанность.

Наше позднѣйшее право подтверждаетъ приведенное толкованіе 115 ст. Р. Пр. По Уложенію безчестье женщинъ оплачивалось дороже безчестья мужчинъ. Женѣ давали вдвое противъ мужа, а дочери вчетверо противъ отца X. 99.

2. Преступленія противъ тѣлесной неприкосновенности

Древнее право чрезвычайно подробно говоритъ о поврежденіяхъ тѣла, германское еще подробнѣе нашего; поврежденіе каждаго члена имѣетъ свою особую цѣну. Вильда думаетъ, что подробности этого рода не составляютъ признака древности; конечно, нужно было много времени для того, чтобы успѣла установиться общепризнанная расцѣнка членовъ человѣческаго тѣла.

Разнаго рода поврежденія могутъ быть подведены подъ слѣдующія три категоріи: I. Раны, наносимыя оружіемъ, кровавыя раны. II. Удары палкой, рукой, синія раны. III. Отнятіе члена, руки, ноги, глаза. Существованіе этихъ трехъ категорій замѣтно какъ въ нашемъ правѣ, такъ и въ германскомъ (Wilda, 729).

Русская Правда, Трет. ред. ст. 31, говоритъ: «Аже придетъ кровавъ мужъ или синь», т.-е. съ кровавой раной или съ знаками побоевъ. Договоръ Новгорода съ нѣмцами 1189 г. упоминаетъ «тяжбу безъ крови», т.-е. дѣло о синихъ ранахъ. Двинская судная грамота различаетъ кровавую рану и синюю рану.

Оцѣнка этихъ поврежденій въ разныхъ народныхъ праправахъ, а иногда въ одномъ и томъ же, очень различна. Порядокъ возникновенія народныхъ обычаевъ достаточно разъясняетъ эти различія.

Несмотря на эти различія, встрѣчаемъ, въ силу дѣйствія одинакихъ причинъ, и весьма крупныя сходства.

Отнятіе члена по всѣмъ правамъ считается самымъ тяжкимъ преступленіемъ. Такъ и у насъ. За потерю руки, ноги, глаза Русская Правда назначаетъ полъ-виры, да пострадав-

шему за увѣчье 10 грив. (Трет. ред. ст. 29). Также полъвиры назначаютъ за эти поврежденія и норвежскіе законы; но въ нихъ находимъ и дальнѣйшій выводъ изъ этого общаго правила: за отнятіе двухъ ногъ платится полная вира. Отнятіе пальца и выбитіе зуба наказывались легче: за палецъ гривна, за зубъ 12 гр. продажи, а пострадавшему гривна [1]).

Побои иногда приравниваются ранамъ; а иногда ведутъ за собой двойное противъ ранъ наказаніе. Это объясняютъ тѣмъ, что по древнему взгляду позорнѣе быть биту, чѣмъ получить рану. По датскому праву за ударъ взыскивается вдвое противъ раны. У лонгобардовъ пощечина оплачивается вдвое дороже, чѣмъ рана. Тоже и у насъ. За ударъ мечомъ, но не смертельный (надо предполагать здѣсь кровавую рану), Русская Правда назначаетъ 3 гр. продажи (III р. 34); а за ударъ мечомъ не обнаженнымъ, или его рукоятью, или палкой, или какимъ-нибудь сосудомъ полагается 12 гр. продажи [2]).

[1]) Рус. Пр. III р. 30, 93. Наша практика, однако, не была однообразна. Мстиславовъ договоръ, какъ и Русская Правда, назначаетъ полъ-виры за око, руку и ногу. Но судя по выраженію: «за око 5 гр. серебра» и т. д., надо думать, что эта плата идетъ пострадавшему, а не князю. По Русской же Правдѣ полъ-виры идутъ князю, а пострадавшій получаетъ только половину противъ князя. Мстиславовъ договоръ ничего не говоритъ о платѣ князю. За зубъ онъ назначаетъ 3 гр. серебра и тоже пострадавшему; Русская Правда назначаетъ потерявшему зубъ 1 гривну, а князю 12, которыя равны 3-мъ Мстиславова договора (по ст. I этого договора на 1 гривну серебра идетъ 4 гривны кунами). Это служитъ новымъ подтвержденіемъ высказанной уже мысли, что въ пространныхъ редакціяхъ Русской Правды размѣръ княжескихъ виръ и продажъ соотвѣтствуетъ частнымъ вознагражденіямъ болѣе древнихъ памятниковъ.

[2]) Трет. р. 25, 27.— Но практика Русской Правды не была постоянна. Ст. 31 III ред. назначаетъ одинакій штрафъ въ 3 гр. за кровавую и синюю рану; а ст. 36 назначаетъ 3 гр. за ударъ по лицу и за ударъ жердью. Также колебалась и смоленская практика. Рижская редакція Мстиславова договора за кровавую рану назначаетъ полторы гривны серебра (3), за ударъ батогомъ вдвое менѣе; готландская—приравниваетъ синюю рану кровавой и за каждую назначаетъ полторы гривны серебра. Ударъ въ ухо или по лицу въ обѣихъ редакціяхъ наказывается вдвое

3. Преступленія противъ личной свободы

Въ германскихъ правахъ предусматриваются разные виды лишенія свободы: человѣкъ можетъ быть связанъ, запертъ въ его собственномъ домѣ и пр. Изъ нашихъ источниковъ о преступленіяхъ этого рода упоминаютъ договорныя грамоты Новгорода и Смоленска съ нѣмцами: «А оже мужа свяжутъ безъ вины, 12 гривенъ за соромъ старыхъ кунъ». О похищеніи женщинъ рѣчь будетъ ниже.

4. Преступленія противъ чести

Оскорбленіе чести можетъ быть сдѣлано дѣйствіемъ и словомъ. Германскіе памятники въ этомъ отношеніи гораздо богаче русскихъ, въ нихъ перечисляется множество такихъ дѣйствій, о которыхъ не упоминаютъ наши.

И намъ, и германцамъ извѣстны слѣдующія оскорбленія дѣйствіемъ:

«Кто вынезъ мечь, а не тнеть», гривна кунъ. Русская Правда I ред. ст. 12, III 26. Оскорбленіе состоитъ здѣсь въ угрозѣ, обнаружившейся въ обнаженіи меча.

Толканіе кого-либо отъ себя или къ себѣ: «Аже попьхнеть мужь мужа либо къ собѣ ли отъ собѣ, то 3 гривны продажи». Русск. Пр., Трет. р., ст. 41. «Оже упьхньть 3 гривны старые». Догов. 1189 г.

легче кровавой раны. Двинская грамота совпадаетъ съ рижской редакціей, оцѣнивая кровавую рану дороже синей.

Отмѣтимъ здѣсь любопытную особенность договора Новгорода съ нѣмцами конца XII в. За ударъ, нанесенный мужчинѣ оружіемъ или коломъ, договоръ назначаетъ 6 гривенъ старыхъ «за рану». Побои же, нанесенные лицамъ женскаго пола, оцѣниваются въ 40 гривенъ. Такимъ образомъ, тѣлесная неприкосновенность женщинъ была ограждена безъ малаго въ семь разъ выше, чѣмъ неприкосновенность мужчинъ.

Сорваніе платья. Указаніе на проступки этого рода находимъ въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами 1189 г. Тамъ предусматривается случай сорванія повойника съ головы чужой жены и изодраніе мятели (плаща). Первое оскорбленіе карается шестью старыми гривнами, второе—тремя.

Наконецъ, рванье волосъ съ головы и лица. За усъ и бороду Русская Правда назначаетъ 12 гривенъ (I р. 7, III 109). По германскому праву борода цѣнится, иногда, въ половину противъ волосъ на головѣ. Одинъ изъ Смоленскихъ договоровъ съ нѣмцами (Русск. Ливон. Ак., Anhang № 11) различаетъ бороду обыкновеннаго человѣка отъ боярина и куноемца. Первая оплачивается 3 гривнами (=12 гривнамъ Русской Правды), вторая пятью.

Кромѣ этихъ оскорбленій, германское право знаетъ еще бросаніе въ воду, обливаніе водой, загражденіе пути, входъ безъ разрѣшенія въ чужой домъ и множество видовъ оскорбленія женской чести чрезъ прикосновеніе къ рукѣ, плечу, груди и проч.

Оскорбленіе словомъ встрѣчается не во всѣхъ германскихъ правахъ, у датчанъ этого проступка нѣтъ. Неизвѣстно оно и Русской Правдѣ. Первое указаніе на него находимъ въ церковныхъ Уставахъ Владиміра и Ярослава. Владиміровъ уставъ не опредѣляетъ наказанія; Ярославовъ говоритъ только о неприличной брани чужихъ женъ и опредѣляетъ за это плату оскорбленной и епископу, въ одинаковомъ размѣрѣ. Оскорбившему жену великаго боярина, кромѣ платы по 5 грив. золота, угрожаетъ еще княжеская казнь. Наказуемость брани и равенство платы епископу съ частнымъ вознагражденіемъ не возбуждаетъ сомнѣній: нельзя того же сказать о самомъ размѣрѣ платы и добавочной княжеской казни, мѣра ихъ слишкомъ велика.

Изъ свѣтскихъ памятниковъ объ оскорбленіи словомъ говоритъ Двинская грамота: «А кто кого излаетъ боярина... и намѣстницы судятъ ему по его отечеству безчестіе», т.-е. онъ получаетъ вознагражденіе, смотря по его отеческой чести.

5. Преступленія противъ имущества.

а) Кража, тайное завѣдомо противозаконное изъятіе чужой вещи изъ хранилища другого лица съ намѣреніемъ присвоить ее себѣ, извѣстна нашимъ древнимъ памятникамъ подъ именемъ татьбы.

Нашему древнему праву неизвѣстно различіе кражъ по цѣнѣ украденнаго, составляющее особенность германскаго права. Германское право различаетъ большія и малыя кражи по различію цѣны украденнаго. Граница между большими и малыми кражами въ разныхъ правахъ опредѣляется различно. Въ Даніи и Швеціи кража до полъ-марки составляетъ малую, а выше—большую. Съ этимъ различіемъ соединяются и важныя различія въ послѣдствіяхъ кражи. Въ большихъ кражахъ частное вознагражденіе доходитъ иногда до уплаты девяти цѣнъ украденной вещи; въ малыхъ, кромѣ простой цѣны вещи, платится пеня, но не выше шести шиллинговъ. Изъ публичныхъ наказаній съ весьма древнихъ временъ къ большимъ кражамъ примѣняется смертная казнь, къ малымъ — тѣлесныя наказанія. Эти наказанія не исключаютъ частнаго вознагражденія.

Въ сѣверныхъ законодательствахъ встрѣчается отступленіе отъ общаго правила, по которому строгость наказанія соразмѣряется съ цѣною украденнаго. Это отступленіе касается кражъ скота и зерна съ поля. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ за такія кражи назначается смертная казнь, несмотря на цѣну украденнаго. Причина такой строгости въ легкости кражи съ поля и малой охраненности имущества, находящагося въ открытомъ полѣ.

Что наше древнее право не знаетъ различія кражъ по различію цѣны украденнаго, это видно изъ Русской Правды. Что бы ни было украдено: челядинъ, конь, оружіе, платье, ястребъ, соколъ или песъ, она назначаетъ одинакую плату—

три гривны (I р. 15, 17, II р. 16). Различіе цѣны украденнаго имѣетъ у насъ только процессуальное значеніе [1]).

Если судить о послѣдствіяхъ татьбы по новымъ статьямъ пространныхъ списковъ Правды, не имѣющимъ себѣ подобныхъ въ древнѣйшихъ спискахъ, то они представляются въ слѣдующемъ видѣ. Пострадавшій получаетъ только то, что у него украдено (татьбу или что погибло), т.-е. простую цѣну украденаго и лишь иногда убытки, князь же получаетъ продажу (III р. 45, 54, 55, 102). Только въ томъ случаѣ, если воръ былъ рабъ, пострадавшій получалъ двойную цѣну украденнаго, а князь — ничего, такъ какъ рабы не подлежали продажѣ (III 57).

Но эту практику никакъ нельзя разсматривать какъ общую. Въ смоленскомъ Мстислаовомъ договорѣ съ нѣмцами о послѣдствіяхъ татьбы читаемъ: «Аже русинъ или нѣмчичь иметь татя у своего товара, въ томъ его воля, что хочетъ учинити» (23, 33). Здѣсь воръ предоставляется въ полную волю пострадавшаго; онъ можетъ быть даже убитъ. Эта статья памятника XIII в. близко сходится со статьей о ворѣ древнѣйшаго списка Русской Правды (II 3). Обѣ статьи предусматриваютъ исключительный случай, поимку вора на мѣстѣ преступленія. Но если въ этомъ, хотя и исключительномъ, случаѣ право пострадавшаго совершенно исключаетъ право князя, то все же трудно допустить, чтобы въ

---

[1]) (Трет. р. 24). Послѣдствія кражи опредѣляются нашими памятниками различно. Древнѣйшая Русская Правда знаетъ только частное вознагражденіе: украденная вещь возвращается пострадавшему и кромѣ того онъ получаетъ 3 гривны за обиду (ст. 15, 17). Ст. 12 II р. упоминаетъ плату въ 3 гр. 30 рѣзанъ, а 15 и 16 говорятъ уже о продажѣ въ 60 рѣзанъ, т.-е. о платѣ князю.

Въ пространныхъ спискахъ три гривны частнаго вознагражденія переходятъ иногда въ княжую продажу (Трет. р. 38 и 106). Любопытна 106 ст., она повторяетъ 16 II р., но при этомъ «3 гривны за обиду» превращаетъ въ «3 гривны продажи», пострадавшему же назначаетъ гривну: «а господину гривна». Княжескій судъ, повидимому, опредѣлялъ взысканія довольно произвольно. Недаромъ же лѣтописцы жалуются на то, что княжескіе судьи разоряютъ народъ продажами.

кражахъ, которыя обнаруживались послѣ ихъ совершенія, пострадавшій долженъ былъ ограничиться простымъ вознагражденіемъ убытковъ. Новыя статьи пространной Русской Правды едва ли выражаютъ все русское право.

Къ предметамъ, пользовавшимся особой охраной, какъ по русскому, такъ и по германскому праву, принадлежали лошади. У германцевъ кража лошади вела иногда къ смертной казни побіеніемъ камнями. По Русской Правдѣ коневому татю полагается высшая мѣра наказанія, потокъ и разграбленіе. Псковск. суд. гр. коневому татю угрожаетъ смертною казнью; та же казнь угрожаетъ и «кромскому татю». «Крама» и по настоящее время обозначаетъ въ Литвѣ лавку; намъ извѣстно слово «закромъ» — ларь для ссыпанія хлѣба. По этому, въ древности «кромскій тать» могъ обозначать татя изъ запертаго помѣщенія. На полѣ рукописи противъ «кромской» написано «храмской». Это даетъ поводъ думать, что толкователь имѣлъ въ виду церковнаго татя. Насколько это вѣрно, остается на его отвѣтственности.

Кража изъ закрытыхъ помѣщеній и у насъ, какъ и у германцевъ, наказывалась строже (III 52, 54, 55).

Указаній на различіе дневной и ночной кражи въ нашихъ памятникахъ нѣтъ. Точно такъ же наши древнѣйшіе памятники не обращаютъ вниманія на повтореніе кражъ. Впервые съ повтореніемъ встрѣчаемся въ Двинской и въ Псковской судныхъ грамотахъ. По обоимъ памятникамъ третья кража, независимо отъ цѣны украденнаго, ведетъ къ смертной казни.

б) Грабежъ, похищеніе вещи посредствомъ насильственнаго нападенія на личность, въ наше время разсматривается какъ преступленіе болѣе тяжкое, чѣмъ кража, и потому наказывается строже. Но древній взглядъ на грабежъ, какъ это видно изъ германскихъ памятниковъ, былъ иной. Воровство и грабежъ (Diebstrahl, Raub) ведутъ за собой одинакія наказанія или, иногда, воровство наказывается даже строже, чѣмъ грабежъ. По законамъ алемановъ грабежъ ведетъ къ двойной платѣ цѣны похищеннаго, а кража къ

платѣ 9-ти цѣнъ. Во Фрисландіи и въ томъ, и въ другомъ случаѣ взыскивается двойная цѣна похищеннаго, но за нарушеніе мира грабитель платилъ только 12 шиллинговъ, а воръ полную виру, какъ и за убійство (Wilda, 860, 914). Эта особенность объясняется тѣмъ, что въ началѣ исторіи, когда каждый полагался только на свои личныя силы, тайный воръ возбуждалъ гораздо большее отвращеніе и болѣе казался опаснымъ, чѣмъ тотъ, кто открыто шелъ къ своей цѣли. Съ теченіемъ времени взглядъ на грабежъ долженъ былъ измѣниться. По мѣрѣ смягченія нравовъ, грабежъ долженъ былъ превратиться въ дѣяніе болѣе отталкивающее и пугающее, чѣмъ воровство. Вильда думаетъ, что эта перемѣна совершилась не безъ вліянія изреченія блаженнаго Августина, вошедшаго въ сборники церковнаго права: «достоинъ наказанія, кто тайно похищаетъ, но еще болѣе долженъ быть наказанъ, кто дѣлаетъ это съ прямымъ насиліемъ».

Наши древнѣйшіе источники не сохранили слѣда такого взгляда на грабежъ. Русская Правда угрожаетъ разбойникамъ самымъ высшимъ наказаніемъ, какое только ей извѣстно, потокомъ и разграбленіемъ (III 10). Здѣсь можно предполагать вліяніе духовенства, которое еще Владиміру совѣтовало казнить разбойниковъ. По Псковской судной грамотѣ «разбой, находъ, грабежъ» караются продажей, но высшей, чѣмъ кража.

в) Недозволенное пользованіе чужимъ имуществомъ. Русской Правдѣ, какъ и германскимъ памятникамъ, извѣстно недозволенное пользованіе чужой лошадью: «Аще кто поѣдетъ на чюжомъ конѣ, не прошавъ его, то положити 3 гривны» (I 16). Три гривны имѣютъ здѣсь значеніе частнаго вознагражденія. Эта статья безъ всякихъ измѣненій перешла зъ пространные списки Русской Правды. Это указываетъ на то, что составитель этихъ списковъ пользовался очень разнообразно своимъ матеріаломъ, не всегда сводя его къ какому-либо единству: въ однихъ случаяхъ онъ указываетъ продажи, въ другихъ частное вознагражденіе.

Германскiе памятники говорятъ еще о недозволенномъ пользованiи лодками и другими движимостями.

г) Завладѣнiе недвижимостью. Русская Правда говоритъ о тѣхъ случаяхъ, когда завладѣнiе чужой недвижимостью соединяется съ порчею межевыхъ знаковъ. Это дѣйствiе карается высшею мѣрою продажи, 12 грив. (III 96, 98). О частномъ вознагражденiи Русская Правда не упоминаетъ. Наоборотъ, въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ германскихъ законодательствахъ перемѣстившiй межу отдавался иногда въ волю собственника земли, и частный интересъ устранялъ такимъ образомъ публичный. Рус. Правда, конечно, не договариваетъ.

д) Поврежденiе чужихъ вещей ведетъ какъ по нашему, такъ и по германскому праву, не только къ вознагражденiю убытковъ, но и къ штрафу. Русская Правда говоритъ о злонамѣренномъ поврежденiи скота оружiемъ: «А кто пакощами конь порѣжеть или скотину», и назначаетъ за это высшую мѣру продажи, 12 грив. (III 109). Еще съ большею строгостью относится къ дѣянiямъ этого рода исландское право. Оно угрожаетъ виновному лишенiемъ мира съ воспрещенiемъ выкупа.

Германскому праву извѣстно еще поврежденiе изгородей и деревьевъ: дуба, бука и разныхъ плодовыхъ. Русская Правда упоминаетъ только о порчѣ бортныхъ деревьевъ и также назначаетъ продажу (3 гр.) сверхъ частнаго вознагражденiя (III 100). Ст. 24 III-й ред. говоритъ о поврежденiи оружiя и платья.

е) Неисполненiе обязательствъ по древнему праву разсматривалось, какъ преступленiе, и вело къ штрафу. По Русской Правдѣ (I 20) должникъ, неправильно отрицавшiй долгъ, доженъ былъ платить за обиду 3 гривны. По древнему германскому праву наслѣдникъ, отказавшiйся уплатить долгъ умершаго на томъ основанiи, что ничего отъ него не получилъ, долженъ былъ уплатить не только весь долгъ, но и сумму, въ восемь разъ превышающую долгъ, если оказывалось, что онъ скрылъ наслѣдство.

ж) Поджогъ жилого и нежилого помѣщенія ведетъ, по Русской Правдѣ, къ высшей мѣрѣ наказанія: «Аже зажгуть гумно, то на потокъ на грабежь домъ его, переди пагубу исплативщю, а въ процѣ князю поточити й; такожде аже кто дворъ зажьжеть» (III 108). Псковская судная грамота назначаетъ зажигателю смертную казнь. По германскому же праву поджогъ разсматривается какъ особенно важное преступленіе только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ представлялъ опасность для жизни, напр., поджогъ ночью дома, въ которомъ спали люди. Такой поджогъ по послѣдствіямъ приравнивался тайному убійству, а виновникъ назывался Mordbrenner. Поджогъ же безъ этихъ отягчающихъ обстоятельствъ разсматривался только какъ противозаконное поврежденіе собственности (Wilda, 940). Болѣе близко къ нашему праву норвежское, по которому поджигатель лишается мира и теряетъ все свое имущество.

Уложеніе также говоритъ о воровствѣ, татьбѣ, кражѣ, мошенничествѣ, грабежѣ, разбоѣ, поджогѣ, порчѣ межи, насильномъ завладѣніи недвижимостями и поврежденіи чужой собственности.

Термины «воровство и воръ» не имѣютъ въ Москвѣ спеціальнаго отношенія къ преступленіямъ противъ имущества: подъ воровствомъ разумѣется преступленіе вообще, подъ воромъ—всякій преступникъ.

Подъ татьбой и кражей (X, 222) Уложеніе разумѣетъ тайное похищеніе чужого имущества.

Цѣна похищеннаго, какъ и въ древнѣйшемъ нашемъ правѣ, не имѣетъ значенія при оцѣнкѣ послѣдствій татьбы.

Уложеніе знаетъ: 1) обыкновенную татьбу, за которую полагается (за первую) потеря лѣваго уха, кнутъ, тюремное заключеніе на два года, а затѣмъ ссылка въ украйные города въ какой чинъ пригодится (XXI, 9); 2) квалифицированную, за которую налагается болѣе тяжкое наказаніе, и, наконецъ, 3) нѣсколько такихъ видовъ татьбы, которые или вовсе не наказываются, или наказываются легче, чѣмъ обыкновенные.

Къ квалифицированной татьбѣ относится церковная кража, за которую полагается смертная казнь (XXI, 14), и кража лошади на службѣ, которая карается отсѣченіемъ руки (VII, 29). Послѣднее постановленіе взято изъ градскихъ законовъ (XXXIX, 53).

Къ ненаказуемой татьбѣ относится кража изъ сада яблокъ и деревьевъ; эти дѣйствія ведутъ только къ вознагражденію убытковъ (X, 221).

Къ кражамъ, наказуемымъ легче, относится: 1) кража во дворѣ царскаго величества (III, 9); 2) кража овощей изъ огорода (X, 211); 3) кража съ поля хлѣба или сѣна (XXI, 89) и 4) рыбы изъ пруда или садка (XXI, 90). Первая и третья кражи ведутъ къ наказанію кнутомъ, четвертая—батогами, о второй сказано: «за кражу учинити наказаніе, смотря по дѣлу».

Было высказано мнѣніе, что грабежъ по Уложенію является, въ противоположность кражѣ, явнымъ, но не насильственнымъ захватомъ чужого имущества; разбой же есть нападеніе на лицо съ цѣлью захвата имущества. Это мнѣніе едва-ли можно принять. Въ Уложеніи есть нѣсколько статей, изъ которыхъ видно, что насиліе есть признакъ не одного только разбоя, но и грабежа. Уложеніе говоритъ: «пограбить насильствомъ» (X, 222, XXII, 5). Въ ст. 30-й главы VII читаемъ: «А будетъ кто ратные люди, ѣдучи на государеву службу, учнутъ ставитися по селомъ для воровства, и станутъ грабити и учинятъ смертное убойство, или женскому полу насильство, или въ гумнахъ хлѣбъ потравятъ, или изъ прудовъ насильствомъ рыбу выловятъ, или иное какое насильство кому сдѣлаютъ... и тѣхъ за смертное убойство и за насильство женскому полу казнити смертію; а за иное за всякое насильство и за грабежъ чинити наказаніе, смотря по винѣ». Насиліе надъ лицомъ сопутствуетъ здѣсь грабежу: «станутъ грабить и учинять смертное убойство». То же слѣдуетъ и изъ 32 ст. той же главы: «А будетъ кто служилый человѣкъ, ѣдучи на государеву службу, пріѣдетъ къ кому на станъ по недружбѣ нарочнымъ дѣломъ для за-

дору, и въ томъ межъ ними учинится брань и бой, на бою томъ тотъ, который пріѣдетъ на чужой станъ насильствомъ, кого убьетъ, или ранитъ, или пограбитъ...» Грабежъ, точно такъ же, какъ убійство и раны, является здѣсь слѣдствіемъ насильственнаго наѣзда. Но это насиліе не непремѣнно должно выразиться въ бою или причиненіи ранъ. Наѣздъ превозмогающей силы самъ по себѣ можетъ парализовать всякое сопротивленіе,—бою не будетъ, но будетъ грабежъ въ смыслѣ похищенія чужого имущества подъ угрозой насилія. Въ этомъ смыслѣ надо понимать и 136 ст. Х-й главы, которая даетъ возможность отдѣльно доказывать бой и грабежъ [1]).

То же значеніе насилія имѣетъ грабежъ и въ Псковской судной грамотѣ, гдѣ читаемъ: «А истецъ, пріѣхавъ съ приставомъ, и возьметъ что за свой долгъ силою, не оутяжетъ своего истца, ино быти ему оу грабежу...» (67).

Какая же разница между грабежомъ и разбоемъ?

Характерный признакъ разбойника сложился у насъ съ самой глубокой древности. По Рус. Правдѣ это люди, которые «стали» на разбой; по памятникамъ XVI в. это вѣдомые тати и разбойники, которые людей разбиваютъ, держатъ воровскіе притоны, покупаютъ и продаютъ разбойную и татебную рухлядь, словомъ, разбой для нихъ ремесло; они дѣйствуютъ шайкой. Эта точка зрѣнія перешла и въ Уложеніе. Глава XXI «О разбойныхъ и татебныхъ дѣлахъ» начинается такъ: «Которые разбойники разбиваютъ и людей побиваютъ и тати крадутъ... и такіе разбойныя и убійствен-

---

[1]) «А будетъ кто на комъ учнетъ искати бою и грабежу, и отвѣтчикъ въ бою не запрется, а про грабежъ скажетъ, что не грабилъ, и на немъ велѣти истцу за увѣчье и за безчестіе доправити противъ окладу вдвое, а въ пенѣ его, что государь укажетъ. А въ грабежѣ указъ имъ учинити по судному дѣлу, до чего доведется. А будетъ тотъ отвѣтчикъ въ грабежѣ не запрется, а про бой во отвѣтѣ скажетъ, что онъ не бивалъ, и на немъ велѣть грабежъ доправити противъ исковой челобитной и отдати истцу. А пени тому отвѣтчику, что государь укажетъ. А въ бою указъ учинити по суду же, до чего доведется».

ныя дѣла и татебныя дѣла вѣдать въ Разбойномъ приказѣ». Многія статьи Уложенія говорятъ о разбойникахъ, какъ о лихихъ людяхъ, т.-е. извѣстныхъ злодѣяхъ, не разъ совершившихъ преступленіе, а постоянно совершающихъ кражи, грабежи и пр. Напримѣръ: «А на которыхъ людей въ обыску скажутъ, что они лихіе люди, тати или разбойники», т.-е. извѣстны за таковыхъ. XXI, 35. Или: «Дать его на чистую поруку съ записью, что ему впредь не красти и не разбивати и лихимъ людемъ, татемъ и разбойникомъ, пріѣзду къ себѣ не держати». XXI, 36. Разбой совершаютъ разбойники, т.-е. люди, для которыхъ насильственное отнятіе чужой собственности составляетъ родъ жизни, промыселъ. Крайнее развитіе разбоевъ въ древности и заставило обособить разбой, какъ особый видъ насильственнаго отнятія имущества, крайне опасный для общественнаго спокойствія. Всякое другое насильственное отнятіе имущества, совершенное не разбойниками, есть грабежъ. Уложеніе говоритъ, напримѣръ, о грабежѣ служилыхъ людей «наряднымъ дѣломъ для задору», о грабежѣ родителей дѣтьми,—это не промыселъ, служилые люди не живутъ разбоемъ.

Въ разбоѣ, какъ и въ грабежѣ, есть угроза насилія и самое насиліе, но для наказуемости разбоя важно не насиліе, а то, что разбой есть промыселъ. Въ памятникахъ, предшествовавшихъ Уложенію, эта точка зрѣнія выступаетъ еще съ большею силою. Судебники не различаютъ татей отъ разбойниковъ, если это вѣдомые лихіе люди, т.-е. сдѣлавшіе промыселъ изъ татьбы и грабежа. Въ Судебникѣ 1497 г. читаемъ: «А доведутъ на кого татьбу, или разбой, или душегубство... и будетъ вѣдомой лихой, и боярину того велѣти казнити смертною казнію» (8). Этой статьѣ совершенно соотвѣтствуютъ 59-я и 60-я Судебника 1550 г. Московское государство стремится искоренить вѣдомыхъ лихихъ людей, которые живутъ на счетъ чужого благосостоянія, а какъ они его похищаютъ, тайно (кража) или явно съ насиліемъ (разбой), это безразлично. Воры, но не вѣдомые лихіе люди, наказываются легче; по обоимъ судебни-

камъ за первую кражу они подлежатъ торговой казни (I-й Суд. ст. 10, II-й ст. 55).

Отъ этого первоначальнаго безразличія татьбы и разбоя лихихъ людей, Уложеніе дѣлаетъ отступленіе. Хотя оно и соединяетъ въ одной главѣ татьбу и разбой, но караетъ разбой строже татьбы. Первый разбой ведетъ къ потерѣ праваго уха, наказанію кнутомъ (XXI, 16 не говоритъ о кнутѣ, это, конечно, описка) и трехлѣтнему тюремному заключенію, за которымъ слѣдуетъ ссылка въ украйные города; второй разбой карается смертною казнью. Татьба же только третья ведетъ къ смертной казни, за первыя же двѣ полагается кнутъ, тюрьма, отрѣзаніе уха и ссылка.

Грабежъ наказывается Уложеніемъ легче татьбы. Дѣти, пограбившіе насильствомъ животы родителей, наказываются кнутомъ нещадно, но тюрьмѣ, ссылкѣ и потерѣ уха не подлежатъ (XXII, 5). Наказаніе служилымъ людямъ за грабежъ полагается, смотря по винѣ (VII, 30, 32); подъ этимъ совершенно неопредѣленнымъ наказаніемъ надо разумѣть кнутъ и слѣдующія за нимъ болѣе легкія кары. По 136-й ст. X-й главы грабежъ простой, безъ особенно отягчающихъ обстоятельствъ, сверхъ вознагражденія убытковъ, карается только пенею, что государь укажетъ. Эта статья перешла въ Уложеніе изъ Судебника 1550 г., который также караетъ грабежъ пенею и, слѣдовательно, гораздо легче татьбы [1]). Насиліе само по себѣ не только не отягощаетъ участь похитителя чужого имущества, а облегчаетъ ее. Въ этомъ можно видѣть указаніе на то, что и у насъ, какъ въ древ-

[1]) А который ищея взыщетъ бою и грабежу и отвѣтчикъ скажетъ, что билъ, а не грабилъ, и отвѣтчика въ бою обвинити и безчестіе на немъ взяти, а въ пенѣ посмотря по человѣку, что государь укажетъ, а въ грабежѣ судъ и правда, а во всемъ не обвинити. А скажетъ что грабилъ, а не билъ, и на тѣхъ грабежъ доправити, кто скажетъ грабилъ, а въ пенѣ посмотря по человѣку, что государь укажетъ, а въ бою судъ и правда. А въ иныхъ дѣлахъ судити по тому же: кто въ чемъ скажется виноватъ, то на немъ взяти, а въ пенѣ что государь укажетъ, посмотря по человѣку, а въ достали судъ и правда и крестное цѣлованіе.

ней Германіи, тайная кража возбуждала бо́льшую реакцію, чѣмъ открытое и соединенное съ насиліемъ отнятіе имущества. Вѣроятно, предполагалось, что человѣкъ, прямо идущій къ своей цѣли (но не вѣдомый лихой), имѣетъ достаточныя причины отнять силою чужую вещь. Въ приведенной выше статьѣ Пск. суд. гр. это даже прямо выражено. Но это предположеніе относится къ тому отдаленному времени, когда слагалось первоначальное воззрѣніе на грабежъ, какъ дѣяніе менѣе преступное, чѣмъ кража. Уложеніе сохранило слѣды этого воззрѣнія, какъ переживаніе.

Сопоставляя статьи Уложенія о грабежѣ, надо придти къ слѣдующему заключенію. Уложеніе знаетъ обыкновенный и квалифицированный грабежъ. Обыкновенный—ведетъ къ денежной пенѣ (XX, 136), квалифицированный—къ болѣе тяжкимъ наказаніямъ. Къ послѣднему виду грабежа относится: 1) грабежъ служилыми людями (VII, 30, 32); 2) грабежъ дѣтьми родителей (XXII, 5).

Поджогъ двора ведетъ къ сожженію, а поджогъ лѣса только къ уплатѣ убытковъ и пени (X, 228, 223). Первая статья взята изъ Градскихъ законовъ, но тамъ различенъ поджогъ въ городѣ и внѣ города; за поджогъ внѣ города назначается не смертная казнь, а отсѣченіе руки (XXXIX, 18). Въ Уложеніи этого различія нѣтъ.

6. Преступленія противъ семейства и половой нравственности

Въ Русской Правдѣ о преступленіяхъ противъ нравственности не говорится. Семья древнѣе государства. Надо думать, что преступленія противъ семьи и нравственности были извѣстны съ древнѣйшаго времени, еще до Рус. Пр. Изъ германскихъ памятниковъ видно, что древнѣйшіе народные обычаи уже имѣли дѣло съ преступленіями этого рода, хотя точка зрѣнія была и совершенно иная, чѣмъ та, которая позднѣе внесена христіанствомъ. По народно-герман-

скому воззрѣнію мужчина, виновный въ незаконной связи съ женщиною, признается виновнымъ, но не въ той степени, въ какой признается виновною женщина; женщина разсматривается гораздо болѣе виновною, чѣмъ мужчина. Нравственная точка зрѣнія вовсе не имѣла мѣста при обсужденіи преступленій этого рода, совершенныхъ мужчинами. Преступленіе мужчины вызывало месть со стороны родственниковъ пострадавшей. Причина этой мести кроется въ томъ, что виновный вторгался въ чужое семейство и нарушалъ права, которыя принадлежали главѣ семейства. Женщина въ древней Германіи не пользовалась самостоятельностью: она всю жизнь находилась подъ властью мужчины, сперва подъ властью отца, а по выходѣ замужъ — подъ властью мужа, это ихъ mundium (Mundschaft). Всякое посягательство на женщину есть посягательство на права мундіума. Такимъ образомъ, виновный въ половомъ преступленіи наказывается не за безнравственность, а за то, что нарушилъ права опеки. Совсѣмъ другой взглядъ на женщину. Если она совершала любодѣяніе, то, по народнымъ воззрѣніямъ, она сама дѣлалась безчестной и наносила безчестье всей своей семьѣ. Ее ожидало со стороны ея родственниковъ страшное наказаніе. Она съ позоромъ, голая, изгонялась изъ дома или подвергалась смертной казни. Самое исполненіе смертной казни имѣло крайне суровую форму. Сохранилось описаніе порядка казни, сдѣланное еп. Бонифаціемъ; оно относится къ саксамъ, еще не просвѣщеннымъ свѣтомъ христіанскаго ученія. Виновную задушали или, обнаживъ до пояса, били и кололи тѣло ножами до тѣхъ поръ, пока несчастная не испускала духъ. Въ этомъ истязаніи принимали участіе не только члены семьи, но приглашались и посторонні женщины. Женщина, виновная въ любодѣяніи, возбуждаетъ негодованіе какъ въ членахъ собственной семьи, такъ и среди постороннихъ. Иначе народное міровоззрѣніе относилось къ мужчинѣ. Здѣсь реакція возбуждалась только въ предѣлахъ той семьи, по отношенію къ которой имъ совершено престу-

пленіе: мстятъ члены того семейства, къ которому принадлежитъ совиновная женщина. Семья, къ которой принадлежитъ самъ виновный, вовсе не оскорбляется его поступкомъ. Эти обычаи отразились и на законахъ. По нѣкоторымъ законамъ право убить виновную принадлежало не только тому, у кого mundium, но и его друзьямъ, а наконецъ и органамъ власти. По отношенію къ мужчинѣ такого постановленія не было. Эта точка зрѣнія начинаетъ мѣняться подъ вліяніемъ Моисеева законодательства. По этому законодательству мужчина разсматривается, какъ совратитель, а потому онъ долженъ или жениться, или заплатить штрафъ. Эта новая точка зрѣнія ранѣе другихъ была усвоена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Швеціи.

Если Русская Правда не говоритъ о преступленіяхъ противъ половой нравственности, то слѣдуетъ ли отсюда, что такія преступленія русскимъ славянамъ эпохи Рус. Правды не были извѣстны? Трудно думать. Изъ молчанія Рус. Пр. нельзя еще выводить, что такихъ преступленій не было. По всей вѣроятности, преступленія противъ семейной нравственности были уже извѣстны, но расправа за нихъ происходила въ предѣлахъ семьи и, можетъ быть, общины; до суда же княжескаго дѣло не доходило, а потому и молчитъ о нихъ Русская Правда, стоящая въ непосредственномъ отношеніи къ практикѣ княжескаго суда. Послѣ принятія христіанства преступленія эти были предоставлены суду духовенства, о нихъ упоминается въ уставахъ церковныхъ.

Что преступленія противъ половой нравственности были у насъ извѣстны и до принятія христіанства, это можно думать на основаніи нѣкоторыхъ народныхъ обычаевъ, сохранившихся и до нашихъ дней, напр., совершающееся и теперь во многихъ мѣстахъ Малороссіи «удостовѣреніе невинности» невѣсты, и та жестокая расправа, которую учиняютъ съ ней и ея родственники и новобрачный въ случаѣ преждевременной утраты невинности. Эти обычаи, конечно, до христіанскаго происхожденія.

По германскому праву любодѣяніе вело сперва къ мести, а потомъ къ выкупу. Денежное вознагражденіе шло не самой женщинѣ, такъ какъ она сама соизволила, а тому, во власти у кого она находилась, у кого было право мундіума. Право требовать вознагражденія за рабынь принадлежало господину. По нѣкоторымъ правамъ только первое любодѣяніе считалось преступнымъ и вело къ вознагражденію, послѣдующія же не оплачивались.

Съ принятіемъ христіанства преступленія этого рода сдѣлались у насъ подсудны церковному суду. Владиміровъ церковный уставъ упоминаетъ «смильное заставанье», но не опредѣляетъ послѣдствій. Ярославовъ уставъ посвящаетъ простому любодѣянію нѣсколько статей (4, 5, 9, 11, 15 и др.). Въ первой говоритъ: «Аже у отца и у матери дщи дѣвкою дитяти добудеть, обличивъ ю, поняти въ домъ церковный, а чимъ ю родъ окупить». По этой статьѣ любодѣяніе является преступленіемъ не передъ семейной властью, какъ это было по древнѣйшему германскому праву, и, по всей вѣроятности, нашему, а передъ общественной властью: отвѣтственнымъ же оказывается не мужчина, вступившій въ незаконную связь, а семья дѣвицы, которая не уберегла дочери отъ соблазна. Въ другихъ статьяхъ рѣчь также идетъ о публичномъ наказаніи. Памятники свѣтскаго права говорятъ о преступленіяхъ этого рода только въ соединеніи съ насиліемъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Любодѣяніе со своею рабою по Русской Правдѣ было ненаказуемо (III 128).

Прелюбодѣяніе по древнему германскому праву составляло обиду, наносимую мужу женою и ея соблазнителемъ. Мужъ по отношенію къ женѣ не совершалъ прелюбодѣянія; ему предоставлялось даже имѣть конкубину. Обиженный мужъ имѣлъ право убить жену и соблазнителя. По мѣрѣ смягченія нравовъ входитъ въ употребленіе выкупъ. Соблазнитель долженъ былъ заплатить свою полную виру. Съ распространеніемъ христіанства обѣ стороны уравниваются и для жены возникаетъ искъ противъ мужа, нарушившаго супружескую вѣрность. По нѣкоторымъ законамъ она имѣетъ

право получить денежное вознагражденіе съ мужа, по 3 марки за каждую невѣрность; по другимъ соучастница въ преступленіи мужа выдается ей для мести. Христіанскія воззрѣнія смѣшались, такимъ образомъ, съ народными.

По нашему древнему праву также только жена была виновата передъ мужемъ въ прелюбодѣяніи, а не мужъ передъ женой. Невинность мужа слѣдуетъ изъ 128 ст. Русской Правды III редакціи. Эта статья говоритъ о мужѣ (въ данномъ случаѣ можно разумѣть какъ женатаго, такъ и холостого человѣка), состоящемъ въ незаконной связи съ своей рабой и имѣющемъ отъ нея дѣтей. Статья предполагаетъ постоянную связь, продолжавшуюся до смерти мужа. Эта связь не вмѣняется въ вину ни ему, ни рабѣ. По смерти господина раба получаетъ даже свободу со всѣми дѣтьми.

О виновности жены предъ мужемъ надо заключить изъ смоленскихъ договоровъ съ нѣмцами. Въ договорѣ неизвѣстнаго князя (Рус. Лив. Ак. II прибавленіе) читаемъ: «Оже имуть русина вольнаго у вольное жены въ Ризѣ или на Готьскомъ бѣрѣзѣ, оже оубьють, и тотъ оубитъ; пакы ли не оубьють, платити ему 10 гривенъ сѣрѣбра; такоже и нѣмьчицю Смолиньскѣ». Мстиславовъ договоръ не говоритъ о правѣ убить, но установляетъ совершенно тотъ же выкупъ въ 10 гривенъ, равняющійся обыкновенной вирѣ. О платѣ князю не говорится; 10 гривенъ, замѣняюшія месть, идутъ, конечно, мужу. Объ убійствѣ жены не говорится. Это понятно, такъ какъ въ договорѣ дѣло идетъ объ опредѣленіи отношеній русскихъ къ нѣмцамъ, мужъ же и жена принадлежатъ одной національности. Но есть полная возможность допустить въ данномъ случаѣ и убійство жены.

Съ принятіемъ христіанства и у насъ обѣ стороны уравниваются въ томъ смыслѣ, что прелюбодѣяніе мужа сдѣлалось также наказуемымъ. Но подсудность и мѣра отвѣтственности были, надо думать, разныя. Церковный уставъ Ярослава говоритъ только о невѣрности мужа (ст. 6) и назначаетъ за это платежъ епископу и казнь со стороны князя не опредѣляя мѣры платежа и способа наказанія (Градскіе

законы назначают прелюбодѣямъ тѣлесныя наказанія, болѣзненныя и членовредительныя). Прелюбодѣяніе мужа вѣдается, слѣдовательно, органами власти и карается публичнымъ наказаніемъ. О прелюбодѣяніи жены церковный уставъ вовсе не говоритъ. Это не значитъ, конечно, что оно не наказуется. Оно осталось наказуемымъ попрежнему, т.-е. мужемъ.

Изнасилованіе и похищеніе женщины, хотя бы и съ цѣлью брака, но безъ согласія ея и родителей, составляетъ по германскому праву тяжкое преступленіе. По однимъ законодательствамъ оно ведетъ за собой лишеніе жизни, по другимъ выкупъ, доходящій иногда до размѣровъ полной и даже двойной виры.

Изъ нашихъ памятниковъ постановленія о насиліи встрѣчаются въ договорахъ съ нѣмцами Новгорода и Смоленска. По Мстиславому договору насиліе свободной женщинѣ, цѣломудреннаго поведенія (ст. 12), оплачивается пятью гривнами серебра, т.-е. полувирой; а по безымянному (Рус. Лив. Ак. прилож. II) полной вирой въ 10 гривенъ серебра. Насиліе рабѣ—гривною серебра. Мстиславовъ договоръ говоритъ еще о насиліи женщинѣ легкаго поведенія и назначаетъ ей тоже одну гривну, какъ и рабѣ.

Въ новгородскомъ договорѣ конца XII в. читаемъ: «Оже кто робу повергнеть насильемъ, а не соромить, то за обиду гривна; пакы же соромить, собѣ свободна». Первое постановленіе соотвѣтствуетъ такому же смоленскаго договора: «оже кто насилуетъ робѣ,—дати ему гривна серебра». Второе же предполагаетъ, кажется, насиліе собственной рабѣ. Только при этомъ предположеніи и понятно ея освобожденіе. А такъ какъ договоръ опредѣляетъ отношенія русскихъ къ нѣмцамъ, то, надо думать, что русскіе покупали рабынь-нѣмокъ, а нѣмцы—русскихъ. Въ германскомъ правѣ свобода рабы, какъ слѣдствіе незаконной связи съ нею господина, есть уже установленіе христіанской эпохи. Наши памятники не даютъ возможности отвѣтить на вопросъ: освобожденіе

рабы въ данномъ случаѣ практиковалось уже у насъ въ XII в. или попало въ договоръ по предложенію нѣмцевъ?

Въ Ярославовомъ церковномъ уставѣ, какъ и нѣкоторыхъ германскихъ памятникахъ, насиліе слито съ похищеніемъ: «Аже кто умчить дѣвку или насилить, аще боярская дчи, за соромъ ей 5 гр. золота, а епископу 5 гр. золота, а меньшихъ бояръ гривна золота, а епископу гривна золота; добрыхъ людей за соромъ 5 гривенъ серебра, а на умычницѣхъ по гривнѣ серебра епископу, а князь казнить». Статья эта представляетъ соединеніе языческой практики съ нововведеніями эпохи христіанской. Денежный выкупъ за насиліе и за похищеніе есть, конечно, остатокъ глубокой старины. Статья различаетъ обыкновенное насиліе и квалифицированное; за обыкновенное полагается 5 гр. серебра пострадавшей, т.-е. полъ-виры. Этотъ платежъ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, какой опредѣленъ въ смоленскомъ Мстиславовомъ договорѣ. Насиліе боярскихъ дочерей есть насиліе квалифицированное и ведетъ къ чрезвычайному увеличенію штрафа. Въ виду того, что по Градскимъ законамъ насиліе дѣвицѣ, помимо членовредительнаго наказанія, вело за собой вознагражденіе пострадавшей, равняющееся трети и даже половинѣ имѣнія виновнаго, выкупъ въ 5 гр. золота не долженъ казаться невѣроятнымъ. Назначеніе штрафа въ пользу представителя власти въ равномъ размѣрѣ съ частнымъ вознагражденіемъ встрѣчаемъ и въ другихъ памятникахъ (Рус. Пр. и догов. Новгорода съ нѣмцами конца XIII в.) и также не представляетъ ничего невѣроятнаго. Прибавленіе княжеской казни есть уже нововведеніе христіанской эпохи и имѣетъ свой источникъ въ сборникахъ византійскаго права (Градск. Зак. Тит. XXXIX, ст. 40, 66 и 67).

Похищеніе женщинъ или умычка, несомнѣнно, составляла обиду и до принятія христіанства; но похищеніе, о которомъ говоритъ Ярославовъ уставъ, надо выводить не изъ этой дохристіанской практики, а изъ 40 ст. XXXIX титула Градскихъ законовъ. Ярославовъ уставъ облагаетъ штрафами разныхъ размѣровъ того, кто умчитъ, и «умыч-

никовъ». Первый платитъ отъ 5 грив. серебра до 5 золота, а вторые всегда по гривнѣ. Эти «умычники» суть пособники, помогавшіе въ похищеніи, а не главные виновники. О такомъ же различіи главнаго виновника и помогавшихъ ему говоритъ и 40 ст. Градскихъ законовъ. Это не можетъ быть случайнымъ совпаденіемъ, здѣсь надо предполагать прямое заимствованіе.

Пространная редакція Владиміровa устава также упоминаетъ умычку, но не опредѣляетъ послѣдствій.

Двоебрачіе какъ у насъ, такъ и въ Германіи, сдѣлалось преступленіемъ съ принятія христіанства. Въ уставѣ Ярослава читаемъ: «Аже мужъ оженится иною женой, со старою не распустився, мужъ епископу въ винѣ, а молодую въ домъ церковный, а со старою жити». Еще: «Аже двѣ жены кто водитъ, епископу 40 гривенъ, а которая подлегла, ту поняти въ домъ церковный, а первую держати по закону; а иметь лихо водити ю, казнью казнить его».

Браки въ близкихъ степеняхъ родства запрещались въ Германіи и по народному праву, еще до принятія христіанства, хотя въ сагахъ есть указанія и на противоположную практику. Объ отношеніи къ этому вопросу русскихъ славянъ до принятія христіанства не имѣемъ свѣдѣній. По церковнымъ уставамъ такіе браки запрещаются подъ страхомъ наказанія: «Аже ближній родъ поймется, епископу 80 гривенъ, а ихъ разлучить, а епитемью да примутъ» (Яросл.).

Неестественные пороки воспрещаются церковнымъ уставомъ Ярослова. Ст. 16-я этого устава, конечно, возникла подъ вліяніемъ 74-й статьи XXXIX титула Градскихъ законовъ, хотя греческое наказаніе замѣнено русскимъ. Германскіе юридическіе памятники обогатились преступленіями этого рода также подъ вліяніемъ церкви (Wilda, 858).

Уложеніе очень мало останавливается на преступленіяхъ этого рода. Оно говоритъ о сводничествѣ, за что назначаетъ кнутъ (XXII, 25), и о блудѣ лицъ женскаго пола. По 80-й ст. XX главы незаконная связь господина съ ра-

бою подлежитъ суду духовной власти. Надо думать, что и всѣ другія преступленія этого рода вѣдались епископскими судами на основаніи Кормчихъ.

7. Преступленія противъ церкви

Въ русской Правдѣ нѣтъ преступленій противъ церкви. Это объясняется тѣмъ, что церковь заимствована нами изъ Византіи, откуда она и принесла церковныя постановленія уже совершенно готовыми, вносить ихъ въ «Русскую Правду» для составителя не было повода: это было «не русское право». Нѣкоторыя правила, касающіяся церкви, встрѣчаются въ спеціальныхъ памятникахъ, въ церковныхъ уставахъ.

Церковный уставъ Владиміра упоминаетъ слѣдующія преступленія: церковная татьба, мертвецы волочать, крестъ посѣкуть, или на стѣнахъ рѣжутъ, скоты или псы и потки (птицы) безъ велики нужи введетъ или что не подобно въ церкви подѣетъ; моленіе подъ овиномъ, въ рощеніи или у воды.

Кража изъ церкви и нарушеніе покоя могилъ чрезъ ограбленіе мертвыхъ тѣлъ взяты изъ градскихъ законовъ (XXXIX, 57, 58); вводъ животныхъ въ церковь изъ правилъ Трулльскаго собора (Неволинъ, VI т., 279); остальныя составляютъ, можетъ быть, результатъ отечественной практики, вызванной знакомствомъ съ содержаніемъ ветхозавѣтныхъ книгъ.

Ярославовъ уставъ посвящаетъ очень мало вниманія преступленіямъ противъ церкви. Онъ полагаетъ наказаніе въ 12 грив. въ пользу епископа и княжескую казнь за пострижсніе головы и бороды; пространная его редакція говоритъ еще о нѣкоторыхъ видахъ запрещенной ѣды, напримѣръ, о ѣдѣ съ некрещеными.

Къ преступленіямъ противъ церкви относится еще и вѣдьство (вѣдать, вѣдунъ, вѣдьма) или волхвованіе и чародѣяніе. Какъ наши предки, такъ и германцы, вѣрили въ

существованіе людей, одаренныхъ чудесной силой и даромъ предвидѣнія. Эти знахари, предполагалось, стояли въ сношеніяхъ съ злыми духами, и при помощи ихъ могли совершать злыя дѣла. Владиміровъ уставъ упоминаетъ о «вѣдьствѣ», но не опредѣляетъ послѣдствій.

Въ XVII вѣкѣ преступленія противъ вѣры занесены уже въ свѣтское законодательство, и имъ дано первенствующее мѣсто, имъ посвящена I-я глава Уложенія. Въ 1-й ст. этой главы говорится о богохульствѣ, за которое назначается смертная казнь чрезъ сожиганіе; затѣмъ рѣчь идетъ о преступленіяхъ, имѣющихъ цѣлью помѣшать спокойному теченію церковной службы: кто не дастъ совершить божественной литургіи, казнится смертью. Эта глава далеко, однако, не исчерпываетъ всѣхъ преступленій противъ вѣры. О совращеніи изъ православія говорится въ XVII главѣ. Виновные въ совращеніи казнились сожженіемъ, а совращенныхъ отсылали къ патріарху для обращенія.

8. Преступленія противъ государства

Къ преступленіямъ этого рода въ Русской Правдѣ относится только одна статья. Въ пространныхъ спискахъ она читается такъ: «Аже смердъ мучить смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ (103); аже огнищанина мучить, то 12 гривенъ продажѣ, а за муку гривна» (ср. II р. 14). Слово мука, какъ видно изъ переводныхъ памятниковъ, употреблялось въ значеніи казни, т.-е. наказанія вообще. Приведенная статья, слѣдовательно, запрещаетъ подвергать кого-либо наказанію безъ повелѣнія князя. Она находится и въ краткихъ, и въ пространныхъ спискахъ Правды и служитъ новымъ доказательствомъ тому, что Русская Правда содержитъ въ себѣ правила весьма различныхъ порядковъ. Разсматриваемая статья находится въ томъ же памятникѣ, гдѣ помѣщены статьи, допускающія месть, и свидѣтельствуетъ о созрѣвавшемъ уже сознаніи неудобствъ самоуправства.

Что Р. Правда мало знаетъ преступленій противъ государства, это объясняется тѣмъ, что государство въ то время было еще въ зародышѣ и преступленія противъ государства только возникали. Древнѣйшее указаніе на возникновеніе этихъ преступленій находимъ въ лѣтописныхъ разсказахъ, относящихся къ XII вѣку. Въ Ипат. лѣтописи, подъ 1177 г., приведено слѣдующее обращеніе князя Святослава къ Роману: «брате! я не ищу подъ тобою ничего же, но рядъ нашъ такъ есть, оже ся князь извинить, то въ волость, а мужъ у голову», т.-е. если князь измѣнитъ, то онъ лишается волости, а если простой мужъ, то онъ лишается жизни. Это одно изъ немногихъ мѣстъ для древнѣйшаго времени, въ которомъ можно видѣть указаніе на существованіе государственныхъ преступленій. Но въ чемъ состоятъ эти преступленія, что значитъ «извинитъ мужъ?» Можно думать, что здѣсь разумѣется преступленіе противъ вѣрности князю: служилый человѣкъ обѣщалъ ему быть вѣрнымъ и не исполнилъ обѣщанія. «Князь извинитъ» означаетъ, надо думать, нарушеніе договора. Оба наказанія, отнятіе волости и смертная казнь, установлены договоромъ: «а рядъ нашъ таковъ».

Статьи другихъ древнихъ памятниковъ, какъ и Рус. Пр. имѣютъ въ виду только преступленія противъ судебной власти государства.

Двинская судная грамота воспрещаетъ, во-1-хъ, самосудъ. «А самосуда четыре рубли; а самосудъ то: кто изымавъ татя съ поличнымъ, да отпуститъ, а себѣ посулъ возметъ, а намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино то самосудъ, а опричь того самосуда нѣтъ». Эта статья очень ограничиваетъ понятіе самосуда. Она воспрещаетъ только примиреніе съ татемъ, который схваченъ съ поличнымъ. Со всѣми же другими обидчиками, значитъ, примиреніе возможно. Этимъ и объясняются міровыя соглашенія съ виновниками даже въ убійствѣ, о чемъ рѣчь была выше. То же понятіе самосуда удерживается въ уставныхъ грамотахъ XV и XVI вѣка. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и Уложеніе.

Оно запрещаетъ не самосудъ, а миръ (что то же) съ ворами съ поличнымъ и съ разбойниками. Во всѣхъ другихъ случаяхъ мириться можно, можно, слѣдовательно, мириться и съ убійцами, только не съ вѣдомыми разбойниками. Изъ статьи видно, что такія мировыя приносились для записки въ приказъ. Во-2-хъ, продажу сильно. Подъ этимъ, вѣроятно, надо разумѣть злоупотребленія органовъ княжескаго суда при опредѣленіи и взысканіи продажъ.

Еще болѣе развитыя постановленія, направленныя къ огражденію судебныхъ правъ государства, встрѣчаемъ въ судныхъ грамотахъ вольныхъ городовъ. Судебныя права государства могутъ быть нарушены какъ частными лицами, такъ и представителями власти. Грамоты принимаютъ мѣры противъ тѣхъ и другихъ нарушеній. По Псковской судной грамотѣ посадникъ долженъ былъ цѣловать крестъ въ томъ, что онъ будетъ судить право по крестному цѣлованію, а городскими кунами не корыстоватися, а судомъ не мстить, не отчитись, а праваго не погубить, а виноватаго не жаловать, а безъ исправы (безъ суда) человѣка не погубить ни на судѣ, ни на вѣчѣ. Князь долженъ былъ судить тоже по крестному цѣлованію. Князь и посадникъ обязывались не брать тайныхъ посуловъ (подкупъ).

Новгородская грамота также требуетъ отъ судей суда праваго по крестному цѣлованію и опредѣляетъ штрафъ въ 50 руб. тому судьѣ, который уѣдетъ изъ города, не окончивъ суда (28).

Соблюденіе порядка на судѣ со стороны тяжущихся ограждается обѣими грамотами. Псковская упоминаетъ объ ударѣ, нанесенномъ однимъ изъ тяжущихся другому «предъ господою на судѣ», какъ объ особомъ преступленіи, и назначаетъ за это «продажу князю», кромѣ уплаты частнаго вознагражденія (111). Съ тою же цѣлью она воспрещаетъ «ходити на судъ помочью» и угрожаетъ «дыбою» и денежнымъ штрафомъ тому, кто «силою въ судебню полѣзетъ или подверники ударитъ» (58). Новгородская судная грамота воспрещаетъ «наводку наводить» (приходить толпой

съ цѣлью насилія) на судей и тяжущихся и налагаетъ за наводку: съ бояръ 50 рублей, житьихъ 20, а съ молодшихъ 10 (6).

Преступленія противъ другихъ правъ государства, кромѣ вышеприведеннаго лѣтописнаго извѣстія, встрѣчаются только въ Псковской судной грамотѣ, которая назначаетъ «перевѣтнику», т.-е. передающему тайны своихъ чужимъ (измѣннику), смертную казнь. Это постановленіе, можетъ быть, родственно съ 1 статьей XXXIX титула Градскихъ законовъ: «Раздражая на брань ратныя или предавая противнымъ своя—главы усѣченіемъ мучится».

Судебныя функціи государства, составляя существеннѣйшую потребность подданныхъ, прежде всего выяснились сознанію нашихъ предковъ, а потому преступленія противъ судебной власти государства обозначились прежде всѣхъ другихъ видовъ государственныхъ преступленій.

Въ московское время, по мѣрѣ того, какъ крѣпнетъ государство и власть сосредоточивается въ рукахъ государей, виды государственныхъ преступленій весьма развиваются. Первое мѣсто между ними занимаютъ преступленія, направленныя противъ главы и цѣлости государства. Практика идетъ здѣсь впереди законодательства. Опредѣленія Судебниковъ далеко не выражаютъ современной имъ дѣйствительности. Въ Судебникахъ государственныя преступленія ни по мѣсту, ни по существу не обособлены еше отъ другихъ преступленій. Одна и та же статья говоритъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ: поджигателяхъ, подметчикахъ, церковныхъ татяхъ, о государскомъ убойцѣ и о крамольникѣ; второй судебникъ прибавляетъ къ этому перечню градскаго сдавца. Изъ этихъ преступниковъ только коромольникъ (мятежникъ и измѣнникъ) и градскій сдавецъ суть государственные преступники. Государскій убойца есть убійца всякаго господина (государь=господину, т.-е. хозяину). Коромола же могла имѣть мѣсто и по отношенію къ частному человѣку (измѣна повѣреннаго своему довѣрителю), и если

этотъ коромольникъ оказывался вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ, то также казнился смертью.

Уложеніе дѣлаетъ въ этомъ отношеніи большой шагъ впередъ. Оно выдѣляетъ всѣ государственныя преступленія въ особую главу (вторую) и говоритъ: во-1-хъ, о преступленіяхъ противъ жизни государя, во-2-хъ, о преступленіяхъ, имѣющихъ цѣлью свергнуть государя съ престола, и, въ-3-хъ, о преступленіяхъ, направленныхъ противъ цѣлости государства. Но и этимъ далеко не исчерпана практика того времени. Уложеніе не говоритъ, напр., объ оскорбленіи государя словомъ, о порицаніи его дѣйствій и пр. Изъ этого умолчанія никакъ не слѣдуетъ заключать, что подобные факты не влекли за собою наказанія. Практика доказываетъ противное: они наказывались и весьма строго. Преступленіямъ, направленнымъ противъ государя и цѣлости государства, усвоивалось наименованіе великихъ государевыхъ дѣлъ; законодательство, въ виду важности ихъ, относилось къ нимъ съ особенною строгостью. Въ этихъ преступленіяхъ, какъ мы уже знаемъ, умыселъ не отличался отъ покушенія и совершенія, и не дѣлалось никакого различія по степени участія: главные виновники и не донесшіе наказывались совершенно одинаково. Въ особую главу (третью) Уложеніе выдѣляетъ преступленія, имѣющія своимъ предметомъ оскорбленіе чести государева двора. Къ этому роду преступленій относилось нанесеніе безчестія кому-нибудь на государевомъ дворѣ словомъ или дѣйствіемъ, нанесеніе ранъ и пр. Преступленія, совершаемыя на государевомъ дворѣ, оскорбляли честь государева двора и влекли за собою болѣе тяжкія послѣдствія, хотя и не всѣ (кража наказывалась даже легче).

За преступленіями противъ царскаго величества, цѣлости государства и чести государева двора идетъ длинный рядъ преступленій, направленныхъ противъ различныхъ правъ государства. Четвертая глава говоритъ о поддѣлывателяхъ государственныхъ актовъ и печатей, пятая—о нарушеніи финансовыхъ правъ государства денежными мастерами, кото-

рые будутъ лить оловянныя деньги, или подбавлять свинецъ въ серебряныя деньги; глава VII, посвященная службѣ ратныхъ людей, говоритъ о преступленіяхъ противъ порядка службы и т. д. Для огражденія судебныхъ правъ государства, истцу и отвѣтчику предписывалось, ставъ передъ судьями, искать и отвѣчать «вѣжливо, и смирно, и не шумно, и никакихъ невѣжливыхъ словъ не говорить и межъ собою не браниться». Виновный въ нарушеніи этого предписанія наносилъ судьямъ «безчестье», за что подвергался денежноми штрафу. Обнаженіе оружія на судѣ вело къ батогамъ, нанесеніе ранъ—къ наказанію кнутомъ (X, 105). За неправый судъ думные люди теряли честь и платили обиженному штрафъ въ суммѣ тройной цѣны иска, а не думные подлежали торговой казни (X, 5).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Литература

Десницкій. Юридическое разсужденіе о началѣ и происхожденіи супружества у первоначальныхъ народовъ и о совершенствѣ, къ какому оно приведеннымъ быть кажется послѣдовавшими народами просвѣщеннѣйшими. 1775.

Тимковскій. О помѣстьяхъ. 1811.

Рейцъ. Versuch einer geschichtlichen Entwickelung der Grundsätze des russischen Vormundschaftsrechts. 1821. Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ. 1836.

Ивановъ. Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей. 1836.

Морошкинъ. О владѣніи. 1837.

Рождественскій. Историческое изложеніе русскаго законодательства о наслѣдствѣ. 1839.

Станиславскій. Объ актахъ укрѣпленія правъ на имущество. 1842.

Кранихфельдъ. Начертаніе россійскаго гражданскаго права въ историческомъ его развитіи. 1843.

Куницынъ. О наслѣдственныхъ правахъ лицъ женскаго пола. 1844.

Губе. Исторія древняго наслѣдственнаго права у славянъ. 1845. Истор. и статист. сборникъ.

Вите. Ein Blick auf die geschichtliche Entwickelung des älteren russischen Erbrechts bis zum Gesetzbuch des Zaren Alexei Mich. 1848.

Лакіеръ. О вотчинахъ и помѣстьяхъ. 1848.

Шульгинъ О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго. 1850.

Неволинъ. Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи. 1847. Исторія гражданскихъ законовъ. 1851.

Бѣляевъ. О поземельномъ владѣніи въ Московск. гос. Врем. XI. 1851.

Турчиновичъ. О поземельной собственности и наслѣдствѣ въ древней Руси. 1853.

Киндяковъ. Опытъ разработки купчихъ грамотъ. Юрид. сб. Мейера. 1855.

Гладковъ. О вліяніи общественнаго состоянія частныхъ лицъ на право поземельной собственности. 1855.

Капустинъ. Древнее русское поручительство. 1855. Юрид. сбор. Мейера.

Бѣляевъ. Какъ понимали давность въ разное время и русское общество въ своей жизни и русскіе законы. 1855. Въ воспоминаніе 12 января 1853 г.

Станиславскій. Изслѣдованіе началъ имущественныхъ отношеній въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго законодательства. 1855.

Энгельманъ. Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской Судной Грамотѣ. 1855.

Устряловъ. Изслѣдованіе Псковской Судной Грамоты. 1855.

Мейеръ. Древнее русское право залога. 1855.

Бѣляевъ. О наслѣдствѣ безъ завѣщанія. 1858.

Энгельманъ. О пріобрѣтеніи права собственности на землю. 1859.

Крыжановскій. Вѣнечныя памяти и пошлины. 1859.

Никольскій. О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ. 1859.

Кавелинъ. Взглядъ на историческое развитіе законнаго порядка наслѣдованія. 1860.

Милютинъ. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства. Чтенія. 1859—1860.

Алексѣевъ. Имущественныя отношенія супруговъ по древнему русскому праву. 1868. Чтенія, № 2.

Шпилевскій. Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ. 1869.

Дювернуа. Источники права и судъ въ древней Россіи. 1869.

Цитовичъ. Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія. 1870. Въ протоколахъ Харьковскаго университета.

Пихно. Историческій очеркъ мѣръ гражданскаго взысканія по русскому праву. 1874.

Загоровскій. Историческій очеркъ займа по русскому праву до конца XIII ст. 1875.

Кейслеръ (Keussler). Zur Geschichte und Kritik des däuerlichen Gemeinde—Besitzes in Russland. 1876.

Загоскинъ. О правѣ владѣнія городскими дворами въ Моск. гос. 1877.

Арсеній, іером. О вотчинныхъ владѣніяхъ Троицкаго монастыря. 1877.

Соколовскій. Очеркъ исторіи сельской общины на Сѣверѣ Россіи. 1877.

Шашковъ. Исторія русской женщины. 1879.

Дубакинъ. Вліяніе христіанства на семейный бытъ русскаго общества. 1880.

Горчаковъ. О тайнѣ супружества. Происхожденіе, историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство 50-й (по спискамъ патріарховъ Іосифа Никокона 51-й) главы печатной кормчей книги. 1880.

Левицкій. О семейныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси. Русск. Стар. 1880. № 11.

Побѣдоносцевъ. Вотчинныя права. Права семейственныя, наслѣдственныя и завѣщательныя. 1883.

Лебедевъ А. О брачныхъ разводахъ по архивнымъ документамъ харьковской и курской духовной консисторіи. Москва. 1887.

Ивановъ. Поземельные союзы и предѣлы на сѣверѣ Россіи въ XVII в. у свободныхъ и владѣльческихъ крестьянъ. Москва. 1901.

Дебольскій. Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII в. Спб. 1903.

Удинцевъ В. А. Подписка въ вѣрѣ (къ ученію о древне-русскомъ законѣ). Кіевъ. 1903.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

I. Союзъ мужа и жены

Введеніе

Бракъ есть союзъ мужчины и женщины съ цѣлью полового восполненія и единенія всей жизни. Существо брака почти не поддается юридическому анализу. Опредѣленіе за-

кона далеко не исчерпываетъ здѣсь дѣла. Семейство крайне интимная сфера; возникающія въ немъ личныя отношенія не могутъ быть точно опредѣлены закономъ.

Съ исторической точки зрѣнія, теперешнее положеніе женщины представляетъ значительный успѣхъ сравнительно съ тѣмъ, какое наблюдается въ первобытныхъ обществахъ. Въ первобытномъ состояніи положеніе женщины было крайне приниженное. Самая мрачная сторона жизни многихъ современныхъ дикарей состоитъ въ совершенномъ безправіи женщины. У множества дикихъ племенъ существуютъ самыя грубыя отношенія мужчины къ женщинамъ; онѣ разсматриваются какъ низшія существа, почти какъ домашнія животныя, и передаются изъ рукъ въ руки, какъ собственность. Обыкновенную цѣну женщины составляетъ мушкетъ. У нѣкоторыхъ туземцевъ Сѣверной Америки происходитъ постоянная борьба изъ-за женщинъ; дикари отнимаютъ ихъ другъ у друга точно такъ же, какъ нѣкоторыя животныя самку. Путешественники указываютъ на то, что у нѣкоторыхъ дикарей нѣтъ слова «любить». Миссіонеръ XVII в., переводившій Евангеліе на одинъ изъ американскихъ языковъ, долженъ былъ самъ составить для нихъ это слово. Въ Австраліи, по свидѣтельству путешестнниковъ, женщины очень рѣдко умираютъ естественною смертью у тѣхъ племенъ, которыя употребляютъ въ пищу человѣческое мясо. Обыкновенно ихъ убиваютъ прежде, чѣмъ онѣ состарѣются, похудѣютъ и сдѣлаются негодными для ѣды.

Древнѣйшее положеніе женщины у предковъ историческихъ народовъ также было весьма приниженное. На это указываютъ брачные обряды, сохранившіеся до сего времени, и пословицы, въ которыхъ должно видѣть отраженіе глубокой древности. Сербы, напримѣръ, говорятъ: «мужъ, который не бьетъ своей жены, не есть человѣкъ», «бей змѣю и жену по головѣ», «жену и лошадь бей, если хочешь, чтобы онѣ были тебѣ покорны». У насъ въ простомъ народѣ даже и теперь встрѣчаемъ весьма грубыя отношенія. Ефименко, замѣтивъ тяжелое положеніе женщины въ Ар-

хангельской губ., говоритъ, что это явленіе не славянскаго происхожденія, а заимствовано у финовъ. Важенъ фактъ, подмѣченный авторомъ, а что касается объясненія, то едва ли есть основаніе выводить изъ чуждаго вліянія черту, свойственную всѣмъ народамъ на извѣстной ступени развитія.

Но мы сдѣлаемъ неправильную оцѣнку приведенныхъ фактовъ, если заключимъ изъ нихъ, что грубое отношеніе къ женщинамъ совершенно исключало у первобытныхъ народовъ возможность своеобразной любви и привязанности къ нимъ. На языкѣ кріевъ жена называется словомъ, которое въ переводѣ означаетъ «часть меня самого». Рядомъ съ пословицами, выражающими очень невысокое мнѣніе о женщинѣ («ужъ лаяла бы собака, да не своя», «худое дѣло, коли жена не велѣла», «не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ въ домѣ», «красные похороны, когда мужъ жену хоронитъ»), русскому человѣку извѣстны и такія, въ которыхъ воздается должное доброй хозяйкѣ: «не дай Богъ горѣть, да вдовѣть; дай Богъ погорѣть, да не дай Богъ овдовѣть; не плачетъ малый, не плачетъ убогій, а плачетъ да горюетъ вдовый».

Древнѣйшій бракъ не могъ заключаться въ цѣляхъ единенія всей жизни двухъ существъ. Онъ разсматривался прежде всего, какъ средство удовлетворенія потребностей мужчины; женщина служила этимъ потребностямъ.

Въ послѣднее время вопросъ о первоначальной формѣ брака обратилъ на себя особое вниманіе изслѣдователей и получилъ совершенно новую обработку. Матеріаломъ для этого послужили тѣ данныя, которыя сообщили путешественники, изучавшіе бытъ народовъ, стоящихъ на самой низшей ступени развитія. Новые изслѣдователи не пришли, однако, къ согласному рѣшенію вопроса о первобытной формѣ супружескихъ отношеній; мнѣнія ихъ на этотъ вопросъ очень расходятся. Общее у нихъ можно подмѣтить развѣ то, что индивидуальный бракъ они не считаютъ первичной формой, это форма позднѣйшаго происхожденія.

Чтó же было въ началѣ? На это даются очень различные отвѣты. Приведемъ въ самомъ краткомъ изложенiи нѣкоторые изъ новѣйшихъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Но прежде замѣтимъ, что матерiалъ, на основанiи котораго дѣлаются новѣйшiя построенiя, очень шаткiй. Къ свидѣтельствамъ путешественниковъ надо относиться съ большой осторожностью. Они нерѣдко бываютъ жертвою и ошибокъ и обмановъ.

Многiе изслѣдователи думаютъ, что человѣчество, прежде чѣмъ придти къ какимъ-либо формамъ брака, хотя бы и очень несовершеннымъ, пережило состоянiе совершеннаго отсутствiя брака, которое они называютъ гетеризмомъ. Этому состоянiю гетеризма Леббокъ «ради приличiя» даетъ названiе «общиннаго брака», но не останавливается на этой чисто-внѣшней поправкѣ, а немедленно вслѣдъ затѣмъ дѣлаетъ опредѣленiе общиннаго брака, какъ формы, при которой всѣ мужчины и женщины каждой небольшой общины считаются въ супружествѣ между собой (71). Хотя эта поправка, сдѣланная ради приличiя, и не можетъ быть названа удачной, такъ какъ гетеризмъ и общинный бракъ, какъ опредѣляетъ его Леббокъ, не одно и то же, тѣмъ не менѣе мысль объ общинномъ бракѣ нашла нѣкоторое сочувствiе: нерѣдко приходится читать, что пережитое человѣчествомъ состоянiе «гетеризма или общиннаго брака» безспорно доказано. Самъ Леббокъ думаетъ, что ему извѣстны «убѣдительныя доказательства» существованiя общиннаго брака. Онъ приводитъ ихъ (65 стр.). На нашъ взглядъ они не очень убѣдительны и далеко не имѣютъ рѣшающаго значенiя.

Первое мѣсто среди убѣдительныхъ доказательствъ отведено слѣдующему извѣстiю. «На Андоманскихъ островахъ обычай предписываетъ мужчинѣ и женщинѣ оставаться вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не будетъ отнятъ отъ груди; послѣ чего имъ кажется вполнѣ естественнымъ разойтись, и каждый прiискиваетъ себѣ новое лицо для брачнаго сожитiя». Приведенный обычай не говоритъ ни въ пользу гетеризма, ни

въ пользу общиннаго брака. Изъ него слѣдуетъ: 1) Обычай поддерживаетъ супружескую связь двухъ существъ въ теченіе извѣстнаго времени. 2) По истеченіи этого времени они могутъ разойтись, но не обязаны къ тому и, слѣдовательно, могутъ продолжать жить вмѣстѣ, если удовлетворяютъ другъ друга [1]). Нѣсколько ниже читаемъ: «Тигуры живутъ обширными общинами почти въ безразличномъ смѣшеніи и даже для тѣхъ лицъ, которыя считаются въ супружествѣ, брачныя узы существуютъ только по имени». Изъ этого извѣстія слѣдуетъ, что тигурамъ извѣстны «брачныя узы», но распущенность нравовъ такъ сильна у нихъ, что эти узы существуютъ только по имени. Совершенно однородные факты распущенности можно привести и изъ жизни высоко-цивилизованныхъ обществъ, къ которымъ никто не будетъ прилагать теорію общиннаго брака. Слѣдующія затѣмъ три страницы Леббокъ посвящаетъ извлеченію изъ мемуара Моргана «о происхожденіи классификаціонной системы родства» и заключаетъ его слѣдующимъ выводомъ: «легко замѣтить, что дитя принадлежитъ здѣсь цѣлой группѣ, не имѣя болѣе близкаго отношенія ни къ своему отцу, ни къ своей матери, которые стоятъ къ нему въ такой же степени родства, какъ дядя и тетки; такимъ образомъ, у каждаго ребенка бываетъ по нѣскольку отцовъ и матерей».

Морганъ различаетъ двѣ системы обозначенія родства, систему описательную и классификаціонную. Описательная принадлежитъ арійцамъ и семитамъ и всѣмъ хорошо извѣстна. По Моргану у нихъ надо различать первичныя отношенія. Это будутъ: мужъ и жена, отецъ и мать, братъ и сестра, сынъ и дочь; дядя и тетка, и вторичныя или дальнѣйшія. Эти дальнѣйшія степени обозначаются чрезъ по-

---

[1]) Спенсеръ приводитъ другое свидѣтельство объ андоманезцахъ: «отказъ незамужней ведетъ къ отмщенію со стороны сдѣлавшаго любовное предложеніе». Замужняя, слѣдовательно, состоитъ въ индивидуальномъ бракѣ.

средство удвоенія наименованія первичныхъ степеней. У насъ: двоюродныя братья и сестры, двоюродные дяди и тетки и пр. У англичанъ и нѣмцевъ: grandfathet и grandmother, grossvater и grossmutter и т. д. Каждое родственное отношеніе имѣетъ свое наименованіе, которымъ и различается отъ другихъ.

Классификаціонная система принадлежитъ туранскимъ народамъ, американскимъ индѣйцамъ, малайцамъ. У нихъ одно названіе для цѣлой линіи (горизонтальной) родственниковъ, что Морганъ и называетъ классомъ родственниковъ. У малайцевъ, напримѣръ, такихъ классовъ 5: первый составляютъ братья и сестры извѣстнаго лица, — родные, двоюродные и т. д., и всѣ они носятъ одно имя; второй — его отецъ и мать, ихъ братья и сестры, родные, двоюродные и т. д.: третій—его дѣдъ и бабка и ихъ братья родные и т. д.; четвертый — его дѣти и ихъ двоюродные братья и сестры и т. д.; пятый—его внуки и ихъ двоюродные братья и сестры и т. д.

На Сандвичевыхъ островахъ всѣ родственники второго класса называются макуа (makua), но для различія мужчинъ отъ женщинъ первыхъ называютъ малуа-кана, вторыхъ макуа-вагена (кана—мужчина, waheena—женщина). Четвертый классъ носитъ наименованіе — каике (kaikee) кана и каике вагена и пр. Такимъ образомъ, сыновья и племянники имѣютъ одно и то же названіе, точно также не различаются по названію—отцы и дяди [1]).

Эта особенность родственной номенклатуры и дала поводъ Леббоку сдѣлать выводъ, что у нѣкоторыхъ народовъ дитя не имѣетъ опредѣленнаго отца и матери, что у него много отцовъ и матерей; а затѣмъ и дальнѣйшій выводъ, что у этихъ народовъ, когда возникла эта номенклатура, былъ не индивидуальный, а общинный бракъ. Оба заключенія не вѣрны. Отъ родственныхъ наименованій можно дѣ-

---

[1]) Westermark, The history of human marriage, 1891, даетъ превосходную критику новыхъ взглядовъ.

лать заключенія къ отношеніямъ среди родственниковъ, но нельзя ничего заключить къ болѣе широкимъ отношеніямъ цѣлой общины, а слѣдовательно и къ общинному браку. Что же даетъ классификаціонная система въ отвѣтъ на вопросъ о древнѣйшемъ бракѣ? Рѣшительно ничего. Въ поліандріи—ребенокъ можетъ не знать своего отца, но нельзя себѣ представить никакой формы брака, въ которой ребенокъ не зналъ бы матери. Онъ родился отъ извѣстной особи, которая его и вскормила. Ребенокъ долженъ знать, кто его вскормилъ; это и будетъ его мать, которую онъ никогда не смѣшаетъ съ тетками оттого только, что они называются однимъ именемъ съ матерью. Въ наименованіяхъ, съ которыми дѣти обращаются къ родителямъ, по совершенно справедливому замѣчанію Вестермарка, никакъ нельзя видѣть указанія на характеръ родства; дѣти называютъ родителей какъ представляется возможнымъ ихъ мало развитому языку. Отсюда, дѣти стараго и новаго свѣта обозначаютъ, иногда своихъ родителей чрезвычайно схожими именами. Въ Европѣ—пользуются большимъ распространеніемъ—mama и papa, дикари Бразиліи говорятъ paia и maia, урагвайцы—papatko и mamko.—У многихъ другихъ племенъ для обозначенія сына и дочери нѣтъ другихъ названій, какъ мальчикъ и дѣвочка. Отъ родственныхъ названій нельзя дѣлать никакихъ заключеній къ первоначальнымъ брачнымъ обычаямъ.

Баховенъ въ своемъ изслѣдованіи Das Mutterrecht раздѣляетъ мнѣніе о первой стадіи супружескихъ отношеній въ формѣ гетеризма; но онъ дѣлаетъ существенное къ нему дополненіе. По его мнѣнію, женщины, наконецъ, возмутились состояніемъ гетеризма и установили форму супружескихъ отношеній, въ которой имъ принадлежало преобладаніе надъ мужчинами. На этой второй стадіи развитія супружескихъ отношеній мужчины оказались въ полномъ подчиненіи женщинамъ. Фамильныя имена сообщались не отцомъ, а матерью, права состоянія членовъ семьи опредѣлялись по матери, а не по отцу, отцу наслѣдовали не его дѣти, а дѣти его сестры, наконецъ, женщины пользовались

и наибольшею долею политической власти. Въ доказательство этихъ положенiй Баховенъ приводитъ массу фактовъ. Еще Геродотъ говорилъ о ликiйцахъ, что у нихъ дѣти называютъ себя по матери, а не по отцу, что дѣти, прижитыя свободной женщиной отъ раба, пользовались по матери правами свободы; и, наоборотъ, дѣти гражданина, прижитыя съ рабыней или иностранкой, не пользовались правами гражданства. Путешественники нашего времени открыли у дикарей массу фактовъ этого рода. У индѣйцевъ Гудзонова залива дѣти носятъ имя матери. У ирокезовъ принадлежность къ племени опредѣляется по матери, а не по отцу. На остравахъ Дружбы дѣти наслѣдуютъ права состоянiя матери. Въ Лоанго престолъ переходитъ не къ дѣтямъ короля, а къ дѣтямъ его сестры. Даргунъ, въ изслѣдованiи Das Mutterrecht nnd Raubehe, указываетъ на то, что явленiя этого рода можно наблюдать въ законахъ древнихъ германцевъ. У лонгобардовъ соцiальное положенiе дѣтей опредѣлялось по матери; по Lex Salica (въ нѣкоторыхъ спискахъ), если умершiй не оставлялъ дѣтей, ему наслѣдовала мать, а не отецъ; согласно съ этимъ и обязанность платить виру за несостоятельнаго прежде падала на родственниковъ со стороны матери, а потомъ уже переходила и на родственниковъ со стороны отца.

Указанные Баховеномъ факты не подлежатъ никакому сомнѣнiю. Но спрашивается, оправдываютъ ли они его предположенiе о возникшей борьбѣ между женщинами и мужчинами, о побѣдѣ женщинъ и ихъ господствѣ. Приведенные факты могутъ быть объяснены гораздо проще. Между ребенкомъ и матерью существуетъ гораздо болѣе непосредственная и всѣмъ очевидная связь, чѣмъ между ребенкомъ и отцомъ. При легкой расторжимости первоначальной браковъ, отецъ уходилъ, а ребенокъ оставался съ матерью. Въ бракахъ же поліандрическихъ отецъ былъ совершенно не ясенъ, была ясна только мать. Въ бракахъ полигамическихъ отецъ также ясенъ, какъ и мать, но каждая изъ женъ живетъ отдѣльно со своими дѣтьми. Связь

дѣтей съ матерью и здѣсь болѣе тѣсная. Эта натуральная и болѣе сильная связь ребенка съ матерью въ первоначальномъ обществѣ и могла породить всѣ тѣ особенности, которыя навели Баховена на мысль объ эпохѣ господства матерей. Наблюдаемыя въ наше время у нѣкоторыхъ дикарей черты изъ тѣхъ, что указаны Баховеномъ, — не только не соединяются съ господствомъ женщинъ надъ мужчинами. но и надъ дѣтьми. Власть надъ дѣтьми принадлежитъ не матери, а дядѣ со стороны матери, а иногда и прямо отцу (Даргунъ).

Эти воззрѣнія перешли и въ нашу литературу, но получили у насъ своеобразную окраску. Подъ перомъ нѣкоторыхъ изслѣдователей этого вопроса, первоначальные браки явились чуть ли не наилучшею формою супружескихъ отношеній. Вотъ какое опредѣленіе общиннаго права даетъ г. Кулишеръ: это такое состояніе, когда продолжительность союза не опредѣлена, когда эти союзы могутъ быть расторгаемы по желанію и когда освободившіеся отъ брака свободны вступить въ новый; вступленіе и выходъ изъ брака совершаются вполнѣ мирнымъ путемъ и при полномъ господствѣ свободной воли обѣихъ брачущихся сторонъ. «Спариваніе», говоритъ авторъ объ этихъ бракахъ, имѣетъ мѣсто лишь между членами той же общины и вполнѣ мирнымъ путемъ.

Къ числу новаторовъ принадлежитъ и г. Зиберъ въ его, съ фактической стороны, очень интересной книгѣ «Очерки первоначальной экономической культуры». Онъ опредѣляетъ общинный бракъ, какъ свободную любовь, и думаетъ, что только съ этой точки зрѣнія можно удовлетворительно объяснить всѣ тѣ странныя особенности, которыя мы наблюдаемъ теперь въ жизни дикарей. Авторъ приводитъ много фактовъ, но безъ критики и соединяетъ въ одно—явленія, относящіяся къ разнымъ ступенямъ культуры, а потому и не соединимыя.

Много потрудился надъ изслѣдованіемъ первоначальныхъ супружескихъ отношеній и М. М. Ковалевскій. Въ своихъ

многочисленныхъ трудахъ онъ является горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ новаго направленія въ наукѣ. Въ началѣ исторіи онъ признаетъ «стадное состояніе первобытныхъ человѣческихъ обществъ, при которомъ неизвѣстны союзъ мужа и жены, родителей съ дѣтьми и родственниковъ другъ съ другомъ» (общинное землевладѣніе).

Любопытно, что это новое воззрѣніе слово въ слово совпадаетъ съ воззрѣніемъ старыхъ лѣтописцевъ XI—XII вѣка. Козьма Пражскій говоритъ о чехахъ: vivebant enim quasi bruta animalia connubia habentes communia. Совершенно то же говоритъ и нашъ начальный лѣтописецъ, игуменъ Сильвестръ у св. Михаила, о радимичахъ, вятичахъ и сѣверянахъ: «Живяху якоже звѣрь и браци не бываху у нихъ».

Несмотря на совпаденіе взглядовъ писателей столь отдаленныхъ эпохъ, положеніе о стадномъ состояніи, о гетеризмѣ и общинномъ бракѣ, какъ общей стадіи развитія, чрезъ которую прошло все человѣчество,—я считаю совершенно не доказаннымъ. Можно допустить, что гетеризмъ могъ быть спорадическимъ явленіемъ въ исторіи человѣка и гдѣ-нибудь встрѣчается и теперь; но это не даетъ ни малѣйшаго основанія разсматривать его какъ необходимую ступень въ развитіи человѣчества. Допустить это не представляется возможнымъ и на основаніи свойствъ человѣческой природы. Точкою отправленія новыхъ ученій служитъ убѣжденіе въ томъ, что первоначальная жизнь человѣка мало чѣмъ отличалась отъ жизни животныхъ. Крайне низкое состояніе культуры первобытныхъ народовъ, конечно, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Но и среди животныхъ нѣтъ стадныхъ браковъ. Птицы (самецъ и самка) дѣлаютъ общими силами гнѣздо, общими силами выкармливаютъ дѣтей и, наконецъ, вмѣстѣ учатъ ихъ летать. Пешель (Völkerkunde, 1874, стр. 238), со словъ одного путешественника, передаетъ фактъ семейной жизни обезьянъ. Семейство ихъ состояло изъ мужа, жены и двухъ дѣтей разныхъ возрастовъ. Карлъ Фохтъ говоритъ, что человѣкообразныя обезьяны живутъ семьями. Тотъ же образъ жизни

ведутъ и гориллы, уединяясь отъ другихъ семей. Бремъ разсказываетъ о нихъ слѣдующее: они устраиваютъ ночлегъ на вѣтвяхъ деревьевъ изъ вѣтокъ и листьевъ; тамъ проводитъ ночь самка съ дѣтьми, самецъ же остается у основанія дерева и стережетъ жену и дѣтей. Шимпанзе устраиваютъ гнѣзда, въ которыхъ мать разрѣшается отъ бремени. Игрунковыя приживаютъ 2—3 дѣтей; самка носитъ ихъ повсюду съ собой, а когда устаетъ, передаетъ самцу. Видъ—тонкотѣлыя—также живутъ большими семьями, по нѣскольку дѣтей (это священная обезьяна индусовъ). Хвостатыя живутъ стадами до 30 штукъ, подъ руководствомъ стараго самца. Но это стадо состоитъ изъ отдѣльныхъ семей. Каждая самка и самецъ составляютъ пару, они знаютъ своихъ дѣтей, защищаютъ ихъ, учатъ и наказываютъ (розгами). Животнымъ свойственно чувство ревности и слѣдовательно стремленіе къ исключительному обладанію самкой. Низшія стадныя животныя также не знаютъ стадныхъ браковъ. Въ періодъ соединенія у самцовъ развивается страшная ревность и они овладѣваютъ самками съ бою. Вотъ что Бремъ разсказываетъ о газеляхъ. Спариваніе происходитъ съ конца октября до конца декабря. Самцы громкимъ блеяніемъ вызываютъ другъ друга на бой и дерутся такъ сильно, что ломаютъ себѣ рога. Самка отдаетъ предпочтеніе болѣе сильному, а онъ не уступитъ противнику. Побѣдитель слѣдуетъ за каждымъ шагомъ своей красавицы, обнюхиваетъ ее со всѣхъ сторонъ, третъ голову объ ея шею, лижитъ ей морду и всячески выказываетъ ей свою любовь. Мать очень любитъ дѣтей и защищаетъ ихъ. То же наблюдается у сернъ, оленей, мускусныхъ быковъ, зубровъ, косуль, у которыхъ даже самцы иногда ухаживаютъ за дѣтьми. Тотъ же авторъ говоритъ о носорогахъ: между различными полами устанавливаются дружескія, что бы не сказать супружескія, отношенія, которыя оканчиваются, можетъ быть, только со смертью. Дельфины, разъ спарившись, остаются вмѣстѣ до смерти и плаваютъ, окруженные многочисленнымъ потомствомъ! Для полноты картины необходимо сказать, что не

всѣ двукопытныя бываютъ такъ ласковы къ самкамъ, какъ газели. Серны грубы съ самками и покоряютъ ихъ силой, если онѣ не поддаются добровольно. Косули также грубы. Не всѣ самки хороши съ дѣтьми. Среди бегемотовъ встрѣчаются такія, которыя невнимательны къ дѣтямъ. Свиньи поѣдаютъ иногда умершихъ дѣтенышей.

Если животныя знаютъ жену и дѣтей, то на какомъ же основаніи можно утверждать, что человѣкъ въ первобытномъ состояніи ихъ не зналъ? Не представляется ни малѣйшей надобности предполагать для человѣка такое общее до-историческое состояніе, которое не было извѣстно даже животнымъ. Дарвинъ и Спенсеръ сомнѣваются въ истинности новыхъ взглядовъ. Кто говоритъ объ общинномъ бракѣ животныхъ и людей, тотъ не знаетъ ни жизни животныхъ, ни жизни людей.

Нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать для первоначальнаго общества какую-либо одну форму супружескихъ отношеній. По всей вѣроятности тогда были въ ходу всѣ и теперь извѣстныя формы: и единобрачіе, и поліандрія, и полигамія и совершенно безпорядочныя отношенія мужчинъ и женщинъ. Въ виду физическаго преобладанія мужчины надъ женщиной, эти разныя формы возникали въ интересахъ мужчины, а не женщины. Женщина въ первоначальныхъ семейныхъ отношеніяхъ является однимъ изъ предметовъ собственности. Эта точка зрѣнія одинаково объясняетъ, какъ возникновеніе единобрачія, такъ и возникновеніе поліандріи и полигаміи. У тодасовъ, жителей Нейльгерійскихъ горъ, существуетъ поліандрія и полигамія. Обѣ формы семейнаго происхожденія. Когда выростаетъ старшій сынъ, ему берутъ жену. Когда подростаетъ слѣдующій за нимъ, онъ присоединяется къ браку старшаго брата и т. д., такъ возникаетъ поліандрія. Положеніе женщины — чисто служебное. Но братья весьма скоро перестаютъ довольствоваться одной женой и берутъ другую. Такимъ образомъ, въ одной и той же семьѣ—много мужей и много женъ.

Чистое многоженство гораздо болѣе распространено,

чѣмъ чистая и смѣшанная поліандрія. Но чтобы имѣть много женъ, надо имѣть достаточныя средства. Это отличительная черта богатыхъ классовъ и признакъ особаго достоинства человѣка. Бѣдные люди должны довольствоваться одной женой. Итакъ, многоженству всегда сопутствуетъ единоженство, и даже предшествуетъ ему.

Взглядомъ на жену, какъ на собственность, объясняется то, что жены, по смерти мужа, переходятъ къ ихъ наслѣдникамъ. У евреевъ и зулусовъ жена умершаго брата становится женой пережившаго; въ Конго жены и наложницы дѣлятся между наслѣдниками; у новозеландцевъ жены отца, по его смерти, переходятъ къ сыновьямъ. Этимъ же объясняется и наблюдаемый у нѣкоторыхъ племенъ обычай временно уступать своихъ женъ друзьямъ и предлагать ихъ въ видѣ угощенія гостямъ.

Древній бракъ, служа главнымъ образомъ потребностямъ сильнѣйшей стороны, мужчины, не могъ быть въ той же степени устойчивъ и неразрывенъ, какъ бракъ народовъ христіанскихъ. Продолжительность брачной связи зависѣла отъ усмотрѣнія мужа, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и господиномъ своей жены. Онъ могъ не только отпустить неугодную ему жену, но и продать ее, а въ Австраліи даже съѣсть. Но это еще не значитъ, что первобытнымъ народамъ вообще несвойственны сколько-нибудь прочныя брачныя отношенія. Если между мужемъ и женою установилось чувство взаимной привязанности, супружескія отношенія, конечно, длились такъ же долго, какъ у носороговъ, дельфиновъ и въ окружающемъ насъ обществѣ.

На ряду съ приведенными формами брака имѣли мѣсто и часто безпорядочныя половыя отношенія и, по весьма понятнымъ причинамъ, въ пропорціи, несравненно превышающей ту, которая встрѣчается въ современномъ намъ обществѣ.

Личныя отношенія супруговъ

Нашъ древній бракъ, насколько о немъ можно судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ и неполнымъ извѣстіямъ, не есть союзъ двухъ равноправныхъ существъ: вступая въ бракъ, женщина поступала подъ власть мужа. Въ этомъ удостовѣряютъ нѣкоторые старинные брачные обряды, и теперь сохранившіеся. Къ такимъ обрядамъ принадлежитъ обрядъ разуванія: молодая должна была разуть своего мужа. Рогнѣда не хотѣла выдти замужъ за Владиміра по той причинѣ, что онъ былъ сынъ рабыни, а она находила для себя оскорбительнымъ «разути рабынича». Въ этомъ обрядѣ выражается взглядъ на жрнщину, какъ на слугу; это символическое выраженіе отношенія жены къ мужу, какъ рабыни. Несомнѣнно, что въ X — XI в., къ которому относится приведенное свидѣтельство, въ княжескихъ и боярскихъ семьяхъ жены не были не только рабынями, но и слугами; но обычай разуванія есть остатокъ древности, показывающій, что было время, когда жена была рабынею мужа. Этотъ обычай сохранился и теперь на Украйнѣ, гдѣ новобрачная снимаетъ съ мужа сапоги, а онъ ударяетъ ее голенищами по спинѣ, что̀ означаетъ право его наказывать жену.

Подчиненность жены мужу выражается и въ обычаѣ передачи новобрачной отцомъ будущему мужу изъ рукъ въ руки, какъ передается собственность, о чемъ говоритъ Котошихинъ. Въ Казанской губерніи и теперь новобрачная передается изъ полы въ полу. Здѣсь совершается какъ бы передача изъ рукъ въ руки права собственности. На переходъ въ неволю указываютъ и другіе обычаи, сопровождающіе обрядъ бракосочетанія; напримѣръ, наложеніе новобрачной повязки на голову. Изъ народныхъ пѣсенъ видно, что символомъ свободы была распущенная, вольная коса, украшенная лентами, символомъ подчиненія — повязка. По

малороссійскому обычаю, новобрачная должна противиться наложенію повязки. Присутствующіе при этомъ «дружки» мужа, видя сопротивленіе невѣсты, кричатъ: «бояре, до сабель!» и силою принуждаютъ ее подчиниться. Изъ подчиненія жены власти мужа вытекаетъ право мужа наказывать жену. Это выражается въ сохранившемся до сего времени въ Костромской губерніи обрядѣ: послѣ вѣнчанія отецъ ударяетъ слегка новобрачную плетью по спинѣ три раза и затѣмъ передаетъ плеть новобрачному, который дѣлаетъ то же. Въ предшествующей главѣ мы высказали уже предположеніе, что въ случаѣ прелюбодѣянія жена могла быть убита мужемъ безнаказанно.

Въ связи съ подчиненнымъ значеніемъ женщины стоитъ и самая форма брака. Когда жена считалась слугою мужа, форма брака была полигамическая. Указанія на полигамію встрѣчаются какъ въ нашихъ памятникахъ, такъ и въ памятникахъ западныхъ славянъ и германцевъ. Нашъ начальный лѣтописецъ говоритъ, что сѣверяне, радимичи, вятичи имѣли по двѣ и по три жены. Владиміръ Святой имѣлъ шесть женъ и много наложницъ. Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей стараются смягчить свидѣтельство начальной лѣтописи, утверждая, что если у насъ и существовало многоженство, то только въ рѣдкихъ случаяхъ, преобладала же моногамія. Но это уже вопросъ факта, а не права. Право въ томъ, что каждый могъ имѣть нѣсколько женъ, и если въ дѣйствительности не всѣ имѣли по нѣскольку женъ, это объясняется различіемъ экономическаго положенія. Чтобы пріобрѣсти многихъ женъ, нужно было имѣть достаточныя средства, а ихъ имѣлъ не всякій.

Съ принятіемъ христіанства взглядъ на подчиненіе жены мужу долженъ былъ нѣсколько смягчиться, а во взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ должно было проявиться болѣе равенства, чѣмъ это было возможно прежде. Это видно изъ того, что сохраненіе супружеской вѣрности сдѣлалось обязательно и для мужа. Но принципіально и въ христіанскомъ бракѣ жена остается подъ властью мужа. Владиміръ Моно-

махъ въ своемъ поученіи дѣтямъ говоритъ: «жену свою любите, но не дайте ей надъ собою власти».

Изъ начала зависимости жены отъ мужа слѣдуетъ, что личное положеніе жены опредѣляется положеніемъ ея мужа, т.-е. жена князя становится княгиней, жена боярина—боярыней, крестьянина — крестьянкой, попа — попадьей и т. д. Изъ этого общаго правила древнее право наше знаетъ одно исключеніе: свободный человѣкъ, вступавшій въ бракъ съ рабыней безъ ряду съ ея господиномъ, не только не сообщалъ ей свободы, но и самъ становился холопомъ (Русская Правда III ред. ст. 142). Но свобода жены-рабыни могла быть выговорена по соглашенію съ ея господиномъ.

Законодательные памятники Московскаго государства не останавливаются на опредѣленіи личныхъ отношеній супруговъ, которыя и сами по себѣ съ трудомъ поддаются какимъ-либо опредѣленіямъ. Интимная сфера домашней жизни предоставлялась обычаю. Указы только стороною отражаютъ на себѣ дѣйствіе этихъ обычаевъ. Изъ такихъ указаній законодательныхъ и литературныхъ памятниковъ можно заключить, что жена должна подчиняться волѣ мужа, и что мужъ имѣетъ право ее наказывать. Иванъ Грозный велѣлъ считать недѣйствительными завѣщанія, въ котовыхъ жена назначалась душеприкащикомъ мужа, на томъ основаніи, что она въ волѣ мужа. Въ жизни встрѣчались довольно суровыя проявленія супружеской власти. На это указываетъ и Домострой Сильвестра, который совѣтуетъ болѣе умѣренный способъ исправленія женъ, чѣмъ тотъ, который практиковался. На случаи крайней суровости супружеской власти указываютъ и юридическіе акты. Въ одной поручной записи половины XVII в. жители Тихвинскаго посада за одного изъ своихъ посадскихъ ручаются въ томъ, что онъ, «живучи за ихъ порукою, жену свою напрасно безвѣчить не будетъ, а жить будетъ, какъ и прочіе посадскіе живутъ, безъ всякаго воровства, и усмирять жену будетъ по винѣ и полюдски, а не безвѣчьемъ».

Имущественныя отношенія супруговъ

Объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ наши древнѣйшіе памятники содержатъ очень немного, и то, что въ нихъ внесено, было, можетъ быть, формулировано не безъ вліянія грекоримскаго права.

Имущественныя отношенія супруговъ въ римскомъ правѣ подвергались съ теченіемъ времени значительнымъ измѣненіямъ. Древнѣйшее состояніе этого вопроса было такое: жена, выходя замужъ, поступала подъ власть мужа, становилась какъ бы его дочерью (filiae loco). При такомъ бракѣ имущество жены составляло собственность мужа. Съ теченіемъ времени возникъ свободный бракъ, т. е. безъ перехода жены подъ власть мужа. Это отразилось и на имущественной сторонѣ: имущество жены стало разсматриваться какъ совершенно самостоятельное. Въ этомъ свободномъ бракѣ всѣ издержки брачной жизни лежатъ на мужѣ. Еще позднѣе возникаетъ дотальная система: жена или ея родственники приносятъ приданое (dos) въ обезпеченіе издержекъ семейной жизни, а мужъ — предбрачный даръ, ante nuptias donatio. Кромѣ приданаго и дара, у супруговъ могло быть и другое имущество, но «приданое» и «даръ» составляли брачное имущество, которое находилось въ собственности мужа и изъ доходовъ котораго обезпечивались нужды брачной жизни. Но право собственности мужа на приданое по юстиніанову законодательству было очень ограничено. Онъ не могъ отчуждать приданое жены безъ ея согласія. Въ случаѣ прекращенія брака, приданое поступало къ женѣ или ея наслѣдникамъ, предбрачный даръ—мужу или его наслѣдникамъ; впрочемъ, путемъ соглашенія могли быть приняты мѣры, чтобы одинъ изъ супруговъ получилъ часть изъ имущества, принадлежавшаго другому. Постановленія о дотальной системѣ вошли и въ тѣ сборники свѣтскаго права, которые содержатся въ нашихъ кормчихъ.

Для сравненія укажемъ еще на систему, которая развилась въ германскомъ правѣ, систему «единенія имуществъ» супруговъ въ бракѣ (Gütereinheit). Вопросъ о юридической конструкціи этого единенія или общенія имуществъ споренъ. Слѣдуемъ Герберу (System des deutschen Privatrechts). Бракъ производитъ единеніе жизни, поэтому цѣлямъ брака должно служить имущество той и другой стороны. Разница этой системы отъ дотальной состоитъ въ томъ, что здѣсь цѣлямъ брака должно служить все имущество супруговъ, причемъ цѣли брака понимаются гораздо шире, чѣмъ по римскому праву. Соединенное имущество обезпечиваетъ не однѣ только издержки по дому и воспитанію дѣтей, но можетъ служить и для промышленныхъ предпріятій. Права мужа и жены на это соединенное имущество не мѣняются въ бракѣ: жена собственница своего имущества, но, пока продолжается бракъ, хозяйничаетъ и распоряжается имуществомъ мужъ. Движимое имущество жены онъ продаетъ безъ ея согласія; для продажи недвижимаго долженъ имѣть согласіе жены, кромѣ случаевъ крайней нужды. Своимъ — мужъ распоряжается неограниченно, какъ и до брака. Съ прекращеніемъ брака каждая изъ сторонъ получала свое имущество, и если оказывалось, что мужъ употребилъ часть его не на цѣли брака, жена имѣла право на удовлетвореніе. Нѣкоторые писатели конструируютъ имущественныя отношенія супруговъ въ видѣ Gütergemeinschaft, т.-е. въ видѣ общаго имущества. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи мужъ не можетъ продавать недвижимостей ни своихъ, ни жениныхъ безъ согласія жены, кромѣ случаевъ крайности. Въ случаѣ смерти супруговъ наличность дѣлится независимо отъ того, кто сколько принесъ, а какъ общая собственность (Brunner у Гольцендорфа, I, 181). Такимъ образомъ, въ германскомъ правѣ встрѣчаемся съ разными формами имущественныхъ отношеній супруговъ.

Но изложенныя отношенія супруговъ по германскому праву образовались весьма поздно, никакъ не ранѣе XV вѣка. Въ древнѣйшее же время они представляются въ дру-

гомъ видѣ. По такъ называемымъ варварскимъ законамъ (leges barbarorum) одному мужу принадлежало право владѣнія, пользованія и даже распоряженія тѣмъ имуществомъ, которое жена приносила съ собою въ бракъ. По законамъ бургундовъ эта система должна была примѣняться даже къ женщинамъ римскаго происхожденія (Zoepfl 61, 2).

Переходимъ къ русскому праву. Изъ Русской Правды видно, что родственники (родители и братья), выдавая своихъ родственницъ замужъ, надѣляли ихъ, какъ могли (Трет. ред. 125). Жены, такимъ образомъ, приносили съ собой въ бракъ нѣкоторое имущество. Изъ Русской же Правды можно вывести, что послѣ прекращенія брака имущество жены поступало къ ея наслѣдникамъ даже въ томъ случаѣ, еслибы мужъ что-либо изъ этого имущества далъ своей второй женѣ. Это слѣдуетъ изъ той статьи, которая говоритъ о судьбѣ имущества матери послѣ ея и мужа ея смерти: «Будутъ ли дѣти, то что первоѣ жены (что осталось отъ первой жены), то возмуть дѣти матери своея; любо си на жену будетъ възложилъ (далъ второй женѣ), обаче, матери своей возмуть» (III 124). Въ томъ же смыслѣ высказывается и Псковская судная грамота. Она предоставляетъ вдовѣ право искать на родственникахъ своего умершаго мужа «скруты своей или платья » (91), т.-е. движимостей, съ которыми она была выдана замужъ.

О судьбѣ имущества во время брака, о томъ, кто имѣлъ право управлять имъ и распоряжаться, наши древнѣйшіе домосковскіе источники не говорятъ ни слова. Неволинъ думаетъ, что съ древнѣйшихъ временъ у насъ существуетъ полная раздѣльность имущества супруговъ. Онъ выводитъ это изъ того, что памятники не заключаютъ никакого ограниченія относительно права жены распоряжаться своимъ имуществомъ. Основаніе это трудно принять. Въ памятникахъ дѣйствительно не говорится объ ограниченіи правъ жены, но на молчаніи древнихъ памятниковъ нельзя строить никакой теоріи, такъ какъ они не исчерпываютъ своего предмета. Въ церковномъ уставѣ Владиміра Святаго въ числѣ

дѣлъ, подлежащихъ церковному суду, упомянуто «пошибаніе между мужемъ и женою о животѣ», т.-е. споръ между мужемъ и женою о движимостяхъ. Какъ же духовенство рѣшало эти споры? Надо думать, что оно рѣшало ихъ по византійскому праву [1]); а по византійскому праву мужъ былъ собственникомъ приданаго, хотя и ограниченнымъ. Поэтому сомнительно, чтобы духовенство споры супруговъ о движимостяхъ рѣшало въ смыслѣ признанія за женой права неограниченнаго распоряженія своими движимостями.

Самая возможность тяжбъ жены съ мужемъ объ имуществахъ возникла у насъ, конечно, подъ вліяніемъ византійскаго права. Трудно думать, чтобы такія тяжбы допускались народными русскими воззрѣніями, съ точки зрѣнія которыхъ жена состояла во власти мужа, должна была служить ему и могла быть имъ наказываема. А если это такъ, то понятно, что имущественныя права жены свою первую юридическую конструкцію получили въ практикѣ духовныхъ судовъ и, слѣдовательно, подъ вліяніемъ византійскихъ началъ [2]). Такое происхожденіе должна имѣть и приведенная выше статья Русской Правды, которая есть не что иное, какъ своеобразная передача слѣдующаго постановленія Эклоги: «Такоже и мужеви, во ино совокупленіе приходящу, ни что же отъ первыя ему жены пріяти. Аще ли суть

---

[1]) Изъ дѣлъ бывшаго архіерейскаго архива, находящихся въ холмогорскомъ Преображенскомъ соборѣ, видно, что споры о приданомъ разрѣшались архіепископомъ холмогорскимъ въ началѣ XVIII в. на основаніи Моисеевыхъ законовъ, Градскихъ законовъ и Эклоги; это въ XVIII в., послѣ изданія Уложенія; необходимость обращаться къ этимъ памятникамъ во времена болѣе древнія была еще ощутительнѣй. Ефименко, Приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи, 1873, стр. 81.

[2]) Холмогорецъ Ѳедоръ Якимъ въ 1711 году, возставая противъ иска тещи своей о выдачѣ ей приданаго ея умершей дочери, а своей жены, упоминаетъ «брачнаго своего дара два полотенца», это конечно, propter nuptias donatio. Ефименко, Придан. по обычн. праву Арх. губ. стр. 79.

безъ возраста дѣти, тѣхъ вещи хранити ему, дондеже совершени будутъ. Аще ли сіи совершени будутъ, подати имъ оттолѣ уже матери ихъ совершенныя вещи» (Кормч. II ч., стр. 178).

Но хотя первый шагъ къ огражденію имущественныхъ правъ жены и былъ сдѣланъ подъ вліяніемъ византійскаго права, это не значитъ, однако, что имущественныя отношенія супруговъ опредѣлялись у насъ исключительно рамками римской дотальной системы. Изъ памятниковъ московской эпохи видно, что имущественныя отношенія супруговъ опредѣлялись и народными обычаями и очень различно.

Вопросъ объ отвѣтственности жены за долги мужа и по памятникамъ до московскимъ рѣшался не одинаково. По договору Новгорода съ нѣмцами 1270 года жена отвѣчала за долги мужа въ томъ только случаѣ, если ручалась за него. Эту статью можно считать новгородской, а не нѣмецкой, на томъ основаніи, что по нѣмецкому проекту договора жена должна была отвѣтствовать безусловно за долги мужа (Андреевскій, О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами, ст. XXI). Наоборотъ, по Псковской судной грамотѣ вдова изорника отвѣчала предъ господиномъ за долгъ своего мужа, если и не участвовала въ его обязательствѣ (85). Въ Русской Правдѣ о разбойникѣ сказано: «выдадять и̇ всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ и разграбленіе» (III р. 10). Вину совершилъ мужъ, а отвѣтственность падаетъ на все семейство, конфискуется все имущество, хотя бы что принаддежало и женѣ. Тотъ же смыслъ имѣетъ и 6 ст. договора смоленскаго князя Мстислава съ нѣмцами: «Оже разгнѣвается князь на своего человѣка,... а отиметь князь все, женоу и дѣти, оу холопство...»; или по рижской редакціи: «Аще князь възвержетъ гнѣвъ на роусина, повелить его разграбити съ женою и съ дѣтьми...» По готландской редакціи жена, за вину мужа, идетъ въ холопство и, слѣдовательно, лишается своего имущества, по рижской—конфискуется имущество мужа и жены безразлично (ст. 6).

Неволинъ, утверждая, что по нашему древнему праву жена не отвѣчаетъ за вину и долги своего мужа, указываетъ, между прочимъ, на статью договора Олега съ греками, по которой жена убійцы удерживаетъ за собой то имущество, которое принадлежитъ ей по закону. Въ этой статьѣ нѣтъ основаній видѣть русское право. Она имѣетъ въ виду не столько огражденіе правъ русскихъ женъ, сколько греческихъ, и, конечно, составлена греками (см. Приложеніе въ концѣ книги, Греческое и русское право въ договорахъ съ греками). Подтвержденіе своей мысли Неволинъ видитъ и въ статьѣ Русской Правды: «Аже холопъ крадетъ кого-либо, то господину выкупати й, либо выдати и съ кимъ будеть кралъ; а женѣ и дѣтямъ не надобѣ. Но оже будуть съ нимъ крали и хоронили, то всѣхъ выдати» (3-я р. 154). Въ данномъ случаѣ невинная жена и дѣти не выдаются съ мужемъ. Но статья имѣетъ въ виду холоповъ, а не свободныхъ людей. Этимъ она и объясняется. Выдача съ мужемъ невинной жены и дѣтей увеличила бы только убытки господина, невиновнаго въ преступленіи своего раба. Эта статья, слѣдовательно, имѣетъ цѣлью оградить права господина отъ лишнихъ убытковъ; а потому въ ней скорѣе есть основаніе видѣть подтвержденіе, путемъ исключенія, общаго правила объ отвѣтственности жены и дѣтей за дѣянія мужа и отца, чѣмъ доказательство ихъ безотвѣтственности.

Такимъ образомъ, наша древняя практика по вопросу объ отвѣтственности жены за мужа слѣдуетъ двумъ разнымъ направленіямъ. Порядокъ новгородскій возникъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ византійскаго права [1]). Во второмъ направленіи надо видѣть остатокъ русскихъ народныхъ воззрѣній на бракъ, съ точки зрѣнія которыхъ жена не имѣла ни личной, ни имущественной самостоятельности, а потому

[1]) Въ Эклогѣ читаемъ: «Аще кто имѣя жену, возметъ взаимъ отъ нѣкоего, и аще не можетъ сихъ творити возданія, неповинна будетъ жена его отъ пристроя своего подати заимодавцу, аще не обрящется волею въ таковѣ долзѣ поручившися по мужѣ своемъ» (Кормч. ч. II. стр. 189).

и должна была раздѣлять его участь. Ссылку жены вмѣстѣ съ мужемъ по 10 ст. III р. Русской Правды Неволинъ объясняетъ тѣмъ, что бракъ ссылкою мужа для жены не прекращался, а потому жена за нимъ и слѣдуетъ (100). По всей вѣроятности, онъ разумѣетъ здѣсь христіанскій бракъ. Въ такомъ предположеніи нѣтъ надобности. Съ мужемъ ссылаются не только жена, но и дѣти. Въ рижской же редакціи Мстиславова договора говорится не о ссылкѣ мужа съ женою, а о разграбленіи ихъ, т.-е. конфискаціи имущества мужа и жены. Этого уже никакъ нельзя вывести изъ нерасторжимости христіанскаго брака. Всѣ эти правила совершенно удовлетворительно объясняются до-христіанскими воззрѣніями на бракъ и семейство, по которымъ жена и дѣти принадлежатъ мужу, не имѣютъ независимаго отъ него бытія, а потому и раздѣляютъ его участь, какъ личную, такъ и имущественную.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что положеніе женъ въ древней Россіи было всегда подавленное деспотической властью мужа. Это уже вопросъ факта, а не права. Владиміръ Мономахъ не даромъ совѣтуетъ своимъ сыновьямъ не давать надъ собой власти женамъ [1]). Были, значитъ, мужья, которые подчинялись женамъ. Но еслибы такой мужъ сталъ на разбой или заслужилъ гнѣвъ князя по какой другой причинѣ, его жена все-таки была бы лишена своего имущества и послѣдовала бы за нимъ въ ссылку.

Памятники московскаго законодательства XV и XVI в. на имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ мало останавливаются и далеко ихъ не исчерпываютъ. Многое было предоставлено практикѣ, а практика была очень разнообразна. На основаніи духовныхъ и рядныхъ можно сдѣлать заключеніе, что по прекращеніи брака приданое жены возвращалось къ ней или къ ея наслѣдникамъ. Это начало признано и указомъ 1628 г. (Улож. XVII, 1) въ такой формѣ: «А женамъ

---

[1]) Въ томъ же духѣ и русскія пословицы: «худое дѣло, коли жена не велѣла», «худо мужу тому, у котораго жена большая въ дому», «кто женѣ волю даетъ, тотъ самъ себя бьетъ», «знай баба свое криво веретено». Даль I. 467.

тѣхъ умершихъ, которыя останутся бездѣтны, давати изъ животовъ ихъ мужей четверть да приданое». Но рядомъ съ этимъ постановленіемъ, только повторяющимъ правило Эклоги, въ томъ же Уложеніи читаемъ: «И послѣ умершаго заемщика тотъ долгъ платити женѣ его и дѣтямъ, а будетъ чего на женѣ и дѣтѣхъ взяти будетъ нечего, и тотъ достальной долгъ взяти на поручикахъ его, кто будетъ въ лицахъ» (X, 203). Для того, кто знаетъ постановленія Эклоги, дѣйствовавшія и въ московскую эпоху, эта статья не устанавливаетъ непремѣнно имущественную отвѣтственность жены за долги мужа. Она можетъ быть отнесена къ тому случаю, когда, по смерти мужа, оставившаго жену и дѣтей, жена управляла всѣмъ имуществомъ умершаго. Жена, въ этомъ случаѣ, должна была платить долги умершаго изъ его имущества, а не изъ своего. Но знали ли Эклогу наши приказные люди XVII в.? Это сомнительно. Какъ же они примѣняли эту статью? Изъ практики того времени знаемъ, что долги мужа взыскивались съ имущества жены (П. С. З. № 210). Господствовавшій тогда способъ взысканія даже непремѣнно долженъ былъ повести къ переводу на жену имущественной отвѣтственности за умершаго мужа: жену ставили на правежъ и били, пока не уплатитъ долговъ мужа. При такомъ порядкѣ взысканія весьма естественно, что жены платили и изъ своего приданаго долги мужей. Уложеніе, такимъ образомъ, не даетъ никакихъ руководящихъ началъ для опредѣленія имущественныхъ отношеній супруговъ. По ст. 1-й XVII главы жена, по смерти мужа, получаетъ свое приданое и 1/4 изъ движимостей умершаго; по ст. 203-й главы X-й все это могло быть у ней отобрано и дѣйствительно отбиралось за долги мужа.

Судьба приданаго при жизни супруговъ была очень разнообразна. Есть указанія отъ XIV — XV в., что имущества супруговъ были раздѣльны и жены продавали свои земли мужьямъ (Ак. Юр. № 71, XXVIII). Это признано и указами XVII в., которые говорятъ, что жены могутъ продавать и закладывать свои вотчины своими именами. Рядомъ

съ этою раздѣльностью есть указанія и на существованіе нѣкотораго вида единенія имуществъ, принадлежавшихъ супругамъ. Въ одной рядной мужъ и жена (вступила во второй бракъ, а отъ перваго имѣла дочерей) договариваются выдать дочерей послѣдней, отъ перваго брака, «изъ обща», т.-е. изъ общаго ихъ имущества (№ 395). Наконецъ, и это едва-ли не всего чаще, мужъ распоряжается приданымъ жены вмѣстѣ съ ней. Родители даютъ приданое не одной дочери, но и ея новобрачному (№ 110, V). Приданыя отчины продаются женою вмѣстѣ съ мужемъ (№ 71, X). Это вошло и въ указы XVII в., которые запрещаютъ мтжьямъ отчуждать женины отчины отъ своего имени; купчія же крѣпости за подписями обоихъ супруговъ признавались въ силѣ (П. С. З. 762 и 803).

Византійское право продолжаетъ дѣйствовать и въ московскую эпоху, но только одни духовные суды примѣняли его къ дѣламъ, непосредственно черпая изъ кормчей; свѣтскія же учрежденія знали его лишь постольку, поскольку оно отражалось въ государевыхъ указахъ, а потому вліяніе его на нашу практику и не могло получить рѣшающаго значенія. Но оно несомнѣнно проходило въ жизнь, хотя и въ очень небольшихъ пріемахъ. Въ памятникахъ находимъ указанія, что духовныя власти, при помощи византійскаго права, старались внести въ нашу практику болѣе разумныя начала, чѣмъ тѣ, которыми руководились приказные люди XVII в. Въ 1657 году била челомъ патріарху Никону вдова нижегородскаго посадскаго человѣка, Марѳица. Изъ челобитья видно, что послѣ смерти мужа она стоитъ на правежѣ въ долгахъ его, а дворовъ и животовъ послѣ мужа ничего не осталось, про что вѣдомо окольнымъ людямъ. Было за ней приданое, но мужъ еще при жизни испродалъ его въ платежъ за долги, а иное въ закладъ отдалъ. Что осталось изъ приданаго, рублей 50, то уже она отдала за долгъ мужа, а нынѣ правятъ на ней еще болѣе 50 рублевъ. Проситъ: ее, вдову Марѳицу, пожаловать, тѣхъ долговъ править на ней не велѣть по тому, что мужа своего животами она ничѣмъ

не владѣетъ. Патріархъ, выслушавъ челобитье Марѳицы, взглянулъ въ Правильную книгу Леона царя и Константина и нашелъ тамъ, что жена не подлежитъ отвѣтственности за мужа, если не поручилась за него. На основаніи Правильной книги приказываетъ онъ послать память въ Новгородскій приказъ. Въ памяти написано: буде она, Марѳица, послѣ мужа своего, кромѣ своего приданаго и четвертыя части, что было ей изъ тѣхъ мужа своего животовъ довелось дать, животами не владѣетъ и въ тѣхъ кабалахъ мужа ея (Марѳицы) не написана (порукой), и мимо порутчиковъ на ней, вдовѣ, мужа ея долговъ править не велѣлъ (П. С. З. № 210). Какъ поступилъ Новгородскій приказъ — не знаемъ. Можно, однако, думать, что онъ исполнилъ «приказъ» патріарха, не потому, впрочемъ, что таково было у насъ право, какъ писалъ патріархъ, а потому, что такъ «приказалъ» патріархъ. Право женъ обрисовывается въ Московскомъ государствѣ еще очень смутно, приказъ же требуетъ только исполненія.

Установленіе брака

Въ глубокой древности бракъ заключался чрезъ похищеніе. Похищеніе есть насильственный уводъ дѣвицы съ намѣреніемъ сдѣлать ее женой. Съ цѣлью похищенія женихъ и его друзья вступаютъ въ открытую борьбу съ семействомъ невѣсты и его друзьями. Бракъ чрезъ похищеніе предполагаетъ крайне незамиренное состояніе общества. На существованіе въ глубокой древности такого порядка заключенія брака находимъ указанія и въ жизни теперешнихъ дикарей и въ историческихъ памятникахъ цивилизованныхъ народовъ. У нѣкоторыхъ дикарей происходятъ настоящія войны изъ-за женъ; въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ похищеніемъ въ первой стадіи его развитія; это дѣйствительное похищеніе. У другихъ племенъ, у которыхъ жизнь приняла болѣе спокойное теченіе, сохранилась лишь память

о похищении въ брачныхъ обрядахъ; это обрядовое похищеніе. Оно встрѣчается не только у дикарей, но было извѣстно и народамъ историческимъ [1]). — У нѣкоторыхъ южныхъ славянъ поѣздъ жениха, отправляющагося въ домъ не-

[1]) Вотъ примѣры обрядоваго похищенія. У москитовъ средней Америки пожилые люди сопровождаютъ жениха къ дому невѣсты. Онъ несетъ подарки. На стукъ пришедшихъ двери отворяютъ съ предосторожностями. Невѣста не показывается. Женихъ раскладываетъ подарки и всѣ бросаются ихъ разсматривать. Этимъ пользуется женихъ; онъ отыскиваетъ невѣсту и уноситъ ее, при всеобщемъ крикѣ женщинъ, въ устроенный нарочно на этотъ случай недалеко отъ дома шалашъ. Молодые остаются тамъ до вечера, когда шалашъ разбирается, и присутствующіе находятъ жениха и невѣсту въ мирной бесѣдѣ.

Въ Далмаціи обрядовое похищеніе совершается такимъ образомъ. Женихъ съ друзьями приходятъ въ домъ невѣсты и обращаются къ ея родственникамъ съ такою рѣчью: Мы знаемъ, что у васъ есть нѣчто такое, что вамъ не принадлежитъ. У насъ улетѣла бѣлая голубка, она у васъ, мы пришли отыскать ее. Хозяинъ дома выводитъ къ нимъ старуху и говоритъ: не эта ли голубка, которую вы ищете? Боже сохрани, чтобы это была она! восклицаютъ пришедшіе. Это повторяется нѣсколько разъ, пока хозяинъ не выводитъ, наконецъ, невѣсту. Вотъ голубка, которая у насъ улетѣла! восклицаютъ женихъ и его друзья, хватаютъ невѣсту и выносятъ для слѣдованія въ церковь. По дорогѣ встрѣчаютъ родственниковъ и друзей похищенной, которые заграждаютъ путь. Завязывается борьба, которая переходитъ въ переговоры и оканчивается платежомъ пошлины со стороны жениха. Это повторяется нѣсколько разъ, пока не дойдутъ до церкви.

Въ Швабіи и по сіе время сохраняется такой обычай. Новобрачная, выйдя изъ церкви, убѣгаетъ и прячется въ одномъ изъ ближайшихъ домовъ. Молодой долженъ ее отыскать и привести въ свой домъ.

Къ такимъ же обрядовымъ дѣйствіямъ надо отнести взаимное царапаніе лицъ жениха и невѣсты, воспрещеніе новобрачной имѣть сношеніе съ своими родителями, оказательство вражды между женихомъ и родителями невѣсты: они не должны при встрѣчѣ ни кланяться, ни говорить между собой. Все это встрѣчается у многихъ дикарей. Встрѣчается нѣчто въ томъ же духѣ и не у однихъ дикарей. Въ Швабіи не принято, чтобы мать невѣсты показывалась во время свадебнаго пира.— Всѣ такіе факты получаютъ свое объясненіе, какъ явленія переживанія отъ того далекаго прошлаго, когда похищеніе дѣйствительно установляло враждебныя отношенія между мужемъ и семействомъ похищенной жены.

вѣсты, называется полкомъ, а во главѣ его стоитъ тысяцкій. Эти наименованія указываютъ на то, что было время, когда женъ доставали войною, когда за невѣстой дѣйствительно отправлялся полкъ, во главѣ котораго стоялъ тысяцкій. Въѣзжая въ село, поѣзжане спрашиваютъ сельскаго судью: «можно ли войти въ село нѣсколькимъ чужеземцамъ?» Судья отвѣчаетъ: «пусть войдутъ, только бы они пощадили стариковъ и малыхъ дѣтей». Въ древности, значитъ, дѣло не обходилось безъ жертвъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи и до сего времени слѣды похищенія сохранились въ брачныхъ играхъ [1]).

Возникновеніе такого способа установленія брака стоитъ въ тѣсной связи съ воинственнымъ (разбойническимъ) бытомъ первобытныхъ народовъ. Войны съ цѣлью наживы ведутся не только между разными племенами, но и среди одного и того же племени. Счастливый побѣдитель возвращается съ добычей и плѣнницами. Лушчія изъ нихъ становятся его женами. Въ глазахъ первобытнаго человѣка имѣть женъ, добытыхъ силою своей руки, есть предметъ гордости. Это особое отличіе людей сильныхъ, храбрыхъ, предпріимчивыхъ. Желаніе сравняться съ ними вызываетъ подражаніе. Таково одно изъ условій, которое могло повести къ возникновенію обычая похищать женъ (Спенсеръ, Основы соціологіи, 687). Рядомъ съ нимъ могли быть и другія. Родители и родственники, нуждаясь въ готовой рабочей силѣ, могли не давать своихъ дочерей и родственницъ въ замужество даромъ. Желающему имѣть жену надо было или купить ее, или взять силой.

Покупка женъ тоже очень древняго происхожденія. Она является, прежде всего, оборотной стороной похищенія. Се-

[1]) Въ Швабіи женщины охраняютъ невѣсту и женихъ долженъ ее отнять у нихъ. Во многихъ мѣстахъ обязательна игра въ кошку и мышку, причемъ женихъ играетъ роль кошки, невѣста — мышки. Къ свадебнымъ забавамъ у дикарей относится обязанность жениха бросить метательный снарядъ на крышу дома невѣсты и стрѣльба изъ луковъ и ружей надъ головами новобрачныхъ.

мейство, потерпѣвшее отъ похищенія, не всегда успокоивается на этой обидѣ. Оно можетъ собрать силы и съ оружіемъ въ рукахъ добиваться возвращенія похищенной. Между похитителями и потерпѣвшими можетъ возгорѣться война. Въ случаѣ нерѣшительнаго ея исхода, сторонамъ ничего не остается, какъ обратиться къ компромиссу. Примиреніе на условіи денежнаго вознагражденія пострадавшей стороны является самымъ обыкновеннымъ способомъ прекращенія войны. Въ такомъ видѣ представляется первоначальное возникновеніе покупки женъ. Она должна была появиться въ самый разгаръ дѣйствительнаго ихъ похищенія.

Въ нашихъ источникахъ также находимъ указанія на похищеніе.

О радимичахъ, вятичахъ и сѣверянахъ начальный лѣтописецъ говоритъ: «живяку якоже звѣрь и браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы: схожахуся на игрища, на плясанье и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся». Здѣсь говорится объ умычкѣ. но не въ смыслѣ дѣйствительнаго похищенія, а только обряда. Радимичи, вятичи и сѣверяне прежде сговариваются съ дѣвицей, она даетъ свое согласіе, а потомъ уже происходитъ похищеніе. Такое обрядовое похищеніе, удержавшееся какъ переживаніе, встрѣчается въ Славоніи и Кроаціи (Буслаевъ, Письмо къ автору Исторіи Россіи съ древн. врем.), гдѣ ему также предшествуетъ соглашеніе. О древлянахъ лѣтописецъ говоритъ: «убиваху другъ друга и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця жоны собѣ». Нѣкоторые изслѣдователи видятъ здѣсь указаніе на дѣйствительное похищеніе; упоминаніе же о водѣ объясняютъ, какъ намекъ на удобный для похищенія моментъ въ то время, когда дѣвица идетъ за водой. Это объясненіе слишкомъ искусственно. Изъ другихъ памятниковъ мы знаемъ, что вода въ древности имѣла религіозное значеніе. Митрополитъ Іоаннъ (XII в., Русск. достопам. I) говоритъ о бракахъ простыхъ людей (не князей и бояръ), что они совершаются безъ церковнаго вѣнчанія, а чрезъ посредство плесканія водой. Подобное сви-

дѣтельство имѣемъ и отъ конца XIII в. Въ правилѣ Кирилла митрополита написано: «Слышахомъ въ предѣлахъ Новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ, и нынѣ не велимъ тому тако быти и то проклинати повелѣваемъ». На священное значеніе воды указываетъ и воспрещеніе церковнаго устава Владиміра «молиться у воды». Это древнее религіозное значеніе воды сохранилось до нашихъ дней въ народныхъ обычаяхъ. Въ Архангельской губерніи передъ приходомъ жениха на дѣвичникъ черпаютъ изъ колодезя кувшинъ воды и ставятъ его на полати, но такъ, чтобы женихъ прошелъ подъ кувшиномъ. У болгаръ посаженый отецъ и женихъ бросаютъ деньги въ колодезь, наполненный водой (Буслаевъ, тамъ же). Въ виду этихъ свидѣтельствъ, въ похищеніи древлянами женъ у воды надо также видѣть обрядовое похищеніе, при которомъ имѣли мѣсто и нѣкоторыя религіозныя дѣйствія «плесканіемъ» воды.

На основаніи сохранившихся до нашихъ дней брачныхъ обрядовъ, надо думать, что въ языческихъ религіозныхъ дѣйствіяхъ, сопровождавшихъ бракъ, нѣкоторая роль принадлежала еще и огню. Въ Россіи и теперь кой-гдѣ, въ ожиданіи жениха, передъ домомъ невѣсты зажигаютъ костры. Женихъ съ поѣзжанами должны перескочить черезъ эти костры. Въ Болгаріи сватъ, войдя въ избу невѣсты, загребаетъ уголья въ печи, прежде чѣмъ приступаетъ къ сватовству. У сербовъ молодая, возвратившись отъ вѣнца, обходитъ три раза кругомъ очага, а затѣмъ потрясаетъ горящимъ полѣномъ во всѣ стороны.

Религіозное освященіе брака, слѣдовательно, возникло у насъ еще до христіанства.

Нѣкоторые изслѣдователи въ выраженіи пѣсни: «во чистомъ полѣ женитися, вкругъ ракитова куста вѣнчатися», также усматриваютъ слѣдъ языческаго обряда. Это сомнительно. Здѣсь, кажется, надо видѣть позднѣйшую пародію на обрядъ церковнаго вѣнчанія.

О полянахъ лѣтописецъ говоритъ, что у нихъ были брачные обычаи, и затѣмъ приводитъ слѣдующее: «Не хо-

жаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней, что вдадуче».

Здѣсь нѣтъ даже обрядоваго похищенія, а родители сами приводятъ невѣсту въ домъ жениха. Вторая половина свидѣтельства допускаетъ возможность двоякаго пониманія: 1) на другой день женихъ приноситъ родителямъ плату за невѣсту; 2) на другой день приносятъ въ домъ жениха приданое невѣсты.

И то и другое пониманіе находитъ подтвержденіе въ нашихъ источникахъ. Изъ Русской Правды мы знаемъ, что братья даютъ приданое за сестрой. Изъ начальной лѣтописи видно, что за женъ платилось вѣно. О Владимірѣ Св. сказано, что онъ «вдасть за вѣно грекамъ Корсунь царицѣ дѣля». И еще: «вдасть Ярославъ сестру свою за Казиміра и вдасть Казиміръ за вѣно людій 800, яже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава». Слово вѣно происходитъ отъ глагола вѣнити, который значитъ цѣнить, покупать: «не пятъ ли птицъ вѣниться пѣнязема двѣма». Въ народныхъ обрядахъ и до нашихъ дней женихъ разсматривается какъ купецъ, а невѣста какъ товаръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь берется плата за невѣсту. Въ Нерехтѣ крестьяне почитаютъ за безчестіе отдать дочь безденежно. Чѣмъ выше цѣна, тѣмъ болѣе чести для невѣсты.

Первое пониманіе представляется, однако, болѣе вѣроятнымъ. Трудно объяснить, почему приданое приносится на другой день. Состоя изъ движимостей ежеминутно нужныхъ, оно должно было сопровождать невѣсту и даже предшествовать ея появленію въ домѣ будущаго супруга. Уплата же вѣна на другое утро находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что цѣна за невѣсту могла вноситься по осуществленіи брака, а не прежде. Это находитъ себѣ нѣкоторую аналогію въ утреннемъ подаркѣ (Morgengabe) германскаго права; подарокъ этотъ подносился молодой женѣ утромъ послѣ первой ночи.

Вотъ и все, что говоритъ лѣтописецъ о брачныхъ обычаяхъ полянъ. Можно думать, что онъ не все сказалъ, что

можно было сказать. Если у древлянъ, которыхъ онъ ставитъ ниже полянъ, бракъ сопровождался уже нѣкоторыми религіозными обрядами, можно ли думать, что такихъ обрядовъ не знали поляне?

Эти приводимыя по полянскому обычаю жены, такъ и назывались «водимыми женами». Лѣтописецъ, перечисляя женъ Владиміра, говоритъ: «и быша ему водимыя», а затѣмъ идетъ перечисленіе пяти женъ. Водимымъ женамъ онъ противополагаетъ наложницъ.

Изъ разобранныхъ мѣстъ лѣтописи слѣдуетъ:

1) До-христіанскій бракъ установлялся при посредствѣ языческихъ религіозныхъ обрядовъ У нѣкоторыхъ племенъ онъ сопровождался обрядовымъ похищеніемъ, у другихъ— слѣдовъ похищенія не сохранилось даже и въ обрядѣ. Въ Выгозерской волости Повѣнецкаго уѣзда у насъ и до сегодня происходятъ въ Троицынъ день игрища, на которыхъ совершаются брачные сговоры между молодыми людьми обоего пола безъ всякаго участія въ этомъ ихъ родителей, что совершенно совпадаетъ съ разсказомъ лѣтописца о бракахъ у радимичей, вятичей и сѣверянъ (Сѣвер. Вѣстн. 1885 г. № 10, ст. Приклонскаго).

2) Въ бракъ вступали въ возрастѣ, въ которомъ были уже возможны супружескія отношенія. Изъ свидѣтельства о радимичахъ, вятичахъ и сѣверянахъ слѣдуетъ заключить, что иногда, по крайней мѣрѣ, молодые люди сами выбирали себѣ невѣстъ, а молодыя дѣвицы—жениховъ.

3) Слѣды похищенія, сохранившіеся въ обрядахъ, указываютъ на то, что браку, описанному лѣтописцемъ, предшествовалъ болѣе древній, совершавшійся путемъ дѣйствительнаго похищенія. На это дѣйствительное похищеніе встрѣчаемъ указанія и въ нѣкоторыхъ обрядахъ, дожившихъ до нашего времени.

Въ Тверской губерніи передъ отправленіемъ поѣзда жениха въ домъ невѣсты женихъ становится на сковороду, а кругомъ его размѣщаются дружки, ставя правую ногу также на сковороду; дружки клянутся: «стоять другъ за

друга, братъ за брата, за единую каплю крови». Что значитъ здѣсь сковорода—не могу сказать, но значеніе клятвы совершенно ясно: въ прежнее время, отправляясь похищать невѣсту, приготовлялись къ войнѣ и потому взаимно клялись защищать другъ друга до послѣдней возможности.

Хотя нашъ начальный лѣтописецъ говоритъ о похищеніи только въ смыслѣ обряда, но трудно думать, чтобы въ описываемое имъ время у насъ не встрѣчалось уже случаевъ дѣйствительнаго похищенія. Умыканіе въ Сербіи (отмица) въ смыслѣ настоящей войны дожило до XIX вѣка. Похитители нападаютъ ночью, силою овладѣваютъ родственниками невѣсты, вяжутъ братьевъ, отца, а невѣсту, если она сопротивляется, бьютъ «какъ вола на капустѣ». На помощь къ семейству невѣсты сбѣгается вся деревня, бываютъ раненые и убитые. Въ 1805 году погибли: братъ дѣвицы и одинъ изъ похитителей. Если похищеніе удается, похитителей преслѣдуютъ до ихъ деревни, гдѣ они открываютъ мирные переговоры. Если дѣло не улаживается миромъ, обиженные обращаютря въ судъ (Буслаевъ, тамъ же).

4) Въ обрядъ заключенія до-христіанскаго брака входилъ и взносъ платы за невѣсту. Возникновеніе такой платы должно относиться къ глубокой древности, именно къ тому времени, когда еще господствовало дѣйствительное похищеніе. Если сторонники семейства, изъ котораго было совершено похищеніе, были достаточно сильны, они, конечно, не успокоивались на совершившемся фактѣ, а преслѣдовали похитителей. Для ихъ замиренія похитителямъ надо было предложить выкупъ. Такъ, надо думать, возникло вѣно, уплата цѣны дѣвицы, которая по германскому праву равнялась ея вирѣ.

На основаніи нашихъ источниковъ мы не имѣемъ возможности утверждать, чтобы у насъ была особая, самостоятельная форма установленія брака покупкой жены. Въ германскомъ же правѣ бракъ установлялся именно покупкой: мужъ долженъ былъ купить право власти (Mundium) надъ женщиной у того лица, которому это право принадлежало

до брака. Съ этой цѣлью онъ долженъ былъ уплатить цѣну (pretium) женщины, которая, обыкновенно, равнялась ея вирѣ. Покупкой заключенные браки назывались connubia venalia. По народнымъ воззрѣніямъ они считались болѣе обезпечивающими права мужа надъ женой, чѣмъ браки, заключенные безъ взноса цѣны женщины (Zöpfl, Deutsche Rechtsgeschichte, стр. 584 и сл.).

Хотя наши источники и не говорятъ о куплѣ женъ (Frauenkauf), какъ особомъ способѣ установленія брака, но пріобрѣтеніе женъ покупкой до такой степени гармонируетъ съ древнимъ взглядомъ на жену, какъ слугу, что, можетъ быть, и у нѣкоторыхъ русскихъ племенъ бракъ установлялся куплею. Вышеприведенные термины, съ точки зрѣнія которыхъ женихъ является купцомъ, а невѣста товаромъ, подтверждаютъ это предположеніе.

Съ принятіемъ христіанства къ намъ вводится грекоримскій порядокъ установленія брака. Римскому браку, обыкновенно, предшествовалъ сговоръ или обрученіе (sponsalia). Это былъ гражданскій актъ, состоявшій въ томъ, что стороны, желавшія вступить между собою въ бракъ, давали другъ другу обѣщаніе дѣйствительно осуществить современемъ это свое намѣреніе. Для укрѣпленія сговора одна изъ сторонъ давала другой задатокъ (arrha). Неисполненіе принятаго стороною брачнаго обязательства вело, по Юстиніанову законодательству, для стороны, давшей задатокъ, — къ его потерѣ, а для стороны принявшей — къ возвращенію двойной цѣны задатка. Съ утвержденіемъ христіанства вѣрующіе стали приглашать духовенство къ участію въ сговорѣ путемъ молитвословія и благословенія обручаемыхъ. Постановленіемъ шестого вселенскаго собора бракъ съ обрученной другому, при жизни послѣдняго, былъ приравненъ прелюбодѣянію. Въ 1084 г. императоръ Алексѣй Комненъ повелѣлъ считать обрученія, сопровождавшіяся священнымъ благословеніемъ, равносильными браку и нерасторжимыми. Нѣсколько позднѣе (1092) воспрещено было при совершеніи сговоровъ съ молитвословіемъ дѣлать усло-

віе о пеняхъ. Постановленія императора Алексѣя, вошедшія въ нашу кормчую (гл. 43), дѣйствовали, конечно, и у насъ. Профессоръ Горчаковъ въ приложеніяхъ къ своему изслѣдованію о тайнѣ супружества напечаталъ чинъ обрученія и вѣнчанія, соблюдавшіеся нашею церковью, одинъ XIII-го, другой XIV-го в. Изъ этихъ документовъ видно, что обрученіе составляло особый актъ отъ вѣнчанія, происходило въ церкви, сопровождалось пѣніемъ и чтеніемъ установленныхъ въ служебникѣ молитвъ и заключалось обмѣномъ колецъ.

Сговоръ, какъ гражданскій актъ, надо думать, былъ извѣстенъ и до принятія христіанства. Поляне приводили своихъ дочерей въ домъ будущаго мужа, конечно, въ силу предварительнаго соглашенія. Значеніе акта, равносильнаго браку, сговоръ получилъ уже подъ вліяніемъ византійскихъ постановленій.

Церковь, получивъ въ свое вѣдомство заключеніе браковъ, должна была примѣнять къ нимъ и всѣ тѣ условія, которыя требовались отъ вступающихъ въ бракъ каноническими правилами и постановленіями византійскихъ императоровъ, нашедшихъ доступъ въ наши кормчія. Но нѣтъ повода думать, чтобы эти правила примѣнялись къ русской жизни во всей строгости.

Церковный уставъ Владиміра предоставляетъ вѣдомству церкви браки, заключенные въ запрещенныхъ степеняхъ родства или свойства (въ племени или въ сватьствѣ поимоуться). Въ уставной грамотѣ смоленскаго князя Ростислава Мстиславича (1150) читаемъ: «А тяжъ епископскихъ не судити ни кому же, судить ихъ самъ епископъ... третья тяжа: аще кто поимется чрезъ законъ», т.-е. священный, церковный или, по происхожденію, вообще греческій. Но постановленія греческой церкви о запрещенныхъ бракахъ у насъ нерѣдко нарушались: вступали въ бракъ, въ противность греческимъ законамъ, родственники въ 7-й и даже 6-й степени (Неволинъ, I, 192 стр.).

Возрастъ, необходимый для вступленія въ бракъ, раз-

ными византійскими законами опредѣлялся различно. По Эклогѣ вступленіе въ бракъ дозволялось: мужчинамъ по достиженіи 15 лѣтъ, женщинамъ—13; по Прохирону—въ 14 и 12. Обрученіе было возможно уже по достиженіи 7 лѣтъ. Но императоръ Левъ Философъ, послѣ того какъ среди духовенства обнаружилось уже стремленіе приравнивать обрученіе браку, запретилъ обручать лицъ, не достигшихъ брачнаго возраста. Эти постановленія соблюдались у насъ далеко не строго: князья женили своихъ сыновей 11 лѣтъ, а дочерей выдавали замужъ даже 8 (Соловьевъ, III, 8 стр.).

Византійское право для вступленія въ бракъ требуетъ желанія брачущихся и согласія ихъ родителей (Кормчая, Леона царя и Константина, глава 49, зачат. II, 1). Церковный уставъ Ярослава даетъ образчикъ примѣненія русской практикой византійскаго постановленія о необходимости свободной воли вступающихъ въ бракъ: «Аже дѣвка не восхочетъ замужъ, а отецъ и мать силою дадуть, а что створить надъ собою, отецъ и мать епископу въ винѣ». Выдать дочь замужъ противъ ея воли можно, но если она что-нибудь надъ собою сдѣлаетъ (повѣсится, напримѣръ), тогда только родители ея подлежатъ отвѣтственности. Этому порядку вещей соотвѣтствуетъ и вышеупомянутый древній чинъ обрученія и вѣнчанія: ни при обрученіи, ни при вѣнчаніи священникъ не спрашиваетъ брачущихся, своею ли волею вступаютъ они въ бракъ или нѣтъ.

Но и въ этой нестрогой формѣ церковный бракъ примѣнялся первоначально только къ князьямъ и боярамъ, простой же народъ считалъ церковное вѣнчаніе не нужнымъ и продолжалъ совершать браки по языческимъ обычаямъ. На это жалуются духовные писатели еще конца XIII в.

Котошихинъ разсказываетъ, что въ XVII в. вовсе было не въ обычаѣ справляться съ желаніемъ жениха и невѣсты вступить въ бракъ. Молодые люди высшихъ чиновъ вѣнчались даже не зная въ глаза другъ друга. Лишь Петръ Великій принялъ мѣры для обезпеченія свободнаго согласія лицъ, вступавшихъ въ бракъ.

Практика XVII в. высказывалась противъ браковъ очень престарѣлыхъ людей. Въ Московскомъ государствѣ было весьма распространено мнѣніе, что старики должны думать не о бракѣ, а о спасеніи своей души. Въ этомъ смыслѣ поучало и духовенство. Эта мысль выражена въ инструкціи патріарха Адріана поповскимъ старостамъ, въ которой предписывалось не вѣнчать вдовцовъ и вдовъ престарѣлыхъ лѣтъ, но не было именно опредѣлено, какія лѣта считались престарѣлыми.

Въ московское время церковное вѣнчаніе дѣлается общимъ правиломъ, хотя продолжаютъ встрѣчаться и отступленія. Такъ въ XVI и XVII вѣкахъ у донскихъ казаковъ бракъ заключался иногда безъ всякаго религіознаго освященія, а въ казацкомъ «кругу». Достаточно было мужчинѣ и женщинѣ явиться въ кругъ и заявить, что они желаютъ вступить въ бракъ; этого было довольно для того, чтобы бракъ считался заключеннымъ. Но за этими исключеніями, по общему правилу, бракъ заключался церковнымъ вѣнчаніемъ. Для совершенія священникомъ вѣнчанія требовалось, чтобы желающіе вступить въ бракъ принесли ему вѣнечную память, которая выдавалась мѣстнымъ епископомъ. Въ этой памяти предписывалось священнику обвѣнчать такихъ-то лицъ, если нѣтъ законныхъ къ тому препятствій. Обрученіе и вѣнчаніе продолжали составлять два разныхъ акта, раздѣленныхъ между собою значительнымъ промежуткомъ времени, въ теченіе котораго воля обрученныхъ была уже связана даннымъ обѣщаніемъ. Противъ этого вооружился Петръ Великій.

Прекращеніе брака

До-христіанскій бракъ не былъ союзомъ нерасторжимымъ. Историки германскаго права признаютъ, что древній германскій бракъ могъ быть расторгнутъ какъ въ силу односторонней воли мужа, такъ и по обоюдному соглашенію

супруговъ. Тоже и у насъ: церковный уставъ Ярослава воспрещаетъ мужу самовольно отпускать жену не потому только, что это воспрещалось правилами греческой церкви, вошедшими въ составъ нашихъ кормчихъ, но и потому, что такой способъ прекращенія брака практиковался у насъ съ древнѣйшихъ временъ. Въ статьѣ того же устава: «Аже мужъ съ женою по своей воли распуститься, епископу 12 гривенъ» (жить попрежнему, не прибавлено) и въ той (8), которая воспрещаетъ женѣ отпускать мужа по причинѣ слѣпоты и другихъ болѣзней, можно видѣть указаніе на разводъ по соглашенію обоихъ супруговъ. Рафаилъ Барберини, иностранный писатель XVI в., приводитъ и описаніе порядка прекращенія брака по добровольному соглашенію. По его словамъ, мужъ и жена, желающіе прекратить свое брачное сожительство, идутъ къ проточной водѣ, становятся на противоположныхъ ея берегахъ и, взявъ въ руки тонкую ширинку холстины, тянутъ ее въ разныя стороны до тѣхъ поръ, пока не разорвутъ. Какъ скоро холстина перервется, бракъ считается расторгнутымъ (Снегиревъ, Русскіе въ своихъ пословицахъ, кн. II, 62). Въ этомъ обычаѣ надо видѣть слѣдъ глубокой древности: вода играетъ роль какъ при заключеніи брака, такъ и при расторженіи.

Въ языческое время въ способахъ прекращенія брака встрѣчаемся съ весьма характерной особенностью. Смертью мужа бракъ не прекращался для жены, она должна была слѣдовать за умершимъ въ загробную жизнь. Этотъ обычай добровольной смерти жены встрѣчается у многихъ предковъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ, а также у современныхъ дикарей, и стоитъ въ связи съ состояніемъ религіозныхъ вѣрованій и съ воззрѣніями на обязанности жены по отношенію къ мужу. Первобытный человѣкъ иначе смотритъ на загробную жизнь, чѣмъ мы: онъ думаетъ, что въ загробной жизни ему присущи тѣ же потребности, что и въ земной. Вотъ почему жена и должна была слѣдовать за умершимъ мужемъ. У обитателей острова Фиджи и теперь существуетъ обычай сожженія женъ. Чѣмъ

выше стоитъ лицо въ общественномъ положеніи, тѣмъ большее число женъ сожигаютъ послѣ его смерти; кромѣ женъ убивается нѣсколько рабовъ, лошадей, собакъ и т. п., а также умершему кладутся всѣ необходимыя при жизни вещи, въ томъ предположеніи, что все это нужно будетъ и за гробомъ. Есть указаніе на то, что такой обычай существовалъ и у предковъ современныхъ европейскихъ народовъ, напримѣръ, у предковъ дунайскихъ, прибалтійскихъ и русскихъ славянъ и германцевъ. Подробности можно найти въ сочиненіи Котляревскаго: «О погребальныхъ обычаяхъ у древнихъ славянъ». Жены, обыкновенно, умираютъ добровольно и даже съ охотою, въ силу того, во-1-хъ, что со смертью соединялось иногда представленіе о лучшей участи, и, во-2-хъ, еслибы жена не согласилась послѣдовать за мужемъ, она оскорбила бы этимъ всѣхъ родныхъ мужа и тѣмъ отравила бы свое существованіе. Относительно русскихъ славянъ сохранилось свидѣтельство арабскаго писателя X вѣка—Ибнъ-Фоцлана. Правда, этому писателю пришлось видѣть погребеніе холостого человѣка, но все то, что̀ говорится о погребеніи холостого человѣка, относится, конечно, и къ погребенію женатаго съ тѣмъ только различіемъ, что̀ при погребеніи женатаго сожигалась жена, тогда какъ при погребеніи холостого сопутствовать ему пришлось рабынѣ. Ибнъ-Фоцланъ разсказываетъ, что когда умиралъ русскій старшина, то его семья спрашивала рабовъ и рабынь, кто изъ нихъ хочетъ слѣдовать за умершимъ. Въ данномъ случаѣ вызвалась одна изъ рабынь. Ее отдали на попеченіе двухъ дѣвушекъ, которыя кормили и угощали ее. Обреченная смерти была весела и пѣла пѣсни. Въ день, назначенный для погребенія, умершаго положили въ ладью; передъ нимъ поставили кушанья, хлѣбъ, вина и другіе припасы. Затѣмъ разсѣкли на двѣ части собаку и положили въ ладью, привели лошадей, также разсѣкли и положили съ умершимъ. Наконецъ, привели дѣвушку, которая должна сопутствовать умершему въ загробную жизнь. Предварительно ей предложили опьяняющій напитокъ, она пила и пѣла прощальныя

пѣсни, а затѣмъ вошла въ палатку, поставленную надъ ладьей, со старухою, которая называлась ангеломъ смерти. Какъ только онѣ скрылись въ палаткѣ, окружающіе подняли шумъ и крикъ, чтобы присутствующіе не слышали стоновъ умирающей дѣвушки. Какъ только окончила старуха свое дѣло, все было сожжено, чѣмъ и заключалась церемонія погребенія.

Можетъ показаться непонятнымъ, какъ могли возникнуть обычаи, на первый взглядъ столь не согласные съ естественнымъ желаніемъ человѣка жить. И во времена къ намъ болѣе близкія человѣку приходится испытывать такія настроенія, когда смерть представляется ему желанной. Такихъ примѣровъ много. Во второй книгѣ своей исторіи Тацитъ разсказываетъ о столкновеніи Императора Отона съ Вителіемъ. Войска Отона потерпѣли рѣшительное пораженіе, но они сгорали желаніемъ вступить въ новый бой съ противникомъ. Императору это было извѣстно; но онъ не хотѣлъ новыхъ жертвъ. Вечеръ своего послѣдняго дня онъ провелъ спокойно, утѣшая солдатъ и убѣждая ихъ разойтись по домамъ; желающимъ уйти онъ раздавалъ деньги. Съ наступленіемъ ночи онъ приказалъ подать два кинжала, попробовалъ ихъ остріе, одинъ положилъ подъ подушку и легъ спать. Подъ утро послышались въ его опочивальнѣ стоны. Прибѣжавшіе люди нашли его мертвымъ. По его положенію было видно, что онъ налегъ грудью на кинжалъ и пронзилъ себѣ сердце. При его погребеніи, прибавляетъ историкъ, «нѣкоторые изъ солдатъ умертвили себя подлѣ костра «не изъ сознанія вины или страха, а по любви къ государю. Да и послѣ того не мало смертей того же рода было въ Бедріакѣ, Плацентіи и въ другихъ лагеряхъ».

Въ царствованіе И. Клавдія консуляръ, Цецина Петъ, былъ преданъ суду по подозрѣнію въ измѣнѣ императору. Желая облегчить ему переходъ отъ жизни къ смерти, жена его, Аррія, схватила кинжалъ и со словами: «Петъ! не больно!» вонзила его себѣ въ сердце. Петъ взялъ изъ ея рукъ кинжалъ и послѣдовалъ ея примѣру.

Если смерть мужа не прекращала брака для жены, то, конечно, языческій бракъ не прекращался и ссылкою мужа или его изгнаніемъ.

Съ принятіемъ христіанства порядокъ прекращенія брака долженъ былъ измѣниться подъ вліяніемъ тѣхъ новыхъ началъ, которыя были принесены къ намъ изъ Византіи.

Римское право допускало разводъ какъ по обоюдному соглашенію супруговъ, такъ и по односторонней волѣ одного изъ нихъ. Разводъ былъ частнымъ актомъ, для этого не требовалось судебнаго рѣшенія. Только въ видахъ огражденія нравственности въ законѣ были установлены нѣкоторыя невыгодныя послѣдствія для того изъ супруговъ, который давалъ поводъ къ разводу, и штрафы на тотъ случай, когда супруги разводились безъ достаточныхъ причинъ. Церковныя воззрѣнія на нерасторжимость брака проникали въ свѣтское законодательство очень медленно. Хотя Юстиніанъ и ограничилъ разводы по взаимному согласію супруговъ тѣмъ случаемъ, когда оба они пожелаютъ вступить въ монашество, но его преемникъ Юстинъ возвратился къ старому порядку вещей. Церковныя воззрѣнія были усвоены свѣтскимъ законодательствомъ только при императорахъ-иконоборцахъ. Эклога проводитъ начало нерасторжимости брака на томъ основаніи, во-1-хъ, что Ева была создана изъ ребра Адамова и, слѣдовательно, составляетъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое; во-2-хъ, союзъ Адама и Евы не былъ расторгнутъ и послѣ грѣхопаденія; въ-3-хъ, на вопросъ фарисеевъ Іисусъ Христосъ отвѣтилъ: что Богъ соединилъ, того человѣкъ да не разлучаетъ (Неволинъ, I, 243 сл., Zachariae, 56 сл.). Эклога допускаетъ разводъ только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если жена нарушитъ супружескую вѣрность; 2) если мужъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ со дня вступленія въ бракъ не докажетъ способности къ супружеской жизни; 3) если супруги умышляютъ на жизнь другъ друга; 4) проказа мужа (изъ законовъ Моисеевыхъ). Никакія другія причины развода не допускаются. Развода по взаимному соглашенію супруговъ Эклога не признаетъ.

Прохиронъ представляетъ возвращеніе къ началамъ юстиніановскаго законодательства. Въ немъ находимъ гораздо болѣе поводовъ къ разводу. Къ тремъ первымъ поводамъ Эклоги Прохиронъ прибавляетъ: 1) безвѣстное отсутствіе супруга въ теченіе 5 лѣтъ; 2) вступленіе обоихъ супруговъ въ монашество; 3) если жена, узнавъ о чьемъ-либо злоумышленіи на царство, не скажетъ объ этомъ мужу; 4) если жена, противъ воли мужа, пируетъ съ посторонними мужчинами или моется съ ними въ банѣ; 5) если она, безъ дозволенія мужа, проспитъ ночь внѣ дома и не у своихъ родителей; 6) если посѣщаетъ, безъ позволенія мужа, конскія ристалища и театры. Жена можетъ просить развода: 7) если мужъ злоумышляетъ противъ государства или, зная о злоумышленіи другихъ, не донесетъ объ этомъ; 8) если онъ торгуетъ честью жены; 9) если онъ не докажетъ возбужденнаго имъ обвиненія жены въ прелюбодѣяніи; 10) если онъ держитъ въ своемъ дому конкубину или будетъ обнаруживать свою связь съ посторонней женщиной (Кормч., глава 48, XI).

Наша древняя практика далеко не усвоила себѣ приводимаго Эклогой начала нерасторжимости брака. Изъ церковнаго устава Ярослава видно, что она допускала разводы даже на основаніи поводовъ, совершенно неизвѣстныхъ римскому праву: «Аще ведетъ жена мужа своего покрасти клѣть, или товаръ, или сама покрадеть да инымъ подасть, или имѣть вѣдати, что хотять церковь покрасти, а она мужу своему не скажеть,—распустити». Церковный уставъ перечисляетъ, однако, не всѣ поводы Прохирона; кромѣ прелюбодѣянія жены и злоумышленія ея на жизнь мужа, онъ упоминаетъ еще только о приведенныхъ подъ №№ 3, 4, 5 и 6 Но трудно думать, чтобы и эти византійскіе поводы имѣли въ нашей практикѣ примѣненіе. Общія бани для мужчинъ и женщинъ существовали у насъ еще въ XVII вѣкѣ и, конечно, пользованіе ими не было причиною развода.

Изъ практики князей знаемъ, что разводъ допускался

у насъ по такимъ поводамъ, которые вовсе были неизвѣстны кормчимъ. Великій князь московскій Семенъ Ивановичъ развелся съ своей женой, Евпраксіей, потому что она будто бы была испорчена и казалась ему мертвой, когда съ нимъ лежала. Другой московскій князь, Василій Ивановичъ, развелся съ своей женой, Соломоніей, по причинѣ ея безплодія. По волѣ великаго князя княгиня должна была постричься. Герберштейнъ разсказываетъ, что она очень неохотно подчинилась этому насилію. Она плакала и кричала, когда митрополитъ въ монастырѣ рѣзалъ ей волоса; а когда онъ подалъ ей куколь, она не допустила надѣть его на себя, бросила на землю и топтала ногами. Иванъ Шихона, приближенное лицо къ князю, не только бранилъ ее за это, но и ударилъ плетью, сказавъ: смѣешь ли противиться волѣ государя и медлить исполненіемъ его приказаній? Когда Соломонія спросила, по какому праву онъ бьетъ ее, Шигона отвѣтилъ: по приказанію государя. Тогда княгиня объявила, что надѣваетъ монашеское платье по принужденію, а не по своей волѣ, и призывала Бога въ мстители за эту неправду.

Кромѣ этихъ спеціально княжескихъ поводовъ къ разводу, въ Москвѣ встрѣчаемъ еще одинъ новый, неизвѣстный византійскому праву; о немъ разсказываетъ Котошихинъ. Если, говоритъ онъ, мужъ и жена жили не въ совѣтѣ (т.-е. не въ мирѣ, недружелюбно), если мужъ билъ и увѣчилъ жену, то она могла чрезъ посредство родственниковъ подать жалобу архіерею, и архіерей назначалъ судъ и слѣдствіе: спрашивали людей окольныхъ и если дѣйствительно оказывалось, что мужъ нехорошо обращался съ женой, его отдавали на полгода и болѣе въ монастырь для смиренія. Если оказывалось, что и послѣ освобожденія изъ монастыря мужъ снова билъ свою жену, то родственники могли опять жаловаться архіерею, который назначалъ новое изслѣдованіе. Если при этомъ обнаруживалось, что мужъ дѣйствительно нехорошо обращается съ женою, то давали разводъ, причемъ движимости дѣлились между супругами

пополамъ. По прошествіи семи лѣтъ съ момента развода разведенные могли вступить въ новый бракъ.

Бракъ расторгался ссылкой, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что ссылка только для мужа вела къ расторженію брака, если жена ссылалась; но если мужъ ссылался, жена должна была слѣдовать за нимъ. Если разводъ совершался вслѣдствіе прелюбодѣянія жены, она заключалась въ монастырь.

Церковный уставъ Владиміра предоставляетъ «роспусть», т.-е. разводъ, вѣдѣнію духовнаго суда. Такую же подсудность установляетъ и грамота смоленскаго князя Ростислава. Эти статьи нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что съ принятія христіанства браки расторгаются у насъ только по опредѣленію духовнаго суда. Въ церковномъ уставѣ Ярослава читаемъ: «Аже пустить бояринъ великъ жену безъ вины, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 гривенъ золота... а князь казнитъ». Затѣмъ идетъ опредѣленіе послѣдствій такого же дѣянія для нарочитыхъ людей и простой чади. Изъ этой статьи слѣдуетъ, что мужья сами отпускаютъ своихъ женъ. Но если они дѣлаютъ это безъ достаточнаго основанія, то по жалобѣ недовольной стороны епископъ привлекаетъ ихъ къ своему суду. Результатомъ суда является не возстановленіе брака, а уплата штрафа и гражданская казнь. Такимъ образомъ, и по принятія христіанства мужья прекращаютъ браки самовольно, подвергаясь за это только денежнымъ штрафамъ и еще какимъ-то наказаніямъ по усмотрѣнію князей.

Та же живучесть до-христіанскихъ обычаевъ видна и изъ поученія митрополита Фотія (1410—1431, Д. къ А. И. I. № 181) священникамъ и инокамъ, въ которомъ митрополитъ жалуется на то, что многіе вступаютъ въ браки и расторгаютъ ихъ «безъ всякаго разсужденія святительскаго, правильнаго». Въ подобномъ же поученіи священнослужителямъ неизвѣстнаго автора (около 1499 г., А. И. I. № 109) читаемъ: «На тотъ бракъ не ходи, идѣже двоеженецъ или троеженецъ, или мужъ жену пустить, или жена мужа пустить безъ вины, или въ племени поймутся, никакоже не

ходи». Такимъ образомъ, въ XV еще вѣкѣ браки устанавливаются и прекращаются съ нарушенiемъ принятыхъ церковью правилъ. Къ освященiю такихъ неправильныхъ браковъ приглашаются священники и вѣнчаютъ ихъ. Духовныя власти не имѣютъ другого средства борьбы, кромѣ воспрещенiя священникамъ участвовать въ заключенiи такихъ браковъ [1]).

Въ XVI и XVII в. донскiе казаки вступали въ бракъ безъ церковнаго освященiя, и расторгали его самовольно. Обыкновенно дѣло происходило такъ: мужъ, не желавшiй жить съ своею женою, являлся въ «кругъ» и объявлялъ, что отпускаетъ жену. Этого было довольно для расторженiя брака. Находились охотники, которые тутъ же брали отпущенную себѣ въ жены, въ знакъ чето набрасывали на нее свитку.

11. Союзъ родителей и дѣтей

Личныя и имущественныя отношенiя родителей и дѣтей

У народовъ на первыхъ ступеняхъ историческаго развитiя дѣти состоятъ подъ неограниченною властью отца. Въ настоящее время на отцѣ лежитъ обязанность заботиться о своихъ дѣтяхъ, онъ не можетъ ихъ бросить на произволъ судьбы или убить, если они обременяютъ его; напротивъ, въ древности отъ отца зависѣло признать за родившимся ребенкомъ право на дальнѣйшую жизнь или нѣтъ. Съ такими же порядками встрѣчаемся и у современныхъ дикарей.

---

[1]) Этотъ порядокъ вещей продолжается еще въ XVIII в. Въ 1730 г. послѣдовалъ указъ, воспрещающiй священникамъ прикладывать руки къ разводнымъ письмамъ, которыя составляли супруги съ цѣлью развода. Несмотря на это запрещенiе, супруги продолжаютъ выдавать другъ другу разводныя письма и во второй половинѣ XVIII в. Въ 1770 г жена малоросса, Григ. Шевченкова, дала, по своей болѣзни, мужу своему увольнительное письмо при свидѣтеляхъ, въ которомъ дозволяетъ ему жениться на другой. А. Лебедевъ, о брачныхъ разводахъ, 27.

Нѣкоторые изъ нихъ пользуются своимъ правомъ—убивать дѣтей—въ широкихъ размѣрахъ. Путешественники разсказываютъ, что на островахъ Таити болѣе двухъ третей рождаемыхъ дѣтей убивается родителями. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай оставлять въ живыхъ только послѣдняго (предположительно) ребенка. Въ Муррeѣ (Австралія) отецъ иногда убиваетъ своего маленькаго сына, чтобы наживить его мясомъ свои удочки (Спенсеръ, Основ. соц. I, 69). Причина этому лежитъ, въ значительной степени, въ неудовлетворительности экономическаго положенія дикарей: ребенокъ отвлекаетъ жену отъ работы и составляетъ, такимъ образомъ, тяжесть, отъ которой и освобождаются путемъ убійства. Такіе же обычаи находимъ и у предковъ европейскихъ народовъ, стоящихъ теперь на высокой степени культуры. У древнихъ германцевъ отъ воли отца зависѣло признать за новорожденнымъ право на жизнь или нѣтъ (aussetzen, Aussetzung). Новорожденнаго клали къ ногамъ отца, и если онъ поднималъ его, это значило, что онъ желалъ его воспитывать, а если оставлялъ на полу, то ребенокъ считался брошеннымъ на произволъ судьбы и умиралъ голодною смертью, если не оказывалось охотниковъ взять его на воспитаніе. Поднятый ребенокъ (Hebamme) окропляется водой и получаетъ имя (Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer 455 сл.). Этотъ обычай извѣстенъ былъ грекамъ и римлянамъ. У римлянъ susceptio—воспринятіе. О галлахъ Цезарь говоритъ, что они имѣли право жизни и смерти надъ своими дѣтьми. Неменьшею суровостью отличалась отеческая власть и у балтійскихъ славянъ: «отношенія родителей къ дѣтямъ были суровы, даже жестоки; родители полновластно распоряжались жизнью своихъ дѣтей и могли, если не хотѣли воспитывать ихъ, убить младенца, особливо дочь, что случалось весьма часто» (Гильфердингъ, 43).

Суровое право выбрасыванія дѣтей выходитъ изъ употребленія по мѣрѣ распространенія христіанства. Духовенство высказывается противъ выбрасыванія даже уродовъ. Допускалось бросать въ Германіи только новорожденныхъ,

неимѣющихъ человѣческаго лица и голоса. Такихъ относили на кладбище, клали въ яму и закрывали камнемъ, но такъ, чтобы земли на ребенкѣ не было. Въ такомъ положеніи онъ оставался, пока не умиралъ (Wilda, 724).

Историки германскаго права жалуются на недостаточность источниковъ по вопросамъ о древнѣйшихъ личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ (Zoepfl, 615). Личныя отношенія возбуждаютъ, однако, менѣе недоразумѣній. Суровое право родителей наказывать своихъ дѣтей, простирающееся даже до права убить виновнаго, не подлежитъ сомнѣнію. По германскому праву отецъ могъ убить дочь за прелюбодѣяніе. Чешское право предоставляетъ отцу убить дочь даже въ томъ случаѣ, если она добровольно шла за похитителемъ. По германскому праву отецъ могъ продавать дѣтей своихъ въ рабство (Pardessus, Loi Salique, 455; Grimm, 461).

Трудно допустить, чтобы на ряду съ такой строгой личной зависимостью дѣтей отъ родителей могла развиться имущественная ихъ самостоятельность. Конечно, сынъ могъ что-либо пріобрѣсти себѣ, но историки германскаго права признаютъ, что отецъ могъ обращать доходы съ имущества дѣтей на общія потребности семейства (Zoepfl, 616).

Строгая отеческая власть, свойственная первобытнымъ народамъ, наиболѣе полное и точное выраженіе свое получила въ древнемъ римскомъ правѣ. Римская отеческая власть (patria potestas) простирается не только на дѣтей, но и на всѣхъ нисходящихъ (внуковъ и т. д.), которые входятъ въ составъ фамиліи (агнаты) римскаго гражданина. Отеческая власть простирается на лицо и имущество состоящихъ подъ властью. Власть надъ лицемъ крайнее свое выраженіе имѣетъ въ правѣ отца надъ жизнью и смертью (jus vitae ac necis) подвластныхъ. Только съ теченіемъ времени право уголовныхъ наказаній перешло къ представителямъ публичной власти, у отца же осталось право наказаній въ менѣе тяжкихъ случаяхъ.

Власть отца въ имущественномъ отношеніи состояла въ

томъ, что имущественныя права подвластныхъ поглощались преобладающимъ правомъ главы семейства. Всякое имущество, какое они получали, пріобрѣталъ (ipso jure) отецъ. Отецъ былъ persona sui juris, дѣти homines alieni juris. Съ теченіемъ времени и здѣсь произошли ограниченія. Подвластные получили право свободно распоряжаться, во время жизни и на случай смерти, всѣмъ тѣмъ, что они пріобрѣтали на военной или гражданской службѣ (castrense vel quasi castrense peculium). По отношенію же ко всякому другому имуществу права ихъ были ограничены правами отца. Все, что они получали отъ отца или сами пріобрѣтали на его средства (paganum peculium), разсматривается какъ принадлежащее отцу и можетъ быть по усмотрѣнію имъ отобрано. Пріобрѣтенное какимъ-либо инымъ способомъ имущество (bona adventitia), хотя и составляетъ ихъ собственность, но не подлежитъ завѣщательному распоряженію и при жизни отца состоитъ въ его управленіи и пользованіи.

Законодательство императоровъ-иконоборцевъ произвело важныя измѣненія въ характерѣ отеческой власти. Оно вводитъ начало двоевластія въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыя функціи власти предоставляются и матери. По Эклогѣ согласіе на бракъ дѣтей должно быть дано не отцомъ только, но родителями вообще. Если отецъ умиралъ, мать вступала во всѣ его права и могла быть опекуншей своихъ дѣтей; если же она вступала въ новый бракъ, она имѣла право назначить дѣтямъ опекуна. Вмѣстѣ съ этимъ имущественныя права отца, въ случаѣ его смерти, распространялись на мать (Zachariae, Geschichte des griechisch-römischen Rechts 41, 87 сл.).

Наши отечественные источники еще бѣднѣе германскихъ. Мы не имѣемъ указаній на то, что родители могли убивать дѣтей своихъ при рожденіи. Но молчаніе нашихъ источниковъ, въ виду распространенности этого обычая у другихъ народовъ и свидѣтельства иностранныхъ писателей о томъ, что онъ практиковался у нѣкоторыхъ славянъ (Макушевъ, сказанія иностранцевъ, 143; Гильфердингъ, Исторія балтій-

скихъ славянъ, 43);—не можетъ служить доказательствомъ, что такого обычая у русскихъ славянъ вовсе не было (ср. Неволинъ I, 345).

Изъ свидѣтельствъ источниковъ, приведенныхъ выше, въ отдѣлѣ объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, видно, что въ случаѣ преступленія, совершоннаго отцомъ, потоку и разграбленію вмѣстѣ съ отцомъ подлежатъ и дѣти. Изъ этого постановленія надо вывести, что и у насъ дѣти находились въ полной личной и имущественной зависимости отъ родителей.

Изъ лѣтописныхъ источниковъ знаемъ, что отцы рѣшаютъ судьбу своихъ дѣтей, женятъ сыновей и выдаютъ дочерей замужъ въ такомъ раннемъ возрастѣ, когда о личной волѣ дѣтей не можетъ быть и рѣчи. Въ рабство отцы продаютъ себя вмѣстѣ съ дѣтьми, а иногда продаютъ однихъ дѣтей. Только Судебникъ Ивана IV запрещаетъ отцу-рабу продавать своихъ свободныхъ дѣтей. До этого воспрещенія, значитъ, отеческая власть рабствомъ отца не прекращалась и онъ могъ по усмотрѣнію распоряжаться судьбою свободнаго сына.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что отцу принадлежало право наказывать дѣтей, хотя объема этого права мы и не можемъ выяснить по недостаточности источниковъ. Источники XVII вѣка за убійство дѣтей отцомъ налагаютъ очень слабыя наказанія. Это, конечно, не нововведеніе, а отголосокъ древняго безграничнаго права отца наказывать дѣтей.

Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей думаютъ, что древняя русская семья отличалась характеромъ двоевластія, т.-е., что власть надъ дѣтьми принадлежала у насъ обоимъ родителямъ. Это мнѣніе, высказанное Неволинымъ (I, 314), повторяется и новыми изслѣдователями. Въ виду несомнѣнной и тяжелой зависимости жены отъ мужа трудно допустить, чтобы ей могла принадлежать равная съ мужемъ власть надъ дѣтьми [1]).

[1]) Единовластіе русской семьи хорошо отражается и въ пословицахъ русскаго народа: «Всякій домъ хозяиномъ держится», «Безъ хозяина

Мы уже видѣли, что начало двоевластія въ семьѣ введено въ византійское законодательство Эклогой. Несомнѣнно слѣдъ вліянія Эклоги находимъ и у насъ. По Русской Правдѣ опека, по смерти отца, принадлежитъ матери; она завѣдуетъ всѣмъ оставшимся послѣ мужа имуществомъ, дѣти должны быть въ ея волѣ: «сътворити всяко волю ея, а дѣтямъ не дати воли» (III р. 132; сравн. Кормч., Леона царя и Константина, глава 49, зач. II-й, 5). Здѣсь за матерью признана та же власть, какая принадлежитъ отцу, но послѣ смерти отца и подъ вліяніемъ византійскаго права, которымъ надо объяснять и другую статью Правды: «будутъ ли дѣти, то что первоѣ жены, то то возмуть дѣти матери своея, либо си на жену будетъ възложилъ, обаче матери своей возмутъ» III р. 124. Значеніе этой статьи и ея источникъ вполнѣ выяснены Неволинымъ. «Отецъ, у котораго были бы дѣти отъ первой жены, не имѣетъ права назначить своей второй женѣ что-либо изъ имущества ихъ матери; дѣти его отъ первой жены должны получить имущество своей матери, хотя бы онъ отказалъ что-нибудь изъ этого имущества своей второй женѣ. Здѣсь принимается, что мужъ удерживаетъ въ своемъ владѣніи имущество, оставшееся по смерти его жены, но въ то же время постановляется, что это имущество принадлежитъ въ собственность дѣтямъ его отъ покойной жены, и онъ не въ правѣ отказать что-либо изъ него своей второй женѣ. Это постановленіе не только по содержанію, но и по способу изложенія совершенно сходно съ Эклогой» (I, 345 стр.). Вышеприведенное постановленіе Правды о подчиненіи дѣтей матери точно также соотвѣтствуетъ Эклогѣ и по содержанію, и по формѣ (Неволинъ I, 351).

Церковный уставъ Владиміра предоставилъ дѣла о на-

домъ и сиръ и вдовъ», «Не домъ хозяина красить, а хозяинъ домъ», «Хозяинъ въ дому, что медвѣдь въ бору, что какъ хочетъ, такъ и ворочатъ», «Хлѣбъ соль кушай, а хозяина слушай», «въ Польшѣ нѣтъ хозяина больше», «Хозяинъ, что чирій, гдѣ захотѣлъ, тамъ и сѣлъ», «Всякъ хозяинъ въ своемъ дому большой». Даль, II 90 и сл.

слѣдствѣ вѣдомству духовенства, а потому понятно, что обѣ статьи Правды, въ которыхъ, въ связи съ вопросами о наслѣдственномъ правѣ, рѣчь идетъ и объ имущественныхъ отношеніяхъ родителей и дѣтей, опредѣлились согласно съ постановленіями византійскаго права, которымъ руководствовалось духовенство.

Какъ далеко шло примѣненіе началъ византійскаго права и насколько видоизмѣнялось оно подъ вліяніемъ отечественной практики, объ этомъ, за исключеніемъ двухъ приведенныхъ статей, мы ничего не знаемъ; судя же по выраженію 113 ст. Карамз. сп.: «творити всяко волю ея, а дѣтямъ не дати воли», надо думать, что духовные суды скорѣе были склонны усиливать отеческую власть, чѣмъ ослаблять ее признаніемъ имущественной самостоятельности дѣтей.

Неволинъ, исходя изъ того предположенія, что у дѣтей могло быть свое имущество, думаетъ, что между дѣтьми и родителями могли быть тяжбы отъ имуществѣ, и подтверждаетъ свое мнѣніе ссылкою на церковный уставъ Владиміра, въ которомъ къ вѣдомству духовныхъ судовъ отнесены дѣла о наслѣдствѣ: «братья или дѣти тяжються о задницю».

Что у взрослыхъ дѣтей могло быть свое имущество, что это имущество могло служить поводомъ къ спорамъ и даже ссорамъ между родителями и дѣтьми, все это очень вѣроятно. Но наши источники ничего не говорятъ о судебной охранѣ имущества дѣтей противъ захвата родителями. Статья Владимірова устава говоритъ о тяжбахъ между братьями (послѣ смерти одного изъ нихъ) или между дѣтьми (послѣ смерти отца), а не о спорахъ дѣтей съ родителями.

Можно думать, что родители еще при жизни иногда надѣляли дѣтей изъ своего имущества. Такое надѣленіе, конечно, совершенно зависѣло отъ воли отца и могло быть имъ уничтожено. Исключеніе составляетъ надѣленіе дочерей при выходѣ замужъ. Приданое, конечно, не могло быть взято обратно.

Въ московскую эпоху не встрѣчаемъ еще постановленій, которыми бы сколько-нибудь ограничивалась власть отца въ личныхъ его отношеніяхъ къ дѣтямъ. Отцы представляются неограниченными распорядителями участи своихъ дѣтей: женятъ ихъ по усмотрѣнію, посвящаютъ ихъ Богу, могутъ поступить съ ними въ кабалу и даже продавать дѣтей въ рабство. Судебникъ 1550 г. запращаетъ только отцу-рабу продавать своихъ свободныхъ дѣтей въ рабство. Право наказывать дѣтей почти не имѣло предѣловъ, такъ какъ за ихъ убійство отецъ подвергался только заключенію въ тюрьму на годъ. Дѣтямъ не только не было предоставлено право жаловаться на родителей, но за всякую жалобу они подлежали наказанію кнутомъ, съ прибавленіемъ «нещадно». Только при Петрѣ Великомъ наше законодательство дѣлаетъ попытку ввести власть родителей въ нѣкоторые предѣлы.

Въ московскихъ памятникахъ находимъ указанія, что у дѣтей, при жизни родителей, бываетъ свое имущество, которое они пріобрѣтаютъ куплею и другими способами; что родители выдѣляютъ части дѣтямъ изъ своего имущества и дѣти живутъ съ ними въ раздѣлѣ; имѣемъ одну купчую, которая написана отъ имени отца и сына. Но имущественная личность сына не имѣла никакой законной охраны и вполнѣ зависѣла отъ доброй воли отца. Отецъ могъ выдѣлить еще при жизни своей часть сыну, но могъ и не выдѣлить, и даже выдѣленное взять обратно. Отецъ могъ даже распоряжаться кабальными людьми своего сына, — онъ могъ отпускать ихъ на волю (Ул. XX, 106). Серпуховскій князь Владиміръ Андреевичъ въ своей духовной распоряжается даже куплями сына своего Ивана. Его куплю онъ даетъ другому своему сыну Андрею, а Ивану даетъ вмѣсто того часть въ другомъ мѣстѣ (Рум. собр. I, № 40). Князья, конечно, не составляли исключенія, они дѣлали то же, что и всѣ.

Нѣкоторыя выраженія источниковъ наводятъ, однако, нашихъ изслѣдователей на мысль, что въ разсматриваемое время имущество принадлежало собственно не отцу, а семьѣ

въ цѣломъ ея составѣ, и дѣти, по обшему правилу, были участниками въ этой семейной собственности. Въ пользу этого мнѣнія приводятъ довольно употребительное выраженіе въ купчихъ грамотахъ: «купилъ себѣ и дѣтямъ», изъ чего и заключаютъ, что отецъ покупаетъ не себѣ лично, а себѣ и дѣтямъ. Но это выраженіе вовсе не значитъ, что дѣти были собственниками купленнаго отцемъ имущества, что для дальнѣйшаго распоряженія имъ требовалось ихъ согласіе; оно значитъ только, что отецъ купилъ имущество въ полную собственность, въ прокъ. Мы имѣемъ купчія грамоты однихъ и тѣхъ же лицъ, изъ которыхъ видно, что то, что́ куплено себѣ и дѣтямъ въ прокъ, потомъ отчуждается однимъ отцомъ, хотя дѣти у него и были. Такія отчужденія признаются въ полной силѣ. Въ Юр. Ак. сохранился споръ Гаврилки Попова съ митрополичьими крестьянами о деревнѣ Васильевской, куплѣ его дѣда. Оказалось, что дѣдъ истца продалъ эту деревню. Куплена же она была имъ въ прокъ, себѣ и дѣтямъ, а продана только отъ его собственнаго имени. Внукъ не оспариваетъ правильности продажи, не говоритъ, что отчужденіе недѣйствительно потому, что дѣти продавца въ немъ не участвовали. Когда отвѣтчики выложили купчую, истецъ сказалъ, «что онъ того не вѣдалъ», и только (№ 12). Въ Указѣ 1683 г. прямо объяснено, «что себѣ и дѣтямъ» не значитъ, что дѣти сопокупщики. Кто желалъ купить вмѣстѣ съ дѣтьми, тотъ долженъ былъ поименно означить дѣтей сопокупщиковъ.

Самостоятельныя права дѣтей на имущество развились у насъ, надо думать, на помѣстной почвѣ. Молодые люди съ 15-лѣтняго возраста были обязаны уже нести военную службу. Они верстались и получали помѣстья въ отводъ отъ отцовъ: это имущество не зависѣло уже отъ усмотрѣнія отца. Но дѣло пошло и далѣе. Не всегда можно было надѣлять дѣтей особыми помѣстьями, иногда они припускались къ отцовскимъ. Въ этихъ случаяхъ дѣти смотрѣли и на отцовскія помѣстья какъ на имущество, имѣющее, по

смерти отцовъ, обезпечивать ихъ собственное служебное положеніе. Мы имѣемъ указанія, что дѣти вмѣшивались въ распоряженія отцовъ помѣстьями, если находили ихъ невыгодными для себя, и жаловались на отцовъ. Московская практика относилась къ такимъ жалобамъ различно. Иногда она удовлетворяла дѣтей, иногда отказывала на основаніи Уложенія, которое запрещаетъ вѣрить челобитьямъ дѣтей на родителей (П. С. З. № 633). Такимъ образомъ жалобы дѣтей на невыгодную для нихъ мѣну помѣстій, произведенную родителями, представляютъ въ нашей практикѣ первые случаи, когда имущественнымъ правамъ дѣтей была оказана судебная защита.

Установленіе

Союзъ родителей и дѣтей установляется: 1) рожденіемъ въ законномъ бракѣ. До принятія христіанства у насъ различались водимыя жены отъ наложницъ, а потому могли различаться и дѣти, рожденныя въ бракѣ, отъ дѣтей, прижитыхъ внѣ брака. Но соединялись ли какія послѣдствія съ этимъ возможнымъ различіемъ, мы не знаемъ. Наоборотъ, есть основаніе думать, что этому различію не придавали большого значенія. Владиміръ Святой былъ прижитъ Святославомъ отъ ключницы Ольги, Малуши; полоцкая княгиня Рогнѣда называетъ его рабыничемъ, т.-е. сыномъ рабы. Раба матери Святослава, конечно, не могла быть его водимой женой, а была наложницей. Но это не мѣшаетъ Владиміру считаться внукомъ Ольги (Лаврент. лѣт. подъ 968 годомъ) и занять сперва новгородскій, а потомъ и кіевскій столъ.

Съ подчиненіемъ браковъ и дѣлъ о наслѣдствѣ церкви, различіе между законными и незаконными дѣтьми должно было обозначиться рѣзче. Духовенство несомнѣнно руководилось постановленіями византійскаго права. Статья Русской Правды: «Аже будутъ робьи дѣти у мужа, то задници имъ не имати; но свобода имъ съ матерью» (III р. 128) есть, конеч-

но, опытъ примѣненія новыхъ началъ къ русской жизни. Но и христіанскіе князья не только приравнивали незаконныхъ дѣтей къ законнымъ, но даже давали имъ преимущество. Святополкъ-Михаилъ посадилъ во Владимірѣ сына Мстислава «иже бѣ ему отъ наложницѣ» (Лавр. 1097 г.), а Ярославъ Владиміровичъ, галицкій князь, все свое княженіе отдалъ незаконному сыну Олегу Настасьичу, а законному, Владиміру, далъ всего одинъ городъ Перемышль (Ипат. 1187). Эти до-христіанскіе народные обычаи до нашихъ дней сохранились кое-гдѣ въ Архангельской губерніи, гдѣ незаконныя дѣти имѣютъ равную долю въ наслѣдованіи съ законными (Ефименко 53).

Въ московскую эпоху требованія церкви получаютъ все болѣе и болѣе господства; дѣти, прижитыя внѣ брака, остаются незаконными и въ томъ случаѣ, если бы родители ихъ впослѣдствіи вступили въ бракъ, ихъ не дозволялось усыновлять.

2) Усыновленіемъ. Этотъ способъ установленія союза родителей и дѣтей, надо думать, былъ извѣстенъ и до принятія христіанства. О порядкѣ усыновленія и правахъ усыновленныхъ для этого древнѣйшаго времени въ нашихъ источникахъ нѣтъ указаній. Въ эпоху же послѣ принятія христіанства духовенство, при рѣшеніи вопросовъ объ усыновленіи, руководствовалось постановленіями византійскаго права, какъ это видно изъ грамоты митрополита Кипріяна отъ 1404 года (Акт. Ист. I, № 255). На вопросъ бездѣтной вдовы, Ѳеодосіи, о правахъ усыновленнаго ею съ мужемъ «пріимычка», онъ отвѣчалъ: «И язъ, Кипріянъ митрополитъ, воззрѣвъ есмо въ намаконумъ, да изнашелъ есми правило:... яко пріимникъ наслѣдуетъ отца и матерь, пріимшихъ его; аще и родныя дѣти будутъ у нихъ, и тотъ ровенъ съ дѣтьми родными, и тому такова же доля; а не будетъ дѣтей родныхъ, наслѣдуетъ отца и матерь, пріемшихъ его, аще будетъ сынъ или дчи пріимникъ». Самое усыновленіе произошло безъ всякаго участія духовенства. Поводъ къ нему состоялъ въ желаніи имѣть наслѣдника, который

поминалъ бы души бездѣтныхъ супруговъ. Усыновленіе въ данномъ случаѣ стоитъ въ связи съ религіозными воззрѣніями, но не только не исключительно съ христіанскими, но даже менѣе съ христіанскими, чѣмъ съ языческими. При существованіи церкви заботу о душѣ можно поручить ей, что, обыкновенно, и дѣлалось. Въ языческое же время принесеніе жертвъ усопшему составляло исключительную обязанность его дѣтей. Въ приводимомъ вдовой Ѳеодосіей поводѣ усыновленія можно видѣть отголосокъ глубокой древности. Распространеніе, согласно кормчей, на усыновленнаго правъ законныхъ дѣтей, чего именно и хотѣли усыновители, могло совершенно соотвѣтствовать древнимъ народнымъ обычаямъ. По обычному праву крестьянъ и теперь усыновленные пользуются всѣми правами законныхъ дѣтей (Ефименко, Сбор. юридич. об. Арханг. губ., стр. 53).

Въ Московскомъ государствѣ усыновленіе подлежало только одному ограниченію: нельзя было усыновлять незаконныхъ дѣтей. На усыновленнаго переходили всѣ права законныхъ даже въ томъ случаѣ, если усыновляющій имѣлъ уже дѣтей. Существовалъ особый обрядъ усыновленія при участіи церкви.

Прекращеніе

Въ первобытномъ состояніи общества дѣти, достигнувъ возраста, въ которомъ могутъ сами о себѣ заботиться, нерѣдко уходятъ отъ своихъ родителей. Такой способъ прекращенія союза родителей и дѣтей наблюдаютъ, напримѣръ, среди дикарей острова Борнео (Спенсеръ, Осн. соц. I. 69). Это явленіе объясняется самымъ характеромъ первобытной отеческой власти, которая сложилась не столько въ интересахъ дѣтей сколько въ интересахъ отца. По мѣрѣ возростанія дѣтей и появленія въ нихъ сознанія личныхъ силъ, отеческая власть, строго примѣняемая, могла вызывать противодѣйствіе съ ихъ стороны, могла порождать взаимныя столкновенія, которыя и приводили къ удаленію.

Историки нѣмецкаго права признаютъ, что германская отеческая власть (mundium) прекращалась для сыновей съ достиженіемъ совершеннолѣтія, а для дочерей съ выходомъ ихъ замужъ. Но въ древнѣйшее время совершеннолѣтіе опредѣлялось не достиженіемъ опредѣленныхъ лѣтъ, а физической зрѣлостью индивидуума (Zoepfl, 583, 517), т.-е. достиженіемъ такой физической и умственной зрѣлости, при которой строгая отеческая власть могла оказаться непримѣнимой. Позднѣе королевскими эдиктами время совершеннолѣтія было опредѣлено годами и за совершеннолѣтними сыновьями было даже признано право въ извѣстныхъ случаяхъ ограничивать волю отца.

Изъ нашихъ источниковъ видно, во-1-хъ, что совершеніе отцомъ важнаго преступленія, которое вело къ ссылкѣ или рабству, не разрушало союза родителей и дѣтей: дѣти слѣдовали за отцомъ. Дѣйствіе этого правила примѣнялось, конечно, къ дѣтямъ, которыя жили съ отцомъ, не выдѣлились изъ семейства и не вели самостоятельнаго хозяйства.

Во-2-хъ, изъ Псковской судной грамоты знаемъ, что сыновья, которые уходили изъ дому родительскаго и не кормили отца и мать до смерти, лишались наслѣдства (53). Изъ этой статьи надо вывести, что и у насъ взрослые сыновья прекращали союзъ съ родителями самовольнымъ уходомъ. Псковская судная грамота соединяетъ съ такимъ уходомъ невыгодныя для дѣтей послѣдствія, но уходъ, тѣмъ не менѣе, остается совершившимся фактомъ. Къ такому прекращенію союза прибѣгали даже князья, оставляя своихъ отцовъ и соединяясь съ ихъ врагами (Ростиславъ Юрьевичъ). Факты этого рода наводятъ на мысль, что и у насъ достиженіе дѣтьми физической зрѣлости, если и не прекращало, по общему правилу, отеческой власти, то должно было вести къ ея ограниченію и смягченію: родителямъ, если они хотѣли сохранить дѣтей въ семействѣ, приходилось считаться съ ихъ волею. Но степень этого ограниченія всегда зависѣла отъ личныхъ свойствъ сторонъ: характеры слабые могли до сѣдыхъ волосъ оставаться подъ неограниченной отече-

ской властью, тогда какъ энергическіе или завоевывали себѣ значительную долю самостоятельности, или оставляли отеческій домъ. Ярославъ Владиміровичъ, сидя въ Новгородѣ, не только вышелъ изъ повиновенія волѣ отца, но даже приготовился отразить его силою, призвавъ къ себѣ на помощь варяговъ. Только смерть Владиміра остановила эти обоюдныя приготовленія къ войнѣ (Лавр. 1015). Случаи враждебныхъ отношеній родителей и дѣтей всегда, конечно, составляли исключеніе, но самая возможность ихъ должна была умѣряющимъ образомъ дѣйствовать на отношенія родителей къ возмужавшимъ дѣтямъ.

Въ-3-хъ. По отношенію къ дочерямъ власть отеческая прекращалась выдачею ихъ замужъ. Это слѣдуетъ изъ того, что, выходя замужъ, онѣ поступали подъ власть мужа, которая, конечно, исключала власть отца.

Въ Московскомъ государствѣ возникаетъ веденіе актовъ, удостовѣряющихъ семейное положеніе лицъ. Съ первой попыткой къ этому встрѣчаемся въ 1660 г., когда было предписано духовенству завести книги для записыванія рожденій, браковъ и смерти. Кажется, это предписаніе не было приведено въ исполненіе.

III. Опека

Древнѣйшая исторія знаетъ опеку малолѣтнихъ и опеку женщинъ. Опека малолѣтнихъ есть институтъ, восполняющій отсутствіе отеческой власти. Въ первое время забота о малолѣтнихъ есть дѣло семьи, а не государства; государство только съ теченіемъ времени приходитъ къ сознанію обязанности заботиться объ огражденіи ихъ правъ.

По германскому праву въ опекѣ состояли не только малолѣтніе сироты, но и взрослыя женщины (половая опека). Для тѣхъ и другихъ опека есть продолженіе отеческой власти (mundium). Опекунъ представлялъ опекаемыхъ на судѣ, управлялъ ихъ имуществомъ, выдавалъ дѣвицъ замужъ и

получалъ ихъ цѣну и т. д. Въ права опекуна, по смерти отца, самъ собой (tutela legitima) вступалъ ближайшій агнатъ (Zoepfl, стр. 619 сл.).

Древнее римское право также знало опеку малолѣтнихъ и опеку женщинъ. Первоначально опека была семейнымъ дѣломъ, въ которое публичная власть не вмѣшивалась. Опека установлялась: 1) завѣщаніемъ отца семействаа (tutela testamentaria); назначить опекуна своимъ дѣтямъ есть логическое слѣдствіе правъ отеческой власти. 2) Если посмертнаго распоряженія не сдѣлано, къ опекѣ призывается ближайшій агнатъ (tutela legitima). По мѣрѣ того, какъ государство начинаетъ озабочиваться судьбою малолѣтнихъ, возникаетъ третій способъ установленія опеки: назначеніе опекуна представителемъ власти, преторомъ и проч. (tutela dativa). Древнее право не допускаетъ женщинъ къ опекѣ, ибо онѣ сами состоятъ подъ опекой. Въ позднѣйшемъ правѣ хотя половая опека и вышла изъ употребленія, но женщины все же не допускаются къ опекѣ, какъ онѣ не допускаются и къ публичнымъ должностямъ. Исключеніе было сдѣлано для матери и бабки.

Это нововведеніе римскаго права отразилось и въ германскомъ законодательствѣ тѣхъ народовъ, къ которымъ римскія идеи нашли первый доступъ. Законы бургундовъ и вестготовъ, въ нарушеніе народныхъ германскихъ обычаевъ, признаютъ за матерью право быть опекуншей своихъ дѣтей (Zoepfl, 620).

Эклога въ порядокъ опеки вноситъ много новаго: 1) Если жена пережила мужа, она удерживаетъ въ своей власти какъ свое приданое, такъ и все имущество, оставшееся послѣ мужа, и управляетъ всѣмъ домомъ. Всему имуществу должна быть сдѣлана точная опись; въ опись вносилось и приданое жены и все то, что она могла имѣть сверхъ приданаго. Дѣти не имѣютъ права противиться волѣ матери или требовать выдачи отцовскаго наслѣдства. Они должны оказывать ей повиновеніе. Матери принадлежитъ право воспитывать дѣтей, выдавать замужъ и награждать дочерей приданымъ

по своему усмотрѣнію. Всѣ эти права принадлежатъ ей, пока она не вздумаетъ вступить въ новый бракъ. При вступленіи же въ новое супружество она возвращаетъ дѣтямъ все имущество отца безъ «оскудѣнія» (Кормч. Леона царя и Константина, зачатокъ II, 5, ср. Leunclavii juris graeco-romani т. II, стр. 103). Но если мать остается вдовой, она можетъ пользоваться своими правами до самой смерти своей. По достиженіи совершеннолѣтія всѣми дѣтьми, ей предоставляется право выбора: она можетъ, взявъ свою часть, освободить дѣтей отъ своей власти или попрежнему продолжать управлять всѣмъ домомъ. Такимъ образомъ, до достиженія совершеннолѣтія младшимъ изъ дѣтей, мать даже не можетъ отказаться отъ управленія имуществомъ покойнаго мужа (Zachariae Gesch. 69).

2) Если мать, вступивъ въ новое супружество, не испроситъ опекуна дѣтямъ, въ такомъ случаѣ отвѣтственность за всѣ убытки, какіе могутъ оказаться въ имуществѣ дѣтей отъ перваго брака, падаетъ на имущество второго супруга (Кормч., Леона и Конст., Зачат. II, 7. ср. Leunclavii II, стр. 105, гл. 21).

3) Если умерли отецъ и мать, не назначивъ въ завѣщаніи опекуна, въ такомъ случаѣ опека принадлежитъ церковнымъ учрежденіямъ, а не агнатамъ или какимъ-либо инымъ частнымъ лицамъ (Zachariae, 106).

Кромѣ постановленій Эклоги у насъ были еще извѣстны постановленія Прохирона. Титулъ XXXVI Прохирона опредѣляетъ кому и кѣмъ дается опекунъ (или кураторъ). Большинство статей этого памятника говоритъ о tutela dativa. Только послѣдняя статья имѣетъ, кажется, въ виду законную опеку: «ближній сродникъ приставникъ бываетъ; аще же мнози будутъ тогожде степене, вси приставницы бываютъ» (Proximus cognatus tutor est; et si plures eundem optinent gradum, omnes tutores fiunt).

Статьи Русской Правды, относящіяся къ опекѣ, носятъ на себѣ несомнѣнный слѣдъ вліянія византійскаго права. Изъ нихъ видно, что наша практика руководствовалась и Эклo-

гой и Прохирономъ и еще нѣчто прибавила къ нимъ отъ себя.

По Русской Правдѣ, если по смерти отца осталась въ живыхъ мать, никакого опекуна не нужно. Мать всѣмъ управляетъ. Объ опекунѣ поднимается рѣчь только въ томъ случаѣ, если мать «поидеть замужь» (III р. 129). Въ случаѣ вступленія во второй бракъ, мать должна возвратить дѣтямъ отъ перваго брака все имущество ихъ отца. Если что растеряетъ, должна возвратить изъ своего (III р. 131). Это все по Эклогѣ.

Эклогою же надо объяснять и конецъ 129 ст. «Аще же и отчимъ пріиметь дѣти съ задницею, то тако же есть рядъ», т.-е. отчимъ долженъ уплатить пасынкамъ все, что растеряетъ изъ ихъ наслѣдства. По Эклогѣ вотчимъ не можетъ быть опекуномъ. Но она предусматриваетъ тотъ случай, когда мать вступитъ во второй бракъ, не испросивши опекуна, и возлагаетъ отвѣтственность на имущество отчима за всѣ убытки, которые могутъ потерпѣть пасынки во время второго брака ихъ матери. Эту самовольную опеку отчима и имѣетъ въ виду 129 статья. Думать, что отчимъ по Русской Правдѣ могъ быть опекуномъ по общему правилу, невозможно. Въ статьѣ 129-й читаемъ: «А мати ихъ поидеть замужь, то кто имъ ближни будеть, тому же дати на руцѣ...» Въ случаѣ второго брака, такимъ образомъ, дѣти отдаются на руки ближнему родственнику, а не отчиму.

Выраженіе «дати на руци» напоминаетъ нѣсколько языкъ Прохирона, въ которомъ читаемъ: и нѣмому дается приставникъ» или «воеводы вся (omnes municipales magistratus) приставники даютъ» и т. д. Поэтому, въ статьѣ 93 можно видѣть указаніе на участіе въ установленіи опеки органовъ власти (tutela dativa), что соотвѣтствуетъ и Градскимъ законамъ и Эклогѣ, по которой жена, въ такомъ случаѣ, должна испросить опекуна.

Какіе органы власти вѣдали опеку, объ этомъ можно догадываться. Браки и наслѣдственныя дѣла поручены были духовенству; опека такъ близко вяжется съ тѣми и дру-

гими, что, можно думать, духовенство вѣдало и опеку. Чрезъ его посредство византійскія начала и перешли въ нашу практику, а изъ практики въ Русскую Правду.

Вѣдомство опеки духовенствомъ надо, однако, ограничить тѣмъ, что оно назначало опекуновъ и разсматривало жалобы на ихъ дѣятельность, но наши источники не даютъ повода допустить, чтобы опека, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, опредѣленныхъ Эклогой, принадлежала непосредственно духовнымъ учрежденіямъ.

Ближніе родственники принимаютъ движимое имущество опекаемаго при свидѣтеляхъ: «а товаръ дати передъ людьми» (III 129). Это распространеніе на всѣхъ опекуновъ того порядка передачи имущества малолѣтнихъ, какой установленъ Эклогой для матери.

Опекуны-родственники должны возвратить принятое имущество въ цѣлости со всѣмъ приплодомъ отъ рабовъ и скота. Но та прибыль, какую опекунъ могъ получить, пуская въ оборотъ движимости опекаемаго, шла въ его пользу: «а что срѣзить товаромъ тѣмъ ли пригостить, то то ему собѣ, а истый товаръ воротить имъ, а прикупъ ему собѣ, зане кормилъ и печаловался ими» (III р. 129).

Вознагражденіе опекуна римскому праву неизвѣстно, это наша практика. Даровое исполненіе обязанностей опекуна въ смыслѣ отвѣтственной должности у насъ, надо думать, не оказалось возможнымъ провести.

Время прекращенія опеки опредѣлялось въ Русской Правдѣ не достиженіемъ опредѣленнаго возраста, какъ по византійскому праву, а «донелѣ же возмогуть», т.-е. достиженіемъ опекаемыми такой зрѣлости, когда «будутъ сами собой печаловати» (III р. 129).

Объ опекѣ во времена до-христіанскія мы знаемъ очень немногое. Въ источникахъ есть только одно мѣсто, прямо относящееся къ опекѣ: «умершю Рюрикови, предасть княженіе свое Олгови, отъ рода ему суща, вдавъ ему сынъ свой на руцѣ, Игоря, бысть бо дѣтескъ вельми» (Лавр. 879 г.). Здѣсь опека установлена отцемъ въ распоряженіи

на случай смерти. Опекуномъ малолѣтняго назначенъ родственникъ. Этотъ же родственникъ получилъ княженіе Рюрика, но не въ качествѣ опекуна Игоря, а самостоятельно. Олегъ самъ княжилъ, а не управлялъ за малолѣтняго Игоря. Договоръ съ греками написанъ отъ имени Олега, великаго князя русскаго, а не правителя.

Въ Русской Правдѣ (III 129), по которой tutela dativa возлагается непремѣнно на родственниковъ, можно видѣть слѣдъ народныхъ обычаевъ, по которымъ, если отецъ не назначитъ опекуна, опека принадлежала ближайшимъ родственникамъ (tutela legitima).

На существованіе половой опеки (tutela mulierum) въ нашихъ источникахъ нѣтъ указаній.

Статьи Русской Правды не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что въ дѣлахъ по опекѣ у насъ примѣнялись постановленія византійскаго права. Но мы не можемъ утверждать, что они единообразно примѣнялись въ всѣхъ княженіяхъ, и что рядомъ съ византійскимъ правомъ нигдѣ не дѣйствовали русскіе народные обычаи.

Въ московское время права, принадлежащія опекуну, нѣсколько расширились сравнительно съ тѣми, какими онъ пользовался по Русской Правдѣ. Это расширеніе состоитъ въ томъ, что опекунъ не только былъ обязанъ заботиться объ охраненіи имущества малолѣтнихъ, но могъ отчуждать это имущество для уплаты долговъ. Опекаемые, по достиженіи совершеннолѣтія, могли жаловаться на дѣйствія опекуна имъ вредныя.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Вещное право

Введеніе

Вещное право имѣетъ своимъ предметомъ отдѣльныя вещи, подчиненныя господству извѣстнаго лица. Отношеніе

человѣка къ вещамъ можетъ быть различно: 1) онъ можетъ быть собственникомъ вещи, 2) владѣльцемъ и, наконецъ, 3) онъ можетъ имѣть право въ чужой вещи. Всѣ эти три института существеннымъ образомъ различаются между собою.

Подъ собственностью разумѣется право возможно полнаго господства человѣка надъ вещью. Въ содержаніи права собственности различаютъ двѣ стороны: положительную и отрицательную. Положительная состоитъ въ правѣ собственника дѣлать съ вещью, что ему угодно; это право идетъ до уничтоженія вещи. Въ него входитъ право распоряжаться вещью, т.-е. онъ можетъ продавать, дарить, закладывать свою вещь и т. д. Право собственности, однако, не безгранично. Въ видахъ общественнаго блага могутъ быть установлены нѣкоторыя ограниченія собственника: такъ онъ платитъ правительству извѣстныя повинности съ собственности; онъ не можетъ сжечь свой домъ, если пожаръ угрожаетъ опасностью сосѣду и пр. Отрицательная сторона права собственности состоитъ въ томъ, что собственникъ можетъ устранять воздѣйствіе на свои вещи всякаго посторонняго человѣка.

Собственность, какъ всякое право, есть идеальная власть. Внѣшняя форма собственности есть владѣніе [1]), хотя владѣніе и не принадлежитъ къ понятію собственности, но служитъ ей какъ чувственное ея выраженіе. Собственникъ не всегда фактически владѣетъ вещью, онъ можетъ передать владѣніе другому. Но когда онъ владѣетъ самъ, онъ владѣетъ съ сознаніемъ того, что эта вещь его собственность, у него animus rem sibi habendi; воля его направлена къ тому, чтобы владѣть вещью на себя и устранять отъ вмѣшательства въ его владѣніе всякое другое лицо. Владѣніе является симптомомъ собственности [2]). Но наблюденіе

[1]) Нѣмцы говорятъ: Eine Sache besitzen heist eigentlich auf ihr sitzen. У римлянъ possidere идетъ отъ sedere и potis.

[2]) Римляне говорили: dominium a naturali possessione coepit.

Если вещь никому не принадлежитъ, то съ овладѣніемъ ею возникаетъ и собственность; владѣніе непосредственно переходитъ здѣсь

показываетъ, что владѣніе съ наличностью воли владѣть на себя, какъ владѣетъ собственникъ, можетъ встрѣтиться и не у собственника. Такъ владѣть можетъ не только тотъ, кто по ошибкѣ считаетъ себя собственникомъ, но даже воръ. Владѣніе, это фактическое отраженіе собственности, выходитъ такимъ образомъ за предѣлы собственности, существуетъ независимо и отдѣльно отъ нея. Но такъ какъ владѣніе есть симптомъ собственности, то гражданскій оборотъ можетъ быть заинтересованъ въ охраненіи самаго симптома. Дѣйствительно, римское право выработало особый порядокъ охраны владѣнія, отличный отъ порядка охраны собственности. Владѣніе, не вытекающее изъ собственности, но пользующееся особой охраной, перестаетъ быть простымъ фактомъ, оно получаетъ правовой характеръ и называется юридическимъ владѣніемъ. Такого владѣльца надо отличать отъ простого держателя вещи (detentor), у котораго отсутствуетъ animus rem sibi habendi.

Для того, чтобы возникло юридическое владѣніе, нужны два условія: 1) матеріальное господство надъ вещью и 2) такое направленіе воли, при которомъ владѣлецъ желаетъ владѣть вещью на себя, какъ собственникъ.

Собственность пріобрѣтается: 1) путемъ первоначальныхъ способовъ, когда она впервые возникаетъ въ рукахъ извѣстнаго лица. Сюда относится завладѣніе никому не принадлежащими вещами, напримѣръ, дикими животными: кто завладѣлъ ими, тотъ и становится ихъ собственникомъ; сюда же относится завладѣніе во время войны всѣмъ тѣмъ, что̀ принадлежитъ непріятелю, а также завладѣніе тѣмъ, что̀ брошено хозяиномъ. Къ производнымъ способамъ относятся всѣ тѣ, при посредствѣ которыхъ собственность, находящаяся въ однѣхъ рукахъ, переходитъ въ другія путемъ продажи, даренія и т. п., причемъ совершается и самая передача собственности—традиція (traditio); къ производнымъ же спосо-

въ собственность. — А съ другой стороны, гдѣ невозможно владѣніе тамъ невозможна и собственность. Таковы: воздухъ, звѣзды.

бамъ относится и переходъ собственности въ другія руки въ силу судебнаго рѣшенія.

Наконецъ, собственность можетъ быть пріобрѣтена еще въ силу давностнаго владѣнія. Посредствомъ давностнаго владѣнія собственникомъ дѣлается тотъ, кто при извѣстныхъ условіяхъ владѣлъ вещью опредѣленное въ законѣ время.

Эти условія слѣдующія: 1) протеченіе извѣстнаго времени, закономъ опредѣленнаго; 2) justus titulus, т. е. законное основаніе владѣнія. Подъ законнымъ основаніемъ разумѣется всякое такое основаніе, при посредствѣ котораго, обыкновенно, пріобрѣтается вещь въ собственность, но въ которомъ, въ данномъ случаѣ, былъ какой-нибудь недостатокъ или порокъ, вслѣдствіе чего собственность пріобрѣтается не сейчасъ же, а чрезъ извѣстный срокъ. Такой порокъ можетъ быть или въ лицѣ, напр., вещь передана не ея собственникомъ, а постороннимъ лицомъ, которое не имѣло права собственности въ этой вещи; или въ самомъ актѣ передачи, въ которомъ могла быть сдѣлана какая-нибудь ошибка; 3) владѣлецъ вещи долженъ быть добросовѣстнымъ владѣльцемъ, bona fide; подъ добросовѣстностью владѣнія разумѣется то, что владѣлецъ не зналъ, что въ способъ пріобрѣтенія имъ вещи вкрался какой-то порокъ; онъ долженъ быть увѣренъ, что пріобрѣлъ вещь правильно, это и есть добросовѣстное владѣніе. При наличности этихъ условій владѣлецъ вещи дѣлается ея собственникомъ, несмотря на то, что въ актѣ пріобрѣтенія была какая-нибудь погрѣшность. Пріобрѣтеніе въ силу давностнаго владѣнія имѣетъ цѣлью внести начало твердости въ гражданскій оборотъ.

При отсутствіи этого института, положеніе пріобрѣтателя было бы во многихъ случаяхъ шаткимъ и безъ его вины, такъ какъ онъ могъ и не подозрѣвать, что въ способъ пріобрѣтенія вкралась ошибка. Не и интересы собственника, который путемъ давностнаго владѣнія теряетъ свои права, также достаточно ограждены. Если онъ заботливый хозяинъ, онъ не дастъ истечь времени, которое необходимо для того, чтобы у владѣльца возникло право собственности. Въ про-

тивномъ случаѣ онъ несетъ естественныя послѣдствія своего невниманія къ собственнымъ интересамъ.

Третій видъ отношеній человѣка къ вещи, это право на чужія вещи или сервитуты. Подъ правомъ на чужую вещь разумѣется пользованіе чужою вещью въ какомъ-нибудь частномъ, опредѣленномъ отношеніи. Сюда принадлежитъ, напр., право прохода по чужой землѣ, право брать воду изъ колодца, принадлежащаго сосѣду и т. п. Въ этихъ случаяхъ изъ правъ собственника нѣчто выдѣляется въ пользу посторонняго лица. По содержанію своему, право на чужую вещь представляется составною частью права собственности; постороннему лицу предоставляется право пользоваться чужою вещью въ томъ отношеніи, въ какомъ пользуется ею и самъ собственникъ. Такимъ образомъ, права въ чужой вещи являются ограниченіемъ права собственности. Это ограниченіе проявляется или въ томъ, что собственникъ долженъ: 1) терпѣть, чтобы другое лицо въ предѣлахъ его владѣній дѣлало то, на чтò онъ имѣетъ право какъ собственникъ, напр., брало воду въ его прудѣ, прогоняло скотъ чрезъ его поля и т. п.; 2) собственникъ самъ долженъ воздерживаться отъ нѣкоторыхъ дѣйствій, на которыя онъ имѣетъ право какъ собственникъ. Каждый, напр., собственникъ въ предѣлахъ своихъ владѣній, по праву собственности, можетъ воздвигать зданія, какого угодно размѣра и высоты; но иногда собственникъ обязывается не воздвигать зданій выше извѣстной высоты, чтобы тѣмъ не закрыть свѣта для своего сосѣда и пр.

Таковы три вида отношеній человѣка къ вещамъ, различаемые въ наше время. Различали ли въ древнѣйшую эпоху собственность, владѣніе и права на чужія вещи? Эти различія свидѣтельствуютъ о большой способности къ отвлеченію. Уже по одному этому, a priori, трудно думать, чтобы въ древности они были возможны. На первыхъ ступеняхъ развитія, какъ у насъ, такъ и у другихъ народовъ, владѣніе и собственность сливались. Собственникъ былъ въ то же время и владѣльцемъ, а кто владѣлъ, тотъ былъ и

собственникомъ. «Въ началѣ исторіи, говоритъ Кунце о римскомъ правѣ, собственность скрыта во владѣніи; наивное чувство человѣка въ состояніи признать наличность собственности только по признакамъ владѣнія; лишь съ теченіемъ времени пріучается человѣкъ понимать собственность въ ея чистой идеѣ (Cursus, 329).

Ясный слѣдъ того, что въ древности и у насъ не различали владѣнія и собственности, находимъ даже въ сравнительно позднихъ памятникахъ, судныхъ спискахъ XV в. Сторона жалуется на то, что пустошь ея покосили сильно. Судья, выслушавъ жалобу, спрашиваетъ: «чьи тѣ пустоши, кто тѣ пустоши коситъ?» Отвѣтъ на вопросъ «чьи пустоши?» долженъ состоять въ разъясненіи, кому принадлежатъ пустоши, кто ихъ собственникъ; второй же вопросъ: «кто коситъ?» есть вопросъ о фактѣ владѣнія. Но въ головѣ судьи эти два вопроса не различаются, они составляютъ для него одинъ вопросъ, потому, конечно, что, по его взгляду, кто коситъ пустоши, тому онѣ и должны принадлежать.

Безразличіе собственности и владѣнія выражалось въ томъ, что не было и особой охраны владѣнія, различной отъ охраны собственности. Искъ вчинался о завладѣніи, а судья въ приговорѣ ставилъ рѣшеніе о собственности. Такъ и по древнему нѣмецкому праву не было точнаго различія между собственностью и владѣніемъ и не было особой охраны владѣнія. Насильно изгнанный владѣлецъ долженъ былъ доказать свое право владѣнія, а не одинъ только фактъ насильственнаго изгнанія (Brunner, у Гольцендорфа, I, 176).

По германскому праву движимая собственность не всегда защищалась абсолютнымъ искомъ противъ каждаго третьяго владѣльца. Если собственникъ самъ отдалъ свою вещь другому, онъ имѣлъ искъ только противъ этого другого: «Hand muss Hand wahren» или «wo du deinen Glauben gelassen hast, musst du ihn suchen». Только при кражѣ искъ былъ абсолютенъ. Хозяинъ украденной вещи могъ требовать возвращенія ея, хотя бы она находилась и у добросовѣстнаго владѣльца. Это послѣднее правило извѣстно и Русской

Правдѣ. Изъ статей о «сводѣ» слѣдуетъ, что опознавшій свою украденную вещь можетъ требовать возвращенія ея отъ каждаго взадѣльца и отъ того, кто купилъ ее на торгу (I ред. 18, 21; III ред. 41, 45; ср. Пск. суд. гр. 46, 54, 56, гдѣ, кажется, иначе).

Въ памятникахъ XIV—XV вѣка различается уже пожизненное владѣніе отъ собственности и особая охрана владѣнія. Первое различіе встрѣчается въ Псковской судной грамотѣ. Пожизненное владѣніе она называетъ «кормлею». Въ статьѣ 72-й читаемъ: «А которому человѣку будетъ кормля написана въ рукописаніи, и грамотами владѣть землеными учнетъ... а продастъ тую землю, а доличатъ того человѣка, ино ему земля та выкупити, а свою кормълю покралъ». Что кормля есть пожизненное владѣніе, это видно изъ 88-й ст. грамоты: «А у котораго человѣка помретъ жена безъ рукописанія, а у ней останется отчина, ино мужу ея владѣти тою отчиною до своего живота, только не оженится; а оженится, кормли ему нѣтъ».

Такое различіе могло возникнуть само собой, независимо отъ какого-либо иностраннаго вліянія. Но нельзя не указать здѣсь на сходство статей Псковской судной грамоты о кормлѣ супруговъ съ указаннымъ выше постановленіемъ Эклоги, по которому, въ извѣстномъ случаѣ, пережившій супругъ могъ пожизненно владѣть всѣмъ имуществомъ умершаго.

Въ Новгородской судной грамотѣ имѣемъ уже статью, въ которой сдѣлано различіе въ охранѣ собственности отъ охраны владѣнія. 10-я статья говоритъ о «наѣздѣ» на чужую землю (землевладѣніе) и предписываетъ прежде дать судъ о наѣздѣ, а потомъ уже о землѣ (о правѣ собственности): «А кто на комъ поищетъ наѣзда или грабежа въ земскомъ дѣлѣ, ино судити напередъ наѣздъ и грабежъ, а о земли послѣ судъ».

Самое слово собственность въ древнее время не было извѣстно. Вмѣсто него употреблялись описательныя выраженія: моя, твоя земля, моя купля, купилъ въ прокъ, въ

дернь (отъ финскаго deren—firmus, manderen—terra firma; холопъ дерноватый). Глаголъ купить въ древнее время (какъ и теперь у крестьянъ, напр., въ Лужскомъ уѣздѣ) значилъ и наемъ, а потому для обозначенія пріобрѣтенія въ собственность надо было прибавить: купилъ въ прокъ, въ вѣки, себѣ и дѣтямъ, купилъ безъ выкупа. У нѣмцевъ также слово Eigenthum образовалось позднѣе, а прежде собственность обозначали словами: eigen, Were, Gewere, отъ wehren не допускать, защищать, откуда и Gewehr, оружіе. Первоначально Gewere есть необособленное единство собственности и владѣнія, защищаемое судомъ. Съ теченіемъ времени въ этомъ понятіи начинаютъ различать фактическое владѣніе, юридическое владѣніе и даже наслѣдственную собственность (Zoepfl, стр. 733 и сл., Warnkönig, Französische Staats und Rechtsgeschichte, II, 295 и сл., 324 сл.).

Одинъ изъ древнѣйшихъ способовъ пріобрѣтенія собственности состоитъ въ завладѣніи вещью, которое проявляется въ примѣненіи къ вещи человѣческаго труда. Древнѣйшая собственность заключалась, конечно, въ движимостяхъ. Дерево и камень, приспособленные къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей, составляли собственность того, кто ихъ обработалъ; также точно животныя: кто приручилъ животное, тотъ и былъ его собственникомъ. По отношенію къ землѣ освоеніе проявляется въ приспособленіи ея къ потребностямъ жизни и сельскохозяйственнымъ нуждамъ. Что такой способъ существовалъ у насъ, на это есть указанія въ судныхъ спискахъ. Кто успѣвалъ доказать, что онъ косилъ или пахалъ извѣстную землю, тотъ и былъ признаваемъ судьею собственникомъ земли. Согласно съ этимъ въ древности существовало такое выраженіе: все мое, куда топоръ, коса, соха ходили, т.-е. гдѣ я фактически господствовалъ, на то у меня и право.

Кромѣ первоначальныхъ способовъ встрѣчаемся и съ производными: въ силу пожалованія, по договорамъ, по наслѣдству и въ силу судебнаго рѣшенія. Но въ этихъ случаяхъ для пріобрѣтенія собственности требовался еще от-

водъ земли по межамъ, нѣчто въ родѣ традиціи или позднѣйшаго ввода во владѣніе. Пріобрѣтаемый участокъ обходился въ натурѣ по межамъ, причемъ иногда ставились грани и копались межевыя ямы.

Изъ судныхъ списковъ XV в. видно, что было извѣстно уже и пріобрѣтеніе въ силу давностнаго владѣнія. Фактъ владѣнія въ случаѣ спора, доказывался показаніями старожильцевъ, которые заявляли, что «изстари такъ было», они помнятъ, что лѣтъ 20, 40 или 50 тому назадъ этотъ человѣкъ косилъ такіе-то луга или пахалъ такую-то землю. Но срокъ, по истеченіи котораго давностное владѣніе переходило въ собственность, въ древности не былъ точно опредѣленъ: обыкновенно ссылаются на много лѣтъ, кто сколько помнитъ. Не находимъ также указаній, чтобы для пріобрѣтенія собственности путемъ давностнаго владѣнія требовались два другія выработаемыя римскимъ правомъ условія, т.-е. justus titulus и bona fides.

Разсмотримъ теперь формы древняго землевладѣнія. Этотъ вопросъ рѣшается весьма различно. Писатели родовой школы, начиная съ Эверса и Рейца, думаютъ, что въ древности на Руси не было частной, личной собственности, а была только собственность родовая. Къ этому мнѣнію примыкаютъ и нѣкоторые новыя изслѣдователи, которые думаютъ, что въ древности не было личной собственности, а была собственность семейная; въ семьѣ же не отецъ былъ собственникомъ, а вся семья, какъ одно цѣлое. Неволинъ высказывается противъ родовой собственности; онъ думаетъ, что частныя лица съ древнѣйшаго времени были собственниками. Для историческаго времени, когда родовая замкнутость распалась, мнѣніе Неволина совершенно справедливо. Какія были отношенія рода къ собственности во времена болѣе отдаленныя, на это мы не имѣемъ никакихъ указаній въ нашихъ источникахъ. Въ эпоху, къ которой относятся древнѣйшія свидѣтельства, русскіе славяне уже вышли изъ родового быта и собственность по смерти отца дѣлилась, какъ эти видно изъ 140 статьи Третьей редакціи Русской

Правды, которая говоритъ о дѣлежѣ наслѣдства между братьями: «аже братья растяжуться передъ княземъ о задницѣ», т.-е. о наслѣдствѣ, то «который дѣтьскій идѣть дѣлить ихъ» и т. д. Слѣдовательно, братья могутъ дѣлить то, что имъ досталось по наслѣдству; родственники, значитъ, могутъ имѣть свою отдѣльную собственность. Утверждая это, мы вовсе не хотимъ сказать, что собственность непремѣнно дѣлилась сыновьями послѣ смерти ихъ отца. Братья, конечно, могли жить, если хотѣли, вмѣстѣ; въ такомъ случаѣ у нихъ будетъ общая собственность. Такая общая собственность можетъ быть и не у родственниковъ, если они находятъ это для себя выгоднымъ. Но такое общеніе необязательно и продолжается, пока нравится. Если братья найдутъ, что для нихъ выгоднѣе отдѣльная собственность, они могутъ требовать раздѣла. Такимъ обравомъ, члены семьи, по взаимному согласію, могли жить вмѣстѣ и по смерти отца, подобно тому, какъ и совершенно чужіе люди могли соединяться въ товарищества для совмѣстнаго хозяйства, если они находили это выгоднымъ [1].

Другое мнѣніе состоитъ въ томъ, что первоначально преобладало общинное землевладѣніе. Я подробнѣе останавливаюсь на этомъ вопросѣ въ III т. Древностей.

Наконецъ, наша древность знаетъ общую собственность, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ общинной. Древнее время знаетъ случаи соединенія людей для цѣлей обогащенія путемъ насилія и разбоя, таковы новогородскіе повольники; тѣмъ болѣе надо допустить, что люди соединялись для мирной цѣли совмѣстной разработки дикихъ полей. Въ рукахъ такихъ соработниковъ возникала общая собственность съ общими угодьями. Такіе совладѣльцы въ Псковской судной грамотѣ называются сябрами (106). Подробнѣе объ этомъ въ III т. Древностей.

Мы видѣли уже ту преобладающую роль, какая въ Мо-

[1]) У Даля приведена такая поговорка: «Плачетъ сынъ по отцу, что мало денегъ оставилъ!» Она не въ пользу семейной собственности.

сковскомъ государствѣ принадлежала управленію, и какъ управленіе мало стѣснялось правами частныхъ лицъ. Нерѣдкіе въ Москвѣ примѣры неуваженія правительства къ правамъ частной собственности навели нѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей на мысль, что въ древней Россіи и ближайшимъ образомъ въ Московскомъ государствѣ частной поземельной собственности вовсе и не было, и вся земля принадлежала московскому государю. Такое воззрѣніе высказалъ Лакіеръ въ своемъ изслѣдованіи о помѣстьяхъ и вотчинахъ. «Все государство, — говоритъ онъ, — есть предметъ княжеской собственности». Такого же взгляда держался и Морошкинъ въ изслѣдованіи о владѣніи. По его мнѣнію, все, что находится въ предѣлахъ княженія, есть собственность князя, кромѣ земель церковныхъ и монастырскихъ. Неволинъ, до нѣкоторой степени, склоняется къ тому же взгляду, но онъ не думаетъ, что это исконный порядокъ; такъ пошло, по его мнѣнію, съ монголовъ. Завоевавъ русскую землю, татары разсматривали ее, какъ свою собственность. Этотъ взглядъ былъ перенесенъ и на московскихъ государей, которые, какъ преемники хановъ, тоже могли быть разсматриваемы собственниками всей земли. Нельзя отрицать, что примѣръ татаръ могъ произвести измѣненіе во взглядахъ князей не только на государственную власть, но и на частную собственность, но все-таки въ изложенномъ мнѣніи есть значительное преувеличеніе. Если и совершенно вѣрно, что московскіе государи не уважали частной собственности и въ случаѣ нужды обращали ее на государственныя потребности, то это вовсе еще не значитъ, что они разсматривали всю землю, какъ свою собственность. Малое уваженіе частной собственности есть обыкновенное слѣдствіе развивающагося абсолютизма. То же самое встрѣчаемъ и на Западѣ, гдѣ право абсолютной власти вмѣшиваться въ права частныхъ собственниковъ сознавалось и высказывалось королями съ такою рѣшительностью, на которую въ нашей исторіи нѣтъ никакихъ указаній. Людовикъ XIV, сказавшій «государство — это я», на-

писалъ наставленіе своему дофину, въ которомъ, между прочимъ, высказываетъ слѣдующія мысли: «Все, что находится въ предѣлахъ нашихъ владѣній принадлежитъ намъ; вы должны быть убѣждены, что короли суть абсолютные правители и что имъ, естественно, принадлежитъ полное и свободное распоряженіе всѣми имуществами, которыя принадлежатъ какъ церквамъ, такъ и свѣтскимъ людямъ, съ тѣмъ, чтобы пользоваться ими, какъ прилично мудрому хозяину». Это, однако, никому не мѣшаетъ признавать во Франціи бытіе частной собственности даже въ царствованіе Людовика XIV. У насъ же, какъ справедливо было замѣчено, не было даже того общераспространеннаго на Западѣ правила, по которому земля, никѣмъ не занятая, принадлежитъ королю. У насъ никѣмъ не занятая земля была ничья (res nullius), пока князю не вздумается предъявить на нее свои права. Подробнѣе объ этомъ въ III т. Древностей.

Слово «собственность» въ московскихъ памятникахъ еще не употреблялось; то, что теперь называется собственностью, тогда называлось «своимъ имуществомъ», «въ прокъ» кому-нибудь принадлежащимъ. Всякое лицо, которое чѣмъ-нибудь владѣетъ «въ прокъ», которое что-нибудь «освоило себѣ» и распоряжается освоеннымъ, продаетъ, закладываетъ, даетъ по душѣ и пр., и было собственникомъ. Освоить въ прокъ значитъ владѣть на правѣ полной собственности. Если же кто нибудь передавалъ свое имущество другому не въ прокъ, то говорилось: «въ прокъ тебѣ не освоить, ни продать, ни подарить, ни по душѣ отдать».

Вотчины

Слово вотчина очень старинное, но не всегда употреблялось въ одномъ и томъ же смыслѣ. Первоначально словомъ вотчина обозначалось имущество, принадлежавшее отцу; если имущество принадлежало дѣду, говорили «дѣдина».

Если отцовское имущество досталось дѣтямъ, слово вотчина указывало на способъ пріобрѣтенія. Въ этомъ смыслѣ и княженіе, доставшееся отъ отца, есть отчина. Такъ какъ дѣти получали отъ отцовъ не только земли въ уѣздѣ, но и городскіе дворы, лавки и пр., то и эти имущества назывались вотчинами. Позднѣе, въ Московскомъ государствѣ. со словомъ «вотчина» начинаютъ соединять всю совокупность правъ, которыя принадлежатъ вотчинникамъ по отношенію къ вотчинамъ. Вмѣстѣ съ этимъ слово вотчина начинаетъ примѣняться не только къ землямъ, которыя дошли отъ отца, но и къ такимъ, которыя пріобрѣтены путемъ купли, даренія, пожалованія, если покупщику, одаренному и пожалованному, принадлежали тѣ же права, какія были у вотчинника по отношенію къ вотчинѣ. Собственно «купленная вотчина» есть безсмыслица, если принимать слово вотчина въ буквальномъ смыслѣ; но въ приведенномъ выраженіи слово вотчина означаетъ сумму вотчинныхъ правъ, независимо отъ способа пріобрѣтенія. Для обозначенія же вотчинъ въ первоначальномъ смыслѣ стали говорить «родовыя вотчины». Какимъ бы путемъ ни была пріобрѣтена вотчина, вотчинныя права, за небольшими исключеніями, всегда одинаковы.

Вотчинникамъ принадлежало право распоряженія вотчинами. Они могли отчуждать ихъ всякими способами, дарственно и возмездно, могли закладывать и пр. Въ XVII в. обычай дарить при жизни и отказывать на случай смерти все свое имущество постороннимъ лицамъ получилъ такое развитіе, что вызвалъ вмѣшательство законодателя. Изъ указовъ 1679 года узнаемъ, что вотчинники, имѣющіе дѣтей, не только отказывали свои имѣнія чужеродцемъ, но и при жизни своей дарили ихъ постороннимъ людямъ. Такое положеніе вещей вызывало жалобы со стороны дѣтей и другихъ родственниковъ; эти жалобы и повели къ первымъ ограниченіямъ завѣщательныхъ распоряженій и дареній. Но ограниченія эти коснулись только родовыхъ и выслуженныхъ

вотчинъ; купли же можно было и послѣ указовъ 1679 года и дарить и завѣщать кому угодно, при наличности дѣтей.

Первое ограниченіе дарить вотчины и распоряжаться ими на случай смерти послѣдовало въ 1679 г. Отъ этого года имѣемъ докладъ, сдѣланный государю, въ которомъ говорится, что нѣкоторые люди отдаютъ свои выслуженныя и родовыя вотчины въ чужія руки безденежно, а послѣ ихъ смерти дѣти ихъ бьютъ челомъ, чтобы имъ тѣ вотчины возвратить. Докладъ оканчивается вопросомъ, какъ поступать въ этомъ случаѣ: возвращать ли вотчины родственникамъ или нѣтъ? Этотъ докладъ былъ сдѣланъ государю, потому что въ Уложеніи не было никакого запрещенія дарить вотчины. На докладъ послѣдовала такая резолюція: если подаренныя имѣнія уже справлены за тѣми, кому подарены, то ихъ назадъ къ дѣтямъ не поворачивать, а оставить за пріобрѣтателями; но впредь даренія родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ не допускать, если у дарителей есть дѣти и внуки. Право даренія, слѣдовательно, было ограничено для тѣхъ, у кого были нисходящіе; если же были только боковые родственники, то дарить можно попрежнему; у боковыхъ родственниковъ только право выкупа. Въ томъ же году состоялось и другое ограниченіе: было запрещено завѣщать родовыя и выслуженныя вотчины постороннимъ лицамъ не только помимо дѣтей, но даже и помимо боковыхъ родственниковъ. Поводъ къ запрещенію дали такія же жалобы со стороны дѣтей и боковыхъ родственниковъ, которые были недовольны тѣмъ, что родовыя и выслуженныя имѣнія переходятъ по завѣщаніямъ въ чужія руки. Такъ какъ Уложеніе не ограничивало распоряженій на случай смерти, то и былъ сдѣланъ государю докладъ, на который и послѣдовала вышеприведенная резолюція. Право распоряженія купленными вотчинами осталось на прежнемъ основаніи, безъ всякихъ ограниченій. Были и другія ограниченія права распоряженія вотчинами, но болѣе спеціальнаго характера. Таково: 1) Запрещеніе отдавать свои вотчины «по душѣ». Несмотря на запрещенія, послѣдовавшія въ XVI в., отдача

«по душѣ» продолжалась. Жалованныя грамоты на вотчины начала XVII вѣка предоставляютъ даже пожалованнымъ лицамъ право отдавать пожалованныя вотчины по душѣ. Составители Уложенія нашли нужнымъ подтвердить прежнія запрещенія. 2) Второе ограниченіе касается права распоряженія княжескими вотчинами. Служилымъ князьямъ воспрещалось продавать свои изстаринныя вотчины помимо братьевъ и племянниковъ и отдавать ихъ въ приданое за дочерьми и сестрами. Въ порядкѣ законнаго наслѣдованія вотчины эти шли только наслѣдникамъ мужескаго пола, а въ боковой линіи не далѣе 7-й степени родства. При отсутствіи такихъ наслѣдниковъ вотчины шли въ пользу государя. Такимъ образомъ, была принята цѣлая совокупность мѣръ къ тому, чтобы изстаринныя вотчины служилыхъ князей перешли мало-по-малу въ собственность московскаго государя. 3) Наконецъ, послѣднее частное ограниченіе состояло въ томъ, что нѣкоторыя лица, имѣвшія вотчины въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, не имѣли права пріобрѣтать ихъ въ нѣкоторыхъ другихъ. Такъ, напр., бѣлозерцамъ запрещено было отчуждать свои вотчины дворянамъ другихъ городовъ; служилымъ людямъ московскаго уѣзда было запрещено пріобрѣтать вотчины въ украйныхъ городахъ и пр. [1]).

---

[1]) Запрещенія эти восходятъ къ самому началу XVI вѣка. Великій князь Василій Ивановичъ не дозволялъ уже отказывать вотчины въ монастыри и продавать ихъ въ нѣкоторыхъ городахъ иногородцамъ безъ доклада себѣ. А. Э. I № 227. Представимъ подробный анализъ относящагося къ двумъ послѣднимъ ограниченіямъ указа 1562 г. Указъ говоритъ: 1) объ изстаринныхъ княжескихъ вотчинахъ, 2) о вотчинахъ жителей нѣкоторыхъ городовъ: Твери, Торжка, Ярославля, Рязани, Бѣлоозера и Романова, и, наконецъ, 3) даетъ распоряженіе о вотчинахъ служилыхъ людей. Постановленія его объ этихъ трехъ видахъ вотчинъ не одинаковы. Важныя ограниченія въ правѣ распоряженія установлены только для изстаринныхъ княжескихъ вотчинъ. Князья не могутъ ни продавать ихъ, ни мѣнять, ни давать въ приданое за дочерьми, ни завѣщать по своему усмотрѣнію. Имъ предоставлено только право отказывать женамъ своимъ нѣкоторую часть вотчины, небольшую. Еслибы князь отказалъ женѣ всю свою вотчину, и вотчина будетъ большая, такое завѣщаніе идетъ на усмотрѣніе государя; а если откажетъ часть,

Рядомъ съ правомъ отчужденія вотчинъ стояло право ихъ выкупа. Разсмотримъ, кому принадлежало это право по указамъ, какихъ вотчинъ касалось и при какихъ условіяхъ имѣло мѣсто.

жена владѣетъ ею до живота безъ особаго утвержденія государя. Въ законномъ порядкѣ изстаринныя княжескія вотчины наслѣдуются только сыновьями; при отсутствіи сыновей вотчина берется на государя. Изъ изложеннаго ясно, что постановленія указа 1562 г., ограничиваютъ право распоряженія князей только изстаринными вотчинами. Что же касается княжескихъ купель, то эти ограниченія на нихъ вовсе не распространяются.

Обладатели вотчинъ въ уѣздахъ особо перечисленныхъ городовъ сохраняютъ за собой всѣ права распоряженія за однимъ исключеніемъ: они не могутъ отчуждать ихъ—иногородцамъ. Эти вотчины, слѣдовательно, переходятъ въ женскія руки и подлежатъ дробленію.

Наконецъ, общее постановленіе, относящееся ко всякимъ вотчинамъ, опредѣляетъ только признакъ ихъ выморочности. Онѣ становятся выморочными, если объ нихъ не написано завѣщанія и законныхъ наслѣдниковъ не осталось. Законные же наслѣдники ограничены ближнимъ родомъ. Право распоряженія этими вотчинами ни въ какомъ отношеніи не ограничено. Ихъ можно продавать, дарить, закладывать, мѣнять, завѣщать безъ всякихъ ограниченій.

Къ этому же вопросу относится и приговоръ 1572 г. Онъ говоритъ о тѣхъ «вотчинахъ княженецкихъ и боярскихъ, которыя не давалися въ продажу, ни въ мѣну, ни въ приданыя, ни роду, ни по душѣ... и тѣмъ вотчинамъ быти по старому государеву уложенію, въ тѣхъ во всѣхъ городѣхъ, про которые городы указъ государевъ есть, про ярославскіе вотчины, и про ростовскіе, и про оболенскіе... и про всѣ вотчины княжія такія жъ одинъ приговоръ». Здѣсь рѣчь идетъ о вотчинахъ, которыя, въ силу прежнихъ указовъ, не подлежатъ свободному распоряженію владѣльцевъ. До сихъ мѣстъ приговоръ только повторяетъ прежніе указы. Какія же это вотчины не давались въ продажу? Это изстаринныя княжескія, о которыхъ рѣчь шла въ указѣ 1562 г., и, можетъ быть, въ другихъ, не дошедшихъ до насъ, и боярскія, общіе указы о которыхъ до насъ тоже не дошли. Какія же это боярскія вотчины не давались въ продажу, т.-е. не подлежали отчужденію? Это пояснено въ дальнѣйшихъ словахъ приговора: «А у котораго боярина такія жъ вотчины государскаго данья, а не ихъ старинныя вотчины, и тѣ вотчины послѣ того, котораго не станетъ бездѣтно боярина, а та вотчина по царской грамотѣ пожалована, и кому какова грамота будетъ дана, ему и его женѣ и его дѣтемъ и его роду, потому

Право выкупа принадлежало боковымъ родственникамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые подписались свидѣтелями въ актѣ продажи. Подпись на актѣ разсматривалась, какъ отказъ отъ права выкупа. Нисходящіе не имѣли права выкупа, какъ и самъ продавецъ. Боковые родственники допускались къ праву выкупа въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они допускались къ наслѣдованію. Судебникъ 1550 г. говоритъ о выкупѣ вотчинъ, но не купель (85). Подъ вотчинами, можетъ быть, надо здѣсь разумѣть родовыя и выслуженныя. По Уложенію купли выкупу также не подлежатъ, а между тѣмъ, въ жалованныхъ грамотахъ писалось: «А буде продастъ въ чужой родъ жалованную вотчину, а кто ихъ роду захочетъ ту вотчину выкупить, и имъ выкупать по прежнему уложенію, какъ ихъ родовыя и куплен-

---

и быти. А у котораго въ грамотѣ будетъ ему одному вотчина написана, и послѣ его та вотчина на государя. А не будетъ у кого государевы грамоты, и такія вотчины послѣ того, кого не станетъ, на государя, хотя у кого и дѣти будутъ». Итакъ, здѣсь рѣчь идетъ не о родовыхъ вотчинахъ, а о вотчинахъ государскаго данья, т.-е. о жалованныхъ. Жалованныя вотчины, дѣйствительно, не всегда давались въ продажу, мѣну и т. д. Распоряженіе ими допускается въ предѣлахъ правъ, предоставленныхъ жалованной грамотой. Были пожалованія и съ предоставленіемъ полныхъ правъ распоряженія; но къ такимъ вотчинамъ приговоръ 1572 г. не относится. Онъ относится только къ такимъ боярамъ-вотчинникамъ, которымъ не было предоставлено право распоряжаться. Въ виду же разнообразія предоставляемыхъ жалованными грамотами правъ и самого способа пожалованія, которое иногда происходило и безъ грамоты, приговоръ и нашелъ нужнымъ разъяснить, когда вотчина, пожалованная безъ права распоряженія, возвращается къ государю.

Итакъ, въ приговорѣ 1572 г. рѣчь идетъ объ изстаринныхъ княжескихъ вотчинахъ, относительно которыхъ только повторяется прежній указъ 1562 г., и о жалованныхъ боярскихъ вотчинахъ, съ цѣлью разъяснить, когда пожалованная вотчина подлежитъ распоряженію вотчинника, когда нѣтъ.

Но приговоръ 1572 г. приведенными положеніями не заканчивается. Далѣе читаемъ: «А у которыхъ вотчинъ вотчинники вымрутъ, и тѣ вотчины вотчинникомъ отдавати ли и по которое колѣно?» На этотъ вопросъ дается такой отвѣтъ: въ боковыхъ линіяхъ далѣе внучатъ не давать.

ныя вотчины выкупають». Отсюда надо, кажется, заключить, что допускается и выкупъ купель.

Что касается условій, при которыхъ возможенъ выкупъ, то до 1679 г. выкупъ допускался только въ случаѣ возмезднаго отчужденія, т.-е. въ случаѣ продажи вотчинъ, а если кто-нибудь дарилъ вотчину, ее нельзя было выкупать. Эта разница съ теченіемъ времени исчезаетъ; въ 1679 г., въ указѣ, воспрещающемъ, при существованіи нисходящихъ, дарить вотчины постороннимъ лицамъ, боковымъ родственникамъ дозволено было выкупать подаренныя вотчины. По Судебнику выкупатель поставленъ былъ въ весьма стѣснительныя условія. Выкупленную вотчину онъ не могъ продавать, закладывать же могъ только своимъ родственникамъ. Самый выкупъ онъ долженъ былъ сдѣлать на свои деньги, а не на занятыя. Это, конечно, было сдѣлано въ видахъ огражденія правъ перваго покупщика, чтобы выкупъ не перешелъ въ перепродажу изъ выгоды. Первоначально, въ XVI в., выкупъ вотчинъ происходилъ, кажется, не по цѣнѣ, означенной въ купчей, а по оцѣнкѣ, а въ XVII в. по цѣнѣ, означенной въ купчей, и, сверхъ того, приплачивалось по оцѣнкѣ за тѣ улучшенія и постройки, которыя были сдѣланы въ купленномъ имѣніи. Срокъ, въ теченіе котораго можно было производить выкупъ, былъ довольно продол-

---

О какихъ вотчинахъ идетъ здѣсь рѣчь? Конечно, о тѣхъ же, о которыхъ говорилось передъ тѣмъ. А передъ тѣмъ рѣчь шла о жалованныхъ вотчинахъ, по отношенію къ которымъ остался не разрѣшеннымъ такой случай: вотчина дана извѣстному лицу, его женѣ, дѣтямъ и роду; у пожалованнаго не осталось ни жены, ни дѣтей, остались только родичи. Какъ же они наслѣдуютъ, безъ конца, или до извѣстной степени? Это не было еще опредѣлено, а потому и поставленъ приведенный вопросъ въ довольно курьезной, но понятной формѣ: вотчинники вымерли, а между тѣмъ спрашивается, по которое колѣно отдавать вотчинникамъ? Въ первомъ случаѣ вотчинниками названы тѣ лица, права которыхъ совершенно ясны изъ жалованной грамоты: самъ пожалованный, его жена и дѣти; они перемерли. Во второмъ — дальнѣйшіе члены рода. Они тоже вотчинники и наслѣдуютъ послѣ смерти первыхъ, къ нимъ приведенный вопросъ и относится.

жительный, а именно 40-лѣтній. Этотъ длинный срокъ былъ очень невыгоденъ для покупщика, который въ теченіе цѣлыхъ 40 лѣтъ не могъ имѣть увѣренности, что имѣніе останется за нимъ (Неволинъ III, 76 и сл.).

Изложенныя правила выкупа взяты изъ Судебника 1550 г. и послѣдовавшихъ за нимъ указовъ. Это «указный» выкупъ. Указному выкупу предшествовала народная практика. Въ напечатанныхъ собраніяхъ древнихъ актовъ находимъ любопытныя указанія на бытовую практику, которая во многомъ отступаетъ отъ указнаго выкупа.

Указный выкупъ впервые былъ регламентированъ въ царскомъ Судебникѣ 1550 г.; Судебникъ 1497 г. ничего о выкупѣ не знаетъ. Бытовой же выкупъ практиковался еще до перваго Судебника и, конечно, относится къ явленіямъ очень почтенной старины. Приведемъ здѣсь дошедшія до насъ указанія на эту практику.

Удѣльный верейскій князь, Михаилъ Андреевичъ, въ 1479 г. помѣнялся своими деревнями, но условно, удержавъ за собою право возвратить отданныя деревни въ теченіи двухъ лѣтъ. Если онъ этимъ правомъ не воспользуется, тогда противная сторона пріобрѣтаетъ деревни въ прокъ. Это тотъ же выкупъ, но выговоренный въ пользу одного продавца, а не его родственниковъ. (А. до Ю. Б. № 156, VII).

Тотъ же князь въ своей духовной (1486) отказываетъ монастырямъ и церквамъ села и деревни, но съ оговоркой: если тѣ села будутъ надобны вел. князю, онъ можетъ ихъ выкупить за назначенную цѣну (Рум. Собр. № 121).

Тоже дѣлаютъ и частныя лица. Ефремъ Неклюдъ отказываетъ въ 1500 г. свою отчинку св. Георгію, но если эта землица понадобится его дочери или родникамъ, они могутъ ее выкупить за 40 алтынъ. Наоборотъ, Николай Рычковъ въ 1517 г. отказываетъ свою деревню въ монастырь, но съ запрещеніемъ выкупа: «они моимъ дѣтямъ, ни племянникамъ ни врядити, ни вырядити» (Рус. Ист. Библ. XVI, № 1 и 4).

Съ безусловными запрещеніями выкупа дѣлаются продажи и частнымъ лицамъ. Отъ первой половины XVI в. имѣемъ нѣсколько купчихъ съ условіемъ «продалъ въ дернь, безъ выкупа» [1]).

Наши вотчинники свободны были писать въ акты распоряженія своимъ имуществомъ какія угодно условія. Двое князей Кемскихъ купили у дяди своего вотчину съ тѣмъ, что если «будетъ имъ не до земли, и имъ мимо дядь своихъ тѣхъ земель не продать» (А. Ю. № 13. 1508).

Этотъ порядокъ продолжаетъ дѣйствовать и послѣ изданія царскаго Судебника, и понятно почему: новые законы нескоро дѣлались извѣстными публикѣ въ XVI вѣкѣ.

Бояринъ И. В. Шереметевъ въ 1554 г. купилъ себѣ и своимъ дѣтямъ «въ прокъ безъ выкупа» у Мины Лелѣгина матери его приданую вотчину. Введеный Бояринъ И. В. Большой Шереметевъ, конечно, зналъ содержаніе новаго Судебника, а потому для огражденія своихъ правъ онъ испросилъ на такую покупку особую жалованную грамоту (Рум. Сбор. I № 170).

Люди, не столь близкіе къ престолу московскихъ государей, писали купчія съ такими же условіями просто по незнанію новыхъ законовъ. Въ купчей 1568 года читаемъ: «Се азъ, Андрей Нечай, Ивановъ сынъ, Дураковъ, съ своимъ сыномъ, съ Никитою, продали есми Ивану, Ѳедорову сыну, Межникову... полъ обжи земли... А продали есми ему въ дернь безъ выкупа... А добуду язъ Нечай съ сыномъ своимъ сорокъ рублевъ денегъ на Покровъ Святѣй Богородицы 7070 года, и намъ Ивану дати подъ тѣ деревни та сорокъ рублевъ денегъ на Покровъ же Святѣй Богородицы, да и за рожь намъ дати, за сѣмена, Ивану, за бочку за всякую по 15 алтынъ на тотъ же срокъ, а Ивану отдати ся купчая намъ назадъ и деревня; а не добудемъ мы тѣхъ денегъ и не дадимъ Ивану

---

[1]) Рус. Ист. библ. XVI № 5, 9, 12; Ѳедотовъ-Чеховскій — № 91; А. Ю. № 19, 135; 1508—1532.

на тотъ срокъ, ино ся наша купчая въ купчую и отводная въ дернь, безъ выкупа» (А. Ю. № 86).

Здѣсь право выкупа выговорено только для самихъ продавцовъ, но ограничено опредѣленнымъ срокомъ.

Не стѣснялись Судебникомъ и люди, сидѣвшіе на черныхъ государевыхъ земляхъ. Братья Селиверстровы продали Ом. Васильеву отца своего статокъ, землю вел. князя, а своего владѣнія «въ прокъ безъ выкупа» въ 1571 г., т.-е. черезъ 20 лѣтъ послѣ изданія Судебника.

Такъ же свободно опредѣлялись условія и при безвозмездномъ отчужденіи, по духовнымъ и пр. Въ 1563 г.. кн. Дмитрій Ивановичъ Нѣмой подарилъ Волоколамскому монастырю село съ деревнями «въ прокъ, безъ выкупа, безъ отмѣны». Но затѣмъ въ дарственной идутъ такія условія: 1) жить мнѣ въ своей отчинѣ до живота; 2) а родятся у меня дѣти, и то село съ деревнями имъ, а монастырю они дадутъ 700 р.; 3) а послѣ моего живота, женѣ моей, брату, племянникамъ и всему роду до той вотчины дѣла нѣтъ (№ 115). Здѣсь право выкупа предоставлено дѣтямъ дарителя, о боковыхъ же его родственникахъ и женѣ прямо сказано, что имъ даритель такого права не предоставляетъ.

Таковъ былъ обычный выкупъ. Онъ существенно отличается отъ узаконеннаго. Царскій Судебникъ впервые предоставляетъ нѣкоторымъ лицамъ право на выкупъ, а другимъ въ этомъ правѣ отказываетъ. По обычному выкупу никто не имѣлъ право на выкупъ; по соглашенію же контрагентовъ сдѣлки, оно могло быть предоставлено самому продавцу, его дѣтямъ и другимъ родственникамъ, и даже дальнѣйшимъ, помимо ближайшихъ, какъ это сдѣлалъ верейскій князь, предоставивъ право выкупа вел. князю, а не сыну.

Судебникъ не допускаетъ къ выкупу родственниковъ, подписавшихся свидѣтелями въ актѣ отчужденія; а по обычаю и имъ могло быть предоставлено право выкупа.

Судебникъ говоритъ о выкупѣ только возмездно от-

чуждаемыхъ имуществъ, а обычная практика знаетъ выкупъ и имуществъ жертвуемыхъ въ духовныя учрежденія.

Указный выкупъ можетъ быть совершенъ въ теченіе 40 лѣтъ; срокъ обычнаго выкупа всякій разъ опредѣляется въ актѣ отчужденія.

Судебникъ установляетъ право выкупа только для вотчинъ, а въ народной практикѣ и черныя государевы земли продаются съ оговоркой въ прокъ безъ выкупа, а это предполагаетъ возможность продажи ихъ и съ выкупомъ.

Указный выкупъ далеко расходится съ обычнымъ. Онъ предписываетъ совершенно новыя правила, съ предшествовавшей практикой не согласныя. Сдѣланное нами сравненіе правилъ того и другого выкупа вполнѣ оправдываетъ высказанное Неволинымъ сомнѣніе въ древности указнаго выкупа (67). Мы имѣемъ полное право сказать, что указный выкупъ не старѣе года изданія царскаго Судебника.

Что значитъ обычное старымъ купчимъ и потерявшее силу съ Судебника 1550 г. условіе «купилъ въ прокъ, безъ выкупа»? Въ древнее время для заключенія сдѣлки купли-продажи мало было сказать купилъ, а надо было прибавить «купилъ въ прокъ, безъ выкупа».

Это обусловливалось тѣмъ, что слова: купить и купля не имѣли первоначально того опредѣленнаго техническаго значенія, какое мы теперь съ ними соединяемъ (купля-продажа). Безъ указанной прибавки глаголъ купить не обозначалъ еще такого дѣйствія, послѣдствіемъ котораго былъ переходъ правъ собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія. Онъ могъ обозначать и всякій временный переходъ недвижимости изъ рукъ въ руки: наемъ, передачу залога во временное пользованіе заимодавца и пр. Поэтому, наймита называли въ старину еще и закупомъ. «Вмѣсто «нанимаемъ землю» и теперь крестьяне Лужскаго уѣзда говорятъ: «куплеемъ землю» (это широкое значеніе слова купить не замѣчено Толковымъ Словаремъ Даля).

Такъ какъ слово «купить» не имѣло точно опредѣленнаго смысла, то и приходилось при каждой куплѣ огова-

ривать, на какихъ основаніяхъ недвижимость переходитъ изъ рукъ въ руки. Опредѣленіе этихъ основаній вполнѣ зависѣло отъ воли и соглашенія сторонъ. Если имѣли въ виду отчужденіе собственности, говорили: купилъ во вѣки, въ прокъ, въ дернь, безъ выкупа. Такія оговорки весьма употребительны въ актахъ XV и XVI в. (Неволинъ приводитъ ихъ довольно много на стр. 61 нр. 297, т. III) и встрѣчаются какъ при продажѣ вотчинъ, такъ и при продажѣ тяглыхъ земель (А. Ю. № 23, 1571 г.).

Условіе «купилъ» или «продалъ безъ выкупа» не было лишеніемъ принадлежавшаго кому-либо права на выкупъ, а обыкновеннымъ для того времени способомъ передачи правъ собственности. Наша древность не знала извѣстнаго германскому праву ограниченія права распоряженія родовыми имуществами [1]). У насъ такое ограниченіе впервые установлено Цар. Судебникомъ, его новыми правилами о выкупѣ.

Возникаетъ вопросъ, почему составители Цар. Судебника нашли нужнымъ ввести указный выкупъ, существенно измѣняющій вѣковую практику русскаго народа? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только догадками. Относящаяся сюда статья Судебника начинается такъ: «А о вотчинахъ судъ. Кто вотчину продастъ, и дѣтямъ его и внучатамъ до тоѣ вотчины дѣла нѣтъ и не выкупити ее имъ...» (85). На основаніи приведенныхъ словъ можно подумать, что на практикѣ

---

[1]) Выкупъ встрѣчается не только у насъ, но и въ Германіи. Тамъ выкупъ примѣнялся къ такъ называемымъ наслѣдственнымъ имуществамъ (Erbgut). Владѣльцы не могли свободно распоряжаться своими наслѣдственными имуществами; они должны были переходить въ порядкѣ законнаго наслѣдованія. У наслѣдника было уже право на такое имущество. Право продажи принадлежало владѣльцу только въ крайнихъ случаяхъ, но и въ такихъ случаяхъ владѣлецъ долженъ былъ предложить прежде всего предполагаемому наслѣднику купить имѣніе. Изъ этого права первой покупки въ Германіи и выработалось потомъ право выкупа въ теченіе одного года со днемъ. Въ нѣмецкомъ правѣ этотъ институтъ стоитъ въ связи съ ограниченнымъ правомъ распоряженія наслѣдственными имуществами.

нисходящіе продавца заявляли притязанія на выкупъ проданныхъ имъ вотчинъ, а отсюда возникали споры между ними и покупщиками. Изъ предшествующаго мы знаемъ, что въ 1679 г. дѣти и родственники умершихъ просили государя о возвратѣ имъ вотчинъ, подаренныхъ ихъ родителями при жизни или отказанныхъ въ завѣщаніяхъ въ чужіе роды. Весьма возможно, что 125 лѣтъ ранѣе дѣти и родственники просили о предоставленіи имъ права выкупа проданныхъ въ чужой родъ вотчинъ. Въ удовлетвореніе этихъ просьбъ и послѣдовало указное опредѣленіе выкупа, но нисходящимъ право выкупа не было предоставлено, по мотивамъ строгаго подчиненія ихъ отеческой власти, и подписавшимся свидѣтелями, въ виду выраженнаго этой подписью согласія на продажу.

Послѣдовавшія въ два пріема, въ 1550 и 1679 г., ограниченія права распоряженія недвижимости были оба раза вызваны жалобами заинтересованныхъ лицъ и составляютъ продуктъ законодательства Москвы, а не отголосокъ глубокой древности, какъ думаютъ нѣкоторые [1]). Сопоставленіе правилъ обычнаго и указнаго выкупа даетъ возможность точно опредѣлить, когда впервые возникло у насъ понятіе родовыхъ недвижимостей, не подлежащихъ свободному отчужденію. Оно не старѣе 1550 г. До 1550 г. всякія вотчины могли продаваться въ прокъ безъ выкупа. Судебникъ даетъ право боковымъ родственникамъ выкупать на-

---

[1]) Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей, а именно сторонники родовой теоріи, говорятъ, что право выкупа коренится въ родовыхъ имуществахъ, что прежде существовала не личная, а родовая собственность, а потому, если кто-нибудь продавалъ имущество, то родственники имѣли право его выкупить. Противъ такого объясненія выступилъ очень основательно Неволинъ. Такъ какъ собственникомъ родовыхъ имуществъ былъ родъ, — говоритъ Неволинъ, — то отдѣльныя лица вовсе не имѣли права отчуждать ихъ, вотчины могли отчуждаться только родомъ въ цѣломъ своемъ составѣ. А если имущество продавалось родомъ, то у отдѣльныхъ членовъ рода не могло остаться права выкупа. На стр. 69 и сл. (т. III) Неволинъ развиваетъ свои предположенія о происхожденіи выкупа.

слѣдственныя вотчины. Онъ содержитъ въ себѣ и первое опредѣленіе того, что считать такой подлежащей выкупу вотчиной; это имущество, перешедшее отъ отца къ дѣтямъ: «А кто напишетъ свою куплю дѣтямъ своимъ послѣ своего живота, ино имъ та вотчина; то имъ держати въ вотчину, и впредь имъ та вотчина выкупати по тому жъ указу за вотчину» (85). Но Судебникъ дозволяетъ выкупать вотчину проданную, а о подаренныхъ кому-либо или по душѣ отказанныхъ не говоритъ ни слова: эти вотчины не выкупаются. Первое отступленіе отъ этого находимъ въ соборномъ приговорѣ 1551 г.: онъ дозволяетъ выкупать отданные по духовнымъ въ монастыри вотчины, если въ духовныхъ кому-либо такое право предоставлено и обозначена цѣна, которую надо внести въ монастырь. Этотъ соборный приговоръ ничего не вводитъ новаго, онъ узаконяетъ только существующую практику. Эта практика, по словамъ приговора, восходитъ къ XV вѣку, къ княженію Ивана Васильевича, который уже утверждалъ своими указами такія завѣщанія (А. Э. I № 227). Дальнѣйшій шагъ къ обособленію родовыхъ имуществъ сдѣланъ указами 1679 г., которые запрещаютъ завѣщать родовыя и выслуженныя вотчины чужеродцамъ и предоставляютъ боковымъ родственникамъ право выкупа подаренныхъ въ чужіе роды родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ. Въ этихъ указахъ дѣло идетъ не объ одняхъ только родовыхъ, но и о выслуженныхъ вотчинахъ. Новое указаніе на то, какъ эти распоряженія трудно связывать съ первоначальной родовой собственностью, изъ которой нѣкоторые ученые хотятъ вывести нашъ выкупъ вотчинъ. Практика, судя по вышеприведенному выраженію жалованныхъ грамотъ, знала выкупъ даже купель.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на то, что Судебникъ не отметаетъ и бытовой практики, по которой право выкупа выговаривали старые продавцы въ свою пользу и въ пользу своихъ дѣтей. Онъ предоставляетъ продавцу всту-

пать объ этомъ въ добровольное соглашеніе съ покупщикомъ (85).

Законное право выкупа установлено Судебникомъ 1550 г. и развито указами 1676 годовъ.

Вотчинникамъ принадлежало право сбора мостовыхъ пошлинъ въ предѣлахъ ихъ владѣній. Это право возникало иногда на основаніи жалованныхъ грамотъ, а иногда въ силу обычая безъ всякихъ грамотъ. Мы уже знаемъ, что Ѳедоръ Ивановичъ въ 1596 г. взялъ этотъ сборъ на себя, а вотчинникамъ выдавалъ только половину пошлинъ. Михаилъ Ѳеворовичъ въ 1642 году дозволилъ брать пошлины только тѣмъ, у кого были грамоты, а въ 1654 г. и для нихъ отмѣнилъ это право.

Съ прикрѣпленія крестьянъ къ вотчиннымъ правамъ присоединилось и право на крѣпостныхъ.

Вотчинники были свободными обладателями своихъ вотчинъ только до возникновенія обязательной для нихъ службы государству; съ этого же времени по 1762 г. они обладали вотчинами на условіи службы и лишались ихъ, если уклонялись отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей.

Помѣстья

Подъ помѣстьемъ разумѣется цѣлое имѣніе, т.-е. такой хозяйственный участокъ земли, въ составъ котораго входитъ извѣстное количество дворовой и пахотной земли, лѣсовъ и луговъ. Кромѣ того, въ помѣстья давались иногда и отдѣльныя угодья: рыбныя ловли, бобровые гоны и пр. Такіе «данные дворы» не называются помѣстьями, но до нѣкоторой степени имъ соотвѣтствуютъ. Они давались служилымъ людямъ въ городахъ на условіи службы. Всѣ споры о данныхъ дворахъ рѣшались по помѣстнымъ статьямъ. Собственникомъ помѣстья былъ государь: помѣщикъ только условный владѣлецъ. Между помѣстными и вотчинными

правами первоначально существовало глубокое различіе; дальнѣйшая же исторія помѣстій состоитъ въ томъ, что они понемногу сближаются съ вотчинами и, наконецъ, сливаются съ ними. Помѣщику принадлежало только право пользованія произведеніями помѣстныхъ земель, и то временно и условно, пока онъ служилъ. Самое же помѣстье онъ долженъ былъ сохранять въ томъ видѣ, какъ получилъ, и не пустошить, т.-е. онъ не долженъ былъ вырубать лѣсовъ и переводить крестьянъ въ другія помѣстья или въ свои вотчины. Права распоряженія онъ не имѣлъ. Если помѣщикъ пустошилъ помѣстье, переводилъ или разгонялъ крестьянъ, помѣстье у него отбиралось. Вотъ въ чемъ заключались первоначальныя особенности помѣстныхъ правъ. Сближеніе помѣстныхъ правъ съ вотчинными идетъ довольно медленно: только въ императорскую эпоху уничтожаются послѣднія различія между помѣстьями и вотчинами, и тѣ и другія безразлично соединяются въ общемъ понятіи недвижимыхъ имуществъ. При Иванѣ Грозномъ принято за правило: по смертіи помѣщика только въ томъ случаѣ отдавать его помѣстье постороннему человѣку, а не сыну, если сынъ не годенъ къ тому роду службы, которую несъ отецъ. Это повело къ наслѣдственности помѣстій. За службу отца правительство находило справедливымъ обезпечить и дочерей его; по смертіи отцовъ имъ тоже стали нарѣзать участки. Въ хозяйственныхъ цѣляхъ помѣщикамъ съ теченіемъ времени было предоставлено право мѣнять свои помѣстныя земли на помѣстныя же, первоначально для уничтоженія чрезполосицы. Помѣщики такъ воспользовались этимъ правомъ, что мѣна мало чѣмъ отличалась отъ купли-продажи: малоземельныя помѣстья мѣнялись на многоземельныя, а въ приплату брались деньги. Мѣна замѣняла имъ и дареніе, совершать которое они не имѣли права. Кромѣ мѣны, у помѣщиковъ возникло право сдачи помѣстій. Подъ сдачею разумѣется право передать помѣстье другому лицу съ тѣмъ, чтобы оно кормило и содержало передавшаго помѣстье. Право сдачи принадлежало женщинамъ и дряхлымъ людямъ,

которые не могли сами управлять имѣніемъ. Дѣвица, выходя замужъ, сдавала свою часть помѣстья мужу. Но и помимо выхода замужъ каждая помѣщица могла сдать свой участокъ, полученный для прокормленія, родственнику съ тѣмъ, чтобы онъ кормилъ ее и содержалъ; то же дѣлали старики. Сдачею въ XVII вѣкѣ также стали пользоваться для того, чтобы, подъ видомъ сдачи, продавать помѣстья. Правительство воспротивилось этому; въ 1683 г. послѣдовало запрещеніе сдавать помѣстья за деньги. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ дозволено было изъ помѣстья давать приданое за дочерьми. Уложеніе дозволило, наконецъ, продавать помѣстья, но всякій разъ по особому указу государя. Помѣстныя права, такимъ образомъ, сближаются съ вотчинными правами.

Тяглыя земли

Подъ тяглыми землями мы разумѣемъ здѣсь земли вел. князя, данныя въ прекарное владѣніе крестьянъ или посадскихъ людей. Объ нихъ идетъ рѣчь въ I т. Древностей стр. 251—264 и въ III т. стр. 301 — 313.

Права на чужія вещи

Въ московскихъ памятникахъ права на чужія вещи сложились подъ несомнѣннымъ вліяніемъ византійскаго права.

Сервитуты раздѣляются на личные и реальные. Признакъ личныхъ состоитъ въ томъ, что право на чужую вещь принадлежитъ непосредственно извѣстному лицу; подъ реальными разумѣютъ такіе, когда право на чужую вещь принадлежитъ не прямо извѣстному лицу, а чрезъ посредство недвижимой собственности, напр., поземельнаго участка. Въ этомъ случаѣ право на чужую вещь неотдѣлимо отъ недвижимости и переходитъ вмѣстѣ съ нею къ каждому вла-

дѣльцу. Въ Московскомъ государствѣ встрѣчаемся съ тѣми и другими. Такъ ратные люди во время похода могли останавливаться на прилежащихъ къ дорогѣ лугахъ, которые съ этою цѣлью не должны были закрываться ранѣе Троицына дня; а послѣ Троицына дня они могли пользоваться пространствомъ въ три сажени отъ дороги. Служилые люди, идя на войну, могли въѣзжать въ прилежащіе къ дорогѣ лѣса для добычи дровъ и кольевъ для постройки палатокъ. Къ реальнымъ сервитутамъ принадлежали слѣдующіе. Владѣлецъ вышележащаго имѣнія могъ запретить владѣльцу нижележащаго имѣнія строить плотину, если отъ этого покрывались водой его луга. Къ этимъ сервитутамъ нужно отнести и права угодій, напр., право владѣльцевъ извѣстныхъ имѣній въѣзжать въ чужія лѣсныя дачи, чтобы рубить лѣсъ, ловить въ озерахъ рыбу, имѣть бортныя деревья и т. п. Это право въѣзда было весьма точно опредѣлено Уложеніемъ: такъ, кто имѣлъ право въѣзда для пчеловодства, тому позволялось устраивать только ульи на деревьяхъ, но самыми деревьями онъ не могъ пользоваться, онъ не могъ ихъ рубить и брать для постройки. Еслибы даже какое-нибудь дерево сгнило и свалилось, онъ не имѣлъ права взять его въ свою пользу, такъ какъ ему принадлежало только право бортныхъ угодій.

Кромѣ того, въ Уложеніи есть и такъ называемые городскіе сервитуты; они всѣ заимствованы изъ римскаго права. Къ нимъ относятся слѣдующіе: никто не имѣлъ права строить дома на межѣ своего участка; никто не могъ ставить печи къ стѣнѣ своего сосѣда; никто не имѣлъ права сваливать соръ и всякую нечистоту и лить воду съ крыши своего дома на чужую сторону. Эти ограниченія были сдѣланы въ пользу сосѣднихъ участковъ; владѣлецъ сосѣдняго дома могъ требовать, чтобы сосѣдъ сломалъ свой домъ, если онъ пристроенъ къ его дому, чтобы онъ сломалъ печку, если она сдѣлана къ его стѣнѣ и т. п. (Неволинъ, II, 276 и сл.).

Пріобрѣтеніе недвижимостей

Изъ самыхъ древнихъ московскихъ памятниковъ видно, что для пріобрѣтенія недвижимости мало было совершить договоръ купли-продажи или какой-нибудь другой, а надо было еще произвести на мѣстѣ отводъ пріобрѣтателю пріобрѣтенной имъ земли. Въ XV и даже въ XVI в. отводъ былъ частнымъ дѣломъ сторонъ. Въ купчихъ и мѣновыхъ грамотахъ они договариваются о томъ, кто долженъ позаботиться, чтобы отводъ былъ сдѣланъ. При отводѣ въ натурѣ обходятъ межи и, если нужно, копаютъ ямы и ставятъ столбы. Этотъ отводъ дѣлается въ присутствіи постороннихъ людей, конечно, мѣстныхъ жителей. Объ отводѣ пишется отводная грамота.

Къ этому старинному порядку, въ XVII в., а можетъ быть съ конца XVI, присоединилось нѣчто новое. Это новое состоитъ въ томъ, что для пріобрѣтенія поземельныхъ правъ сдѣлалась необходима справка. Недостаточно было по договору совершить передачу купленной вещи изъ рукъ въ руки, а нужно было сдѣлать еще справку по книгамъ Помѣстнаго приказа, въ которыхъ записывалось, что такой-то человѣкъ продалъ, а такой-то купилъ. Юридическое значеніе справки въ литературѣ спорно. Неволинъ сомнѣвается, чтобы справка была безусловно необходима. Энгельманъ утверждаетъ противное. Въ Уложеніи прямо не говорится, что справка должна непремѣнно имѣть мѣсто. Но тамъ предусматривается такой случай: одинъ и тотъ же владѣлецъ продалъ одно и то же имущество двумъ лицамъ. Кто собственникъ имущества, первый или второй покупатель? Уложеніе рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу того покупателя, который совершилъ справку, хотя бы купчая его была и моложе. Это даетъ поводъ думать, что справка дѣйствительно была необходима. Но справка не исключаетъ стараго отвода, а даетъ ему офиціальный характеръ. За со-

вершеніе справки взыскивалась пошлина. Тому, кто справилъ за собою имущество, давали «отказную грамоту», въ которой приказывалось мѣстнымъ властямъ отказать ему пріобрѣтенное. Съ этою отказною грамотою пріобрѣтатель ѣхалъ на мѣсто. Иногда сверхъ отказной грамоты давали еще вводную или послушную грамоту, въ которой предписывалось мѣстнымъ крестьянамъ слушаться новаго владѣльца. По пріѣздѣ совершался отводъ земли: мѣстныя власти читали отказную и послушную грамоту, обходили пріобрѣтенную землю и составляли объ этомъ актъ. Этотъ актъ носилъ также названіе отказной грамоты. Эта отказная грамота писалась въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ отдавался пріобрѣтателю, а другой посылался въ помѣстный приказъ. Справка примѣнялась только къ помѣстьямъ и вотчинамъ, государевы черныя тяглыя земли передавались безъ справки.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

Наслѣдственное право

Существуютъ два способа открытія наслѣдства: 1) наслѣдованіе по завѣщанію и 2) наслѣдованіе безъ завѣщанія. Наслѣдованіе по завѣщанію имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда наслѣдникъ назначается волею умершаго; наслѣдованіе безъ завѣщанія,—когда наслѣдникъ опредѣляется нормами права, независимо отъ воли умершаго; это наслѣдованіе по закону.

I. Наслѣдованіе по завѣщанію

Вопросъ о томъ, были ли у насъ извѣстны съ древнѣйшаго времени эти обѣ формы или первоначально господ-

ствовала какая-либо одна, а другая явилась позднѣе, весьма споренъ въ ученой литературѣ. Нѣкоторые изслѣдователи говорятъ, что первоначальной формой наслѣдованія у насъ было наслѣдованіе по закону, завѣщательное же наслѣдованіе явилось позднѣе. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ, напр., Никольскій и другіе; Неволинъ не затрудняется признать существованіе завѣщательныхъ распоряженій въ эпоху Русской Правды. Опредѣленное рѣшеніе этого вопроса, по состоянію памятниковъ, представляетъ, дѣйствительно, значительныя трудности. Нѣкоторыя мѣста древнихъ источниковъ носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды византійскаго вліянія. Такова, напримѣръ, 13 статья договора Олега съ греками.

Главный матеріалъ для рѣшенія вопроса даетъ Русская Правда. Въ 120 статьѣ III ред. говорится: «Аже кто умирая раздѣлить домъ свой дѣтемъ, на томъ же стояти; паки ли безъ ряду умреть, то всѣмъ дѣтемъ, а на самого часть дати души». Эту статью понимаютъ въ томъ смыслѣ, что ею уже указаны наслѣдники, что отецъ воленъ только въ томъ, какъ раздѣлить имущество между ними, но устранить ихъ онъ не можетъ. Къ этому прибавляютъ, что и въ дѣлежѣ отецъ не вполнѣ свободенъ, такъ какъ въ 130 статьѣ говорится: «А дворъ безъ дѣла отень всякъ меньшему сынови».

Противъ такого пониманія надо замѣтить, что въ спискѣ Синодальной Кормчей XIII в. эта статья читается иначе: «Аже кто умирая раздѣлить домъ, на томъ же стояти; паки ли безъ ряду умретъ, то все дѣтямъ, а на самого часть дати по души». По этой редакціи необходимыхъ наслѣдниковъ нѣтъ; о раздѣлѣ дома говорится вообще, безъ обозначенія лицъ, между которыми раздѣлъ долженъ произойти. Надо думать, что умирающій могъ отказать что-либо и не дѣтямъ. Это предположеніе подтверждается и второю частью статьи, въ которой сказано: «безъ ряду умретъ, то все дѣтямъ», т.-е. въ завѣщаніи можетъ быть оставлено и не все дѣтямъ. Тотъ же выводъ надо сдѣлать и на основаніи

Троиц. сп., въ которомъ вмѣсто: «все дѣтямъ», сказано: «всѣмъ дѣтямъ»; значитъ, отецъ могъ оставить и не всѣмъ, а кого-либо могъ исключить. Изъ 120 статьи, слѣдовательно, нельзя выводить обязанности отца раздѣлить свое имущество только между дѣтьми и непремѣнно между всѣми дѣтьми.

Въ Русской Правдѣ есть еще статья о правѣ матери распорядиться своимъ имуществомъ на случай смерти, которая можетъ дополнить выводъ, сдѣланный на основаніи 120-й ст. Въ 138-й ст. III редак. читаемъ: «А матери который сынъ добръ, перваго-ли, другаго-ли, тому же дасть свое; аче и вси сынови еи будуть лиси, а дчери можеть дати, кто ю кормить». Отсюда надо вывести, что если и дочь, подобно сыновьямъ, была не хороша, то мать могла и ее устранить и передать свое имущество дальнѣйшему родственнику, а наконецъ, и постороннему лицу. Относительно матери право устранить всѣхъ сыновей—несомнѣнно. Но неужели отецъ имѣлъ меньше правъ, чѣмъ мать? Надо думать, что и отецъ могъ устранить всѣхъ дѣтей отъ наслѣдства. Это же начало выражено и въ Псковской судной грамотѣ: «Аже сынъ отца или матерь не скормитъ до смерти, а пойдетъ изъ дому, части ему не взять». Приведенная статья имѣетъ въ виду случай смерти родителей безъ завѣщанія. Но если сынъ, произвольно оставившій родителей, устранялся отъ наслѣдства въ силу закона, то неужели отецъ былъ обязанъ въ завѣщаніи надѣлять такого сына?

Эта практика сохранилась до нашихъ дней въ обычаяхъ крестьянъ Архангельской губерніи. Въ случаѣ оскорбительныхъ поступковъ дѣтей, родители могутъ лишить ихъ наслѣдства; между покорными дѣтьми они распредѣляютъ наслѣдство по усмотрѣнію (Ефименко, 70, 73).

Въ Русской Правдѣ есть статья, изъ которой видно, что умирающіе, обыкновенно, дѣлали распоряженіе о своемъ имуществѣ: «А матерня часть не недобѣ дѣтемъ; но кому мати дасть, тому же взяти; дасть ли всѣмъ, а вси роздѣлять; безъ языка ли умреть, то у кого будетъ на дворѣ

была и кто ю кормилъ, то тому взяти» (135 III р.). Приведенная статья указываетъ законнаго наслѣдника на тотъ случай, когда мать сама не сдѣлала распоряженія о своей части, а не сдѣлала она распоряженія потому, что безъ языка умерла. Не сдѣлать распоряженія на случай смерти и значитъ умереть безъ языка; отсюда слѣдуетъ, если человѣкъ умиралъ, сохраняя способность сознательной рѣчи, онъ всегда дѣлалъ распоряженіе о своемъ имуществѣ.

То же начало выражено и въ Псковской судной грамотѣ. Въ 88 ст. читаемъ: «А у котораго человѣка помреть жена безъ рукописанія, а у ней останется отчина, ино мужу ея владѣти тою вотчиною...»; въ 89-й: «А у которой жены мужъ помреть безъ рукописанія, и останется вотчина или животъ, ино женѣ его кормится...» О наслѣдственныхъ правахъ пережившаго супруга говорится только въ томъ случаѣ, если умершій не оставилъ распоряженія. Псковская грамота требуетъ писаннаго распоряженія, Русская Правда довольствуется устнымъ.

Практика князей даетъ примѣры предсмертныхъ распоряженій, въ которыхъ они лишали своихъ сыновей наслѣдства. Частные люди, какъ и князья, обыкновенно, назначали имущество своимъ дѣтямъ. Но дѣти получали имущество родителей не потому, чтобы имѣли на него право, а потому, что такова была воля родителей. Если такой воли родителей не было, все имущество могло быть отказано и помимо дѣтей: церкви, женѣ, даже постороннимъ лицамъ. Отъ половины XV в. сохранилось посланіе митрополита Іоны къ дѣтямъ, неповинующимся своей матери. Неповиновеніе состояло въ томъ, что дѣти отняли у матери то, что ихъ отецъ далъ ей въ «опричнину»; они находили, что онъ далъ ей слишкомъ много. Митрополитъ увѣщаетъ ихъ подчиниться волѣ отца и матери, угрожая, въ противномъ случаѣ, возложить на нихъ духовную тягость (Д. къ А. И. I, № 11). Изъ приведенныхъ выше указовъ 1679 г. видно, что родители и въ XVII в. отказываютъ свои имущества помимо дѣтей. Только въ этомъ году сдѣлано ограниченіе родительской воли по

отношенію родовыхъ и выслуженныхъ недвижимостей. Практика XII вѣка доживаетъ до конца XVII-го.

Съ принятіемъ христіанства дѣла о наслѣдствахъ были у насъ подчинены вѣдомству духовенства. Духовенство, конечно, примѣняло къ этимъ дѣламъ постановленія византійскаго законодательства. Разобранныя нами статьи ни по содержанію своему, ни по формѣ не носятъ на себѣ сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ византійскаго вліянія, а потому въ нихъ надо видѣть русскую народную практику. Право собственника распорядиться своимъ имуществомъ на случай смерти не было занесено къ намъ изъ Византіи. Оно коренное русское. Но съ возникновеніемъ византійскаго вліянія оно должно было подчиниться ему. Наши источники не даютъ, однако, возможности выяснить мѣру этого вліянія.

На нѣкоторыя соображенія наводитъ выраженіе 120-й статьи «на томъ же стояти». Въ немъ слышится освященіе послѣдней воли умирающаго, признаніе ея кѣмъ-то подлежащей къ исполненію. Значитъ, она не всегда исполнялась. Это понятно. Послѣдняя воля не всегда могла нравиться дѣтямъ умершаго. Между ними могла возникать борьба по поводу сдѣланнаго умершимъ распоряженія. До установленія сколько-нибудь правильныхъ судовъ, судьба предсмертныхъ распоряженій, если тѣ, въ пользу кого они сдѣланы, не въ силахъ настоять на ихъ исполненіи, была весьма шаткая. Съ подчиненіемъ наслѣдственныхъ дѣлъ духовенству и распространеніемъ обычая приглашать священника для христіанскаго напутствованія умирающаго, послѣдняя воля должна была найти въ представителяхъ духовенства офиціальныхъ защитниковъ. Его вліянію и надо приписывать эту прибавку: «на томъ же стояти». Духовенство, само нерѣдко принимавшее участіе въ составленіи послѣдней воли (отказы по душѣ, конечно, надо приписывать его вліянію), не могло же высказываться противъ святости послѣдней отеческой воли. Можно даже думать, что оно скорѣе склонно было признавать эту волю безусловно, какъ понимали ее сами родители, чѣмъ съ тѣми ограниченіями, какимъ она подлежала по

римскому праву. Старая практика, выразившаяся въ 121-й статьѣ, признаетъ народный обычай, предсмертный рядъ объ имуществѣ, и старается придать ему крѣпость.

Псковская судная грамота называетъ завѣщаніе «порядною» (грамотой, 13). Это сближаетъ писанныя завѣщанія XV в. съ «рядомъ» умирающаго, о которомъ говоритъ Русская Правда. Можно также думать, что «приказчики» духовныхъ грамотъ XVI в. возникли подъ вліяніемъ извѣстныхъ византійскому праву исполнителей воли завѣщателя (Zachariae, 137). Псковская судная грамота говоритъ о приказникахъ (14).

Словесныя духовныя завѣщанія признавались у насъ въ силѣ еще въ XVII в. (Неволинъ, III, 290).

Древнѣйшее писанное завѣщаніе, до насъ дошедшее, относится къ XIII в. (Христ. Буданова, I, стр. 123). Въ этой духовной не упомянуты свидѣтели; не всегда упоминаются они и въ позднѣйшихъ духовныхъ.

II. Наслѣдованіе безъ завѣщанія

Свидѣтельства древнѣйшихъ памятниковъ о наслѣдованіи безъ завѣщанія очень не полны.

Статьи 4 и 13 договора Олега съ греками содержатъ византійское право; онѣ предназначались для дѣйствія въ Греціи [1]). Отъ нихъ нельзя дѣлать никакого заключенія къ русскому праву.

Статьи Русской Правды отличаются крайней отрывочностью и несовершенствомъ редакціи. Нѣкоторыя изъ нихъ передаютъ чисто-русское право, другія носятъ слѣдъ вліянія византійскихъ началъ. Статьи того и другого характера перемѣшаны и нуждаются въ выдѣленіи.

Наслѣдство носитъ техническое наименованіе «задници» или статка.

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ говорится далѣе въ Приложеніи: Греческое и русское право въ договорахъ съ греками X в.

1) Наслѣдованіе въ нисходящей линіи

Наше русское право, какъ и древне-германское, въ правахъ наслѣдованія не равняетъ мужчинъ и женщинъ. Согласно съ бургундскимъ (Warnkönig, II, 436), оно допускаетъ дочерей къ наслѣдованію, только если нѣтъ сыновей.

«Аже будетъ сестра въ дому, то той задницѣ не імати, но отдадятъ ю за мужъ братия, како си могуть» (125 III р.). «Аже въ боярехъ либо въ дружинѣ... оже не будетъ сыновъ, а дчери возьмутъ» (119, 120).

Этого различія не дѣлаютъ, однако, статьи: 121—4, 134—5 и 136—7. Онѣ говорятъ о наслѣдованіи дѣтей безъ различія пола. Это несомнѣнно византійское начало. Эти статьи повторяютъ только положеніе Эклоги: «Аще ли чада будутъ отъ вторыя жены, и ключится ему умерети, лѣсть есть и первымъ чадомъ и вторымъ своего наслѣдити отца, такоже и матере» (Царя Леона и Конст. зачат. II, 7). Ст. 124 Русской Правды передаетъ это положеніе въ такой формѣ: «Будутъ ли дѣти, то что первое жены, то то возмуть дѣти матере своея»; 136-я статья примѣняетъ то же положеніе къ дѣтямъ двухъ разныхъ отцовъ, но одной матери: «Аже будуть двою мужю дѣти, а одинoѣ матери, то онѣмъ своего отца задница, а онѣмъ своего».

Также не различаетъ пола дѣтей и 122-я ст.: «Паки-ли безъ ряду умреть, то всѣмъ дѣтемъ, а на самаго часть дати души». Упоминаніе о части на поминъ души дѣлаетъ несомнѣннымъ участіе духовенства въ появленіи этой статьи.

Уравненіе сыновей и дочерей могло у насъ не привиться но трудно сомнѣваться въ томъ, что духовенство, слѣдуя византійскому праву, проводило это начало.

Статья о порядкѣ наслѣдованія послѣ матери чисто народная: «Безъ языка-ли умреть, то у кого будеть на дворѣ была и кто ю кормилъ, то тому взяти» (134—5).

Младшій сынъ имѣетъ преимущество предъ старшими:

«А дворъ безъ дѣла отень всякъ меньшему сынови» (130). Такое же постановленіе встрѣчается и въ нѣкоторыхъ германскихъ законодательствахъ. Въ народныхъ обычаяхъ поморскихъ уѣздовъ оно сохранилось до нашихъ дней. На Зимнемъ берегу домъ идетъ младшему сыну, а конь старшему; въ Архангельской губерніи младшій получаетъ только «окладно бревно», т.-е. нижній этажъ [1]).

Наслѣдуютъ законныя дѣти: «Аже будуть робьи дѣти у мужа, то задници имъ не имати; но свобода имъ съ матерью» (128). Это также византійское начало. По народнымъ германскимъ обычаямъ незаконнорожденные получаютъ иногда наравнѣ съ законными; у лонгобардовъ — вполовину противъ законныхъ. Подобныя явленія встрѣчаются и у насъ. У крестьянъ Архангельской губерніи незаконныя дѣти получаютъ равную часть съ законными.

Дѣти, произвольно оставившія своихъ родителей, не наслѣдуютъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, по Псковской судной грамотѣ (53).

Кромѣ разобранныхъ статей, въ Русской Правдѣ есть еще спеціальныя статьи, говорящія о наслѣдствѣ послѣ смердовъ и бояръ. Эти статьи возбуждаютъ крупныя недоразумѣнія.

Заголовокъ первой статьи въ разныхъ спискахъ различенъ: О задници.—О смердахъ.—Аже умреть смердъ.—О смердьей задници.—О смердьи статкѣ.

Самая статья читается тоже неодинаково:

117-я. Аже смердъ умреть (въ другихъ прибавлено: «безъ дѣтей», въ третьихъ «безажю), то задницю князю.

118-я. Аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на нѣ; аже будуть за мужемь, то не даяти части имъ».

Заголовокъ третьей тоже различенъ: О задницѣ боярьстей и о дружьнѣй.—О боярьстѣй задницѣ и о людстѣй.—О беззадници.—О задници боярстѣй.

[1]) Ефименко Н.—Статья Русск. Пр. доселѣ сохранилась въ народной пословицѣ: «Меньшему сыну отцовскій дворъ, старшему новоселье». «Меньшой сынъ на корню сидитъ». Даль II, 73.

Текстъ 119-й. Аже въ боярехъ либо («въ боярехъ либо» въ нѣкоторыхъ спискахъ нѣтъ), въ (нѣкоторыхъ прибавлено: «боярстѣй») дружинѣ, то («то» есть не во всѣхъ спискахъ) за князя задниця не идеть.

120. Но (не во всѣхъ спискахъ) оже не будеть сыновъ, а дчери возмутъ (Тр.).

Не останавливаемся на различіи заголовковъ. Они не всегда дѣло первой руки, составившей статью. Выяснимъ прежде всего условія, при которыхъ князь наслѣдуетъ смерду по ст. 117.

Изъ разныхъ чтеній статьи 117 наиболѣе вѣрнымъ надо признать чтеніе списка, напечатаннаго Дубенскимъ во II т. Русск. Достоп.: «Аще смердъ оумреть безажю, то князю задница». Безажю, беззадница, безатщина—обозначаетъ отсутствіе наслѣдниковъ, по нашему—выморочное имущество. О безатщинѣ говоритъ и Ярославовъ церковный уставъ. Ст. 117, значитъ, постановляетъ, что выморочное имущество смердовъ идетъ князю; она, слѣдовательно, содержитъ общее правило о судьбѣ выморочнаго имущества (Цитовичъ, Исходные моменты истор. русск. права наслѣдованія, первый указалъ на это). Источникъ ея—византійское право. Въ Эклогѣ, по перечисленіи всѣхъ законныхъ наслѣдниковъ и въ томъ числѣ жены, читаемъ: Si defuncti ne uxor quidem extat, tunc universum ejus patrimonium, veluti cujus nullus extat heres, fisco infertur (Leuncl. II, 112).

Въ какомъ же смыслѣ надо понимать слово смердъ? Статья говоритъ о судьбѣ выморочнаго имущества и очень трудно допустить, что она имѣетъ въ виду выморочное имущество смердовъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. однихъ крестьянъ. Надо думать, что она говоритъ о выморочномъ имуществѣ вообще, и слово смердъ употребляетъ въ широкомъ смыслѣ всего населенія. Мы уже знаемъ, что слову смердъ Русская Правда иногда придаетъ такое общее значеніе (см. Древности, т. I, стр. 203 и сл.). При иномъ пониманіи слова смердъ получилось бы искусственное и ничѣмъ необъяснимое ограниченіе смысла статьи: только вы-

морочное имущество крестьянъ идетъ князю. А куда же идетъ выморочное имущество бояръ, купцовъ и другихъ людей? Изъ обшаго правила, установляемаго ст. 117-й, въ Ярославовомъ церковномъ уставѣ находимъ исключеніе: безатщина церковныхъ людей идетъ епископу. Подъ церковными людьми разумѣются всѣ, состоящіе въ вѣдомствѣ церкви. По Ярославскому уставу это — домовные, церковные и монастырскіе люди; по Владимірову: игуменъ, попъ, дьяконъ, чернецъ, черница, попадья, проскурница, поповичъ, лѣчецъ, прощеникъ (получившій чудесное исцѣленіе), задушный человѣкъ (вольноотпущенный). Уставъ новогородскаго князя Всеволода прибавляетъ къ нимъ еще нѣкоторыхъ изгоевъ. Въ виду зависимости этихъ людей отъ церкви, ей и предоставлено право наслѣдовать въ ихъ выморочномъ имуществѣ. Въ славянскихъ переводахъ приведенная статья Эклоги передается такъ: «Аще ли ни жены будетъ умершему, и тогда все имѣніе его или апостольская церковь, или царское сокровище, или людскій соньмъ да пріиметъ» (царя Леона и Константина. Зачат. VII). Другое исключеніе найдемъ въ статьѣ 119-й Русской Правды.

Существенное для статьи слово »безажю« нѣкоторые переписчики замѣнили словами «безъ дѣти» (такъ въ Карамз. сп.), думая, можетъ быть, объяснить этимъ не совсѣмъ понятное имъ выраженіе первоначальнаго текста. Нашлись и такіе, которые выпустили и то, и другое слово и, такимъ образомъ, составилась статья въ крайне неудовлетворительной редакціи Троицкаго списка.

Далѣе въ текстѣ Дубенскаго читаемъ: «Аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на нѣ; аже будутъ за мужемъ, то не даяти имъ части». Это особая статья, и нѣтъ ни малѣйшаго повода сливать ее съ предшествующей. Смыслъ ея такой: дочери получаютъ часть въ наслѣдствѣ. Это византійское начало, которое духовенство должно было проводить и, какъ видимъ, дѣйствительно проводило. Статья говоритъ о «части» дочерей въ наслѣдствѣ. Подъ частью какъ здѣсь, такъ и въ статьяхъ, говорящихъ о части жены,

надо, конечно, разумѣть не «указную часть» Свода Законовъ, образовавшуюся изъ помѣстнаго права, а часть грекоримскаго права, которая для дочерей равнялась части братьевъ, а для жены—части ея дѣтей.

Исключеніе замужнихъ дочерей отъ участія въ наслѣдствѣ есть также право Эклоги, которой неизвѣстна dotis kollatio и которая не даетъ повода допустить, чтобы надѣленныя приданымъ и выданныя замужъ дочери участвовали въ наслѣдствѣ съ невыданными: онѣ удерживаютъ за собой данное уже имъ приданое и только (Zachariae, 112, 173).

При такомъ объясненіи Русская Правда будетъ содержать въ себѣ два прямо противорѣчивыхъ между собой постановленія о наслѣдственномъ правѣ дочерей: по одному дочери получаютъ части въ наслѣдствѣ, по другому—нѣтъ. Не отрицаемъ этого противорѣчія. Но Русская Правда не Сводъ Законовъ Россійской имперіи, а частный сборникъ постановленій и правилъ, дѣйствовавшихъ въ разныя времена и въ разныхъ судахъ.

Не менѣе затрудняла переписчиковъ и третья статья. Въ спискѣ, объясненномъ Дубенскимъ, статья 119 читается такъ: «Аще въ боярстѣй дружини, то за князя задница не идеть»; въ Троицкомъ: «А въ боярехъ либо въ дружинѣ» и т. д.; въ Карамзинскомъ. «А иже въ боярехъ или же въ боярстѣй дружинѣ...»

Единственно возможное чтеніе есть первое, т.-е. того самаго списка, въ которомъ и первая (117) статья сохранилась въ наиболѣе удовлетворительной редакціи. Чтеніе: «А въ боярехъ либо въ дружинѣ (т.-е. княжеской) за князя задница не идетъ» совершенно не имѣетъ смысла, такъ какъ, при отсутствіи наслѣдниковъ, и послѣ бояръ и дружинниковъ выморочное имущество, конечно, шло князю. Первое же чтеніе, по которому выморочное имущество боярскихъ дружинниковъ не шло князю, очень вѣроятно. Бояре имѣли свою дружину и, надо думать, имъ шла безатщина ихъ дружинниковъ, подобно тому, какъ епископу шла безатщина церковныхъ людей. Статья свидѣтельствуетъ о существова-

ніи исключенія изъ права князя наслѣдовать въ выморочномъ имуществѣ. Статья: «Но оже не будетъ сыновъ, ино дщери возьмутъ» сама по себѣ не возбуждаетъ недоразумѣнія. Это русское народное начало, по которому дочери наслѣдуютъ, если нѣтъ сыновей. Непонятно только, зачѣмъ это положеніе союзомъ «но» поставлено въ связь съ предшествующимъ. Впрочемъ, союзъ «но» встрѣчается не во всѣхъ спискахъ. Это даетъ поводъ разсматривать 120 статью, какъ самостоятельную, приведенную нѣкоторыми переписчиками, по непониманію стараго текста, въ связь съ предшествующей. Такое сопоставленіе статей, не имѣющихъ между собой ни малѣйшей связи, не разъ встрѣчается въ Русской Правдѣ, а потому и не должно насъ удивлять. Наиболѣе характерный образчикъ представляетъ ст. 130 III ред. Она напечатана у меня такъ: «А дворъ безъ дѣла отень всякъ меншему сынови». Предшествующая статья 129 говоритъ о правахъ и обязанностяхъ опекуна, а слѣдующая за ней 130—о наслѣдственныхъ правахъ младшихъ сыновей. Несмотря на совершенное ихъ несоотвѣтствіе, старый переписчикъ противопоставилъ ихъ одну другой при помощи союза «а». Новые издатели еще увеличили эту путаницу тѣмъ, что статью 130-ю соединили съ концомъ предшествующей 129-й, съ которомъ она, такимъ образомъ, составила одно цѣлое, въ которой начало не имѣетъ никакой связи съ концомъ [1]). То же случилось и со статьями 117-й—120-й.

Предлагая изложенное мною толкованіе статей Русской Правды о наслѣдованіи, считаю необходимымъ привести объясненіе этихъ статей, дѣлаемое Неволинымъ. Онъ беретъ текстъ, извлеченный изъ Синодальной Кормчей конца XIII вѣка, напечатанный въ I т. Русск. Достоп. (Первая ст. этого сп. соотвѣтствуетъ Карамзинскому списку, вторая—Троицкому), и приходитъ къ слѣдующему заключенію:

---

[1]) Она печатается у нихъ въ такомъ видѣ: «А че же и отчимъ пріиметь дѣти съ задницею, то тако же есть рядъ, а дворъ безъ дѣла отень всякъ меншему сынови».

«Въ имѣніи смерда наслѣдуютъ одни дѣти мужескаго пола; когда ихъ нѣтъ, то имущество поступаетъ къ князю съ тѣмъ, однако, что незамужнимъ дочерямъ выдѣляется изъ него нѣкоторая часть, а замужнимъ ничего не дается. Послѣ бояръ и вообще людей, составляющихъ дружину княжескую, если у сихъ лицъ не будетъ сыновей, оставшееся имѣніе берутъ дочери. Въ отношеніи къ боярамъ и вообще членамъ княжеской дружины Русская Правда ничего не говоритъ о случаѣ выморочности» (III, 336, 339, 340).

2) Наслѣдованіе въ восходящей линіи

Наслѣдованіе въ восходящей линіи извѣстно древнему германскому праву и Эклогѣ. Оно наступаетъ при отсутствіи нисходящихъ. По Эклогѣ отецъ и мать устраняютъ боковыхъ родственниковъ (Zachariae, 113). По германскому праву отношеніе восходящихъ къ боковымъ было очень различно. По нѣкоторымъ законодательствамъ восходящіе устраняли боковыхъ, такъ, напримѣръ, у вестготовъ; по другимъ—восходящіе наслѣдовали совмѣстно съ боковыми, причемъ все имущество дѣлилось на двѣ части и пр. (Zöpfl, 785).

Изъ нашихъ памятниковъ о наслѣдованіи восходящихъ, хотя и очень коротко, говоритъ Псковская судная грамота: «А у котораго человѣка помреть жена, а мужъ ея оженится, і женння мать, или сестра, или иное племя, а имутъ искать платья... Такожъ коли мужъ помреть, а имутъ искать мужня платья на женѣ его отецъ его, или братья...» (90). Здѣсь рѣчь идетъ только о платьи и, конечно, бездѣтно умершаго супруга. Судя по порядку перечисленія тѣхъ лицъ, которыя могутъ искать этого платья, родители умершаго допускаются прежде его братьевъ, они исключаютъ ихъ, какъ и по Эклогѣ.

3) Наслѣдованіе въ боковыхъ линіяхъ

Наслѣдованіе въ боковыхъ линіяхъ германскому праву было извѣстно съ самыхъ древнихъ временъ; оно наступаетъ или за отсутствіемъ восходящихъ родственниковъ или совмѣстно съ ними; по Эклогѣ боковые родственники слѣдуютъ за восходящими.

Русская Правда не сохранила слѣдовъ наслѣдованія боковыхъ родственниковъ. На этомъ основаніи нѣкоторые изслѣдователи дѣлаютъ заключеніе, что боковые родственники въ періодъ Правды къ наслѣдованію не допускались, что кругъ законныхъ наслѣдниковъ исчерпывался для бояръ и членовъ дружины дѣтьми, а для смердовъ—сыновьями (Неволинъ, III, 340 сл.). Мы уже знаемъ, что одно молчаніе памятниковъ не можетъ служить основаніемъ для выводовъ. Русская Правда дѣйствительно не говоритъ о наслѣдованіи боковыхъ, но изъ другихъ источниковъ видно, что по народнымъ понятіямъ XII в. «задница» переходитъ отъ брата къ брату. Кіевскій князь Всеволодъ Ольговичъ, чувствуя приближеніе смерти, передалъ, съ согласія кіевлянъ, княженіе свое брату Игорю. Но кіевляне не долго оставались вѣрными своему соглашенію со Всеволодомъ. По смерти его, они отступили отъ Игоря и присоединились къ сторонникамъ Изяслава. Лѣтописецъ разсказываетъ, что послы ихъ сказали Изяславу: «ты нашъ князь, поѣди, а у Волговичь не хочемъ быти аки въ задницы» (Ипат. 1146). Переходъ княжества отъ брата къ брату представляется, въ приведенномъ мѣстѣ, сознанію кіевлянъ переходомъ «по задницѣ», т.-е. по наслѣдству; ясно, что наслѣдство въ XII в. переходитъ и въ боковыя линіи. То же слѣдуетъ и изъ духовной грамоты новгородца Климента XIII в. Въ концѣ своей духовной онъ дѣлаетъ такую оговорку: «того дѣля написахъ, зане не было у меня ни брата, ни сына», т.-е.: я написалъ эту духовную грамоту потому, что у меня не было ни брата,

ни сына Отсюда надо заключить, что если бы у Климента былъ братъ или сынъ, то онъ и не написалъ бы распоряженія объ имуществѣ, такъ какъ у него былъ бы наслѣдникъ и безъ завѣщанія. Такимъ образомъ, и здѣсь братъ разсматривается, какъ законный наслѣдникъ.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія о томъ, что боковые родственники не призывались къ наслѣдованію, Неволинъ ссылается, между прочимъ, на статью, встрѣчающуюся въ договорахъ Новгорода съ князьями: «А что, княже, селъ твоихъ и владычьнихъ и княгининыхъ, и бояръ твоихъ, и слугъ твоихъ на новгородской земли, которое село зашло безъ кунъ, то безъ кунъ поидетъ къ Новугороду, а кто купилъ, а тый знаетъ своего истьца или дѣти его; истьца ли не будетъ; ни дѣтей его, цѣловати ему крестъ, како истьца не свѣдаеть; взяти ему кунъ, колико будетъ далъ по исправѣ, а земля къ Новугороду». «Почему, спрашиваетъ Неволинъ, отвѣтственность здѣсь не возложена и на боковыхъ родственниковъ продавца, которые бы ему наслѣдовали, если бы они по законамъ того времени могли быть его наслѣдниками? Итакъ, заключаетъ онъ, должно думать, что они исключались отъ наслѣдства». На поставленный вопросъ можно дать и другой отвѣтъ. Покупщику могло быть предоставлено право требовать своихъ денегъ съ Новгорода, а не съ боковыхъ родственниковъ, для личнаго его удобства. Боковыхъ родственниковъ, особенно въ дальнихъ степеняхъ, не такъ легко розыскать, какъ дѣтей продавца. Потомъ, относительно дѣтей можно, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, предполагать, что они дѣйствительно наслѣдовали имущество родителей; при отсутствіи же дѣтей, наоборотъ, есть основаніе думать, что умирающій, въ большинствѣ случаевъ, распоряжался имъ свободнѣе, отказывалъ по частямъ, дальнѣйшимъ помимо ближайшихъ, отказывалъ по душѣ, а иногда и совсѣмъ постороннимъ. Чтобы не ставить покупщика въ крайне затруднительное положеніе розыскивать всѣхъ этихъ наслѣдниковъ, договоры и предоставляютъ ему вѣдаться съ Новымгородомъ. Выраженіе «цѣ-

ловати ему крестъ, како истьца не свѣдаеть», кажется, именно указываетъ на затрудненіе свѣдать объ истцѣ, т.-е. о томъ, кто долженъ возвратить деньги.

Псковская судная грамота прямо говоритъ о братѣ, сестрѣ или иномъ племени умершаго (86, 90), какъ о его наслѣдникахъ.

Итакъ, боковые родственники не исключались нашимъ древнимъ правомъ отъ наслѣдованія безъ завѣщанія. Въ какомъ порядкѣ призывались они къ наслѣдованію, впереди восходящихъ, совмѣстно съ ними, или послѣ нихъ, объ этомъ ничего не знаемъ. Но нельзя допустить, чтобы духовенство не проводило началъ Эклоги. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы они были непримѣнимы къ русской жизни. Наоборотъ, можно думать, что порядокъ, подобный порядку Эклоги, наблюдался у насъ и до византійскаго вліянія, какъ онъ встрѣчается у нѣкоторыхъ германскихъ племенъ.

4) Наслѣдованіе супруговъ

О наслѣдованіи супруговъ наши древніе памятники, сравнительно говорятъ много. Но все, что въ нихъ находимъ, есть только практика, свидѣтельствующая о примѣненіи Эклоги.

Эклога соединяетъ разныя послѣдствія со смертью супруговъ, смотря потому, какъ они умерли, оставивъ дѣтей или нѣтъ, или, наконецъ, не оставивъ ни дѣтей, ни другихъ наслѣдниковъ.

Если дѣтей отъ брака не осталось, то мужъ, пережившій свою жену, получаетъ четвертую часть изъ ея приданаго (пристроя), а остальное шло наслѣдникамъ умершей. Своей четверти мужъ лишался, если вступалъ въ новый бракъ. Если мужъ умиралъ прежде жены, жена получала обратно свое приданое и, кромѣ того, ей выдѣлялась изъ имущества мужа часть, равная четверти ея приданаго. Вступая въ новый

бракъ до истеченія 12 мѣсяцевъ, она лишалась этой прибавки (Кормч., Леона царя и Конст. Зачат. 4 и 7, Zachariae, 69).

Если оставались дѣти, переживший супругъ, какъ это было сказано выше, управлялъ всѣмъ имуществомъ умершаго. Дѣти должны были состоять въ его повиновеніи и не могли требовать выдачи имъ наслѣдства.

Это состояніе прекращалось: 1) по волѣ родителей. По достиженіи совершеннолѣтія всѣми дѣтьми, супругъ можетъ, если желаетъ, сложить съ себя управленіе имуществомъ и предоставить дѣтямъ свободу. Предоставляя дѣтямъ свободу отъ свой власти, онъ получаетъ изъ наслѣдства умершаго, кромѣ своего имущества, часть наравнѣ съ дѣтьми. Въ случаѣ нежеланія со стороны пережившаго супруга предоставить дѣтямъ свободу, онъ можетъ продолжать пользоваться своими правами до смерти.

2) По волѣ дѣтей. Въ случаѣ вступленія вдоваго супруга въ новый бракъ, совершеннолѣтнимъ дѣтямъ предоставленъ выборъ продолжать жить вмѣстѣ съ пережившимъ супругомъ или требовать выдачи имъ наслѣдства. Отецъ, вступая въ новый бракъ, получаетъ только свое имущество, а мать—приданое и то, что покойный мужъ прибавилъ къ нему для увеличенія брачнаго имущества (hypobolum); въ кормчей: «принесенную же пристрою отъ нея ко отцу ихъ, точію съ поданною отъ него пристрою ея возвращеніемъ въ дары подавшу оставити ей»; у Леунклавія: modo solam dotem ad ipsa patri eorum allatam, una cum donatione, quam in eam rem dotis augendae causa contulit, matri praestent. Если при заключеніи новаго брака дѣти были еще несовершеннолѣтнія, они продолжаютъ оставаться подъ властью отца; мать же, выходя замужъ, должна дать имъ опекуна (Кормчая, Л. ц. и К. зач. 5 и 7, Леунклавій, II, стр. 103 сл.; Zachariae, 69 сл.).

Наконецъ, если по смерти мужа не осталось никакихъ наслѣдниковъ, жена получаетъ половину всего имѣнія умер-

шаго, другая половина идетъ по Эклогѣ фиску (Леунклавій, II, стр. 112).

Статьи Русской Правды и Псковской судной грамоты даютъ право заключить, что постановленія Эклоги у насъ примѣнялись, хотя и не всѣ ея положенія оставили свой слѣдъ въ этихъ памятникахъ.

Относящіяся къ разсматриваемому вопросу статьи Русской Правды (по III ред. 123—4 и 131—2) крайне отрывочны, редакція ихъ очень неясна, а можетъ быть даже и прямо испорчена. Въ печатныхъ изданіяхъ и здѣсь въ одну статью соединяютъ то, что лучше было бы раздѣлить.

Печатаемъ эти статьи по нашему изданію:

123. Аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати, (въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: а у своихъ дѣтей взяти часть), а что на ню мужь възложить, тому же есть госпожа, а задниця ей мужня ненадобѣ.

124. Будутъ ли дѣти, то что первоѣ жены, то то возьмуть дѣти матере своея, любо си на женоу будетъ възложилъ, обаче матери своеи возмуть.

131. Аже жена ворчеться сѣдѣти по мужи, а ростеряетъ добытокъ и поидеть за мужь, то платить еи все дѣтемъ.

132 Не хотѣти ли начнуть дѣти еи ни на дворѣ, а она начнеть всяко хотѣти и сѣдѣти, то творити всяко волю, а дѣтемъ недати воли.

133 Но что ей далъ мужь, съ тѣмъ же еи сѣдѣти, или свою часть веемше сѣдѣти же.

Изъ этихъ статей можно вывести, что у насъ дѣйствовало начало Эклоги, по которому со смертью одного изъ супруговъ не открывалось наслѣдства для дѣтей въ имуществѣ умершаго, а все имущество оставалось въ управленіи и пользованіи пережившаго.

Для отца это слѣдуетъ изъ 124 статьи: «Будуть ли дѣти (по смерти мужа), то что первоѣ женѣ, то то возмуть дѣти матери своея, либо си на женоу будетъ възложилъ, обаче матери своеи возмуть». Здѣсь предусматривается случай смерти человѣка, бывшаго во второмъ бракѣ и имѣвшаго

дѣтей отъ перваго. Только послѣ его смерти дѣти отъ перваго брака получаютъ наслѣдство матери; они получаютъ и то, что отецъ далъ при своей жизни изъ имущества ихъ матери своей второй женѣ. При жизни отца, слѣдовательно, несмотря на его второй бракъ, все имущество умершей оставалось въ его управленіи. Такъ и по Эклогѣ при несовершеннолѣтнихъ; только изъ статьи Русской Правды не видно, совершеннолѣтнія были эти дѣти или нѣтъ.

Для матери дѣйствіе того же правила слѣдуетъ изъ 131 и 132 статьи: «Аще жена оборчется (ворчеться) сидѣти по мужѣ..., не хотѣли ли еи начьнуть дѣти ни на дворѣ, а она начнетъ всяко сидѣти восхощетъ зъ дѣтми, то сътворити всякоу волю ея, а дѣтемъ недати воли» (редакц. Кар. сп.).

Оборчется или ворчется сидѣть по мужѣ значитъ врѣчется, дастъ обѣтъ остаться во вдовствѣ (Дубенскій, Рус. Дост. II, 128). Это выраженіе наводитъ на мысль, что у насъ по смерти мужа вдова, можетъ быть, дѣлала формальное заявленіе о желаніи остаться во вдовствѣ и вступить въ права, предоставляемыя ея Эклогой. Въ такомъ случаѣ она остается во дворѣ (т.-е. хозяйкою) и противъ воли дѣтей, которыя должны оказывать ей повиновеніе.

Двѣ приведенныхъ статьи говорятъ о совершенно разныхъ предметахъ. Смыслъ 131 статьи слѣдующій: жена обязалась сидѣть во вдовствѣ по смерти мужа, поэтому никакого раздѣла имущества не произошло, а все имущество поступило въ ея управленіе. Но вдова дурно имъ управляла, да кромѣ того не сдержала обязательства быть во вдовствѣ, а вступила въ новый бракъ. Она должна въ этомъ случаѣ вознаградить всѣ убытки, причиненные дѣтямъ. Дальнѣйшее слѣдствіе то, что совмѣстное хозяйство дѣтей и матери прекращается и дѣти получаютъ опекуна, какъ объ этомъ сказано въ ст. 129. Это все по Эклогѣ.

Статья 132-я говоритъ о совершенно другомъ; въ ней рѣчь идетъ о подчиненіи, въ которомъ должны находиться дѣти по отношенію къ матери-вдовѣ. Такое подчиненіе имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда мать по смерти мужа

остается во вдовствѣ. Эта послѣдняя статья предполагаетъ продолжающееся вдовство, а не выходъ вдовы замужъ, о чемъ сказано въ 131 ст. Это двѣ разныхъ статьи, содержаніе обѣихъ взято изъ Эклоги, но передано съ нѣкоторой путаницей.

Статья 133 тоже взята изъ Эклоги. Она говоритъ о томъ, что жена удерживаетъ то, что ей далъ мужъ, и свою часть. То, что ей далъ мужъ, это, конечно, hypobolum Эклоги; своя часть—это та часть наслѣдства, которую жена получила, когда прекратила совмѣстную жизнь съ дѣтьми по своей доброй волѣ и по достиженіи ими совершеннолѣтія. Эта статья, слѣдовательно, опять обращается къ тому случаю, когда совмѣстная жизнь вдовы и дѣтей прекращается, но по какому поводу, не говоритъ. Судя же по тому, что здѣсь упоминается о части наслѣдства, составитель, надо думать, имѣлъ въ виду прекращеніе совмѣстной жизни не по причинѣ брака вдовы, а по ея доброй волѣ.

Статья 88-я [1]) также распадается на двѣ, трактующихъ о разныхъ предметахъ. Статья 124, какъ мы видѣли, говоритъ о наслѣдственныхъ правахъ дѣтей отъ перваго брака по смерти отца. Въ 123-й статьѣ рѣчь идетъ о наслѣдственныхъ правахъ жены по смерти мужа. Это опять Эклога. Здѣсь предусматривается тотъ же случай, о которомъ идетъ рѣчь и въ статьѣ 133-й. Жена, по смерти мужа, получаетъ часть, т.-е. часть наслѣдства, слѣдовательно, рѣчь идетъ объ отдѣльной жизни жены по ея доброй волѣ. Далѣе сказано: она госпожа того, что на нее мужъ возложилъ. Это hypobolum.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ, послѣ словъ: «на ню часть дати», написано: «а у своихъ дѣтей взять часть». Это любопытное указаніе на столкновеніе русскихъ началъ съ византійскими. По русскимъ началамъ наслѣдуютъ только сыновья [2]). Византійское право даетъ женѣ равную часть съ

[1]) По редакціи Калачова.

[2]) Это отразилось и въ русской пословицѣ: «Мать при сынѣ не наслѣдница». Даль I 489.

дѣтьми. Русскому сознанію эта часть представляется вынутой изъ дѣтскаго наслѣдства, а потому Правда и прибавляетъ: взять эту часть у своихъ дѣтей. Это же русское воззрѣніе проглядываетъ и въ послѣдней фразѣ: «А задниця ей мужня не надобѣ». Часть, получаемая женой, не есть наслѣдство: по русскому пониманію, наслѣдники дѣти, наслѣдство у нихъ, изъ ихъ наслѣдства женѣ дается часть, сама же она не наслѣдница.

О русскихъ народныхъ обычаяхъ Русская Правда ничего не говоритъ. Только одно выраженіе: «у своихъ дѣтей взяти часть» (Калачова сводный текстъ, ст. LXIII) даетъ поводъ думать, что по русскимъ народнымъ воззрѣніямъ женѣ не принадлежало право участія въ наслѣдствѣ послѣ мужа, а все наслѣдство шло къ дѣтямъ.

Псковская судная грамота также даетъ только византійское право, хотя и съ существенными измѣненіями: «А у котораго человѣка помретъ жена безъ рукописанія, а у ней останется отчина, ино мужу ея владѣти тою отчиною до своего живота, только не оженится; а оженится, ино кормли ему нѣтъ.—А у которой жены мужь помреть безъ рукописанія, а останется отчина или животъ, ино женѣ его кормится до своего живота, только не пойдетъ за мужь, а пойдетъ за мужъ, ино ей нѣтъ» (88 и 89).

Здѣсь пережившему супругу предоставляется пожизненное пользованіе всѣмъ имуществомъ умершаго на условіи вдовства.

Въ редакціи статей есть разница: въ первой говорится только объ отчинѣ, а во второй объ отчинѣ и животахъ. Но въ первой, конечно, описка. Мужъ пользуется и животами жены. Это видно изъ того, что по 90 статьѣ онъ обязывается выдать «платье» умершей жены ея наслѣдникамъ въ томъ только случаѣ, если вступитъ въ новый бракъ.

Эклога также знаетъ пожизненное пользованіе пережившаго супруга всѣмъ имуществомъ умершаго и выдачу полученной мужемъ части приданаго въ случаѣ его второго брака. Но въ Эклогѣ пожизненное пользованіе принадле-

жить пережившему супругу при наличности цѣлаго ряда условій, здѣсь же оно обусловлено только однимъ изъ нихъ — вдовствомъ, при чемъ не принято во вниманіе различіе пола супруговъ и возраста дѣтей, что по Эклогѣ имѣетъ важное значеніе. Остается неяснымъ, какъ смотрѣть на эти отступленія отъ Эклоги. Измѣняютъ они соотвѣтствующія статьи Эклоги или это только неполнота редакціи, объясняемая тѣмъ, что дѣла о наслѣдствѣ и въ Псковѣ вѣдались владычнымъ судомъ, который примѣнялъ къ нимъ Эклогу непосредственно, а не судную грамоту? Если допустить, что грамота измѣняетъ Эклогу, то надо придти къ заключенію, что въ Псковѣ на почвѣ византійскихъ началъ наслѣдственныя права супруговъ расширились: имъ принадлежитъ кормля и при отсутствіи дѣтей; права же мужа — сократились въ томъ смыслѣ, что онъ лишался пользованія имуществомъ, едва вступалъ въ новый бракъ, хотя бы дѣти отъ перваго брака и не достигли еще совершеннолѣтія.

Преобладающее вліяніе византійскихъ началъ на наше наслѣдственное право очень понятно. При подсудности наслѣдственныхъ дѣлъ духовнымъ судамъ и при томъ важномъ значеніи, какое принадлежало представителямъ церкви въ послѣдніе моменты жизни каждаго христіанина, иначе и быть не могло. У насъ, конечно, была и своя народная практика, но очень разнообразная, какъ и практика германскихъ племенъ. Духовенство не могло руководствоваться этой неустойчивой практикой и должно было вносить грекоримскія начала.

Съ вліяніемъ римскихъ началъ на наслѣдственныя права супруговъ встрѣчаемся и въ древнемъ германскомъ правѣ (Zoepfl, стр. 799).

5) Судьба выморочнаго имущества (беззадница)

Выморочное имущество идетъ князю, за исключеніемъ церковныхъ людей и членовъ боярской дружины. Послѣ

смерти первыхъ безатщина ихъ идетъ епископу, послѣ смерти вторыхъ—боярину. Относящіяся сюда статьи указаны выше.

6) Мнѣніе Неволина

Неволинъ признаетъ въ древней Россіи три разныхъ порядка наслѣдованія, которые послѣдовательно смѣнили одинъ другой.

«I. Отечественныя извѣстія о древнѣйшемъ наслѣдствѣ по закону заключаются: 1) въ договорѣ Олега съ греками 912 г., по которому имѣніе умершаго безъ завѣщанія русса отсылалось въ Россію къ его ближнимъ, если у него не было въ Греціи своихъ наслѣдниковъ. 2) Въ извѣстіи лѣтописца о Святославѣ, который бралъ дань съ грековъ и на убитыхъ въ пользу ихъ рода. Порядокъ наслѣдованія здѣсь не опредѣляется. Но онъ можетъ быть опредѣленъ посредствомъ сличенія постановленій договоровъ съ греками о кровной мести съ постановленіями краткой Русской Правды о томъ же... Если порядокъ открывавшагося наслѣдства соотвѣтствовалъ порядку мстителей, то наслѣдство въ періодъ до пространной Русской Правды открывалось въ слѣдующей постепенности: прежде всѣхъ наслѣдовали братья умершаго, потомъ его сыновья, отецъ, племянники отъ братьевъ, сестры и племянники отъ сестеръ. Этотъ порядокъ не согласуется съ тѣмъ, который былъ признанъ въ пространной Русской Правдѣ, но онъ подтверждается извѣстіями о порядкѣ, въ которомъ слѣдовали князья другъ другу во владѣніи русской землей; онъ оставилъ по себѣ слѣды какъ въ церковномъ уставѣ св. Владиміра, гдѣ въ ряду лицъ, тяжущихся о наслѣдствѣ, на первомъ мѣстѣ поименованы братья и потомъ дѣти, такъ и въ грамотахъ купчихъ и другихъ, въ которыхъ было излагаемо, что пріобрѣтатель пріобрѣлъ землю себѣ и дѣтямъ, пріобрѣлъ отъ прежняго владѣльца и дѣтей его (III, 334—6)».

«II. Изъ постановленій Русской Правды о наслѣдствѣ въ

имуществѣ смердовъ, бояръ и членовъ княжеской дружины можно выводить, что она совершенно исключаетъ отъ наслѣдства боковую линію... Русская Правда и другіе памятники указываютъ на то, что право законнаго наслѣдованія ограничивалось кругомъ дѣтей умершаго... Это предпочтеніе нисходящихъ боковымъ родственникамъ и совершенное исключеніе послѣднихъ отъ участія въ наслѣдствѣ были связаны одно съ другимъ: новый порядокъ наслѣдованія могъ на первый разъ не иначе явиться, какъ въ совершенной противоположности съ первымъ (III, 340—1)».

«III. Надобно полагать, что въ промежуткѣ времени между изданіемъ пространной Русской Правды и изданіемъ Судебника Іоанномъ III, право законнаго наслѣдованія распространено было и на боковыхъ родственниковъ (III, 345)».

Такимъ образомъ, въ промежутокъ времени отъ X по XV вѣкъ, въ теченіе 500 лѣтъ, наше наслѣдственное право пережило три совершенно различныхъ состоянія. Въ періодъ развитія права путемъ обычая трудно допустить такіе быстрые переходы изъ одного состоянія въ другое, ему совершенно противоположное, каковы наслѣдованіе до Русской Правды и по пространной Русской Правдѣ. Для провѣрки приведеннаго мнѣнія на основаніи источниковъ предшествующее изложеніе даетъ достаточный матеріалъ.

7) Послѣдствія принятія наслѣдства

Къ предметамъ наслѣдованія Русская Правда относитъ: домъ, товаръ (движимости вообще), рабовъ, скотъ, дворъ (III ред. 121, 129, 130); о земляхъ же не упоминаетъ. Изъ этого выводили, что земли состояли во владѣніи рода (по другимъ—общины), а потому по смерти владѣльца въ земляхъ не открывалось наслѣдованія для дѣтей его или родственниковъ. Русская Правда не упоминаетъ земель, но онѣ также относились къ предметамъ наслѣдованія. Правда говоритъ о домѣ и дворѣ, эти слова означали въ древности

цѣлое хозяйство. Объ этомъ рѣчь идетъ въ III т. Древностей, стр. 42 и сл. [1]). Псковская судная грамота прямо относитъ къ предметамъ наслѣдованія какъ товары, такъ и вотчины, т.-е. недвижимости вообще.

Вмѣстѣ съ имуществомъ умершаго на наслѣдника переходила и отвѣтственность по его обязательствамъ. Объ этомъ упоминаетъ уже Русская Правда. По ст. 137-й на дѣтей отъ второго мужа (одной и той же матери) вмѣстѣ съ задницей отца ихъ переходитъ обязанность уплатить дѣтямъ перваго мужа все то, что отецъ ихъ утратилъ изъ имущества ихъ отца. Въ договорѣ Мстислава смоленскаго начало это выражено въ видѣ общаго правила:. «Аже латинянинъ дасть княжю холопу въ заемъ или иному добру человѣку, а умреть не заплативъ, а кто емльть его остатокъ (по риж. ред. задницю), тому платити немчину» (7), Псковская судная грамота также признаетъ за тѣмъ, кто «за животъ поимается» (т.-е. приметъ наслѣдство), обязанность отвѣчать за долги умершаго (88).

Кромѣ уплаты долговъ, на наслѣдникѣ лежитъ обязанность дать часть на поминъ души (Русская Правда, III р. 120). Эта обязанность внесена въ нашу практику духовенствомъ. Размѣръ части, конечно, зависѣлъ отъ усмотрѣнія наслѣдниковъ.

Наконецъ, тамъ, гдѣ дѣйствовали русскія начала наслѣдованія, по которымъ сестры при братьяхъ не наслѣдницы, на братьяхъ-наслѣдникахъ лежала обязанность выдать сестеръ замужъ, «како си могутъ» (125 III р.).

Московскіе порядки

Порядокъ наслѣдства опредѣлялся въ Московскомъ государствѣ правилами Кормчей и царскими уставами. Еще въ

[1]) Значеніе хозяйства вообще, а не жилища только, слово «домъ» имѣетъ и въ народныхъ пословицахъ: «Что въ полѣ ни родится, все въ домѣ пригодится» (поле—къ дому); «Домъ яма, никогда не наполнишь»; «Домомъ жить, обо всемъ тужить»; «Домъ вести, не лапти плести». Даль II, 95.

самомъ концѣ XVII в. патріархъ Адріанъ въ грамотѣ архіепископу холмогорскому и важскому предписываетъ въ дѣлахъ «о завѣщаніяхъ и о раздѣленіи имѣнія» руководствоваться постановленіями Прохирона и Эклоги (А. Э. IV. № 309, 1694 года). Но греко-римское право существенно измѣнялось у насъ царскими указами, а можетъ быть и самою практикою духовныхъ судовъ. Вѣдомству духовныхъ судовъ не принадлежали, кажется, исключительно дѣла по наслѣдствамъ. Имѣемъ прямыя указанія, что лица, недовольныя практиковавшимися порядками, жалуются свѣтскимъ учрежденіямъ и вопросы наслѣдственнаго права восходятъ на разрѣшеніе государя. Такъ возникло указанное выше запрещеніе завѣщать родовыя и выслуженныя вотчины чужеродцамъ помимо нисходящихъ и боковыхъ родственниковъ. Порядокъ наслѣдованія въ помѣстьяхъ сложился исключительно подъ вліяніемъ практики Помѣстнаго приказа и царскихъ указовъ (см. у Буданова Указн. кн. Помѣстн. прик., стр. 258 и сл.). Наслѣдованіе въ вотчинахъ во многихъ существенныхъ пунктахъ опредѣлялось исключительно народными обычаями, перешедшими и въ царскіе указы. Таково, напримѣръ, исключеніе дочерей при сыновьяхъ.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду только порядокъ, установленный указами московскихъ государей. Эти указы почти исключительно сосредоточиваются на дворянахъ. Московскіе памятники очень подробно говорятъ о наслѣдованіи въ вотчинахъ и помѣстьяхъ и почти не касаются порядка государевыхъ тяглыхъ земель.

1) Наслѣдованіе по завѣщанію

Выше мы уже указали на возникшія въ Московскомъ государствѣ ограниченія права распоряжаться своимъ имуществомъ на случай смерти. Изъ хода этихъ ограниченій видно, что до 1679 г. можно было дѣлать распоряженія въ духовной грамотѣ о всякихъ вотчинахъ, даже о наслѣд-

ственныхъ. Что касается жалованныхъ вотчинъ, то въ жалованныхъ или вотчинныхъ грамотахъ писалось: «и воленъ (такой-то) продать, заложить и по душѣ отдать». Съ 1679 г. завѣщательнымъ распоряженіемъ подлежатъ только купли и движимости. Помѣстья завѣщательнымъ распоряженіямъ не подлежали. Но изъ Уложенія видно, что отцы еще при жизни своей раздѣляли ихъ между сыновьями и справляли такіе раздѣлы въ Помѣстномъ приказѣ. Этимъ они восполняли недостающее имъ право завѣщать помѣстья. Раздѣлы эти дѣлались по усмотрѣнію отца. Старшіе иногда ничего не получали, а все дѣлилось между младшими. Старшихъ же отцы писали въ отводъ. Но случалось, что старшіе получали въ отводъ малыя дачи, меньше тѣхъ, которыя достались братьямъ изъ отцовскаго помѣстья. Въ этихъ случаяхъ они жалуются иногда на отцовскій дѣлежъ. По такимъ жалобамъ Уложеніе предписываетъ раздѣлить поровну, смѣшавъ съ новыми дачами.

Въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи отпечатано нѣсколько духовныхъ грамотъ XV, XVI, XVII в. Онѣ представляютъ, обыкновенно, перечисленіе долговъ «съ кого что взять и кому что дать» и распоряженіе объ оставшемся имуществѣ: отказы женѣ, дѣтямъ, по душѣ и пр. Если долговъ не было, завѣщатель писалъ: «невиноватъ никому ничѣмъ, развѣ душою Богу». Для исполненія приказовъ завѣщателя назначается въ завѣщаніи особое лицо—приказчикъ. Приказчиками назначаются и постороннія лица и свои: жена, дѣти, которымъ тоже дѣлаются отказы. Роль приказчика часто очень трудная: нужно предъявлять иски для взысканія долговъ или продавать имущество для удовлетворенія кредиторовъ, а потому не всегда находились желающіе взять на себя обязанности приказчика. Одинъ завѣщатель жалуется: кого ни просилъ, всѣ отказывались; назначилъ жену.

Съ XVI уже вѣка входитъ въ обычай явка завѣщаній къ засвидѣтельствованію мѣстному архіерею, который допрашивалъ отца духовнаго, свидѣтелей и писца: былъ ли

завѣщатель въ цѣломъ умѣ, такъ ли говорилъ, какъ написано и пр. При явкѣ могли быть предъявляемы и споры противъ завѣщанія, которые разсматривались судомъ.

2) Наслѣдованіе по закону

Въ вотчинахъ наслѣдованіе по закону открывалось въ томъ случаѣ, 1) когда умершій не оставилъ завѣщанія. Это прямо слѣдуетъ изъ Судебниковъ, гдѣ читаемъ: «А который человѣкъ умретъ безъ духовныя грамоты, и не будетъ у него сына, ино статокъ весь и земли дочери». Уложеніе этой статьи не повторяетъ, но нѣтъ повода думать, чтобы въ XVII в. было иначе. 2) Если завѣщаніе было оспорено. 3) Въ помѣстьяхъ, а съ 1679 г. въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ наслѣдованіе по закону открывалось самымъ фактомъ смерти владѣльца. Къ наслѣдованію по закону призываются: нисходящіе, боковые родственники, жена, мать и казна.

1) Наслѣдованіе нисходящихъ. Въ вотчинахъ наслѣдуютъ сыновья поровну. Дочери допускаются къ наслѣдованію тоже поровну, но въ томъ только случаѣ, если не было сыновей. Въ указѣ отъ 1628 г. читаемъ: «дочерямъ жеребьевъ въ вотчинахъ отцовскихъ не давать, пока братья живы». Изъ статьи Судебниковъ, совершенно соотвѣтствующей закону Моисееву: «а который человѣкъ умретъ безъ духовныя грамоты, а не будетъ у него сына, ино статокъ весь и земли дочери, а не будетъ у него дочери, ино взяти ближнему отъ его рода» (60-я ст. по 1-му и 92-я по царскому), нельзя еще выводить, что исключеніе дочерей сыновьями было у насъ общимъ правиломъ съ XV уже вѣка. Въ указѣ 1628 г. сказано: если послѣ отцовъ своихъ будутъ просить о вотчинахъ сыновья и дочери, то вотчины давать сыновьямъ, а дочерямъ не давать (Неволинъ, III, 355). Въ XVII в., значитъ, дочери еще просятъ на ряду съ сыновьями, конечно, потому, что духовные суды ихъ не

устраняли до сихъ поръ, а давали части вмѣстѣ съ братьями. Въ княженецкихъ вотчинахъ Иванъ IV, въ 1562 году, ограничилъ наслѣдованіе нисходящими мужскаго пола; тамъ дочери не допускаются къ наслѣдованію и при отсутствіи сыновей (Неволинъ, III, 350).

Въ помѣстьяхъ сыновья наслѣдуютъ по окладу. Это размѣръ помѣстья, опредѣляемый при верстаніи на службу [1]). Если за надѣленіемъ ихъ по окладу изъ отцовскаго помѣстья еще что-нибудь оставалось, то рядомъ съ сыновьями къ наслѣдству призывались боковые родственники тоже по окладу. Если и затѣмъ былъ остатокъ, онъ шелъ въ раздачу постороннимъ лицамъ. Такъ было съ XVI в. по 1684 годъ, когда было уравнено наслѣдованіе въ помѣстьяхъ съ наслѣдованіемъ въ вотчинахъ, и всѣ помѣстья, какъ бы они ни были велики, стали справляться за сыно́вьями.

Въ помѣстьяхъ дочери получаютъ части при сыновьяхъ. Изъ отцовскихъ помѣстьевъ выдѣляютъ дочерямъ часть на прожитокъ. Первоначально размѣръ этой части не былъ опредѣленъ, а говорилось: «сколько государь укажетъ». Но въ XVII в. установился опредѣленный размѣръ, а именно половину того, что̀ получала жена. Жена же получала различно, смотря по тому, какъ умеръ ея мужъ: если онъ умеръ дома, она получала 10 четвертей со 100, если во время похода—15 четвертей, если отъ ранъ—20 четвертей. Дочь получала: 5, $7^1/_2$, 10 четвертей. Отсюда образовались теперешнія указныя части въ недвижимостяхъ: для пережившаго супруга 15 четвертей со 100 перешли въ $^1/_7$, для дочерей это $^1/_{14}$; указныя части въ движимостяхъ образовались изъ одной четверти приданаго Эклоги, что для дочерей составило $^1/_8$. Но дочери получали часть отцовскаго помѣстья на другомъ правѣ, чѣмъ ихъ братья. На сыновей переходили всѣ тѣ права, которыя принадлежали въ помѣстьяхъ ихъ отцамъ; дочери же получали «на прожитокъ»,

[1]) Объ этомъ подробнѣе рѣчь идетъ въ I т. Древностей, стр. 637 и сл.

т.-е. указная часть должна была обезпечивать ихъ содержаніе до замужества, поступленія въ монастырь или до смерти. Если дочь выходила замужъ, помѣстье справлялось за ея мужемъ.

2) Боковые родственники въ вотчинахъ наслѣдуютъ при отсутствіи нисходящихъ, безъ ограниченія степенями родства; ближайшіе родственники исключаютъ дальнѣйшихъ. Въ XVI в. наслѣдованіе боковыхъ въ жалованныхъ вотчинахъ представляло нѣкоторыя особенности: оно ограничивалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ (см. выше, стр. 532, примѣчаніе). Съ Михаала Өедоровича это различіе сглаживается; на основаніи жалованныхъ грамотъ этого государя, жалуемыя вотчины идутъ въ родъ безъ всякихъ ограниченій.

Въ помѣстьяхъ боковые родственники наслѣдуютъ по окладу и даже на ряду съ нисходящими. Въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ ни въ вотчинахъ, ни въ помѣстьяхъ. Наслѣдованіе боковыхъ въ вотчинахъ было обложено своего рода пошлиной на поминъ души. Объ этомъ платежѣ говоритъ указъ патр. Филарета Никитича отъ 1628 г. «и тѣ вотчины (родовыя и выслуженныя, если нѣтъ нисходящихъ) въ родъ отдавать, кто ближе того роду, вотчичемъ, а имъ за тѣ вотчины деньги давати по умершаго душѣ въ вѣчный поминокъ по Уложенію». Это постановленіе перешло и въ Соборное Уложеніе (XVII, 2).

3) Въ памятникахъ московской эпохи находимъ указаніе на то, что довольно долго, а именно до истеченія первой четверти XVII вѣка, за женою признаются весьма широкія наслѣдственныя права. На основаніи жалованныхъ грамотъ надо думать, что въ жалованныхъ вотчинахъ жена наслѣдовала вмѣстѣ съ дѣтьми, а если дѣтей не было, то одна, исключая боковыхъ родственниковъ. Это въ тѣхъ случаяхъ, когда жалованная грамота была написана на имя мужа, дѣтей и жены; но жены наслѣдовали иногда впереди боковыхъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ жалованной грамотѣ онѣ были поименованы послѣ боковыхъ родственни-

ковъ (Неволинъ, III, 367). Жены получаютъ жалованныя вотчины на прожитокъ.

Измѣненіе этого порядка послѣдовало по мысли патр. Филарета Никитича въ 1628 г., когда было запрещено давать женамъ бездѣтнымъ родовыя и выслуженныя вотчины. Указъ 1628 г. запрещаетъ давать женамъ не только выслуженныя, но и родовыя вотчины. Изъ этого можно заключить, что онѣ до этого наслѣдовали и въ родовыхъ впереди боковыхъ родственниковъ, но, вѣроятно, тоже по животъ. Это широкое развитіе наслѣдственныхъ правъ женъ, по всей вѣроятности, стоитъ въ связи съ постановленіями Эклоги. Но наша практика, кажется, пошла далѣе Эклоги, предоставляющей бездѣтной женѣ изъ имущества мужа только 1/4 ея приданаго. Изъ указа же 1628 г. можно заключить, что онѣ исключали боковыхъ родственниковъ въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ. Въ купляхъ онѣ исключаютъ ихъ и послѣ указа 1628 года. Псковская судная грамота также даетъ поводъ думать о значительномъ расширеніи у насъ наслѣдственныхъ правъ женъ, сравнительно съ Эклогой (см. выше, стр. 568). Эта практика, измѣняющая Эклогу, охватываетъ, такимъ образомъ, Псковъ и Москву.

Съ 1628 года жены наслѣдуютъ только въ купляхъ, но купли онѣ наслѣдуютъ въ собственность и исключаютъ не только боковыхъ родственниковъ, но и дѣтей (Уложеніе, XVII, 2). Дѣти наслѣдуютъ съ ними въ купляхъ только въ томъ случаѣ, если послѣ умершаго не осталось ни родовыхъ, ни выслуженныхъ вотчинъ и помѣстья дать имъ будетъ не изъ чего. Это новость Уложенія (XVII, 5). Изъ животовъ мужа жена получаетъ 1/4, но не своего приданаго, а движимостей мужа.

Но послѣ мужей могли остаться только родовыя и пожалованныя вотчины и ничего болѣе. Уложеніе предусматриваетъ такой случай и опредѣляетъ давать женамъ изъ выслуженныхъ вотчинъ на прожитокъ по разсмотрѣнію. Наконецъ, въ XVI в. жены получаютъ часть въ помѣстьяхъ послѣ смерти мужей, но тоже въ прожитокъ. Въ XVII в.

размѣръ этихъ частей былъ опредѣленъ, онъ указанъ выше.

4) О наслѣдованіи матери говорится только въ томъ случаѣ, если она послѣ смерти мужа не потребовала себѣ части на прожитокъ и жила съ дѣтьми безъ раздѣла; въ этихъ случахъ ей дается изъ помѣстій, а если помѣстій нѣтъ, изъ выслуженныхъ вотчинъ на прожитокъ по разсмотрѣнію. О наслѣдованіи отцовъ послѣ дѣтей московскіе памятники ничего не говорятъ.

5) Съ XVI в. княженецкія изстаринныя вотчины, при отсутствіи нисходящихъ мужского пола, могли, съ разрѣшенія государя, переходить къ боковымъ родственникамъ только до извѣстнаго предѣла, до 7-й степени. Если не было родственниковъ первыхъ семи степеней, княженецкая вотчина поступала въ казну. См. стр. 532, примѣч. Въ этомъ случаѣ казну можно разсматривать какъ наслѣдницу, такъ какъ на нее, вмѣстѣ съ правами, переходили и обязанности, которыя обыкновенно переходятъ на наслѣдниковъ: казна должна была позаботиться о душѣ умершаго, т.-е. дать деньги въ монастырь для вѣчнаго поминовенія, а если умершій оставилъ дочерей, то она должна была выдать ихъ замужъ и устроить приданымъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СУДОПРОИЗВОДСТВО

Литература

Каченовскій. О поединкахъ. Вѣстн. Евр. 1811. Т. III.

Калайдовичъ. О судебныхъ поединкахъ. Русск. Истор. Сборникъ. 1838 г. Т. I, кн. VI.

Куницынъ. Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи. 1843.

Кавелинъ. Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства, въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ. 1843.

Полюмбецкій. О системѣ судебныхъ доказательствъ древняго германскаго права сравнительно съ Русской Правдой и позднѣйшими русскими законами. Ж. М. Н. Пр. 1846, ч. 49, отд. 3.

Неволинъ. О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи. 1847. Въ полн. собр. соч.

Михайловъ. Исторія образованія и развитія системы русскаго гражданскаго судопроизводства до Уложенія 1649 г. 1848.

Поповъ. Устройство уголовныхъ судовъ въ Московскомъ государствѣ. Ж. М. Н. Пр. X, стр. 77. 1848.

Линовскій. Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи. 1849.

Троцина. Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи. 1851.

Пахманъ. О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи. 1851 г.

Чоглоковъ. Объ органахъ судебной власти отъ основанія государства до Алексѣя Михайловича. Въ Юрид. Сборн. Мейера. 1855.

Михайловъ. Русское гражданское судопроизводство отъ Уложенія 1649 г. до изданія Свода Законовъ. 1856.

Пановъ. Изслѣдованіе Новгородской судной грамоты въ отношеніи къ судопроизводству. Сборникъ студентовъ СПБ. университета. 1857.

Дмитріевъ. Исторія судебныхъ инстанцій. 1859.

Демченко. Историческое изслѣдованіе о показаніяхъ свидѣтелей по русскому праву до Петра Великаго. 1859.

Бѣляевъ. О судѣ намѣстничьемъ на Руси въ старину. Юридич. Журн. 1861. № 7, 8 и 9.

Ланге. Объ уголовномъ правѣ Русской Правды.

Грыцко. Участіе общины въ судѣ по Русской Правдѣ. Арх. Ист. и Практ. Свѣд., кн. 5. 1863.

Кистяковскій. О пресѣченіи обвиняемыхъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда 1868.

Дювернуа. Источники права и судъ въ древней Россіи. 1869.

Стефановскій. Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Ж. М. Н. Пр., т. 165—6. 1873.

Тарасовъ. Личное задержаніе. Полицейскій арестъ въ Россіи. Отд. I, періоды до-княжескій, княжескій и царскій. 1877.

Ланге. Древніе русскіе смѣсные или вобчіе суды. 1882.

— Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII вѣковъ). 1884.

Самосудъ; свѣтская и духовная подсудность

Судопроизводство имѣетъ дѣло съ системою нормъ, при посредствѣ которыхъ возстановляется нарушенное право. Первыя и крайне грубыя формы возстановленія нарушенныхъ правъ сложились еще прежде образованія государствъ. На этой древнѣйшей ступени своего развитія возстановленіе нарушенныхъ правъ есть дѣло самихъ заинтересованныхъ. Какъ преступленіе имѣло первоначально частный характеръ, такъ точно и возстановленіе правъ было дѣломъ частныхъ лицъ. Этотъ древнѣйшій процессъ является въ формѣ самосуда, т.-е. самоуправства, и самое рѣзкое свое выраженіе получилъ въ правѣ мести. Это личная расправа потерпѣв-

шаго правонарушеніе съ обидчикомъ. Это явленіе свойственно всѣмъ народамъ на той же первоначальной ступени развитія [1]). Указаніе на слѣды такого порядка находимъ въ Русской Правдѣ; 18-я статья I ред. говоритъ: «Аще познаеть кто (если кто-нибудь увидитъ у кого свою вещь), не емлеть его, то не рци ему: мое; но рци ему тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ». Эта статья запрещаетъ силою отнимать свое; отсюда можно вывести, что прежде всякій расправлялся самъ.

Такой порядокъ вещей несовмѣстимъ, однако, со сколько-нибудь организованнымъ общественнымъ бытомъ. Поэтому, по мѣрѣ возникновенія государственныхъ формъ быта, онъ начинаетъ исчезать, и государство принимаетъ на себя заботу о возстановленіи нарушенныхъ правъ. Въ періодъ Русской Правды въ судѣ принимаютъ уже участіе князь и его чиновники. Указанія на это находимъ во многихъ статьяхъ Правды. Въ 18-й статьѣ II ред. говорится: «Татя вести на княжь дворъ»; въ 31-й статьѣ III ред.: «Аже придетъ кровавъ мужь на дворъ (на княжъ дворъ), то видока ему не искати...», и т. д.

Этотъ древнѣйшій процессъ, происходившій предъ представителями власти, отличался, однако, нѣкоторыми признаками, перешедшими изъ періода самоуправства. Авторитетъ суда былъ еще очень слабъ. На первомъ планѣ не дѣятельность суда, а дѣятельность сторонъ. Истецъ самъ привлекаетъ къ суду отвѣтчика. Передъ судомъ стороны непосредственно имѣютъ дѣло одна съ другою. Формальный приговоръ суда не всегда былъ нуженъ [2]). Исполненіе при-

---

[1]) Бернхофтъ: «О цѣли и средствахъ сравнительнаго изученія права», останавливаясь на судопроизводствѣ, говоритъ, что древняя форма суда у индогерманскихъ народовъ основана на самопомощи, каждый проводилъ свои требованія собственной силой.

[2]) Яковъ Гриммъ высказываетъ мнѣніе, что достаточное свидѣтельство само рѣшало дѣло и формальный приговоръ суда не всегда былъ нуженъ. Въ актахъ говорится: testes qui praesentes fuerunt et hanc causam dijudicaverunt. Свидѣтель переходитъ такимъ образомъ въ судью, Deutsche Rechtsalterthümer 858.

говора наступало не столько въ силу рѣшенія судьи, сколько въ силу особаго соглашенія сторонъ (Erfüllungsgelöbniss, Brunner, у Гольцендорфа, I, 147).

Указанія на такой порядокъ вещей находимъ и въ нашихъ памятникахъ. Въ Русской Правдѣ читаемъ: «По сего рѣчи (по показанію холопа) емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ» (III р. 111). Это слова, обращенныя истцомъ къ отвѣтчику; онъ приглашаетъ, такимъ образомъ, отвѣтчика подвергнуться испытанію желѣзомъ. Постановленія судьи о производствѣ испытанія желѣзомъ не видно. Этого требуетъ сама сторона и довольно. Въ 33-й ст. о свидѣтеляхъ говорится: «А вылѣзутъ послуси». Изъ этого выраженія заключаемъ, что вызова свидѣтелей судомъ вовсе не было нужно. Ихъ приводили стороны, а иногда, можетъ быть, они и сами приходили, безъ всякаго приглашенія. Въ Ярославовомъ договорѣ Новгорода съ нѣмцами читаемъ: «Оже тяжа родится безъ крови, снидутся послухи, и русь и нѣмцы, то вергутъ жеребее: кому ся выимьть, ротѣ шедъ, свою правду възмуть». Здѣсь также послухи сами сходятся, сами бросаютъ жребій и, наконецъ, выигравшій дѣло самъ беретъ свою правду, т.-е. самъ исполняетъ, причемъ, по всей вѣроятности, дѣло обходится безъ произнесенія судьей формальнаго приговора [1],

Въ настоящее время различаютъ два порядка возстановленія нарушенныхъ правъ: гражданскій и уголовный. Это обособленіе двухъ процессовъ есть дѣло, сравнительно, позднѣйшее, въ древнее время мы съ нимъ не встрѣчаемся.

Въ Русской Правдѣ всякое дѣло носитъ наименованіе «тяжбы» или «тяжи». Въ настоящее время слово тяжба употребляется только для означенія гражданскихъ дѣлъ, въ старину же этимъ наименованіемъ обозначались не только гражданскія, но и уголовныя дѣла объ убійствѣ, поджогѣ,

[1]) Гриммъ слово свидѣтель, Zeuge, производитъ отъ Ziehen her, sei nun der zugezogne, oder der abgezogne gemeint. Послѣднее замѣчаніе вызвано наличностью древняго обычая потянуть свидѣтеля за ухо на судѣ.

воровствѣ, все это тяжбы. Въ настоящее время мы различаемъ особымъ наименованіемъ истца и отвѣтчика: истецъ это то лицо, которое что-либо ищетъ, которое вчинаетъ дѣло; отвѣтчикъ—противъ котораго искъ направленъ, у котораго что-нибудь ищутъ; въ древнѣйшихъ памятникахъ и то и другое лицо безразлично называлось истцомъ; при чтеніи Русской Правды иногда даже трудно понять, о комъ говорится, объ истцѣ или отвѣтчикѣ.

Вслѣдъ за принятіемъ христіанства, рядомъ со свѣтскими княжескими судами, у насъ возникли духовные суды. Указаніе на предметы вѣдомства этихъ судовъ можно найти въ церковныхъ уставахъ. Но церковные уставы, во-1-хъ, не перечисляютъ всѣхъ дѣлъ, которыя подлежали суду церкви. Такъ они ничего не говорятъ о судѣ церкви по дѣламъ въ строгомъ смыслѣ церковномъ, т.-е. вытекающимъ изъ управленія церковью, а они подлежали суду церкви. Во-2-хъ, къ исключительно церковной подсудности уставы относятъ и такія дѣла, которыя едва-ли церковь вѣдала безъ содѣйствія, а нѣкоторыя и безъ конкурренціи свѣтскихъ судовъ. Церковный уставъ Владиміра къ вѣдомству духовныхъ судовъ относитъ, между прочимъ, «церковную татьбу», «мертвецы волочать» и «зелейничество». Всѣ эти дѣянія предусматриваются Градскими законами, откуда они, конечно, и попали въ уставъ Владиміра. За кражу изъ алтаря Градскіе законы полагаютъ ослѣпленіе, за кражу изъ церкви (но не изъ алтаря)—бить, стричь, изгнать; кто мертваго во гробѣ сволочитъ, тому отсѣкается рука; «кто дастъ зеліе пити (отравленіе), мечемъ да усѣчется». Трудно думать, чтобы церковные суды постановляли приговоры объ ослѣпленіи, отсѣченіи рукъ и о смертной казни. Какое же было отношеніе церковныхъ судовъ къ преступленіямъ этого рода? Изъ устава Владиміра этого не видно. Изъ церковнаго же устава Ярослава надо заключить, что епископы вовсе не приговаривали къ наказаніямъ, опредѣляемымъ Градскими законами, а ограничивались денежными штрафами. Но казни Градскихъ законовъ не были исключены изъ нашей практики, по уставу

Ярослава онѣ назначались княземъ. Епископъ, значитъ, вѣдалъ уголовный судъ вмѣстѣ съ княземъ. Да и трудно думать, чтобы могло быть иначе въ обществѣ, въ которомъ церковная власть только что возникала. Первые церковные суды могли держаться только авторитетомъ княжеской власти.

Церковный уставъ Владиміра къ вѣдомству духовнаго суда относитъ дѣла о наслѣдствахъ: «Братья или дѣти тяжутся о задници». Изъ Русской Правды и Псковской судной грамоты мы знаемъ, что дѣла этого рода дѣйствительно вѣдались духовнымъ судомъ: только чрезъ посредство его практики могли войти въ эти памятники постановленія Эклоги. Но нельзя думать, что церковный судъ вѣдалъ эти дѣла исключительно. Въ Русской Правдѣ есть статьи, сохранившія русскіе народные обычаи. Они попали въ Правду изъ практики свѣтскихъ судовъ. Въ Русской Правдѣ даже есть статья, которая говоритъ о подсудности этихъ дѣлъ суду князя: «Аже братья растяжються передъ княземъ о задницю, который дѣтьскии идѣть ихъ дѣлить, то тому взяти гривна коунъ» (III р. 140). Въ этой двойной подсудности однихъ и тѣхъ же дѣлъ суду епископа и суда князя Карамзинъ видѣлъ непримиримое противорѣчіе и заключалъ изъ нея о подложности Владимірова устава. Позднѣйшіе изслѣдователи (митроп. Евгеній) также усматривали въ этомъ противорѣчіе и примиряли его такимъ предположеніемъ: статья Русской Правды отмѣняетъ постановленіе Владимірова устава. Въ такомъ предположеніи нѣтъ надобности. Изъ Русской Правды несомнѣнно, что къ дѣламъ о наслѣдствѣ примѣнялись и византійскія постановленія, и русскіе обычаи. Здѣсь конкурренція судовъ. Это допускаетъ и Неволинъ (VI, 275). Въ древнее время подсудность княжескихъ и епископскихъ судовъ едва-ли могла быть строго разграничена. Разграниченіе могло еще имѣть мѣсто въ чисто церковныхъ дѣлахъ да еще въ церковныхъ людяхъ. Но трудно допустить, чтобы какой-нибудь князь отказался разсмотрѣть споръ о наслѣдствѣ по неподсудности ему

дѣлъ этого рода. Наши предки едва-ли были въ состояніи оцѣнить пользу такой юридической тонкости.

Трудно думать, чтобы уже при Владимірѣ св. церковные суды обнаружили стремленіе къ полной самостоятельности и по тѣмъ именно предметамъ, которые въ его уставѣ перечислены. Слова устава: «А по семъ не вступатися ни дѣтемъ моимъ, ни внучатомъ, ни всему роду моему до вѣка ни въ люди церковные, ни въ суды ихъ... Тѣ всѣ суды церкви даны суть. Князю и бояромъ и судьямъ въ тѣ суды не лзѣ вступатися. То все далъ есмь по первыхъ царевъ уряженію и по вселенскихъ святыхъ отецъ семи съборовъ великихъ святитель. Аще кто преобидитъ нашъ уставъ, таковымъ непрощенымъ быти отъ закона Божія и огнь себѣ наслѣдуютъ», — свидѣтельствуютъ о возникшемъ уже антагонизмѣ свѣтскихъ и духовныхъ судовъ и, конечно, не принадлежатъ Владиміру. Редакція уставовъ, составленная подъ впечатлѣніемъ борьбы свѣтскихъ и духовныхъ судовъ, легко могла отнести къ духовной подсудности и такія дѣла, которыя не вѣдались однимъ духовенствомъ. Въ Ярославовомъ же уставѣ надо видѣть смѣшеніе духовной подсудности съ территоріальной. Дѣла, относящіяся до брачнаго союза, его установленія и прекращенія, преступленія, направленныя противъ этого союза, и любодѣянія подлежали вѣдомству епископа по духовной подсудности; кражи же, драки, бой и убійства могли вѣдаться имъ только въ качествѣ территоріальнаго судьи, т.-е. на пространствѣ его иммунитета.

Та обособленность церковнаго суда, о которой идетъ рѣчь въ церковныхъ уставахъ, не была извѣстна кормчимъ. По Свитку Новыхъ заповѣдей Юстиніана царя епископъ судитъ по священнымъ правиламъ безъ вмѣшательства свѣтской власти только въ тѣхъ случаяхъ, «аще о церковныхъ вещехъ будетъ вина» (56). Похищеніе же женщинъ, блудъ или растленіе черноризицы, постницы (femina venerabilis) — не были отнесены къ такимъ церковнымъ вещамъ. Преступленія этого рода судились «властелемъ мѣста», т.-е. органомъ свѣтской власти, который приговаривалъ виновныхъ

къ смертной казни, а имѣніе ихъ выдавалъ епископу (85).
Иски мірянъ на причетниковъ и монаховъ также не принадлежали къ церковнымъ вещамъ. Они вчинались у епископа, но приговоръ епископа подлежалъ утвержденію свѣтской власти, къ которой недовольные могли и аппелировать (54).

Объ особомъ церковномъ судѣ говорятъ и судныя грамоты Новгородская и Псковская, но не опредѣляютъ его точно.

Въ первой читаемъ: «Нареченному на архіепископство Великаго Новагорода и Пскова священному иноку Θеофилу судити судъ свой, судъ святительски, по святыхъ отецъ правилу, по номоканону. А судити ему всѣхъ равно какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодчего человѣка» (1). Изъ этой статьи можно вывести, что церковному суду подлежали не одни церковные люди, но все населеніе въ дѣлахъ, подлежавшихъ вѣдомству церкви. Какія именно это дѣла, остается неяснымъ.

Во второй: «И владычню намѣстнику судъ, и на суду (намѣстника) не судить князю, ни судіямъ; ни намѣстнику княжа суда не судить» (2). Въ концѣ грамоты говорится еще о подсудности владычню намѣстнику дѣлъ между церковными людьми: попомъ, дьякомъ, проскурницей, черницей и чернецомъ. Дѣла же между этими церковными людьми и свѣтскими подлежали общему суду намѣстника съ княземъ и посадникомъ (109).

Надо думать, что и въ Псковѣ вѣдомство епископскаго намѣстника не ограничивалось судомъ церковныхъ людей, а распространялось на все населеніе въ дѣлахъ брачныхъ, наслѣдственныхъ, а можетъ быть и въ нѣкоторыхъ другихъ. Но вѣдомство церковныхъ судовъ и въ Псковѣ не было точно разграничено отъ вѣдомства судовъ свѣтскихъ. Это должно вывести изъ посланія митроп. Кипріана въ Псковъ отъ 1395 года, въ которомъ онъ жалуется на то, что міряне «судятъ поповъ въ церковныхъ вещахъ». Если даже духовенство «въ церковныхъ вещахъ» привлекалось къ свѣтскому

суду, можно ли думать, что опредѣленіе подсудности церковныхъ судовъ, какъ оно сдѣлано въ церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава, соотвѣтствовало дѣйствительности? Это, конечно, было только pium desiderium духовенства, сознавшаго свою силу во вновь обращенной къ христіанству странѣ.

Ни Псковская, ни Новгородская грамоты не ссылаются на уставы Владиміра и Ярослава, хотя къ такой ссылкѣ и былъ прямой поводъ, Новогородская же ссылается на номоканонъ. Въ этомъ надо видѣть указаніе на то, что ни въ одномъ изъ вольныхъ городовъ церковные уставы не имѣли практическаго значенія. Въ нихъ можно видѣть только слѣдъ практики, а никакъ не памятники, руководившіе практикой. Церковные суды руководились кормчей.

Приступая къ подробностямъ древняго процесса, я остановлюсь только на обзорѣ системы доказательствъ. Изъ свидѣтельствъ памятниковъ этого времени я сгруппирую здѣсь только то, что̀ относится къ древнѣйшему порядку вещей, который удержался и по принятіи христіанства и въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ подвергся вліянію византійскихъ началъ.

Доказательства

Здѣсь нужно разъяснить: 1) что̀ въ древности принималось за доказательство, долженствовавшее служить къ убѣжденію судьи въ справедливости какого-нибудь иска, и 2) указать, какъ разныя доказательства относились одно къ другому.

Доказательствами признавались:

1) собственное признаніе, 2) присяга, 3) поединокъ, 4) свидѣтели и послухи, 5) ордаліи (судъ Божій) и 6) сводъ.

1) Собственное признаніе. Подъ признаніемъ мы разумѣемъ показаніе отвѣтчика, которымъ онъ вполнѣ или отчасти подтверждаетъ справедливость иска вопреки собствен-

ной выгодѣ; подъ понятіе признанія не подходятъ показанія въ собственную пользу. Само собою понятно, что признаніе въ процессѣ должно имѣть рѣшающее значеніе: если кто признаетъ направленный противъ него искъ, это дѣлаетъ излишнимъ другія доказательства. Несмотря на то, что безъ этого доказательства ни одинъ народъ не можетъ обойтись, въ Русской Правдѣ мы встрѣчаемъ только косвенное указаніе на то, что это доказательство имѣло мѣсто. Въ 19 статьѣ I р. читаемъ: «Аже кто взыщеть на друзѣ проче, а онъ ся запирати почнеть, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣкъ», т.-е. если кто-нибудв учинитъ искъ, а отвѣтчикъ станетъ запираться, то нужно вести его на сводъ предъ 12 человѣкъ. Отсюда выводимъ, что если онъ не станетъ запираться, то нѣтъ нужды вести его на сводъ, такъ какъ признаніемъ оканчивается дѣло.

2) Присяга. Подъ присягою разумѣется подкрѣпленіе истинности какого-нибудь показанія призваніемъ имени Бога. Въ основаніи этого доказательства лежитъ вѣра, что Божество принимаетъ непосредственное участіе въ человѣческихъ дѣлахъ и, слѣдовательно, не допуститъ, чтобы кто-нибудь ложно сослался на него и ложно призвалъ его въ свидѣтели. Простой народъ и теперь говоритъ: «Бога снять, на весь міръ честь потерять». Не должно думать, что этотъ способъ доказательства появился только съ христіанства. Онъ существовалъ и раньше—у славянъ язычниковъ, духовенство же стало принимать мѣры къ его ограниченію. Въ договорѣ Олега съ греками видимъ, что обѣ стороны присягали: съ одной стороны христіане, съ другой—язычники по обычаю ихъ вѣры. Въ договорѣ описанъ и самый обрядъ присяги. Кто не былъ крещенъ, слагалъ съ себя щитъ и все оружіе и клялся Перуномъ. Эта клятва называлась «ротою». На судѣ различаютъ присягу дополнительную и очистительную. Русская Правда знаетъ и ту, и другую. Первая предоставляется истцу, обыкновенно, при отсутствіи другихъ доказательствъ и въ небольшихъ искахъ; вторая—отвѣтчику, также при отсутствіи другихъ доказательствъ и если онъ

внушалъ довѣріе, какъ, напр., въ ст. 62 III ред. «Аже кто поклажеи кладеть оу кого либо, туто послоуха нѣтъ оу кого тотъ товаръ лежить, но оже начнеть большимъ клепати, тому итти ротѣ, оу кого лежало: како толко еси оу мене положилъ, занеже ему благо дѣялъ и хранилъ». Отказъ отъ присяги всегда велъ къ обвиненію. О присужденіи присяги истцу или отвѣтчику будетъ сказано ниже.

Отъ этихъ двухъ видовъ присяги надо отличать присягу, о которой говоритъ Новгородская судная грамота; по этой грамотѣ каждая сторона, что-нибудь утверждавшая, должна была подтвердить свое утвержденіе присягою. Истецъ, вчиняющій искъ, долженъ былъ присягать въ томъ, что онъ по правдѣ ищетъ; отвѣтчикъ, отрицающій искъ, долженъ былъ присягать въ томъ, что онъ по правдѣ отрицаетъ. Если какая-либо изъ сторонъ отказывалась присягать въ томъ, что она утверждала, она признавалась виновною. Эта двойная присяга извѣстна и германскому праву. Истецъ, обыкновенно, подтверждаетъ свой искъ клятвой; отвѣтчикъ или признаетъ искъ, или отвергаетъ. Отрицаніе иска онъ также долженъ подтвердить клятвой. Если поклялись оба, дѣло рѣшалось поединкомъ (Zoepfl, 871).

3) Поединокъ. Подъ судебнымъ поединкомъ разумѣется рѣшеніе спора силою: кто побѣдитъ изъ спорящихъ сторонъ, тотъ и считается правымъ. Въ основаніи этого доказательства лежитъ тоже вѣра, что Божество принимаетъ непосредственное участіе въ человѣческихъ дѣлахъ и не допуститъ, чтобы побѣдилъ неправый человѣкъ, что-либо ложно утверждающій. Поединокъ есть судъ Божій.

Германскому праву поединокъ былъ извѣстенъ съ самыхъ древнихъ временъ. Въ періодъ языческій онъ былъ единственнымъ средствомъ для обвиненія свободнаго мужа. Свободный человѣкъ не признавалъ вину свою доказанною, пока не падалъ въ бою. Соотвѣтственно этому у германцевъ существовала такая поговорка: «bin ich schuldig oder nicht, weis Niemand als Gott und ich», т.-е. виноватъ я или нѣтъ, объ этомъ никто не знаетъ, кромѣ Бога да меня.

Что касается вопроса о томъ, былъ ли у насъ поединокъ, на этотъ вопросъ Русская Правда не даетъ отвѣта. Въ Русской Правдѣ упомянуты многія судебныя доказательства, хотя не систематически, а довольно случайно; но о поединкѣ не говорится ни слова. Отсюда нѣкоторые изслѣдователи и приходятъ къ заключенію, что поединокъ не есть исконное національное явленіе нашего процесса, что онъ заимствованъ у нѣмцевъ и сравнительно поздно. Другіе находятъ, что, несмотря на молчаніе Русской Правды, поединокъ есть древнѣйшій способъ доказательства и у насъ. Это послѣднее мнѣніе вѣрно потому, во-1-хъ, что поединокъ совершенно соотвѣтствовалъ строю древней жизни. Во-2-хъ, мы имѣемъ указанія иностранцевъ на то, что у насъ существовалъ поединокъ. У арабскаго писателя Ибнъ-Даста говорится, между прочимъ, о руси, что если тяжущіеся были не довольны судомъ князя, то князь обыкновенно говорилъ имъ: «судитеся мечемъ». Въ-3-хъ, мы имѣемъ указаніе нашихъ памятниковъ на то, что въ первой четверти XIII столѣтія въ Россіи существовалъ уже поединокъ. Въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава запрещается русскому звать нѣмца биться на полѣ на русской землѣ и обратно, латинянину запрещается звать русскаго биться на полѣ въ предѣлахъ нѣмецкой земли. Изъ этой запретильной статьи видно, что поединокъ въ началѣ XIII в. былъ уже у насъ извѣстенъ. Позднѣе, въ Судебникахъ, поединокъ является самымъ обыкновеннымъ доказательствомъ; всякое уголовное и гражданское дѣло рѣшается поединкомъ. Но такъ какъ Русская Правда молчитъ о поединкѣ, то могутъ сказать, что въ Смоленской грамотѣ и въ Судебникахъ онъ упоминается какъ нововведеніе, древности неизвѣстное. Допустить, что поединокъ появился уже по принятіи христіанства, чрезвычайно трудно, такъ такъ духовенство противодѣйствовало его распространенію, оно вооружалось противъ судовъ Божіихъ и даже противъ присяги. Можно ли допустить, чтобы при такомъ неблагопріятномъ условіи могъ возникнуть совершенно новый способъ доказательства, несвойственный

языческому праву и гонимый духовенствомъ, какъ вредное суевѣріе? Надо думать, поэтому, что поединокъ былъ извѣстенъ у насъ съ древнѣйшихъ временъ. Хотя существованіе судебнаго поединка у германцевъ не подлежитъ сомнѣнію, но объ немъ также умалчиваютъ законы салическихъ франковъ, саксонскіе, вестготскіе и нѣкоторые другіе (Grimm, D. R. A. 929). Молчанію Русской Правды нельзя придавать рѣшающаго значенія.

4) Ордаліи представляютъ второй видъ суда Божія. Существо ордалій состоитъ въ слѣдующемъ. Тяжущіеся, въ надеждѣ на помощь Божію, вызываются сдѣлать что-нибудь такое, что̀ по естественному порядку вещей должно быть гибельно для нихъ, но что вслѣдствіе непосредственнаго участія божескаго будетъ безвредно.

Древнегерманскому праву было извѣстно испытаніе огнемъ и водою. Испытаніе огнемъ состояло: 1) въ держаніи руки въ огнѣ, причемъ, она должна была остаться невредимой; 2) въ переходѣ чрезъ зажженный костеръ въ одной рубашкѣ; лѣтописецъ разсказываетъ, что жена Карла Толстаго доказала такимъ образомъ свою невинность; 3) въ держаніи руками раскаленнаго желѣза. Испытаніе водой совершалось подъ двумя формами: кипящей водой и холодной. 1) Испытаніе кипящей водою производилось такъ: клали на дно сосуда, наполненнаго кипяткомъ, кольцо: обвиняемый долженъ былъ вынуть его невредимо для себя. 2) Испытаніе холодной водой служитъ доказательствомъ, что суды Божіи возникли не подъ вліяніемъ христіанства. Оно происходило такъ: обвиняемаго, перевязаннаго веревкою, бросали въ воду, если онъ шелъ ко дну, онъ считался невиннымъ и вытаскивался; если же онъ оставался на поверхность воды, то считался виновнымъ. Это объясняется древнѣйшими до-христіанскими воззрѣніями на воду. Вода чистый элементъ и ничего нечистаго не принимаетъ; если она поглотила брошеннаго, онъ долженъ быть невиненъ (Grimm, 908 и слѣд.). Испытаніе водой въ процессахъ противъ вѣдьмъ держалось до XVII вѣка. Съ христіанства появилось новое испытаніе —

крестомъ: истецъ и отвѣтчикъ ставились у креста съ руками, поднятыми вверхъ; кто первый изнемогалъ, опускалъ руки или падалъ, считался виновнымъ.

Русская Правда упоминаетъ испытаніе желѣзомъ и водою (22, 111, 112). Въ чемъ состояло испытаніе желѣзомъ и водою, не видно.

По Русск. Пр. къ испытанію водою и желѣзомъ обращались, во-1-хъ, въ томъ случаѣ, когда искъ былъ поклепный (22). Поклепнымъ искомъ назывался такой искъ, въ доказательство котораго обвинитель не могъ привести свидѣтеля. Во-2-хъ, къ ордаліямъ обращались, когда у обвинителя были доказательства, но недостаточныя, напримѣръ, свидѣтель холопъ, а не свободный человѣкъ (111). Наконецъ, въ-третьихъ, даже и въ томъ случаѣ, если свидѣтель былъ свободный человѣкъ. Ст. 113 говоритъ объ испытаніи желѣзомъ «по свободныхъ людей рѣчамъ». Надо думать, что показаніе свидѣтеля не имѣло безусловной силы и обвиняемый могъ его отвергнуть; въ такомъ случаѣ, онъ долженъ былъ доказать свою правоту испытаніемъ водою или раскаленнымъ желѣзомъ. Это испытаніе было для него обязательно и въ томъ случаѣ, когда противъ него показывалъ холопъ. Въ этихъ обоихъ случаяхъ, слѣдовательно, испытанію подвергается обвиняемый и признается виновнымъ, если отказывается отъ воды и желѣза. Въ искахъ поклепныхъ испытанію подвергалась сторона по опредѣленію суда. Это надо думать на основаніи ст. 17, въ которой читаемъ: если цѣна иска менѣе двухъ гривенъ, то «ротѣ ему ити по своѣ куны». Тутъ присягаетъ человѣкъ въ своихъ кунахъ, т.-е. истецъ, который отыскиваетъ свои деньги. Не трудно думать, что истецъ имѣлъ право на эту дополнительную присягу. Тогда всякій недобросовѣстный человѣкъ могъ бы выиграть любой искъ. Вотъ почему полагаемъ что присяга дается по усмотрѣнію суда. Присяга дается въ малыхъ искахъ до двухъ гривенъ; въ искахъ до полугривны золота — обращаются къ испытанію водой; въ болѣе цѣнныхъ—къ испытанію желѣзомъ. Полагаемъ, что и въ этихъ

случаяхъ во всѣхъ поклепныхъ искахъ судъ присуждаетъ желѣзо и воду.

Кромѣ свидѣтелей, уликами противъ обвиняемаго, которыя могутъ повести къ присужденію его къ желѣзу и водѣ, могутъ служить: лице (поличное), прохожденіе ночное (нахожденіе на мѣстѣ преступленія) или «запа» — (запона, запана) и, вѣроятно, всякія другія улики.

Присяга, надо думать, присуждалась судомъ на основаніи тѣхъ же началъ.

5) Свидѣтели и послухи. Подъ свидѣтелями разумѣются такія лица, которыя удостовѣряютъ какое-либо спорное обстоятельство дѣла на основаніи того, что̀ они восприняли своими внѣшними чувствами; человѣкъ, напр., видѣлъ, какъ убивали другого, или слышалъ его крикъ, хотя и не видѣлъ убійства, и объ этомъ свидѣтельствуетъ. Въ древнее время, кромѣ свидѣтелей въ этомъ смыслѣ, были еще извѣстны свидѣтели доброй славы, которые существенно отличаются отъ свидѣтелей факта.

Въ Германіи они поддерживали присягу стороны и носили наименованіе соприсяжниковъ (conjuratores). Это были пріятели, сторонники, сосѣди обвиняемаго, которые знали его и по совѣсти утверждали, что онъ хорошій человѣкъ и не могъ совершить преступленія, въ которомъ обвиняется. Эти соприсяжники не были непремѣнно свидѣтелями факта, а были свидѣтелями доброй славы, они утверждали подъ присягой, что показаніе стороны заслуживаетъ довѣрія. Это testes de credulitate. Число ихъ было различно по важности дѣла и лица, противъ котораго они показывали. Обѣ стороны могли приводить соприсяжниковъ. Если истецъ въ пользу своего иска приводилъ 6 такахъ помощниковъ, отвѣтчикъ долженъ былъ для очистки себя отъ обвиненія привести вдвое болѣе. Есть основаніе думать, что и у насъ существовалъ такой институтъ. Въ Псковской судной грамотѣ (58 статья) говорится: «А на судъ помощью неходити, ходить въ судебницу двумъ сутяжникамъ, а пособниковъ бы не было ни съ той, ни съ другой стороны». Изъ этихъ

словъ, кажется, можно вывести, что въ древности у насъ были пособники. Древнѣйшій процессъ является борьбою сторонъ и притомъ не одного только истца и отвѣтчика, но вмѣстѣ съ ними и ихъ товарищей, сосѣдей, друзей, которые готовы душу свою положить за то, что ихъ сосѣдъ правъ. Псковская судная грамота еще помнитъ этотъ порядокъ вещей. Далѣе, 88 статья содержитъ указаніе на то, кто были эти пособники, — въ этой статьѣ читаемъ: «А за церковную землю на судъ помощью сусѣди не ходятъ». Пособниками были сосѣди, которые, конечно, хорошо знали того, на защиту кого выступали. Такъ какъ между сосѣдями истца и отвѣтчика, которые приходили съ ними въ судъ, какъ пособники, нерѣдко происходили столкновенія, то Псковская судная грамота воспрещаетъ впредь ходить въ судъ съ пособниками.

Русская Правда не говоритъ о пособникахъ, но упоминаетъ о видокахъ и послухахъ. Видоки были свидѣтели въ настоящемъ смыслѣ слова, т.-е. очевидцы событія.

Кто могъ быть свидѣтелемъ? Къ свидѣтельству допускались свободныя лица, рабъ не допускался въ свидѣтели, кромѣ ключниковъ; права закуповъ въ этомъ отношеніи были ограничены, они допускались только въ малыхъ тяжбахъ; что же касается женщинъ, то о нихъ нѣтъ указаній. По германскому же праву женщина была устранена отъ свидѣтельства.

Въ статьяхъ Русской Правды, опредѣляющихъ число свидѣтелей, можно видѣть вліяніе практики церковныхъ судовъ. Статьи 36 и 45 (III р.) требуютъ двухъ свидѣтелей. Это именно то число свидѣтелей, передъ которымъ, по законамъ Моисея, «да смолкнетъ всякъ глаголъ».

Свидѣтели даютъ свои показанія подъ присягой. Показаніе свидѣтелей имѣетъ рѣшающее значеніе (III р. 36, 45). На основаніи нѣкоторыхъ статей можно думать, что показаніе двухъ свидѣтелей и у насъ имѣло рѣшающее значеніе. Но выше мы приводили свидѣтельство 113 ст. по которой показаніе свидѣтелей не рѣшало дѣло, а вело

къ испытанію желѣзомъ «изъ неволи». И въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, Русск. Пр. отражаетъ двѣ разныхъ практики, византійскую и русскую, нисколько не заботясь привести эти противорѣчія къ какому-либо соглашенію.

Нѣкоторые изслѣдователи вовсе не различаютъ видоковъ и послуховъ на томъ основаніи, что Русская Правда употребляетъ довольно безразлично эти термины. Но несмотря на такое безразличное употребленіе этихъ словъ, есть основаніе думать, что нашъ послухъ то же, что въ Германіи соприсяжникъ. У насъ впервые высказалъ это мнѣніе г. Ланге въ сочиненіи «Объ уголовномъ правѣ Русской Правды». Г. Ланге находилъ, что эту мысль доказываетъ 18 статья Русской Правды III ред.: «Аще будетъ на кого поклепная вира, то же будетъ послуховъ 7, то ти выведутъ виру (сведутъ, снимутъ)». Подъ поклепной вирой разумѣется такое обвиненіе, которое свидѣтелями очевидцами не подтверждается (никто не видѣлъ совершенія преступленія), и при совершеніи котораго обвиняемый не былъ схваченъ на мѣстѣ преступленія; обвиненіе основывается исключительно на одномъ подозрѣніи. При такомъ обвиненіи можно было снять съ себя виру, представивши 7 послуховъ. Ясно, что эти послухи не свидѣтели факта, они могутъ быть только свидѣтелями доброй славы. Они удостовѣряютъ, что обвиняемый не могъ совершить взводимаго на него преступленія, и тѣмъ сводятъ съ него поклепное обвиненіе. Далѣе, самое число 7, какъ справедливо замѣчаетъ г. Ланге, служитъ достаточнымъ основаніемъ видѣть въ этихъ 7 послухахъ не свидѣтелей, а послуховъ, подобныхъ тѣмъ, какими были по германскому праву соприсяжники. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя требовать, что было 7 свидѣтелей, а не менѣе, потому что, смотря по обстоятельствамъ, ихъ могло быть 1, 2, 3 и болѣе, тогда какъ послуховъ можно требовать произвольное число. Послуховъ, слѣдовательно, надо отличать отъ видоковъ. То, что Русская Правда смѣшиваетъ эти названія, еще не рѣшаетъ дѣла и объясняется нетвердостью терминологіи того времени. Въ германскихъ памятникахъ также

смѣшиваются свидѣтель и соприсяжникъ, но это не мѣшаетъ нѣмецкимъ ученымъ различать ихъ.

Послухи въ Русской Правдѣ встрѣчаются еще и въ другомъ смыслѣ, въ качествѣ свидѣтелей въ гражданскихъ сдѣлкахъ. Заемъ, напр., совершался въ присутствіи послуховъ, которые удостовѣряли заключеніе сдѣлки и придавали ей такимъ образомъ твердость. Сдѣлка только тогда охранялась судомъ, когда при совершеніи ея присутствовало необходимое число послуховъ.

6) Внѣшніе признаки. Подъ внѣшними признаками разумѣются всякіе внѣшніе слѣды, свидѣтельствующіе о происшедшемъ событіи. Сюда относятся, напр., побои, синія пятна и т. под. Если человѣкъ обвиняется въ кражѣ, то такимъ внѣшнимъ признакомъ будетъ то, что въ его домѣ найдены краденыя вещи, а если обвиняется въ убійствѣ, то трупъ и т. под. Эти улики на древнемъ языкѣ носили наименованіе «лица», украденныя вещи или найденный трупъ составляли «лице».

7) Сводъ. Послѣднее доказательство, на которомъ нужно остановиться, это сводъ. Этотъ терминъ встрѣчается во многихъ статьяхъ, а именно въ 44, 47, 48 и въ другихъ Троицкаго списка. То, что̀ въ Русской Правдѣ называется сводомъ, можно подвести подъ понятіе очной ставки, совершаемой, однако, нѣсколько своеобразно. Дѣло происходило такъ. Если собственникъ находилъ у кого-либо свою украденную вещь (или лице, какъ тогда говорилось), а держатель вещи утверждалъ, что онъ купилъ ее, а не укралъ, то собственникъ вмѣстѣ съ держателемъ вещи долженъ былъ отправиться къ указанному продавцу для удостовѣренія въ томъ, что дѣйствительно вещь у него куплена; это должно было продолжаться до тѣхъ поръ, пока не находили вора. Такой процессъ хожденія со двора на дворъ носилъ наименованіе свода.

Этотъ способъ доказательства былъ извѣстенъ и германскому праву. Обладатель украденной вещи долженъ былъ назвать, отъ кого онъ ее пріобрѣлъ, и въ извѣстный срокъ

привести своего продавца, этотъ своего и т. д., пока не дойдутъ до вора. Кто не могъ указать продавца, тотъ долженъ былъ отдать вещь и очиститься отъ подозрѣнія въ кражѣ присягой (Brunner у Гольцендорфа; Bernhöft, 24 сл.). Совершенно то же и у насъ: «Аще начнеть не знати у кого купилъ, то іти по немь тѣмъ видокомъ на роту, а истьцю свое лице взяти...» (45 III р.). Подъ видоками здѣсь разумѣются свидѣтели покупки. Они удостовѣряютъ, что вещь при нихъ куплена, т.-е. очищаютъ отъ подозрѣнія въ кражѣ.

Сводъ извѣстенъ и Псковской судной грамотѣ подъ именемъ «извода» (54).

По вопросу о значеніи доказательствъ нѣкоторые изслѣдователи придерживаются того мнѣнія, что въ древности доказательства имѣли безусловное значеніе, т.-е. если истецъ представилъ доказательства, то противная сторона признавалась виновною и отъ нея не принималось доказательствъ въ опроверженіе доводовъ истца. Это—невозможный порядокъ вещей. Изъ 31 статьи пространной Русской Правды надо вывести совершенно противоположное заключеніе.

Въ 31-й статьѣ Троицкаго списка читаемъ: «Аще придетъ кровавъ мужь на дворъ (на княжескій дворъ, гдѣ производился судъ) или синь, то видока ему не іскати, но платити ему продажу 3 гривны», т.-е. если придетъ окровавленный мужъ, то ему не нужно искать свидѣтелей, причинившій побои платитъ 3 гривны продажи, «аще ли не будетъ на немъ знамения, то привести ему видокъ», т.-е. если не будетъ на немъ знаковъ, то онъ долженъ представить свидѣтелей. Въ концѣ же статьи говорится: «Аче же и кровавъ придетъ іли будеть самъ почалъ, а вылѣзуть послуси, то то ему за платежь, оже й били». Если не сопоставить начала этой статьи съ концомъ, то начало можетъ служить въ пользу теоріи безусловнаго значенія доказательствъ. Въ началѣ статьи говорится, что если придетъ окровавленный мужъ, то не нужно свидѣтелей, обвиняемый долженъ заплатить продажу; но конецъ дополняетъ то, что̀ въ началѣ не досказано: хотя человѣкъ и придетъ окро-

вавленнымъ, но если послухи засвидѣтельствуютъ, что онъ самъ началъ драку, то то «ему за платежъ», т.-е. обвиняемый ничего не платитъ. Итакъ, кровавыя пятна въ данномъ случаѣ имѣютъ значеніе только тогда, когда обвиняемый не отрицаетъ ихъ нанесенія и не можетъ доказать, что истецъ самъ началъ драку; если же онъ желаетъ представить это доказательство, то онъ можетъ это сдѣлать. Статьи о сводѣ также доказываютъ возможность сопоставленія доказательствъ. Хотя у обвиняемаго и найдена украденная вещь, но онъ можетъ снять съ себя обвиненіе, указавъ продавца.

Можно еще указать на 111 и 113 статьи Троицкаго списка. Эти статьи допускаютъ испытаніе желѣзомъ въ томъ случаѣ, когда противъ обвиняемаго есть свидѣтельство не только холопа, но и свободныхъ людей. Въ случаѣ благопріятнаго исхода испытанія, обвиненіе падаетъ. Противъ обвиняемаго говоритъ истецъ, противъ него же говоритъ его холопъ или свободные люди, но обвиняемый не признаетъ себя виновнымъ; прибѣгаютъ къ суду Божьему, въ формѣ испытанія желѣзомъ, и дѣло рѣшаютъ на основаніи результата этого испытанія.

Московскіе порядки

Въ порядкѣ судопроизводства происходятъ въ московское время значительныя измѣненія. Въ Московскомъ государствѣ дѣлается первая попытка обособленія процессовъ: состязательнаго и слѣдственнаго. Состязательный процессъ получаетъ наименованіе суда, а слѣдственный—сыска. Сыскъ примѣняется къ преслѣдованію преступленій, хотя не всѣхъ, и вооруженъ для этого соотвѣтствующими средствами. Судомъ вѣдаютъ гражданскія дѣла, но не исключительно; онъ примѣняется и ко многимъ уголовнымъ. У суда другія средства, чѣмъ у сыска. Но и судъ не совершенно свободенъ отъ слѣдственнаго элемента; нѣкоторыя изъ средствъ сыска употребляются и на судѣ.

Различіе суда и сыска можно уже прослѣдить въ памятникахъ XVI в. Въ Судебникѣ 1550 г. читаемъ: «И назовутъ его въ обыску лихимъ человѣкомъ, ино его пытати...; а скажутъ въ обыску, что онъ добрый человѣкъ, ино дѣло вершити по суду» (52). Вершеніе по суду противополагается вершенію на основаніи пытки. Пытка не дѣлается на судѣ, это—средство сыска. Другія статьи Судебника указываютъ на средства, которыя были въ распоряженіи суда: «А въ иныхъ дѣлахъ судити по тому же: кто въ чемъ скажется виноватъ, то на немъ взять; а въ достали (въ чемъ не будетъ признанія) судъ и правда и крестное цѣлованіе» (25). Правда (показаніе свидѣтелей) и крестное цѣлованіе— суть средства суда. Еще яснѣе это различіе выступаетъ въ Уложеніи. Оно предусматриваетъ случай, что кого-нибудь приведутъ съ поличнымъ, а приведенный будетъ говорить, что его ополичнили сильно, а потому предписываетъ: «И про то сыскати всякими сыски накрѣпко, гдѣ его съ поличнымъ поймали,... а будетъ сыскати нѣкѣмъ, и имъ въ томъ дати судъ...» (XXI, 54). Судъ и сыскъ два разныхъ порядка. Пытка и по Уложенію характерный признакъ сыска: «И ему жалобы своей искать судомъ, а изъ приказу того татя пытати не велѣть» (88). Судъ не примѣняетъ пытки.

Состязательный процессъ (судъ)

Судъ состоитъ въ выслушиваніи заявленій сторонъ и предъявляемыхъ ими доказательствъ. Суду противополагается вершеніе, какъ вторая стадія процесса. «Судить судъ» значитъ установить спорныя обстоятельства дѣла и записать ихъ въ судный списокъ. Судъ и вершеніе дѣла производитъ не непремѣнно одинъ и тотъ же судья. Это различіе суда и вершенія видно уже въ древнѣйшихъ памятникахъ Москвы. Въ правой грамотѣ 1508 года читаемъ: «И Дмитрій Владиміровичъ (судья великаго князя) судъ свой сказалъ в. к. Василію Ивановичу. И великій князь, выслу-

шавъ судъ, велѣлъ Дмитрію ищей оправити». Дмитрій Владиміровичъ произвелъ судъ, а вел. князь вершилъ. Уложеніе требуетъ, чтобы на судѣ были окончательно установлены всѣ обстоятельства дѣла и приведены всѣ доказательства; послѣ окончанія суда не принимаются никакія добавленія къ тому, что было выяснено на судѣ. Дѣло должно рѣшать не по дополнительнымъ челобитьямъ, поданнымъ послѣ суда, а на основаніи того, что было на судѣ записано (X, 21, 22). Какъ скоро судный списокъ сторонами подписанъ, судъ оконченъ; это значитъ «дѣло засужено»; затѣмъ начинается второй моментъ, вершеніе. Вершить дѣло можно и въ отсутствіи сторонъ (113). Какъ скоро дѣло засужена, отвѣтчикъ теряетъ право распоряжаться спорнымъ имуществомъ: если онъ его продастъ, а дѣло проиграетъ, проданное имущество отбирается у покупателя и отдается истцу (244)

Судъ есть состязательная форма процесса: на судѣ стороны свободно препираются, заявляютъ все, что имъ угодно, и доказываютъ свои заявленія, какъ хотятъ и могутъ. Изъ памятниковъ XVII в. видно, однакоже, что судьи, для выясненія обстоятельствъ, дѣлаютъ соотвѣтствующія распоряженія и отъ себя. Такъ, если доведется сдѣлать на мѣстѣ обыскъ, судьи посылаютъ о томъ государевы грамоты воеводамъ. Эти самостоятельныя дѣйствія суда получили особое развитіе въ спорахъ о недвижимостяхъ. Права на землю доказываются въ Москвѣ между прочимъ, разными книгами: писцовыми, дозорными и проч., которыя хранятся въ правительственныхъ учрежденіяхъ и не доступны частнымъ людямъ. Судъ, въ этихъ случаяхъ, сыскиваетъ самъ по книгамъ.

Судъ, какъ чисто частное дѣло, возникаетъ только по просьбѣ заинтересованныхъ и можетъ быть во всякій моментъ до вершенія прекращенъ замиреніемъ сторонъ (X, 121), но государевы судныя пошлины должны быть уплачены, несмотря на миръ.

Судъ начинается подачею такъ-называемой «приставной памяти». Въ приставной памяти пишется, чего ищетъ ис-

тецъ, съ кого ищетъ, какая цѣна иска и гдѣ живетъ отвѣтчикъ. Приставная память называлась такъ потому, что послѣ того, какъ дьякъ сдѣлаетъ на ней надпись, она передается приставу, который долженъ вызвать отвѣтчика. Приставъ долженъ былъ отправиться въ мѣсто жительства отвѣтчика, предъявить ему жалобу истца и объявить срокъ явки въ судъ. При судахъ были особые органы, которые носили наименованіе приставовъ или недѣльщиковъ. Послѣднее названіе объясняется тѣмъ, что они исполняли свои обязанности по недѣлямъ. Эти недѣльщики имѣли товарищей, которые избирались самими недѣльщиками, тогда какъ пристава или недѣльщики назначались правительствомъ. Въ болѣе отдаленное время эти органы встрѣчаютея подъ именами: позовниковъ, доводчиковъ, ѣздоковъ, подвойскихъ.

Обязанность приставовъ состоитъ въ томъ, что, розыскавъ отвѣтчика, они должны были «накинуть на него срокъ», т.-е. обязать явиться на такой-то срокъ въ судъ. Отвѣтчикъ долженъ былъ представить поруку въ томъ, что явится въ судъ. Порука называлась: «порукой къ суду». Предметъ поруки не для каждаго поручителя одинъ и тотъ же: одинъ могъ поручиться въ томъ, что отвѣтчикъ пріѣдетъ въ судъ, другой въ томъ, что отвѣтчикъ не только пріѣдетъ, но будетъ оставаться по вся дни, пока судъ не кончится. Поручную запись должны были подписывать сами поручители; въ случаѣ непріѣзда отвѣтчика они платили штрафъ, истцовы иски и убытки. За одного отвѣтчика могли дать поруку нѣсколько лицъ.

Если отвѣтчикъ не находилъ поручителя, приставъ долженъ былъ наложить руку на отвѣтчика и привести его тотчасъ же въ мѣсто суда и держать тамъ скованнымъ въ цѣпяхъ до тѣхъ поръ, пока не найдутся поручители. Если отвѣтчикъ не являлся по вызову, несмотря на поруку, то въ XVI в. онъ обвинялся за первую неявку, а въ XVII в. это начало было смягчено, его обвиняли только по третьей неявкѣ. Въ XVIII в. жаловались на этотъ новый порядокъ и требовали возвращенія къ старому. Въ случаѣ неявки,

истцу выдавалась безсудная грамота, по которой отвѣтчикъ обвинялся безъ суда.

Рядомъ съ этимъ былъ и другой порядокъ вызова. Онъ происходилъ чрезъ зазывную грамоту. Зазывная грамота выдавалась самому истцу послѣ предъявленія иска; въ зазывной грамотѣ предписывалось мѣстнымъ властямъ накинуть срокъ на отвѣтчика и взять поруку (Кавелинъ, 138 и сл.).

Явившись въ судъ, истецъ и отвѣтчикъ должны были подать «ставочное челобитье», въ которомъ объявляли о своей явкѣ и готовности стать на судъ.

Судоговореніе было словесное. Первое слово судья давалъ истцу, который долженъ былъ изложить, въ чемъ состоитъ его искъ. Выслушавъ истца, судья обращался къ отвѣтчику и говорилъ ему: «отвѣчай». Отсюда и выработалось самое слово отвѣтчикъ, неизвѣстное древнѣйшимъ памятникамъ. Выслушавъ обѣ стороны, судья снова обращался къ истцу и спрашивалъ, чѣмъ онъ доказываетъ свой искъ. Истецъ долженъ былъ перечислить всѣ свои доказательства; затѣмъ судья обращался къ отвѣтчику и спрашивалъ, шлется ли онъ на тѣ же доказательства, на тѣхъ же свидѣтелей, на тѣ же купчія грамоты и пр., или у него есть свои? Если названныя сторонами доказательства не находились налицо, судья давалъ срокъ для ихъ предъявленія. Судъ занималъ, такимъ образомъ, нѣсколько засѣданій, раздѣленныхъ иногда значительными промежутками времени. Происходившее на судѣ вносилось въ судный списокъ, въ которомъ обозначаются судья и мужи, бывшіе на судѣ. Послѣ суда дѣло переходитъ къ вершенію.

Вершеніе дѣла составляетъ второй моментъ процесса. Въ немъ принимаютъ нерѣдко участіе и другіе судьи. Это участіе другихъ судей вызывалось очень разнообразными причинами. Изъ правыхъ грамотъ XVI в. видно, что судъ о землѣ весьма нерѣдко происходилъ на мѣстѣ, на спорной землѣ. Стороны въ натурѣ указывали судьямъ, о чемъ онѣ спорятъ, и обходили въ присутствіи знающихъ людей

межи владѣній. Очень можетъ быть, что такимъ судьямъ, присылаемымъ изъ Москвы или мѣстными органами, не всегда предоставлялось право вершать. Нѣкоторымъ лицамъ предоставлялось, какъ мы знаемъ, право непосредственнаго княжескаго суда, судъ же на мѣстѣ судилъ не князь, а его приказный человѣкъ. Но и тѣ судьи, которые имѣли право вершить дѣло, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ могли обращаться къ помощи высшаго судьи. Воеводы и губные старосты могли рѣшать предоставленныя ихъ компетенціи дѣла, но изъ Уложенія мы знаемъ, что и они, засудя судъ, при вершеніи обращаются иногда къ помощи приказовъ (X, 130). Приказы могли судить и вершить (23), но и они обращались за разъясненіями въ расправную палату.

Это обращеніе къ высшему судьѣ носило наименованіе **доклада**. Судья докладываетъ свой судъ той же власти, которая посылала его судить дѣло; если же въ докладѣ нуждался постоянный органъ суда, а не временно посылаемый на мѣсто спора, онъ докладывалъ судъ высшему учрежденію. Въ первомъ случаѣ докладъ производилъ самъ судья или лицо, имъ уполномоченное, во второмъ—пересылался въ высшую инстанцію судебный списокъ. При докладѣ, обыкновенно, присутствуютъ и стороны, для этого имъ назначается особый срокъ; съ нихъ берутся новыя поручныя записи и присоединяются къ докладу (X, 130). Выслушавъ докладъ, судья спрашиваетъ стороны: таковъ ли вамъ былъ судъ? Если они начнутъ «лживить судный списокъ» и скажутъ «судъ былъ, да не таковъ», судья производитъ повѣрку при посредствѣ судныхъ мужей. Въ XVII в., какъ мы уже замѣтили, вершеніе должно быть основано на судномъ спискѣ, а не на новыхъ обстоятельствахъ, которыя могли бы заявить стороны во время доклада. Въ XVI же вѣкѣ случалось, что на докладѣ принимались новыя доказательства и клались въ основаніе рѣшенія (А. Ю. № 14). Судья, которому сдѣланъ докладъ, указываетъ докладчику, какъ вершить дѣло, кого обвинить, кого оправдать. Рѣшеніе, составленное на основаніи этого указанія, заносится

первымъ судьей въ судный списокъ и объявляется сторонамъ; выигравшему дѣло дается «правая грамота». Приказы, кажется, вершили, на основаніи доклада, сами, не обращая дѣла къ первому судьѣ (X, 130).

Оцѣнка доказательствъ есть дѣло свободнаго усмотрѣнія судьи.

Старинная система доказательствъ въ Московскомъ государствѣ претерпѣваетъ существенныя измѣненія. Всѣ доказательства съ примѣсью чудеснаго элемента, каковы суды Божіи, выходятъ изъ употребленія. Памятники московскаго законодательства не знаютъ ордалій. Поединки, весьма еще употребительные въ XVI вѣкѣ, не встрѣчаются въ XVII. Письменныя доказательства получаютъ значительное развитіе.

Доказательствами на судѣ, кромѣ признанія, были: 1) поле, т.-е. поединокъ. По Судебнику XVI в. поединкомъ рѣшаются всякія дѣла, какъ уголовныя, убійство, разбой, поджогъ, и пр., такъ и гражданскія, споры по обязательствамъ и др.

Въ Судебникѣ читаемъ: «а побіются на полѣ въ заемномъ дѣлѣ или въ бою (11), а побьются на полѣ въ пожогѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбоѣ, или татбѣ...» (12).

Если сторона въ подтвержденіе своего иска говорила, что она «крестъ цѣлуетъ и на поле биться лѣзетъ», то судья обращался къ другой и спрашивалъ: «цѣлуетъ ли она крестъ и на полѣ биться лѣзетъ ли?» Если она соглашалась, это называлось «досудиться до поля».

Но это изстари существующее и въ XVI в. чрезвычайно распространенное средство суда встрѣчаетъ, однако, противодѣйствіе со стороны духовенства, которое не находило возможнымъ одобрить такой способъ рѣшенія дѣлъ. Еще въ началѣ XV в. митрополитъ Фотій въ посланіи къ новгородцамъ запрещаетъ священникамъ давать причастіе тѣмъ, кто выходитъ на поединокъ; имъ нельзя было даже крестъ цѣловать; убитыхъ на поединкѣ воспрещается предавать церковному погребенію; кто убьетъ, тотъ отлучался отъ церкви

на 18 лѣтъ. Если священникъ. несмотря на эти предписанія, пріобщитъ св. таинъ бойцовъ, или похоронитъ убитаго, онъ подвергается лишенію сана. Понятно, что подобныя мѣры духовенства должны были удерживать частныхъ лицъ отъ поединковъ. Это противодѣйствіе духовенства не могло остаться безъ вліянія и на правительство. Несмотря на то, что Судебникъ допускаетъ поединокъ въ широкихъ размѣрахъ, на практикѣ, какъ можно судить по грамотамъ, онъ имѣлъ весьма ограниченное примѣненіе. Если обѣ стороны слались на поединокъ, обыкновенно, вершали дѣло на основаніи другихъ доказательствъ. Ссылка на поединокъ имѣла рѣшающее значеніе только въ томъ случаѣ, если одна изъ сторонъ отказывалась отъ поединка; въ такомъ случаѣ отказывающаяся сторона проигрывала. Что поединокъ потерялъ прежнее значеніе суда Божія и въ глазахъ свѣтскихъ законодателей, это видно изъ того, что Судебникъ принимаетъ мѣры къ тому. чтобы уравнять шансы борьбы. Онъ предписываетъ биться бойцу съ бойцомъ, а не бойцу съ небойцомъ; не-бойцу же съ бойцомъ не биться, кромѣ того случая, когда онъ самъ этого пожелаетъ (14). Старымъ, малымъ, увѣчнымъ, попамъ, чернецамъ и женщинамъ Судебникъ позволяетъ, вмѣсто себя, нанять наймита. Противъ этого наймита другая сторона имѣла право выставить своего наймита. Въ этомъ видѣ поединокъ, конечно, не могъ уже имѣть въ сознаніи людей того времени значеніе суда Божія. Опредѣленіемъ Стоглаваго собора дѣла, касающіяся лицъ духовнаго званія, предписано было рѣшать не полемъ, а другими доказательствами. Священникамъ и инокамъ дозволялось присуждать поле только въ душегубствѣ и разбоѣ съ поличнымъ. Наконецъ, указомъ 1556 года было вообще предписано, если стороны досулятся до поля, то присуждать имъ не поле, а крестное цѣлованіе. Этимъ указомъ поединокъ хотя и не былъ отмѣненъ,—тяжущіеся могутъ еще слаться на поединокъ, но на практикѣ онъ былъ замѣненъ присягою.

2) Крестное цѣлованіе. Стороны допускаются къ

крестному цѣлованію по опредѣленію суда. Псковская судная грамота говоритъ: «дать правду» (правда означаетъ здѣсь крестное цѣлованіе) 42, 55. Такъ же выражается Судебникъ 1497: «А не будетъ у него свидѣтелей, ино ему правду дати» (47), и Уложеніе: «А съ образомъ велѣти идти тому, кому въ судѣ дано будетъ на душу» (X, 236).

Судъ прибѣгаетъ къ присягѣ за недостаткомъ другихъ доказательствъ («если улики нѣтъ». Пск. суд. гр. 116). Псковская судная грамота подробнѣе останавливается на присягѣ, чѣмъ всѣ московскіе памятники. Въ руководство судьѣ она даетъ указанія, при какихъ условіяхъ и какой сторонѣ надо предложить присягу (13, 17, 20, 28, 29, 34, 36, 41, 42, 46, 51, 55, 91, 92. 101, 102, 104, 107, 110 116, 117). Она знаетъ присягу отвѣтчика (очистительную) и истца (дополнительную). Обыкновенно, судъ предлагаетъ сторонѣ на три воли: «хочетъ самъ поцѣлуетъ, или на поле лѣзетъ, или у креста положитъ своему истцу», т.-е. дастъ поцѣловать крестъ противнику (17, 107 и др.). Если сторона сама не захочетъ цѣловать креста, не дастъ противнику и не заявитъ желанія рѣшить дѣло поединкомъ, она проигрываетъ дѣло.

Въ Москвѣ, кромѣ присяги по опредѣленію суда, была употребительна присяга по предложенію стороны. Въ указѣ 1629 года читаемъ: «которые истцы ищутъ на отвѣтчикахъ рублевъ трехъ сотъ и больше, а на суду отвѣтчикъ дастъ на душу истцу» (Утинъ и Лазаревскій, № XLIII). Эта статья перешла и въ Уложеніе (XIV, 8). Цар. Судебникъ, а за нимъ и Уложеніе знаютъ еще присягу по жребію. Въ Судебникѣ она дается по опредѣленію суда въ искахъ московскаго человѣка съ чужеземцемъ (27); въ Уложеніи, по требованію стороны, также въ искахъ съ чужеземцемъ (XIV, 4). Правила Псковской судной грамоты, основанныя на рѣшеніи суда, замѣнены здѣсь слѣпымъ случаемъ. При цѣлованіи цѣна иска клалась подъ крестъ (Ут. и Лаз. XL).

Московскіе памятники допускаютъ зависимыхъ людей

цѣловать крестъ за господъ своихъ. Выборъ такого цѣловальщика зависѣлъ отъ противной стороны (XIV, 8, ст. 7 не ясна).

По Псковской судной грамотѣ всякія дѣла могли быть рѣшены крестнымъ цѣлованіемъ, даже споры о землѣ и водѣ (106). Въ Москвѣ иски о недвижимостяхъ не рѣшались присягой (Кавелинъ, 167).

3) Послухи и свидѣтели. Московскіе судебники представляютъ такое смѣшеніе этихъ двухъ институтовъ, что истинное положеніе дѣла можетъ быть выяснено только при помощи Псковской судной грамоты.

Мы выше уже замѣтили, что Псковская судная грамота воспрещаетъ ходить на судъ съ пособниками. Но, воспрещая содѣйствіе многихъ пособниковъ, грамота дозволяетъ содѣйствіе одного. Этотъ одинъ пособникъ носитъ въ грамотѣ наименованіе послуха (20—24, 27. 117). Послуху противополагаются свидѣтели, добрые люди, иногда сосѣди, ихъ всегда нѣсколько: 4—5. Къ послуху обращаются тогда, когда нѣтъ свидѣтелей (27). Послухъ не очевидецъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ поддерживаетъ то, что̀ утверждаетъ сторона. Это, слѣдовательно, свидѣтель доброй славы. Онъ вѣритъ въ то, что говоритъ сторона, а потому и выходитъ на ея защиту. Это крайне интимное отношеніе: послухъ беретъ на себя дѣло стороны. Это несомнѣнный обломокъ древняго пособничества. Отсюда такія послѣдствія. Послухъ не обязанъ являться на судъ. Онъ приходитъ по ссылкѣ стороны только въ томъ случаѣ, если желаетъ ее поддержать. Не являясь на судъ, онъ заявляетъ этимъ, что не считаетъ возможнымъ оказать свою поддержку сторонѣ, и сторона проигрываетъ дѣло (22). То же и въ томъ случаѣ, если послухъ «не договоритъ въ рѣчи сославшагося на него или переговоритъ» (22). Если послухъ явился на судъ и вполнѣ подтвердилъ ссылку стороны, онъ этимъ беретъ на себя дѣло стороны и какъ бы становится на ея мѣсто. Согласно съ этимъ, послухъ можетъ быть вызванъ противникомъ на поле (20, 27, 117). Онъ долженъ принять вызовъ,

иначе его сторона проигрываетъ (Новог. суд. гр. 35). Послухъ долженъ самъ биться на полѣ, онъ не можетъ замѣнить себя наймитомъ даже и въ томъ случаѣ, еслибы противная сторона, вмѣсто себя, выставила наймита (21). Это требованіе тоже послѣдовательно вытекаетъ изъ свойствъ послуха: замѣна послуха наймитомъ подрываетъ вѣру въ его искренность. Эти свойства послуха объясняютъ и выраженія Новгородской судной грамоты: 1) «А псковитину не послуховать» (22), предполагать надо, въ дѣлахъ новгородцевъ. Это потому, что у чужого человѣка, псковича, не предполагается такихъ знаній свойствъ стороны и обстоятельствъ дѣла, какія должны быть у послуха. 2) «А послуху на послуха не быть», т.-е. противъ послуха одной стороны другая не можетъ выставить своего. Такъ какъ доказательство послухомъ переходитъ въ судъ Божій, то представленіе послуха противникомъ ровно ничего не измѣняетъ въ процессуальномъ положеніи сторонъ. Выходъ изъ столкновенія двухъ послуховъ остается тотъ же—поле. Это только лишняя проволочка дѣла.

Въ такомъ видѣ удержались древніе пособники въ псковскомъ, а можетъ быть, и въ новгородскомъ правѣ XV в. Германское право исходитъ изъ другого начала. Оно допускаетъ много соприсяжниковъ. Число ихъ доходитъ иногда до 72 (Grimm, 859 и сл.). Это давало возможность сопоставлять соприсяжниковъ. Если истецъ приводилъ въ свою пользу 6 человѣкъ, отвѣтчикъ могъ опровергнуть его обвиненіе при помощи 12 (Zöpfl, 937). Множество соприсяжниковъ служило въ Германіи ручательствомъ правдивости ихъ показанія. Конечно, чѣмъ болѣе сторона съумѣетъ найти помощниковъ, тѣмъ болѣе ей можно вѣрить. Но тамъ участіе пріятелей не переходило въ поединокъ, а оканчивалось присягой. У насъ же ручательство правдивости видѣли въ рѣшимости умереть за дѣло; значительное же число послуховъ пугало возможностью свалки.

Свидѣтели Псковской грамоты существенно отличаются отъ послуховъ. Ихъ всегда нѣсколько (4—5); показаніе ихъ

рѣшаетъ спорный фактъ; на поле ихъ нельзя звать; это — добрые люди, въ поземельныхъ спорахъ—сосѣди, въ ст. 56 они названы свидѣтелями. Къ нимъ обращаются во всякихъ дѣлахъ: въ спорахъ о землѣ и водѣ (9), въ искахъ покруты (51), въ дѣлахъ наслѣдственныхъ (55), въ спорахъ о движимостяхъ (87), въ боѣ и грабежѣ (27): они удостовѣряютъ сдѣлки, при совершеніи которыхъ присутствовали (56).

Московскіе памятники также знаютъ послуховъ, но въ періодъ составленія Судебниковъ смыслъ этого учрежденія сталъ теряться, а потому Судебники перемѣшиваютъ признаки послуховъ и свидѣтелей.

Нѣкоторыя положенія Судебниковъ совершенно совпадаютъ съ положеніями Псковской судной грамоты. Таковы статьи о томъ, что «послуху наймита нѣтъ» (49 пер. С. и 17 ц.), что истецъ виноватъ, если послухъ не говоритъ въ его рѣчи (51 пер.), и, наконецъ, статья, по которой послуха можно звать на поле (48 пер. С. и 16 вт.). Эти статьи, по всей вѣроятности, передаютъ старинную московскую практику и только по формѣ, можетъ быть, составлены подъ вліяніемъ Псковской грамоты. Но рядомъ съ ними есть постановленія, совершенно искажающія характеръ послушества. Въ ст. 67 пер. С. читаемъ: «а потлухамъ, не видѣвъ, не послушествовати, а видѣвши, сказати правду» (99 ц.). Это опредѣленіе приравниваетъ послухъ къ свидѣтелямъ: они должны говорить только на основаніи того, чтò видѣли. Это уже не бытовая черта, а указная. Такъ какъ это новое право, народу неизвѣстное, то въ началѣ статьи предписывается «прокликать объ этомъ по торгамъ, на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ Московскія земли и Новгородскія земли и по всѣмъ волостямъ заповѣдати»... Новый примѣръ, какъ указы московскіе идутъ наперекоръ бытовымъ воззрѣніямъ. Это смѣшеніе послуховъ со свидѣтелями отразилось и на другихъ статьяхъ. По 50 ст. послухъ обязанъ явиться на судъ, иначе платитъ искъ, пошлины и всѣ убытки (18 ц.). По 52 послуху жонки, старца, попа, чернеца, увѣчнаго человѣка, малолѣтняго дозволяется нанять наймита. Ст. 15 ц.

С. говоритъ о многихъ послухахъ, на которыхъ шлется сторона, и о возможности розни въ ихъ показаніяхъ.

Въ результатѣ получилась большая путаница. Послухъ по новой 67 ст. есть свидѣтель факта, а между тѣмъ противная сторона можетъ звать его на поединокъ. Вызовъ на поединокъ свидѣтеля извѣстенъ и германскому праву, но только въ случаѣ подозрѣнія его въ клятвопреступленіи и притомъ въ спорахъ о недвижимой собственности (Eichhorn I, 411, Note d). Судебники же допускаютъ поле, какъ дополнительное доказательство, альтернативно съ присягой (ц. 16), въ бою, грабежѣ, займахъ. При такихъ условіяхъ можно разогнать изъ суда всѣхъ свидѣтелей факта.

Неудобства этого указнаго разъясненія слова послухъ сдѣлались ощутительны для московскаго правительства въ самомъ началѣ второй половины XVI в. Въ указѣ 1556 г. читаемъ: «А пошлется на судѣ ищея или отвѣтчикъ на боярина, или на дьяка, или на приказнаго человѣка, кому мочно вѣрить, посмотря по дѣлу: и тоѣ правды не оставливати, а какъ скажутъ, потому и вершити, безъ поля и безъ цѣлованія». (Ут. и Лаз. № V). Въ пользу приказныхъ людей, выступающихъ въ качествѣ послуховъ — свидѣтелей, указъ дѣлаетъ исключеніе: ихъ показаніе рѣшаетъ дѣло, ихъ нельзя звать на поле.

Первый Судебникъ, хотя и смѣшиваетъ свидѣтелей съ послухами, знаетъ, однакоже, свидѣтелей и въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Ихъ нѣсколько (2 или 3), показаніе ихъ рѣшаетъ дѣло безъ дополнительной присяги и безъ поля (46, 47). За исключеніемъ числа свидѣтелей эти статьи и по формѣ такъ сходны съ соотвѣтствующими Псковской грамоты (56, 47), что и здѣсь можно видѣть заимствованіе, хотя тоже съ формальной стороны: невозможно же допустить, чтобы московская практика впервые узнала свидѣтелей изъ Псковской грамоты.

Въ царскій Судебникъ эти статьи не перешли. Составители его, значитъ, находили возможнымъ довольствоваться тѣми статьями, въ которыхъ послушество было смѣшано со

свидѣтельствомъ. Признакъ упадка правового сознанія Москвы XVI в. сравнительно съ Москвой XV-го, а еще болѣе Псковомъ.

Свидѣтели, по Псковской судной грамотѣ, даютъ свои показанія «какъ право передъ Богомъ». Въ этомъ можно видѣть указаніе на клятвенное обѣщаніе говорить правду. По Судебнику 1497 г. они говорятъ «по праву».

Уложеніе знаетъ только свидѣтелей, хотя и употребляетъ иногда терминъ послушество. Свидѣтели даютъ показанія по государеву крестному цѣлованію. Начало Псковской судной грамоты, по которому показаніе нѣсколькихъ свидѣтелей имѣетъ рѣшающее значеніе, признается и Уложеніемъ. только оно требуетъ для этого не менѣе 10 свидѣтелей (X, 158, 159). Наоборотъ, истецъ проигрывалъ дѣло, если хотя одинъ изъ его свидѣтелей высказывался противъ него.

Случай розни свидѣтелей знаетъ и германское право но тамъ она ведетъ къ присягѣ и судебному поединку между двумя свидѣтелями, по одному отъ каждаго мнѣнія (Zöpfl, 876). Такой же порядокъ вещей наблюдался и у насъ по второму Судебнику (15). Нововведеніе Уложенія свидѣтельствуетъ о томъ, что и ему не чуждо смѣшеніе свидѣтелей съ послухами. Придавая такое абсолютное значеніе мнѣнію одного свидѣтеля, оно, конечно, видитъ въ нихъ не столько свидѣтелей факта, сколько свидѣтелей доброй славы.

Показаніе отца или матери противъ ихъ дѣтей также имѣетъ рѣшающее значеніе (X, 176). Не могли быть свидѣтелями: жена противъ мужа (X, 177), вольноотпущенный по ссылкѣ его прежняго господина (X, 174).

Уложеніе различаетъ еще общую ссылку, или общую правду. Это свидѣтельство одного или нѣсколькихъ лицъ, на которыхъ сослались оба тяжущіеся (Кавелинъ, 171). Такая правда рѣшаетъ дѣло (X, 167, 168). Это доказательство, по его удобству, допускается даже преимущественно передъ другими, напримѣръ, передъ ссылкой только одной стороны и передъ обыскомъ. Если общая правда порознила,

рѣшаютъ согласно съ мнѣніемъ, за которое высказалось большинство (169).

Общая ссылка не есть нововведеніе Уложенія. Изъ юридическихъ актовъ видно, что она была въ употребленіи въ XVI вѣкѣ и, конечно, еще раньше (№ 8, 16, 20). Намекъ на общую ссылку можно видѣть въ 24-й ст. Псковской судной грамоты. Но дѣлавшіе ссылку на общую правду не признавались еще виновными, если она высказывалась противъ нихъ, а они заявляли обвиненіе въ томъ, что она говоритъ лживо, и требовали креста и поля (№ 20). Такъ и въ Германіи. Съ Уложенія переходъ отъ общей правды къ кресту и полю болѣе невозможенъ.

Уложеніе допускаетъ отводъ свидѣтелей по стачкѣ ихъ, напримѣръ, съ противной стороною (X, 179). Отводъ, конечно, всегда практиковался. Указаніе на него можно видѣть въ 23-й ст. Псковской судной грамоты.

4) Обыскъ. Уложеніе говоритъ «а по суднымъ дѣламъ доведется быти обыску» (X, 156). Обыскъ есть спросъ окольныхъ людей о спорныхъ обстоятельствахъ дѣла. Если окольныхъ людей окажется не болѣе 20, этого уже достаточно для обыска (XX, 95). Онъ дѣлается по ссылкѣ стороны, когда она «шлется на многихъ людей безымянно», и по усмотрѣнію суда, еслибы стороны и не слались (XVIII, 33). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ имѣемъ дѣло со слѣдственнымъ элементомъ въ области суда. Судъ можетъ найти необходимымъ, независимо отъ заявленій сторонъ, выяснить спорныя обстоятельства дѣла чрезъ спросъ окольныхъ людей. Къ обыску окольными людьми обращаются: 1) въ искахъ о недвижимостяхъ, когда надо бываетъ выяснить границы спорныхъ владѣній (XVII, 51); 2) въ спорахъ о принадлежности холоповъ (XX, 108). По Уложенію обыскъ производится по предписанію суда особымъ сыщикомъ. Обыскныхъ людей допрашиваютъ порознь; они сами должны записать свои рѣчи при сыщикѣ и подписать ихъ. Показывать они должны, какъ свидѣтели, подъ присягою (духовенство по священству): «прямо въ праду, никого не бояся и никому

не наровя ни которыми дѣлы». За ложныя рѣчи берется пеня. Показаніе обыскныхъ людей имѣетъ рѣшающее значеніе. Если они порознили, дѣло рѣшается согласно съ показаніемъ большинства (X, 161, 162).

5) Письменныя доказательства. О процессуальномъ значеніи письменныхъ актовъ говорятъ Псковская судная грамота и Уложеніе. Судебники на этомъ вопросѣ не останавливаются, хотя въ XV и XVI в. и даже ранѣе въ Москвѣ писались уже заемныя кабалы, купчія грамоты, закладныя и пр. и, конечно, предъявлялись на судѣ. По Псковской грамотѣ на заемъ больше рубля должна быть написана запись, иначе не дается иска. Только въ займахъ менѣе рубля можно искать безъ записи (30). Уложеніе въ этомъ отношеніи идетъ еще далѣе. Оно безусловно отказываетъ въ искѣ заемныхъ денегъ и поклажъ, если не будетъ представлено на то кабалъ, заемныхъ памятей и иныхъ крѣпостей (X, 189, ср. XIV, 10, конецъ). Единственное исключеніе сдѣлано для служилыхъ людей, которые отдаютъ что-либо на сохраненіе во время нахожденія на службѣ. Они могутъ искать своихъ поклажъ и безъ письма (X, 190).

Споры о земляхъ рѣшаются на основаніи крѣпостей и книгъ писцовыхъ, дозорныхъ и отдѣльныхъ (X, 235).

Письменные документы должны быть представлены сторонами, справки же по книгамъ, по всей вѣроятности, производились по распоряженію суда.

6) Жребій. Это видъ суда Божія, но безъ чудеснаго элемента во внѣшней его формѣ. По Уложенію имѣетъ мѣсто въ искахъ менѣе рубля (XIV, 10).

Кромѣ разсмотрѣнія и оцѣнки доказательствъ, предъявленныхъ сторонами, судъ былъ обязанъ и по собственной своей иниціативѣ принимать мѣры къ разъясненію дѣла. Къ такимъ дѣйствіямъ суда относятся: 1) обыскъ, на что было уже указано выше; 2) очныя ставки; 3) справки по книгамъ писцовымъ и др. Очныя ставки имѣли мѣсто въ спорахъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ; къ нимъ обращались какъ къ наиболѣе удобному средству для выясненія предмета спора. Съ

этою цѣлью истецъ и отвѣтчикъ должны были предстать на судъ лично, а не чрезъ повѣренныхъ (XVI, 54, 49, XVII, 17). Справки по книгамъ, надо думать, производились по распоряженію суда приказными людьми. Всѣ такія самостоятельныя дѣйствія суда назывались сыскомъ, а потому въ Уложеніи встрѣчаемъ такія выраженія: «сыщется съ суда допряма» (XVII, 15), «за очи и не сыскавъ до пряма вотчинъ не отнимать» (XVII, 17), «а кому доведутся бѣглые крестьяне и бобыли по суду и по сыску отдати» (XI, 3) «и про такія спорныя земли сыскивати писцовыми и дозорными и отдѣльными книгами, и всякими крѣпостьми, и старожильцы, и окольными всякими людьми» (X, 235).

Апелляціоннаго производства, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, московскій судъ не зналъ. На неправильное рѣшеніе можно было жаловаться, но такія жалобы обусловливались предположеніемъ, что судья рѣшилъ неправильно изъ корыстныхъ цѣлей, взялъ посулъ (X, 7). Жалоба на неправильное рѣшеніе была жалобой на судью и переходила въ судъ съ судьей (Дмитріевъ, 295). Если, дѣйствительно, оказывалось, что судья взялъ посулъ, съ него взыскивалась въ пользу обиженнаго тройная цѣна иска и пошлины на государя; кромѣ того, думные люди лишались чина, а недумные подвергались торговой казни (X, 5). Если же оказывалось, что судья просудился «безъ хитрости» (т.-е. безъ подкупа и умысла), это тоже была вина, за которую судья подвергался отвѣтственности, но неопредѣленной: «что государь укажетъ» (X, 10). Наоборотъ, если «челобитчикъ на судью затѣялъ напрасно и обвиненъ онъ по дѣлу, а не по посуламъ, и того челобитчика за ложное его челобитье самого бити кнутомъ нещадно» (X, 9). Такимъ образомъ, составителямъ Уложенія была совершенно чужда мысль о томъ, что право можетъ быть разно понимаемо и что въ этомъ нѣтъ никакого преступленія.

Статья 10-я X-й главы говоритъ о «судѣ съ головы», къ которому надо обращаться въ томъ случаѣ, когда судья просудился безъ хитрости, а бояре, которые должны были,

вслѣдствіе этого, перевершить дѣло, нашли, что рѣшить его нельзя. Надо думать, что это есть уничтоженіе всего прежняго производства и обращеніе дѣла къ новому суду.

Послѣднимъ моментомъ процесса является исполненіе приговора. Если истецъ не доказалъ иска, то отвѣтчикъ оставался въ своихъ правахъ и дѣло этимъ оканчивалось. Но если обвинялся отвѣтчикъ, то для него возникала обязанность уплатить цѣну иска или, если искъ былъ вещный, возвратить самую вещь. Имѣемъ указанія, что возвращеніе спорной земли дѣлалось отводомъ по межамъ въ присутствіи судьи и стороннихъ людей. Въ случаѣ же денежной уплаты, отвѣтчику предоставлялось «раздѣлаться» съ истцомъ. Если онъ не удовлетворялъ истца, обращались къ правежу, чтобы заставить его раздѣлаться съ истцомъ. Этотъ процессъ воздѣйствія на волю обвиненнаго состоялъ въ томъ, что его выводили предъ приказную избу, за нѣсколько времени до открытія засѣданія, обнажали ему ноги и били по икрамъ палками. Процедура эта ежедневно продолжалась до тѣхъ поръ, пока судьи сидѣли въ судѣ, и оканчивалась вслѣдъ за ихъ отъѣздомъ. Разсказываютъ, что богатые люди, которые не хотѣли платить долга, давали взятку, и ихъ били очень легко, между тѣмъ какъ бѣдныхъ людей, которые не имѣли возможности ничего заплатить, подвергали жестокому правежу. Уложеніе опредѣляетъ срокъ, далѣе котораго нельзя было продолжать правежа: за каждые 100 руб. должникъ подвергался правежу не болѣе мѣсяца. Только по особымъ просьбамъ отвѣтчиковъ «о переводѣ», т.-е. объ отсрочкѣ взысканія, можно было перевести правежъ на другой мѣсяцъ. Если въ теченіе мѣсяца отвѣтчикъ не раздѣлается съ должникомъ, взысканіе обращается на имущество. Дворы и движимости отвѣтчиковъ оцѣниваются и отдаются истцамъ. Если же обвинены помѣщики и вотчинники, то взысканіе обращается на имущество людей ихъ и крестьянъ (X, 261, 262). Пустыя вотчины продаются для удовлетворенія взысканія, но выигравшій искъ можетъ взять и натурою.

Если должникъ оказывался несостоятельнымъ послѣ правежа, она выдавался кредитору «головою до выслуги», т.-е. до тѣхъ поръ, пока всю сумму не заработаетъ. Уложеніе опредѣляетъ, какой срокъ надо было служить у кредитора, чтобы погасить долгъ. Мужчина погашалъ въ годъ 5 р., женщина — два рубля съ полтиной. Вслѣдствіе выдачи головою для неоплатнаго должника возникалъ особенный видъ зависимаго состоянія на все то время, пока онъ не отработаетъ должную сумму. Господинъ, у котораго онъ работалъ, имѣлъ право его наказывать. Уложеніе, въ огражденіе правъ должника, предписываетъ брать съ кредитора поруку въ томъ, что онъ не убьетъ и не изувѣчитъ должника. Это показываетъ, какъ далеко шло право наказанія лѣниваго должника. Но если бы случилось, что кредиторъ убьетъ выданнаго головою, такое убійство не разсматривается какъ обыкновенное убійство и наказывается не смертною казнью, а какъ государь укажетъ. Выдачѣ головою подлежали не всѣ должники, а только низшіе чины: всякіе тяглые люди, а изъ служилыхъ: казаки, пушкари и т. под. Высшіе служилые люди не выдавались головою, съ нихъ надо было править деньги послѣ указного мѣсяца безъ всякой пощады. Но правежъ съ высшихъ служилыхъ людей существенно отличался отъ правежа съ низшихъ и тяглыхъ. Они могли выставить за себя своихъ людей и крестьянъ и потому лично правежу не подвергались (Кавелинъ, 192 и сл.).

Слѣдственный процессъ (сыскъ)

Сыскомъ, какъ мы видѣли, называются всѣ тѣ отдѣльныя дѣйствія, которыя судъ совершалъ по собственному своему почину для выясненія обстоятельствъ дѣла. Въ Московскомъ государствѣ, рядомъ съ судомъ, для нѣкоторыхъ дѣлъ возникаетъ новый процессъ, который ведется не сторонами, а

судьями ex officio, его можно назвать сыскомъ по преимуществу.

Сыскъ, какъ особая форма процесса, существенно отличается отъ суда. Сыскъ есть слѣдственный процессъ. Онъ можетъ и даже долженъ начинаться ex officio. Мѣстные органы обязаны наблюдать, чтобы не было разбойниковъ; губнымъ старостамъ предписывается про разбойниковъ сыскивать. Они сами должны ловить ихъ и начинать дѣло, т.-е. сыскъ. Дѣйствія сыска не зависятъ отъ усмотрѣнія жалобщиковъ; они напередъ предписаны. Сыскъ не можетъ быть прекращенъ миромъ. Уложеніе запрещаетъ мириться съ разбойниками.

Когда возникъ такой особый порядокъ? Съ полною точностью трудно отвѣчать на этотъ вопросъ. Въ первомъ Судебникѣ есть статья, изъ которой видно, что порядокъ сыска былъ уже извѣстенъ. Судебникъ говоритъ «о прирокѣ съ доводомъ». Это такое дѣйствіе, которое входитъ въ сыскное производство. На этомъ основаніи можно полагать, что сыскъ не моложе XV-го вѣка. Онъ, конечно, не вновь узаконенъ первымъ Судебникомъ, а былъ дѣломъ общеизвѣстнымъ во время его составленія.

Сыскомъ вѣдаются не всѣ уголовныя дѣла. Первоначально въ область сыска были выдѣлены только нѣкоторыя дѣла, а именно—разбойныя: это слѣдуетъ изъ грамотъ, которыя выдавались губнымъ учрежденіямъ. Но эти грамоты моложе Судебника 1497 г. Онѣ даютъ, однако, поводъ думать, что и въ XV вѣкѣ сыскъ примѣнялся только къ разбойнымъ дѣламъ, хотя, можетъ быть, и не губными учрежденіями, а приказными. Съ теченіемъ времени область дѣлъ, подлежащихъ сыску, расширяется. Это расширеніе идетъ въ связи съ расширеніемъ вѣдомства губныхъ учрежденій. Въ Уложеніи находимъ статью, которая, повидимому, ставитъ въ зависимость отъ совершенно случайнаго обстоятельства вопросъ о томъ, куда направить дѣло: къ сыску или къ суду. Именно: если обокраденный сдѣлалъ заявку о томъ, что у него случилась покража, а потомъ

опознаіъ у кого-либо свои украденныя вещи, то дѣло разсматривалось сыскомъ, а если заявки не было, дѣло рѣшалось судомъ (XXI, 51). Если предположить, что заявка не ограничивалась извѣщеніемъ властей, а сопровождалась оповѣщеніемъ по улицамъ и площадямъ, это различіе получитъ надлежащій смыслъ. Кто послѣ оповѣщенія о томъ, что находящаяся у него вещь — краденая, продолжаетъ ее сохранять и не возвращаетъ хозяину, того можно подозрѣвать въ завѣдомомъ храненіи краденаго и даже въ участіи въ кражѣ. Какъ участникъ кражи, онъ и подлежитъ сыску. Это различіе показываетъ, что въ XVII в. обособленіе процессовъ гражданскаго и уголовнаго сдѣлало уже значительные успѣхи: уголовныя дѣла вѣдаются, обыкновенно, сыскомъ, гражданскія судомъ.

Средствами сыска, кромѣ свидѣтелей, были: обыскъ и пытка.

Обыскъ есть допросъ мѣстныхъ жителей или вообще о томъ, кто у нихъ на посадѣ или въ уѣздѣ разбоемъ занимается, лихимъ людямъ притонъ даетъ, разбойную рухлядь отъ нихъ покупаетъ, или въ частности о томъ, что они знаютъ объ извѣстномъ лицѣ, подозрѣваемомъ въ разбоѣ? Въ XVI вѣкѣ и позднѣе обыскъ производится воеводами, сыщиками или, наконецъ, губными учрежденіями. Обыкновенно имъ предписывается дѣлать обыскъ всѣми людьми или всею губою, иногда же предписывается взять для этого съ выти по человѣку. Уложеніе предписываетъ производить обыскъ многими людьми безотводно. Такая масса людей, естественно, не могла быть привлекаема къ дѣлу въ качествѣ свидѣтелей. Обыскные люди давали свои показанія, какъ послухи. Первоначально отъ нихъ не требовалось, чтобы они говорили на основаніи того, что сами видѣли; довольно было, если они были убѣждены, что такой-то — вѣдомый лихой человѣкъ, или, наоборотъ, что онъ человѣкъ хорошій.

Въ XVI вѣкѣ различались показанія обыскныхъ людей съ «доводомъ» и «безъ довода». Показать что-либо съ до-

водомъ значитъ сказать, что такой-то человѣкъ ограбилъ тогда-то и такого-то человѣка, ограбленное отнесъ въ также-то мѣсто и т. д. Но и при показаніи съ доводомъ вовсе не требовалось, чтобы обыскной человѣкъ говорилъ только о томъ, что онъ воспринялъ своими чувствами; довольно, если онъ убѣжденъ въ томъ, что̀ говоритъ. Показать «безъ довода», значитъ вообще сказать, что такой-то человѣкъ— вѣдомый разбойникъ и не только теперь, но и «допрежъ сего крадывалъ». И показаніе съ доводомъ нельзя считать свидѣтельскимъ показаніемъ, тѣмъ менѣе можно считать такимъ показаніе безъ довода. Институтъ послушества не новый,—онъ идетъ изъ глубокой древности. Но прежде послухъ приводился самимъ заинтересованнымъ лицомъ, что̀ и удержалось въ «судѣ». Въ сыскномъ порядкѣ, въ качествѣ послуховъ выступаютъ теперь не друзья заинтересованной стороны, а цѣлая община. Съ явленіемъ подобнаго рода встрѣчаемся и на Западѣ. Въ Англіи, какъ и у насъ, приглашались къ обличенію всѣ жители деревни. Но тамъ это явленіе удержалось не долго, изъ него весьма скоро выработался другой институтъ, которому суждено пережить наши обыскныя учрежденія, и, заслуживъ всеобщее довѣріе, распространиться по всему образованному міру. Это— институтъ присяжныхъ. Вмѣсто опросовъ всѣхъ членовъ общины, въ Англіи стали привлекать къ дѣламъ, въ качествѣ доказательства, 12 человѣкъ присяжныхъ. Наши обыскные люди и англійскіе присяжные появились на смѣну старыхъ доказательствъ, поединка и ордалій, вѣра въ которые стала исчезать. Но дальнѣйшая судьба этихъ двухъ институтовъ очень различна. Въ Англіи 12 присяжныхъ все болѣе и болѣе получаютъ значенія: изъ свидѣтельствующихъ о дѣлѣ они становятся рѣшителями судьбы обвиняемаго. У насъ, напротивъ, значеніе обыскныхъ людей шло постоянно умаляясь. Первоначально ихъ показаніе вело къ оправданію или обвиненію, во второй же половинѣ XVII в. оно потеряло почти всякое значеніе. Это можетъ до нѣкоторой степени объясняться самой формой нашего

обыска. Въ немъ принимала участіе масса людей, а это, естественно, должно было вести къ ослабленію чувства отвѣтственности каждаго въ отдѣльности. Даваемыя на обыскѣ показанія могли, поэтому, недостаточно взвѣшиваться обыскными людьми и возбуждать къ себѣ недовѣріе правительства. Памятники XVI и XVII в. очень различно относятся къ обыскнымъ людямъ. Въ первыхъ не видно никакого къ нимъ недовѣрія. Въ Уложеніи оно уже очень замѣтно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обыскные люди раздѣлились и приговоръ состоялся по показанію большинства ихъ, Уложеніе предоставляетъ обвиненному право, въ свою очередь, обвинять обыскныхъ людей большей половины въ томъ, что они солгали, предписываетъ «сыскати про то всякими сыски». За такія лживыя рѣчи Уложеніе предписываетъ съ виновныхъ взыскивать пени, а «прикащиковъ и крестьянъ лучшихъ людей десятаго человѣка бити кнутьемъ». Ясное указаніе на то, что обыскъ, какъ самостоятельный способъ доказательства, въ XVII в. вымираетъ. Очень скоро послѣ изданія Уложенія, въ XVII же в., встрѣчаемся съ такими законодательными опредѣленіями, которыя совершенно измѣняютъ и самую сущность показаній обыскныхъ людей.

Въ дополнительныхъ къ Уложенію статьяхъ о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, изданныхъ въ 1669 г., объ обыскахъ говорится: «Сыскивати людьми, которые сами про то вѣдаютъ подлинно или видѣли и скажутъ имянно». Этимъ постановленіемъ обыскные люди приравниваются къ свидѣтелямъ. Статья ссылается на Градскіе законы, но Градскіе законы знаютъ только свидѣтелей. Эта ссылка ясно опредѣляетъ направленіе законодательства: оно не желаетъ видѣть въ обыскныхъ людяхъ сколько-нибудь своеобразнаго средства сыска, это тѣ же свидѣтели.

Порядокъ обыска. Обыскомъ руководили въ XV. в. воеводы, потомъ губные старосты, а иногда сыщики, присылаемые изъ Москвы. Показанія обыскныхъ людей записываются. Уложеніе требуетъ даже подписки отъ тѣхъ, кто грамотенъ. Отводъ не допускался. Обвиняемый не могъ ска-

зать: такого-то человѣка не спрашивайте. Могло случиться, что обыскные люди рознили въ своихъ показаніяхъ. Въ этомъ случаѣ имѣло перевесъ мнѣніе большинства, хотя правительство и не придавало ему всегда равнаго значенія съ единогласнымъ показаніемъ. Если человѣкъ одобрялся большинствомъ, то это одобреніе имѣло такое же значеніе, какъ и единогласное; но когда дѣло шло объ охужденіи, то охужденіе большинствомъ (лихованный обыскъ) далеко не имѣло такого значенія, какъ единогласное. Единогласное охужденіе вело къ смертной казни, а охужденіе по большинству только къ тюремному заключенію. Такимъ образомъ, для оправданія показаніе большинства считалось столь же убѣдительнымъ, какъ и единогласное, для обвиненія же оно было слабѣе.

Результатомъ обыска могло быть или облихованіе человѣка или одобреніе. Если человѣка облиховали, онъ немедленно брался подъ стражу, а его имущество описывалось. Дальнѣйшія послѣдствія неодобрительнаго обыска въ томъ, что подозрѣваемаго подвергли пыткѣ. Результатъ одобрительнаго обыска состоялъ въ томъ, что одобреннаго отдавали обыскнымъ людямъ на поруки. Эта передача подозрѣваемаго обыскнымъ людямъ на поруки есть новое доказательство того, что они давали свои показанія не какъ случайные свидѣтели, а какъ послухи. Такая выдача на поруки прекратилась, какъ скоро законодательство усвоило себѣ взглядъ на обыскныхъ людей, какъ на свидѣтелей.

Пытка состояла въ причиненіи человѣку физическихъ мученій съ цѣлью заставить его сдѣлать признаніе о совершонныхъ имъ преступленіяхъ и о своихъ сообщникахъ. Есть мнѣніе, что пытка нами заимствована; съ такимъ взглядомъ согласиться трудно. Пытка является институтомъ чрезвычайно распространеннымъ. Древнему Риму была извѣстна пытка, но тамъ, въ республиканскій періодъ, она примѣнялась только къ рабамъ. Свободнаго гражданина нельзя было пытать, и даже раба нельзя было пытать въ томъ случаѣ, если показанія, которыя онъ имѣлъ дать, были

направлены противъ его господина, кромѣ тяжкихъ государственныхъ преступленій. Въ императорскую эпоху примѣненіе пытки расширяется; отъ нея свободны только лица высшихъ классовъ, но по обвиненіямъ въ преступленіяхъ противъ императорскаго величества пытались и они. Къ пыткѣ обращались, когда были уже улики, но оказывались недостаточными для обвиненія. Встрѣчаемся съ пыткою и въ Германіи. Первоначально и тамъ пытка примѣнялась только къ рабамъ, которые не имѣли права обращаться къ судамъ Божіимъ, доказательству свободныхъ людей. Но съ XIV в. начинаютъ пытать и свободныхъ. Это объясняется потерей вѣры въ старыя доказательства: поединокъ, ордаліи и помощниковъ присяги, и нежеланіемъ обвинять по однѣмъ уликамъ. Появленіе пытки у насъ было условлено тѣми же причинами, какъ и въ Германіи, а потому и трудно допустить заимствованіе. Недовѣріе къ старой системѣ доказательствъ и опасеніе взять грѣхъ на свою душу, въ случаѣ обвиненія по однѣмъ уликамъ, привели и у насъ къ пыткѣ. Къ пыткѣ обращаются при недостаточности уликъ для того, чтобы пополнить ихъ собственнымъ признаніемъ. Пытка была грубѣйшимъ средствомъ процесса и далеко не ведущимъ къ цѣли, которой въ старину думали достигнуть. По свидѣтельству Котошихина, однимъ изъ самыхъ употребительнѣйшихъ видовъ пытки былъ слѣдующій: человѣку сзади связывали руки въ опущенномъ положеніи, привязывали къ нимъ веревку, которую проводили чрезъ блокъ, укрѣпленный въ потолкѣ, и этою веревкою тянули руки вверхъ, причемъ онѣ, по мѣрѣ поднятія тѣла, выворачивались изъ плеча. Въ этомъ положеніи пытаемаго били батогами, встряхивали и, наконецъ, подпаливали медленнымъ огнемъ. Человѣкъ, мало впечатлительный, могъ вынести самую жестокую пытку и не сознаться въ совершеніи преступленія, тогда какъ человѣкъ нервный не выносилъ и самаго легкаго физическаго страданія и наговаривалъ на себя то, чего никогда не дѣлалъ. Пытка характеризуетъ грубое состояніе нравовъ и стоитъ въ связи съ жестокою системой

наказаній. У насъ подвергали пыткѣ не одинъ разъ, а обыкновенно три раза. Если на первой пыткѣ сознался въ чемъ обвиняютъ, пытали еще разъ, не виноватъ ли въ иныхъ разбояхъ и убійствахъ. Если пытаемый оговаривалъ кого-либо въ соучастіи, оговореннаго ставили съ нимъ съ очей на очи; спрашивали, знаетъ ли его, и снова пытали, не сниметъ ли оговора. Очныя ставки, на которыхъ провѣрялся оговоръ, входили, такимъ образомъ, какъ составная часть во всякое пыточное производство. Всѣ оговоренные привлекались къ сыску. Уложеніе запрещаетъ только вѣрить оговору тѣхъ, кто привелъ въ судъ разбойниковъ, чтобы было безстрашно приводить. Привлеченіе къ сыску по оговору называлось привлеченіемъ «по языку». Пыткѣ въ московское время подвергались лица всѣхъ чиновъ безъ исключеній, съ нѣкоторымъ, однако, различіемъ. Положимъ, по какому-либо дѣлу привлекаются къ сыску помѣщикъ и его люди (на обыскѣ могли сказать, напр., что въ разбоѣ принимали участіе не только люди помѣщика, но и самъ помѣщикъ; то же самое могъ сказать обвиняемый). Въ этомъ случаѣ забирали помѣщика съ его людьми, но прежде подвергали пыткѣ людей помѣщика; если они сознавались, пыткѣ подвергался и самъ помѣщикъ.

Указанная послѣдовательность сыскныхъ дѣйствій въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣнялась, и тогда пытка предшествовала обыску. Это во 1) если сыскъ возбужденъ по частному обвиненію кого-либо въ разбоѣ, и противъ обвиняемаго, кромѣ истца, говорилъ еще языкъ (А. Э., № 281); 2) если обвиненіе было возбуждено господами противъ ихъ людей, рабы пытались и безъ языка (Улож., XXI, 68); 3) если разбойники будутъ говорить съ пытокъ «на причинныхъ людей» (XX, 40).

Послѣдствія сыска для вѣдомыхъ лихихъ людей были различны, смотря, во-1-хъ, потому, кто подвергался сыску, членъ губы или посторонній человѣкъ; во-2-хъ, по результатамъ обыска и пытки; въ-3-хъ. по времени,—въ XVII в. другія, чѣмъ въ XVI.

О пріѣзжемъ человѣкѣ надо было докладывать въ Москву, вершить можно было только о своемъ (А. А. Э., I, № 257).

Въ XVI вѣкѣ обвиняемый, если онъ былъ облихованъ съ доводомъ (имянно), подвергался смертной казни, хотя бы на пыткѣ и не сознался [1]). Признаніе съ пытки облихованныхъ обыкновенно вело за собою смертную казнь. Если обыскные люди обвиняли безъ «довода», виновный подвергался тюремному заключенію «на смерть»; одобреніе вело къ выдачѣ заподозрѣннаго на поруки обыскныхъ людей.

Но по мѣрѣ того, какъ утрачивалось довѣріе къ обыскнымъ людямъ, послѣдствія лихованныхъ обысковъ существенно измѣняются. Уложеніе знаетъ только одно послѣдствіе неодобрительнаго обыска, тюремное заключеніе, и притомъ безъ прибавки «на смерть». По новоуказаннымъ статьямъ 1669 г. о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, значеніе неодобрительнаго обыска еще болѣе падаетъ. Облихоаанный человѣкъ, если онъ съ пытки не сознался, даже не заключался въ тюрьму, а освобождался на поруки, но не на поруки обыскныхъ людей, такъ какъ невозможно же было отдать обвиняемаго на поруки тѣмъ, которые его облиховали, а на поруки тому, за кѣмъ онъ прежде жилъ. «А будетъ на нихъ порукъ не будетъ и росписаться не кому, а тѣ люди, за кѣмъ они жили, отъ нихъ отступятся, ссылать въ Сибирь съ женами и дѣтьми» (24).

[1]) Ар. Юр. 1571 г. № 281. Нельзя, впрочемъ, утверждать, что московская практика была совершенно единообразна. Нѣкоторые памятники наводятъ на мысль, что облихованіе безъ признанія вело иногда и въ XVI в. только къ тюремному заключенію на смерть.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Греческое и русское право въ договорахъ съ греками X вѣка

Исторія договоровъ съ Греками — этихъ древнѣйшихъ памятниковъ нашихъ международныхъ сношеній — представляетъ многія неясности. Число договоровъ, ихъ содержаніе, отношеніе этого содержанія къ русскому и греческому праву—все здѣсь сомнительно и спорно. При современномъ состояніи нашихъ источниковъ, сомнѣнія, возбуждаемыя договорами, едва ли могутъ быть разрѣшены окончательно. Но нѣкоторыя дополненія къ существующимъ мнѣніямъ можно предложить и на основаніи стараго матеріала.

I

Наша начальная лѣтопись сохранила, хотя и не въ одинаковой полнотѣ, содержаніе четырехъ отдѣльныхъ договоровъ.

Первый приписывается Олегу. Онъ былъ заключенъ имъ въ 907 году, послѣ удачнаго похода къ Царьграду, описаннаго баснословными красками. Самый текстъ этого дого-

вора не дошелъ до насъ. Мы имѣемъ только пересказъ лѣтописца объ обстоятельствахъ, при которыхъ произошло его заключеніе, и о самомъ содержаніи договора.

Второй договоръ заключенъ также Олегомъ въ 911 году. Лѣтописецъ помѣщаетъ его подъ 912 годомъ. Промежуточные между этими двумя договорами годы, съ 908 по 911, лишены всякихъ извѣстій, за исключеніемъ послѣдняго, подъ которымъ упоминается единственно о появленіи великой звѣзды на западѣ. Затѣмъ, подъ 912 годомъ, лѣтописецъ прямо сообщаетъ объ отправленіи Олегомъ пословъ въ Грецію для заключенія мира, а вслѣдъ затѣмъ приводитъ и самый текстъ договора, не объясняя почему оказалось нужнымъ приступить къ составленію второго договора, вслѣдъ за первымъ, содержаніе котораго было имъ только что изложено. Причины, вызвавшія заключеніе новаго мира, остаются, такимъ образомъ, неясными.

Третій договоръ былъ заключенъ Игоремъ въ 945 году. Въ 941 г. этотъ князь предпринялъ походъ въ Грецію, кончившійся для него неудачно. Въ 944-мъ онъ возобновилъ свое нападеніе на грековъ при содѣйствіи варяговъ и печенѣговъ. Полчища Игоря были встрѣчены, по сю сторону Дуная, греческими послами, которые просили не ходить далѣе и предлагали взять выкупъ равный тому, какой греки платили Олегу, и даже большій. Результатомъ этого предложенія была пріостановка дальнѣйшаго движенія, а затѣмъ и возвращеніе Игоря въ Кіевъ съ греческимъ златомъ и паволоками. Въ слѣдующемъ 945 году греческіе императоры прислали въ Кіевъ пословъ съ цѣлью возобновленія перваго мира (построити мира перваго). Поговоривъ съ послами о мирѣ, Игорь отправилъ собственныхъ пословъ въ Грецію, которые и заключили мирный трактатъ, приводимый лѣтописцемъ подъ 945 годомъ.

Четвертый договоръ заключенъ въ 971 году княземъ Святославомъ, послѣ неудачно кончившейся попытки его стать твердою ногою въ Переяславлѣ Дунайскомъ. Текстъ

этого договора, самаго краткаго изо всѣхъ, также помѣщенъ въ лѣтописи.

Ни одинъ изъ этихъ четырехъ договоровъ неизвѣстенъ византійскимъ историкамъ. Они описываютъ походъ руси 941 года и войну со Святославомъ въ Дунайской Болгаріи 971 года; въ концѣ разсказа о послѣднемъ событіи они приводятъ мирныя предложенія, съ которыми Святославъ обратился къ греческому императору, но самый договоръ, который былъ заключенъ вслѣдъ за этими переговорами, остался имъ неизвѣстенъ. О походѣ Олега они вовсе ничего не знаютъ. Зато Греки упоминаютъ о договорѣ, о которомъ молчитъ нашъ лѣтописецъ. У нихъ есть извѣстіе о договорѣ Святослава съ императоромъ Никифоромъ, заключенномъ, по всей вѣроятности, по поводу приглашенія этимъ греческимъ императоромъ русскаго князя ко вторженію во владѣнія Дунайскихъ болгаръ. Самый текстъ этого договора у нихъ также не сохранился.

Несоотвѣтствіе извѣстій нашей лѣтописи со сказаніями византійцевъ послужило Шлецеру однимъ изъ главныхъ основаній къ сомнѣнію въ подлинности дошедшихъ до насъ договоровъ. Позднѣйшія изслѣдованія устранили эти сомнѣнія. Въ настоящее время никто не отвергаетъ достовѣрности договоровъ Олега, Игоря и Святослава.

Но изъ времени Олега нашъ лѣтописецъ приводитъ подлинный текстъ только одного договора, заключеннаго въ 911 году. Подъ 907 годомъ онъ дастъ не полный текстъ договора, состоявшагося въ этомъ году, а только нѣсколько отрывковъ изъ него; начало договора вовсе отсутствуетъ, а заключеніе передано лѣтописцемъ своими словами. Въ точности всего этого повѣствованія о мирѣ 907 года и теперь есть поводы сомнѣваться. На сомнѣнія наводитъ какъ самая редакція извѣстія о событіяхъ 907 года, такъ и обстоятельства, описанныя подъ этимъ годомъ и совершенно неблагопріятныя для заключенія мирнаго договора съ тѣмъ именно содержаніемъ, которое передаетъ лѣтописецъ.

Все мѣсто лѣтописи о мирѣ 907 года представляется

очень спутаннымъ: тутъ есть очевидныя повторенія и вставки, прерывающія послѣдовательное теченіе мысли. Составитель какъ будто имѣлъ подъ руками разнообразный матеріалъ, изъ котораго онъ хотя и построилъ нѣчто цѣлое, именно разсказъ о походѣ и мирѣ 907 года, но въ ущербъ ясности и послѣдовательности изложенія.

Описавъ побѣдоносное движеніе Олега къ Царьграду на корабляхъ, поставленныхъ на колеса и снабженныхъ парусами, лѣтописецъ говоритъ: «И видѣвше греци, и убояшася и рѣша, выславше ко Олгови: не погубляй града, имѣмъ ся по дань, яко же хощеши». Цѣль похода, значитъ, достигнута: врагъ не можетъ сопротивляться и предлагаетъ платить такую дань, какая будетъ угодна побѣдителю. Но за этимъ слѣдуетъ не отвѣтъ Олега на предложеніе грековъ, какъ бы слѣдовало ожидать, а вставка о предложенномъ ему греками угощеніи, сдѣланная съ цѣлью восхвалить необыкновенную прозорливость русскаго князя, заслужившую ему со стороны грековъ наименованіе св. Димитрія, посланнаго на нихъ отъ Бога. Только послѣ этой вставки, очевидно позднѣйшаго и не греческаго происхожденія, помѣщенъ отвѣтъ Олега грекамъ: «И заповѣда Олегъ дань даяти на 2,000 корабль по 12 гривенъ на человѣка, а въ корабли по 40 мужь, и яшася греци по се». Предложеніе грековъ, слѣдовательно, принято, дань назначена и греки согласились ее платить; а Олегъ конечно, согласился не губить города и возвратиться во свояси. Но разсказъ лѣтописца этимъ не оканчивается. Вслѣдъ за приведенными словами читаемъ: «И почаша греци мира просити, дабы не воевалъ грецкые земли; Олегъ же, мало отступивъ отъ града, нача миръ творити со царьми грецкими, со Леономъ и Александромъ; посла къ нимъ во градъ Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: имѣте ми ся по дань. И рѣша греци: чего хощеши, дамы ти. И заповѣда Олегъ дати воемъ на 20,000 корабль по 12 гривенъ на ключь» и т. д. Очевидно, что это второй разсказъ о томъ же событіи, но на основаніи другихъ источниковъ. Здѣсь не греки

предлагаютъ, а Олегъ требуетъ дани, греки же только соглашаются; о чудной прозорливости Олега не говорится ни слова. Въ этотъ-то разсказъ по второй редакціи и включены статьи о порядкѣ торговли русскихъ въ Константинополѣ, соотвѣтствующія статьямъ договоры 945 года.

Итакъ, статьи о торговлѣ Руси въ Константинополѣ извѣстны только второй редакціи разсказа о мирѣ 907 года, и совершенно неизвѣстны первой. Но и въ этой второй редакціи мѣсто о порядкѣ торговли, соотвѣтствующее статьѣ договора 945 года, имѣетъ характеръ не постановленія договора, окончательно составленнаго и принятаго обѣими сторонами, а лишь предварительныхъ переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію договора. Это видно и изъ вступительной къ этому мѣсту фразы: «И рѣста царя и боярьство все: аще придуть русь бес купли» и т. д. Съ такимъ введеніемъ статьи эти имѣютъ характеръ только предложенія со стороны грековъ. Что онѣ приняты Олегомъ, этого не сказано. Надо думать, что это мѣсто попало въ лѣтопись не изъ какого-либо договора, а изъ описанія тѣхъ переговоровъ, которые велись предъ заключеніемъ договора.

Обратимъ теперь вниманіе на самыя условія, при которыхъ былъ заключенъ этотъ миръ. Можно ли допустить что въ 907 году, когда русскія полчища стояли еще у воротъ Константинополя, греки нашли удобнымъ вести съ предводителями переговоры съ цѣлью ограничить русскихъ купцовъ? Предложеніе такихъ ограничительныхъ статей побѣдителю, который еще занималъ греческую территорію, представляется мало вѣроятнымъ. Трудно думать, что греки повели рѣчь о порядкѣ пріѣзда руси въ Грецію, объ остановкѣ ихъ у св. Мамы, о входѣ въ городъ послѣ описи въ числѣ 500 человѣкъ, не болѣе, и при томъ одними воротами, безъ оружія и съ царевымъ мужемъ,—въ то самое время когда множество (по численію лѣтописца до 80.000) варяговъ, славянъ, чюди, кривичей и др. стояло подъ самымъ городомъ и предавалось, по обыкновенію, всяческимъ насиліямъ и грабежу. Все, чего могли добиваться греки,

это—скорѣйшаго удаленія воиновъ Олега съ ихъ территоріи. Съ этою цѣлью они должны были поспѣшить дать выкупъ, который Олегъ у нихъ потребовалъ, а не возбуждать переговоровъ, которые могли только замедлить очищеніе ихъ земли. Совершенно такъ поступили греки въ подобномъ, хотя и менѣе опасномъ для Константинополя случаѣ въ 944 году. Игорь тогда находился еще по сю сторону Дуная. Греки поспѣшили встрѣтить его до переправы; предложеніемъ дани они остановили его дальнѣйшее движеніе. Чтобы не задерживать возвращенія Игоря въ Русь, греки не вступали съ нимъ ни въ какіе дальнѣйшіе переговоры. Только въ слѣдующемъ году отправили они пословъ въ Кіевъ «построити мира перваго».

Думаемъ, что именно такъ они должны были поступить и въ 907 году, и что только первая редакція разсказа о событіяхъ этого года соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то-есть, подъ стѣнами Константинополя былъ заключенъ поспѣшный миръ. Съ цѣлью очистить территорію, греки не поскупились на золото. Въ 911 году, также, можетъ быть, по вызову грековъ, какъ и въ 945, были отправлены послы въ Царьградъ, которые и заключили дошедшій до насъ отъ этого года договоръ.

Договоръ 907 года давно уже обратилъ на себя вниманіе нашихъ историковъ. Карамзинъ считаетъ его во всемъ составѣ, какъ онъ переданъ въ лѣтописномъ разсказѣ, самостоятельнымъ; этого же мнѣнія держатся Срезневскій и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Но уже Эверсъ усомнился въ его самостоятельности. Онъ признаетъ его только предварительнымъ соглашеніемъ, на основѣ котораго позднѣе (въ 911) былъ заключенъ формальный мирный договоръ (Древнѣйшее русское право, 135); этого же мнѣнія держится и Тобинъ (4, 23). Мнѣніе о предварительномъ характерѣ договора 907 года въ томъ смыслѣ, что имъ были установлены только общія начала, на основаніи которыхъ позднѣе долженствовалъ быть заключенъ окончательный миръ, очень искусственно для такихъ примитивныхъ дѣятелей, какими

была русь Олега, и мало соотвѣтствуетъ условіямъ, въ которыхъ находились греки. Въ 907 году греки купили не предварительный миръ, нуждавшійся еще въ какомъ-либо развитіи или утвержденіи, а окончательный; но только миръ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. замиреніе Олега и его полчищъ, которые, взявъ богатый выкупъ, обязались очистить греческую территорію; какія-либо дальнѣйшія соглашенія о порядкѣ торговли и пр., хотя бы только принципіально, въ это время едва ли могли состояться. Они не состоялись и въ 944 году, хотя почва для такого соглашенія была тогда гораздо болѣе подготовлена, чѣмъ въ 907 году.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ думаемъ, что ограничительныя статьи, помѣщенныя лѣтописцемъ подъ 907 годомъ, вовсе не могли входить въ составъ того договора, который былъ заключенъ въ этомъ году, если только какой-либо договоръ былъ заключенъ. Судя по вступленію, которое предшествуетъ этимъ статьямъ, онѣ попали въ лѣтопись даже не изъ договора, а изъ какихъ-то предварительныхъ переговоровъ.

Признаніе достовѣрности остальныхъ трехъ договоровъ еще не устраняетъ вопроса о томъ, въ какомъ видѣ дошли они до насъ: сохранились ли они совершенно въ томъ видѣ, какъ были написаны, или имѣющіяся у насъ редакціи договоровъ потерпѣли нѣкоторыя искаженія?

Относительно договора 911 года есть основаніе думать, что мы имѣемъ дѣло съ редакціей въ нѣкоторой степени попорченной и даже неполной. На эту мысль наводитъ какъ самый текстъ договора, такъ и тѣ ссылки на предшествующій договоръ, которыя встрѣчаются въ договорѣ 945 года.

При заключеніи этого послѣдняго договора въ рукахъ сторонъ, какъ видно изъ текста договора, былъ старый договоръ (ветхій миръ), который онѣ хотѣли обновить. Въ извѣстіи лѣтописи о присылкѣ греческихъ пословъ къ Игорю, также сказано, что они присланы возобновить первый миръ. На этотъ старый миръ дѣлаются ссылки и

въ самомъ текстѣ договора 945 года. Ихъ три. Первая ссылка: «А великій князь рускій и боляре его да посылаютъ въ Греки къ великимъ царемъ гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми, якоже имъ установлено есть; ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; ныне же увѣдѣлъ есть князь вашь посылати грамоты ко царству нашему» и т. д. Итакъ, уже первымъ договоромъ предоставлено Русскимъ право посылать корабли въ Грецію съ послами и съ гостями. Въ настоящемъ договорѣ сдѣлано отступленіе отъ стараго въ формѣ посылки пословъ и гостей: прежде они пріѣзжали съ печатями, теперь должны привозить съ собою грамоты, въ которыхъ должно быть обозначено число отправленныхъ кораблей. Вторая ссылка: «И отходящей руси отсюда взимаютъ отъ насъ, еже надобѣ, брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, якоже установлено есть преже». Третья ссылка находится въ статьѣ, предоставляющей руси право требовать выдачи бѣжавшаго челядина. Если бѣжавшій рабъ не будетъ розысканъ, въ этомъ случаѣ Греки обязаны уплатить цѣну его «яко же уставлено есть преже, 2 паволоце за челядинъ».

На какое же это прежнее установленіе, прежній миръ, ссылается договоръ 945 года? Въ договорѣ 911 года нѣтъ статей, оправдывающихъ приведенныя ссылки; но въ разсказѣ лѣтописи о договорѣ 907 года встрѣчаются два мѣста, изъ которыхъ одно соотвѣтствуетъ той статьѣ договора 945 года, въ которой говорится о порядкѣ пріѣзда Русскихъ въ Константинополь и ихъ торговлѣ тамъ [1]);

---

[1]) Въ разсказѣ лѣтописца подъ 907 годомъ: «И рѣста царя и боярьство все: аще приидуть русь бес купли, да не взимають мѣсячины; да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ руси здѣ, да не творять пакости в селѣхъ в странѣ нашей; приходяще русь де витають у св.

Въ договорѣ 945 года послѣ приведенныхъ въ текстѣ словъ первой ссылки читаемъ: «Иже посылаеми бывають отъ нихъ посли и гостье, да приносять грамоту, пишюче сице: яко послахъ корабль селико; и отъ тѣхъ да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходять. Аще ли безъ грамоты придуть и преданы

другое же мѣсто прямо соотвѣтствуетъ второй ссылкѣ и читается такъ: «Поидучи же домовь русь, да емлють у царя нашего брашно, и якори, и ужа, и парусы, и елико надобе».

На этомъ основанiи нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей думаютъ, что первыя двѣ ссылки разумѣютъ статьи договора 907 года [1]).

Мы привели уже основанiе, по которымъ считаемъ очень сомнительнымъ, чтобы статьи, ограничивающiя права русскихъ въ Константинополѣ, дѣйствительно были постановлены въ 907 году при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя описываетъ нашъ лѣтописецъ. Соотвѣтствiе этихъ статей съ нѣкоторыми ссылками договора 945 года, конечно, не

Мамы, и послеть царьство наше, и да испишють имена ихъ, и тогда возмуть мѣсячное свое, первое отъ города Киева и паки ис Чернигова и ис Переяславля; и прочии гради; и да входять въ градъ одними вороты со царевымъ мужемъ, безъ оружья, мужь 50, и да творять куплю, якоже имъ надобе, не платяче мыта ни в чемъ же».

будуть намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему; аще ли руку не дадять и противятся, да убiени будуть, да не изищется смерть ихъ отъ князя вашего; аще ли убѣжавше в русь придуть, мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять. Аще придуть русь бес купли, да не взимають мѣсячна. Да запрѣтить князь сломъ своимъ и приходящимъ руси сде, да не творять бещинья въ селѣхъ, ни въ странѣ нашей. И приходящимъ имъ да витають у св. Мамы, да послеть царство наше, да испишеть имяна ваша, тогда возмуть мѣсячное свое, съли слебное, а гостье мѣсячное, первое отъ города Киева, паки изъ Чернигова и Переяславля и ис прочихъ городовъ. Да входять в городъ одинѣми вороты со царевымъ мужемъ безъ оружья, мужь 50, и да творять куплю, якоже имъ надобѣ, и паки да исходять».

[1]) Владимiрскiй-Будановъ, Христоматiя, вып. I, стр. 12 и 13 (втор. изд.).

доказываетъ, чтобы онѣ именно принадлежали къ договору 907 года, такъ какъ Игоревъ договоръ, ссылаясь на «ветхій миръ» и прежнее установленіе, не обозначаетъ этого прежняго мира годомъ. Посмотримъ, есть ли вѣроятіе думать, что составители договора 945 года ссылаются на первый договоръ, приписываемый Олегу.

Изъ договора 911 года мы знаемъ, что греки и ранѣе вступали въ миръ и любовь съ русью, но только словесно; первый же письменный договоръ есть договоръ 911 года; такъ прямо сказано въ его текстѣ. Въ виду этого, трудно допустить, чтобы договоръ 945 года цитовалъ, и почти слово въ слово, словесное соглашеніе, состоявшееся 38 лѣтъ тому назадъ, и совершенно игнорировалъ писанный документъ 911 года.

Если греки въ 944 году шлютъ пословъ къ Игорю съ просьбою возобновить первый миръ, если объ обновленіи стараго мира говорится и въ самомъ договорѣ 945 года, если этотъ договоръ дѣлаетъ ссылки на прежнее установленіе, то естественно думать, что этотъ первый миръ, это прежнее установленіе есть договоръ 911 года, а не словесное соглашеніе 907 года, которое, конечно, было упразднено писаннымъ договоромъ, облеченнымъ въ весьма торжественную форму. Такъ естественно думать. Но противъ этого самый текстъ договора 911 года, въ которомъ нѣтъ статей, соотвѣтствующихъ ссылкамъ договора позднѣйшаго. Это возраженіе имѣло бы рѣшающее значеніе только въ томъ случаѣ, если бы могли думать, что договоръ 911 года дошелъ до насъ цѣликомъ, не потерпѣвъ никакихъ измѣненій. Но именно это-то и трудно предположить.

Что договоръ 911 года дошелъ до насъ съ отступленіями отъ оригинала, объ этомъ можно догадываться на основаніи самаго его текста. Вступленіе въ договоръ оканчивается слѣдующимъ выраженіемъ: «Суть, яко понеже мы ся имали о Божьи вѣре и о любви, главы таковыа», и затѣмъ идутъ самыя статьи (или главы).

Г. Лавровскій высказываетъ мнѣніе, что слово «глава»

въ данномъ случаѣ есть переводъ греческаго κεφαλή, употребляемаго постоянно въ дѣленіяхъ. Надо, слѣдовательно, думать, что договоръ былъ раздѣленъ на главы или статьи и пронумерованъ. Дѣйствительно, слѣдъ этой нумераціи сохранился и въ нашемъ экземплярѣ. Первая, слѣдующая за вступленіемъ статья начинается такъ: «По первому убо слову да умиримся с вами, грекы»... Это, слѣдовательно, первая статья или глава. Новая статья, непосредственно слѣдующая за этой первой, начинается такъ: «А о главахъ, иже ся ключитъ проказа, урядимся сице», и далѣе идетъ общая процессуальная статья о способахъ доказательствъ. Г. Лавровскій высказываетъ догадку, что и здѣсь можетъ имѣть полное примѣненіе, указанное уже имъ значеніе этого слова, какъ подраздѣленія (121). Покойный И. И. Срезневскій не находитъ возможнымъ присоединиться къ этому мнѣнію; онъ думаетъ, что слово «глава» не есть здѣсь дословный переводъ греческаго текста, а употреблено какъ русское народное реченіе, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Русская Правда говоритъ о головѣ, то-есть въ смыслѣ «убійства»[1]). Нѣкоторый свѣтъ на это спорное мѣсто долженъ, кажется намъ, пролить самый смыслъ разбираемой статьи. О чемъ въ ней идетъ рѣчь, о преступленіи убійства только, какъ надо думать, если принять толкованіе Срезневскаго, или вообще о правонарушеніяхъ? Статья говоритъ: «иже ся ключитъ проказа, урядимся сице». Итакъ, статья опредѣляетъ порядокъ доказательствъ въ случаѣ наличности «проказы». Что же такое проказа, означаетъ ли это слово только убійство или и еще что-нибудь? Въ договорѣ 911 года слово «проказа» встрѣчается еще разъ, но въ смыслѣ бѣдствія на морѣ, кораблекрушенія, а не убійства (ст. 8 по изд. Влад.-Буд.). То же слово встрѣчаемъ и въ договорѣ 945 года, но опять не въ спеціальномъ смыслѣ убійства, а въ смыслѣ преступленія вообще (ст. 12). Такимъ

[1]) Изв. Имп. Акад. Наукъ по отд. русск. яз. и слов., т. III, стр. 286.

образомъ, слово «проказа» на языкѣ договоровъ имѣетъ болѣе широкій смыслъ, чѣмъ даже преступленіе вообще: оно можетъ обозначать всякій имущественный ущербъ, хотя бы онъ произошелъ и безъ участія воли человѣка, какъ, напримѣръ, крушеніе ладьи. Отсюда заключаемъ, что процессуальныя доказательства, перечисленныя въ разсматриваемой статьѣ, указаны не для однихъ только убійствъ, но для всякихъ дѣлъ; они должны имѣть мѣсто даже въ гражданскихъ спорахъ.

Въ виду такого смысла статьи, упоминаніе въ началѣ ея объ убійствахъ совершенно излишне. Выраженіе: «А о главахъ» не есть, значитъ, русское народное реченіе, а слѣдъ дѣленія всего договора на главы, и въ данномъ случаѣ обозначало «вторую главу», которая начиналась такъ: «Иже ся ключитъ проказа»... Но затѣмъ до конца договора статьи идутъ подъ рядъ, безъ всякаго дѣленія на главы; въ заключеніи же опять сказано, что стороны клянутся «не преступати... отъ уставленныхъ главъ мира и любви». Трудно думать, чтобы такъ могло быть въ оригиналѣ. Если во вступленіи сказано, что договоръ состоитъ изъ слѣдующихъ главъ, если слѣды дѣленія видны въ началѣ договора и въ его заключеніи, то, конечно, онъ весь былъ расчлененъ на главы. Къ тому же заключенію объ испорченности дошедшей до насъ редакціи договора 911 года приходимъ и при разсмотрѣніи отдѣльныхъ его статей. Нѣкоторыя изъ нихъ (напримѣръ, 7 и 14) до такой степени повреждены, что настоящій ихъ смыслъ и возстановленъ быть не можетъ, не смотря на всѣ усилія нашихъ толкователей.

Отъ предположенія неполноты договора 911 года мы и тогда не уйдемъ, если даже и допустимъ, что въ 907 году уже были установлены тѣ ограничительныя статьи, которыя помѣщены въ лѣтописи подъ этимъ годомъ. Можно ли думать, что эти выгодныя грекамъ статьи, принятыя русью, конечно, по ихъ настоянію, были забыты греками по истеченіи какихъ-либо четырехъ лѣтъ и не включены въ договоръ 911 года? Если же греки должны были домогаться

включенія ихъ въ писанный договоръ, то можно ли предположить, что русскіе, которые согласились на нихъ въ 907 году, когда стояли вооруженные и побѣдоносные у воротъ Константинополя, отказали въ этомъ домогательствѣ въ 911 году, когда переговоры о мирѣ велись послами, не поддерживаемыми вооруженной силой? Если эти статьи входили въ составъ договора 907 года, онѣ, конечно, должны были войди и въ договоръ 911 года [1]). Наконецъ, статей о пріѣздѣ русскихъ пословъ и гостей съ печатями и третьей вышеприведенной ссылки договора 945 года нѣтъ и въ извѣстіи лѣтописи подъ 907 годомъ. И это извѣстіе, значитъ, не полно.

Такъ или иначе будемъ мы думать о содержаніи договора 907 года, во всякомъ случаѣ надо признать, что договоръ 911 года въ нашей редакціи не полонъ. Но, можетъ быть, былъ еще договоръ, заключенный уже послѣ 911 года и до насъ не дошедшій, на который и ссылается договоръ Игоря? Въ пользу такого предположенія нельзя, однако, привести никакихъ данныхъ.

Слѣды порчи замѣтны и въ договорѣ 945 года. Онъ не имѣетъ года, тогда какъ оба другіе съ годомъ. Затѣмъ, въ концѣ его есть вставка, внесенная въ первоначальный текстъ уже въ Кіевѣ, со словъ одного изъ тѣхъ мужей-христіанъ, которые скрѣпили договоръ присягою въ Кіевской соборной церкви св. Иліи: «Мы же, елико насъ крестилися есмы, кляхомъся церковью св. Ильѣ въ соборнѣй церкви». Указаніе на соборную кіевскую церковь есть, конечно, кіевская вставка; но слова: «мы же кляхомъся» и далѣе: «не преступити отъ него ничтоже» могутъ принадлежать тексту, такъ какъ почти совершенно сходное съ ними выраженіе употреблено и въ договорѣ 911 года.

Только самый послѣдній изъ приводимыхъ нашимъ лѣто-

---

[1]) Догадка о томъ, что статьи договора 907 года должны были входить и въ договоръ 911 года, сдѣлана еще г. Лавровскимъ стр. 5 и сл.

писцемъ договоровъ, заключенный Святославомъ въ 971 году, представляется совершенно полнымъ и не возбуждаетъ никакихъ недоразумѣній ни по содержанію, ни по формѣ. Содержаніе его очень кратко и совершенно соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находился побѣжденный русскій князь. Оно состоитъ единственно въ обязательствѣ Святослава не воевать съ греками, не нападать ни на Корсунь, ни на Болгарскую сторону, и помогать грекамъ противъ ихъ враговъ. Со стороны формы договоръ представляется совершенно полнымъ и законченнымъ. Впереди поставленъ годъ его заключенія, затѣмъ обозначены лица, между которыми состоялся миръ, и приведены самыя его условія; въ заключеніи—клятва стороны, принявшей на себя обязательства, и наконецъ, упоминаются печати, которыми русскіе скрѣпили свой договоръ.

II.

Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ достоинства этихъ памятниковъ, какъ источниковъ древняго русскаго права. Въ этомъ вопросѣ надо различать право, установляемое договорами, отъ тѣхъ свѣдѣній о древнихъ нашихъ обычаяхъ, которыя случайно попали въ договоры и содержатся, главнымъ образомъ, во вступленіяхъ къ нимъ. Въ правѣ, установленномъ договорами, опять надо различить статьи, опредѣляющія публичныя международныя отношенія грековъ и русскихъ, отъ статей такъ-называемаго частнаго международнаго права. Къ первымъ будутъ относиться постановленія о мирѣ, объ оказаніи военной помощи, о выкупѣ плѣнныхъ, о порядкѣ торговли, о помощи при кораблекрушеніяхъ и о поступленіи подданныхъ одной стороны въ войска другой; ко вторымъ—всѣ постановленія по предмету уголовнаго права, гражданскаго и процесса.

Изъ этого весьма богатаго содержанія договоровъ наши историки-юристы придаютъ особое значеніе статьямъ частнаго международнаго права. На ихъ основаніи они ри-

суютъ цѣлыя картины нашего древняго юридическаго быта. Совершенно справедливо, что статьи частнаго права имѣютъ гораздо большее значеніе для характеристики нашего древняго юридическаго быта, чѣмъ постановленія, относящіяся къ праву публичному. Статьи объ оказаніи военной помощи, о порядкѣ торговли русскихъ въ Константинополѣ, о помощи въ случаяхъ кораблекрушенія и имъ под. могли быть опредѣлены договорами совершенно вновь, безъ всякаго отношенія къ русскимъ народнымъ обычаямъ; наоборотъ, постановленія о наказаніяхъ за убійство, кражу и имъ под. едва ли могли быть сдѣланы совершенно независимо отъ существующихъ уже русскихъ воззрѣній на дѣянія этого рода. Признавая это, мы, однако, далеки отъ мысли считать этотъ источникъ очень чистымъ и очень богатымъ. Если Эверсу удалось дать читателю, на основаніи содержанія договоровъ, весьма полную картину нашего древняго быта, то это потому, что у него были нѣкоторыя другія свѣдѣнія объ этомъ бытѣ, съ точки зрѣнія которыхъ онъ и объяснялъ статьи договоровъ. Въ послѣдующемъ изложеніи мы постараемся показать, что договоры сами по себѣ ничего не прибавляютъ къ тому, что мы знаемъ уже о нашихъ древнихъ обычаяхъ на основаніи другихъ болѣе чистыхъ источниковъ.

Но прежде, чѣмъ приступить къ обзору содержанія договоровъ, мы должны поставить еще одинъ предварительный вопросъ. Именно, гдѣ должно было дѣйствовать частное международное право, о которомъ говорятъ договоры, въ Греціи только или въ Греціи и въ Руси? Обыкновенно, наши изслѣдователи подразумѣваютъ, что статьи частнаго народнаго права должны были дѣйствовать въ обѣихъ странахъ. Этого мнѣнія, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ статей, держится и Эверсъ (196, 198 и 208 стр.). Но и онъ не разъ высказываетъ сомнѣніе, чтобы статьи договоровъ дѣйствительно могли исполняться въ предѣлахъ Руси. Въ самыхъ договорахъ нѣтъ прямаго постановленія, въ которомъ бы опредѣлялось мѣсто ихъ примѣненія. Но

изъ взаимныхъ отношеній договаривающихся сторонъ и изъ нѣкоторыхъ выраженій договоровъ надо заключить, что составители ихъ опредѣляя частное право грековъ и руси, имѣли въ виду только грековъ и русь, находящихся въ предѣлахъ греческой территоріи. Русь часто и въ значительномъ числѣ пріѣзжала въ Константинополь, оставалась тамъ подолгу и вела себя не совершенно спокойно. Это можно думать на основаніи статей договоровъ о торговлѣ, по которымъ русь должна была входить въ городъ безъ оружія и въ числѣ не болѣе 50 человѣкъ; срокъ ея пребыванія въ Греціи ограничивался однимъ лѣтнимъ временемъ; зимовать у св. Мамы русь не имѣла права. Для сношеній этихъ безпокойныхъ гостей съ греками и надо было установить нормы частнаго права. Греческое правительство должно было позаботиться объ обузданіи пріѣзжавшей въ Царьградъ руси. На немъ, конечно, лежала обязанность покровительствовать и грекамъ, находившимся въ русской землѣ. Но если греки и пріѣзжали въ Русь, то весьма рѣдко и въ небольшомъ числѣ. Какъ наши, такъ и иностранные источники говорятъ только о поѣздкахъ греческихъ пословъ въ Русь; о пребываніи же грековъ въ Руси по своимъ дѣламъ указаній не встрѣчается. Это и понятно, такъ какъ торговля съ сѣверомъ велась не прямо греками, а чрезъ посредство руси. То же можно думать и на основаніи самаго текста договоровъ. Статьи, обязывающія русскихъ оказывать покровительство греческимъ ладьямъ, потерпѣвшимъ крушеніе, не говорятъ, что эти ладьи находятся въ русской землѣ. Онѣ говорятъ о крушеніи «въ чужой землѣ», или «на коемъ-либо мѣстѣ»; русскіе, которые должны помогать ладьѣ, не хозяева мѣста, а находятся тамъ случайно: «обрящуться тамо, иже отъ насъ, руси». Пребываніе грековъ въ русской землѣ договорами вовсе не предполагается, а потому и допустить трудно, чтобы составители ихъ имѣли въ виду грековъ, находящихся въ Россіи.

Далѣе, въ договорѣ 945 года читаемъ: «Аще ускочить

челядинъ отъ руси, понеже придуть въ страну царствия нашего, и отъ св. Мамы аще будеть (вар.: и аще будеть обрящется), да поимуть и...» Этому соотвѣтствуетъ постановленіе о бѣгломъ греческомъ челядинѣ: «Аще ли кто отъ людий царства нашего, ли отъ города нашего, или отъ инѣхъ городъ ускочить челядинъ нашь къ вамъ, и принесеть что, да вспятять й опять; и еже что принеслъ будить все цѣло, и да возьметь отъ него золотника два». Бѣгство челядина, о которомъ говорятъ эти двѣ статьи, предполагаетъ мѣстомъ дѣйствія Грецію, а не Русь. Первую статью мы переводимъ такъ: «если убѣжитъ челядинъ отъ русскихъ, такъ какъ они приходятъ въ страну царствія нашего, и окажется, что онъ дѣйствительно убѣжалъ отъ св. Мамы (постоянное мѣсто стоянки русскихъ), его должно выдать русскимъ» [1]). Итакъ, русскій челядинъ бѣжитъ отъ своего господина, живущаго у св. Мамы, греческій — бѣжитъ къ русскимъ, живущимъ опять у св. Мамы, а не въ Русь. Это видно изъ того, что русскіе награждаются двумя золотниками, если выдадутъ бѣглаго раба и въ цѣлости все то, что онъ снесъ у своего господина. Прибѣжать къ храму св. Мамы, который находился за стѣной Царяграда, не растративъ сноса, еще возможно; но сохранить его неприкосновеннымъ на всемъ длинномъ пути въ Русь, конечно, дѣло невозможное. Ни греки, ни русскіе не могли постановить такой несообразности.

Что статья «аще ли ключится проказа нѣкака отъ грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего»... имѣетъ въ виду грековъ, находящихся въ Греціи, это признаетъ и Эверсъ. На основаніи этихъ соображеній мы думаемъ, что статьи частнаго права опредѣляютъ отношенія руси и грековъ

[1]) Переводъ Карамзина: Когда уйдетъ невольникъ изъ Руси въ Грецію, или отъ гостей, живущихъ у св. Мамы, Русскіе да ищутъ и возьмутъ его». Тотъ же смыслъ даютъ статьѣ Эверсъ и Соловьевъ. Почтенный издатель лѣтописи по списку Лаврентія совѣтуетъ читать: по нь же, вмѣсто понеже. Такъ какъ текстъ даетъ совершенно ясный смыслъ, то едва ли нужны какія-нибудь къ нему поправки.

въ случаѣ столкновеній, возникающихъ между ними въ Греціи.

Только одна статья договора 911 года распространяетъ дѣйствіе его за предѣлы греческой территоріи. Это именно статья о крушеніи ладьи. Гдѣ бы это крушеніе ни случилось, но если русскіе, вмѣсто помощи, перебьютъ людей, на ней находящихся, и разграбятъ ихъ имущество «да повинни будуть то створшии прежереченною епитемьею», то-есть, да будутъ наказаны согласно установленному выше въ этомъ договорѣ объ убійствахъ и кражахъ. Но въ договорѣ 945 года виновнымъ въ тѣхъ же дѣяніяхъ угрожается наказаніемъ не по договору, а «по закону руску и гречьску». И въ этомъ случаѣ, значитъ, распространеніе дѣйствія статей договора за предѣлы греческой территоріи оказалось непримѣнимымъ. Наказаніе по закону русскому и греческому надо понимать въ томъ смыслѣ, что виновный будетъ наказанъ по обычаямъ или законамъ той страны, суду которой подпадаетъ: если его не накажутъ русскіе, онъ можетъ быть наказанъ греками. Зачѣмъ понадобилась такая перемѣна, мы не знаемъ. Можетъ быть именно потому, что греки убѣдились въ безполезности писать законы для русскихъ на тѣ случаи, когда усмотрѣніе русскихъ не могло быть контролируемо греческими властями. Какъ мало полагались греки на то, что русскіе будутъ исполнять статьи договора внѣ предѣловъ дѣйствія греческихъ властей, видно изъ статьи и о корсунянахъ, занимающихся рыболовствомъ въ устьѣ Днѣпра. Эти рыбаки могли сдѣлаться жертвою убійства, побоевъ и кражъ со стороны русскихъ. Договоръ предусматриваетъ возможность такихъ случаевъ, но не установляетъ никакихъ наказаній, а ограничивается однимъ пожеланіемъ: «да не творятъ (русскіе) имъ (корсунянамъ) зла никако же». И это очень понятно. Греческая власть не можетъ охранять корсунянъ въ устьѣ Днѣпра, а потому безполезно и постановлять объ нихъ что-либо точное въ договорѣ.

Итакъ, статьи частнаго международнаго права предназначались для дѣйствія только въ предѣлахъ греческой тер-

риторіи и притомъ въ столкновеніяхъ русскихъ съ греками, а не русскихъ между собой; до споровъ русскихъ съ русскими, грекамъ, конечно, не было никакого дѣла.

Русскіе, поступавшіе на службу греческихъ императоровъ, постоянно жили въ Греціи. Этихъ русскихъ договоры также не касались, кромѣ одной статьи о наслѣдствѣ. Поступивъ на греческую службу, русскіе, конечно, должны были подчиняться и дѣйствію греческихъ законовъ.

На грекахъ, участвовавшихъ въ составленіи договора, лежала крайне трудная и, кажется намъ, едва ли даже удовлетворительно выполнимая задача. Надо было обезпечить спокойствіе Константинополя и его окрестностей и въ то же время удовлетворить русскихъ, обычаи которыхъ именно и угрожали спокойствію и безопасности греческихъ подданныхъ. Греки не могли допустить, чтобы тѣ примитивные способы возстановленія нарушеннаго права, которые были извѣстны русскимъ, перенесены были въ Грецію. А съ другой стороны, трудно было и прямо требовать отъ русскихъ, чтобы они отказались отъ своихъ обычаевъ и подчинились дѣйствію греческихъ законовъ. Надо было выбрать нѣчто среднее. Если извѣстный русскій обычай могъ быть терпимъ въ Греціи, его надо было оставить. Полезно было даже прямо сослаться на «русскій законъ», какъ это договоры не разъ и дѣлаютъ, чтобы сѣверные варвары видѣли, что въ договорахъ содержится ихъ право. Но если русскіе обычаи были совсѣмъ непримѣнимы къ культурной жизни грековъ, ихъ надо было искусно обойди и замѣнить началами греческаго права. Результатомъ такого положенія дѣла долженъ былъ явиться договоръ, въ которомъ далеко не все могло быть прямо и совершенно опредѣленно выражено. Греки могли утѣшать себя надеждой, что практика разрѣшитъ недосказанное въ ихъ пользу, такъ какъ статьи договора будутъ примѣняться на ихъ же территоріи, въ предѣлахъ дѣйствія греческихъ властей.

На сколько дѣйствительно удовлетворили договоры обѣ стороны, объ этомъ судить очень трудно. И въ наше время

нерѣдко международные договоры бываютъ понятны и кажутся примѣнимыми только пока пишутся и единственно тѣмъ дипломатамъ, которыми пишутся; но какъ скоро ратификованные установленнымъ образомъ они выходятъ на свѣтъ Божій, такъ сейчасъ же и обнаруживается вся ихъ недосказанность и непримѣнимость. Не думаемъ, чтобы договоры съ греками совершенно избѣгли этой участи современныхъ договоровъ. Сравненіе перваго договора со вторымъ показываетъ, что въ 945 году понадобилось пояснить то, что въ 911 году казалось совершенно яснымъ.

Юридическій бытъ грековъ такъ мало походилъ на юридическій бытъ нашихъ предковъ X вѣка, примиреніе разнообразныхъ началъ греческаго и русскаго право было такъ трудно, что греки могли даже съ намѣреніемъ обходить молчаніемъ многія различія. лишь бы облегчить соглашеніе. Примѣръ такого намѣреннаго умолчанія даетъ, кажется намъ, одна изъ важнѣйшихъ статей договора, именно статья объ убійствѣ.

Въ договорѣ 911 года читаемъ: «Аще кто убьетъ хрестьанина русинъ или хрестьанинъ русина, да умреть, идѣже аще сотворить убійство». «Сіе постановленіе, говоритъ Эверсъ, принадлежало какъ тому, такъ и другому праву; по греческому праву убійца умираетъ въ силу судебнаго приговора; по русскому отъ частной мести» (160). Такимъ образомъ, эта статья является согласной какъ съ греческими законами, такъ и съ русскими обычаями. По поводу сходства съ русскими обычаями Эверсъ указываетъ даже на то, что въ статьѣ не полагается ни малѣйшаго различія между умышленнымъ и случайнымъ убійствомъ [1]), какъ оно и должно быть на той первоначальной ступени развитія, на какой находились тогда русскіе. Тобинъ, весьма близко примыкающій къ Эверсу, дѣлаетъ на основаніи этой статьи еще и другое заключеніе къ нашимъ русскимъ обычаямъ: по его мнѣнію, русскимъ X вѣка выкупъ не былъ извѣстенъ, такъ

[1]) На неосновательность этого послѣдняго вывода указано уже М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, Христ., вып. I, стр. 16.

камъ по статьѣ выкупъ имѣетъ мѣсто только въ случаѣ бѣгства преступника, а не самъ по себѣ (Die Blut-Rache, 131). М. Ф. Владимірскій-Будановъ также видитъ въ сатьѣ месть, хотя и допускаетъ возможность процесса послѣ осуществленія мести. Значитъ и по его мнѣнію въ этой статьѣ содержится русское право. Таково, кажется, согласное мнѣніе всѣхъ нашихъ изслѣдователей [1]).

Мы очень сомнѣваемся, чтобы въ разсматриваемой статьѣ дѣйствительно было русское право. Наше право того времени признавало месть. Но это не значитъ, что мститель всегда убивалъ виновника. Время мести есть время самоуправства. Убійца не стоялъ, сложа руки, и не ждалъ смиренно, когда его убьютъ оскорбленные родственники убитаго. Онъ защищался и при этомъ могъ убить мстителей. Эта самооборона въ тѣхъ случаяхъ, когда убійца не сознавалъ себя виновнымъ, должна была имѣть, какъ въ его глазахъ, такъ и въ глазахъ его родственниковъ и друзей, всѣ свойства права. Месть, такимъ образомъ, есть право обоюдоострое; въ этомъ одна изъ причинъ появленія рядомъ съ местью выкупа: если успѣхъ кровавой мести сомнителенъ, мститель легко соглашается удовольствоваться выкупомъ, а обидчикъ, въ видахъ замиренія, уплатить его. Мы не имѣемъ никакого основанія думать, чтобы въ X вѣкѣ выкупъ у нась былъ неизвѣстенъ. Заключеніе Тобина совершенно произвольное.

Въ такомъ видѣ представляется намъ преступленіе убійства по русскому древнѣйшему праву. Можно ли сказуть, что статья договоровъ, безусловно предписывающая смерть за убійство, есть русское право? Конечно, нѣтъ. Это чисто римское постановленіе.

Пойдемъ далѣе. Статья говоритъ: «да умреть, идѣже аще сотворить убійство». Мы не знаемъ, что̀ стояло въ греческомъ оригиналѣ, но допустимъ, что переводъ точенъ. Какъ же это отомстить на мѣстѣ совершенія убійства? Это, ко-

---

[1]) Въ этомъ же направленіи толкуетъ статьи договоровъ объ убійствѣ и г. Мейчикъ.

нечно, могло быть, но только случайно. Предписывать же, чтобы мститель пользовался своимъ правомъ только на мѣстѣ преступленія, совершенно невозможно. Такое предписаніе выходитъ изъ какихъ-то иныхъ началъ, а не изъ началъ мести.

Посмотримъ теперь на дѣло съ другой стороны. Нѣтъ ли какихъ-либо стороннихъ указаній, которыя могли бы пролить нѣкоторый свѣтъ на эту спорную статью? Намъ кажется, что есть, но не въ пользу господствующаго мнѣнія. Русскіе должны были входить въ Царьградъ безъ оружія; грекамъ же носить оружіе не воспрещалось. Какъ же это мстить безъ оружія, да еще убійцѣ, который могъ быть вооруженъ, а зная, что ему угрожаетъ опасность, и непремѣнно вооружится? Очень трудно.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ заключаемъ, что греки назначили за убійство смертную казнь, вовсе не соображаясь съ русскими народными обычаями. Да и a priori невозможно думать, чтобы они могли допустить осуществленіе самоуправства—мести на улицахъ Константинополя.

Убійцу казнили по приговору суда на мѣстѣ совершенія имъ преступленія. Вотъ почему ничего не говорится о русскомъ выкупѣ, а вовсе не потому, что онъ не былъ извѣстенъ у насъ въ X вѣкѣ. Убійца въ Греціи не могъ откупиться.

Но выкупъ устраненъ договоромъ не безусловно. Въ слѣдующей статьѣ читаемъ: «Аще ли убѣжить сотворивый убийство, да аще есть домовитъ, да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону, да возметь ближний убьенаго, а и жена убившаго да имѣеть толицемъ же пребудеть по закону. Аще ли есть неимовитъ сотворивый убой и убежавъ, да держиться тяжи, дондеже обрящеться, да умреть». Смыслъ совершенно ясенъ. Если убійца скроется, ближніе убитаго получаютъ имущество убійцы, за исключеніемъ того, что принадлежитъ женѣ. Если у него ничего нѣтъ, судъ и казнь отлагаются до поимки. Эверсъ думаетъ, что и эта статья «установлена главнымъ образомъ приспособительно

къ русскимъ обычаямъ и въ пользу руссовъ» (162), какъ замѣна мести. А мы думаемъ, совсѣмъ напротивъ. Хитрые греки этою статьею совершенно обошли русскихъ. Положимъ, убійство совершено въ Константинополѣ. Если убійца грекъ, ему гораздо легче скрыться, чѣмъ русскому. А если еще греческія власти захотятъ оказать ему нѣкоторое покровительство во вредъ сѣвернымъ варварамъ, что весьма вѣроятно, то его и никогда нельзя будетъ найти. Убѣжать же русскому убійцѣ изъ Константинополя совсѣмъ невозможно. Входятъ русскіе въ городъ одними воротами, въ опредѣленномъ числѣ, съ царевымъ мужемъ. Нѣтъ ничего легче какъ запереть имъ выходъ изъ города. Какъ же тутъ убѣжать? Скрыться въ городѣ, совершивъ кровавое дѣло, тоже трудно, ибо скрываться нужно у грековъ же. Если и найдется такой доброжелатель, власти легко могутъ отыскать убійцу. Внѣ стѣнъ Константинополя положеніе нѣсколько мѣняется, но все же греку въ своей странѣ легче скрыться, чѣмъ русскому въ чужой. Этой статьей русскіе совершенно были отданы въ руки грековъ. Тогда какъ русскій почти непремѣнно платилъ жизнью за убійство грека, грекъ легко могъ отдѣлаться платою. Да притомъ платою, какую захотятъ греки дать, ибо русскимъ не легко было доказать, что̀ принадлежитъ мужу, что̀ женѣ. Разсмотрѣнныя статьи расчитаны на обузданіе сѣверныхъ варваровъ и вовсе не имѣютъ въ виду ихъ пользы или неприкосновенности ихъ народныхъ обычаевъ. Греки перехитрили нашихъ предковъ.

Хотя греки вовсе не думали допускать самоуправства русскихъ въ предѣлахъ своей территоріи, тѣмъ не менѣе, это прямо въ договорѣ не выражено. Поэтому-то наши изслѣдователи и могутъ думать, что русскимъ было предоставлено право мести. Какъ понимали договоръ русскіе временъ Олега и Игоря, мы, конечно, не знаемъ; но можемъ думать, что дѣйствія самоуправства въ Константинополѣ совершались ими и послѣ договора 911 года и, можетъ быть, даже въ полномъ сознаніи своего права, такъ какъ дого-

воръ не запрещаетъ самоуправства. Это слѣдуетъ думать на основанiи тѣхъ новыхъ постановленiй, которыя находимъ въ договорѣ 945 года. Тамъ есть прямое воспрещенiе самоуправства. Если самоуправство надо было воспретить, то, конечно, потому, что русскiе, въ промежутокъ времени отъ 911 по 945 годъ, расправлялись сами съ своими обидчиками, хотя, можетъ быть, и изрѣдка.

Но прежде, чѣмъ приводить эту статью, остановимся еще на одномъ постановленiи договора 945 года, съ нашей точки зрѣнiя очень важномъ. Послѣ правилъ о порядкѣ входа и выхода русскихъ изъ Царьграда, согласныхъ съ такими же правилами предшествовавшаго договора, читаемъ: «Мужь царства нашего да хранитъ я (русскихъ), да еще кто отъ руси или отъ грекъ створить криво, да оправляеть то». Русскiе, слѣдовательно, имѣютъ въ лицѣ греческаго чиновника охранителя своихъ интересовъ и судью въ своихъ столкновенiяхъ съ греками. Это постановленiе вполнѣ уясняетъ точку зрѣнiя грековъ: русскiе не расправляются сами. Мы не имѣемъ никакого основанiя ограничивать дѣятельность этого чиновника какимъ-либо однимъ родомъ дѣлъ или дѣлами, возникающими только въ Константинополѣ. Какая бы кривда ни была совершена русскимъ или грекомъ и гдѣ бы она ни произошла, въ городѣ или у св. Мамы, управу чинитъ греческiй чиновникъ.

Но и это опредѣленiе показалось грекамъ еще недостаточнымъ для вразумленiя русскихъ, а потому они нашли нужнымъ внести въ договоръ еще слѣдующую статью. «Аще ли ключится проказа нѣкака отъ грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имате власти казнити я́, но повелѣньемъ царства нашего да прiиметь, якоже будеть створилъ». Статья эта приводитъ въ полное изумленiе тѣхъ нашихъ изслѣдователей, которые въ постановленiяхъ объ убiйствѣ усматриваютъ русскiя начала мести. «Сiе постановленiе, говоритъ Эверсъ, съ перваго взгляда представляется столь страннымъ, что толкователь совершенно изумѣваетъ» (208). Шлецеръ находилъ статью невозможной.

Побѣдивъ свое невольное изумленіе, Эверсъ пришелъ къ мысли, что статья относится лишь къ пребыванію руссовъ по дѣламъ торговли въ самой Греціи. Но если это такъ, если въ предѣлахъ Греціи всѣ притязанія русскихъ къ грекамъ рѣшались греческими властями и, конечно, на основаніи греческаго права, а не договора, который допускаетъ самоуправство мести, то отсюда слѣдуетъ, что статьи договора въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчиками были греки, предназначались только для примѣненія внѣ предѣловъ Греціи. Выводъ до такой степени неожиданный и невозможный, что къ нему не присоединился даже Тобинъ, почти во всемъ согласный съ Эверсомъ. По мнѣнію Тобина статья говоритъ о небольшихъ правонарушеніяхъ, а не о тѣхъ, которыя вызываютъ месть (157). Въ небольшихъ правонарушеніяхъ надо обращаться къ греческому суду, а въ убійствахъ можно мстить. Того же мнѣнія держался и покойный И. Д. Бѣляевъ. Но что проказы означаютъ небольшія дѣла, въ противоположность большимъ, и именно убійствамъ, это произвольное предположеніе, ничѣмъ не доказанное. «Проказа нѣкака» означаетъ всякія дѣла, какъ вышеприведенное выраженіе «створить криво» означаетъ всякія столкновенія русскихъ съ греками. Но независимо отъ произвольнаго толкованія слова «проказа», пониманіе Тобина и само по себѣ мало вѣроятно. Если самоуправство русскихъ не терпѣлось въ неважныхъ дѣлахъ, то какъ могли греки допустить его въ большихъ и важныхъ? М. Ф. Влдимірскій-Будановъ въ примѣчаніи къ разсматриваемой статьѣ говоритъ: «въ этой статьѣ не выговаривается новой привилегіи для грековъ; она выражаетъ только общее правило для всѣхъ старинныхъ законодательствъ: преступленіе подлежитъ суду той власти, коей подчиненъ отвѣтчикъ». Если такъ, то можно спросить: кто же осуществляетъ послѣ-судебную месть, которую авторъ допускаетъ на основаніи статьи объ убійствѣ, находящейся въ этомъ договорѣ? Русскіе не могутъ, такъ какъ греки-убійцы подлежатъ суду греческой власти и наказываются сю по греческимъ законамъ. Греки—

еще менѣе, такъ какъ послѣ-судебная местъ не греческое учрежденіе.

Съ нашей точки зрѣнія статья не возбуждаетъ никакихъ недоразумѣній. Русскимъ воспрещается всякое самоуправство въ Греціи. Всѣ ихъ столкновенія съ греками разрѣшаются греческими властями на основаніи постановленій договора. Это предполагается уже первымъ договоромъ, но выражено съ совершенной опредѣленностью только во второмъ, потому, можетъ быть, что то, что предполагалось и прежде греками, не было понято должнымъ образомъ ихъ союзниками.

За только что разобранной статьей слѣдуетъ повтореніе двухъ статей договора 911 года объ убійствѣ, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ: «Аще убьетъ хрестьанинъ русина, или русинъ хрестьанина, да держимъ будеть, створивый убийство отъ ближнихъ убьенаго, да убьютъ й. Аще ли ускочить створивый убой и убѣжить, аще будеть имовітъ, де возмуть имѣніе его ближьнии убьенаго; аще ли есть неимовитъ и ускочить же, да ищутъ его, дондеже обрящется, еще ли обрящется, да убьенъ будеть». Выраженіе «да убьютъ й» мы считаемъ равнымъ выраженію предшествовавшаго договора «да умреть». Если греки и въ этомъ второмъ договорѣ, въ которомъ они ясно высказались противъ самоуправства русскихъ, не измѣнили этой формулы, это доказываетъ, что въ греческомъ оригиналѣ она не возбуждала никакихъ недоразумѣній относительно того, что здѣсь разумѣется казнь, а не месть. Измѣненія противъ перваго договора состоятъ въ слѣдующемъ: 1) ближнимъ убіеннаго предоставлено право задержать убійцу и 2) опущена оговорка относительно имущества жены. Оба эти измѣненія легко привести въ связь съ сдѣланнымъ уже нами объясненіемъ этихъ статей по первому договору. Мы указали тамъ на невыгодныя послѣдствія, вытекающія для русскихъ изъ этой второй статьи. Вѣроятно, были нерѣдки случаи, что греки-убійцы дѣйствительно скрывались ненаказанные; изъ имущества же ихъ выдавалось очень немногое, а остальное

показывалось принадлежащимъ женѣ. При заключеніи новаго договора русскіе обратили на это вниманіе. Чтобы удовлетворить ихъ, греками сдѣлана уступка, хотя и не очень большая. Объ имѣніи жены вовсе не упомянуто; это, конечно, не значитъ, что оно шло ближнимъ убитаго. Что касается бѣгства преступника, то греки могли отвѣчать на жалобы русскихъ: держите его сами, это ваше дѣло, тогда мы будемъ судить его и виновный «прииметь повелѣніемъ царства нашего, яко же будеть створилъ». Предоставить русскимъ право задержать убійцу и, такимъ образомъ, лишить его свободы надо было еще и по другому соображенію. Договоръ 945 года проникнутъ, какъ мы видѣли, рѣшительнымъ стремленіемъ ограничить самоуправство русскихъ. Въ виду этого могъ даже возникнуть вопросъ, можно ли русскимъ, единоплеменникамъ убитаго, наложить руки на убійцу? Договоръ даетъ удовлетворительный отвѣтъ.

По указаннымъ нами причинамъ или по какимъ-либо другимъ возникли тѣ измѣненія постановленій договора 911 года объ убійствѣ, которыя встрѣчаются въ позднѣйшемъ договорѣ, — но ни въ какомъ случаѣ нельзя думать, что статья этого позднѣйшаго договора говоритъ о мести. Выраженіе «да держимъ будеть створивый убийство отъ ближнихъ убьенаго, да убьютъ й» никакъ не можетъ быть соглашено съ обычаями мести. Чтобы отомстить, вовсе не нужно овладѣть преступникомъ и держать его. Мститель можетъ убить преступника внезапно, вовсе не обнаруживая своего намѣренія впередъ. Если статья требуетъ задержанія, то, конечно, не для мести, а для суда.

Чтобы покончить съ постановленіями, имѣющими отношеніе къ убійству, приведемъ статьи объ убійствѣ въ случаѣ необходимой обороны. Договоры знаютъ два такихъ случая: 1) убійство вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, и 2) убійство русскаго, пріѣхавшаго въ Грецію безъ установленной грамоты.

Въ договорѣ 911 года читаемъ: «Аще украдетъ что русинъ либо у хрестьанина, или паки хрестьанинъ у русина

и ятъ будеть въ томъ часѣ тать, егда татбу сътворить, отъ погубившаго что-либо, аще приготовить ся тать творяй, и убьенъ будеть, да не взыщеться смерть его ни отъ хрестьанъ, ни отъ Руси;... Аще вдасть руцѣ свои украдый, да ятъ будетъ тѣмже, у него же будетъ украдено, и связанъ будеть,и отдасть тое, еже смѣ створити...» Не ясное выраженіе «аще приготовить ся тать» хорошо объясняется противополагаемымъ ему: «аще вдасть руцѣ свои украдый». То-есть, въ первомъ случаѣ воръ сопротивляется, во второмъ — покорно протягиваетъ руки. Въ договорѣ 945 года о русскихъ, пріѣхавшихъ въ Грецію безъ установленной грамоты, сказано:... «да держимъ (ихъ) и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему; аще ли руку не дадять и противятся, да убьени будуть, да не изыщется смерть ихъ отъ князя вашего». И здѣсь «не дать рукъ своихъ» значитъ сопротивляться. «Приготовиться» договора 911 года есть, по всей вѣроятности, испорченное переписчикомъ «противиться». Постановленіе договора 945 года, конечно, новое. Оно важно въ томъ отношеніи, что за греками признается право убивать русскихъ въ случаѣ сопротивленія ихъ греческимъ властямъ. О постановленіи же перваго договора Эверсъ говоритъ, что оно «подходитъ ближе къ русскому, нежели къ греческому праву» (180). Посылки, отъ которыхъ онъ отправляется, совершенно вѣрны, но выводъ ложенъ. По древнему русскому праву, что̀ признаетъ и Эверсъ, вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія, можно было убить безусловно (Руск. Пр. во II ред. ст. 3). По греческому можно было безнаказанно убить только «въ нощи крадущаго вора», и то «если нельзя было безъ бѣды пощадить его». Итакъ, по русскому праву допускается безусловное убійство вора, убійство вора переходитъ у насъ въ месть вору: по греческому—только условное, это не месть, а самооборона. Это начало условнаго убійства вора проводится и въ договорѣ. Въ статьѣ ничего не говорится о времени кражи, но убійство вора допускается, если онъ будетъ сопротивляться, то-есть условно, если «нельзя будетъ безъ бѣды пощадить его». Здѣсь опять, слѣ-

довательно, мы имѣемъ дѣло съ греческимъ правомъ, стѣсняющимъ русскіе нравы. Но могло ли быть иначе? Для признанія за русскими права дѣйствовать въ Греціи по своимъ обычаямъ вовсе не нужно было писать договора: для русскихъ это казалось совершенно естественнымъ. И послѣ существеннаго измѣненія ихъ обычаевъ договоромъ, они, по всей вѣроятности, постоянно сбивались на свое народное право.

Слѣдующая статья договора 911 года относится къ оскорбленію дѣйствіемъ: назначая за ударъ мечемъ или какимъ-либо оружіемъ 5 литръ серебра, она говоритъ, что такъ полагается по закону русскому. «По закону русскому» относится не къ опредѣленію количества литръ, какъ это уже было замѣчено еще Эверсомъ, а къ денежной платѣ вообще, такъ какъ по греческимъ законамъ оскорбленіе дѣйствіемъ наказывалось иначе. Но несмотря даже на ссылку на русскій законъ, русское обычное право перешло въ договоръ не цѣликомъ, а весьма урѣзанное. Въ Русской Правдѣ сохранились слѣды того стараго порядка вещей, по которому оскорбленіе дѣйствіемъ, какъ и убійство, преслѣдовалось местью; плата же появилась какъ возмездіе за отказъ отъ мести. Въ Троицкомъ спискѣ Русской Правды читаемъ: «Аже кто кого оударить батогомъ и пр., то 12 гривенъ; не терпя ли противу тому оударить мечемъ, то вины ему въ томь нѣтуть». Смыслъ этой статьи таковъ: за ударъ батогомъ и пр. взыскивается 12 гривенъ, если обиженный обратится въ судъ; но если онъ на ударъ отвѣтилъ ударомъ, хотя бы употребилъ при этомъ даже мечъ (то-есть отомстилъ), онъ не подлежитъ наказанію, но, конечно, не получаетъ 12 гривенъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что въ X вѣкѣ было иначе. Изъ русскаго закона греки взяли только то, что̀ казалось имъ удобнымъ. И статья о побояхъ, слѣдовательно, какъ и статья объ убійствѣ, не только ничего не прибавляетъ къ нашимъ свѣдѣніямъ о русскихъ обычаяхъ, но есть существенное ихъ измѣненіе. Русскіе въ Греціи должны были вести себя со-

всѣмъ иначе, чѣмъ у себя дома: они должны довольствоваться платой и только. Греки весьма послѣдовательно проводятъ принципъ обузданія сѣверныхъ дикарей [1]). Заключеніе статьи, по которому виновный, выдавъ все свое имущество, освобождается отъ всякаго дальнѣйшаго взысканія, хотя бы цѣнность имущества и не покрывала 5 литръ, также новое и вовсе не въ духѣ русскихъ обычаевъ, по которымъ надо предполагать въ данномъ случаѣ продажу въ рабство или выдачу головой въ услуженіе до покрытія долга.

Статьи о кражѣ назначаютъ за это преступленіе денежный штрафъ въ равномъ, двойномъ и даже тройномъ размѣрѣ противъ цѣны украденнаго. Денежныя пени за кражу одинаково извѣстны какъ русскому, такъ и греческому праву. Но опредѣленіе ихъ въ размѣрѣ двойной (или тройной) цѣны украденнаго опять не русское, а чисто греческое [2]). Эклога и Градскіе Законы опредѣляютъ именно двойную цѣну. Это соотвѣтствіе денежной пени, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, законамъ обѣихъ странъ и дало основаніе составителямъ договора 945 года сказать въ заключеніе второй статьи о кражѣ: «и то показненъ будеть по закону гречьскому и по уставу и по закону русскому», то-есть: вышереченная пеня назначена согласно съ законами обѣихъ странъ.

---

[1]) Тобинъ, 139, усматривая несоотвѣтствіе между статьей о побояхъ, ссылающейся на русскій законъ, и русскимъ закономъ, допускавшимъ месть, приходитъ къ предположенію, что въ этомъ мѣстѣ договора есть пропускъ. По его мнѣнію, договоръ долженъ былъ также допускать месть за побои, какъ онъ допускаетъ ее за убійство. Это у него послѣдовательно, но невѣрно.

[2]) Эверсъ и здѣсь непремѣнно хочетъ видѣть чисто русское право. Онъ отвергаетъ чтеніе тѣхъ списковъ Олегова договора, въ которыхъ упоминается о платѣ втрое, между прочимъ, на томъ основаніи, что такое постановленіе несообразно съ русскимъ правомъ, и предлагаетъ читать только слова: «да отдастъ тое, еже смѣ створити». Эти же слова онъ толкуетъ въ томъ смыслѣ, что воръ долженъ былъ удовлетворить обиженнаго по его усмотрѣнію (171). Для древней Руси это весьма вѣроятно, но въ предѣлахъ Греціи совершенно невозможно.

Эти заключительныя слова давно обратили на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей. Эверсъ находитъ ихъ въ высшей степени неопредѣленными (172). Разбирая это выраженіе подробно (197), онъ приходитъ къ тому заключенію, что виновный въ кражѣ, кромѣ платы ея двойной цѣны, подвергался еще уголовному наказанію, согласно съ законами обиженной стороны. Къ этому мнѣнію примыкаютъ, хотя и съ нѣкоторыми его модификаціями, и наши новые изслѣдователи [1]). Принять такое объясненіе довольно трудно. Русскіе и греческіе законы очень расходятся въ наказаніи вора. Русскіе знаютъ только продажу, то-есть денежную пеню въ пользу князя. По Эклогѣ же и Градскимъ законамъ человѣкъ состоятельный, который могъ уплатить двойную цѣну украденной вещи, не подлежалъ никакому другому наказанію; бѣдный же, который не могъ уплатить пени, подвергался тѣлесному наказанію и изгнанію. За вторую кражу греческіе законы угрожаютъ даже отсѣченіемъ руки. Мы не знаемъ, что при Игорѣ были уже продажи въ пользу князя. Но если и предположимъ, что были, все-таки трудно допустить, что одна изъ договаривающихся сторонъ согласилась, чтобы ея подданныхъ наказывали тѣлесно, приговаривали къ изгнанію изъ отечества и даже къ отсѣченію руки, тогда какъ поданные другой стороны будутъ отдѣлываться отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія уплатой продажи. Наконецъ, гдѣ тотъ уставъ продажъ, по которому греки должны были ихъ взыскивать? Его и въ Руси-то, конечно, еще не было. Если имѣлась въ виду княжеская продажа, то ее надо было опредѣлить: руководствоваться же русскими обычаями было невозможно, такъ какъ въ Константинополѣ можно было украсть такія вещи, какихъ въ

[1]) См. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Христоматія, вып. I, стр. 19, пр. 19. Усматривая, какъ и Эверсъ, въ приведенныхъ словахъ установленіе особаго наказанія помимо денежной пени, почтенный издатель отступаетъ отъ Эверса въ томъ, что примѣненіе тѣхъ или другихъ законовъ обусловливаетъ національностью преступника, а не пострадавшаго, какъ Эверсъ.

Руси и въ обращеніи не было. По всѣмъ этимъ соображеніямъ думаемъ, что словами: «и то показненъ будеть по закону греческому и по уставу и по закону русскому» не устанoвляется за кражу какого-либо другого наказанія помимо двойной цѣны, а выражается только та общая мысль, что вышеозначенный штрафъ и есть наказаніе, опредѣленное согласно съ законами обѣихъ странъ.

Статьи договоровъ, относящіяся къ имущественнымъ правонарушеніямъ, принадлежатъ къ наиболѣе темнымъ и наиболѣе испорченнымъ переписчиками. Несмотря на это, онѣ даютъ поводъ нашимъ изслѣдователямъ ко многимъ и весьма важнымъ выводамъ. На основаніи статей договора 911 года заключаютъ, что они различали простое воровство, грабежъ и разбой; въ статьяхъ договора 945 усматриваютъ наказуемость покушенія на грабежъ [1]). Мы не можемъ присоединиться ни къ одному изъ этихъ выводовъ. Но по неясности текста мы не въ состояніи предложить и собственнаго толкованія. Для насъ несомнѣненъ только общій смыслъ статей, именно тотъ, что ими установляются денежныя пени за имущественныя правонарушенія; всѣ же другіе выводы кажутся намъ крайне шаткими.

Говорятъ, что договоръ 911 года различаетъ простое воровство, грабежъ и разбой. Но наказаніе за всѣ эти дѣянія полагается одинакое: тройная цѣна украденнаго. Какое же это различіе? Что бы пострадавшій ни доказалъ: фактъ кражи, грабежа или разбоя, виновный одинаково уплачиваетъ тройную цѣну. При этомъ условіи различіе равно совершенному безразличію. Пострадавшему нѣтъ никакой надобности доказывать грабежъ или разбой: довольно доказать простую кражу.

Статья договора 945 года, въ которой видятъ наказуемость покушенія на грабежъ, читается такъ: «Аще ли кто покусится отъ Руси взяти что отъ людий царства нашего,

---

[1]) См. Эверсъ, стр. 169 и сл. и 194 и сл.; М. Ф. Владимірскій-Будановъ, примѣчанія на стр. 7, 8 и 19.

иже то створить, показненъ будетъ вельми; аще ли взялъ будеть, да заплатить сугубо»... На нашъ взглядъ, здѣсь говорится вовсе не о грабежѣ, а о простой кражѣ. «Взять что отъ людий царства нашего» вовсе не значитъ взять насильно, то-есть ограбить. Такимъ образомъ, если здѣсь есть наказуемое покушеніе, то не на грабежъ, а на воровство. Но и по римскому праву не было наказуемо покушеніе въ преступленіяхъ съ частнымъ характеромъ, къ каковымъ относилось воровство; не было оно наказуемо и по греческому. Кто же это установилъ въ договорѣ наказуемость покушенія на кражу? Греки не могли, ибо они этой тонкости сами не знали. Неужели ихъ научили этому русскіе послы и гости? Чрезвычайно сомнительно. Мы думаемъ, что статья вовсе и не говоритъ о наказуемости покушенія: «показненъ будетъ вельми» поставлено въ зависимость отъ «иже то створить». «Створить», думаемъ мы, значитъ «возьметъ», то-есть, украдетъ. Смыслъ статьи будетъ такой: если кто вздумаетъ украсть что-либо, и дѣйствительно украдетъ, весьма будетъ наказанъ: сугубо заплатитъ. Въ словахъ «показненъ будетъ» и потому нельзя видѣть особаго наказанія за покушеніе, что договоры вездѣ точно опредѣляютъ наказанія и самые размѣры денежныхъ пеней (для точнаго опредѣленія отношеній договаривающихся сторонъ и съѣхались ихъ представители), здѣсь же допускается совершенная неопредѣленность «очень будетъ наказанъ», и это въ вопросѣ, который не опредѣлялся ни греческими законами, ни русскими обычаями.

Мы разсмотрѣли всѣ статьи по уголовному праву, содержаніе которыхъ требуетъ и допускаетъ какое-либо объясненіе. Статьи о кражѣ и укрывательствѣ челядина ясны и не нуждаются въ толкованіи [1]). Статья перваго договора, начинающаяся словами: «Аще злодѣй възвратится въ Русь»...

[1]) «Местникъ» договора 911 года не мститель, какъ думалъ Эверсъ, я хозяинъ дома, перев. греч. κεκτημένος, какъ объяснилъ Д. И. Бѣляевъ.

не совершенно непонятна. Чтеніе И. И. Срезневскаго: «Аще злодѣй не возвратится въ Русь» и предложенное имъ соединеніе этой статьи съ предшествующей кажутся намъ наиболѣе вѣроятными.

Къ гражданскому праву относится только одна статья договора 911 года: «И о работающихъ въ Грѣцѣхъ руси у хрестьанскаго царя. Аще кто умреть, не урядивь своего имѣнья, ци своихъ не имать, да възвратится имѣніе к малымъ ближикамъ в Русь; аще ли сотворить обряжение таковый, возметь уряженое его, кому будеть писалъ наследити имѣнье его, да наследить е́ отъ взимающихъ куплю руси, отъ различныхъ ходящихъ во Греки и удолжающихъ». Эта статья имѣетъ въ виду только тѣхъ русскихъ, которые постоянно жили въ Греціи, состоя въ греческой службѣ. Постановлять что-либо о наслѣдствѣ пословъ и гостей, останавливавшихся у св. Мамы, не было надобности, такъ какъ это было ихъ домашнее дѣло, грековъ не касавшееся [1]).

Первая половина приведенной статьи такъ близка къ извѣстному опредѣленію XII таблицъ о порядкѣ наслѣдованія, что высказанная уже въ нашей литературѣ догадка о томъ, что статья эта есть буквальный переводъ римскаго та́кста: Si intestato moritur, cui suus heres nec escit, agnatus proximus familiam habeto,—представляется чрезвычайно вѣроятной. Для агната русскій языкъ не имѣетъ соотвѣтствующаго слова и переводчикъ выраженіе «agnatus proximus» передалъ «малымъ ближикомъ»; малый, по всей вѣроятности, описка вмѣсто милый. Только имѣя въ виду латинскій текстъ, и можно понять совершенно необъяснимое выраженіе «ци своихъ не имать» и противоположеніе этимъ «своимъ» какихъ-то «ближиковъ».

Но какъ могла составителямъ договора придти въ го-

[1]) Г. *Лавровскій* (128) подъ русскими, работающими у христіанскаго царя, разумѣетъ всѣхъ русскихъ, живущихъ по своимъ дѣламъ въ Греціи.

лову мысль внести въ договоръ правило XII таблицъ? Грекамъ, во избѣжаніе столкновеній съ русскими, надо было опредѣлить порядокъ наслѣдства послѣ русскихъ, служившихъ въ Греціи, у которыхъ могли быть родственники въ Руси. Выяснить русское право и занести его въ договоръ они не взяли на себя труда; да это, по всей вѣроятности, и не легко было сдѣлать по различію обычаевъ. Распространить на русскихъ то право, которое дѣйствовало въ самой Греціи, было неудобно. Это право было слишкомъ сложно для тѣхъ первобытныхъ отношеній, въ которыхъ находилась Русь; для его изложенія потребовался бы цѣлый рядъ статей. Правило XII таблицъ не представляетъ этихъ неудобствъ. По своей древности оно могло даже казаться грекамъ соотвѣтствующимъ той степени развитія, на которой находились ихъ союзники. Въ томъ видѣ, въ какомъ это правило изложено въ договорѣ, оно очень удобно для грековъ. Русскимъ предоставляется неограниченное право завѣщать свое имущество, кому хотятъ. Если наслѣдникъ находился въ Руси, передача имущества совершалась чрезъ русскихъ. Греческія власти освободили себя, кажется, отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла этого рода, а, слѣдовательно, и отъ всякой отвѣтственности [1]).

Эта статья служитъ новымъ доказательствомъ, какъ мало греки заботились о русскомъ правѣ и какъ искусно умѣли они провести въ договоръ то, что̀ хотѣли. Русскимъ посламъ, участникамъ договора, принадлежала весьма пассивная роль. Но могло ли быть иначе?

Къ процессу относится всего только одна статья. Въ первомъ договорѣ читаемъ: «Иже ся ключитъ проказа, урядимъ ся сице: да елико явѣ будеть показаніи явлеными, да имѣють вѣрное о тацѣхъ явленіи; а ему же начнуть не яти вѣры, да кленется часть та, иже ищеть неятью вѣры; да егда кленеться по вѣре своей, и будеть казнь,

[1]) Иначе объясняетъ происхожденіе этой статьи Никольскій «О началахъ наслѣдованія», стр. 204—223.

якоже явиться согрѣшенье о семъ». Эта статья дала поводъ Эверсу написать цѣлыхъ шесть страницъ о совершенномъ ея соотвѣтствіи духу нашего древняго права (152—157). Мы, наоборотъ, думаемъ, что она представляетъ существенное отступленіе отъ порядковъ нашего древняго процесса.

Текстъ статьи не совсѣмъ ясенъ, и потому подвергался весьма разнообразнымъ толкованіямъ. Выше мы объяснили уже, на основаніи подлинныхъ выраженій договоровъ, что̀ значитъ слово «проказа», и изъ значенія этого слова вывели то заключеніе, что статья имѣетъ общее процессуальное значеніе, а не относится только къ убійствамъ. Затѣмъ слѣдуетъ: «елико явѣ будеть показаніи явлеными, да имѣють вѣрное о тацѣхъ явленіи». И. И. Срезневскій, подставивъ (предположительно, конечно) греческія слова подъ русскія выраженія, получилъ такой смыслъ: какія бы ни были показанія обвинителей, надобно вѣрить ихъ обвиненіямъ [1]). Надо ли доказывать что ничего подобнаго греки никогда не могли написать? Возможно ли вѣрить обвиненію, каковы бы ни были показанія обвинителей? Конечно, нѣтъ. Самый пріемъ, при посредствѣ котораго былъ достигнутъ такой неудовлетворительный результатъ, едва ли правиленъ. Подстановку словъ первоначальнаго языка къ переводу, съ нѣкоторой надеждой возстановить настоящій смыслъ неясныхъ мѣстъ перевода, можно дѣлать только въ тѣхъ случаяхъ, когда выраженія перевода напоминаютъ техническія или ходячія выраженія языка, на которомъ былъ написанъ оригиналъ, какъ, напримѣръ, въ вышеприведенной подстановкѣ И. Д. Бѣляева или во многихъ подстановкахъ г. Н. Лавровскаго. Безъ этого условія всякая подстановка будетъ совершенно произвольна и въ результатѣ получится только обратный переводъ на греческій языкъ, который можетъ удалить насъ отъ первоначальнаго текста еще далѣе, чѣмъ это сдѣлано первымъ переводчикомъ. Это именно здѣсь и случилось.

[1]) Изв. Имп. Акад. Наукъ по отд. русск. яз. и слов., т. III, стр. 290.

Несмотря на значительную неясность текста, изъ него можно сдѣлать слѣдующій несомнѣнный выводъ, принимаемый и Эверсомъ. Статья различаетъ два рода доказательствъ, которыя другъ другу противополагаются; это будутъ: «показанія явленыя» и присяга сторонъ. Прежде идутъ эти «показанія». Имъ надо вѣрить Если же они не будутъ заслуживать вѣры, тогда обращаются къ присягѣ. Присяга сторонъ является, такимъ образомъ, дополненіемъ къ доказательствамъ перваго рода. Что́ же такое доказательства перваго рода, эти «показанія явленыя»? На основаніи противоположенія ихъ присягѣ сторонъ думаемъ, что «показанія явленыя» суть матеріальные слѣды событія и показанія стороннихъ лицъ. Такъ понимаетъ и Эверсъ. Всѣ возможные виды суда Божія, извѣстные нашему древнему праву, сюда не подойдутъ. Ихъ, во-первыхъ, очень трудно разумѣть подъ внѣшними (явленыя) проявленіями (показаніями) дѣла, и во-вторыхъ, отъ суда Божія невозможенъ переходъ къ присягѣ сторонъ.

Вотъ, кажется, настоящій смыслъ этого мѣста. Какое же это право—русское или греческое? Древнее русское право, также какъ и греческое, знаетъ внѣшніе признаки дѣла и присягу, но, въ отличіе отъ греческаго, оно было въ сильной степени проникнуто элементомъ чудеснаго. У насъ употреблялась не одна присяга, но и суды Божіи. Эти послѣдніе смысломъ статьи не допускаются. Если въ статьѣ и есть русское, то опять не все русское, а только то изъ него, что̀ подходило и къ греческимъ понятіямъ. Смыслъ статьи совершенно соотвѣтствуетъ порядкамъ греческимъ, русскимъ же только отчасти. Это и понятно: не могли же греки допустить судовъ Божіихъ. Думаемъ, что они не допускали и нѣкоторыхъ другихъ доказательствъ, извѣстныхъ на Руси, напримѣръ, помощниковъ на судѣ.

Далѣе. Что̀ значитъ «а ему же начнуть не яти вѣры»? Кто можетъ отвергать своимъ невѣріемъ «явленыя показанія»? Эверсъ думаетъ, что это друзья и соотечественники, вѣроятно, имѣвшіе право участвовать въ судопроизводствѣ

и не хотѣвшіе согласиться на обвиненіе истца. Для Руси такая постановка древняго процесса весьма вѣроятна. Но можно ли думать, что въ Греціи русскимъ было предоставлено право по усмотрѣнію своему отвергать доказательства, представленныя истцомъ? Это весьма сомнительно.

Судъ въ Греціи, какъ мы видѣли, происходитъ передъ греческимъ чиновникомъ; оцѣнка доказательствъ, конечно, принадлежитъ ему. Если онъ найдетъ, что они недостаточны, то присуждаетъ присягу.

Кому же дается присяга? Въ текстѣ сказано: «да клянется часть та, иже ищеть неятью вѣры». Отъ слова «ищеть» у насъ обыкновенно заключаютъ, что присягаетъ истецъ, и что эта присяга дополнительная. Но на языкѣ нашихъ древнихъ памятниковъ истецъ и отвѣтчикъ еще не различаются. Отвѣтчикъ тоже называется истцомъ. Выраженіе «иже ищеть неятью вѣры» намъ совершенно непонятно. Но на основаніи «ищеть» нѣтъ еще повода заключать къ истцу. Слова же «да кленется часть та, которая»... даютъ поводъ думать, что присяга можетъ быть присуждена и той и другой сторонѣ, то-есть, истцу или отвѣтчику, смотря по ходу дѣла. И дѣйствительно, въ договорахъ мы имѣемъ случай очистительной присяги отвѣтчика. Лицо, обязанное уплатить истцу 5 литръ серебра, выдавъ ему все свое имущество и снявъ съ себя то самое платье, въ которое было одѣто, освобождается отъ всякаго дальнѣйшаго взысканія, если подтвердитъ присягою свое заявленіе о томъ, что у него ничего нѣтъ болѣе.

Примѣръ дополнительной присяги даетъ договоръ 945 года въ искѣ бѣжавшаго раба. Если бѣжавшій отъ русскаго рабъ не розысканъ, фактъ бѣгства считается сомнительнымъ, хотя онъ, конечно, удостовѣренъ показаніемъ хозяина и другихъ русскихъ (надо думать, что русскимъ не очень въ Константинополѣ вѣрили); чтобы получить удовлетвореніе изъ императорской казны, хозяинъ бѣжавшаго раба долженъ былъ присягнуть.

Смыслъ разобранной статьи будетъ такой: иски доказы-

ваются (и опровергаются) матеріальными слѣдами событія и показаніями стороннихъ лицъ; если судья найдетъ эти доказательства недостаточными, онъ присуждаетъ присягу— дополнительную или очистительную, смотря по обстоятельствамъ дѣла [1]). Изъ этого общаго правила двѣ только что приведенныя статьи составляютъ исключеніе. Первою самимъ договоромъ уже предоставлено право присяги обвиняемому, второю истцу.

Мы не будемъ разбирать статьи, относящіяся къ публичному международному праву. Что онѣ также даютъ новое право, это, сколько мы знаемъ, никѣмъ не отрицалось. Мы обратимъ вниманіе только на постановленія о выкупѣ плѣнныхъ.

Установленіе выкупа плѣнныхъ, какъ обязанности, есть мысль греческая. Она вызывалась тамъ религіозными соображеніями и тѣмъ еще, что греческое государство должно было сознавать за собою обязанность заботиться о греческихъ подданныхъ, попадавшихъ въ плѣнъ къ варварамъ. У насъ не было ни того, ни другого условія для туземнаго возникновенія идеи о выкупѣ плѣнныхъ. Позднѣе, подъ вліяніемъ христіанства, эта человѣколюбивая мысль дѣлается и русской. Договоры впервые заносятъ ее къ намъ. Но они относятся къ ней не одинаково. Въ первомъ договорѣ идея выкупа проведена гораздо сильнѣе, чѣмъ во второмъ. Статья «Аще полоняникъ обою страну» и пр. возлагаетъ на русскихъ и на грековъ обязанность выкупать плѣнныхъ грековъ, гдѣ бы они ихъ ни нашли, и возвращать ихъ на родину [2]). Второй договоръ этой статьи не повторяетъ и ничего не говоритъ объ обязанности выкупа; онъ опредѣляетъ только цѣну, по которой должны быть выкуплены плѣнники, приводимые русью въ Грецію. Чѣмъ объяснить эту разницу? Эверсъ высказываетъ мысль, что договоръ

[1]) Иначе толкуетъ эту статью М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ прим. къ 3 ст. договора.

[2]) Мы держимся толкованія этой статьи, предложеннаго С. М. Соловьевымъ.

945 года есть только дополнительный къ первому, а потому содержитъ однѣ прибавочныя статьи, дополняющія или измѣняющія статьи договора Олега. Съ этой точки зрѣнія, статьи договора 911 года, не измѣненныя договоромъ 945 года, продолжаютъ дѣйствовать, хотя бы и не были повторены [1]).

Вопросъ о взаимномъ отношеніи двухъ договоровъ, въ текстѣ которыхъ это отношеніе не выяснено, всегда представляетъ большія трудности. Споры, легко возникающіе изъ такого положенія дѣлъ, могутъ быть разрѣшены только новымъ, дополнительнымъ соглашеніемъ. Къ мнѣнію Эверса трудно присоединиться потому, что въ обоихъ договорахъ есть постановленія, въ которыхъ нельзя усмотрѣть никакого различія. Если въ одномъ случаѣ нашли нужнымъ повторить старое правило, отъ чего же не сдѣлано этого и въ другомъ? Кромѣ того, договоръ 945 года ссылается иногда на прежній миръ, прямо подтверждая его статьи. Если такой подтвердительной ссылки нѣтъ, это значитъ, что составители новаго договора не находили нужнымъ настаивать на сохраненіи той или другой статьи перваго мира. Надо думать, что постановленіе, возлагающее на русскихъ обязанность выкупать греческихъ плѣнныхъ, не повторено съ намѣреніемъ, и именно потому, что опытъ доказалъ всю его непрактичность.

Значеніе договоровъ съ греками, какъ источниковъ нашего права, сводится, слѣдовательно, къ тому, что они даютъ намъ новое право, проникнутое греческими понятіями. При составленіи договоровъ принимались въ соображеніе и рус-

---

[1]) Стр. 139 и сл. Предположеніе Эверса вполнѣ принято Тобиномъ, который въ своемъ изданіи договоровъ не нашелъ даже нужнымъ издать договоръ 945 года съ сохраненіемъ свойственной ему послѣдовательности статей, а отпечаталъ его въ порядкѣ статей договора Олега, въ видѣ приложенія къ нему. Такой взглядъ едва ли правиленъ. Источники говорятъ не о дополненіи къ прежнему миру, а объ обновленіи его. Старый миръ пришелъ въ забвеніе, онъ не исполнялся, а потому и оказалось нужнымъ возобновить его, а не дополнить только.

скіе обычаи, но они вносились въ договоръ лишь по столько, по скольку не противорѣчили стремленію грековъ возложить узду на примитивные нравы руси. Греки существенно видоизмѣнили всѣ тѣ русскіе обычаи, которые были запечатлѣны началомъ самоуправства. Договоры являются древнѣйшимъ памятникомъ чужеземнаго вліянія на наше національное право. Предки наши, нападая на Грецію, обогащались не однимъ только золотомъ, паволоками, овощами и виномъ. Они обогатились и новыми правовыми идеями, выработанными гораздо болѣе развитою жизнью, чѣмъ та, которую они знали у себя дома. Правда, новыя начала, занесенныя въ договоры, не предназначались для дѣйствія въ Кіевѣ, Черниговѣ и другихъ русскихъ волостяхъ; но все же они не могли пройти у насъ незамѣченными. Послы и гости, участвовавшіе въ составленіи договоровъ (а ихъ было не мало, въ договорѣ 944 года ихъ поименовано около 50 человѣкъ), имѣли, конечно, о каждой статьѣ договора обстоятельныя пренія, которыя должны были выяснить настоящій ея смыслъ. Принявъ всѣ греческія новизны, эти послы и гости явились естественными распространителями новыхъ идей среди русскаго общества. Всѣ отправлявшіеся въ Грецію гости должны были, въ личномъ своемъ интересѣ, знакомиться съ содержаніемъ договоровъ, опредѣлявшихъ ихъ права и обязанности во все время пребыванія въ Константинополѣ. Съ новыми порядками, ожидавшими ихъ въ Греціи, они могли ознакомиться полнѣе, чѣмъ это возможно теперь для насъ, такъ какъ кромѣ текста они могли черпать свои свѣдѣнія и изъ живого преданія, которое шло отъ непосредственныхъ участниковъ въ составленіи договоровъ. Новыя идеи, распространявшіяся среди наиболѣе дѣятельныхъ, передовыхъ людей древняго русскаго общества, не оставались, можетъ быть, безъ нѣкотораго вліянія и на русскую туземную практику. Вліяніе греческихъ правовыхъ идей на наши обычныя могло начаться еще до принятія христіанства и до перенесенія къ намъ духовенствомъ греческихъ сборниковъ права.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка* сверху:	*Напечатано:*	*Должно читать:*
49	15	всѣмъ	всѣмъ
53	3	будетъ	будутъ
56	7	право	въ право
58	12	слоевъ	словъ
71	11	шести	мести
82	Примѣч.	До 65 г.	До 65-й
		за 65 г.	за 65-й
		Статья 65 г.	Статья 65-я
87	26/27	остановилъ	оставилъ

Изданіе помѣщается въ книжн. складѣ типогр. М. М. Стасюлевича.
С.-Петербургъ, Вас. остр., 5 лин., 28.